Георгий Тушкан

ДЖУРА



Библиотека приключений




Библио-
тека
приклю-
чений





Библиотека приключений

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»
МОСКВА
1966



Георгий Тушкан

ДЖУРА



Р2
Т92

Издание переработанное
и дополненное

Рисунки И. НЕЗНАЙКИНА

Оформление Ю. КИСЕЛЕВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ «ДЖУРЫ»

Мы познакомились с Георгием Павловичем Тушканом вскоре после Великой Отечественной войны. Он жил тогда на улице Воровского, неподалеку от Арбатской площади. У входа в его небольшую комнату висело огромное фитильное ружье-карамультук, окованное железом. Георгий Павлович привез его с Памира. Таким ружьем был вооружен самый любимый его герой — Джура.

Каждый раз, когда я приходил к Тушкану, я с большой осторожностью открывал дверь его комнаты, не без оснований опасаясь падения на свою голову столь внушительного огнестрельного приспособления. Внушала мне почтение и шкура снежного барса, с трудом помещавшаяся на одной из стен. Барса этого Тушкан убил на Памире.

На другой стене комнаты раскинул свои могучие крылья филин. У стола, заваленного книгами и различными справочниками, стоял стул, ножки которого были сделаны из рогов оленя, а спинка из рогов лося. Все свободные углы комнаты были заставлены уже вполне современными охотничьими ружьями и рыболовными принадлежностями, а на диване, в непринужденной позе, всегда лежал любимец хозяина — красавец курцхар, по кличке Майк.

Я тогда уже знал Георгия Тушкана как автора «Джуры», и потому такая обстановка меня ничуть не удивила, ибо трудно было представить себе жилище создателя этого романа каким-либо иным. Во всяком случае, изящный кабинет, пусть даже с экзотическими безделушками, удивил бы меня, наверно, больше, чем эта маленькая, скромная комнатка, довольно беспорядочно забитая книгами и охотничьими трофеями.

Наверно, необязательно писателю, пишущему приключенческие романы, вести жизнь, подобную жизни своих героев, — быть путешественником и охотником, исследователем и воином. Однако когда из краткой биографической справки мы узнаем, что автор книг, описывающих приключения охотников на тигров или охотников за «Фау», сам охотился и на тигров и за «Фау», мы проникаемся не

только бо́льшим доверием к его произведениям, но и чувством глубокого уважения к самому автору.

Таким писателем-жизнелюбом, человеком, одержимым страстью «к перемене мест», охотником и рыболовом был всю свою жизнь Георгий Павлович Тушкан Он исколесил почти всю нашу огромную страну, побывал в Ливане, Египте, Бельгии, Франции, Италии, Греции, Турции и Соединенных Штатах Америки.

Несколько лет проработал он на высокогорной комплексной станции на Памире, а затем много путешествовал по Средней Азии. Присматривался к жизни людей, охотился, наблюдал повадки животных, изучал историю населяющих Среднюю Азию народов В результате этих наблюдений и впечатлений в 1937 году появляется первая его книга «Голубой берег» А потом, в 1940 году, — роман «Джура», выдержавший у нас в стране около десяти отдельных изданий и переведенный на многие языки.

Английское издательство в своем предисловии к «Джуре» называет Георгия Тушкана советским Фенимором Купером и сообщает своим читателям, что «со времени «Последнего из могикан» мы не читали повести, так насыщенной волнующими происшествиями и оригинальными характерами, как «Джура»

Чем же этот роман привлек общее внимание? Почему так основательно вошел в круг чтения молодежи?

Конечно же, им полюбился главный его герой, молодой киргиз-охотник Джура, перенесенный ветрами революции из патриархально-родового строя в наше советское время Но не только этой удивительной метаморфозой примечателен роман Георгия Тушкана. Главная удача автора и причина популярности его произведения в убедительности становления характера Джуры Весь его нелегкий путь от простого юноши-охотника, опутанного вековыми предрассудками, до сознательного, закаленного во многих отчаянных схватках с басмачами зрелого батыра, поверившего в великие идеи революции, рисует Георгий Тушкан с большим правдоподобием

А сформироваться в такого батыра Джуре было нелегко. Но его индивидуализм ломала сама жизнь, стремительный поток революционных событий, в водовороте которого оказался и он, и невеста его Зейнеб, и многие другие жители маленького, затерявшегося в горах Памира кишлака Мин-Архара Их судьбы тесно переплелись с судьбами геолога Юрия Ивашко, начальника пограничной охраны Максимова, старого чекиста Козубая и бойцов его добровольческого отряда

Многому научился не только у этих людей, но и у своих врагов, не знавший прежде ничего, кроме личных желаний, горячий, несдер-

жанный Джура За многое пришлось ему поплатиться и во многом разувериться, прежде чем прийти к мудрой мысли:

«Моя жизнь, как ручей Если сольюсь с другими ручьями, то буду силен и быстр, как горный поток, смогу горы ворочать, а один и камня не сдвину»

Роман «Джура», как мы говорили, впервые был опубликован в 1940 году, перед самой войной А в 1941-м автор его, Георгий Павлович Тушкан, ушел добровольцем на фронт Многие сотни километров прошел он по нелегким дорогам Великой Отечественной войны После одного из тяжелых боев вступил в партию Был ранен и тяжело контужен В последние годы служил помощником начальника оперативного штаба 52-й армии. Занимался поисками баз немецкого ракетного оружия Этот период армейской службы Тушкана отражен в его книге «Охотники за «Фау», вышедшей из печати в 1961 году.

А до нее выходили повести и романы: «Разведчики зеленой страны», «Черный смерч», «Птицы летят на север» В них был отражен его жизненный опыт охотника и рыболова, неутомимого путешественника, его обширные познания в области агробиологии — он окончил Харьковский сельскохозяйственный институт и работал несколько лет в системе Академии сельскохозяйственных наук.

Последней книгой, вышедшей при жизни Георгия Тушкана, была повесть «Друзья и враги Анатолия Русакова». Она посвящена проблеме гражданского мужества в борьбе с преступностью Автор изучил эту проблему с присущей ему обстоятельностью Ездил по исправительно-трудовым колониям, встречался с работниками оперативных и следственных органов милиции и прокуратуры Книга эта вышла недавно в новом, основательно переработанном издании

Жизнь Георгия Павловича Тушкана была жизнью писателя-бойца, писателя-труженика Он и умер как боец: не в постели, а в пути, по дороге в издательство, он вез туда рукопись своего нового романа «Первый выстрел» и умер внезапно, как от пули, попавшей в сердце, — сказались фронтовые ранения

Последний роман Тушкана посвящен годам революции и гражданской войны, годам его комсомольской молодости

Георгий Павлович Тушкан был одержим тем любопытством и любовью к жизни, без которых не создаются настоящие произведения Он многое повидал, многое знал, и у него было что рассказать своим читателям.

Николай Томан

Вместо предисловия

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома.
Что, как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев, раздаются, —
Вам принес я эти саги.

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, —
Вам из диких стран принес я
Эту песнь...

Лонгфелло



Часть первая

ЗАТЕРЯННЫЙ КИШЛАК

I

Над горами Памира студеная и безмолвная ночь. Неприступные, скалистые громады гор, закованные в панцири изо льда, то голого, то засыпанного снегом, грозно высятся над облаками одна выше другой. Здесь нет лесов. Только кое-где на склонах темнеет арча [1] да в саях — долинах высокогорных рек — виднеются заснеженные кустарники — тугаи. Ярко сверкают звезды. Снег отражает их свет, и за сиянием света не заметен засыпанный снегом кишлак, приютившийся на крутом склоне горы.

---

[1] Арча — можжевельник, род вечнозеленых хвойных деревьев и кустарников.

У самого края пропасти, на выступе, еле виднеются пять сложенных из камней хижин, по крышу утонувших в снегу. На очищенной от снега плоской крыше самой большой хижины-кибитки, поджав под себя ноги, съежившись, сидит на шкуре барса аксакал[1] Искандер. Закутавшись в теплый горностаевый тулуп, старик сидит неподвижно. Рядом с ним лежат два огромных волкодава.

Аксакал Искандер молчит. Молчат собаки. Молчат горы.

Тишина...

От тишины звон стоит в ушах старика. Ничто не шелохнется. Воздух как будто застыл темной стеклянной массой среди гор-великанов. Падающие звезды разрезают небосвод огненными мечами, и тогда на мгновение из тьмы возникают крыши кибиток и снова исчезают.

Далеко в горах что-то прошумело. Будто вздохнул великан. Собаки вздрогнули и насторожились. Аксакал пристально всматривается в черные тени гор. Но вокруг все безжизненно и мертво. Аксакал глубоко вздыхает. Мучительное ожидание неведомого томит его. Старик охотно остался бы в кибитке, у костра, но событие, взволновавшее весь кишлак, заставило его вылезти наверх.

Опять прошумело где-то в горах. Аксакал покачал головой, насыпал на ладонь из каменной бутылочки, зажатой в левой руке, щепотку насвоя — зеленого табачного порошка, смешанного с золой, — бросил его под язык и начал сосать. Рядом завозился, застучал лапами о крышу пес Одноглаз. Его шерсть в крохотных сосульках льда зашелестела и зазвенела.

И снова наступила тишина.

Скоро из-за гор выплывет луна. Горы так высоки, что даже тучи редко поднимаются выше их. Иногда тучи плывут беспрерывно, гряда за грядой. Цепляясь за горы, они рассыпаются снегом и оседают изморозью на вершинах. И наконец на горе вырастает купол изо льда: это висячий ледник Аксакалу около ста лет. Он верит, что там, на леднике, живет Каип — хозяин всех зверей. Где-то там, в высокогорье, обитают дикие горные люди, снежные люди, которые бросают в неугодных им куски льда.

---

[1] Аксакал (дословно. белобородый) — глава рода.

Аксакал вздыхает. Его дряблое тело сотрясает озноб. Но не от холода знобит аксакала, а от страха. Стоило ли всю жизнь бороться за то, чтобы стать главою рода? Стоило ли жить так долго? Искандеру кажется, что он прожил две жизни. Только такая девчонка, как пятнадцатилетняя Зейнеб, не пострадавшая еще от своеволия духов зла, может думать, что впереди ее ждут одни радости. Только такой сорванец и удачливый охотник, как Джура, не успевший еще рассердить Каипа, покровителя диких козлов — кииков и диких баранов — архаров, Джура, в которого духи еще не швыряли камнями с гор, не засыпали обвалами и не хватали за ноги при переходе горных рек, мог считать прожитый год за один год жизни. Да и жизни у Джуры — что у молодого барса. Что они знают? Что видели они за годы, проведенные в этих горах? Девятнадцать однокишлачников да неразговорчивого купца с проводником, когда на полмесяца открывался восточный перевал.

Давно-давно, полтора века тому назад, как рассказывали отцы и деды, в горах случилось землетрясение. Сплошные льды, разорвались, непроходимое ущелье отрезало кишлак Мин-Архар от северных гор. Люди лишились тропы и потеряли связь с миром. Только две купеческие семьи прознали туда иной путь, но они, жители далекой Ферганы, хранили это в тайне. Купеческий род обогатился и возвысился, вывозя из затерянного кишлака золотой песок, дорогие меха и драгоценные камни.

И каких только ужасов не рассказывали купцы о дороге, чтобы отбить охоту у кишлачного аксакала когда-нибудь спуститься с гор! И о драконах, оберегающих перевалы, и об огромных змеях на тропинках, и о водяных конях, выходящих ночью из горных озер. По их словам, все злые духи мира станут на пути человека, который пожелает уйти из кишлака.

Убедить старика было нетрудно. Искандер всего страшился. Больше всего старик боялся вторжения чужестранцев. Перед купцами он старался ничем не выказать своего страха.

Чтобы не дать повода к их неудовольствию и гневу, Искандер мгновенно соглашался с любой небылицей, выдаваемой гостями за истину. Купцы называли свое

местожительство страной драконов, где пришельцев ждет смерть. Искандер отнюдь не был намерен смущать совесть гостей вопросами. Поэтому, едва купцы раскрывали рот, старик беспрестанно кивал головой, со всем соглашаясь.

Уже не первый год купцы приезжали не из Ферганы, а из Кашгарии, «Страны семи городов», лежащей восточнее Памира. Там обосновались они, убежав из Ферганы через три года после Октябрьской революции.

Ничего этого Искандер не знал. Однако, умудренный опытом, он чувствовал неискренность гостей и все же не переставая кивал головой, соглашаясь.

Между тем слова о чудесных знамениях, предвещающих скорый конец мира, и разговоры о тщете всех земных благ звучали не так-то убедительно. Купцы утверждали, что за горами пушнина и золото давно обесценились, а рубинами играют дети. Но вид золотого песка заставлял дрожать пальцы приезжих, а игра кроваво-красных камней зажигала блеск в их глазах. Это замечали даже наивные обитатели кишлака...

Три года назад Тагай, проводник купца, спрятал в длинный рукав несколько рубинов. Возмутясь, аксакал схватил вора за руку, но Тагай шепнул ему: «Ага-хану, в Бомбей». Старик испугался. А когда Тагай грозно спросил, откуда у старика треугольный матерчатый талисман[1], Искандер совсем помертвел от страха и почти даром отдал пушнину.

Не мог же он рассказать ему правду!

...Это было давно. Искандер, охотясь в горах, нашел неизвестного человека и принес его в кишлак. Незнакомец лежал без сознания, лицо его было в крови. Одна рука и три ребра сломаны. Все тело было покрыто ссадинами. Очнувшись, он очень удивился, когда ему сказали, что это единственный кишлак, оставшийся в горах после давнего землетрясения. Отказ стариков тотчас же сообщить о нем куда-то за горы разгневал его. Сначала пришелец уговаривал, потом просил и наконец начал угрожать. Он киргизского рода Хадырша,

---

[1] Талисман — предмет, который, по понятиям суеверных людей, приносит счастье, удачу.

принадлежит Худояр-хану, владыке и повелителю великого ханства Кокандского. Горцы осмелились сказать, что впервые слышат о таком.

Пришельца еще больше рассердило грубое невежество горцев, не осведомленных о славных подвигах Худояр-хана, завоевателя. Или горцы хитрят, ссылаясь на свою неосведомленность? Пришелец не жалел слов, прославляя бездну мудрости и безмерную отвагу Худояр-хана и преданность его управителей: кушбегов, хакимов, датха и беков. Пришелец рассказывал о величайшей верности своему хану всех узбеков и казахов, киргизов и таджиков, жителей таких больших городов, как, например, Ташкент, Алма-Ата, Чимкент, а также всех селений; рассказывал о верности обитателей Ферганской, Чуйской и иных долин; рассказывал о верности всех кочевников Тянь-Шаньских и Памирских гор. Пришелец умолчал о частых войнах и междоусобицах, о борьбе киргизов за свою свободу. Себя он объявил ульбеги — оком и ухом Худояр-хана, поэтому и его, ульбеги, слово — это слово, идущее от хана. А слово хана — закон для всех.

Отныне киргизы, живущие в кишлаке Мин-Архар, — послушная глина в руках властителя душ, да продлит бог его долголетие.

Худояр-хан милостив, он построил крепость в Алайской долине, чтобы охранять их от врагов, и разрешает киргизам пользоваться принадлежащим им скарбом и скотом. Отныне обитатели кишлака должны посылать джигитов в войско хана и платить налоги: тюндюк-зякет — подымный сбор с каждой юрты; кой-зякет — налог с овцы; битир — налог с каждой души; ушур — налог с дохода во славу ислама, и все другие налоги, в частности харадж — сбор с земледелия.

— И если, кроме этих налогов, вы не будете отдавать положенную часть зякетчи — сборщику налогов — и скроете от зякетчи хотя бы колос пшеницы, с вас строго взыщется. Неплательщики налогов заживо сгниют в зиндане[1].

— Колос пшеницы? Мы не знаем колосьев. Мы скотоводы, — отвечали ему старики, — а воды и земли кру-

[1] Зиндан — тюрьма-колодец.

гом много. Мы вольные горцы вольных гор и не нуждаемся в защите. Мы никому не платим зякет и платить не будем. Мы не знаем Худояр-хана. Кто это — бог?

Пришелец с любопытством разглядывал камень, а потом спросил Искандера:

— Где нашел ты этот камень?

Не получив ответа, пришелец приподнялся на здоровой руке. Он снова начал кричать и грозить гневом эмира.

— Замолчи! — сказал ему тогда глава рода. — Жаль, что снег не засыпал твой рот! Твои слова — слова дурного человека. А дурному человеку никто не должен делать ничего хорошего. Ты умрешь сейчас и не успеешь наслать беду на наши головы. Мы не знаем и знать не хотим Худояр-хана. Мы — вольные люди гор, уясни себе это, человек с языком змеи. Помолись перед смертью...

В ответ на это пришелец громко сказал, пытливо вглядываясь в лица окружающих:

— Люби свою веру, но не осуждай другие!

Мужчины ничего не ответили.

Трижды пришелец повторял эти слова и не получил желаемого ответа. Значит, люди, окружавшие его, не знали этот исмаилитский пароль. И тогда пришелец сказал так:

— Я — посланец живого бога на земле и посвящу вас в великие тайны мира. Знайте: я послан к вам по воле Исмаила и Алия, истинных пророков аллаха. Все, что я говорил вам о Худояр-хане — да будет проклято его имя! — пустые слова. Я испытывал вас, ибо наша вера тайная и своих мы узнаём только по секретным словам. Мы все — большая сила. Мы направляем пути народов, помогаем своим и уничтожаем тех, кто мешает нам. Остерегайтесь же поднять руку на посланного живым богом. Не спешите убить меня, пока я не передам вам истинное учение, а потом поступайте так, как подскажет вам ваша совесть.

Пришельца оставили жить. В часы, когда он бодрствовал, все старики приходили слушать его, хотя и трудно было понять его речь. Ночью, в часы беспамятства, он метался, выкрикивая непонятные слова. Идыге, глава рода, сидел у его изголовья и, склонившись к губам, слушал...

Когда наконец к пришельцу вернулся здоровый сон и аппетит, Идыге увел Искандера в свою кибитку:

— Ты принес в кишлак этого человека. Ты смутил его дух огнем красных камней. Долгие ночи я подслушивал правдивый шепот его души. Это очень плохой человек. Завяжи ему рот и руки, унеси, откуда принес, и убей.

Искандер повиновался. Там, возле скал, он не торопился с убийством и терпеливо слушал сбивчивую речь пришельца. За свою смерть пришелец грозил ужасным отмщением, которое придет от Ага-хана из Бомбея. Много непонятных слов сказал тогда пришелец. Из его холодеющего кулака Искандер вынул треугольный предмет. Он никому не показал его, решив, что это чудодейственный талисман...

Шли годы. Искандер никогда не расставался с амулетом, а когда сам стал аксакалом, то перестал его прятать от людских глаз. Амулеты против «дурного глаза», против болезней, против козней злых духов носили все: мужчины, женщины, дети. Но именно на этот самый амулет вдруг обратил внимание Тагай, проводник купца.

Что мог ответить Искандер на его вопрос? Пристально глядя на старика, Тагай сказал памятные старику слова: «Люби свою веру, но не осуждай другие». Старик был потрясен, но на просьбу подарить талисман ответил отказом. Ночью Тагай даже пытался выкрасть его, но старик спал чутко.

Аксакал хорошо запомнил слова Тагая:

— Хозяин придет за талисманом из-за гор. Лучше отдай. Беда будет.

— Какая беда? — спросил тогда аксакал.

— Большая кровь.

Все удачи в своих делах аксакал приписывал талисману и не хотел расстаться с ним. Тагай уехал рассерженный, осыпая старика проклятиями и угрозами. С тех пор прошло три года. Искандер все ждал. И вдруг сегодня на склонах северных гор, откуда нет пути, появились неизвестные люди. Их-то появление и заставило старика прервать еду, влезть на крышу и еще раз вспомнить далекое прошлое.

«Кто же они, эти неизвестные люди, и откуда? — думал аксакал, вспоминая слова Тагая о «большой крови». — Куда идут? Что им нужно?»

Днем он послал Джуру, юного, но смелого охотника, выследить неизвестных людей. Теперь старик ждал его возвращения и думал.

Никто не пойдет в зимнее бездорожье в эти страшные горы. Видимо, эти люди имели какую-то цель, но какую?

Звезды потускнели и почти исчезли за черным пологом неба.

Из-за граней висячего ледника, как из огромного бриллианта, брызнули потоки радужных искр: всходила луна. Черные тени поползли из ущелья.

Издалека донеслись выстрелы. Волкодавы прыгнули с крыши в темноту и с лаем помчались вперед, навстречу неведомому врагу. Радужные вершины затуманились. Над ними взвилась снежная пыль, сваливаясь клубами вниз. Раздался мощный гул. Он ширился, рос, давил и потрясал: громадная лавина сорвалась с горы.

Кибитка, на которой сидел аксакал, затряслась. Старик Искандер задрожал. Он хотел крикнуть и убежать, но от страха отнялись ноги, не было сил вздохнуть, будто его окунули в ледяную воду. Порыв ветра ударил аксакала, сорвал с головы лисью шапку. Снежная пыль бешено металась в воздухе, заволакивая все белой пеленой.

Когда грохот обвала затих, из кибитки через дымоход донесся визг перепуганных женщин и лай собак.

— Замолчите! — гневно крикнул аксакал, приходя в себя, и натянул на уши шапку.

Но долго еще снизу доносился приглушенный шум взволнованных обитателей кишлака. Женщины голосили и стонали. Они вспоминали трех мужчин, трех последних кормильцев кишлака, погибших этой осенью под обвалом. В крайней кибитке плакала Айше. Она была уверена, что ее сын Джура погиб под обвалом. Она рвала на себе волосы и приговаривала:

— Мой Джура подобен батырскому сыну: если не буду петь, будет болеть его сердце. Сын мой, что же я сделаю? Если не помяну сына, будет болеть у него сердце... Ох, сын мой, Джура, что же я сделаю?..

Что, если... Аксакал глубоко вздыхал и вглядывался в знакомые очертания гор. Теперь его тревожила мысль, что Джура мог погибнуть под снежной лавиной. А Кучак? Да разве он мужчина? Ведь если Кучака даже ночью ударить по шее, то и тогда он не рассердится. Еще десять лет назад аксакал сам охотился в горах, добывал золото, рубины и продавал их купцу. Однако вот уже тридцать два зуба выпали у аксакала, отвисающую нижнюю челюсть пришлось подвязывать лентой из конского волоса и шелка...

Много горестных дум передумал Искандер, пока луна поднималась на небе.

Неожиданно Бабу, черная охотничья собака Джуры, вспрыгнула старику на колени и лизнула его в нос. Искандер испуганно вскочил и замахнулся на нее, но она завиляла хвостом. Значит, Джура был жив.

Издали послышалась песня. И вскоре Джура опустился на корточки возле аксакала. Это был рослый юноша с орлиным носом и быстрыми глазами. Он оборвал песню, едва завидев аксакала: не подобает серьезному мужчине петь, как мальчишке. Они вместе спустились в кибитку. Там Айше печально сидела у костра. Она радостно вскрикнула, увидев сына.

— Рассказывай! — задыхаясь от волнения, прошамкал Искандер, схватив Джуру за халат.

— Обычай нарушаешь, — ответил Джура, прищурив глаза. — Напои чаем, потом спрашивай.

После каждой пиалы[1], которую выпивал Джура, аксакал нетерпеливо повторял:

— Что за люди? Куда шли?

— Напои сначала, а потом расспрашивай, — отвечал Джура и подставлял пустую пиалу.

Искандер кряхтел от нетерпения, но наливал. Джура пил медленно, маленькими глотками, стараясь продлить удовольствие. У стены жался дядя Джуры, Кучак, и следил за ним голодными глазами. И ему Джура поднес чаю. Пусть не думают, что он жадный.

Наконец, напившись вдоволь зеленого, драгоценного здесь чаю, хранимого аксакалом для больших праздни-

[1] Пиала — полукруглая чашка без ручки, употребляемая Средней Азии для питья чая.

ков, Джура вытер рот. У аксакала от волнения слезились глаза. Он ждал ответа.

— А теперь накорми меня мясом, я очень проголодался! — неожиданно сказал Джура.

Аксакал даже застонал от злости, но делать было нечего — он хорошо знал упрямого и своевольного Джуру. Старик достал кусок мяса из запаса, хранившегося у него в кибитке, и дал женщинам сварить.

Джура молча ждал, пока сварится мясо. Он знал, что иначе скупой, хитрый и жадный старик, все еще не считавший Джуру взрослым мужчиной, не даст ему и понюхать мяса. Это был своеобразный протест против своеволия богатого аксакала. Джура уже много дней, как и все обитатели кишлака, питался похлебкой из мучнистого корня гульджан. Почти все кутасы[1] и козы еще поздней осенью погибли от джута. Эта смерть от гололедицы случилась потому, что скот не в силах был разбить копытами ледяную корку, чтобы добыть из-под нее траву.

Аксакал жил по заветам предков и сена не запасал. Киики и архары осенью ушли на юг. Кишлак голодал.

Джура ожидал спокойно и важно, как и подобает охотнику, хотя ему и самому не терпелось рассказать об удивительных событиях.

II

В ночь перед обвалом Джуру разбудил голос аксакала. Боясь темноты, он сердито спрашивал у женщин, почему не горят светильники.

— Весь земляной жир кончился, — оправдывались сонные женщины.

— Почему холодно? Почему деревянные камни не горят в очаге? Ленивый Кучак опять принес мало?

Кучак неподвижно сидел в своей кибитке на корточках, устремив глаза на луну сквозь дыру дымохода, и пел легенду «о лунной бабе». Он мог так сидеть часами.

---

[1] Кутас — як, тибетский бык с длинной шерстью на боках и нижней части тела; хвост как у лошади.

Утром к Кучаку пришел Джура и приказал ему собираться. Кучак никуда не хотел идти и визгливо сказал:

— Я заболел, я не могу.

— Ты взрослый мужчина, а не хочешь выполнить даже женскую работу и принести деревянных камней! — закричал на него Джура. — А если ты болен, я пущу тебе, как больному, кровь!

— Нет, я здоров, я здоров! — поспешно захныкал Кучак.

— Тогда собирайся. Поможешь мне сделать новый нож.

Джура и Кучак пошли к обнаженной ветрами скале. Спустившись по узкой щели к трещине, откуда всегда сочилась нефть, они подставили бурдюк и подождали, пока он доверху наполнится «земляным жиром».

Возвращаясь домой, у подножия холма, в яме, они топорами накололи горючего сланца, который называли «деревянными камнями». Пришли женщины и унесли топливо в кибитки.

Позже Джура работал в своей маленькой кузнице. Он делал нож из куска железа, украшая его насечками.

— Глупым делом занимаешься, — сказал Кучак, раздувая огонь в горне.

— Отец мой носил ножи только с насечками, — ответил Джура.

— Так то твой отец — батыр!

— А я не батыр? Тебя одной рукой валю, больше всех могу мяса съесть. Меня все боятся!

— Ну, я тебя переем, — уверенно сказал Кучак, поглаживая отощавший живот. — А вот сколько врагов ты убил?

— Я еще убью. Я много убью! — гордо ответил Джура.

Они заспорили, и рассерженный Джура в гневе намял бы Кучаку бока, если бы тот вдруг не показал на Бабу.

Огромная черная охотничья сука дремала, свернувшись калачиком. Ее короткий, обрубленный хвост напрягся и приподнялся. Бабу дремала, но ее уши насторожились и повернулись в сторону наружной стены, заваленной снегом, верхняя губа злобно поднялась, об-

нажив клыки: Бабу чуяла приближение врага. Она вскочила, подошла к стене и, опустив голову, стала напряженно вслушиваться. Потом тихо зарычала. По этому еле слышному сигналу все кишлачные собаки злобно и вызывающе залаяли.

Джура прислушался, но не заметил ничего подозрительного. Все же, зная, что Бабу улавливает много таких звуков, которых никогда не услышит человек, он быстро влез на крышу и внимательно осмотрел все вокруг. На занесенных снегом горах никого не было видно. Но собака, влезшая вслед за Джурой на крышу, подняв уши, пристально смотрела на север. Джура посмотрел туда и удивился: невдалеке от Сурковой скалы шевелились черные точки.

— Люди, люди с севера! — крикнул Джура.

— Как — с севера? — спросил Кучак.

Непроходимые пропасти преграждали на севере путь к кишлаку.

Кучак последовал за Джурой, бормоча:

— Это горные люди. Они пасут стадо козлов. Теперь ты убьешь самого большого козла, и мы не будем больше голодать.

— Открой шире глаза! — сердито сказал Джура. — Там люди и один як. Тебе везде мерещится еда!

— Но с севера к нам нет пути. Купец приезжает осенью с востока.

— А снежный мост, образовавшийся над пропастью после недавнего обвала! Или ты забыл, что по нему ушли дикие козлы?

Кучак похолодел от страха. Джура громко крикнул в дымоход о приближающейся опасности. Всполошились женщины, заплакали дети. Но больше всех встревожился аксакал.

— Неужели наступило время возмездия, пришел час большой крови, которым грозил Тагай? — шептал он.

Аксакал приказал Джуре отправиться на разведку к Сурковой скале, над которой высилась гора Ледяная Шапка. Сначала Джура хотел бежать напрямик, но осторожность победила любопытство. Зачем было наводить врага на кишлак! Джура быстро достиг Сурковой скалы и осторожно пробирался вверх по засыпанному снегом карнизу. Бабу шла впереди. Время от вре-

мени она останавливалась, поджидая хозяина, и нетерпеливо помахивала обрубленным хвостом. Каждый неверный шаг грозил падением в пропасть, и потому Джура внимательно выбирал место, куда поставить ногу. Шаг за шагом он медленно поднимался вверх.

Джура достиг вершины Сурковой скалы и, надеясь, что его в сумерках не будет видно, посмотрел вниз. В наступающей темноте он еле различил трех людей и кутаса. Злобный отрывистый лай чужой собаки раздался совсем близко. Бабу ответила таким же громким и злобным лаем. Джура шепотом приказал ей замолчать и присел за камень, но его уже заметили. Вдруг Бабу попятилась и зарычала. Джура удивился: люди, которых он заметил с крыши, не могли так быстро взобраться на гору. Бабу снова залаяла, повернув голову в противоположную от врага сторону. Опасность, очевидно, была с двух сторон.

«Плохо!» — решил Джура. Он снял со спины старый карамультук — фитильное ружье, высек искру и зажег фитиль.

— Кто ты? — донеслось снизу. — Эй, ты, отвечай, если не хочешь, чтобы твой труп жрали волки! Боишься?

— А кто вы? — громко крикнул Джура.

— Отвечай!

Джура никогда не видал столько чужих людей. Однако первая встреча с ними нисколько не испугала его. Он мог бы уложить их всех поодиночке — им некуда было укрыться. Но, твердо зная, что стрелять здесь нельзя, он потушил фитиль: от выстрела могла сорваться лавина. Не раз затаив дыхание, стараясь не кашлянуть и не чихнуть, проходил он, как тень, у подножия крутых склонов. Над ним свисали огромные ледяные глыбы и снежные сугробы, готовые слететь вниз от малейшего сотрясения воздуха.

Бабу опять грозно зарычала. Невдалеке, на склоне Сурковой скалы, показались два человека с ружьями. Назад пути не было. А снизу пришельцы кричали нестройным хором простуженных голосов:

— Эй, ты! Долго мы будем ждать тебя?

Джура не хотел идти к враждебно настроенным незнакомцам. Путь назад тоже был отрезан. Если бы ему удалось спуститься по крутому склону вниз, он пробрал-

ся бы к дальним камням на подступах к кишлаку и там устроил засаду, не боясь сбвала. Но сезерный склон Сурковой скалы, где он находился, был покрыт очень глубоким снегом. Был только один способ спуститься по такому склону, но его запретил аксакал. «Ты, Джура, последний кормилец кишлака, — говорил аксакал, — и тебе нельзя играть со смертью!» Но сейчас выхода не было.

Джура свистнул Бабу. Повесив за спину карамультук, он подтянул полы халата из кутасьей шерсти, сел на наст и с легким шуршанием сначала медленно, а потом быстро заскользил вниз, в сторону от незнакомцев.

Он скользил по насту все быстрее и быстрее. Сквозь прищуренные веки он видел, как прямо на него несется торчащий из-под снега «каменный палец», и, чтобы не расплющиться о него, Джура изо всех сил затормозил правой ногой, силясь свернуть в сторону.

Пятка пропорола наст, и нога мгновенно ушла в рыхлый снег, взгромоздив впереди несущегося Джуры снежный сугроб. А еще через мгновение он несся на этом сугробе мимо «каменного пальца». Небольшая лавина ломала наст на своем пути и увлекала всё новые и новые массы снега. На этом снежном валу, взмахивая руками, как при плавании, несся Джура.

Стоило только растеряться, перестать управлять движением, и спуск на лавине окончился бы гибелью, к радости злых духов, о чем его не раз предостерегал аксакал. Джуру то подбрасывало в воздух, то швыряло вперед, то зарывало в снег, но вместо ужаса им все сильнее и сильнее овладевал буйный восторг от захватывающей дух быстроты движения... Много раз аксакал запрещал спускаться таким образом с гор, но стремление бороться со стихией и побеждать, радость от сознания своей силы у Джуры были сильнее всего. Джура даже громко засмеялся от восторга...

Вдруг толчок... Удар! Все вокруг снова застыло в неподвижности. Только снежная пыль кружилась в воздухе.

Джура лежал на огромном сугробе, и ему не хотелось шевелиться. Но, овладев собой, он поднялся на ноги. Карамультук лежал рядом. Бабу спускалась с горы в сторону и казалась черной точкой. Взошла луна,

и пришельцы, заметив в сугробе невредимого Джуру, опять закричали. Джура побежал к камням. Незнакомцы дали по нему нестройный залп — и...

Затуманилась ледяная вершина. Взвилась снежная пыль. Что-то загудело, загремело. Сильный порыв ветра так ударил Джуру, что он, как перышко, отлетел далеко в сторону. Громадная лавина, уничтожая на своем пути все, стремительно летела с горы-великана вниз, на метавшихся в ужасе людей...

* * *

Наконец Джура съел последний кусок мяса и вытер жирные руки о голенища мягких сапог — ичигов. Искандер повторил свой вопрос. Джура хотел рассказать обо всем подробно: как шел, что думал, где увидел незнакомцев и что им говорил, как несся быстрее ветра по склону, как сорвалась лавина... Но сдержался и ничего не рассказал — негоже охотнику быть болтливым, как старая баба.

Помолчав, Джура сказал:

— Было трое мужчин. С ними як и одна собака. Всех задавила лавина!

— А других не было? — спросил, кряхтя от волнения, аксакал.

— Других? — нахмурился Джура.

Он вспомнил о двух вооруженных людях, которые стояли на горе невдалеке от него, но, не желая тревожить старика и уверенный в гибели всех, ответил:

— Всех задавило!

— Вай, вай! — застонал аксакал. — Беда никогда не приходит одна!

ТАЙНА ХАМИДА

I

Снежные смерчи метались по Алаю. Вся огромная высокогорная Алайская долина походила на бушующий океан. Зажатая меж Заалайским хребтом с юга и Алайским с севера, эта сквозняковая долина протянулась

почти на сто восемьдесят километров, а в ширину местами достигала более двадцати. Было где разгуляться ветру. Буран неистовствовал.

Горные шквалы срывали со скал неулежавшиеся сугробы и швыряли их вниз. Массы то рыхлого, то плотного снега метались по долине, как вздыбленные волны.

Ураганные ветры, мчавшиеся по склонам гор, врывались в ущелья. Глубокие извилистые теснины заставляли воздушные потоки резко изменять направления. Когда эти воздухопады вылетали на простор, заходя в бок или навстречу другим ветрам, рождались вихри.

Массы снега уносились высоко-высоко на ледники и снова обрушивались вниз тучами снежной пыли. Ветер дул неравномерно. За несколько минут наметало огромные сугробы. Вдруг налетал ураганный ветер и сметал все начисто. А вот перед сугробами, выросшими в густых зарослях облепихи, он был бессилен. Чем сильнее дул ветер и швырял снегом, тем плотнее и выше делались сугробы.

Зато на вершинах холмов и крутых склонах сдувало не только снег, но и песок и мелкие камешки.

В этом снежном вихре, едва заметные, как мошки на стене, двигались всадники. Небольшой караван — охотник, два геолога и двое рабочих — пересекал долину поперек, от Заалайского хребта к Алайскому. Уже давно они должны были выехать на берег реки Кизыл-Су, но буран спутал все их расчеты.

Был конец октября 1929 года. Для Ферганской долины, лежавшей у подножия великих гор, это была пора жаркой осени, а для Алайской долины, поднятой на три тысячи метров над уровнем моря, это было начало студеной высокогорной зимы. Даже летом зима никогда не уходила с заоблачных высот, вечно покрытых снегами. Там умирали и рождались тучи. Там умирали и рождались реки и ветры, оттуда срывались обвалы. Весной, когда пригревало солнце, из-под снега обнажалась долина, исчезал снег на холмах и в предгорьях. Склоны гор обнажались постепенно, будто кто-то медленно втаскивал все выше и выше покрывавшее их снежное одеяло. Затем устанавливалась четкая граница лета и зимы, альпийских лугов и снега. И все же даже летом высокогорная зима напоминала о себе в долине зимним

холодом, студеными ветрами и неожиданными снегопадами. В высокогорьях осень наступает раньше. Еще в Алайской долине зеленела трава, а на склоне гор уже лежал рыхлый снег. Нижняя кромка нетающих снегов с каждым днем спускалась все ниже и ниже. Зима шагала в долину с юга, с вершин Заалайского хребта. Зима шагала в долину с севера, спускаясь по склонам Алайского хребта. И наконец снежный покров в долине сомкнулся.

Эта осень выдалась снежной. Уже две недели как все было бело. Высокогорные перевалы на дороге Ош — Хорог со дня на день должны были закрыться для проезда до весны. Работники золоторазведочной партии Попова — геолог Никонов, его помощники Юрий Ивашко и Федор Лежнев — спешили закончить до закрытия перевалов работы маршрутного характера.

Оставался последний день благополучного пребывания их в Алайской долине. И в этот последний день их настигла беда.

Чтобы закончить в этот день рытье ямы-шурфа в ущелье и взять последние пробы, было решено всем вместе пойти на участок. Охотника Шамши послали за мясом, на охоту в горы. Хотя в горах было неспокойно — кое-где появились басмачи — и геологи спали с заряженным оружием, а ночью дежурили по очереди, включая рабочих, всем так хотелось поскорее закончить работы, что Никонов решился оставить лагерь под присмотром одного Мурзая — переводчика, тихого и услужливого человека.

Утро было чудесное. Небо синее-синее. Снега так искрились, что без темных очков нельзя было смотреть на сверкающие величественные снежные горы. Шамши ошибся, предсказав плохую погоду. У геологов было превосходное настроение. Завтра им предстояло выехать в обратный путь.

Вместе с рабочими все пошли пешком в глубину ущелья, споря по поводу одного научного вывода Юрия, вызвавшего резкие возражения Никонова.

Даже встречаясь каждый день после работы, геологи всегда делятся впечатлениями, радуются и часто гордятся своими находками. А тут было о чем поговорить.

Никонов, высокий, медлительный и очень самонадеянный мужчина, говорил, что не следует из слухов о горных богатствах создавать теории, подтверждая их случайными находками. Тем более, что Памир, по мнению Никонова, беден. Избалованный работой на богатых разработках золота в Сибири, Никонов разделял мнение Де-Лонга о бедности Памира рудными ископаемыми.

Юрий Ивашко запальчиво отвечал, что если геологи еще не изучили как следует Памир, то это не говорит о его бедности. Наоборот, Юрий ссылался на новую теорию Ферсмана, позволяющую делать геологические прогнозы залегания полезных ископаемых и руд.

Так, в спорах и работе, прошел день. Взяв последние пробы, они вернулись в лагерь еще до наступления темноты.

Обе палатки стояли на месте. Как будто ничего не изменилось. Но почему нигде не видно Мурзая? И костер потух. А казан, обычно источавший над огнем аппетитный аромат вареной баранины, лежал опрокинутый.

— Мурзай! — громко позвал Никонов.

Ветер трепал распахнутые полотнища, прикрывавшие входы в палатки. А ведь перед уходом геологи аккуратно зашнуровали вход в палатку, где хранились образцы.

— Сейчас разбужу бездельника! — сердито сказал Федор Лежнев и быстро пошел в ближайшую палатку.

— Не вижу лошадей! — растерянно сказал Юрий Ивашко и показал рукой на ущелье, где обычно паслись лошади.

— Исчезли курджумы! — донесся голос Федора Лежнева.

Он выбежал из палатки и вбежал в другую.

Никонов вынул револьвер, Ивашко сделал то же самое.

— Курджумов нет! Украли! — с отчаянием крикнул Федор, показываясь у входа.

Трудно передать чувства отчаяния и растерянности, овладевшие геологами. Не сговариваясь, молча, они поспешно пошли на ближайшие скалы, чтобы осмотреть окрестности, и сразу же наткнулись на труп Мурзая.

Мурзай лежал в неглубокой канаве. Это была одна из тех старинных канав, которые были проложены в далеком прошлом для орошения полей.

— Эх, бедняга! — сказал Никонов. Он опустился на колени и осмотрел рану.

— Басмачи! — заметил один из рабочих. — Они всегда так.

Геологи перенесли труп к палаткам, положили на землю и сняли ремень, связывающий руки.

— Надо нам что-то предпринять, и быстро! — сказал потрясенный Ивашко.

Геологи считали, что вряд ли басмачам пригодится исписанная бумага. Будь это в спокойной обстановке, они использовали бы бумагу для костра. Здесь, на месте нападения, им некогда было рассматривать содержимое тяжелых курджумов. Но чтобы облегчить груз в пути и тем самым легче уйти от погони, они, конечно, выбросят исписанные тетради.

Хотя бы удалось спасти результаты работы! Но куда отправились басмачи? Следы вели в восточном направлении, то есть к границе. До нее, а значит, и до пограничников километров восемьдесят.

Не оказалось и винтовки Никонова, которую он оставил Мурзаю для охраны лагеря. Выстрелов — сигналов тревоги — они не слышали. Не было рядом с Мурзаем и стреляных гильз. Или Мурзай растерялся и струсил, или его захватили врасплох, обманом.

Надо было организовать погоню. Но что может сделать пеший на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, где невозможно даже без груза ходить быстро! На поиски дневников послали рабочих. С ними пошел Федор с винтовкой, а Никонов и Юрий полезли на гору. Может быть, сверху удастся увидеть в бинокль басмачей?

Был предвечерний час. Дул порывистый ветер. Небо затягивалось тучами. Ветер усиливался с каждой минутой и гнал поземку. Снежная мгла скрывала дали. Бинокль оказался бесполезным.

Внезапная перемена погоды в высокогорье не была новостью для геологов. Здесь даже летом неожиданно выпадал снег и, если солнце грело грудь, спина мерзла. Геологи больше всего боялись, что снег может замести

дневники и карты. Они были убеждены, что басмачи обязательно выбросят бесполезную для них бумагу.

Никонов и Юрий спустились в лагерь. В сумерки вернулся Федор с рабочими. Они тоже ничего не нашли. Об этом крикнул Федор издалека. Был он невысокий, худощавый, смуглый и в пылу азарта, касалось ли это работы или охоты, мог довести и себя и других до изнеможения.

Сейчас они еле передвигали ноги, и, пока дошли до палатки, Федор успел сообщить, как они искали. Геологи были в отчаянии: мыслимое ли дело — лишиться всех результатов работы! Неужели на будущий год начинать все сначала? Собравшись в палатке, при свете фонаря они вспоминали и поспешно записывали результаты работы. Близость басмачей заставляла быть настороже. А вдруг они нападут ночью? Кроме винтовки Федора, у геологов были револьверы. Дежурили по очереди. Всех волновало отсутствие Шамши.

В прошлом боец киргизского кавалерийского дивизиона, он был и охотником, и проводником, и, когда надо, переводчиком, поваром, кузнецом, лечил лошадей и людей, чинил обувь, знал повадки не только птиц и зверей, но и басмачей, он предсказывал погоду — словом, был мастером на все руки. И сейчас все надеялись на его помощь и ждали у палаток.

Шамши пришел ночью. Серого жеребца, навьюченного двумя козлиными тушами, он вел в поводу. Теперь это была единственная лошадь. Винтовка Юрия Ивашко висела у охотника за плечами. Стройный, как и все горцы, закаленный походами, Шамши казался молодым.

Узнав о случившимся, Шамши рассердился. Он без всякого стеснения выругал геологов за беспечность и сказал несколько злых слов по адресу Мурзая. Шамши собрался сейчас же ехать в погоню за басмачами.

Но что мог сделать один Шамши? Посоветовавшись, решили послать Шамши в кишлак у Заалайского хребта за лошадьми и всем вместе преследовать басмачей.

Жаль было незлобивого Мурзая. Басмачи коварны. Злые волки прикинулись овцами. Грабители захватили курджумы, рассчитывая найти в них богатую добычу. Намытое золото они, конечно, возьмут, а дневники и карты им ни к чему. Разве что ими разожгут костер или

выбросят, чтобы легче было удирать. А вдруг басмачи уже выбросили дневники и надо только поехать и подобрать их? Эх, скорее бы ехать!

Шамши вернулся в полдень. Ему удалось перехватить по пути небольшой караван и договориться с ним. Он привел двух лошадей и пять верблюдов. С ним приехал сопровождающий. Это был пожилой киргиз, по имени Джаныбек. С ним же приехали на конях три вооруженных киргиза — разведчики из добровольческого отряда, борющегося с басмачами. Тело Мурзая прикрыли камнями, чтобы на обратном пути Джаныбек отвез его в кишлак к родственникам, которые его и похоронят.

Осмотрев следы, Шамши определил, что было пять басмачей, причем одна из лошадей хромает на правую переднюю ногу. Следы привели к скале, из-за которой басмачи почти сутки, судя по количеству конского навоза, наблюдали за лагерем. Напасть на вооруженных геологов они, видимо, побоялись и воспользовались их уходом.

— Рассчитывали найти полные курджумы золота, — иронически заметил Федор, — а теперь удирают за границу.

Шамши удивляла жадность басмачей — захватили лошадей экспедиции, а даже свою хромую лошадь не оставили.

Не задерживаясь, вся группа двинулась по следам. Следы привели к руслу метров семьсот шириной. В солнечные летние дни, после полудня, здесь неслись мутные талые воды, гремя по дну камнями, а сейчас не было даже ручейка. Отпечатки копыт виднелись на снегу, а где не было снега — то на плотном песке и сдвинутой гальке. Басмачи старались ехать, прячась за высоким берегом, выбирали промоины, лощины, то есть двигались так, чтобы их не заметили.

Как ни всматривались геологи, заезжая за валуны, заглядывая в колдобины, дневников не было видно. Лишь бы не сожгли дневники. Бумага — хорошее топливо.

Следы вели на восток. Через четыре часа путники обнаружили труп освежеванной лошади. Это и была, как сказал Шамши, та самая хромая лошадь. Часть лошадиного мяса басмачи взяли с собой. Костра не разжигали. Видимо, спешили. И нигде ни одного листка из

дневников. Здесь следы раздваивались. Трое басмачей на подкованных лошадях, принадлежавших экспедиции, поехали прямо на восток, двое, с остальными лошадьми, повернули в сторону кишлака Кашка-Су, расположенного в предгорьях Алайского хребта.

Почему басмачи разделились? Может быть, они намеревались оставить часть лошадей у своего человека в кишлаке или неподалеку? Или это только маневр, чтобы разделить преследователей и перестрелять их в засаде? В какой же группе находятся дневники? Все было непонятно.

Надо было спешить. Но ведь скорее, чем идет верблюд, не поедешь. Поэтому Федор Лежнев с тремя джигитами из добротряда, как его сокращенно называли на Памире, поехали на лошадях в восточном направлении, чтобы попытаться перехватить басмачей до того, как они перейдут границу. А Юрий Ивашко, Никонов, Джаныбек и Шамши направились через кишлак Кашка-Су. Здесь же они условились встретиться после преследования басмачей.

II

Юрий Ивашко слыхал о пурге и буранах, сам однажды чуть не замерз, заблудившись во время вьюги, но он даже не представлял себе, что может случиться нечто подобное.

То еле двигаешься по сугробам и сквозь несущиеся на тебя сугробы будто ныряешь в снежных волнах; то выедешь на незаснеженное место, где, казалось бы, легче ехать, но где ветер хлещет по лицу песком и камешками. Приходится прятать лицо за высокий воротник тулупа, но тогда ничего не видно. Хорошо, что весь караван как бы связан веревочкой. Повод от верблюда, находящегося позади, привязан к седлу переднего всадника.

По этим обнаженным, или малозаснеженным, местам и старался вести своих верблюдов Джаныбек на север, в сторону Кашка-Су.

За Джолдываем, сидевшим на верблюде, ехал на сером жеребце Юрий Ивашко с винтовкой. Никонов, вооруженный только револьвером, предпочел ехать на

верблюде. За ним ехали двое рабочих на одном верблюде. Караван замыкал сидевший на верблюде Шамши, вооруженный своим фитильным ружьем — карамультуком, наганом Юрия и длинной палкой. Позади, ныряя в снегу, бежал охотничий пес Кок.

Караван шел медленно. Чем дальше, тем труднее было пробираться через снежные заносы. Они становились выше и плотнее. Все чаще верблюды погружались в снег до живота, останавливались и не хотели идти.

Вот и сейчас верблюды шли как будто по ровному месту, но вдруг верблюд Шамши провалился до ушей. Лощина оказалась забитой глубоким снегом до краев. Верблюд не доставал ногами земли. Он ревел, барахтался и наконец завалился на бок. Загребая ногами, он задел Джаныбека, и тот со стоном отскочил. Все столпились возле упавшего верблюда. Одни утаптывали снег, другие развьючивали. Юрий Ивашко пытался помогать, но только мешал, дергая не за те концы веревок.

Наконец верблюду помогли правильно лечь, снова навьючили, заставили встать. Джаныбек перебрался на другую сторону лощины и тянул веревку, продетую в нос верблюда. Тот не хотел идти, упирался, кричал от страха и боли. Под ударами он двинулся вперед, но, не доверяя коварной глубине, подогнул в коленях передние ноги и, как бы на лыжах, медленно перебрался через снежную трясину. Так же перешли другие верблюды.

У Джаныбека разболелась нога. Впереди поехал Шамши. Перед большими сугробами снега он слезал и с длинной палкой в руке шел вперед. Шамши измерял глубину снега, как делают это матросы на незнакомой реке, с той только разницей, что он искал мелкое место, где могут пройти животные. А пока караван стоял, буран заметал его снегом. Стоило верблюду остановиться — и с подветренной стороны у его ног сейчас же наметало сугробики. Небольшие вначале, они соединялись и вскоре из сугроба торчали только голова и спина животного да туловище всадника.

Стоило лишь начать двигаться — и сугробы, потеряв опору, по частям уносились ветром. Все это отнимало время. А ведь басмачи тоже двигались. Впрочем, снег давно замел их следы, и караван шел в Кашка-Су не напрямик, а там, где легче было пройти.

В начале пути все помыслы Юрия Ивашко, ехавшего разведчиком впереди, были направлены на скорую встречу с басмачами. Вскоре он так явственно услышал невдалеке ржание лошадей и увидел басмачей, притаившихся за валунами, что остановил караван.

— Волки, не бойся! — буркнул Шамши и махнул рукой Джаныбеку, чтобы тот продолжал путь.

Юрий Ивашко чуть не сгорел со стыда. Неужели его могли заподозрить в трусости? Позор! Теперь он ехал рядом и заряженную винтовку держал на луке седла. Напряженное ожидание утомляло, а еще больше утомляли леденящий холод и упругие удары ветра. Казалось, холод проникает даже сквозь швы. И все же Юрию была по душе и эта погоня, и борьба с неистовым бураном. Назойливая строчка не шла из ума: «А он, мятежный, ищет бури». Он хотел только одного — встретить басмачей и показать, на что он способен. Стараясь доказать это, Юрий Ивашко, когда достигли очередного завала, не стал ждать, пока вернется Шамши, ушедший влево, и самовольно поехал вправо. Жеребец прошел всего несколько шагов, и Юрий остался один среди воющего снежного хаоса. Он крикнул. Никто не отозвался. Он снова закричал, и опять никто не отозвался. Он повернул назад, но Серый уперся в сугроб. Молодой геолог испугался. Он поспешно выстрелил вверх, и на выстрел примчался пес Кок. Караван оказался почти рядом. После этого случая юноша уже не чувствовал себя мятежным, ищущим бури. Он повесил винтовку за спину и хотел, как и другие, чтобы буран окончился или хотя бы ослабел.

Чтобы дать Шамши отдохнуть, вести караван напросился Юрий Ивашко. Он слез с жеребца и, взяв у Шамши шест, пошел вперед, путаясь в полах тулупа. Ветер захватывал дыхание, и юноша вскоре выбился из сил и еле брел. Шамши посоветовал сесть на лошадь. Теперь Юрий ехал впереди, прокладывая путь, и волновался, как бы не заблудиться. Он то и дело посматривал на компас, укрепленный на левой руке. Надо было ехать строго на север. Где-то впереди путь должна пересечь река Кизыл-Су. В Каратегине она называется Сурх-об и уже под именем Вахша образует вместе с рекой Пяндж многоводную Аму-Дарью.

Снежные завалы и снежные трясины преграждали путь. Шамши кричал «право», «лево», и приходилось петлять. А двигаться надо было бы напрямик и поскорее. Может быть, буран задержал басмачей в Кашка-Су и там удастся их захватить? Юрий хлестнул коня, но конь не прибавил шагу. Конь так устал, что удары не действовали на него.

Молодой геолог Юрий Ивашко был нрава общительного, веселого, даже восторженного, характером отличался энергичным, но по молодости лет неуравновешенным. Был он рослый, белокурый, синеглазый, с огненно-ярким румянцем на пухлых щеках. Усы и борода не росли, несмотря на старательное применение бритвы, и это его огорчало. Юрий был влюблен в свою профессию геолога, влюблен в горы и жаждал совершать великие открытия. Пока его надежды не осуществились.

Он мечтал попасть туда, где высочайшие в мире хребты Гималаев, Куэнь-Луня, Тянь-Шаня и Гиндукуша сходятся в одном узле, образуя огромное плато, которое лежит на четыре километра выше уровня моря. Это плато носит древнее тибетское название Памир, или Крыша Мира.

Ему не удалось попасть в прошлом, 1928 году в комплексную научную экспедицию, отправлявшуюся на Памир, в район «белого пятна», расположенного между линией Пик Ленина (Заалайский хребет) — озеро Кара-Куль с северо-востока и средним течением реки Пяндж на юго-западе, между собственно Памиром и Дарвазом.

Отдельные экспедиции подходили к границам «белого пятна», но все попытки преодолеть заоблачные горы, бурные реки и громадные трещины в непроходимых ледниках оканчивались неудачей. Книги и дневники свидетельствовали об исключительной труднодоступности и неизученности памирских гор, о тяжелом и опасном пути. Особенно действовали на воображение Юрия такие выражения, как: «остается неисследованным», «не вполне уяснено», «точных данных не имеется», «усилия найти проход оказались тщетными», «пришлось возвратиться».

Юрий читал эти книги, вздыхал и думал, что уж кто-кто, а он бы не возвратился. Ни за что!

Он был полон стремления преодолевать любые опасности ради научных открытий. Встречавшиеся в отчетах экспедиций указания на то, что путешественник «сорвался», «унесен течением», «слетел с карниза», только подзадоривали молодого геолога. Задачи прошлогодней экспедиции были овеяны романтикой. Никто не знал, что будет ожидать экспедицию на «белом пятне». Никто не знал, что там встретится: горные цепи или плоскогорья, население или безлюдные ледники и горные пустыни.

А «белое пятно» начиналось по ту сторону Заалайского хребта, у северного подножия которого они работали.

Прошлогодняя экспедиция в район «белого пятна» сделала немало. Она частично проникла в узел гор Гармо, нашла неприступные горы, ледники и открыла высочайшую вершину СССР.

Неожиданно удалось попасть из района ледника Танымас в среднее течение семидесятикилометрового ледника Федченко. Был открыт перевал Контрабандистов. Были проведены работы по топографии и астрономии.

Все же целиком выполнить намеченный план экспедиции не удалось. Чтобы изучить горы, надо было иметь точные карты. Следовательно, начинать дело надо с картографирования. Многое осталось неисследованным...

Вот туда, за Заалайский хребет, и хотелось попасть Юрию. Не попав в комплексную экспедицию, он проработал весь 1928 год в городе, в аспирантуре. Неуемное стремление в горы заставило его устроиться в 1929 году в золоторазведочную партию.

Молодой геолог был огорчен, когда его временно оставили одного продолжать работу у Заалайского хребта, в то время как его товарищи двигались по маршрутам. Задача Юрия состояла в том, чтобы тщательно и на этот раз окончательно проверить и подтвердить отсутствие золота для промышленных целей. Были у него и кое-какие интересные находки, но они не имели отношения к золоторазведке. А теперь басмачи украли и эти находки. Скорее бы приехать в кишлак и поймать басмачей!

Караван с трудом преодолевал снежные заносы. Верблюды всё чаще застревали в снегу. Все устали, очень устали, а скоро ли Кизыл-Су — никто не знал. Двигались зигзагами, совершая далекие обходы.

Никонов уже жалел, что предпочел ехать на верблюде. Это не езда, а мучение. Качает вперед-назад, вперед-назад, и не только качает но и укачивает. Верблюд уже несколько раз падал. А перевьючивать в пургу было очень тяжело. Чувства путников притупились.

Юрий Ивашко все чаще вспоминал строчки из экспедиционных отчетов: «отморозил ноги», «отбился и замерз», «сорвавшаяся лавина спрессовала его тело».

Шаг за шагом двигался караван — заснеженные животные, заснеженные люди. Серый жеребец взмок от таявшего на нем снега. Из разрезанных для облегчения дыхания ноздрей вырывались клубы пара. В снежной вьюге задний всадник не видел переднего.

Наконец путники очутились перед высоким, бесконечно длинным снежным завалом, из которого торчали концы веток. Шамши что-то весело сказал рабочим по-киргизски. Юрий переспросил. Оказывается, по ту сторону засыпанных снегом тугаев была река Кизыл-Су. Караван вышел не против Кашка-Су, как предполагали, а километров на пять ниже по реке. Через колючие густые кусты не пролезть. Шамши знал это место. Он ушел на поиски тропинки. То, что было раньше тропинкой, оказалось засыпанным снегом коридором меж кустов. Впрочем, это был рыхлый снег. Все по очереди протаптывали тропинку.

Наконец впереди показалась темная вода с быстро несущимися по ней белыми льдинами. Густая пелена снега закрывала противоположный берег. Казалось, черная поверхность воды уходила под какой-то туманный занавес.

— Я первый поеду! — прокричал Шамши. — В воду не смотри, плохо будет!

Верблюды с ревом сходили в темную воду. Течение было очень быстрое, дно неровное, с омутами.

Юрий Ивашко ждал, что Шамши поведет караван через реку, чтобы поскорее выйти на тот берег, но охотник продолжал ехать по воде у берега, поднимаясь вверх по течению. Видимо, он предпочитал этот речной

длинный путь коварным снежным завалам. Лошади и верблюды медленно, шаг за шагом рассекая грудью воду, двигались против течения. Так они прошли и сто, и двести метров, и километр. И только там, где русло расходилось тремя широкими рукавами, Шамши повернул налево. Через два рукава реки они переправились благополучно. Третий рукав был главным руслом.

Становилось все глубже. Вода достигла стремени. Юрий приподнял ноги. Вода достигла живота лошади, он еще выше поднял ноги, завидуя опытному Никонову, возвышавшемуся на верблюде. Когда же стало еще глубже, Юрий поднял ноги чуть не на гриву.

Все произошло мгновенно. Жеребца, потерявшего равновесие, сбило течением, и он исчез под водой. Юрия сорвало с седла, и ему показалось, что берег помчался назад с невероятной быстротой. Шамши яростно хлестал ревущего верблюда и заставил его бежать. На перекате Шамши поймал Юрия за полу тулупа и выволок на берег.

Наконец все выбрались из реки, снова пробили снежный завал и выехали из речной долины на тропинку у скалы. Здесь ветер дул сильнее, но снега было меньше. Юрий почувствовал, как цепенеют ноги и руки. «Неужели вот так замерзают? — подумал он. — Неужели я замерзну еще до того, как доедем? А вдруг отрежут ноги?» Этого он не перенесет.

Жеребец шел за медлительными верблюдами. Звенят сосульки на гриве. Звенят на хвосте. Вся верхняя одежда на молодом геологе превратилась в ледяной футляр.

Шамши сказал: «Дым!»

Ну, раз пахнет дымом, то до кишлака близко. Животные, почувствовав близость жилья, пошли быстрее. И все же казалось, дороге нет конца. Юрий почти не чувствовал своего тела. Так хотелось скорее к костру.

Вдруг Шамши остановил караван и предложил подождать, пока он вернется из разведки. А может быть, в кишлаке засели басмачи? Будь там хоть сотня басмачей, все пошли бы в атаку, лишь бы выбить их из теплого помещения.

Юрий с трудом снял винтовку. Руки плохо слушались. Подошел Никонов с револьвером в руке. В ожидании время тянулось бесконечно долго.

— Сюда! — донесся зов на русском языке. — Сюда!

От кишлака навстречу каравану бежал Федор Лежнев. Юрия стаскивают с лошади. Обнаженный, он лежит на кошме. Федор и Шамши растирают снегом его тело. Никонов подносит пиалу с коньяком.

Рассказ Федора был немногословен. Следы тоже привели его к этому кишлаку. Все пять басмачей, как об этом удалось узнать в кишлаке, были из банды Хамида. Хамид! Это ненавистное имя было уже известно геологам.

Хамид, как говорили, появился из Кашгарии, куда он убежал после разгрома басмачества, пять лет назад, в тысяча девятьсот двадцать четвертом году. Говорили, что местные головорезы грабили, прикрываясь именем Хамида. Именем Хамида пугали враги коллективизации. Они и сами вели вооруженную и диверсионную борьбу, не останавливаясь ни перед чем, чтобы сорвать коллективизацию.

Пули басмачей Хамида уложили в госпиталь девушку-геолога из группы, работавшей в Лянгаре. Пули басмачей мешали прокладывать автомобильную дорогу Ош — Хорог. Вот почему вооружили работников экспедиции.

Да, имя Хамида многое говорило геологам. Как узнал Федор, басмачи заставили дехкан накормить сеном и ячменем своих лошадей и более чем полсуток назад уехали в восточном направлении. С собой они вели шесть навьюченных лошадей.

— Хотят прорваться в Кашгарию, — заметил Никонов. — Надо спасать наши дневники. Надо догонять.

— Ночью? В буран? — презрительно спросил Федор.

Товарищи знали его манеру спорить со всеми по всякому поводу. Но сейчас Никонов с ним согласился. Искать басмачей ночью и в буран было все равно, что искать иголку в стоге сена.

Вскоре все сидели в большой комнате на кошмах, у жаркого костра, и ели. За чаем Федор рассказывал о встретившейся ему здесь, в кишлаке, геологической партии. Она три дня пыталась пробиться через снега на перевале Талдык и не смогла, а сегодня они проехали через кишлак к ближайшему перевалу Кичик-Алай.

Юрий, в теплом белье, лежал в меховом спальном мешке у костра. Мало сказать, что ему было жарко. После растирания тело его горело. Он лежал в полудреме и, как сквозь сон, слушал рассказ о последних новостях, услышанных Федором у встретившихся ему геологов.

И Никонов, и Юрий, и Федор воспринимали как новость события многомесячной давности. Они не читали газет, да и радио у них с собой не было.

Федор рассказывал о провокации китайских империалистов на Дальнем Востоке и о нашем отпоре им. Кое-что об этом Юрий уже слышал, но не так подробно. Рассказ Федора об открытии первых театров говорящего кино звучал как сказка. Подумать только! Немое кино — и вдруг заговорило!

Великие дела творились в этот первый год первой пятилетки, когда вся страна радовалась первым тракторам, выпущенным Челябинским тракторным заводом, год, когда планировалось строительство автозавода в Нижнем, Тракторостроя — в Сталинграде. Рассказал Федор и о процессе инженеров, вредивших в шахтах Донбасса по заданию своих бывших хозяев.

— Эти иностранные агенты с дипломами инженеров — те же басмачи, — сказал Никонов.

Разговор вернулся к басмачам и к беде, постигшей геологов.

Басмаческие банды навредили не только им одним. Проехавшая группа геологов нарвалась на засаду и потеряла двух научных работников.

Упомянул Федор и о басмаческой банде Файзулы Максума, перешедшей границу и разгромленной.

Долго обсуждали случившееся. Шамши советовал, чтобы не застрять на всю зиму в кишлаке, оставить здесь на сохранение лошадь, палатки и снаряжение, а самим пробиваться через снега на перевал Кичик-Алай. Тяжелый перевал. Лошадей сталкивают с него, связав ноги, чтобы, катясь, лошади их не поломали. Чтобы доехать до Уч-Кургана, лошадей с седлами можно будет нанять по ту сторону Алайского хребта.

Конечно, Федор стал возражать.

— Ты совсем не знаешь, что такое перевал зимой.

И Шамши рассказал, как много лет назад курбашн[1] Хал-Ходжа, один из самых свирепых, теснимый нашей конницей, заставил дехкан расчистить для себя перевал Кизыл-Даван, но, как только басмачи двинулись по снежному коридору, сорвалась большая лавина и засыпала Хал-Ходжу и четыреста басмачей. Хочет ли Федор дождаться смерти под лавиной? Большой курбаши Маддамин-бек был не глупее Федора, а все же когда ему не удалось убежать через заснеженный перевал в Гульчу и Алайскую долину и дехкане отказались расчистить для него перевал от снега, то он не полез под лавину, а сдался. Думать надо, хозяин! Поэтому надо, как только окончится буран, уходить налегке, пешком через перевал, если удастся.

И это удалось.

III

В ясный солнечный день по ущелью спускались всадники. Снег и лед остались позади. Был снег и здесь, но он лежал на горах и только пятнами покрывал дно ущелий. Прибрежные камни были в ледяных шапках.

Еще вчера всадники покинули зону заснеженных альпийских лугов и низкорослой, почти стелющейся, арчи. Чем ниже они спускались, тем выше становилась вечнозеленая арча на склонах гор, и, наконец, в ущелье встретились горные тополи, кусты шиповника и жимолости. Под ними желтели осыпавшиеся листья.

Узкие скалистые теснины сменились рыхлыми щебенистыми осыпями. Здесь не было тропинки. Под тяжестью всадников осыпи ускоряли свое движение и влекли всадников к обрыву. Там щебень срывался в реку. Испуганные лошади храпели. Ноги их проваливались чуть не до колен, и людям стоило немалых трудов сохранять спокойствие, так как быстрые движения вызывали еще большее движение осыпи, сносившей их вниз. Но и это осталось позади. Попадались участки пути с огромными обломками белого мрамора. Иногда тропинка чуть лепилась на крутом склоне, и всадники одним коленом касались скалы, а другое свисало над обрывом. Ехали

[1] Курбаши — главарь банды.

они и по берегу реки, обдаваемые водяной пылью и брызгами.

Впереди ехал Никонов, угрюмый и молчаливый. За ним ехал Юрий Ивашко. Неистребимое любопытство к окружающему отвлекало его от грустных мыслей. Страны открываются перед путешественником по-разному. Это зависит от цели путешествия, от способа, каким оно совершается, и от характера самого путешественника. А молодой геолог мог весело петь в бурю, промокнув до последней нитки. Впрочем, после купанья в Кизыл-Су у него даже насморка не было.

Шамши, ехавшему следом, нравился «охотник за камнями», стремившийся узнать все о горах, о жизни и обычаях народа, и льстило то внимание, с каким юноша относился к его словам. И Шамши старался удружить ему. А рассказать мог он многое. И горы, с помощью Шамши, открывались перед Юрием совсем в ином свете.

Шамши держался со всеми на равной ноге и не считал нужным молчать, даже если молчали все начальники, в том числе и Федор Лежнев, ехавший за ним. Шамши невзлюбил Федора за его острый язык и насмешки. К Никонову, доверившему винтовку слабому духом Мурзаю, Шамши относился презрительно.

Все, кроме Шамши, ехали молча.

— Эй, Юрий! — обращался к геологу Шамши, как обычно называя его по имени. — Подними глаза на эту гору. Там, — Шамши показывал рукояткой нагайки — камчи — на вершину, где чуть виднелись хвосты яков на палке, — мазар [1]. Там похоронен храбрый батыр. Народ чтит его память. Видишь, на пять локтей ниже есть щель в скале? Там лежит карамультук этого батыра. Смотри очень хорошо! Джигит с сердцем барса и глазами орла обязательно увидит карамультук. Я вижу. А кто сумеет тот карамультук достать — станет таким же батыром, как тот, что похоронен наверху.

Юрий видел темную щель в скале, но карамультук не мог разглядеть даже в бинокль.

---

[1] Мазар. — Среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, камней, источников, связанное с многочисленными магическими действиями и обрядами В таких местах, называвшихся мазарами, клали черепа животных, ставили шест с хвостами яков.

Федор презрительно смеялся и торопил Юрия ехать дальше.

Всадники проехали узкий проход. Справа, метрах в двадцати, на тропинке виднелся выступ, обложенный камнями. Шамши пояснил, что это гнездо Соловья-разбойника. Он оглушал проезжавших свистом и отдавал награбленное у богачей бедным.

Потом Шамши указал на высокую гранитную гору, которая, по его словам, будет гирей на суде, когда станут взвешивать грехи людей. Рассказал Шамши и о скале «Зеркало правды». Стоило честному обиженному человеку приблизиться к этой скале — и на гладкой, прозрачной поверхности «Зеркала правды» он мог увидеть лицо своего обидчика, был ли это убийца, похититель дочери или верблюжий вор. Но злые люди залили кровью невинных поверхность зеркала, чтобы оно не помогало народным мстителям узнавать своих врагов. С тех пор «Зеркало правды» стало мутно-розовым. И таким будет оно до той поры, пока не уничтожат тех, кто забрызгал зеркало кровью. Видимо, живы еще злые люди, и надо всем быть настороже.

Это был новый вариант легенды, уже слышанной Юрием Ивашко.

Справа и слева по пути следования каравана теснились всё новые и новые горы, и о каждой горе Шамши мог рассказать если не легенду и историческое происшествие, связанное с ней, то нечто весьма увлекательное. Но самым поразительным в этом ущелье была река, по берегам которой они спускались вниз, в Ферганскую долину.

Вдруг Шамши остановил лошадь и указал на высокую скалистую стену, тянувшуюся вдоль левого берега реки. На ней было отчетливо видно изображение раскрытой ладони и круг с точкой, высеченной в середине. Раскрытая ладонь была древнейшей эмблемой. Изображения раскрытой ладони находили на вавилонских пирамидах и на скалах древнего Египта.

Шамши начал было рассказывать легенду, связанную с этими знаками, но Федор не выдержал. Он огрел плеткой стоявшего впереди коня Шамши так, что усталый конь рванулся вперед, стегнул плеткой коня Юрия, своего коня и крикнул:

— Мне надоело слушать всякую ерунду! У меня сердце болит, я себе места не нахожу... Случилось страшное, непоправимое несчастье, нас надо всех судить и строго наказать за ротозейство! Погибли все результаты нашей работы, а ты... ты, Юрий, можешь распускать уши и благодушествовать... Это... это черт знает что! А еще комсомолец! Я буду ставить вопрос!..

— А по-твоему, я должен бить себя в грудь и рыдать? — спросил, рассердившись, Юрий. — Знаешь что? Держи-ка ты себя в руках и не распускайся!

— Тебе легко так говорить! — сердито, но уже спокойнее возразил Федор. — У тебя район был почти пустой, а ведь мои дневники — на вес золота. Я ведь тебе показывал образцы.

— Ну хорошо, — согласился Юрий, — Шамши больше не будет рассказывать, если тебя раздражает эпос... Криком горю не поможешь. Но я, я не могу равнодушно смотреть на всю эту красоту. Ведь это же не просто бурная горная река — это же сотни шумящих и пенящихся каскадов, из которых ни один не похож на другой. Да ты оглянись назад! Ну где же ты видел хотя бы что-нибудь подобное? На протяжении почти полутораста километров, будто с неба, из облаков, спускаются к нам сотни прозрачных голубовато-зеленых ступенек, покрытых кружевными покрывалами. И цвет ступенек все время меняется, и каждое мгновение на этих дрожащих водных ступенях меняются узоры кружев! Все красиво в природе — и горы, и леса, и небо, — но нет на земле ничего краше воды, вечно живой и изменчивой. Это сказал еще Аксаков!

Юрию хотелось чем-нибудь развлечь своего тоскующего друга, и он старался обратить его внимание на природу.

— Ты смотри! У берега темные, желтые и красные камни одеты в ледяные короны, а разноцветные громады скал до половины усыпаны снегом. Я никогда не видел такого сочетания красок. Из снежной зимы мы спускаемся в лето. Вот край поразительных контрастов!

— Скоро ты начнешь писать стихи, а я уже два года работаю в этих горах, и меня этим не удивишь, — проворчал Федор. — Подумаешь, контрасты! На горах холодно, а внизу тепло. Школьнику ясно, в чем дело!

И почему тебя восторгают горы из базальта, гранита и песчаника, не понимаю!

— Отвратительная привычка переводить все чудесное в обыденное! — насмешливо заметил Юрий.

— Я вообще тебя не понимаю, — продолжал Федор. — Почему, например, ты взъелся на меня, когда я подул на черные точки жира в кумысе, которым нас угощал старик? Если есть поверье, что нельзя дуть на кумыс, так как кобыла не станет давать молоко, то с этим заблуждением надо покончить. Я сознательно подул на кумыс: пусть старик убедится на опыте, что его кобыла не уменьшила удой. И я нарочно выплеснул остатки кумыса в огонь. Надо революционизировать быт. И я бы не стал слушать всякие там легенды!

Они горячо заспорили. Юрий доказывал, что надо уважать стариков, быть более тактичным и укоренившиеся предрассудки изменять убеждением, а не бороться с ними, грубо нарушая их и при этом даже не объясняя причины своего поступка, явно обидного с точки зрения старика.

Постепенно их спор перешел на знаки, виденные на скале, и, наконец, они заспорили о том, чем считать Алайский хребет и Алайскую долину: отрогами Тянь-Шаня, частью Памира или самостоятельной Памиро-Алайской системой?

Никонов не вмешивался в их спор. Он был угрюм и ехал молча. Он думал о предстоящем разговоре с ожидавшим их в Уч-Кургане начальником партии Поповым, заместителем которого он являлся.

Юрию Ивашко хотелось двигаться побыстрее, но в горах, да еще на лошадях, навьюченных поклажей, ездят только шагом. То и дело скалы, подходившие к реке, заставляли тропинку спускаться к переправе, перебегать по качающемуся деревянному мостику необычной конструкции на другой берег. Тропинка вилась, как змея, с одного берега на другой, то взбегала на склоны, то шла над самой рекой. Юноша потерял даже счет тем десяткам мостов, которые они проехали.

Чем ниже спускались путники, тем выше поднималась линия снегов. Наконец снег оказался только на вершинах скал. Прибрежные камни были свободны ото льда. По склонам, у родников, ярко зеленела трава.

Тропинка становилась все шире и шире. Путники отдохнули в придорожной чайхане, покормили лошадей и поехали дальше. Наконец тропинка перешла в колесную дорогу. Стало жарко. Проехали кишлак. Двое дехкан, ехавших в кузове встречной машины, с удивлением смотрели на всадников, одетых в тулупы, валенки и меховые шапки.

Когда на краю поля всадники увидели деревья с еще не осыпавшимися листьями, Юрий восторженно закричал:

— Назад, к лету!

— А ведь действительно лето! — отозвался Федор.

IV

Южнее Голодной степи, закрытая с севера Чаткальским хребтом, с востока — Ферганским, а с юга — Алайским, раскинулась плодородная Ферганская долина. Этот оазис еще издалека привлекает взгляды путников. Кто бы они ни были: работники ли научных экспедиций, или землеустроители, передвигающиеся по каменистым дорогам от оазиса к оазису, чтобы помочь тогда еще немногочисленным колхозам нарезать поля, или культработники и врачи, посетившие в высокогорных долинах кочевников, переходящих к оседлой жизни, — всех их влечет к себе зеленая стена, вырисовывающаяся за много километров на горизонте. Эта граница отделяет зеленый мир орошаемых земель, густо населенных людьми, от плоского, серого мира безводной пустыни. Лес тополей десятками тысяч стройных вершин высится на горизонте.

Тополи, карагачи, тутовые деревья, отмечая собой путь арыков, в которых журчит вода с гор, выстроились вдоль улиц и тесно обступили поля и сады, сдерживая неистовство ветров.

Глубокая осень, а в Ферганской долине по-летнему печет солнце. Пыль мутной, серой пеленой висит над Уч-Курганом. Изнемогающие от жары тополи неподвижно стоят по обочинам улиц, уже не серебристые, а серо-желтые от пыли.

Полдневный зной разогнал крикливый людный базар. Одинокий осел стоит посреди площади и, закрыв глаза, неутомимо, «как заведенный», кивает головой.

Медленно шествует караван верблюдов с хлопком, наполняя опустевшие улицы неустанным монотонным звоном колокольчиков, да на полях перекликаются кетменщики, одетые во все белое. Поднимая над головой острые кетмени, они с силой прорубают в пересохшей почве путь воде с гор. Вода не ждет.

Над прохладными водами горной реки Исфайрам, берущей начало в Алайских горах, на сваях, вбитых в дно реки, стоит большая чайхана. Возле нее, у коновязи, кормится десятков пять верховых лошадей. Посмотрев на оседланную лошадь, сразу можно охарактеризовать ее хозяина. Вот эти невысокие худощавые лошадки, заседланные деревянными седлами с рваными подушками, привезли небогатых дехкан. Дальше стоят шесть малорослых сильных лошадок под большими и тяжелыми кавалерийскими седлами, лошади нестроевые — они принадлежат работникам какой-нибудь экспедиции. Раскормленный серый жеребец с раскрашенным деревянным седлом и мягкой подушкой принадлежит богатому хозяину. А рослая белая кобыла с тонкими сухими ногами — горная лошадь и заседлана поверх толстой попоны казацким седлом с двойной подпругой, мягкой подушкой, подхвостником и прочими атрибутами езды в горах. У другой коновязи стоит сильный мерин с потертым седлом — это приехал кто-нибудь из районного актива. Возле лошадей, вспархивая на седла, деловито суетятся голуби и скворцы. Ласточки на лету хватают мух и уносятся под крышу чайханы.

К коновязи подъехали геологи. Юрий с трудом освободил концы валенок из ремней над стременами и, навалившись грудью на шею лошади, грузно прыгнул на землю. Затекшие ноги остро ощутили боль удара. Сбросить тулуп и заменить валенки недавно купленными мягкими ичигами было делом недолгим.

Вскоре вся группа геологов, в военных костюмах, с револьверами в кобурах, с полевыми сумками через плечо и двумя винтовками, вошла в чайхану, привлекая к себе взоры сидящих.

Чайхана переполнена. Люди, поджав ноги, сидят на цветных коврах, покрывающих пол, и неторопливо попивают кок-чай из больших и малых пиал, лениво отмахиваясь от роящихся в воздухе мух. Сегодня, как и обычно в полдневные часы, в чайхане собралась разноязыкая, пестрая толпа. На эти часы все учреждения закрываются. Ведь летом бывает раскалено всё — и земля и воздух.

То и дело слышится зов: «Эй, чайханщик, два чайника кок-чая!» или: «Эй, чайханщик, три черного чаю, лепешки и сахару!»

Чайханщик — длинноносый Абдулла, плотный мужчина лет сорока, с очень гибкими и точными движениями акробата. Рот его вечно улыбается, потемневшие зубы выдают слабость к сосательному табаку — насвою. Он сидит возле стены, окруженный шеренгами разнокалиберных чайников и пиал, высокими стопками белых лепешек. Здесь же корзины с виноградом, груды душистых дынь и сочных арбузов.

Абдулла и его два помощника не знают ни минуты покоя.

Посетитель едва подымет палец, а уже тонкий и подвижной, как вьюн, четырнадцатилетний Рахим спешит к нему с полотенцем и кок-чаем. Пока один пятиведерный самовар шумит и фыркает, наполняя десятки чайников кипятком, второй, такой же огромный и до того сверкающий, что глазам смотреть на него больно, ждет своей очереди.

Наконец геологи разместились в углу, на ковре, и Никонов позвал Абдуллу. Тот подошел.

— Селям алейкум, товарищ Никонов! — И Абдулла порывисто пожал обеими руками протянутую ему руку Никонова, а потом остальных. — Самое главное — здоровье! Много ездишь, много смотришь — веселый будешь, аппетит иметь будешь! Что есть будешь? Что пить будешь? После длинной дороги хороший, жирный плов из барана коньяку просит. Как думаешь?

— Мне три порции плова, коньяку, — сказал Юрий, — и еще дыню, и винограду, и груш, и яблок, и гранатов. И столько же — Шамши!

Такой же аппетит был и у других членов экспедиции. Абдулла весело улыбался и кивал головой.

Рядом с геологами сидели двое. Один из них, худощавый и быстрый в движениях, рослый, ширококостный киргиз лет сорока, вынул из своего курджума большую душистую дыню и с легким поклоном подал Никонову.

— Сколько? — спросил тот.

— Зачем так говоришь? Нехорошо говоришь! Я не торговец. Я раис — председатель колхоза «Свет зари». Попробуй колхозную продукцию! — Последние слова он сказал с особым значением и искоса бросил взгляд на сидящих в чайхане. — Не понравится — сто, тысячу рублей плачу!

Это был вызов единоличникам. А в тот год их было еще очень и очень много. Весьма немногочисленные колхозы среди моря единоличных хозяйств были как светлые маяки среди бушующего океана.

— Спасибо вам! — быстро отозвался Юрий.

Никонов поблагодарил и разрезал дыню на куски. Юрий шумно восторгался ароматной, нежной, удивительно сладкой, холодящей мякотью дыни. Федор Лежнев и Никонов тоже хвалили.

— Значит, никто не хочет спорить со мной на тысячу рублей? Значит, никто не хочет выставить лучшую дыню? — весело крикнул председатель и обвел взглядом сидящих в чайхане.

Никто не принял вызова.

Председатель был удовлетворен. Никонов еще раз поблагодарил его от имени всех и осведомился, что за колхоз «Свет зари».

— Богатый колхоз, — отозвался раис, и глаза его задорно блеснули. — Вот объясняю раису колхоза «Заветы Ильича», — и он кивнул на своего полного собеседника, — как мы поощряем отличную учебу своих молодых колхозников-курсантов тем, что начисляем им трудодни. У меня пять человек только в автомобильной школе учатся. За отличные успехи мы даем три четверти нашего колхозного трудодня.

— Все равно ты их не увидишь! Они выучатся и уйдут в город работать, — возражал ему собеседник.

— Не пущу!

— Не спросят!

— Обком поможет.

— Конечно, поможет! — горячо отозвался Юрий.

Федор насмешливо взглянул на восторженного юношу.

Абдулла и его помощник быстро поставили на стол бутылку коньяку, вместительные пиалы с дымящимся пловом, ложки, лепешки, чайники с чаем.

Никонов, налив в пиалу коньяку, поднес раису. Тот, видимо, хотел отказаться, но все же принял пиалу, выпил и, отстранив предложенную ему пиалу с рисом, закусил виноградом.

— Лучше сделай своих агротехниками,— продолжал разговор раис колхоза «Заветы Ильича».— Пусть египетский хлопок сеют. Мы в своем колхозе так сделали.

— Египетский любит много воды, а у нас в колхозе воды не хватает. И все из-за тебя: ведь ты у меня воду крадешь!

— Я не краду. Вспомни, наш род всегда в это время всю воду брал на свои поля...

— Так это же было когда? Давлет-бай командовал!

— Наш род старше, а старшие берут в первую очередь. Я ведь беру не для себя, а для колхоза.

— Сейчас график райзо распределяет воду, а не старшинство родов. И потом, мой род не ниже твоего. Я поставил охотников с ружьями на плотине — стрелять будем.

Раис колхоза «Заветы Ильича» молча кивает головой: ему не хочется спорить, он занят репетицией предстоящего разговора об этом с председателем райисполкома.

Раис колхоза «Свет зари», видя, что его собеседнику, занятому своими мыслями, не до разговоров, обратился к геологам, которым, видимо, было интересно его послушать. В стране дело шло к сплошной коллективизации. Классовая борьба обострилась. Были враги открытые, были и скрытые враги. Чтобы нормально работать даже в экспедиции, надо было хорошо разбираться в обстановке, надо было уметь ответить дехканам на вопросы, которые их волновали.

Раис колхоза «Свет зари» произнес горячую речь о преимуществах колхозной жизни. Тогда это еще надо было доказывать.

Разговор на колхозную тему, когда можно было «козырнуть» достижениями своего колхоза, доставлял

огромное наслаждение раису. Он вызывающе поглядывал на всех, стараясь встретить хотя бы небольшое возражение. Его зычный голос слышался в самых отдаленных углах чайханы. Уже через несколько минут чайхана начала напоминать улей потревоженных пчел.

Угрюмый человек в пестром халате, с колючим взглядом небольших темных глаз громко сказал:

— Говорят: египетский хлопок, египетский хлопок, контрактация... а цены на хлопок на лондонской бирже растут.

— Ага, — воскликнул раис, — я слышу разговор о ценах на лондонской бирже! Почему они вас интересуют? Наш хлопок возвращается к нам как ситец, как байка, как новая жизнь. Зачем тебе знать, сколько он в Лондоне стоит? Или ты хочешь опять эмира бухарского и его блюдолизов к себе на шею?

— Хлопковый клин сократил посев зерновых, — сказал толстый, рыхлый старик, от которого пахло сырыми кожами, — поэтому и количество скота уменьшилось.

— Конечно, — послышался молодой голос, — теперь басмачи, вернее остатки их, не имеют прежней зерновой базы. Недаром же они и сейчас через своих людей угрожают всем, кто подписывает контракт на посев хлопка.

— А скот? — воскликнул раис. — Всем известно, что за годы басмачества погибло много скота. Ведь только один курбаши Муэддин награбил у дехкан тысячи баранов, много лошадей, около четырехсот быков. Недаром же, когда он на суде попросил молиться за его душу, дехкане закричали: «Смерть собаке!»

— Да и не только басмачи, — вмешался председатель колхоза «Заветы Ильича», — баи и сейчас каждый день угоняют контрабандой скот за границу, в Кашгарию. Лишь бы не досталось колхозу. Много скота задержали пограничники за эти месяцы.

— А зачем требуют сдавать в колхоз все, даже кур, почему нельзя оставить себе курицу? — визгливым голосом закричал богато одетый дехканин.

— Это неправильно, — вмешался в разговор мужчина в полувоенной одежде. — Тот, кто заставляет так делать, отпугивает дехкан и вредит колхозному делу. Это или явный враг, или дурак. А услужливый дурак

опаснее врага. Вы из какого кишлака? — спросил он у человека, говорившего о цене хлопка на лондонской бирже.

Тот молча допил чай, делая вид, что не слышит вопроса. Он встал и, бросив деньги, вышел.

— Что это за человек? — громко, на всю чайхану, спросил раис колхоза «Заветы Ильича». — Я никогда не видел его раньше.

Все разговоры стихли.

— Это бай или кто-нибудь из сдавшихся ранее басмачей, — сказал раис колхоза «Свет зари». — Они всё еще никак не могут опомниться. Белая собака, черная собака — все равно собака. У таких свой собственный телеграф новостей. Много бандитов уничтожено пограничниками, но стоит появиться где-нибудь басмачам Тагая или Хамида...

— Хамид уже появился, — раздался старческий, скрипучий голос. — Мой сын научился грамоте и стал такой умный, что стыдится отца. Свою сестру, мою старшую дочь, он заставил снять паранджу, а джигиты Хамида ей за это отрезали голову.

— Джигиты Хамида не джигиты, а проклятые басмачи, продавшие свои души английской разведке, — сказал мужчина в полувоенной форме. — Разве басмачи одной твоей дочери отрезали голову? Ведь когда выбирали место, где быть таджикской столице — в Гиссаре или Дюшамбе, то обнаружили, что в кишлаке Гиссар в то время басмачи оставили только семь дворов, — вот что басмачи наделали! Они попробовали и в этом году захватить Памир. Всех бандитов уничтожила Красная Армия, только двенадцати головорезам удалось унести ноги к своим хозяевам, за границу.

— Кого режут басмачи? — спросил раис колхоза «Свет зари» и сам ответил: — Учителей, агрономов, трактористов, докторов, партийцев, комсомольцев, председателей колхозов, инженеров. А зачем? Чтобы не выпустить в народ Слово. В царстве слепых и кривой — хан. Что может сделать один человек, единоличник, сам по себе? А вместе? Колхозом? Если всем народом топнуть ногой — будет землетрясение, если всем народом дунуть — будет буря, а если плюнуть на врага — будет озеро, в котором враг утонет.

Председатель колхоза торжествующе посмотрел кругом, выискивая несогласных. Никто не возражал.

Три громких хлопка в ладоши прозвучали на всю чайхану. Давно уже никто так, по-байски, не призывал к себе чайханщика. Абдулла быстро наклонился, чтобы из-за сверкающего пузатого самовара увидеть этого заказчика. В углу сидел пожилой узбек в темном халате. Абдулла разглядел узкое лицо, изрытое оспой. Левая бровь и скула были рассечены шрамом.

Абдулла схватил самый цветистый чайник, насыпал в него чаю, налил кипятку, взял поднос и сам поспешил к гостю.

— Селям алейкум! — приветствовал он заказчика и бесцеремонно заглянул в его опущенное лицо. — Как доехал, Хамид?

— Алейкум селям, Абдулла, — спокойно процедил сквозь зубы Хамид. — Как живешь?

Мгновенно смолкли все разговоры, пронесся тихий шепот:

— Здесь сидит глава басмаческого отряда — сам курбаши Хамид.

Все взоры устремились на Хамида. Только группа геологов продолжала горячо спорить. Но и они умолкли, удивившись наступившей тишине. А когда раис колхоза «Свет зари» объяснил им, что человек в углу, со следами оспы на лице, не кто иной, как курбаши Хамид, они оживленно зашептались. Ивашко вскочил и подошел к Хамиду.

— Курбаши Хамид? — громко спросил он, опуская руку на наган в кобуре.

Хамид бросил быстрый взгляд в лицо юноши и мгновенно опустил глаза.

— Я Юрий Ивашко. Помнишь группу золоторазведки и перевал Кечик-Алай? Скажи, куда твои басмачи девали наши записные книжки? Ну?

— Стреляй собаку, стреляй! — раздался на всю чайхану пронзительный голос старика, у которого басмачи Хамида зарезали дочь.

Ивашко почувствовал, как чьи-то сильные пальцы крепко сжали кисть его руки. Он быстро оглянулся и увидел улыбающееся лицо пожилого киргиза.

— Пусти! — Юноша попытался освободить руку, но это ни к чему не привело.

— Здесь нельзя стрелять, — улыбаясь, сказал киргиз. — Прячь свой наган!

Ивашко вспыхнул:

— Ты что, курбаши испугался? Хамид один, а ты боишься... Трусишь?

Послышались возгласы удивления и смех. Юноша заметил, что окружающие смеются над ним.

— Иди к начальнику, — спокойным голосом произнес киргиз и, обернувшись к толпе, пояснил: — Ничего, он еще молодой, горячий... ничего...

— К начальнику? — вызывающе спросил Ивашко. Он оглянулся: его смутили улыбка и снисходительный тон киргиза.

— К начальнику райотдела, — спокойно ответил киргиз. — Ты на Алай, в запретную пограничную зону, ездил, а к Тысячеглазому не зашел. Теперь кричишь: «Мои записные книжки, мои записные книжки!» Не велика храбрость — угрожать безоружному в чайхане, где много народу. Надо было не трусить, когда напали басмачи...

— Да вам-то какое дело?.. А вот здесь сам курбаши Хамид, главарь басмачей.

— Я это вижу, но стрелять нельзя.

Вокруг спорящих собрались все посетители чайханы.

Хамид, от которого временно было отвлечено внимание присутствующих, услышал чей-то шепот:

— Прыгай в реку... Белая кобыла у коновязи, крайняя с востока...

Хамид порылся в складках пояса и спокойно вынул оттуда аккуратно сложенную газету. Медленно развернув ее, он достал вчетверо сложенную бумажку.

— Читай, начальник, — произнес он, протягивая ее юноше.

Взяв бумажку свободной рукой и быстро пробежав глазами написанное, Ивашко с возмущением сказал:

— Не верю! Фальшивое... Идем выясним...

— Приехал сам товарищ Максимов, Тысячеглазый! — услышал Юрий. Рядом с ним стоял Рахим, юный помощник Абдуллы. — Вот! — Улыбаясь, мальчик показал на дверь.

Возле чайханы на породистой гнедой лошади сидел стройный, но уже немолодой человек в форме войск ГПУ.

Юрий Ивашко сделал шаг к двери, с сомнением посмотрел на Хамида и сказал:

— Пойдем вместе.

Хамид быстро вышел из чайханы. Остальные вслед за ним поспешили наружу и плотным кольцом окружили Максимова.

Максимов приветливо здоровался с собравшимися. Большинство из них он знал по имени и спрашивал о делах, вызывая удивление своей осведомленностью.

— Вот курбаши Хамид здесь, — взволнованно сказал ему Ивашко.

— Знаю. А разве вы не видели его документ?

— Видел, но сомневался... — растерянно ответил юноша.

— А вы не сомневайтесь. Сомнения недостаточно, чтобы хвататься за наган. А вы любите стрелять... Мне это известно. Вы были в Алайской долине много дней. Почему же вы предварительно не заехали ко мне, не зашли в райком партии?

— Не было времени, да и ехали мы другой дорогой...

— Я знаю, но это не меняет дела, — прервал его Максимов. — Зайдите ко мне через час.

Рахим стоял перед всадником, держа лошадь под уздцы. Неожиданно она попятилась назад, раздвигая толпу, и потащила за собой мальчика, не выпускавшего повод из рук. Максимов, освобождая повод, успел шепотом перекинуться несколькими словами с Рахимом.

Мальчик скрылся.

— Товарищи, — обратился Максимов к толпе, — курбаши Хамид разоружил всех своих джигитов и сдался нам. Он помог нам кое в чем. Мы обещали ему свободу и сдержали свое обещание: он волен ехать куда хочет. Я выдал ему удостоверение. Если Хамид хочет жить мирной жизнью дехканина, пусть живет. Умный человек не споткнется дважды об один и тот же камень.

— Ловите белую, ловите белую! — донесся пронзительный мальчишеский голос от коновязи.

И все увидели белую лошадь, возле которой, неумело хватаясь за повод и еще больше пугая ее, кружился Рахим.

— Чья белая кобыла, чья кобыла? Отвязалась! Лови! — послышались голоса в толпе.

Хозяин лошади не находился.

— Лови! — кричал Абдулла. — Хватай за повод! Упустишь — скандал будет. Скажут, чайхана виновата!

Мальчик поймал лошадь и повел к коновязи.

— Почтенные, смотрите, — крикнул кто-то из толпы, — чей-то курджум упал в реку! Вон плывет!

Мешок из красной шерсти быстро плыл по течению, постепенно погружаясь в воду. Рахим мгновенно прыгнул в реку, стараясь догнать курджум. Послышались веселые возгласы, советы. Несколько всадников поскакали по берегу на помощь мальчику. Рахим поймал курджум и, схватившись за конец аркана, брошенного одним из верховых, выбрался на берег под крики одобрения.

— Хозяин! Кто хозяин? Где счастливец? — спрашивали друг друга в толпе.

Но хозяин не откликался. Большинство предлагало вскрыть курджум. Абдулла, получив согласие Максимова, перерезал шерстяную петлю, на которой висел замок. Все столпились вокруг, забыв о жаре.

В одном кармане переметной сумы был коран[1], шкатулка, запертая на ключ, женское покрывало, патроны к браунингу и мешочек с золотым песком. Абдулла немедленно его спрятал.

В другой половине были лепешки, завязанные в платок, женский халат, небольшие кожаные ичиги, три пачки денег тысяч на двенадцать, кусок вареной баранины, неполная бутылка с коньяком и десять янтарных мундштуков. Абдулла, понимавший в них толк, сразу поднес к глазу один из них и в светлом глазке увидел изображение обнаженной женщины.

— Кашгарский, — сказал он.

---

[1] Коран — священная книга ислама, сборник разнообразных легенд и мифов; содержит изложение веры, правила нравственности, а также бытовые и юридические нормы, легшие в основу писаного мусульманского права (шариата).

Максимов приказал ординарцу немедленно все отнести к нему в райотдел.

Рахим побежал в чайхану переодеваться.

— Почтенные, — сказал Максимов, — очевидно, хозяин белой кобылы, отказавшись от лошади, побоялся, что курджум может его выдать. Он решил отделаться от улик, сбросив его из чайханы в реку. Но мы, конечно, найдем хозяина.

К чайхане подходили всё новые и новые люди.

— Слушайте! — громко сказал Максимов. — Пусть здесь запомнят все: кто обидит моего друга Хамида — обидит меня самого, кто тронет кого-нибудь из его семьи — будет иметь дело со мной.

Голос Максимова звучал властно, а в глазах светилась легкая насмешка.

— Хамид, скажи нам: ты не видел в чайхане никого из бывших единомышленников?

— Нет, — твердо ответил Хамид, — нет!

Оспенные шрамы на его лице побагровели. Он с нескрываемым ужасом смотрел в немигающие глаза Максимова. Он думал о том, что только Максимову мог прийти в голову этот дьявольский план — публично почтить его, бывшего курбаши, своей дружбой. Максимов слишком хорошо все понимает, чтобы сделать это случайно или по неведению. Начальник несколькими словами о своем друге Хамиде порвал все связи, еще сохранившиеся у Хамида с басмачами. Друзья Максимова — дехкане и рабочие — не признают Хамида своим: недобрую память оставил он в тех кишлаках, где побывал со своими джигитами. Да ведь и он не считает единомышленников Максимова своими. Сдался он потому, что невозможно стало воевать. Отряд тает с каждым днем — никто не идет в басмачи. Да кроме того...

Максимов прервал невеселые мысли Хамида.

— Прими по-дружески, — сказал он, доставая из седельной сумки шелковый халат и протягивая его Хамиду.

«Вот для меня и совсем закрыта дорога назад, — подумал Хамид, с поклоном принимая халат и прижимая его ко лбу и сердцу. — Лукав и могуществен «человек, который везде...»

Хамид, не медля ни минуты, надел подаренный халат. Теперь этот халат предохранит его от выстрелов со стороны советских людей, но привлечет все пули его бывших единомышленников.

— Спасибо! Твой должник и верный раб.

Хамид обвел взглядом толпу. Одни смотрели на него подозрительно, большинство — с ненавистью, немногие сочувственно улыбались.

После отъезда Максимова чайхана сразу наполнилась людьми. Происшествие горячо обсуждалось.

Хамид сидел в глубокой задумчивости. Он снова и снова думал о том, что Максимов отрезал ему путь к спокойной жизни. Теперь никто из друзей не поверит, что это не измена, а уловка. А его друзья? Это люди, с которыми он грабил и убивал, вместе спасал свою шкуру. По-видимому, и сейчас тот человек, который предлагал белую кобылу, сидит где-нибудь здесь, за его спиной, с пистолетом в кармане.

«Мы все служим Черному Имаму. Он беспощаден. Но зачем ему жизнь Хамида, который оказался достойным правой веры и при допросе почти ничего не сказал Максимову? Если бы начальник хоть немного знал о Черном Имаме, не бывать Хамиду на свободе. А вдруг Максимов знает и о Черном Имаме? Кто может сказать, что знает или не знает Тысячеглазый!»

— Эй, Хамид! — донесся голос с площади.

Народ расступился, давая дорогу бывшему курбаши. Перед входом в чайхану ординарец Максимова держал в поводу черного коня.

— Бегунчик! — позвал его Хамид.

Конь оглянулся, поднял голову и громко заржал.

«Мое седло, уздечка, курджум и... даже моя нагайка. Обо всем подумал начальник...» — мысленно отметил Хамид, не зная, радоваться ему или печалиться.

Хамид, не слушая поздравлений, быстро подошел к коню. Он попробовал подпругу, вскочил в седло и, свистнув, поскакал из кишлака. Вскоре он услышал зов и, оглянувшись, увидел за собой всадника. Хамид осадил разгоряченного коня.

— Начальник приказал передать тебе этот револьвер, патроны, — сказал ординарец Максимова, — и предупредить: «Берегись мести Черного Имама».

V

Ивашко, войдя к Максимову, заметил, что тот отложил в сторону толстую потрепанную книгу.

— Курите! — Максимов раскрыл портсигар.

Юрий не курил, но взял папиросу и не успел вынуть спички, как перед ним вспыхнул огонек зажигалки. Ивашко передал Максимову документы и с любопытством оглядел комнату. На чисто выбеленных стенах висели карты. Узкая кровать, на стене — охотничье ружье. Возле кровати — небольшой коврик. В углу — шкаф со стеклянными дверцами, завешанными изнутри бумагой. Несгораемый ящик, полки с книгами. В углу на табурете — таз и кувшин с водой. За открытой внутрь ставней поблескивал карабин. Чувствовалось, что в комнате живет военный.

Максимов просматривал документы. Его продолговатое, темное от загара лицо с узким орлиным носом, немигающими карими глазами и тонкими, плотно сжатыми губами напоминало Юрию лица упорных и бесстрашных путешественников-исследователей. Внимание привлек шрам, который был ясно виден под левым ухом Максимова.

Максимов отодвинул документы на край стола.

— Все это мне уже известно, — сказал он сдержанно.

— В чем же я провинился? — спросил юноша.

— Слушайте меня внимательно. Вы в кишлаке Чак остановились у малоимущего Асана и к вечеру, покинув его кибитку, перебрались в кибитку бая Туюкчи. Было это?

— Да. Но у Асана было грязно, а Туюкчи пригласил нас к себе в просторную, чистую кибитку.

— Вы, во-первых, нарушили святой обычай гостеприимства и кровно оскорбили бедняка Асана, а кроме того, бай Туюкчи у вас украл половину продуктов и навел на ваш след басмачей Хамида. В глазах всех местных жителей вы «потеряли лицо». Во-вторых, вы оставили кибитку бедняка ради кибитки бая — это непростительная политическая ошибка. Вы зарекомендовали себя людьми, «едящими из рук богачей». Так о вас говорят.

— Я никогда не думал... Я не знал, не предполагал, что это так серьезно.

— Вот поэтому вы и должны были перед поездкой в горы зайти ко мне. С Никоновым я еще поговорю. Если бы вы зашли, многого не случилось бы. А самая главная ваша вина — потеря бдительности: ведь результаты вашей работы попали в руки к басмачам. Счастье, что те, кто охраняет спокойствие наших границ, вовремя пришли к вам на помощь.

— Пограничники? А почему мы не видели их?

— Вы многого еще не видите и не знаете! А надо быть более осведомленным и внимательным, если вы собираетесь работать в памирских горах, где борьба с бандами Ибрагим-бека и другими продолжалась до весны тысяча девятьсот двадцать шестого года. Очень плохо то, — продолжал Максимов после некоторого молчания, — что вы не умеете обращаться с оружием.

— Что вы! — искренне возмутился Ивашко. — У нас не было ни одного несчастного случая с оружием. Это может подтвердить Попов, начальник нашей золоторазведочной группы. Он задержался в Ташкенте и должен со дня на день приехать.

— Почему-то считается, — задумчиво говорил Максимов, — что уметь обращаться с оружием — это значит держать оружие в незаряженном состоянии, а носить его так, чтобы оно производило как можно больше впечатления. Вам льстит воинственный вид. Уметь обращаться с оружием, молодой человек, — значит выстрелить не позже одной секунды после того, как вы решили стрелять. Но стрелять отнюдь не в воздух, как, например, вы стреляли в урочище Ак-Байтал.

— Я выстрелил вверх, чтобы привлечь внимание киргизов, находившихся в глубокой лощине. Моя лошадь устала, и я...

— Я обо всем осведомлен. Кто посоветовал вам купить по казенной цене барана у этих киргизов, возвратившихся на родину из Кашгарии, куда они бежали еще в тысяча девятьсот шестнадцатом году?

— Туюкчи.

— Бай Туюкчи вас спровоцировал.

Юноша смутился и старался исправить положение:

— Я помог этим киргизам лекарствами из нашей аптечки, а одного, со сломанной ногой, мы на своих лошадях отправили в больницу в Уч-Курган. Мы читали

в кишлаках газеты и рассказывали о колхозах и совхозах, о кино и радио.

— Все знаю. Но этот ваш выстрел в воздух прокатился по всем горам Памира, по Сарыколу и Тянь-Шаню и уже, наверно, пересек Кашгарию и пустыню Гоби. Когда поедете в Алайскую долину, то уплатите полную рыночную стоимость за барана. Надо понимать обстановку и быть тактичнее. Необходимо изучать обычаи народа.

— Я понимаю... — пытался вставить Юрий, краснея до корней волос.

— Пока вы ничего не понимаете... Нельзя выливать остатки недопитого кумыса в костер. Ведь хозяин пока еще верит, что кобыла после этого не будет давать молоко. Но кое-кто сразу же использовал ваши промахи, стараясь истолковать их как неуважение к обычаям народа и этим восстановить против вас население горных кишлаков.

— Это сделал один из наших! Он знает, что нельзя дуть на кумыс и выплескивать остатки в костер, но именно так он решил бороться с предрассудками. Он утверждает, что задача каждого из нас — революционизировать быт далеких окраин.

— Только не так. Услужливый дурак опаснее врага! Борьба с врагами и так занимает у нас массу времени. Врагами пущен слух, якобы всех колхозников заставят спать под одним одеялом. Это явная чушь, а приходится тратить время и разъяснять, что этого никогда не будет. Впрочем, это только начало борьбы, и надо не давать врагам своим неумным поведением козырей в руки! Этот край богат. Местные жители в Дараут-Кургане ловят ртуть на шкуры, опущенные в арыки, горцы Памира добывают ляпис-лазурь [1], которую, по преданиям, вывозили еще египетские фараоны. В горах, говорят, находятся рубиновые копи царя Соломона. — Максимов взглянул на юношу и, улыбнувшись, отвел глаза. — Я могу заранее предсказать, что вы полюбите этот народ, но прежде его надо узнать. Многие богатства края открыты благодаря тому, что помогли местные жители.

[1] Ляпис-лазурь — лазурит, красивый синий минерал, ценный поделочный камень. В прежнее время из него изготовляли краску ультрамарин.

Максимов встал и, дымя папиросой, начал ходить из угла в угол. Лицо его потеряло суровость, и он так понимающе улыбнулся Юрию, что у того мгновенно исчезло чувство досады и смятения.

Он за одну эту улыбку, будившую в нем уверенность в своих силах, готов был многое сделать для Максимова. Сейчас юноша внимательно слушал его простые слова. Он был благодарен за доверие и дружеское расположение, за то, что этот занятой человек тратит на него, молодого геолога, так много драгоценного времени.

— И вот,—продолжал Максимов, — мы, большевики, должны за несколько лет переделать то, что веками укоренялось в сознании народов Средней Азии как оправдание векового угнетения и произвола. Об этом угнетении таджики говорят так: «Судьба разбила камнем сосуд надежд, и исторгнутые из сердца вопли и крики пронеслись над этой горной страной». Вот почему каждый советский человек, едущий по своим делам в горы, должен действовать так, будто его специально командировали укреплять Советскую власть на местах. Здесь прекрасный народ. В трудный момент вам всегда помогут местные дехкане, лишь бы только они увидели в вас настоящих советских людей. Отборная гвардия из национальных добровольческих формирований помогает нам бороться в пограничной зоне с басмачами. Джигиты добровольческих отрядов одеты в халаты, вооружение у них разнокалиберное, но это наши, так сказать, альпийские войска. Они и вам помогут... в случае чего.

Максимов улыбнулся, но вдруг лицо его снова стало суровым:

— Мы вам поможем подыскать проводника-переводчика получше Мурзая. Слухи о вас, конечно, будут самые чудовищные, но вы должны разоблачать клевету словом и делом. Откровенно говоря, я бы сейчас не пустил вас дальше Алайского хребта...

Увидев обиженное лицо Юрия, Максимов продолжал:

— Вам надо научиться отлично обращаться с оружием и уметь скрывать его. Ваша голова уже оценена.

— Моя? Кому она нужна?

— Тем, кто уже давно стремится овладеть Памиром и, во всяком случае, не допустить его советизации, воспрепятствовать разработке недр, помешать постройке

автомобильной дороги Ош — Хорог. Вашу голову оценили в английских фунтах стерлингов, молодой человек!

— Но ведь мы с Англией в нормальных отношениях!

— Именно так. Королевская Англия была в еще более нормальных отношениях с царской Россией, но, как известно, поцелуи, которыми обменивались цари, короли и президенты, не предотвратили ни одной войны между ними.

Максимов вынул из серебряного с золотой монограммой портсигара папиросу, прикурил от зажигалки и, не выпуская папиросы изо рта, сказал:

— Традиционная политика Англии заключалась в том, чтобы не позволять усиливаться России даже тогда, когда Англия была с царской Россией в наилучших, казалось бы, отношениях. Вы помните историю Отечественной войны двенадцатого года с Наполеоном?

— Конечно, помню! — поспешно отозвался Юрий, не сводя удивленного взгляда с Максимова. Он не понимал, какое это имеет отношение к их разговору.

— Значит, вы знаете о том, как Англия в период нашествия Наполеона организовала в Персии войну против России?.. Да вы садитесь! Разговор только начинается.

Юрий покраснел, сел на стул, вытер ладонью вспотевший лоб и промолчал. Этого он не знал.

— А что вы знаете о действиях Англии в тысяча девятьсот четырнадцатом году, в начале войны, направленных на то, чтобы заставить Турцию, предлагавшую России нейтралитет, воевать с Россией на стороне кайзеровской Германии и таким образом ослабить военные силы России, заставить ее воевать на два фронта?

Максимов прошелся по комнате, присел на подоконник и, удерживая папиросу так, что она пряталась в полусогнутой ладони (старая привычка закрывать ночью огонек тлеющей папиросы), не спеша затянулся.

Он молча ждал, что ответит юноша: найдется ли у него смелость сознаться в незнании или он начнет юлить и хитрить?

— Ничего этого я не знал, — твердо ответил Юрий.

Максимов сочувственно кивнул головой и весело посмотрел на него.

— Ну, а что вы знаете из истории отношений царской России к народам Средней Азии?

— Не слишком много, — осторожно ответил Юрий. — Я кое-что читал. Перед отъездом, по дороге и здесь даже учил киргизский язык. Поехал в Алайскую долину, а там говорят по-узбекски. Пришлось переучиваться... Ну что я знаю... Знаю о двояком влиянии культуры русского народа. Благодаря этому была запрещена торговля рабами в Бухаре. Общение с передовыми русскими людьми и прогрессивные идеи также сыграли свою роль. Даже на сельском хозяйстве Средней Азии сказалось: появился картофель, распространился овес, развилось пчеловодство, появилось тонкорунное овцеводство, улучшили сорта хлопка, географы и геологи обследовали горы... правда, весьма недостаточно. Ну, а с другой стороны, как известно, царской России было выгодно сохранять отсталость этой своей колонии. Ну, и летом тысяча девятьсот шестнадцатого года под влиянием двойного невыносимого гнета — царя и эмира — начались волнения, переросшие в восстание против двойной системы угнетения.

— Ну, а как вели себя при этом Турция и Англия? — воспользовавшись паузой, спросил Максимов.

— Не знаю! — сознался Юрий и виновато улыбнулся: вопросы Максимова подчеркивали его неграмотность.

— Вы не обижайтесь, я просто хочу помочь вам лучше разобраться в обстановке. А чтобы понять события, надо изучать причины их возникновения и взаимосвязь с другими явлениями. Восстание шестнадцатого года — восстание стихийное и не всегда носило народный характер. Местные националисты-феодалы, чтобы отвести от себя гнев народа, кое-где попытались, по указанию заброшенных из Турции агентов, направить восстание в отдельных городах и районах Средней Азии против русских вообще. Фанатичное духовенство делало попытку провести восстание под лозунгом «джахида», «газавата», то есть войны за веру против всех инаковерующих. Впрочем, англичане приложили руку и к восстанию шестнадцатого года в Средней Азии. Черный Имам — священная особа, живущая в Кашгарии, — по приказу своих заокеанских хозяев организовал через своих агентов массовое бегство киргизов за границу, в Кашгарию.

Это ослабляло тыл русской армии. Авторитет Черного Имама среди религиозных мусульман был очень велик. Десятки тысяч киргизов перекочевали со своим скотом за границу. Так действовала королевская Англия еще по отношению к царской России. Чему же вы удивляетесь? А ведь она была союзницей царской России в войне с кайзеровской Германией... Предательская роль местной буржуазии сказалась также в том, что, боясь гнева поднявшегося народа, она способствовала подавлению этого стихийно вспыхнувшего восстания.

А методы, методы какие! Черный Имам решил выполнить дьявольский план потопа и спустить озеро Иссык-Куль в реку Чу, чтобы затопить переселенцев в Чуйской долине и разрушить ирригационные сооружения. Начали даже рыть такой канал. Следы работ сохранились до нашего времени. Поэтому помните: если в вас стреляют басмачи — пули английские.

— Но, черт возьми, — воскликнул юноша, — какое дело иностранцам до наших научных экспедиций, до строящихся дорог! Я же не вмешиваюсь в их внутренние дела. Я работаю для народа. Это мирное дело.

Максимов не спеша затянулся, выпустил дым и тихо засмеялся.

— Очень давно, — сказал он, — еще в тысяча восемьсот тридцать шестом году, английский путешественник Вуд посетил Памир. В шестидесятых годах, когда мелкие ханы Бадахшана не пустили англичан на Памир, Англией был организован специальный институт шпионов — пандитов, из которых на Памире подвизались пандиты Мирза и Абдул-Меджит. Впрочем, вам эти подробности ни к чему.

— Нет, почему же, это интересно. Я лучше буду понимать обстановку.

— Чтобы понимать, надо начинать с экономики. Ну, что вы, например, знаете о дореволюционной экономике этого края?

— Хотите проэкзаменовать? — задорно спросил юноша. И так как Максимов молча ждал, то Юрий начал перечислять различные отрасли хозяйства: хлопководство, животноводство и многое другое...

Максимов докурил папиросу, сунул окурок в пепельницу и, расхаживая по кибитке, рассказал Юрию много

интересного. Оказывается, «Русско-азиатский банк» под контролем финансиста Герберта Гувера имел отделения во всех городах Туркестана и хозяйничал, прибирая к рукам хлопководство, рудники, нефть. Его «Бюро экономических работ», которым руководил американец Рум и компания, собирало сведения экономического и политического характера и даже проводило топографические съемки местности. Американские и английские монополисты Г Гувер и Л. Уркварт захватили нефтяные районы в Туркестане и организовали «Ферганское нефтепромышленное общество». Надо ли после этого удивляться попыткам англо-американских империалистов захватить Среднюю Азию? Ведь интервенция не всегда означает ввод иностранных войск на чужую территорию, но и вторжение посредством чужих рук.

С помощью басмачей английские империалисты стремились захватить каменноугольные копи Кызыл-Кии и Сулюкты, нефтяные скважины, ликвидировать посев хлопка, вызвать голод.

Басмачам поручили разрушить всю экономику Юга Киргизии и Ферганской области с той целью, чтобы Туркестан оставить без угля, а текстильную промышленность России без хлопка.

Например, курбаши Умар-Али в Маргеланском уезде приказал своей банде зарезать пятьдесят четыре крестьянина-хлопкороба в наказание за то, что они посеяли хлопок, и пригрозил хлопкоробам построить курган из голов тех, кто попытается сеять хлопок.

Курбаши Маддамин-беку, зачинателю басмаческого движения в Ферганской долине, ставкой Колчака в Сибири был присвоен чин полковника. Ему помогали белогвардейские офицеры. Через генерала Дитерихса и японского полковника Нагомини из Западного Китая шли все директивы Колчака и англо-американского командования в Фергану, Бухару, Хиву. Средняя Азия должна была играть роль моста между войсками Колчака и Деникина.

Конечно, в условиях антисоветской интервенции и внутренней контрреволюции разгромить врагов удалось не сразу. Тем более, что вначале басмачи выступали под знаменем газавата, священной войны.

Потом население стало убеждаться, что басмачи не только не помогают бедным, но режут бедных и защищают баев и манапов.

Особенно неистовствовали джадиды. Они проповедовали объединение всех народов, исповедующих ислам, под главенством Турции. Джадиды выступали заклятыми врагами Октябрьской революции. После народной революции в Бухаре они выполняли задания английских империалистов и организовали контрреволюционные басмаческие банды. Это они поставили Энвер-пашу во главе басмаческих шаек.

Басмачи были всяких направлений. Были автономисты типа курбаши Иргаша или отъявленные разбойники типа Ахунджана и Хал-Ходжи, которые переходили на сторону победителей, чтобы удобнее было грабить. Были откровенные контрреволюционеры типа Маддамин-бека и Курт-Ширмата и просто спровоцированные крестьяне Курганской долины.

Часто, борясь против регулярных частей Красной Армии Туркестанского военного округа, национальных формирований, добровольческих отрядов или милиции, они вели борьбу между собой.

Золото и оружие — из-за границы. Если в годы после революции среди басмачей попадались люди, действовавшие по убеждению, — националисты и религиозные фанатики, то теперешние басмачи — это наемные диверсанты английских империалистов.

— А Хамид какого толка? — спросил молодой геолог.

— Это длинная история... Так вот, новая попытка захватить Памир осуществляется сейчас, в тысяча девятьсот двадцать девятом году.

— Как — сейчас? — удивился Юрий.

— Одиннадцатого апреля английский агент Файзула Максум вторгся из Афганистана в Дарваз и захватил Кала-и-Хумб. С царской Россией Англия боролась за колониальное владычество, к Советской же России ненависть английских империалистов беспредельна.

Советская Россия, освободив от гнета народы Средней Азии, показала этим путь к освобождению другим колониальным народам. В какие бы личины басмачи ни

рядились, повторяю — это всё английские агенты, и цель у них одна. Теперь англичане засылают к нам басмачей через Афганистан и Кашгарию. Это диверсионные отряды, и их задача, в частности, — уничтожать работников экспедиций, изучающих «белые пятна» на Памире, помогающих нам наладить заводы, колхозы, дороги. А «белых пятен» еще немало, в частности за Заалайским хребтом. Вами английская разведка тоже интересуется. Дневники, захваченные Хамидом, — пример тому.

— А Хамид тоже басмач из этой группы?

— С Хамидом гораздо сложнее, — уклончиво ответил Максимов.

Он взял со стола растрепанную книгу. Юрий с удивлением узнал коран.

— Вы читаете коран! Зачем? — спросил он.

— Вы иногда задаете воистину наивные вопросы. Коран не только священная книга, он — практическое руководство поведения мусульманина во всех случаях жизни. Мулла[1], толкователь корана, нередко состоит членом тайной организации. К этой организации имеет прямое отношение тот же английский агент Черный Имам. Он толкует некоторые положения, например борьбу с неверными, в интересах Англии. Неграмотному верующему дехканину трудно разобраться в вопросах этой борьбы. Перед нами стоит задача: объяснить классовую и социальную сущность этой борьбы. Мы, большевики, должны за несколько лет переделать то, что веками укоренилось в сознании народов. Вот почему, повторяю, каждый советский человек, едущий в горы по делам, должен не только выполнить свое задание, но и действовать как представитель Советской власти. А теперь скажите: вы не могли бы определить по образцам золота, в каких реках они намыты?

— С большой точностью не могу, но приблизительно — да.

Максимов, подняв с кровати медный поднос, поставил его на стол перед Ивашко. В двенадцати белых бумажках, помеченных цифрами, лежали двенадцать кучек золотого песка и крошечных самородков. Юноша с интересом наклонился над ними. Он осторожно раздви-

---

[1] Мулла — мусульманский священник.

гал кучки и рассматривал их в увеличительное стекло, которое молча подал Максимов.

— Мне кажутся особенно интересными образцы под номером пять. Такие большие примеси платины встречаются только на Памире, по ту сторону Заалайского хребта, в районе Алтын-Мазара. Золото под номером семь, возможно, найдено в районе Ляхша, где Мук-Су впадает в Кизыл-Су. Этот мелкий песок, на котором помечен десятый номер, мог быть собран в реках Алайского хребта, даже по эту сторону. Номер второй — маленькие самородки — собран безусловно поблизости от золотой жилы, коренного месторождения. Если вы знаете, где добыто это золото, мы обследуем место и, возможно, найдем богатейшее месторождение... Вы молчите? Это где-то на Памире, да?

— Я сам это хочу от вас узнать.

— Вы просто испытываете мои знания!

— Без шуток. Это золото обнаружено в том самом тонувшем курджуме, который удалось вытащить из реки. Дело в том, что исмаилиты, члены тайной религиозной секты, посылают налог своему живому богу Ага-хану в Бомбей золотом. Мне важно определить, из каких мест послано это золото. И я уверен, вы можете мне в этом помочь.

— Если бы были наши дневники, я бы мог определить точнее.

Максимов открыл ящик стола, вынул толстые пачки записных книжек и молча положил перед юношей.

— Вот здорово! — радостно вскрикнул Ивашко, вскакивая и роняя стул. — Это же наши дневники! Откуда? Каким образом? Ведь их у нас захватили басмачи Хамида! Мы думали, вся работа пошла насмарку. Вот это подарок! Ох, спасибо! — Он схватил руку Максимова и потряс ее.

— Теперь вы сможете исполнить мою просьбу, — сказал Максимов, улыбаясь юношеской горячности Юрия.

— Добытые Федором и Никоновым образцы были в курджумах... — начал Юрий.

Максимов открыл шкаф и вытащил два курджума:

— В этих мешках ваши образцы.

— Не знаю, как и благодарить! — воскликнул Юрий. — Могу сейчас же заняться сравнением.

— Не сейчас. Заходите завтра ко мне и здесь займетесь. Вы давно работаете?

— Два года. Один год был в аспирантуре, а здесь я работаю с весны. Мне попался не золотоносный район, но интересный!

Юрий кратко рассказал о результатах своей работы. Упомянул о ротозействе Никонова, временно исполнявшего обязанности начальника группы. Все свои надежды Юрий возлагал на отсутствовавшего начальника группы Попова, который со дня на день должен был приехать.

— Стаж у Попова двадцать лет. Он знает золотые месторождения Памира назубок.

— Так уж и «назубок»? — весело спросил Максимов. — А как зовут Попова? — И серьезно разъяснил: — Чтобы всесторонне изучить Памир, необходим многолетний труд сотен специалистов.

Юрий сейчас же оговорился, что их Попов — однофамилец того известного геолога.

— Войдите! — вдруг крикнул Максимов, поворачиваясь к двери.

Вошел вестовой и, увидев постороннего, вопросительно посмотрел на Максимова.

— Говорите по-киргизски, — приказал тот.

— Вернулся третий гонец. Пять кишлаков не приняли курбаши. Он наткнулся на засаду. В него стреляли. Он остался жив, свернул на горные тропинки и едет обратно.

— Я этого ждал. Кто устроил засаду, выяснили?

— Двоих поймали, привезли. Говорят, кровные счеты.

— Пусть мой новый помощник допросит. Идите... Ну, а теперь пойдемте к моему заместителю Козубаю, — по-русски сказал Максимов Юрию, — подберем вам проводника. Вы ведь слышали о Козубае? Этому человеку цены нет... Эх, выкупаться бы в реке, да все некогда! Вы плаваете?

VI

Юрий Ивашко и Максимов, разговаривая об особенностях плавания в горных реках, прошли к дому, расположенному в глубине сада. Оттуда слышались звуки

музыки, и чей-то голос пронзительно и тонко тянул высокую ноту. Звук оборвался. В доме распахнулась дверь.

В большой, ярко освещенной комнате Юрий увидел пять человек. С удивлением он заметил среди других Рахима, юного помощника Абдуллы. С дивана, покрытого белой кошмой, поднялся невысокий круглолицый киргиз и поспешил навстречу входящим, протягивая обе руки. Четыре человека, сидевших на кошме, при виде Максимова вскочили, застыв в почтительной позе. Максимов жестом пригласил их занять прежние места.

— Соревнуемся, кто припев «Лейли-ханум» дольше вытянет, — весело сказал хозяин.

— Познакомьтесь. Это заместитель начальника золоторазведки Юрий, а это мой помощник, киргиз Дада, — сказал Максимов, усаживаясь.

Ивашко с изумлением смотрел на киргиза: это он не позволил ему стрелять в Хамида.

Киргиз понимающими глазами посмотрел на смущенное лицо юноши и весело сказал, похлопывая его по плечу:

— Да, да! Я самый, который боится... Ничего, садись... Э, нет, не садись, — вдруг озорным тоном сказал он, — плати штраф — все забуду, другом будешь... А ну, товарищ начальник, давай гостя попробуем, пусть вытянет, да? Смотри, делай так...

Киргиз три раза глубоко вдохнул воздух и запел: «Лейли-хану-у-у-у-у...» Шли секунды, десятки секунд, а Дада тянул высокую ноту, и лицо его наливалось кровью. Присутствующие выражали живейший восторг.

Оборвав пение, Дада обратился к Юрию:

— Ну, теперь ты сделай так.

Юноша отнекивался, но в глазах Максимова он заметил искры мальчишеского задора, и ему показалось, что даже строгий чекист сбросит здесь свою военную подтянутость и будет петь наравне со всеми. Юрий набрал в грудь воздуха и запел, напрягаясь изо всех сил. Все с любопытством смотрели на него. Не продержавшись на ноте и трети времени Дада, он замолк. Дада похлопал его по плечу:

— Сразу никто не может вытянуть, да. А я на пари, кто кого перепоет, один раз человеку жизнь спас.

Юноше Козубай сразу понравился своей непринужденностью и простотой.

Комната была вся в коврах и вышивках. В нише, сверкающей белым алебастром, стоял патефон, на стенах висели винтовки различных образцов и охотничьи ружья, а одна стена сплошь была увешана ножами и кинжалами.

— У вас замечательный голос, — не зная, как себя вести, сказал Юрий, обращаясь к тому, которого называли товарищем Дада.

— Он что угодно и кому угодно напоет, — сказал Максимов.

— Я вел себя в чайхане как идиот, как мальчишка! — горячо сказал Ивашко. — Мне просто стыдно...

— А, забудем это, все бывает...

— Вот потеха! Козубая назвали трусом. Дождался! — весело рассмеялся Максимов. — Это хоть кого развеселит... Однажды Козубай безоружный ходил покорять басмачей. Самое же интересное, что благодаря его красноречию более трехсот басмачей в плен сдались. С тех пор слава о его слове гремит по горам. Враждебно настроенные муллы объявили его слугой дьявола. Он не только храбр, но и хитер.

— Вы хотите сказать, — удивленно воскликнул Юрий, — что товарищ Дада пошел...

Теперь уже засмеялись все.

— Нет, меня не обманете, — сказал юноша несколько обиженным тоном.

— А они смеются по другому поводу. Вы сказали «товарищ Дада», а его зовут Козубай. Дада — это прозвище, мы так дразним его за привычку каждую фразу кончать словом «да». Теперь он от этой привычки почти отучился.

— Вы утверждаете, что товарищ Козубай один, безоружный явился к нескольким сотням басмачей и сразу уговорил их сдаться?

— Неужели вы не слышали об этом поразительном случае? Он зафиксирован в военной литературе. Расскажи, Дада, товарищу, ему это будет полезно.

— Кто много вспоминает, тот быстро седеет, — сказал Козубай, досадливо махнув рукой. — Некогда, сейчас будем плов есть.

— Придется мне самому рассказать, — усмехнулся Максимов. — В Гармском вилайете оперировали басмачи Султан-Ишана. А вы ведь знаете, что кое-где в горах бывает только один путь, одна-единственная тропа. Вверх над карнизом — километр отвесной стены. Вниз — тоже. Разминуться можно только на поворотах, в специально вырубленных углублениях. Пробовали посылать отряды для борьбы с Султан-Ишаном — безуспешно. У него несколько сот бойцов, и они оседлали тропинки. Никого не пропускают. Тогда послали Козубая. Он пошел один, безоружный и позволил себя захватить в плен...

«Вы меня можете убить, но позвольте раньше сказать вам слово», — заявил он.

Собрал Султан-Ишан почти всех своих басмачей, кроме караульных, а среди собравшихся было много местных дехкан. Колоритность речи Козубая потрясающа, но, если перевести ее на русский язык, она очень много потеряет. Надо вам сказать, что Козубай заранее подготовился. От пленных и перебежчиков он узнал подноготную многих басмачей, был осведомлен об их спорах, распрях, личных счетах... Он обратился не только к присутствующим, но и к их отсутствующим отцам и дедам, воззвал к памяти их прадедов и пращуров. Он поведал о том, как неправда богатых убила правду бедных. Он затронул самые больные струны бедняцкой судьбы. Напомнил, что большевики сожгли «Кабальную книгу», по которой каждый должник, не оплативший в срок долга, становился рабом того, кто заплатил за него долг.

Он напомнил имена малолетних дочерей дехкан, взятых в погашение долга богатыми... «Разве это вода в реках? — говорил он. — Вы пьете слезы таджикских сирот. Разве не жгут они вам сердце?..» И так далее... Он рассказал о том, как хорошо жить без баев и без насилия, и сказал, что, если басмачи разоружатся, он, Козубай, гарантирует им свободу. Тут он пустился фантазировать, какой радостной будет советская жизнь через несколько лет. Зная способности Козубая, я думаю, это выглядело красочнее, чем седьмое небо аллаха.

«Кто же мешает строить вольную жизнь? Кто же украл смех, улыбки и радость?..» И Козубай назвал двух

старших басмачей, требовавших от Султан-Ушана активных действий вопреки желанию остальных басмачей, решивших выжидать. Затем он слегка коснулся истории басмаческого движения. Он призывал не верить английским шпионам, раздувающим огонь неверия.

Он так красочно говорил о страданиях жен, потерявших мужей, о страданиях матерей и сирот, потерявших сыновей и отцов, изображая это в лицах, а потом так ярко описал их радость, если Султан-Ишан сложит оружие и покажет всему миру пример истинного человеколюбия, что Султан-Ишан прослезился. Может быть, он только сморкался, но Козубай ухватился за это. «Ты плачешь? — воскликнул он. — Это слезы раскаяния!»

Вот тут-то Козубай и разошелся. Я говорю вам, что это поразительный агитатор! Конечно, его речь не смогла бы быть напечатанной в газете и не слишком бы понравилась ортодоксальным начетчикам, но это была речь!.. Может быть, вы скажете, что я басни рассказываю, что такого не бывает? Так это же исторический факт, что Султан-Ишан приказал сложить оружие... В пяти кучах было больше трехсот винтовок. А как вы думаете, Ивашко, что после этого сделал Козубай?

Козубай, все время сидевший с простодушной усмешкой на лице, вынул из-за пояса крошечную тыкву с насвоем и, отсыпав немного табачного порошка на ладонь, порывистым движением бросил его под язык, а тыкву передал Максимову.

— Думаю, что Козубай расстрелял курбаши Султан-Ишана.

Максимов досадливо поморщился:

— Он возвратил все винтовки Султан-Ишану и сказал, что он ему верит и поручает разбить другие басмаческие банды, мешающие народу жить спокойно. Удивляетесь? Обычный начальник милиции так бы не сделал?

— Конечно!

— Но это привело к тому, что сделалось еще несколько банд А вы — расстрелять! Поговорите, потолкуйте с Козубаем, это вам пойдет на пользу.

Внесли большое блюдо дымящегося плова. Козубай пригласил всех сесть за стол. Гости вымыли руки и при-

нялись за еду. Нарядная пиала с вином, налитым Козубаем, обошла всех присутствующих.

Веселье было в разгаре. Вдруг в комнату вошел киргиз с винтовкой за плечами. Он быстро заговорил по-киргизски, обращаясь к Максимову. Максимов встал.

— У меня срочное дело, — сказал он по-русски. — Ты, Козубай, оставайся. Я поеду сам и возьму десять человек.

— Товарищ начальник, возьмите меня! — по-русски взмолился Рахим. — Я уже исправился, честное слово!

— Опять будешь своевольничать, воображая себя великим полководцем?

— Товарищ начальник, ведь я уже почти бывалый пограничник. Как интересная операция, так всегда без меня! А кто для вас открыл рябого исмаилита? Кто отвязал для вас белую кобылу? Товарищ начальник!

— Уговорил. Седлай для себя Серого. Скачи с моей запиской к начальнику милиции. Я все, что нужно, напишу. Потом жди меня в зарослях у мельницы. Выполняй.

— В чем дело? Что такое случилось? — спрашивал Ивашко, когда они остались вдвоем с Козубаем.

— Так, — нехотя ответил Козубай. — Банда захватила одного человека.

— Крупного партийца?

— Бывшего курбаши.

— Из-за бывшего курбаши такая тревога? Кто же этот курбаши?

— Имя ему Большая Тайна, — с нарочитой таинственностью сказал Козубай, прикладывая палец к губам и прищуривая левый глаз.

— Не скажете?

— Нет, — решительно ответил Козубай.

Юрий обиделся по-мальчишески. Выражение досады появилось на его лице. Он быстро замигал глазами, незаметно удаляя неожиданно появившуюся влагу на глазах. Он же спрашивал не из простого любопытства, а Козубай, как только он захотел узнать больше, сразу провел резкую черту между собой и им. Он интересуется случившимся из желания помочь. Ведь он тоже советский человек. Более того — он комсомолец!

Максимов мог бы его взять с собой, но не взял.

«Максимов гордец, — мгновенно решил Юрий. — Гордец, гордец!» — мысленно твердил он. А потом подумал, как бы он поступил на месте Максимова, и сразу почувствовал, что неправ, называя этого скромного человека гордецом.

Козубай заметил выражение оскорбленного самолюбия на лице юноши. Ему понравился этот порывистый, но не в меру обидчивый и, видимо, смелый юноша, которому еще не хватало гибкости и тактичности, рождаемых жизненным опытом и так необходимых в этих краях.

Козубай весело засмеялся, ткнул Юрия пальцем в бок и сказал:

— Будешь много знать — будешь плохо спать, да! А будешь плохо спать — лысым станешь, девчонки любить не будут, да! Это военная тайна. Не обижайся.

Юрий улыбнулся Козубаю. Он улыбался, чтобы показать, что ценит его дружеское расположение и не намерен дуться, так как неправ. «Именно «неправ» — точное определение найдено!» — обрадовался Юрий и вдруг ощутил прилив большой симпатии к Козубаю, человеку обаятельному и к тому же умеющему и воевать и веселиться.

— А как насчет проводника? — спросил он деловым тоном, подчеркивая, что забыл обиду.

— Я тебе дам Ахмеда. Пожилой уже, но золотой человек. Он был в особой татарской бригаде. Служил пограничником. Знает горы как свои пять пальцев. Только, если не захочет, не требуй от него, чтобы он ездил в кишлаки за кумысом, да... У него с исмаилитами особые счеты.

— А кто такие исмаилиты? Я много о них слышу.

— Не знаешь? Ай-ай! Это надо очень хорошо знать.

Козубай рассказал, как исмаилитские главари превратили религиозную секту в широкую боевую конспиративную организацию, связанную крепкой и строго соблюдаемой дисциплиной. Исмаилитами командовал Ага-хан, очень крупный капиталист, которого члены секты считали воплощением бога на земле. Этот «живой бог» учился в Англии, в Оксфорде, женился на богатой француженке и живет в Бомбее, где он построил молитвенный дом со всякими «чудесами». За вознаграждение

Ага-хан помогал колонизаторам Германии и Англии, французской буржуазии в Сирии и турецким богачам.

Козубай охарактеризовал Ага-хана как заклятого врага трудящихся. Многие исмаилитские духовники — пиры и имамы — те же баи, и даже хуже. Пир заставляет мюридов, то есть своих «пасомых», выполнять все свои приказания. Мюрид принадлежит тому пиру, предкам которого подчинялись предки этого мюрида. Мюриды — вроде крепостных не только телом, но и духом. Повиновение мюридов своим пирам безгранично. Козубай привел в пример слова одного пира: «Если бы я приказал отцу убить собственного сына, то он не осмелился бы ослушаться приказа». Пир заставляет мюридов содержать принадлежащий ему скот, и те выдают его скот за свой. Поэтому узнать по степени зажиточности, по скоту, кто бай-пир, а кто дехканин — невозможно.

Нужно пройти много ступеней обмана, испытаний, клятв, чтобы из простого мюрида стать посвященным. Козубай рассказал о показаниях одного басмача-диверсанта, как тот поверил в божественность и всесилие Ага-хана. Этого фидоя, то есть человека, согласившегося обречь себя на все, даже на смерть, чтобы выполнить приказ Ага-хана, спросили: хочешь видеть рай? Кто же откажется отведать райской жизни? Этого фидоя усыпили и перенесли в дом. Он проснулся, слышит — музыка играет, перед ним стоит плов, коньяк и другие яства. Красивые женщины развлекали его. Фидой наслаждался жизнью три дня, а потом его снова усыпили и перенесли обратно. А когда он проснулся, ему сказали: «Если хочешь вечно наслаждаться в таком раю, выполняй все наши приказания, и, если тебя убьют, ты снова очутишься в этом же раю». И фидой верил этому.

А чтобы еще сильнее убедить простаков, приводят фидоя в комнату, где на ковре стоит блюдо с отрезанной головой. Этот фокус делается так: в яму под ковром садят своего человека — актера, и он высовывает голову через отверстие в блюде, политом кровью.

Посмотришь — ожившая голова на блюде.

И вот начинается разговор пира с «ожившей головой». Пир уговаривает фидоя — смертника, погибшего при выполнении задания, возвратиться на землю, а «голова» увлекательно рассказывает о поразительных

радостях рая, не соглашается вернуться. И простаки этому верят. Верил и басмач-фидой.

Много ли надо для темного, неграмотного, чтобы удивить его? Козубай рассказал о молитвенном доме Ага-хана в Бомбее. Побывавшие там исмаилиты рассказывают об этом с чувством священного трепета. Там из стены, стоит нажать кнопку, льется то холодная как лед, то горячая вода. Раз — и комната взлетает к небу и вдруг оказывается на крыше дома. Молитвенный дом полон такими чудесами, как водопровод, лифт и прочее.

Но как рассказать исмаилиту об этих проделках, если нельзя узнать, кто исмаилит, а кто нет. Исмаилит скрывает от всех, что он исмаилит. С иудеями он — иудей, с огнепоклонниками — огнепоклонник. Он будет петь советский гимн и делать свое дело. Конечно, подрывная деятельность некоторых исмаилитских вожаков на Памире с его труднодоступными горами и бездорожьем очень мешает быстрому осуществлению многих советских мероприятий.

Закончил Козубай так:

— Если услышишь от кого-нибудь пароль: «Люби свою веру, но не осуждай другие», то остерегайся этого человека: это исмаилит. Многие из них — преданные агенты своего английского бога Ага-хана, а значит, враги Советской власти. Ахмед хорошо знает всякие фокусы-покусы исмаилитов. Только слушайте его... Хватит о делах, да!.. Тебя сегодня Максимов ругал? — добродушно спросил Козубай. — Эй, Ахмед! — крикнул он неожиданно. — Зови наших, и пошли за русскими в чайхану Абдуллы... Ничего не имеешь против?

— Нет, — ответил Ивашко. — Мне и самому хотелось их позвать, да не знал, удобно ли.

— Удобно, очень удобно. Твои подойдут — всем вместе рассказывать буду, чтобы, если один пропадет, другой знал обстановку.

— Вы думаете, будут потери? — спросил Ивашко, стараясь говорить спокойно.

— В горах? — удивился Козубай. — А зачем вы тогда винтовки с собой берете? Кто может поручиться, что лошадь не сломает ногу и не сорвется в пропасть, да?

Появление дежурного прервало беседу. За ним, разговаривая, вошли пятеро русских.

— Попов! — воскликнул обрадованно Козубай. — Ах ты, старый бродяга, вечный охотник за камнями, как тебя горы до сих пор носят, да!

— А ты, барсук, сидишь в норе и боишься высунуться, чтобы басмачи скальп не сняли? Ну, скажи по секрету, сколько ты платишь отступного басмачам, что они дают тебе возможность людям зубы заговаривать? Дай мне хоть пощупать, сколько ты жиру накопил. Давненько не видались!

Приятели крепко обнялись. Посмеиваясь, они закружились по комнате. Козубай подставил ногу. Попов, падая, успел зажать его голову под мышкой. Гости бросились их разнимать.

Вскоре оба борца, глядя друг на друга влюбленными глазами, с аппетитом уплетали плов, а остальные дружно им помогали.

Гора плова на большом медном блюде быстро уменьшалась.

— Так вот, — сказал Попов, — в этом году далеко в горы уже не поедем. Отменили. Во-первых, поздненько, зима на носу, а во-вторых, получили небольшое задание неподалеку.

Юрий огорчился. Он взволнованно сказал Попову, что ему надо обязательно побывать на Алае, отдать долг за барана.

— Слышал, — сказал Попов. — Нехорошо это у вас получилось. — И главное — результаты всей работы проморгали.

— Да нет же, нет! — закричал Юрий, поднимая с ковра и подбрасывая вверх кипу связанных записных книжек. — Вот они! Образцы тоже спасены.

— Ну что бы вы делали без нас? — спросил весело Козубай, глядя на обрадованных гостей.

Молодежь увлеклась разбором вновь обретенных записей, а у старых друзей начался разговор, который бывает не часто, но, уж раз начавшись, ведется по душам, начистоту. Юрий восторженно слушал обоих.

— Козубай, Козубай! — вдруг донеслись крики со двора.

Дверь распахнулась, пропуская окровавленного пожилого киргиза. Юрий узнал в нем нового знакомого

из чайханы, раиса колхоза «Свет зари». Он быстро говорил по-киргизски, размахивая руками.

Козубай устремился к двери.

— Помочь? — спросил Попов и вышел вместе с остальными во двор.

— Сами справимся. Уезжаю, — ответил Козубай, быстро шагая к коновязи. — Максимов ранен. Ты представляешь, в стычке участвовал сам Тагай! Да, ты-то знаешь, Попов, кто такой этот Тагай, а вот они еще не знают, да! Ну скажи, кто бы подумал, что сам Тагай очутится осенью здесь, вместо того чтобы находиться за границей! Он вмешался в историю с Хамидом. А если Хамид умрет от ран, целый курджум тайн и секретов пропадет. Это невозможно!

С этими словами Козубай вскочил на коня, и всадники исчезли в темноте. За ними, громыхая железными ободьями по камням, покатила пустая арба.

— Товарищ Попов, Николай Сергеевич, — умоляюще произнес Юрий, — разрешите, я поеду с Козубаем! Мне будет это полезно, я смогу помочь. А срочной работы сейчас нет.

— Что же, поезжай. За одного обстрелянного сто необстрелянных дают. Только будь осторожнее.

Вскочив в седло, Юрий почувствовал такую жажду деятельности, что, задыхаясь от нетерпения, поскакал, нахлестывая коня, туда, откуда слышалось громыханье арбы.

VII

Выпущенный Максимовым на свободу курбаши Хамид был захвачен внезапно налетевшими басмачами и увезен в неизвестном направлении. Максимов понимал, что смирение Хамида — только маска, прикрывающая его тайные планы.

Человек с ясным умом, огромной энергией и инициативой, осмотрительный и выдержанный, Максимов испытывал наслаждение, решая самые трудные задачи. Дело Хамида было особенно трудным и требовало быстрого решения. У Максимова в руках было много нитей, тянувшихся за границу, но были и пробелы.

Хамид был связан с Черным Имамом, в этом Максимов был твердо уверен и постарался сделать все так, чтобы Хамид вынужден был сам явиться к нему, Максимову, искать защиты от своих бывших единомышленников. Максимов рассчитывал, что Хамид пробудет дома не более суток и, вернувшись назад, расскажет все начистоту. И вдруг Хамид повернул обратно, не доехав домой. Видимо, для этого были очень серьезные причины. Максимов вспомнил судьбу сдавшегося в плен курбаши Маддамин-бека. Басмачи из другой шайки захватили его и убили.

Хамида не убили, а похитили. Для чего? Хотят выпытать, что́ он успел рассказать Максимову на допросе? Значит, есть какие-то очень важные тайны, разглашения которых боятся его единомышленники, так как допрос Хамида не дал особо интересных сведений. Предположений было много, и, чтобы все узнать, Максимову было важно увидеть Хамида живым.

Максимов и еще двое киргизов, служивших ранее в киргизском кавалерийском эскадроне, ехали крупной рысью. Остальные скакали сзади коротким галопом.

Военный, не знакомый с тактикой басмачей, предпочел бы темной ночью ехать осторожно, шагом, выслав во все стороны дозоры, но Максимов в таких случаях предпочитал именно быструю езду. Басмачи, неплохие стрелки по неподвижной цели, не умели стрелять по быстро движущимся целям. Этим и объяснялось такое, казалось бы, на первый взгляд, странное явление, что не пехота, маскирующаяся в камнях, а кавалеристы, большая и удобная мишень на поле боя, когда они быстро, во весь опор неслись на басмачей, не только разбивали их наголову, но почти не имели при этом никаких потерь.

Эта тактика не раз выручала Максимова. Вот почему и сейчас он быстро гнал лошадь по узкой дороге, густо заросшей по краям деревьями, за которыми все равно не увидишь басмача, и только быстрое движение предохраняло всадника от пули.

Максимов меньше всего думал об опасности, которая подстерегала его за кустами. Он привык к ней. Сейчас он думал о возможных связях Хамида с одним ответственным районным работником. Этот работник, когда

Максимов говорил ему о необходимости срочных мер, даже в самых, казалось бы, простых вопросах, как, например, уничтожение сапных лошадей и противосапные прививки, вместо того чтобы принять экстренные меры, любил фантазировать о будущих годах, когда этого не будет. Он говорил о химической очистке арычных вод, о полном истреблении мух газами, о постройке крематория для сжигания трупов павших лошадей и полной замене лошадей тракторами, не болеющими сапом. Так он мог говорить без конца, серьезно и вдохновенно, убеждая, что «незачем организовывать товарищество по совместной обработке земли, когда мы можем создать коммуны».

Максимов сразу понял, что Хамид отнюдь не так прост, хотя и старается казаться простаком. Да и материал, полученный о Хамиде «сверху», характеризовал его как умного, хитрого и опасного врага.

Что же заставило Хамида сдаться даже без попытки прорваться за границу? Зимнее бездорожье? Но ведь Хамид был в горах и вблизи границы еще до наступления бездорожья. Что же побудило его сменить короткий путь до границы на более длинный путь в Ферганскую долину? Может быть, Хамид не поладил с единомышленниками?

Хамид заявил, что он на личном опыте убедился в совершенной безнадежности басмаческих попыток помешать советскому строительству, что он раскаивается в совершённом и поэтому решил сложить оружие и просить о помиловании.

Хамид, человек отнюдь не глупый, конечно, не мог не понять того, что даже если бы он попытался тайно укрыться в кишлаках до весны, его все равно выдали бы, — так велика была ненависть трудящихся к басмачам. И все же, поддавшись на уговоры агента, посланного Максимовым, Хамид шел на риск, и, видимо, этот риск он считал оправданным.

Возможно также, что, решив отказаться от всякой борьбы с Советской властью, Хамид боится мести своих заграничных хозяев и поэтому не желает возвращаться за границу. Или появление Хамида с повинной — только маневр, чтобы весной снова организовать банду, а зимой Хамид попытается наладить связь с врагами Совет-

ской власти — националистами — и, в частности, с тем, который был у Максимова на подозрении?..

Он наизусть помнил слова генерала Малессона, члена английской военной миссии в Средней Азии: «У меня было несколько прекраснейших офицеров, говоривших на нескольких языках, были агенты на расстоянии тысячи миль, даже в правительственных учреждениях большевиков, был контингент людей, постоянно разъезжающих в местностях, которые я считал важными. Едва ли был хотя бы один поезд по Среднеазиатской железной дороге, в котором не было бы нашего агента и не было ни одного значительного пункта, где бы не было двух-трех наших людей. Когда мы начинали, у нас не было ни одного агента, а окончили с большой организацией».

— А ведь выловили не всех.

— Не гони так, товарищ Максимов, кони в мыле, — сказал начальник милиции, молодой, исполнительный Шарафутдинов.

Всадники переехали реку. Из далекого кишлака донесся сиплый лай собак. Максимов остановил лошадь.

— Шарафутдинов! — тихо позвал он. — Шарафутдинов, возьми двух бойцов. Узнай, в чем дело. В кишлак не въезжайте. Пустите в разведку Рахима: он способный малый. Действуйте.

Группа уехала.

Максимов с бойцами стоял на месте минут двадцать. Лошади нетерпеливо фыркали. Максимову не давала покоя мысль: жив Хамид или нет?..

Вдруг тишину ночи разорвал выстрел, за ним последовал второй, третий.

— Вперед! — крикнул Максимов.

Конная группа быстро мчалась по дороге. Из темноты показался всадник.

— Тысячеглазый, это я! — услышал он возбужденный шепот Рахима. — У кишлака дерутся две группы басмачей. Одни обороняются, другие нападают.

Ветви кустов на обочине дороги зашумели. Все навели туда оружие.

— Кто там?

— Начальник, — послышался голос, — я председатель колхоза «Свет зари». Тагай с басмачами везет

Хамида не в горы, а по нашим садам, к Кызыл-Кие. Я их сам видел. Наверно, думают обмануть погоню, чтобы потом свернуть в горы.

— Проще всего, рассыпавшись цепью, прочесать сады в направлении Кызыл-Кии, но тогда басмачи, заметив погоню, прирежут Хамида, чтобы он не попал нам в руки, — высказал Максимов свою мысль.

Он приказал одному из бойцов взять к себе на лошадь председателя колхоза, чтобы тот показывал путь. Ехать было трудно. Силуэты деревьев напоминали расплывчатые тени всадников.

— Вправо, вправо! — крикнул председатель.

Вдруг конь Рахима, вырвавшись вперед, захрапел и попятился назад.

— Осторожно! Здесь полив. Грязь! — сказал, подбегая, какой-то дехканин.

Председатель колхоза окликнул его. Они зашептались.

— Басмачи Тагая проехали здесь, — сказал председатель, — и направились на северо-восток.

Максимов быстро разделил свой отряд на две части.

Басмачи, ехавшие гуськом возле тополей, по краю затопленного поля, услышали позади топот лошадей. Они приняли бойцов за своих джигитов, задержавшихся в кишлаке. Басмачи были настороже, но все случилось так быстро, что они не сразу поняли свою ошибку.

Максимов сбил выстрелом из нагана басмача, ведшего в поводу лошадь с лежащим на седле человеком, которого он принял за Хамида. Это оказался раненый басмач. Только после этого Максимов увидел на скакавшей впереди лошади двух всадников.

Выстрелы по лошади не сразу свалили ее. Упавшие были связаны веревками. Когда Максимов подоспел, один из них, освободившись от веревок, позвал басмачей на помощь и начал стрелять. Максимов пристрелил его. Произошла схватка, которая возможна только ночью, когда каждый боится стрелять издалека из опасения попасть в своего и сражается главным образом вблизи, пуская в ход револьверы и шашки. Максимов готов был поклясться, что видел самого курбаши Тагая.

Центр свалки быстро переместился дальше. На земле осталось несколько трупов. Раздался стон. Стонал тот,



— Как себя чувствуешь? — спросил Максимов, освещая электрическим фонариком лицо Хамида.

который был привязан к басмачу. Он упал вместе с ним и остался лежать на земле.

Максимов спешился и, наклонившись, узнал Хамида. Свою рану, повыше локтя, Максимов почувствовал только тогда, когда начал перевязывать грудь Хамиду. Левая рука онемела, кровь склеила пальцы и пачкала приготовленный бинт. Максимов свистнул, и к нему подскакал Рахим. Он помог Максимову перевязать Хамида, хотя всем своим видом старался дать понять, что это ему не нравится. Увидев, что Максимов тоже ранен, Рахим перевязал ему руку.

— Товарищ начальник, я сейчас арбу привезу... Сейчас мы заберем вас в кишлак! — говорил мальчик взволнованно.

— Это пустяки, — ответил ему Максимов. — Скачи к начальнику милиции! Мой приказ: чтобы ни один басмач не достиг гор. Кого-нибудь из легкораненых пошли к Козубаю передать, что Хамид ранен. Да не забудь сказать, что я видел Тагая.

Рахим ускакал.

Мимо Максимова проносились всадники. Они осторожно сближались. Гремели выстрелы. Басмачи поскакали в горы, но попали на затопленное поле и, спешившись, скрылись в придорожных кустах.

— Как себя чувствуешь? — спросил Максимов, освещая электрическим фонариком лицо Хамида.

Хамид молчал. Его губы были в крови.

— Как чувствуешь себя? — опять спросил Максимов.

— В живот ранен. Плохо, — простонал Хамид и закашлялся, захлебнувшись кровью.

— Эх, не заметил раньше! — сказал Максимов сокрушенно, нагнувшись над Хамидом.

— Тагай, — прошептал Хамид еле внятно, — в тебя стрелял... в меня стрелял... У Тагая фирман Ага-хана есть. Он много замыслов Черного Имама знает. Поймаешь его — узнаешь много... А я теперь умирать буду.

— Хамид, я не хотел, чтобы рука Черного Имама достала тебя. Я думал, ты сам приедешь ко мне.

— Я уже ехал к тебе... — с трудом проговорил Хамид.

— Скажи мне сейчас, какой последний фирман послал Ага-хан своим пасомым, какой приказ он дал Чер-

ному Имаму? Не таись, я знаю, ты имеешь великий чин исмаилитского генерала Дайями...

— Разве об этом мои мысли? Дай умереть спокойно...

— Ты не умрешь. За нами сейчас приедут. Скажи мне все. Неужели ты хочешь, чтобы твой сын проклял твою память?

— Сын мой? Что ты о нем знаешь! Он исчез пять лет назад. Он умер.

— Он жив. Он солдат Красной Армии, служит на Дальнем Востоке и стыдится твоего имени. Если ты все откроешь мне, я напишу ему: твой отец пал в бою с басмачами Тагая. Я напишу об этом в газете, которую читают миллионы людей.

— А моя семья? Длинны руки Ага-хана и его Черного Имама!

— Я переселю твою семью в Узбекистан. Там исмаилиты ничего не сделают твоей семье.

— Ты не знаешь исмаилитов. Им известно даже расписание смены на пограничных постах.

— Расскажи мне все о Тагае, и я отомщу за тебя и за всех, кого он убил. Кто он?

Воцарилось молчание.

Наконец Хамид открыл глаза и произнес:

— Ага-хан хотел назначить Тагая Верховным Дайи, вместо того чтобы назначить меня... Дайи имеет право повышать истинно верующих в сане... А сам Тагай хочет стать... У него... фирман Ага-хана...

— Кем хочет стать Тагай? А Черный Имам? Как зовут его в жизни? Хамид, очнись!

— Это имам Балбак... в правой глазнице у него искусственный глаз. Он ближе всех к Ага-хану.

— А пиры? Ты ведь должен знать пиров и их помощников. Назови же их. Где они? Кто?

Хамид попросил пить.

— Потерпи, я отвезу тебя в больницу, — говорил Максимов, — ты будешь жить. Но скажи мне: в чем секрет фирмана Ага-хана?

— Он называется «дивана». Чем хуже, тем лучше. Дивана... сумасшедший... дервиш... кто против — смерть... вступить в комсомол... коммунистическую пар-

тию... готовиться... готовиться... чтобы все было готово... и потом... потом... потом...

Максимов приник ухом к губам начинающего бредить Хамида.

Басмач бормотал:

— Снимите угли — не надо жечь... Двадцать семь лет, как я... как и почему, но я в темнице...

Хамид замолчал. Он был без сознания. Максимов вылил из фляжки остатки холодного чая ему на голову. Хамид забормотал что-то невнятное... Максимов уловил слова:

— Остров... остров... потоп... потоп...

Лошадь Максимова, стоявшая рядом, заржала.

— Это я, Козубай! — донесся голос из темноты.

— Козубай, скачи к Кызыл-Кие, подыми шахтеров, переверни горы, но поймай Тагая: у него новый фирман Ага-хана... Кто с тобой?

— Это я, Юрий Ивашко! — не сразу отозвался юноша.

Он не знал, как Максимов примет его присутствие здесь.

— Какие острова вы знаете в Средней Азии? — вдруг спросил его Максимов.

— Острова? — растерялся юноша. — Здесь нет островов.

— Остров, остров, — повторил Козубай по-киргизски.

«Остров... Ведь так называются двенадцать стран, где упрочился исмаилизм, — пришло в голову Максимову. — Но что такое потоп?..»

— Отправляйся домой. Арба тебя ждет, — быстро сказал Козубай. — Три бойца помогут тебе и Хамиду.

— Действуй! — сердито крикнул Максимов.

VIII

Приказав начальнику милиции продолжать теснить басмачей к шахтам, преграждая им путь в горы, Козубай с бойцами и молодым геологом поскакал вслед за председателем колхоза «Свет зари».

Через полчаса они достигли голых холмов и проехали

через осыпавшиеся старые окопы и оборванную колючую проволоку прямо во двор управления кызыл-кийских каменноугольных рудников.

На окрик сторожа Козубай назвал себя и прошел с не отставшим от него ни на шаг Ивашко в контору. Дежурный тотчас же позвонил секретарю партийной организации.

— Смотри, Юрий, — сказал Козубай, — Кызыл-Кия — это не просто шахты, да! Старые окопы видел? Колючую проволоку видел? Кызыл-Кия — это пролетарский бастион революции. Здесь работают шахтеры: киргизы и узбеки, русские и таджики, украинцы и татары. Пролетарская дружба как скала. Курбаши Маддамин-бек имел больше тринадцати тысяч басмачей и то захватить Кызыл-Кию не смог, да! Было четыре тысячи шахтеров, работали в три смены. Одна смена работает, другая отдыхает, третья смена с винтовками рудники охраняет. Я сам шахтером был.

Кызыл-Кийская республика! Да! Зачем улыбаешься? Так ее сами шахтеры называли, когда их во времена «кокандской автономии» [1] со всех сторон окружили басмачи. Думаешь, шахтеры только в окопах сидели? Нет! В Уч-Кургане шайку курбаши Джелаля наголову кончили, да! К кызыл-кийцам за помощью против басмачей дехкане из кишлака скакали. Когда мы шли, ты видел старый колокол?

— Не заметил!

— Зачем не заметил?

— Ну не обратил внимания! Не до того!

Козубай недовольно причмокнул языком:

— Это колокол тревоги! Если шахтеры «бам-бам-бам» слышали, то хватали винтовки, на коней и айда басмачей кончать. Басмачи нас, как джиннов, боялись и «карашайтанами» — черными чертями и «караадамами» — черными людьми называли. Если шахтер не умылся, он черный, только зубы белеют, когда смеется. Кызыл-кийцы и уголь на-гора давали, и «кокандскую автономию» помогли разогнать, и банды Маддамин-

[1] «Кокандская автономия» — контрреволюционное движение в Туркестане (ноябрь 1917 года — февраль 1918 года). Объединение русской и национальной буржуазии в целях борьбы с Советской властью.

бека и Курширмата помогали громить, и нам сейчас помогут. Ты хорошо стреляешь из винтовки?

— Ворошиловский стрелок!

— Очень хорошо! Я дам тебе пять комсомольцев, таких же горячих, как ты, — огонь ребята! Ваша задача будет не пропустить басмачей мимо шахт, там, где тополи, в сады у подножия гор. Стрелять будешь только в том случае, если басмачи побегут в вашу сторону. Но я знаю их повадки. Сейчас они выбрались из залитых садов и ждут удобного случая, чтобы уйти в горы. Мы их пугнем, и, вернее всего, они побегут прямо на меня. Если всех не перехватим, то оставшиеся свернут прямо на вас. Услышишь выстрелы — никуда не беги, сиди на месте, жди. Задерживай всех, кто будет идти мимо вас. Пусть это будет женщина под паранджой. Сады залиты, и сейчас дехкане здесь не ходят. Не горячись! — сказал Козубай и подал Юрию две гранаты.

Вскоре Ивашко с молодыми шахтерами, поднявшимися прямо из шахт, сидел в засаде у тополей. Взошло солнце. Стало жарко. Прошел час, второй, третий. Юноши томились от нетерпения.

Вдруг трава возле бугра зашевелилась, и перед Юрием очутились два потных запыхавшихся мальчугана.

— Скорее, скорее! В камышах крадутся басмачи! Что же вы лежите? Мы видели с бугра... Скорее, а то убегут!

Мысль, что он упустит басмачей, ужаснула Юрия. Он поднял комсомольцев, и все они, прячась за кустарником, поспешили к камышам. Вскоре они увидели басмачей совсем близко. Пригибаясь, басмачи быстро бежали к зарослям, где должен был находиться Козубай с бойцами, и никто в них не стрелял.

— Убегают, убегают! — в отчаянии шептали сзади мальчишки.

Вне себя от ярости, забыв о приказе Козубая, Ивашко вскочил и метнул во врагов гранату. Зеленоватый дым от гранаты не успел еще разойтись, как он опустился на одно колено и начал стрелять по басмачам из винтовки. Молодые шахтеры не отставали от него.

Басмачи, не отстреливаясь, резко повернули от них в сторону, рассыпались и побежали во весь рост.

И тогда из дальних зарослей, куда вначале направлялись басмачи, послышались частые выстрелы. Юрий, потный и разгоряченный, забыв обо всем на свете, побежал за басмачами, стреляя на ходу.

А из дальних зарослей скакали к Ивашко всадники.

— Упустил! — сердито крикнул Козубай, проносясь мимо юноши на коне к тому месту, где, согласно его приказу, должен был находиться Ивашко и где теперь виднелись удиравшие басмачи.

Позже выяснилось, что Тагай все же прорвался мимо тополей в горы, использовав оплошность Юрия, принявшего басмаческих разведчиков за их основной отряд.

— Я арестую тебя! Где твои глаза были! — кричал взбешенный Козубай, возвратившись к шахтам на взмыленной лошади. — Правильно говорил Максимов: услужливый дурак опаснее врага! И как я, старый, стреляный волк, мог так ошибиться в человеке? Ведь от тебя требовалось немного — быть на своем посту и выполнить приказ. Ну что я теперь скажу Максимову? Эх я, синий осел! — И Козубай в сердцах ударил себя кулаком по лбу.

— Я ведь хотел, чтобы лучше было... — начал было оправдываться молодой геолог, но, поняв по выражению лица Козубая, что все это пустые и ненужные слова, сказал: — Что я должен сделать, чтобы исправить ошибку? — И быстро добавил: — Попов разрешил мне принять участие в операции и не ограничил временем... Клянусь, я поймаю Тагая, чего бы мне это ни стоило! Скажи, что я должен сделать?

Козубай кусал губы, и черные усики его сердито шевелились:

— Да ведь ты мест не знаешь!

— Я знаю Исфайрамское ущелье. Только вчера оттуда приехали.

— Исфайрам? Сделаем так: поедут два комсомольца-шахтера и два моих бойца. Командовать будешь ты, Гафиз, — обратился Козубай к худощавому бойцу-киргизу, сидевшему на вороном коне. — Поедете по Исфайрамскому ущелью вверх, к Каменному перевалу. Два дня пути, если не спешить, но вы спешите. Там, Гафиз, и засядешь. Исфайрамское ущелье — горная дорога в Дараут-Курган. Есть и другие. У этой дороги есть немало

ответвлений... Вот что ты наделал, Юрий! Поезжай с ними. Все мои бойцы будут искать Тагая... Но кто знает его пути!

— Хоп! — сказал Гафиз. — Двух лошадей мы возьмем в кишлаке.

НА КРЫШЕ МИРА — У ПОДНОЖИЯ СМЕРТИ

I

Несколько групп отправились в погоню за Тагаем.

Над бурной рекой Исфайрам, среди каменных осыпей, по узенькой тропинке, где не разминуться двоим, Гафиз с группой пробирался в горы, к перевалу Тенгизбай.

Далеко позади осталось преддверие гор, область аддыров — невысоких желто-серых холмов — и хорошая дорога. Одинокие скалы слились в горные теснины, прорезанные поперечными ущельями, заполненными синеватым туманом. Голубое небо протянулось над головой узкой неровной полосой.

Уже к вечеру они заметили басмачей, выезжавших из ущелья слева. У входа в ущелье и выше по исфайрамской тропе лежали уже знакомые Юрию огромные глыбы мрамора. Басмачи, прячась среди этих глыб, погнали коней вверх, к перевалу. Тагай не хотел принять бой, понимая, что его спасение только в поспешном бегстве, но оставил заслон.

В Исфайрамском ущелье с массой естественных преград преимущества были не на стороне преследователей. Обойти врагов не позволяли отвесные скалы, и пришлось спешиться и наступать в лоб, чтобы выбить басмаческий заслон из «каменной крепости». Басмачи отошли, оставив в камнях двух убитых.

Тропинки на узких карнизах спускались к мостам отвесно и так же отвесно поднимались. Лошади выбивались из сил и часто останавливались. Переправ через реки было много, и там, где бревна не были укреплены, басмачи сбрасывали их и приходилось перебираться через бурный поток на другую сторону. Становилось все круче и круче.

В Уч-Кургане была жаркая осень, но чем выше они поднимались в горы, тем становилось холоднее. Они двигались по снежной тропе, и, чтобы напоить коней, приходилось рубить лед.

Когда приблизились к Каменному перевалу, в группе Гафиза оказалось трое раненых: двое были ранены при первой стычке. Всех их Гафиз сразу же отослал назад с донесением Козубаю.

Юрий и Гафиз были одеты по летнему и мерзли. На Юрии был штурмовой альпийский костюм из брезента, мягкие ичиги и ушанка; на Гафизе была гимнастерка, галифе, сапоги и буденовка. С первых же убитых басмачей они сняли теплую одежду и надели на себя.

Басмачи уходили отстреливаясь, а перед Каменным перевалом, этим последним, очень трудным подъемом на голый перевал Тенгиз-бай, они оставили в засаде двоих. Гафиз полез на крутизну, чтобы зайти сверху, а Юрий стрелял по ним, чтобы отвлечь внимание басмачей, сидевших в засаде, на себя.

На рассвете вершины гор окутались непроницаемой пеленой снежного вихря.

Как только выстрелы со стороны басмаческой засады прекратились, Юрий двинулся вперед, ведя за собой коня Гафиза. На месте засады он обнаружил раненного в плечо Гафиза и два басмаческих трупа.

— За перевалом, у выхода из ущелья, находится Дараут-Курган, — сказал Гафиз. — Надо идти за басмачами и стрелять. Когда будем ближе к Дараут-Кургану, там услышат.

Юрий перевязал Гафиза, и они поехали вверх. Буран усилился.

— «Не бойтесь ста богов», — сказал Юрий, оставшись почти один против десятка басмачей, маячивших темными пятнами сквозь снежную пелену далеко вверху, уже за Каменным перевалом, на заснеженном склоне.

Басмачи оказались хитрее, чем думалось Гафизу, и не пошли вправо, на перевал Тенгиз-бай, к ущелью, а уходили влево, по крутому заснеженному склону, на южные скаты Алайского хребта, чтобы, видимо, спуститься по одному из «носов» — отрогов — в Алайскую долину.

Для стрельбы дистанция была велика. На перевале и в ущелье началась снежная вьюга, заметавшая следы басмачей.

Как физкультурники приобретают во время бега на дальние дистанции второе дыхание, так сильные ощущения первого боя вызвали у молодого геолога скрытый запас какой-то яростной энергии, рожденной ненавистью к басмачам и настойчивым желанием достичь цели. Увидев, что басмачи один за другим исчезают за гребнем, Юрий начал стрелять на дистанцию более чем в тысячу метров.

Гафиз сказал, что стрелять так далеко нет смысла, а надо идти по следам басмачей и в первом же кишлаке поднять тревогу.

Бушевавшая снежная буря усилилась. Ветер срывал с окружающих скал снег и швырял вниз, в ущелье, в поперечную ложбину между Каменным перевалом и вершиной Тенгиз-бая. В ущелье, этом каменном коридоре, ревел ветер, бешено метался снег и скоро совсем ничего не стало видно. Юрий и Гафиз попытались было ехать верхом, но лошади заваливались в образовавшиеся сугробы и выбивались из сил. Юрий отвел лошадей немного вниз, к скале, где он увидел остатки стены каменной кибитки, и, оставив здесь Гафиза, пошел пешком по следам басмачей. Проблуждав в буране около часа в поисках следов, Юрий вернулся обратно. Он принес с собой охапку сухих арчовых веток и начал разжигать костер, чтобы согреть раненого.

Гафиз был очень обеспокоен бураном и не скрывал этого. Он хорошо знал Каменный перевал и советовал не ждать, пока затихнет буря, ибо к тому времени все завалит непроходимыми сугробами рыхлого снега и не будет никакой возможности отсюда выбраться. Если лошади уже и сейчас проваливаются в некоторых местах чуть ли не по уши, то, когда совсем завалит снегом ущелье и перевал, им уже никак не пройти. И если людям в таком положении и удается выбраться из снежного плена по крутым склонам, где мало снега, то для них это невыполнимо, так как он, Гафиз, не сможет карабкаться по склонам. Поэтому оставаться никак нельзя, а надо как-нибудь пробиваться отсюда, пока их не засыпал снег. Пусть Юрий идет впереди, протаптывая до-

рожку, и ведет своего коня. Вслед за ним будет ехать Гафиз. Надо спускаться с перевала не в ущелье, где тоже непроходимый снег, а пробираться по гребню и в ущелье спуститься на полпути к Дараут-Кургану. Может быть, лошадей придется бросить в пути, а потом послать за ними.

Юрий покинул Алайскую долину в буран и в буран же возвращался обратно. Пройдут ли они? Но ведь сумел же Тагай пройти...

В том году Юрий и Гафиз были последними перевалившими Тенгиз-бай с лошадьми. Бесконечное протаптывание тропинки в снежной трясине, так как ее все время заносило снегом; подъем на гребень горы в буран, причем лошади то не хотели идти, то карабкались, как кошки, то становились на колени, чтобы не запрокинуться, — всё это совершенно измотало Юрия и привело его в состояние сонного безразличия. Ночь застала их на гребне горы. Пути они не знали. Одна лошадь сорвалась в пропасть, другая, на которой сидел Гафиз, — устала. Надо было дать лошади отдохнуть и покормить ее. Пришлось заночевать у костра.

II

Перевалив Алайский хребет и оставив в стороне Дараут-Курган, Тагай повернул на восток, чтобы через перевал Кизил-Арт пробраться в Маркан-Су, а оттуда через границу — в Кашгарию. Он разделил свой басмаческий отряд на две группы, оставив при себе пятерых; остальных семерых он послал вперед. Со своей группой он ехал по руслу реки Кизыл-Су, стараясь оставлять меньше следов. Первая группа ехала обычным путем, возле Алайского хребта.

Уже днем, у Кашка-Су, эта группа басмачей наскочила на один из отрядов, высланных Максимовым через перевал Кичик-Алай наперерез басмачам.

Тагай понял, что здесь ему не прорваться. Он не поспешил на помощь к своим, а повернул в чукуры — моренные холмы у подножия Заалайского хребта, невдалеке от перевала Кизил-Арт. Он вовремя заметил разъезд пограничников и резко повернул на юг, к Алтын-Мазару,

а потом на восток, в неизведанные, дикие горы Памира. По дороге к Алтын-Мазару он бросил лошадей и захватил двух яков. Хозяин яков проследил путь басмачей до реки Мук-Су и сообщил о них в Дараут-Курган.

Упустив басмачей, Юрий, ведя в поводу заиндевевшую, шатающуюся от усталости лошадь, на которой сидел Гафиз, еле пробрался в Дараут-Курган. Весь в снегу, он ввалился в кибитку председателя сельсовета. Следом за ним местные жители внесли раненого Гафиза.

— Чего сидите? — крикнул Юрий председателю, пожилому киргизу. — Басмачи рядом!

— Ты чаю выпей, — спокойно сказал ему председатель.

— Я говорю: басмачей догнать надо! — волновался Ивашко.

Председатель, прищурив глаза, посмотрел на него и спокойно сказал:

— Зачем кричишь? Я сам был начальником добровольческого отряда. Мы сами всё знаем. Садись, пей чай.

От него Ивашко узнал о том, что по приказу Максимова еще несколько отрядов послано наперерез басмачам. Председатель сельсовета рассказал, что, по слухам, Тагай пересек Заалайский хребет в направлении Алтын-Мазара и углубился в места, куда не ходят даже охотники.

— Где это? — недоверчиво спросил Ивашко.

Председатель взял с книжной полки листок бумаги и показал его Ивашко. Это был схематический набросок местности, сделанный неумелой рукой.

— Это здесь! — сказал председатель. — Но там снег и лед, голые скалы. Топлива нет. Проникнуть туда невозможно.

Ивашко сердито спросил его:

— Да вы сами-то пробовали?

— Да, — ответил председатель. — Я пытался много раз, но это не удавалось. Вряд ли там есть население. Я ни разу не слышал, чтобы хоть один человек пришел оттуда, да и туда тоже никто не добирался. Говорят, там находится узел гор Гармо. И если басмачи уйдут туда, они наверняка погибнут.

Юрий Ивашко задумался.

— А если басмачи прорвутся в Китай?

— Не прорвутся. Они все равно пропадут, — невозмутимо заявил председатель.

— А если не пропадут? — рассердился было Ивашко, но, помолчав, сказал: — Видно, страшное это место. Все ж если я взялся за дело, то доведу до конца. Я читал книги людей, побывавших возле «белого пятна». О пути венецианского путешественника Марко Поло, проехавшего через Памир и встретившего огнепоклонников, вряд ли стоит говорить. Это было очень давно. А вот в книге Касименко «По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза», который путешествовал еще до революции, есть очень интересное указание. Я помню его наизусть. Касименко писал так: «Только в ста десяти верстах от Алтын-Мазара, в урочище Кокджар, этой большой горной котловине, мы встретили людей и первую киргизскую летовку». А вы, товарищ председатель, говорите: «Там снег и лед, голые скалы. Проникнуть туда невозможно». А там даже людей встречали. Значит, вы сами толком не знаете и меня путаете.

— Зачем опять кричишь? Я не глухой. Что знаю, то говорю. Слыхал о Кокджаре. Может, Касименко и видел там киргизов на джейлау, по-вашему — на летовке. Так это было давно и летом. Зимой нет туда пути.

— Нет, есть! — упрямо сказал Юрий Ивашко.

Он сослался на книгу русского путешественника Поггенполя «К истокам Мук-су через горные перевалы Памира». Поггенполь писал о Зулумбартском перевале, служившем для сообщения с малоисследованными местами, лежащими в истоках и по течению Мук-су.

Молодой геолог на память процитировал следующие строки из книги:

— «Южный Каинды впадает в Биллянд-Киик из столь узкой теснины, что проникнуть в нее нет возможности...» — Тут Юрий запнулся и затем продолжал: — «...Путь вступает в дикое ущелье, заваленное обломками... Единственно возможный путь — русло бешено мчащегося потока». Значит, — сделал Юрий вывод, — путь, хотя и по руслу, все же есть?

— Нет, — решительно возразил председатель. — Зимой там не может быть пути. Я не слыхал, чтобы хоть один человек побывал в среднем течении реки Мук-Су. Там лед и снег, понимаешь! Там нет корма для скота

и нет топлива. А если этого нет, то ни человек, ни животное там долго не проживут. Кто идет туда — умрет.

— Если басмачи не хотят сдаться в плен — значит, они на что-то рассчитывают, отправляясь в горы. И потом, я дал слово Козубаю, что привезу Тагая живым или мертвым, понимаете? Я не могу вернуться назад ни с чем. И я поеду... хотя бы затем, чтобы убедиться в гибели басмачей.

— Так... — сказал председатель.

Ивашко испытующе смотрел на него.

— У меня есть один такой, как ты, — задумчиво промолвил председатель.

— Что он за человек? — заинтересовался Ивашко.

— Муса. Джигит из добротряда, комсомолец, залечивал у нас раны после одной операции. На днях собирается ехать в свой отряд. Ничего не боится, смерти не боится...

Не прошло и десяти минут, как в комнату, плечом вперед, как будто раздвигая толпу, вошел рослый молодой киргиз, одетый в желтый костюм из кожи яка. Небольшие черные усики придавали ему молодцеватый вид. В правой руке он сжимал нагайку с узорной деревянной ручкой; с ней он никогда не расставался.

Председатель рассказал, зачем он позвал его.

— Хоп, поеду! Я буду начальником, — быстро согласился Муса, всем своим видом показывая полное равнодушие к тому, что скажет его собеседник.

— Максимов поручил мне, и начальником буду я, — нахмурился Ивашко.

Муса даже бровью не повел.

— Слышишь, мое слово будет последним...

Но, не дождавшись ответа, Ивашко снова спросил:

— Или ты боишься?

Муса опять ничего не ответил и окинул Юрия оценивающим взглядом.

— Ну что ж, — сказал Ивашко, — тогда я пойду один.

Муса не любил лишних слов.

— Хоп, я поеду с тобой, — быстро сказал он.— Пусть никто из нас не будет начальником.

— Хорошо, — ответил Ивашко, и они крепко пожали друг другу руки.

— Эй, председатель! — подумав, сказал Муса. — На лошадях и до Заалайского хребта не доедешь, дай нам яков. Я знаю здесь двух подходящих: один — черный бык с надломленным рогом, другой бык рябой, с рваными ноздрями.

— Не могу, самому нужны, — ответил председатель. — Это лучшие быки во всей долине. Их недавно прислали нам на племя из далекого Мургаба. Быки наверняка пропадут, и я буду в ответе.

— Ты что же, заранее нас хоронишь? — насмешливо спросил Ивашко.

— Председатель шутит, — заметил Муса, — председатель даст. Он захочет спокойно дожить свои годы. Председатель знает, что другие яки не пройдут там, где пройдут эти.

— Хоп, — со вздохом сожаления ответил председатель. — Я прикажу накормить их хорошенько и приспособить к ним кавалерийские седла. Ложитесь спать, потому что это последняя ночь, которую вы можете спать спокойно. А за товарища не беспокойтесь — мы его вылечим.

Юрий Ивашко чуть было не забыл о своем долге — уплатить деньги за барана. Посоветовавшись с председателем, он передал ему деньги для хозяина барана. И едва прилег на кошму, как заснул.

На другое утро чуть свет комсомольцы Юрий и Муса выехали в погоню за басмачами. За плечами у них висели винтовки. Председатель дал им меховые халаты, валенки и варежки. Юрий надел зеленые очки, оказавшиеся в нагрудном кармане, Мусе же председатель дал свои черные. Без очков многодневная езда по сверкающим и слепящим снегам привели бы к воспалению глаз и слепоте. К седлу каждого яка председатель прикрепил по курджуму. В одной половине курджума, висевшего справа, были: смена белья, бинты, вареное мясо, баурсаки — галушки, варенные в масле, чтобы не замерзли, сухари, сахар и чай; в другой половине, слева, был насыпан ячмень для яков. Обе половины курджума были уравновешены и не перетягивали одна другую.

Юрий с опаской впервые сел на яка. Это был крупный волосатый, как мамонт, черный бык с длинным хвостом и огромными, закинутыми назад рогами. Конец

левого рога был сломан. Яка звали Тамерлан, и вид у него был устрашающий.

Как только як почувствовал всадника, он рванулся вперед и побежал. Юрий на ходу вдел валенки в стремянные ремни. Необычно было Юрию видеть перед собой большие рога и управлять вместо уздечки веревкой, продетой в носовой хрящ животного. Як очень быстро шел опустив голову, и было такое впечатление, что кавалерийское седло само несет всадника.

Впереди на огромном пестром яке ехал Муса, прокладывая путь через глубокие снега Алайской долины к видневшимся вдали горам Заалайского хребта. Муса был опытный проводник в памирских горах, но и он плохо знал пути в те места, куда они ехали.

Они решили добраться до Заалайского хребта и, следуя совету председателя сельсовета из Дараут-Кургана, разыскать следы басмачей у реки Туз-Су.

III

Перед тем как весной 1929 года попасть на Памир с бандой Файзулы Максума, Тагай совершил большое путешествие с имамом Балбаком из Кашгарии в Индию. Они ехали через перевал Гильгит, открытый только для весьма ограниченного круга влиятельных лиц. Теперь Тагая занимали дела, сулившие бóльшую наживу, чем поездки в кишлак Мин-Архар. Кроме того, ему удалось прикончить китайского купца; теперь только он один знал дорогу в Мин-Архар.

Приезжая в кишлак, Тагай тщательно изучал горные тропинки по заданию имама Балбака.

В Бомбее, после многодневного пребывания во дворце Ага-хана, Тагая срочно отправили на самолете в Афганистан, к Файзуле Максуму. Он вез с собой фирман от Ага-хана, в котором предписывалось всем пирам беспрекословно выполнять любое приказание Тагая. В Афганистане Тагай встретился с курбаши Хамидом, человеком, который тоже пользовался милостями Ага-хана. Они оба с войсками Файзулы Максума проникли на Советский Памир.

Целью Тагая и его сообщников было поднять на Памире восстание против Советской власти. Хамид должен

был всячески этому содействовать. Банды Файзулы Максума не устрашили народ Советского Памира. Первая неудача постигла басмачей в горах: пулеметный взвод красноармейцев, окруженный басмачами, отбил все их многочисленные атаки. Басмачей на пути к Гармо ждала новая неудача. Небольшая группа сотрудников ГПУ и других советских работников целые сутки отбивалась от врагов. Эти люди погибли, но у басмачей время было потеряно: подоспели части Красной Армии, которые окружили их и уничтожили. Двенадцать басмачей бежали обратно в Афганистан. Тагаю и Хамиду с немногими басмачами удалось проскочить через горы к Алайскому хребту. До самой осени Тагай орудовал в горах, выполняя то, что ему было предписано в случае провала басмаческого вторжения на Памир. Басмачи из его банды нападали на активистов, партийцев и на работников экспедиций. Сам Тагай с небольшой группой налаживал порванные связи. Его задача состояла в том, чтобы озлобить дехкан против Советской власти, а кроме того, взимать зякет [1] в пользу Ага-хана, предупреждать пиров, чтобы те были наготове... Он должен был передать один из двух фирманов своему человеку, работавшему в советской заготовительной организации. Он еще не успел это сделать, как неожиданно получил приказ захватить Хамида.

Хамид уже давно говорил о тщетности всяких попыток без поддержки народа захватить Советский Туркменистан. Теперь, обиженный, что его обошли высоким званием Верховного Дайи, он добровольно сдался вместе с остатками банды.

Тагай послал в чайхану своего человека с лошадьми, который должен был помочь Хамиду скрыться. Но Хамид не воспользовался этой возможностью бежать. Тогда Тагай понял, что налицо измена.

Черный Имам, не слишком рассчитывая на Тагая, дал такой же приказ курбаши Сарыбеку, прибывшему из Кашгарии. Произошла стычка с басмачами Сарыбека, которых Тагай в темноте принял за переодетых милиционеров.

---

[1] Зякет — налог.

IV

И вот теперь, преследуемый по пятам, Тагай убегал в горы.

Много дней прошло с тех пор, как Тагай со своими басмачами покинул последний кишлак. Давно уже блуждали они в горах Заалайского хребта. Без дорог, положившись на чутье яков, двигались они в восточном направлении. Где-то там, в горах, затерялся кишлак Мин-Архар, известный Тагаю.

День за днем басмачи взбирались все выше и выше. Они достигли вечных снегов. Влажная изморозь покрывала льдом их одежду и сковывала движения. Каждый шаг в рыхлом снегу давался с трудом. Басмачи, как рыбы, широко разевали рот, и все же им не хватало воздуха. От мороза распухли и почернели языки. Мучила жажда. Приходилось глотать снег, от которого еще больше хотелось пить.

Впереди на лохматом яке ехал Тагай с собакой на руках и двумя вязанками сухих веток. За ним шел второй бык. Он вез помощника Тагая, обморозившего ноги, и винтовки, которые басмачи уже не считали нужным нести на себе в этой безлюдной снежной пустыне. Следом, шатаясь от усталости, брели еще два басмача. Пятого унесла река во время переправы.

Еле плетущиеся позади басмачи умоляли Тагая бросить собаку и сажать их по очереди на круп яка. Тагай был неумолим.

— А если появятся медведь или волки? Кто будет сторожить? — зло спрашивал он, не доверяя обозленным басмачам, и гладил дрожащего, ослабевшего пса. А вдруг им встретятся дикие горные люди, снежные люди?

А сзади, по их следам, на расстоянии полутора дней пути ехали Юрий и Муса. Юрий Ивашко не только преследовал басмачей. Как только они переехали Мук-Су и вступили в область «белого пятна», он снова почувствовал себя исследователем. Им овладела жажда познания неизведанного, великих открытий. Все свои наблюдения, описание местности он заносил в записную книжку, дополняя их зарисовками. Ориентироваться помогал компас, укрепленный на кисти руки. Надо бы определить

высоту, а нечем. Жаль, не захватил барометр-анероид. Не до того было. Скалы покрывал снег. Он мешал вести геологические наблюдения, и это тоже мучило Юрия.

С трудом удерживая карандаш почти негнущимися пальцами, он выводил каракули и линии в записной книжке и потом бережно прятал ее во внутренний карман и застегивал его на пуговицу.

Их окружал безграничный океан заснеженных горных гребней и снежных пиков. Будто разбушевавшиеся океанские хляби вздыбились до небес и мгновенно застыли.

На дне узких ущелий, сквозивших синеватым туманом, ревели и грохотали потоки. Вода стремительно налетала на обломки скал и выступы, поднимая тучи брызг, тотчас же застывавших на скалах. Юрий видел причудливые ледяные фигуры фантастических людей, зверей, птиц, рыб, ледяные замки, ледяные тоннели. Только по таким ледяным мостам и можно было перебраться с одного берега бурной реки на другой. Так перебрались басмачи, а за ними и Ивашко с Мусой.

Глубокий снег на вершинах заставил диких животных спуститься вниз, на малозаснеженные склоны. Здесь они и паслись. Киики, а их были сотни, удивленно поднимали головы при виде яков и людей, но не убегали. Здесь же были и архары, и дикие индейки, издававшие приятный свист, и множество горных куропаток, неторопливо отходивших с их пути с криком «кек-алик».

Это был воистину край непуганых зверей и птиц, в сравнении с ним горы Алайского хребта, которые Юрий считал охотничьим раем, показались бы просто пустыней.

Они ехали уже несколько дней. Слева виднелись вершины Заалайского хребта. Узел гор Гармо оставался справа, позади. Здесь не было ни лесов, ни кустарников, чтобы развести костер. Встречались следы басмаческих стоянок. Басмачи жгли крошечные костры. Видимо, топливо у них было с собой, и Тагай знал куда едет.

Ночью Юрий все время дрожал от холода. Было что-то унизительное в том, что он не мог сдержать дрожь челюсти и прекратить лязгать зубами. Он сжимал зубы и старался вспомнить, не осталось ли еще чего-либо способного греть. Они сожгли все лишние бумажки, пустые

мешочки и даже пытались жечь шерсть из седел. Когда было особенно невтерпеж, Юрий вырывал чистый листок из записной книжки и сжигал его. Они оба засовывали пальцы в огонь пылающего листка. А когда и листов не осталось, Юрий, положившись на свою память, сжег часть исписанных. Но листки с набросками местности он берег.

Чтобы согреться, они пробовали бороться и прыгать, но первое же резкое движение вызывало сильнейшую одышку и она очень долго не проходила. Даже небольшое усилие, необходимое, чтобы сесть в седло, и то вызывало одышку. Юрий пытался определить высоту: если плоскогорья Памира выше тибетских, а они ехали на километр-полтора выше, значит — они находятся на высоте от пяти до шести километров, то есть на высоте Эльбруса.

V

Днем мела пурга. На привале яки разгребали снег и выгрызали сухую траву и мерзлый мох высокогорных тундр. Юрий и Муса грызли мелко наструганное вареное мясо, теперь еще и подмороженное. Продукты были на исходе.

Путники устали. Им все время хотелось спать. Дежурили по очереди, спали урывками и, чтобы не замерзнуть, часто будили друг друга.

Юрий плохо спал еще и от возбуждения, вызванного необычной обстановкой, разреженным воздухом и постоянным холодом. О том, что Памир лежит на широте Италии и что здесь холоднее, чем на полюсе, геолог знал, но впервые ощущал сильный и, главное, постоянный холод и переносил его тяжело. Когда же приходила его очередь спать, он проводил в странном состоянии какой-то полудремы безмерно длинные и морозные ночные часы. Сон для Юрия превращался в простое пережидание ночи.

Небо то и дело перечеркивали падающие во множестве звезды. Черные силуэты яков резко выделялись на белом снегу. Яки громко лязгали зубами и то дружелюбно сопели, то хрюкали. Наконец и они замирали, как черные, молчаливые и неподвижные изваяния. С лед-

ников доносился непрерывный треск и грохот. А вокруг высились белые горы.

Наступил рассвет. В этот четвертый день пути случилось многое. Среди массы огромных острых каменных глыб, загромождавших склон, потерялись следы басмачей. Яки, как козы, прыгали с камня на камень. Муса сорвался с яка и сильно ушибся. Юрий вытер кровь с его лица и забинтовал руку. Юрий искал следы басмачей на склоне, а Муса, у которого кружилась голова, — у реки. Муса нашел следы. Они вели в реку, но на противоположном берегу следов не было видно. Муса уверял, что басмачи погибли в реке, а если и не погибли, то обязательно погибнут в этих горах, и под влиянием минутной слабости даже предложил Юрию вернуться домой. Но Юрий окинул его таким взглядом, что Муса больше не повторял своего предложения.

Юрий вызвался подняться повыше и поискать следы басмачей с подветренной стороны «жандармов», как называются отвесные каменные глыбы, преграждающие путь наверх. Может быть, у их основания басмачи прошли дальше, а следы у потока замела пурга. Муса остался внизу и обещал искать следы басмачей на берегу. Он шел, сильно хромая, и стонал от боли.

Все склоны горы были крутые, и этот оказался таким же. Юрий оставил винтовку и курджум внизу, сел на яка и направил его вверх. Мощный бык двинулся на гору, сопя и выпуская клубы пара. Кое-где он подгибал колени, чтобы не запрокинуться назад, и Юрий ложился грудью на луку седла и спускал руки вниз, пытаясь помочь яку.

Як Тамерлан то и дело останавливался, тяжело поводил боками, поворачивал голову налево и смотрел своим темным злым глазом на Юрия, как бы негодуя, что на такой крутизне тот все еще сидит на нем. Юрий чувствовал себя неловко перед Тамерланом. За время пути бык тоже измучился и похудел. Юрий, памятуя советы и наставления Мусы о том, что всадник при езде в горах не должен слезать с седла, а если конь устанет, то надо дать ему отдохнуть, не торопил яка, и тот отдыхал. Так, шаг за шагом, як поднял его высоко на гору. Но следов басмачей нигде не было видно. Муса и его пестрый як виднелись далеко внизу.

Тамерлан нашел проход среди «жандармов» и вывез Юрия еще выше, к подножию каменного выступа, опоясавшего склон и нависшего над ущельем.

Юрий решил осмотреть выступ. Тамерлан, опустив голову, раскрыв рот и высунув язык, как это он делал, когда шел в снежную трясину и пробивал тоннель в снегу, наконец пробился сквозь сугроб, засыпавший щель в выступе, и поднялся наверх. Но и здесь Юрий не увидел следов басмачей.

Тогда он направил яка вдоль выступа. Выступ был шириной в два метра. Это был тонкий слой базальта, выдвинувшийся наружу. Он не был ровным, правый край его поднимался кверху, образуя гребень настолько острый, что снег не задерживался на нем. Левее, между гребнем и склоном, был снег, куда Юрий и направил яка. Тамерлан недовольно засопел. Не слушая веревки, он вскарабкался на узкий гребень и, балансируя, пошел вдоль него.

Гребень перешел в отдельные каменные глыбы, свисавшие над ущельем, и Тамерлан двинулся по обнаженным острым верхушкам. Юрий боялся шелохнуться, чтобы не нарушить равновесие.

Тамерлан с легкостью козы перепрыгивал зияющие расселины. Юрий увидел реку на глубине около тысячи метров и больше не смотрел вниз. Молодой геолог опять вспомнил прочитанные дневники памирских путешественников, пестревшие словами: «сорвался», «разбился насмерть», «упал в пропасть», «раздавлен лавиной», «унесен течением», «исчез в ледниковой трещине», и ощутил все муки канатоходца, который не просто идет по канату, а движется на яке, ибо верхние острые края каменных, а кое-где и обледенелых глыб, свисавших над бездной, были не лучше каната, протянутого над землей.

Отвесный «жандарм» преградил дальнейший путь. Юрию удалось заставить упрямого яка спрыгнуть с голого острого гребня влево, в снег, и полезть на гору в обход «жандарма». И Тамерлан полез. Наконец як упал на передние колени, чтобы не запрокинуться, и так посмотрел на Юрия, что тот поспешно слез. Склон был крутой и скользкий. Тамерлан поднялся на ноги и стал боком к вершине, под нависающим камнем. Вверху, метрах в двухстах, виднелась площадка.

«С нее и осмотрю окрестности», — решил Юрий и, оставив яка, полез наверх. Но скоро он начал задыхаться. Виски сдавило. Заболела голова. Юрий не шел, а лез на четвереньках, проклиная басмачей, лез, боясь остановиться, страшась посмотреть вниз. Огромным усилием воли он заставил себя вползти на площадку. Посмотрел вниз и вдруг испугался.

Он не смог бы объяснить, почему на него вдруг напал такой страх. Ничего подобного с ним до сих пор не было. Он так боялся упасть вниз, что в исступлении обхватил руками большой валун и прижался к нему. Страх сковал его. Страх обессиливал. Болела и кружилась голова. Из носа капала кровь и мгновенно замерзала на камне... И вдруг Юрий заплакал. Он понимал свое жалкое состояние, негодовал на себя, но не мог преодолеть охватившую его слабость. Потянулись тягуче-томительные, мучительные минуты. Надо было что-то делать. Юрий отпустил выступ, за который он держался правой рукой, и вытер кровь, заливавшую губы. Он поймал себя на том, что левая рука сильнее вцепилась в камень.

— Какая ерунда! — громко сказал Юрий и не узнал своего охрипшего голоса. — Ерунда! — произнес он громко, и звук собственного голоса несколько отрезвил его.

Ему хотелось говорить, кричать, как иногда кричит летчик для облегчения, делая фигуры высшего пилотажа. Юрий закричал, а потом начал громко читать запомнившиеся строки:

Не хнычь, будь каждый день готов вступить с коварной жизнью в бой!
И в том бою иль победи, или расстанься с головой!
Ты говоришь: «Я проиграл, не вышло, счастья не догнать».
Все ж не сдавайся и за ним пускайся взапуски опять.
Коль будешь ты в бою за жизнь великодушен, бодр и смел, —
Ты победишь. На свете нет совсем невыполнимых дел,
Бодрись. Приниженным не будь и гнуться не давай плечам,
Не трусь, как заяц, и пустым не поддавайся мелочам.
Тогда судьба пред смельчаком преклонит гордое чело.
Волнуйся, двигайся, дерзай, покуда время не прошло![1]

Звук собственного громкого голоса успокаивал. Юрий начал пытливо осматривать окрестности. Увидел кин-

[1] Стихотворение Машида Гафури.

ков, архаров. И далеко внизу, по ту сторону каменного коридора, в котором шумела река, он увидел басмачей и обрадовался. Он даже попытался махнуть рукой Мусе, чтобы привлечь его внимание. Он отнял правую руку от камня и опять испугался. Юрий выругался. Непонятный страх не оставлял его, и, спускаясь ползком, судорожно цепляясь за камни, юноша чуть не плакал от страха.

И вдруг произошла непонятная перемена. На полпути к яку страх оставил его. Возле яка Юрий совсем не чувствовал только что испытанного страха и недоумевал, что же с ним случилось. А вдруг он так же испугается басмачей? Этого не должно быть!

Юрий решил себя проверить и снова полез вверх, и снова все повторилось почти как прежде, хотя сознание Юрия как бы со стороны отмечало все моменты его состояния. И опять в каком-то определенном месте спуска или, вернее, на границе какого-то высотного предела страх исчез. Исчез на полпути к яку. Юрий задумался. Что же могло вызвать эту странную высотобоязнь? Особое влияние радиоактивной породы? Ерунда! Или это болезнь сердца? Но у него здоровое сердце! Вернее всего, это одна из разновидностей горной болезни — тутека: боязнь высоты и пространства. Но как сделать так, чтобы преодолеть эту мерзкую болезнь, превращающую смелого человека в труса?

Этот вопрос так и остался нерешенным, так как надо было не упустить басмачей.

Юрий сел на яка и направил его вниз. До сегодняшнего дня он только поднимался на яке, спускаться ему не приходилось. Вначале Юрий решил, что Тамерлан сорвался и несется вниз, не в силах остановиться, а только старается удержаться на ногах. Як несся по крутизне вниз прямо к пестрому яку, он нырял в сугробах, пронизывая их насквозь, скользил на копытах по каменным плитам и косогорам, прыгал через камни... Внизу он остановился и как ни в чем не бывало принялся пастись.

Юрий слез с яка и чуть было не упал от охватившей его слабости. Снова начала капать кровь из носа. Муса подошел к нему, вынул бутылочку с насвоем, насыпал табак себе под язык и сказал, чтобы то же самое проделал и Юрий — для здоровья. Порошок насвоя был

едкий от добавленного к нему поташа, но головокружение и тошнота исчезли, перестала идти кровь.

— Тебе надо пить свежую кровь киика и сосать на свой, тогда тутек не возьмет, — сказал Муса.

Юрий рассказал о том, где он видел басмачей. Муса сразу оживился.

— Надо кончать! — сказал он. — Туда, где ты их видел, есть только один путь: надо идти против течения по дну реки.

Он предложил подождать и дать басмачам уйти подальше, а ночью напасть врасплох.

Настало время ехать. Муса предупредил, чтобы Юрий при переезде через реку не поднимал ноги из воды на седло.

Юрий уже на собственном опыте знал, что при переправе через бурную реку всаднику нельзя поднимать ноги на седло, иначе произойдет смещение центра тяжести и течение может опрокинуть яка. Они решили снять валенки, чтобы потом надеть их сухими.

Надвинулись тучи. Посыпался снег. Подул ветер, и стало еще холоднее.

Яки не хотели идти в воду, но их заставили. Всадники не вынимали голых ног из стремян. Сначала они почувствовали обжигающий ноги холод, потом страшную боль в ногах и ломоту в суставах. К концу пути они вообще перестали ощущать ступни. Выехав на берег, они пустили яков и начали оттирать ноги снегом. Они так терли ноги, что стала слезать кожа. Наконец ноги обрели чувствительность. Появилась сильная боль. И Юрий не вытерпел. Он вынул остатки записной книжки, и листок за листком они сожгли все схематические наброски местности. Теперь они немного согрелись. Потом надели теплые, шерстяные носки и валенки, поели и отдали две последние пригоршни ячменя якам.

Выехали они в предутренней темноте и ночью достигли ледника. Треск льда пугал животных. Юрий погнал Тамерлана на лед, но Муса сказал:

— Не надо, пусть сами.

Яки сошлись и стали хрюкать, будто совещались, и затем Тамерлан без понукания пошел вперед. Он опустил морду к снегу и сопел, обнюхивая путь. Следом за ним двинулся пестрый як. На полпути через ледник Та-

мерлан лег, и теперь Пестрый пошел вперед, а за ним последовал Тамерлан.

На другой день утром они заметили басмачей совсем близко. Ночью, когда бандиты расположились на ночлег, Юрий, взяв гранаты, направился по крепкому снежному насту к басмаческой стоянке. Он шел медленно и подолгу отдыхал. Наконец подошел к узкой, но глубокой пропасти; по ту сторону ее были басмачи. Их следы вели через снежный мост, образовавшийся, очевидно, от упавшей здесь недавно лавины. Юноша, с трудом удерживаясь на этом скользком и узком мосту, переполз его. Ему оставалось пройти совсем немного, но его остановил собачий лай. «Вот черти, пса держат!» — подумал Ивашко и, прячась в тени, за сугробами, вернулся обратно.

Ночь выдалась ясная и морозная. Луна светила ярко, и тысячи снежинок искрились огнями. Опередив басмачей, Ивашко и Муса решили устроить засаду. Они отвели яков подальше, за сугробы, а сами полезли на скалу, чтобы выбрать место для засады. Они остерегались подниматься по пологому склону со стороны плато, чтобы их следы не насторожили басмачей. А подниматься по крутому заснеженному склону, примыкавшему к большой горе, было и очень трудно и опасно. Подъем занял слишком много времени. За это время басмачи могли бы миновать гору. Когда Ивашко и Муса поднялись на гору, оказалось, что басмачи еще далеко и двигаются очень медленно. Для комсомольцев планы басмачей, забравшихся в эту белую пустыню, оставались загадкой. Стемнело. Взошла луна.

Метрах в ста впереди двух яков и трех басмачей шел басмач с винтовкой в руках. Это было неожиданно. Неужели басмачей встревожил ночной лай собаки и они обнаружили их следы? Рядом с басмачом плелась сторожевая собака. У скалы собака злобно залаяла, причем ее голова была обращена не в сторону сидевших в засаде, а куда-то выше. И оттуда, сверху скалы, донесся ответный лай. Или это эхо? Нет, лает другая собака. Но если это не одичавшая собака, то должен быть и человек. Муса увидел этого человека. Вначале он даже не поверил своим глазам и, тронув Юрия за рукав, молча указал на пришельца. Это был мужчина с ружьем. Ка-

кой поразительный случай! Значит, поблизости есть кишлак, а в Дараут-Кургане их уверяли, что эти горы необитаемы. Теперь понятно, куда шли басмачи. Они шли домой. Не басмачи попали в засаду, а Ивашко и Муса оказались в ловушке меж двух огней. В это время собака охотника обнаружила чужаков на горе и залаяла в сторону Ивашко и Мусы.

А затем произошло неожиданное. Юрий и Муса приготовились стрелять, когда басмач, подошедший первым, начал звать охотника и угрожать, а когда другие басмачи приблизились и охотник попытался удрать, скользя по снегу, выстрел сорвал огромную лавину.

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

1

Когда шум обвала затих, из-под сугроба поднялся невредимый Ивашко:

— Идем!

Он толкнул соседнюю кучу снега.

Муса встал, отряхнулся и, протирая глаза, спросил:

— А где кишлак?

— Не в кишлак пойдем, а к обвалу.

Сорвавшийся с ледника снег спрессовался в ледяные кирпичи, и груды их высились большими холмами. Пробираясь по сугробам, Ивашко и Муса услышали визг. Рыжий с белыми пятнами пес сидел на куче снега. Цепочка-поводок была придавлена льдом. Муса срезал с собаки ошейник. Пес, еще недавно лаявший на них, прижался к Мусе.

Куда ни смотрел Ивашко, все было мертво.

Туча снежной пыли висела в воздухе, скрывая даль. Решив, что басмачи погибли, юноши вернулись к якам и, посоветовавшись, решили ехать в ту сторону, куда ушел молодой охотник.

Изнемогающие яки хрюкали и фыркали. Закатывая налившиеся кровью глаза, они брели по следу охотника.

После гибели басмачей Юрий почувствовал страшную усталость и полное безразличие к опасностям, таившимся в этих незнакомых горах.

Вдруг пес басмачей громко залаял. Яки пошли быстрее. Впереди на снегу шевелилось черное пятно.

— Медведь! — хрипло сказал Муса.

Морозный воздух синей ночи, казалось, таил в себе тревогу. Пес поджал хвост и тихонько скулил от страха. С трудом сняли винтовки. Еще проехали и остановились. Черное пятно оказалось дымом. Обычным дымом, пахнувшим теплом костра, напоминавшим продрогшим путникам о горячем чае.

— А я думал, мы замерзнем, — сознался Юрий и впервые за много дней засмеялся.

— Теперь не пропадем, — весело отозвался Муса.

Всадники с усилием оторвали примерзшие к седлам брюки и спешились. Спотыкаясь, еле ступая одубевшими ногами, они взошли по насту на крышу кибитки и наклонились над дырой. Юрий протянул руку к дыму, он был холодным. Муса отшатнулся: в нос ударил сладковатый, приторный запах. Муса испуганно прошептал:

— Гульджан! Понимаешь? Когда людям нечего есть, они едят мучнистый корень гульджан.

Снизу доносился многоголосый собачий лай. Какая-то собака мучительно выла. Пес басмачей дрожал как в лихорадке. Страх толкал его назад, но жгучий мороз заставлял ползти к дымящейся дыре, где была жизнь.

Неведомый край! Неизвестно, чьи кибитки. Может быть, там сообщники погибших басмачей.

Однако выхода не было. Нужно было или идти назад, на верную смерть, или в кибитку.

Решили спуститься в кибитку. Подошли ко второму чернеющему дымоходу, откуда не шел дым, и обнаружили волосяную лестницу.

— Эй! Кто там? — крикнул Юрий по-русски.

Яростный и злобный лай с новой силой наполнил кибитку.

Собаки собрались под лестницей и щелкали зубами. В бледном лунном свете, проникавшем через дымоход, мелькали их ребра, дугой выпиравшие наружу, и сбитая космами шерсть.

— Эй! Кто там? — закричал опять Ивашко, покачиваясь на лестнице и размахивая наганом.

Но лай голодных, остервеневших от ярости псов заглушал его голос.

Муса по-киргизски окликнул обитателей кишлака.

Кто-то внизу отогнал собак. Юрий и Муса спустились в темное помещение. Появился рослый юноша со светильником и жестом руки пригласил их следовать за собой. По проходу под снегом они вошли в другую кибитку, где тлел костер. Юноша предложил им сесть у костра и ушел.

Из темноты слышались шум и испуганный шепот людей.

Держа наган в поднятой руке, Юрий настороженно оглядывался. Муса взял его за руку и сказал:

— Не надо. Если даже обитатели и против нас, то в жилище нас не тронут: таков закон мусульман.

Огонь в костре дрожал от движения воздуха; тени и блики сплетались в узоры на черных от сажи столбах кибитки. К пришельцам подкрадывались испуганные обитатели кишлака. На груди у каждого висел талисман от злых духов. Старуха Айше шептала заговор. Как знать, может быть, это не настоящие люди, может быть, это джинны или альбесты [1]. Чужие, непонятные слова первого пришельца казались ей заклинаниями.

Ивашко так трясло от холода, что даже столб, к которому он прислонился, дрожал. Не доверяя мусульманским законам, он напряженно всматривался в темноту и стискивал рукой револьвер. Люди, прятавшиеся в углах кибитки, раздражали его.

Осмелев, старуха Айше подошла ближе и стала разглядывать гостей. Шум в кишлаке усилился. Юрий не выдержал и, шагнув через костер в темноту, хрипло закричал по-киргизски:

— Эй, мужчины, идите сюда!

Муса по-узбекски крикнул:

— Не расходись, не шевелись!

Обитатели кишлака испуганно завопили:

— О аксакал! Придешь ли ты спасти нас?.. Где ты? Где ты, голодному пища, пешему лошадь?

— Они, кажется, говорят по-узбекски? — с удивлением заметил Юрий.

— По-узбекски, — подтвердил Муса. — В Алайской долине и на Сарыколе все киргизы говорят по-узбекски.

---

[1] Джинны и альбесты — по поверьям, злые духи.

— О аксакал! Придешь ли ты спасти нас?.. Где ты?

Пока они кричали, Муса быстро подбросил в огонь полыни. Костер разгорелся, и жители кишлака, оставив плакавшую от страха маленькую девочку, убежали через дверь в стене.

В кибитке стало жарко, как в бане. Одежда путников оттаивала, от нее отламывались льдинки и со звоном падали на пол. Полынь сгорела, и костер еле тлел. А Юрий стоял, все так же пристально всматриваясь в наполненную звуками темноту.

К костру, медленно переваливаясь с ноги на ногу, походкой жирного гуся подходил аксакал в старом китайском халате из голубого шелка с золотыми драконами. Так он, по старинному обычаю, одевался в торжественных случаях.

Не узнав прадеда в непривычной для него одежде, затихшая было девочка опять заплакала.

Юрий машинально поднял наган. Стараясь не показать страха, аксакал продолжал важно шествовать.

— Арвахи, — шептал аксакал, обращаясь к духам добра, — держите меня за руки и поддерживайте под мышки.

Вслед за аксакалом вошли Джура и низкорослый Кучак.

Джура взял аксакала под правый локоть, Кучак — под левый, и они бережно посадили старика у огня. Аксакал, желая казаться слабым и беспомощным, кряхтел и стонал: он хотел вызвать к себе сочувствие пришельцев.

Ивашко, смахнув со лба пот, сел у костра.

— Угостите путников чаем, — прошамкал аксакал.

— Зейнеб! — позвал Кучак.

В кибитку быстро вошла юная красивая девушка и поставила на угли высокий железный чайник.

— Кто вы? — спросил Ивашко.

Старик молчал.

— Спроси их, кто они такие, — сказал Ивашко и толкнул локтем разомлевшего у огня Мусу.

— Пока не выпьем чаю, спрашивать не полагается.

Помолчали.

Чайник зафыркал, заливая огонь. Красавица Зейнеб принесла фарфоровые китайские чайники, сполоснула их кипятком и поднесла аксакалу.

Старик размотал длинный шелковый пояс, достал из его складок чай и бросил щепотку в чайник. Зейнеб подала тяжелую пиалу из красного камня. Сполоснув ее, аксакал налил туда немного чаю и подал Юрию.

— Что он мне наливает на донышке? Пусть нальет полную, я пить хочу, — обиженно сказал Юрий.

Муса пояснил:

— Бери, бери. Чем меньше в пиале чаю, тем больше уважения гостям.

Воспаленные сверканием снегов глаза слезились от дыма.

Юрий огляделся. Они сидели в комнате, богато убранной коврами, шкурами и подушками. Здесь были сшитые в одеяла шкуры лисиц, сурков и горностаев. Пол был покрыт шкурами кииков. На женщинах были домотканые одежды. Они сидели у стен и с любопытством смотрели на пришельцев.

За стеной хрюкали яки. У Мусы отлегло от сердца: если в кишлаке есть скот — значит, гульджан не был признаком голода. Впрочем, мучнистый гульджан любители ели и не голодая. Муса сообщил о своих наблюдениях Юрию, но тот даже не ответил. Он сидел, пристально глядя на костер, но не огонь, а горючий сланец привлек его внимание. Возможно, что эта вынужденная поездка окажется весьма богатой открытиями.

После чая захотелось есть. В курджуме все сухари, сахар и мясо смерзлись в один ком.

Отогрев у огня ножны, путники вытащили ножи и разрубили продукты. Половину они отдали аксакалу.

Муса расспрашивал аксакала, сколько в кишлаке людей, где мужчины. Узнал о единственном имеющемся в кишлаке карамультуке и о том, что мужчин осталось только трое: сам аксакал, Джура и Кучак.

Аксакал говорил нехотя и тихо:

— Это было давно, так давно... В те времена еще журавли полки водили, а лукавая лисица, желавшая войти в доверие ко льву, творила суд над разными зверями...

Муса усмехнулся и подтолкнул локтем Ивашко.

— Сказки для девчонок, не хочет правду сказать, — шепнул он.

Юрий мало что понимал из речи аксакала, но слушал внимательно.

Старик поведал им о былой славе рода. Рассказал о том, что кишлак уже давно не имеет общения с внешним миром, что обитатели его живут как одна семья, разводят скот и занимаются охотой. Добывают кииков, архаров, уларов[1], барсов, лисиц, сурков. Они никуда не ездят, к ним никто никогда не приезжает. Правда, когда-то приезжали, но это было так давно, что он ничего не помнит.

Искандер поглядывал то на одного пришельца, то на другого. Ему хотелось отгадать по выражению их лиц, не чувствуют ли они, что он хитрит, но лица пришельцев были непроницаемы.

— А сейчас очень плохо, — закончил аксакал. — Мор был. Все овцы подохли, козы подохли, много кутасов пропало. Гульджан едим. Скот бережем. Дожди были. Везде под снегом ледяная корка. Киики и архары ушли в горы. Так мало скота, что нечем угостить путников.

Мусе не терпелось осмотреть кибитки. Не прячутся ли в них басмачи? Может быть, аксакал врет. Муса завел очень хитрый разговор. Аксакал понял желание Мусы.

— Покажите им нашу бедность, — прошамкал он.

Кучак взял большой, сильно чадящий светильник. Горящее масло не могло так чадить, и молодой геолог в силу укоренившейся привычки окунул палец в жидкость, наполнявшую светильник. Юрий обнаружил нефть. Это открытие сразу разбудило в нем азарт, свойственный «охотнику за камнями». В нем проснулся искатель кладов природы. Безмерной усталости последних дней как не бывало. Юноша сразу почувствовал прилив энергии и необычайный интерес к «белому пятну», которое, по-видимому, сулило ему всяческие неожиданности. Ивашко начал жалеть, что была зима и он не мог обследовать окружающие горы.

— Поспешим, мелочи потом. Наган не прячь! — тихо сказал ему Муса, которого не покидало недоверие.

---

[1] У л а р — дикая индейка.

Из кибитки в кибитку они проходили через ходы, прорубленные в сугробах снега. Эти ходы напоминали шахты.

Обошли пять кибиток, похожих одна на другую.

Осмотрев кибитки и убедившись, что басмачей и оружия в кишлаке нет, Ивашко и Муса вернулись в первую кибитку.

Айше что-то торопливо прятала в темном углу кибитки.

«Оружие прячет», — решил Ивашко и бросился к старухе. Она закричала и прижала к груди узел.

— Покажи! — громко приказал ей Джура.

В узле были меха.

— Почему она прячет? — спросил Ивашко.

— Они думают, что мы разбойники, — объяснил Муса.

II

Джура, усевшись возле Мусы, любовно поглаживал приклад его винтовки. Весь вечер он не спускал с нее глаз. Он твердо решил, что этой же ночью завладеет винтовками, а если джигиты будут сопротивляться, он убьет их. Пусть гневаются аравахи за нарушение обычаев гостеприимства. Он должен иметь такое хорошее оружие.

На углях трещала полынь, разбрасывая искры. Искандер, кряхтя, снимал падающие угольки с колен Ивашко, показывая этим свое внимание гостю. Юрий попросил Мусу переводить, и Муса с готовностью переводил. По просьбе Юрия он спрашивал Джуру:

— Есть ли здесь дороги?

— Дороги есть, но только для тех, кто в горах умеет ходить по льду, пьет свежую кровь кииков и архаров, кого горные духи поддерживают над безднами.

— А реки?

— Есть реки, есть бешеная река Сауксай. Много ичигов изорвал я на скалах, всюду излазил, но в верховьях Сауксая не был. Туда никому нельзя ходить. Там живет арвах и водятся драконы. Всякий, кто пойдет туда, умрет страшной смертью.

Юрий засмеялся и тут же скривился от боли: кровь выступила на его потрескавшихся губах.

— Гости смеются. Не верят? Спросите мудрого аксакала Искандера...

Джура замолчал. Его густые черные брови сурово сошлись над переносицей. Прищуренными глазами смотрел он на насмешников-гостей.

Старуха Айше, кряхтя, принесла тяжелый курджум и поставила возле Кучака. Юрий с любопытством посмотрел внутрь мешка. Там был горючий сланец.

Юношу занимало все вокруг. Затерянный в горах кишлак, люди, которых не коснулась ни революция, ни современная цивилизация, — все это было таинственно и обещало массу неожиданностей. Он первый открыл этот кишлак. Будет о чем рассказать Максимову и Козубаю. А тут еще нефть, горючий сланец, а может быть, есть и золото.

— Может быть, у вас есть золотой песок? Я куплю, — сказал Ивашко и вынул деньги.

Муса перевел.

Джура с интересом тер пальцами бумажки. Он не понимал их значения. Аксакал отрицательно покачал головой. Джура отошел к проходу в стене и поманил Юрия пальцем. Ивашко пошел вслед за ним. По дороге Джура взял горящий светильник, и они вошли в пустую кибитку.

— Дай нож,— сказал Джура, показывая пальцем на охотничий нож Ивашко. — За него дам золото и камни.

Ивашко сразу понял, о чем речь, и немедленно согласился. Он плохо знал узбекский язык, но отдельные легкие фразы были ему уже понятны.

Джура вышел, сунув нож за пояс, и вскоре принес мешочек золотого песка и несколько рубинов.

— Не говори аксакалу, — предупредил он и пояснил это жестами.

— Хоп, хоп, — улыбаясь, ответил Ивашко.

— Сколько хочешь за твою винтовку? — спросил Джура, сначала сделав вид, что прицелился, а затем показав на камни и на свою пустую горсть.

Ивашко отрицательно покачал головой.

— Это все не мне, а для изучения, понимаешь? — сказал он, мешая русские и киргизские слова. — Понимаешь?

Но этого Джура не понимал.

— Я хочу выменять твое ружье,— повторял упрямо Джура.

Ивашко отрицательно качал головой. Джура двинулся со светильником назад. Ивашко заметил, что стены излучают странный блеск. Он взял светильник из рук Джуры и поднес его к стене, сложенной из камня.

— Молибденит! — закричал он, пытаясь выдернуть один камень из стены.

Джура, боясь, что завалится стена, отбросил его руку. Не понимая друг друга, они ссорились. Наконец Джура нашел в углу кусок молибденита и отдал его Юрию. Ивашко совершенно успокоился и весело поблагодарил. Джуру удивило, что пришелец положил в сумку простой камень вместе с дорогими.

— Зачем? — спросил Джура.

— Этот камень делает железо крепким, — так, не совсем точно попытался объяснить Юрий.

Подумав, Джура вышел и скоро вернулся с куском железной руды.

— Откуда? — спросил Ивашко.

Джура насмешливо сделал широкий жест.

Они возвратились к остальным.

— Я объяснил аксакалу, — сказал Муса Ивашко, — что мы преследовали басмачей, грабящих народ. А он все интересуется, как мы прошли через пропасть. Я говорю — по снежному мосту, а он уверяет, что никакого моста не было.

— Ты им скажи, — ответил Ивашко, — что мы преследовали бандита Тагая и что он погиб. Скажи ему, что, если у них когда-нибудь появятся басмачи, пусть расправятся с ними сами. Скажи, что басмачи — это те, кто помогает баям держать народ в темноте и невежестве, как рабов. Это те, кто приносит бедность, слезы и несчастья...

Муса говорил долго, но Джура не все понимал и не всему верил. Он давно знал из рассказов аксакала: раз человек с ружьем и не охотник — значит, это басмач, угоняет чужие табуны скота, грабит купцов. Эти пришельцы вооружены — значит, они басмачи и гонятся за другими басмачами. Первые награбили, вторые отбирают.

— Мы комсомольцы, — продолжал переводить Муса. — А в Коммунистический союз молодежи вступают самые смелые из молодых. Они ничего не боятся — ни врагов, ни трудных дел. Комсомольцы хотят все знать и все уметь, чтобы сделать жизнь народа счастливой. А это нелегко, и коммунисты — старшие братья комсомольцев — направляют их на верный путь. Сейчас мы учимся и воюем с басмачами и помогаем отбирать у богачей земли и скот, чтобы ими сообща могли пользоваться трудящиеся. Кто не работает — тот не ест...

Последнее Джуре понравилось. Значит, аксакалу тоже надо будет работать и наравне со всеми есть гульджан.

— Это все хорошо, — сказал Джура, хитро прищурившись, — но почему гости одеты в простые овчины, а не в горностаевые или лисьи халаты? Плохие вы, наверно, джигиты, если не только бедным, но и себе не смогли достать хорошую одежду.

— Настоящий джигит не о себе думает, а обо всем народе. Когда весь народ одет — и он одет, когда весь народ сыт — и он сыт. А кто думает только о своем благополучии, тот мелкий человек. — Муса разошелся. — Хорошо за горами! Сядем в железную кибитку на колесах. Вы не знаете, что такое колесо? Это такая круглая штука, она катится... Не понимаете? — Он покатил по кошме пиалу.

Присутствующие не поняли и недоверчиво засмеялись.

— А еще есть другая вещь, называется кино. Придешь ночью в большую кибитку, в сто раз больше этой...

— В ханскую? — подсказал Кучак насмешливо.

— Правильно, в ханскую: мы отобрали у ханов кибитки. Так вот, смотришь на белую стену, а кругом большевистские светильники горят, огонь в них холодный, белый, и когда его тушат, так не дуют на огонь, а только нажимают пуговку в стене. Понимаете? А на стене, — продолжал Муса, — тени живых людей бегут, стреляют, по саду гуляют, пьют и едят.

— Вай, вай, вай! — закричали в испуге старухи. — Он чародей, он может вызывать тени умерших людей. Может быть, его подослали снежные люди?!

Джура сердился и исподлобья смотрел на пришельцев. В его душе боролись зависть и недоверие.

Аксакал беспокоился. Ему было не по душе, что на пришельцев обращено такое внимание всех жителей кишлака и что страна, откуда они приехали, может показаться лучше его родного кишлака Мин-Архар. Смутно он представлял себе опасность, которая таилась в словах комсомольца Мусы. Если Джура и Кучак захотят отправиться в другую страну и покинут родные горы, что будет делать он, дряхлый и беспомощный старик? Искандер, стараясь казаться равнодушным, кивал головой и приговаривал: «Знаем, знаем, нас не удивишь», хотя о многом он слышал впервые.

Муса рассердился:

— Аксакал все знает, так пусть и расскажет.

Наступило молчание. Все с нетерпением ждали. Старик начал говорить:

— Нет молодца, который не тосковал бы о своей родине, равной в его глазах священной Каабе. Белый сокол в неволе грустит по своей стае, вспоминая, как парил в заоблачной синеве. Нет мужа, который не заботился бы о безопасности рода своего; нет птицы, которая не заботилась бы о гнезде своем.

Аксакал говорил неспроста: он хотел удержать молодежь от необдуманных поступков и поднять свой авторитет. Каждый может гнуть молодые деревья на свой лад, только старый согнутый ствол выпрямить нельзя. Аксакал рассказывал сказки о какой-то неведомой стране — так казалось обитателям кишлака. Но гости кивали головой в знак того, что все это им хорошо известно. Пятый раз Айше подливала в светильник нефти, а аксакал все говорил. В речах старика было много непонятного, но Джура поверил, что где-то наяву существует эта сказочная страна.

Все слушали затаив дыхание. Аксакал говорил о летающем железном ковре.

— Это аэроплан, — пояснил Муса.

— Есть плавающая кибитка... — продолжал аксакал.

— Пароход, — вмешался Муса.

— Только, — закончил аксакал, — это все далеко за горами, а глупые киргизы, которые прельстятся этими чудесами и бросят родной кишлак, пойдут туда, —

поплатятся головой. Даже гости наши подтвердили, что я все знаю. А я знаю еще больше. — И он искоса посмотрел на Джуру.

— Отвечай, старик, — сказал Муса, — где ты видел все то, о чем рассказываешь? Почему ты убежал в эти безрадостные горы? Бай ты или мулла?

— Здесь я родился, здесь и умру. Ниоткуда я не бежал и никуда не убегу. А показали мне все это арвахи — духи...

— Давно это было? — спросил Муса.

— Много лет назад... — И, помолчав, старик добавил: — Был у нас Идыге. Батыр был. Такой батыр раз в сто, раз в триста лет родится. Однажды пошел на охоту. Очень далеко. В чужие горы забрел. Большой водопад увидел, пить захотел. Стал у водопада на колени, чтобы напиться, вдруг сверху вместе с водой упал зеленый плод. Полез Идыге наверх. Долго лез Идыге, чуть не пропал. Влез в гору и видит — глубоко внизу большой лес. Там людей с белым лицом встретил. Они его у себя оставляли, но не захотел Идыге. Домой пришел, сладких красно-зеленых плодов принес... Много рассказывал мне...

— Эх, аксакал, ты рассказываешь так, как будто видел все это собственными глазами! — опять усомнился Муса.

— Пусть я буду проклят и не есть мне мучной лепешки! — прошамкал старик, ломая лепешку дрожащими костлявыми пальцами. — Всю жизнь прожил я в этих горах.

Искандер после небольшого молчания шепнул Джуре несколько слов. Джура швырнул шапку в сторону, крикнул что-то Бабу, и собака принесла ему шапку. Джура крикнул ей что-то еще, и Бабу умчалась. Вскоре она за халат втянула упиравшуюся старуху.

— Идыге нас научил, видите: что скажем — собаки всё делают, — важно сказал аксакал. — Он сам все умел. Беркуту крикнет — беркут лисицу ловит. Барс у него был. Барсу прикажет — барс для него кииков в горах добывает. Идыге у самого хозяина зверей любимцем был. Великий батыр был Идыге. Все знал и все видел.

Старик кряхтел от волнения, смахивая слезы ногтем.

Вдруг гости услышали тихое пение. Это пел Кучак. Внимание гостей и молчание аксакала ободрили певца: его робость исчезла, голос окреп. Муса с радостным удивлением слушал знакомые каждому киргизу стихи о Манасе[1]. Ивашко не мог уловить смысл песни, но мастерское исполнение увлекало помимо воли. Некрасивый, маленький Кучак преобразился, он даже стал как-то выше ростом. Кучак прекрасно владел голосом и умел мгновенно перевоплощаться. Он бил рукой наотмашь, как саблей, делал пальцами очки, вытирал слезы, вязал узлы, гнусавил, подражая говору богатого купца, воздевал руки к небу, хватался за сердце, махал руками, как бы взлетая, говорил в кулак, зажимал уши, гладил бороду и «играл» плечами, танцуя на месте. Он то тихо говорил, то заунывно пел. Он делал вид, что стреляет, отбивается, прикладывал ладонь, всматриваясь в даль. Это была песня-спектакль. Быструю скороговорку сменял торжественный речитатив. Зрители видели перед собой то мрачного злодея, то добродушного старца, то влюбленного юношу.

Очарованные слушатели следили за Кучаком затаив дыхание. Юрий понял, что перед ним настоящий артист.

III

Як, на котором сидел Тагай, услышав шум налетающего обвала, захрипел и в смертельном испуге метнулся назад. Прыжок был так неожидан и стремителен, что Тагай выронил из рук пса.

Тагай мгновенно поднял над головой полы халата, пытаясь сдержать стремительный натиск засыпающего его снега. Над ним образовался снежный потолок, в котором виднелась небольшая щель. Это спасло его от удушения. Як, зажатый снегом, судорожно дрожал. От каждого неверного движения снежный потолок мог обрушиться, и они бы задохнулись.

Тагай осторожно опустил руки и начал подминать под себя снег.

Вначале Тагай увидел белую снежную пелену, потом своего пса, вылезшего из-под снега. Заметив двух

[1] Манас — легендарный герой киргизского народа.

незнакомых бойцов, Тагай притаился. В разреженном воздухе высокогорий он явственно слышал слова, сказанные юношами о его гибели, и, дождавшись, когда они ушли, вылез наверх. Потом осторожно освободил яка.

Из всех басмачей живым остался только он один.

Тагай все эти дни берег свои силы, и они ему теперь пригодились. Дрожа от холода, он с трудом привязал яка к камню и пошел по следам к кишлаку. Собаки встретили его ожесточенным лаем. К нему вышла Айше и, узнав, чего хочет Тагай, оставила его наверху ждать. Внизу Айше подозвала к себе аксакала и рассказала о приходе Тагая.

Аксакал увел Джуру в темный переход под снегом.

— Я совсем старый и больной, а Тагай требует пристанища, — прошамкал старик. — Он убьет джигитов, а за кровь мы поплатимся своей кровью. Негоже мне, аксакалу, нарушать обычай приюта. Пойди ты, Джура. Ты молод и храбр. Поговори. Пусть уходит. Там Зейнеб сторожит, чтобы Тагая не порвали собаки. А я немощен. — И он стал громко кашлять.

Джура услышал голос Тагая:

— Очень хорошо, что я не заблудился и пришел в ваш кишлак. Я привез много шелков, чтобы одарить тебя, но они остались с караваном в одном переходе отсюда. О Зейнеб, моя звездочка, ты, чьи брови пьяны и чей глаз разбойничает, — даже я не имею цены в твоих глазах! Будь моей женой. Аксакал стар, Джура мальчишка... Кто у вас остановился на ночлег?

Тагай старался держаться с достоинством.

— У нас чужие люди, Тагай, они называют себя красными джигитами. Они говорили, что ты басмач и погиб под обвалом.

— Видишь, они врут. А много их? — поспешно, с тревогой спросил Тагай и, услышав в ответ: «Двое», добавил: — А какие жемчужные ожерелья, какой пояс, украшенный серебром, я привез тебе, моя козочка! Проведи же меня, дорогая, погреться у костра.

Джура хотел послушать, что ответит Зейнеб, которую он, Джура, хотел взять себе в жены, но звук поцелуя заставил его выбежать наверх.

— Ты! — крикнул Джура, не находя слов выразить свой гнев.

Зейнеб юркнула в кибитку. Тагай повернулся к Джуре.

— А-а-а! — с притворной радостью закричал он. — Это ты, дорогой? — Но, заметив злобное лицо Джуры, сердито сказал: — Почему не приветствуешь путника? Что ты, забыл обычай?

— Уезжай! — сказал Джура. — Сегодня мы принять тебя не можем.

— Мальчишка, щенок!.. — презрительно ответил Тагай, решив, что этот ответ Джуре подсказала ревность.— Позови сюда аксакала, и он научит тебя обращению со старшими!

Джура окончательно рассердился и запальчиво крикнул:

— Так сказал сам аксакал!

— Врешь! Врешь, как баба! Аксакал не может сказать такие слова мне, своему благодетелю. Или он отрекся от аллаха? Ага, — яростно хрипел Тагай, — я все знаю: старая лиса хитрит! Он приютил красных шайтанов. Он пожалеет... Ты, батыр Джура, забудь мои гневные слова: я испытывал тебя. Мы ночью зарежем пришельцев и возьмем себе их винтовки. А завтра я тебя возьму с собой в далекий край. Будешь помогать большому человеку воевать с красными чертями... Ну?

Он дрожал мелкой дрожью, зубы его стучали.

Джура нахмурился:

— Уходи, Тагай. Я и сам могу их убить.

— Слушай! — продолжал Тагай. — Твоего отца отравил аксакал. Он боялся, что тот захватит его богатства. Давай вместе зарежем красных шайтанов, и тогда я убью аксакала. Кровь убийства не падет на тебя. Ты станешь аксакалом рода. Ну?..

Джура хорошо помнил загадочную гибель своего отца, всеми уважаемого и любимого в кишлаке. Так, так... Он запомнит это!

— Уйди! — решительно сказал Джура и взялся за нож.

Тагай вынул револьвер.

Молодой охотник засмеялся:

— Стреляй! Красные джигиты услышат выстрел — прибегут и убьют тебя.

Тагай спрятал револьвер.

— Запомни, — сказал он, — ты и весь род твой ответите мне кровью.

Тагай молча повернулся, и наст заскрипел под его ногами. Сев на яка, по знакомому пути Тагай поехал к тайнику, в котором с прошлого года были им спрятаны теплая одежда, продукты и топливо.

IV

В дальней кибитке беспокойно метался на шкурах Джура. Айше, взглянув на сына, спросила:

— Блохи, что ли, тебя кусают?

Джура не ответил. Ему хотелось попасть за горы, в мир иных людей, и летать высоко в небе на железном ковре-самолете. Голодный Кучак у себя в кибитке мечтал о сказочном сытом мире. Старухи и подростки шептались в темноте.

Как только гости заснули и костер погас, к спящим начала подбираться Бабу. Почуяв ее, пришлый пес насторожился. Когда Бабу подошла ближе, он оскалился и игриво вильнул хвостом. Бабу, извиваясь всем телом, быстро помчалась из кибитки.

Вслед за Бабу к спящим с ножом в руке кралась старуха Айше. Она нагадала себе, что для лечения болезней надо получить пучок волос от даванашти [1].

Пес, не оставлявший юношей, услыхав крадущиеся шаги, заворчал. Старуха убежала. Пес бросился за ней, но тотчас же испуганно метнулся назад, заметив за дверью единственный глаз собаки аксакала, по прозвищу Одноглаз. Ощетинившись и оскалив зубы, пес остановился возле спящих и начал рыть задними ногами землю.

Утихомирившись, пес снова улегся, положив голову на вытянутые передние лапы.

За дверью послышался едва уловимый шум. Джура тихо и хищно приближался с топором — тишой — на длинном топорище. Пес заворчал, спящие громко застонали. Смерть была рядом с ними, но юноши крепко спа-

---

[1] Даванашти (дословно: переходящий перевалы) — чужестранец.

ли. Пес ворчал тоскливо и злобно. Боясь, что лай разбудит пришельцев, Джура отступил в темноту и неожиданно столкнулся с матерью, старухой Айше.

Они поспорили. Айше нужен был пучок волос с головы живого, а если начнется борьба за оружие, то всякое может случиться. А ведь Джура не испросил разрешения старшего в роде, и гнев аксакала будет ужасен.

Поладили на том, что прежде всего надо убрать собаку, сторожившую сон пришельцев. Айше отрежет пучок волос, а затем Джура выкрадет винтовки, и лучше, если это обойдется без крови. Но как убрать собаку без шума?

Джура позвал Бабу...

Издалека донесся жалобный вой собак, собравшихся за кишлаком.

Старая истеричная собака, принадлежавшая старухе Айше, выла громче всех: раз начав выть, она никак не могла остановиться.

Бабу прокралась в кибитку к спящим и направилась прямо к чужой собаке. Почуяв и увидев Бабу, пришелец насторожился. Бабу приближалась тихо. Губы у нее отвисли, и она помахивала обрубком хвоста. Хотя Бабу была самка, тем не менее пес испугался, поджал хвост и прижал уши к голове. Но когда Бабу подошла ближе, он оскалился и игриво вильнул хвостом. Бабу понюхала его в нос и, припав головой к земле, заюлила поднятым хвостом.

Пес осмелел и тоже завилял хвостом.

Бабу, почесав передней лапой ухо и глаз, несколько раз прыгнула, припадая грудью к земле.

Пес совсем осмелел. Тогда Бабу, извиваясь всем телом, помчалась вперед, в темноту. Пес бросился за ней. По следу Бабу он промчался к вырытому в снегу ходу и выскочил наверх, в слепящую искристым снегом лунную ночь.

Пес рванулся догонять Бабу, но наскочил на другую собаку и упал. Пришлый пес испуганно вскочил и прыгнул назад. Но дыру загородил огромный черный одноглазый пес, и все собаки в одно мгновение окружили чужака кольцом.

Он убрал уши подальше назад, поджал хвост и запрятал его под самое брюхо, так что кончик его

высунулся около передних ног. Бедняга оскалил зубы, выгнулся дугой и взъерошил шерсть: он хотел казаться больше и страшнее, вертелся во все стороны и грозно щелкал зубами. Но собаки неподвижно сидели вокруг. Пес чувствовал их взгляды и кружился как бешеный, ожидая нападения со всех сторон. Собаки не шевелились и только стали чаще дышать.

Чувствуя смертельную опасность, пес завыл. У него дрожали лапы, он выл и просил о пощаде. И если бы они завыли, то, наверно, не тронули бы его. В тишине послышался шорох: это Айше подкрадывалась к аскерам [1]. Но псу было не до нее.

Огромные собаки, злые и голодные, сидели и ждали сигнала вожака.

Самый молодой пес не выдержал и бросился на чужака, но, сильный, упитанный, тот вовремя отскочил в сторону, разорвал ухо у тощего пса и опрокинул его на снег.

Нападавший с визгом отбежал, но и тогда собаки не пошевелились. Чужой пес растерялся.

Наконец Одноглаз поднялся, шагнул вперед и, выпучив единственный глаз, помахал хвостом. Чужой так обрадовался, что потерял всякую осторожность. Он сам потянулся навстречу, хотя все еще боялся и поджимал хвост. Одноглаз опять шагнул к нему. Чужой смалодушничал и опрокинулся на спину, подняв ноги вверх. Он без боя сдавался на милость сильнейшего.

В тот же момент Одноглаз неожиданно схватил гостя за горло. Через секунду на него набросилась вся стая. Даже предсмертный визг не успел вырваться из его горла. Над тесной кучей собачьих тел поднялся пар и, замерзая в воздухе, заиндевел на их шерсти.

Бабу подняла к луне голову и жалобно завыла. И все собаки, усевшись вокруг, тоже завыли. Сильные голоса, полные тоски, таяли в необъятном заоблачном пространстве, не повторяемые ни одним отголоском.

Джура осторожно прошел в кибитку и после непродолжительной борьбы связал полусонных юношей, приговаривая:

---

[1] Аскер — солдат, боец.

— Не раскрывайте глаз — я выколю их! Не говорите ни слова — я отрежу вам языки!

Это была традиционная угроза.

Он взял винтовки и начал их внимательно рассматривать.

— Я мусульманин! — кричал Муса. — Развяжи меня! Я только переводчик!

Но хитрость не помогла.

— Ничего, — отвечал Джура, — и белую и черную овцу привешивают за ноги.

На шум и крики, кряхтя от волнения, в кибитку быстро вошел аксакал.

— Мальчишка! — прошипел он. — Дурак! Какой же правоверный грабит гостей и убивает их в своем доме? Ты их накорми, дай им уехать, а по дороге убей и ограбь.

— Уйди, старик! — злобно сказал Джура. — Я сам нахожу в потемках дорогу. Я отнял у них оружие и, если они не покорятся этому, убью их.

— Ты безумец! — продолжал аксакал. — Я много видал и слыхал на своем веку и скажу тебе, что три года назад бывалый проводник, отец Тагая, говорил мне: если убивают одного даванашти, на его место приходят сто.

— Тысяча! — закричал Муса. — Сто тысяч придут! Лучше отпустите! Я обещаю, что мы не тронем Джуру, хотя он и напал на нас.

Юрий катался по полу, стараясь разорвать ремни.

— Я прокляну тебя, мальчишка! — хрипло кричал аксакал. — Знай, что я гадал на «Юй-Ся-Цзи», священной книге, подаренной мне купцами, и узнал, что гостей надо отпустить, иначе бог страшно накажет и тебя и весь кишлак.

Джура растерялся и положил винтовки. Комсомольцы были спасены.

V

На рассвете аксакал разбудил гостей. Чай был уже готов. Юрию захотелось задержаться на день-два, но Муса решительно воспротивился этому и назвал множество причин: оказалось, что в поисках прошлогодней травы их яки ходили всю ночь, пытались разбить

копытами нижнюю ледяную корку и не смогли. Голодные, они и сейчас бродят по склону в поисках корма. Если же якам придется поголодать день-два, они совсем ослабеют. Кроме того, снежные мосты на пути могут быть снесены обвалом или обрушиться, а самое главное — после ночного происшествия Муса совсем перестал доверять жителям кишлака и требовал самого срочного отъезда. Больше того: Муса обязательно хотел увезти с собой карамультук Джуры.

Несмотря на все случившееся, Юрию все же нравился Джура, этот не по летам сильный и рослый юноша, пусть чрезмерно азартный, самобытный, но человек цельный и искренний. Юрий не хотел лишать Джуру карамультука, Муса же был непреклонен и ссылался на свой опыт.

— Ты не знаешь, — сказал Муса, — а я знаю очень хорошо, на что способен горец-охотник, если ему очень понравилось оружие и он очень хочет его добыть. Если на обратном пути не ты и не я, а як получит пулю в бок, тогда и один из нас может не вернуться домой.

Пока Кучак ходил за яками, Юрий Ивашко даже за чаем спешил побольше выведать у аксакала и Джуры о горах, древних рудниках, ископаемых, перевалах и прочем. Переводчику Мусе пришлось прикрикнуть на аксакала за нежелание отвечать. Зато Джура отвечал охотно. Он рассказывал об охотничьих угодьях, о повадках зверей.

После чая Юрий осмотрел камни, из которых были сложены хижины, обнажения скал в щели возле кишлака, выходы горного сланца и даже заметил пар горячих источников в ущелье рядом, куда сейчас уже нельзя было спуститься по обледенелой тропинке.

Джура повел Юрия и показал небольшую каменную печь для выплавки руды. Как рассказал Джура, печь наполовину заполнялась горючим сланцем, а сверху насыпался слой железной руды в две — две с половиной ладони шириной. Пять женщин посредством мехов из киичьих шкур нагнетали воздух через пять нижних отверстий в печи. За день железо расплавлялось и стекало на дно. Получалось около пяти чэрэк, то есть чуть больше тридцати килограммов. Джура повел Юрия и в крошечную кузницу и показал образец выплавленного же-

леза. Оно было низкого качества, но все же мастерство жителей восхитило молодого геолога.

Джура опять попросил у Юрия винтовку. Тот объяснил, что оружие принадлежит не ему и он не вправе передавать, а тем более дарить его другому. Джура не захотел после этих слов ничего ни показывать, ни говорить. Он замолчал и насупился.

Уезжая из кишлака, Муса все-таки забрал с собой карамультук Джуры. Айше и Искандер просили оставить оружие для охоты, но Муса сказал:

— Спасибо тебе, старик, ты дал нам кров и согрел нас, ради тебя мы помиловали Джуру. Но мы не хотим, чтобы пули Джуры догнали нас на обратном пути. Летом мы снова приедем сюда и привезем с собой не только карамультук. Мы привезем муку, сахар, чай, рис и еще десять охотничьих ружей и боеприпасы к ним.

На прощанье Ивашко сказал Джуре:

— Тебе учиться надо! Если ты сам не в состоянии найти дорогу через горы, иди по нашим следам или жди нас летом. Будешь нам помогать и с нами уедешь — человеком станешь.

Муса перевел слова Юрия. У аксакала от злости тряслась голова. Он сердито чмокал и шептал заклинания.

Как только Юрий и Муса направили яков по старым следам и яки, видимо, поняли, что возвращаются домой, они радостно засопели, и в дальнейшем их уже не пришлось подхлестывать.

Все так же высились снежные громады.

Все так же сверкали и искрились снега.

Молодой геолог с еще большей жадностью смотрел кругом, стараясь запечатлеть в своей памяти очертания еще не описанных гор, направление еще не известных ущелий и ледников. Он не мог себе простить сожженных дневников, отсутствие хотя бы клочка бумаги не давало ему покоя. Он даже пытался набросать схематическую карту местности чернильным карандашом на руке.

В своем страстном, романтическом увлечении совершать открытия Ивашко был согласен на любые жертвы. Он готов был идти пешком по руслу реки, но ни за что не хотел облегчать курджум. Он вез с собой много

ценных геологических образцов, но уже остерегался принимать на веру то, чему так хотелось верить.

Чтобы определить богатства края, ему очень хотелось вернуться сюда летом и, конечно, не одному, а в составе большой изыскательской партии.

Было очень холодно. Юрий тер то нос, то щеки. Кожа стала сухая, жесткая, как пергамент, и приобрела бронзовую окраску. Изменилась не только внешность — Юрий удивлялся открывшимся в его характере новым качествам: необычайному терпению, осторожности и способности переносить лишения, но не хватало тренировки.

«Воистину, — думал Юрий, — только сильные ощущения позволяют нам понять самих себя».

ПЛОХИ ДЕЛА НА БИЛЛЯНД-КИИКЕ

I

Беда никогда не приходит одна. После суровой зимы уже в начале марта подул теплый ветер и начал таять снег. Женщины и дети радовались, а Кучак пропел песню, посвященную ранней весне.

Аксакал не разделял всеобщего восторга. Весна обычно начиналась в этих горах с мая, и раннее потепление не предвещало ничего хорошего. Аксакал, озабоченный и невеселый, каждый вечер поднимался, несмотря на ревматические боли, на южный склон ущелья — единственное место, где после зимнего джута ледяная корка стала хрупкой и крошилась под ударами копыт яков. Джура разгребал снег, и аксакал замечал, что с каждым теплым днем количество снега на склонах уменьшалось, а слой льда под снегом делался толще. Однажды поднялся сильный буран, и на следующий день кутасы уже не в силах были разбить своими копытами толстую ледяную корку.

Аксакал творил заклинания, приносил жертвы духам, но земля по-прежнему была покрыта плотной коркой льда. Тогда он обратился к крайнему средству: вынул священную книгу «Юй-Ся-Цзи». Ее с таинственными телодвижениями вручил как-то Искандеру купец, приезжавший из Китая, в обмен на рубины. Зная страх ста-

рика перед всем необыкновенным, купец в витиеватых выражениях сообщил ему, что эта книга поможет ему в самые трудные минуты жизни. «Только, — предупредил его купец, — попусту нельзя к ней обращаться: она может навсегда утратить свои волшебные свойства».

Аксакал уединился с книгой в свою кибитку. Он избегал Джуры, требовавшего по нескольку раз в день, чтобы аксакал использовал чудодейственную силу этой книги для возврата увезенного карамультука или для того, чтобы найти засыпанное обвалом оружие басмачей. Тогда бы Джура не побоялся обвалов и добыл кииков и архаров.

Джура несколько раз наведывался к месту обвала, надеясь достать из-под снега оружие басмачей. Но там образовалась такая большая гора снега, спрессованная в смерзшиеся ледяные кирпичи, что разрыть ее было невозможно.

Шли дни, и корка льда не исчезала. Книга оказалась бессильной. Об этом громко сказал Джура.

Старик поморщился: последнее время Джура разрешал себе слишком много.

Когда стало очень холодно и отощавшие яки уже не могли подняться, аксакал приказал жителям снести к нему в кибитку всю сухую траву, чтобы кормить скот.

Сухой травы нашлось немного: она была подостлана под шкуры, на которых спали обитатели кишлака.

— Надо с осени сушить траву, и побольше: скот будет чем кормить, — сказал Джура и этим очень разозлил аксакала.

— Где это видано, чтобы подростки учили аксакалов! — сердито закричал старик. — Никто в роду не занимался таким пустым делом! Животные сами должны добывать себе корм из-под снега. Так было заведено истари, и не мальчишке менять обычаи предков.

Между тем Искандер отдал всю собранную траву животным, которые принадлежали лично ему.

Старуха Айше объясняла все беды отказом Тагаю в гостеприимстве.

Аксакал, после того как духи добра, талисман и книга «Юй-Ся-Цзи» оказались бессильными, решил вызвать джиннов — духов зла, чтобы привлечь их на свою

сторону. Он проделал все, что полагалось в таких случаях, и ждал чуда. Но чуда не было.

Пришлось резать скот, и в кишлаке вкусно пахло мясным бульоном. Вареного мяса было вдоволь. Этому радовался один Кучак. Он жил текущим днем и не задумывался о будущем. Кучак искренне удивлялся Джуре, безразлично относившемуся к еде.

— Ты макай мясо в соленую воду, вкуснее будет, — советовал Кучак, недоумевающий, почему Джура ест безо всякой охоты.

Джура долго не отвечал, а потом сказал:

— Скучно!

Этого Кучак никак не мог понять. Вот если бы нечего было есть...

— Может, ты болен? — спрашивал Кучак.

Юноша не отвечал. Он тосковал. И раньше он был безразличен к еде, болтовне. Зато он мог так долго слушать песни Кучака о героических подвигах Манаса, что иногда сам Кучак просил дать ему передышку.

Джура не мог сидеть без дела, и когда занимался чем-нибудь, то вкладывал в работу всю душу. Поэтому ковал ли он нож в кузнице, делал ли ошейник Бабу или резал по дереву — все спорилось в его руках. Джура часто в свободные минуты вырезал из дерева фигурки животных и птиц. Однажды он так удачно сделал изображение аксакала, что тот ужаснулся: так верно схваченное сходство граничило с колдовством. Аксакал запретил Джуре это занятие.

— Твои силы бередят джинны. Это они не дают тебе покоя и хотят твоей гибели. Работай больше, — советовал аксакал, глядя на неспокойного юношу.

И Джура работал, лишь бы руки не были без дела. Он не мог, как Кучак, часами бездумно валяться на шкурах.

С тех пор как в кишлаке побывали комсомольцы, Джура потерял покой. Наслушавшись диковинных вещей об иной жизни, Джура не мог долго усидеть дома и убегал в горы, стремясь увидеть, что за ними дальше. Но дальше высились такие же суровые, безмолвные горы, сверкавшие на солнце вечными снегами.

Все больше Джурой овладевало страстное желание пройти через горы, туда, где, по словам аксакала, оби-

тали только аравахи — духи умерших — и куда был закрыт доступ живым людям под угрозой смерти.

Джура верил аксакалу и его рассказам о том, что китайский купец и комсомольцы знали особые заклинания, поэтому их и пропускали аравахи. Но все-таки он был готов иногда бросить все и пойти попытать счастья. Он вдруг начал спешить: ел торопясь, ходил торопясь, будто бы боялся опоздать. Все вдруг ему опостылело, и если и был человек, которого он взял бы «туда», это была Зейнеб. Без нее он не представлял себе жизни в том или ином мире. Он не мог уйти один. Да и куда уйдешь зимой? Он ждал лета.

После ссоры с Тагаем взор Джуры все чаще и чаще останавливался на стройной фигурке порывистой и своевольной Зейнеб, ни минуты не сидевшей на одном месте. Он почувствовал, что любит ее, но боялся высказать свою нежность. Он сердился, когда аксакал ругал ее, а порой и бил, но стыдился вступиться за нее. С каждым днем росла его ненависть к аксакалу; он твердо запомнил слова незнакомцев о том, что в их стране все люди равны между собою.

Наконец произошло событие, на время отвлекшее Джуру от его дум: Бабу родила щенка.

Бабу была охотничьей собакой отменных качеств. Ее способность отыскивать и настойчиво преследовать зверя, а самое главное — исключительная сообразительность выделяли ее из числа других собак. Аксакал, а особенно Джура с нетерпением ждали от нее потомства.

Каково же было их огорчение, когда родился только один-единственный щенок! Большого потомства никто не ждал: у этих собак, родственных тибетским догам и монгольским волкодавам, оно не бывает многочисленным: два-три щенка. Но рождение только одного щенка было несчастьем для кишлака. Тагай, знавший отменные качества Бабу, еще раньше обещал за каждого щенка по яку, и аксакал долго не соглашался отдать щенка Джуре. Наконец после ожесточенного спора Джура переселил Бабу с ее потомком к себе в кибитку. Он боялся, что жадный старик раздумает.

Щенок был очень крупный, с белым пятном на груди. По обычаю, ему обрезали хвост. Чтобы щенок был

добычливым, Джура назвал его Тэке, как называли самцов горных козлов — кииков. Тэке быстро рос, и Джура почти все дни проводил с ним, стараясь поскорее выдрессировать хорошую охотничью собаку. Щенок же, по молодости, плохо поддавался дрессировке, и это сердило Джуру.

Кучак в отсутствие Джуры, греясь на солнце у кибитки, дразнил Тэке. Он давал щенку кусочек мяса и, едва тот успевал схватить его, тянул кусочек к себе. Тэке не выпускал мясо, упирался всеми четырьмя лапами и рычал. Так Кучак таскал его вправо и влево, а когда вырывал мясо, щенок яростно бросался на обидчика и кусал. Кучак заливался счастливым смехом. Если щенок такой сердитый, значит, он будет псом добычливым и страшным для врагов.

Кишлак голодал. Тихо стало в кибитках, как будто все вымерло. У людей не хватало сил принести топлива. Аксакал оберегал последнюю козу и козла от голодающих людей. Еще более злой, еще более сморщившийся, он стерег скот днем и ночью. Изголодавшиеся женщины вместе с Кучаком пробовали выкрасть козла, но каждый раз аксакал их прогонял. Наконец старухи так осмелели, что чуть не придушили аксакала. Тогда Джура поручил Бабу стеречь кибитку аксакала, и собака никого к ней не подпускала.

Хуже всех приходилось собакам. Люди хоть и не досыта, но ели мучнистый корень гульджан, собак же почти совсем не кормили, только Бабу, лучшей охотничьей собаке, и ее щенку Тэке давали есть наравне с людьми.

Приближалась весна. Обтаяли вершины холмов. Ветер сдувал с них песок и глину. Желтые песчинки оседали на снегу и накалялись под солнечными лучами.

— Сарыкар — желтый снег — пришел! — радовались все в кишлаке.

Собаки теперь по целым дням грелись на крышах кибиток.

В предгорьях, возле кишлака, Джура ловил силками куропаток. В кишлаке вновь появилось мясо, стало веселее.

II

А солнце все пригревало и пригревало, слизывая своими лучами снег.

— Кучак, Кучак! — разносился по утрам на весь кишлак крик Джуры.

Но Кучак никогда не откликался.

Тогда Джура давал Бабу понюхать старый халат Кучака и посылал ее на поиски. И обычно собака находила его дремлющим на крыше какой-нибудь кибитки, под теплыми лучами солнца.

Джура и Кучак поднимались на обнажившуюся вершину холма. Там, опустившись на корточки, они осторожно соскребали ножами серый налет с просохшей, успевшей потрескаться щебенистой глины. Это была селитра[1]. Они горстями ссыпали ее в кожаные мешки.

Бабу подолгу внимательно смотрела на работавших, нюхала землю и потом ретиво принималась рыть когтями; комья глины и щебень летели во все стороны.

— Ложись! — приказывал ей Джура.

Бабу нехотя ложилась. Соскучившись, Бабу убегала к девушкам, рывшим гульджан на склонах гор. Кучак со вздохом смотрел ей вслед.

— Она разыщет все гнезда и соберет все яйца куропаток, а я их так люблю! — со слезами в голосе говорил Кучак.

За работой Кучак пел, а Джура слушал его песни.

...Есть там призрак Джабырбаян,
Есть там сказочный великан,
По имени Ачалык.
Не расскажет о нем язык:
Он высок и четырехглаз,
Он всю землю видит зараз,
Может он вперед и назад
Свой удвоенный кинуть взгляд.
Всякие там чудовища есть,
Там у них становища есть.
Там — народ, с которым войну
Ведет неустанный джинн.
Этот джинн в пещере живет,
Он любимцем пери слывет..[2]

---

[1] Селитра — калийная, аммониевая соль; идет на изготовление пороха.

[2] «Манас». Перевод с киргизского.

Выходя по утрам из кибитки, аксакал прищуренными глазами вглядывался в сай — долину реки, туда, где из вечно горячих источников поднимались водяные пары.

— Эй, Джура, ну как? — спрашивал он и жевал губами.

— Нет еще пути, обвал не прошел, — отвечал Джура, поглядывая на ближний склон горы, покрытый смерзшимся снегом.

Однажды ночью весь кишлак проснулся от грохота. Лаяли собаки и испуганно блеяла коза.

Джура пришел к аксакалу в кибитку:

— Обвал прошел, путь свободен.

Аксакал молча кивнул головой.

Лавина завалила снегом пропасти, пересекавшие горы, и проложила сплошной снежный путь вниз.

Утром Джура и Кучак пошли вслед за аксакалом вниз, к саю, захватив с собой топоры и кожаные мешки. Шли по снежному пути, насыпанному лавиной. Потом спустились в глубокое ущелье и берегом горной реки, протекавшей внизу, вскоре достигли горячих источников.

Клубился пар. Кругом зеленела трава и водоросли. Пахло серой. Осторожно переступая через потоки, подошли к большой яме с горячей водой. Джура разгреб горячую землю и, сунув туда яйца куропатки, засыпал их.

Помолившись, аксакал сбросил халат и, не снимая рубахи и штанов, чтобы не простудиться, полез в воду.

— Лезь сюда, — сказал он Кучаку, — ты тоже исцелишься от злых духов — арвахов, которые причиняют людям боль в суставах и костях.

Кучак попятился.

Джура быстро сорвал с него одежду и, раздевшись сам, потащил его за собой. Вода была горячая, и сидеть в яме было приятно.

...В кишлак возвратились к вечеру, довольные и веселые.

Несколько дней подряд Джура охотился с капканами. Подолгу стоял он на вершине горы Драконов, внимательно вглядываясь в горы, и удивлялся. Где же киики? Куда ушли архары? Не видно даже волков и барсов. Неужели все животные перекочевали на юг?

Однажды, возвратившись вечером с куропатками, Джура пришел в ярость, узнав, что Кучак все еще не заготовил пули. После долгих поисков Бабу нашла Кучака в камнях, куда он забился.

— Ну зачем тебе пули? Ведь карамультука-то нет! — жалобно говорил Кучак.

— А ты забыл о двух карамультуках, спрятанных у Биллянд-Киика? — напомнил ему Джура.

Кучак, обжигая пальцы, всю ночь усердно помогал Джуре обливать камешки расплавленным свинцом, который они сами топили из добытых ими свинцовых камней. Пуль заготовили много. Но охотничий закон требовал: на двух козлов — одну пулю.

Ранним утром, когда солнце еще не взошло, Джура пришел в кибитку к аксакалу. Старик вопросительно посмотрел на Джуру, черного от несмытой копоти.

— Кииков нет. Архаров нет. Все ушли на юг. Ждать до осени, пока киики откормятся и вернутся сюда, нельзя. Пошли меня с Кучаком на охоту!

— Сам знаю, — сердито сказал аксакал, недовольный тем, что Джура слишком смело смотрит ему в глаза. — Я посмотрю в книгу судеб и тогда скажу тебе, когда и в какую сторону нужно идти на охоту.

Пока аксакал гадал, Джура разыскал Кучака и разбудил его.

— Вот что, — сказал он. — Аксакал сейчас гадает, куда мы должны идти. Но что мы будем делать, если он пошлет нас не на юг, к Биллянд-Киику? Ведь только там есть у нас карамультуки.

— На запад пойдем — плохо, — сказал Кучак, — на восток пойдем — очень плохо, на север пойдем — еще хуже. Пальцем киика не убьешь, а капканом много тоже не наловишь. Разве попросить аксакала, чтобы он вымолил для нас у хозяина зверей счастливую охоту с капканами? Для этого надо принести в жертву белого лунорогого киика, а где его поймаешь?

Джура влез на крышу кибитки и осторожно заглянул через дымоход к аксакалу. Огонь костра освещал коричневое, морщинистое лицо старика.

Аксакал сидел у костра, поджав под себя ноги. На его коленях лежала толстая старая книга. Он закрывал глаза, раскачивался, потом, внезапно раскрыв книгу,

тыкал в нее своим костлявым пальцем с длинным кривым ногтем.

Джура прислушался к шепоту:

— В сторону восходящего солнца, на восток, указывает книга, но там они ничего не убьют...

Подумав, аксакал захлопал в ладоши и приказал вбежавшей девочке позвать всех обитателей кишлака.

Вскоре все собрались.

Аксакал встал, поднял над головой растрепанную книгу и торжественно показал на юг. Его глаза насмешливо и хитро сверкали.

— Благодарите мудрость судьбы, она посылает вас на юг, — торжественно сказал аксакал. — Там, у Биллянд-Киика, водится множество жирных архаров и кииков. Да будет ваша облава добычлива!

Джура улыбнулся. Значит, духи говорят так, как это выгодно аксакалу! Пожалуй, и он, Джура, сможет заставить духов предсказывать события в свою пользу.

Аксакал опустил книгу. По обычаю, он не употреблял при сборах слово «охота»: иначе не будет успеха.

— Да побольше колбас из уларов принеси, — добавила Зейнеб, обращаясь к Джуре.

— Это Кучаку надо сказать, — ответил Джура, — мое дело — охота. Больше голодать тебе не придется.

III

Рано утром Джура и Кучак, одетые в пушистые козьи шкуры, отправились в путь. Кучак, славившийся уменьем заготовлять впрок мясо, был сам не свой от радости. Высокий, широкоплечий Джура шел впереди и нес в ружейном чехле, разрисованном головами барсов, свинец и порох. Кучак, навьюченный множеством мешочков с пахучими травами и перцем, еле поспевал за ним. Кроме того, он нес в мешке две горсти муки и немного табачных листьев. Это был подарок аксакала из его личных запасов. Соли не брали. Много каменной соли — голубой, розовой и серой — было в горах у Биллянд-Киика.

Напускная важность Джуры, как только он покинул кишлак, растаяла под лучами солнца.

Кишлак давно остался позади. Вооруженные палка-

ми и тишой, шли они по хрустящему насту, скованному утренним морозом.

С охотниками шли собаки: проворная, умная Бабу и Рыжая. Тут же бежал Тэке, сын Бабу, черный, с белым пятном на груди. Он старался не отставать от матери, но в рыхлом снегу это ему плохо удавалось.

Умчавшись далеко вперед, Бабу вдруг останавливалась, нетерпеливо поджидала охотников и снова бежала, улавливая запах козлов.

Альпийские галки с красными носами и красными лапами кричали, летая над ними.

Все выше поднимались охотники, переваливая через горы. Путь они узнавали по своим приметам, шли над обрывами, шли по узким киичьим тропинкам, где даже не разминуться двоим, шли, стараясь держаться солнечной стороны. На солнце было тепло, зеленели альпийские луга, а в тени лицо стыло от мороза.

Охотники переходили лужайки. Тюльпаны задевали их за ноги. Фиолетовые, розовые, желтые, с разноцветными крапинками и полосками цветы кивали головками под слабым южным ветерком.

— Эй, блошиный батыр! Подпевай! — кричал он Кучаку.

Но Кучак, еле поспевавший за ним, только качал головой: где уж тут петь, когда едва успеваешь цепляться за выступы скал, чтобы не сорваться в пропасть!

Голодные и усталые, они часто садились отдыхать. Джура жадно осматривал склоны гор, на которых виднелись киики, а Кучак любовно гладил цветы руками.

Наконец они дошли до перевала. Сильный ветер валил их с ног. Сугробы снега, доверху забившие широкие ложбины, преграждали путникам дорогу.

— Попробуй перейди эту белую трясину! — испуганно кричал Кучак.

Кучак знал, как опасен рыхлый, мокрый, подтаявший на солнце снег. Ступишь в него — провалишься, и тогда — смерть. Прощай архарья печенка с жиром!

— Рано идем! — ворчал Кучак. — Архары еще не обросли жиром. Вот осенью и дороги хороши, и у архаров на три пальца жира под шкурой.

Джура молчал. Он приказал Бабу идти вперед. Бабу

подошла, ступила на снег передней лапой и быстро отпрыгнула назад.

— Вперед! — крикнул ей Джура.

Но Бабу легла и отвернулась в сторону, делая вид, что не слышит.

— Теперь вижу, что идти нельзя, — сказал Джура. — Надо дождаться утра, когда подмерзнет.

На ночевку спустились к обнаженным синим скалам. Ночевали под нависшим камнем у летнего пастбища — джейлау, где еще с осени женщины оставили заготовленные кучки хвороста. Растопили в казанке снег, вскипятили воду, засыпав туда три щепотки муки, и с наслаждением, до пота, пили аталу — мучную болтушку.

Джура протянул было пиалу с болтушкой Тэке, но Кучак вырвал ее у него из рук.

— Ты голову потерял? — закричал он. — Собака — нечистое животное, и своим черным, нечистым носом она будет лезть в пиалу, откуда едят мусульмане!

Он, ворча, отошел в сторону, разыскал в камнях углубление и налил туда немного аталы. Остальное он хотел доесть сам.

— Не жадничай! — крикнул Джура.

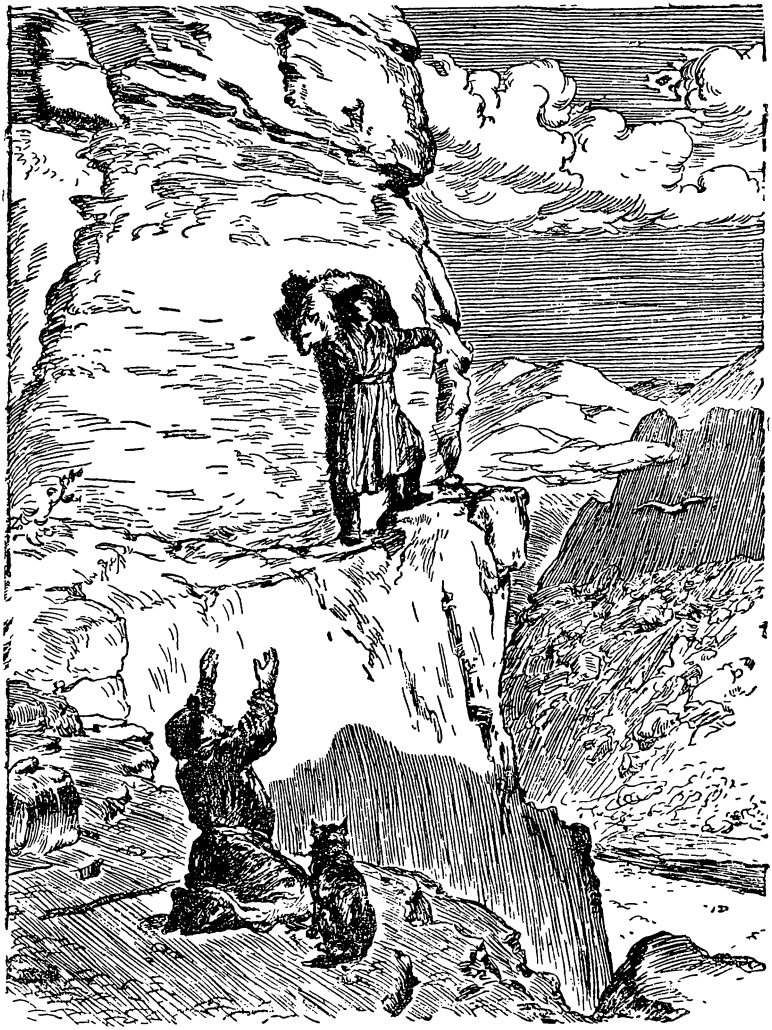
Кучак вылил остальное в другое углубление.

Рыжая, толкнув Кучака, бросилась к атале. Она начала жадно глотать, обжигаясь и повизгивая. Бабу тоже была голодна, но она подождала, пока атала остынет, и не спеша принялась за еду. Рядом с ней, урча от удовольствия, лакал болтушку Тэке.

Утром, до восхода солнца, охотники начали переправляться через снежные препятствия. Они ложились на подмерзший снег и ползли, загребая руками. Когда снег с хрустом оседал под тяжестью их тел, они замирали в ужасе, стараясь даже не дышать. Бабу, Рыжая и Тэке осторожно следовали за ними. Это была самая опасная часть пути.

Так шли охотники через горы, реки и ледники. На склонах они замечали стада пасущихся животных. При виде охотников они уходили в горы, и тогда Джура громко проклинал людей, увезших его карамультук.

Путь подходил к концу. У водораздела соляной реки Тууз-Су, свергавшейся двумя водопадами с огромной высоты в разные стороны, Джура свернул к красным



Выбрав одну из трещин, доходившую до реки, Джура решил по ней спуститься.

скалам. Внизу, в расщелине горы, мчалась бурная река Сауксай. Гигантская каменная стена была рассечена трещинами. Выбрав одну из трещин, доходившую до реки, Джура решил по ней спуститься.

— Обойдем, поищем тропы, — попросил Кучак.

Но Джура вспомнил слова отца: «Прокладывай путь первым, пусть по твоим следам идут караваны. Только люди-овцы ходят по одной и той же дорожке, а храброму охотнику-батыру стыдно ходить козьими тропами. Как козел-вожак прокладывает тропинку и идет впереди стада, так и ты должен идти впереди племени».

Джура привязал Тэке к камню, позвал Бабу и уложил ее на плечи. Бабу лежала спокойно, свесив ноги по обе стороны шеи Джуры. В ее карих глазах видны были покорность и доверие к хозяину.

Придерживая ее за ноги, Джура стал на колени, спустил ноги в щель, которая была как раз по ширине его тела, и, упираясь локтями и коленями в выступы, начал спускаться.

Кучак, предварительно помолившись, кряхтя от волнения, приготовился было тоже спускаться, но Рыжая ерзала у него на плечах и жалобно выла. Тогда он привязал ее арканом к спине и полез. Ноги и руки его дрожали от страха и сильного напряжения; он стонал, взывал к добрым духам — аравахам.

«Глупый Джура! — думал он. — Из-за его гордости мы погибнем здесь».

Джура спускался лицом к реке, а Кучак — спиной, до боли зажмурив от страха глаза.

Уже совсем внизу, когда Джура стоял на высоком берегу, у Кучака под рукой сорвался камень.

— Падаю, держи меня! — закричал он, но удержался, открыл глаза и увидел, что ему остается сделать только шаг, чтобы стать на берег.

Джуре пришлось проделать обратный путь и спуститься вниз с Тэке за плечами.

Подошли к Сауксаю.

Гром и стон стояли над вспененной рекой, затуманившейся от брызг. Даже Джура удивился: он никогда не видел, чтобы весной река была так многоводна. Летом — другое дело: тогда тают ледники, и Сауксай разливается во всю ширину своего огромного русла. В не-

доумении стоял Джура на берегу. Подумав, он усмехнулся и сказал перепуганному Кучаку:

— Смотри, вода уменьшается с каждым мигом. Видишь куски снега в воде? Это где-нибудь вверху лавина завалила русло и остановила воду, а сейчас вода прорвалась.

Через два часа вода спа́ла. Поток, оставаясь таким же бурливым и страшным, стал значительно у́же. Джура взял длинный аркан и метнул его через реку. Петля попала на камень противоположного берега. Джура и Кучак сбросили халаты. Груз уложили и привязали на плечи.

С верховьев Сауксая доносились раскаты грома. Это падали лавины. Остатки их то сдерживали воду, то разрывались под ее натиском, и река поэтому текла неравномерно, то разливаясь, то суживаясь.

Выждав, когда придет временное затишье, Джура, держась за аркан, вошел в бурлящую воду. На руках он нес Тэке. Бабу, перевязанная арканом через грудь, осторожно вошла в воду. Течение тотчас сбило ее с ног и понесло.

В брызгах и пене налетевшей воды Джура уже не видел Бабу и сам едва держался на ногах.

Когда он вырвался из водоворота, Бабу была уже на берегу и сушила шерсть, катаясь на спине в горячем песке. Привязав на конец аркана камень, Джура перебросил его назад Кучаку. С противоположного берега долетели проклятия Кучака и визг Рыжей. Она вырывалась и кусалась, боясь воды. Даже пробовала перегрызть аркан, которым Кучак с трудом обвязал ее.

Отплевываясь и фыркая, Кучак вылез из реки. Рыжая захлебнулась, и ее пришлось подтянуть за аркан. Джура поднял ее за задние ноги и стал трясти. Из пасти собаки полилась вода. Рыжая захрипела. Джура положил ее на песок и начал катать. Наконец она пришла в себя.

IV

Перейдя реку, охотники очутились в урочище Биллянд-Киик. Это было то место, куда они так стремились. Урочище было целой маленькой страной со множеством

пологих склонов, покрытых альпийской растительностью. Снежные пики возвышались вокруг. С юга Биллянд-Киик замыкал огромный ледник. Ниже, в ущелье, зеленела роща. Деревья самых причудливых форм росли между скал. В скалах таились пещеры.

Биллянд-Киик был краем, населенным непуганными животными. Козлы и медведи, архары и барсы чувствовали себя здесь как дома. Кучаку, который увидел на близком от себя расстоянии свое любимое лакомство, дикую индейку — улара, урочище казалось раем.

Охотники надели халаты и пошли, стараясь согреться быстрой ходьбой.

Они спешили до захода солнца достичь пещеры, в которой из года в год помещалось охотничье становище.

Охотники поднимались по голым скалам все выше и выше. Прошли несколько речушек, покрытых льдом. Наконец свернули в ущелье. Здесь на белом снегу ярко выделялась зеленая роща; среди серых скал она казалась странным зеленым оазисом.

Охотники расстались. Джура пошел за двумя карамультуками, которые он, возвращаясь домой, в прошлом году спрятал в дупле большой арчи. По старому обычаю, часть оружия оставлялась в тайниках на месте охоты.

Джура быстро шел вперед. Ноздри его раздувались, вдыхая знакомый запах прошлогодних листьев и горьковатый аромат почек. Забыв об усталости, он прыгал с камня на камень, с сугроба на сугроб. Деревья били его ветвями по лицу. Солнце еще не зашло, но синие тени дышали морозом. Мокрый снег смерзался. Издали послышался отрывистый лай убежавшей вперед Бабу. Джура быстро побежал на ее зов.

Последние ветки раздвинулись. Роща отступила. От огромной арчи, стоявшей на некотором расстоянии от рощи, убегали вверх, на гору, два медведя. Третий, присев на задние лапы, отмахивался передними от наскакивавшей Бабу. Заметив Джуру, медведь испуганно рявкнул и побежал прочь.

Из-под ног зверя покатилась палка и, звякнув о камень, выбила искры. Джура бросился к ней.

— А-а-а!.. — закричал он в гневе и горе, поднимая погнутое дуло карамультука, и побежал к арче.

Сгоряча он попытался его выпрямить. Нет, не выле-

тит пуля из неровного дула. Неохотник не поймет горе охотника, лишившегося оружия. К счастью, в дупле есть еще два карамультука. Джура отшвырнул погнутый ствол и побежал к арче.

Старательно заделанное им в прошлом году дупло, в котором хранились карамультуки, было разорено. Под деревом валялись в беспорядке смятые, раздробленные остатки двух карамультуков и охотничьей утвари.

Джура понял, что бурые медведи, проголодавшиеся после зимней спячки, учуяв в арче запах человека, разломали дупло и выволокли оттуда завернутые в просаленные шкуры карамультуки.

Волосы под меховой шапкой Джуры зашевелились: все надежды на добычу мяса рухнули. Как охотиться без ружей? Не только кишлак не спасешь от голода, но и самим нечего будет есть.

Джура яростно метался, поднимая погнутые стволы карамультуков и снова отбрасывая их в сторону.

— Ай, синий осел, синий осел! — ругал он себя.

Опять медведи, с которыми он каждый год вел упорную борьбу, посмеялись над его молодостью и неопытностью. Джура был уверен, что медведи хотят прогнать его из охотничьих угодий. Но этого не будет! Разгневанный Джура выхватил нож и бросился за врагами.

Но не успел он пробежать нескольких шагов, как мимо него со свистом пронесся камень; за ним еще несколько больших камней покатилось по склону.

Джура растерялся. Может быть, это землетрясение? Но гора не дрожала. Прожужжав, камни зарывались в глубокий снег, лежавший в ложбинах.

Рыжая и Тэке, перепугавшись, жались к Джуре. Он сердился и посылал их наверх, откуда доносился лай Бабу. И в тот момент, когда, разозлившись, Джура отбросил Рыжую ногой в сторону, камень, пронесшийся сверху, раздавил ее.

Джура наконец догадался, что это медведи сталкивали на него с горы камни. Ему рассказывал аксакал, что медведи так охотятся за архарами, но до сих пор Джура этого никогда не видел. А может быть, это просто каменная осыпь?

Несчастье с Рыжей отрезвило Джуру. Он отозвал Бабу и, схватив Тэке на руки, побежал вниз. Там он

сложил в кучу весь лом и сел возле на корточки, обиженный и сердитый. Потом лег на землю и заплакал.

«Ау-ууууу!..» — завыла Бабу, уловив в голосе хозяина оттенок жалобы. Тэке, глядя на мать, стал тихонько подвывать.

Джура очнулся уже ночью. Он вытер глаза и быстро оглянулся: не видел ли кто его позорной, бабьей слабости?

* * *

Расставшись с Джурой, Кучак вначале шел быстро и мурлыкал под нос. Но чем темнее становилось, тем тише он шел, вытягивая, как гусь, голову. Он оглядывался во все стороны. Кучак боялся встретить горного человека. Деревья все теснее обступали его, а причудливые пятнистые камни казались человеческими фигурами. Кучак с ужасом ждал появления злых и отвратительных духов гор. Каждую минуту он останавливался, чтобы рассмотреть свою тень: не дух ли это следует за ним?

При виде пещеры — цели пути — Кучак радостно вздохнул, на его лице разгладились нервно дрожавшие морщинки.

«Какие перемены произошли за год в моих владениях! У большой арчи сломана верхушка, молоденькая арча у камня засохла». Он принялся собирать сучья и кору для костра.

Вдруг на дереве что-то зашумело. Кучак замер, и собранные сучья посыпались из его рук. К своей радости, он увидел филина, который, как это хорошо знал Кучак, охраняет людей от злых духов. Кучак обрадовался, что у него есть такой надежный защитник. Расхрабрившись, он сначала выругал филина, а потом дружески ему подмигнул. Филин почистил клюв когтем и уставился на Кучака круглыми желтыми глазами.

Кучак развеселился и быстро собрал топливо. У каменных осыпей, где когда-то, по преданиям, дед Кучака убил в рукопашной схватке медведя, он заметил горностая.

— А-а-а! — уже совсем весело крикнул Кучак. — Побольше плоди детей — побольше будет мне на шубу шкурок!

У входа в пещеру он замедлил шаги и, спрятавшись за камень, громко закричал:

— Гоп-гоп-гоп-гоп!..

Но из пещеры никто не выскочил. Кучак не доверял пещерной темноте: мало ли кто мог там быть.

Из складок пояса он достал сверток, развернул промасленную шкурку, вынул мешочек, достал из него кремень и фитиль, скрученный из козьей шерсти и вымоченный в растворе селитры, и огниво. Сев на корточки, он взял в левую руку кремень, прижал большим пальцем фитиль и ударил по кремню куском закаленного железа. Посыпались искры, фитиль задымился. Кучак сунул его в пучок сухой травы и, раздув огонь, швырнул горящий пучок в пещеру. Никто не выскочил. Кучак внес дрова...

Оттого ли, что он сильно продрог, или страх сковал его пальцы, но Кучак долго высекал огонь. Руки его дрожали, и искры сыпались мимо. В пещере было темно, и Кучак боялся оглянуться. Он был уверен, что злые духи стоят за его спиной и мешают ему разжечь костер.

Наконец трут задымился. Шумно втягивая в себя воздух, Кучак тужился, раздувая трут, обложенный мхом и корой.

Голубой язычок пополз и зашипел. Сухие сучья затрещали и сразу вспыхнули, разбрызгивая искры.

Темнота исчезла, а вместе с ней исчезли и пугавшие Кучака невидимые духи. Пещера осветилась. Огромная, закопченная, метров сорок в высоту и тридцать в ширину, она могла вместить человек сто. Здесь из века в век останавливались охотники.

Кучак, выскочив из пещеры, бросился к месту, где с прошлого года лежали заготовленные им дрова. Он внес их и подложил в костер.

— Фу-у! — облегченно вздохнул Кучак и, распахнув халат, приблизил к огню обнаженную грудь.

Огонь обдал его жаром, но Кучак все ниже пригибался к костру. Отогревшись, он, высыпав из мешка поклажу, побежал в рощу и быстро нагреб в мешок снега. Вернувшись к костру, он взял горящую ветку и пошел в угол пещеры. Укрепив ее в трещине, Кучак произнес заклинание. Потом отодвинул в сторону несколько камней, поднял каменную плиту и из тайника, находившегося под ней, вытащил большой котел для варки

пищи. Давным-давно завезли сюда этот котел его предки. Кучак притащил котел к огню, вынул из него хранившиеся там предметы и свалил в кучу перед костром. Затем тщательно выскреб грязь и ржавчину и поставил котел на огонь — кипятить воду.

Усевшись возле кучи металлических вещей, Кучак стал перебирать их. Чего здесь только не было! Наконечники для копий, два кремневых ножа, четыре грубые каменные чаши, горсть драгоценных камней, собранных в прошлом году и утаенных от аксакала, и несколько старинных монет. Кучак мурлыкал под нос песню. Он знал много песен и любил их петь.

Есть земля там, и в той земле
Птица есть об одном крыле.
Кто о диком верблюде слыхал?
Кто о том, что есть дикие люди, слыхал?
Кто о медведе Алатхаке слыхал?
О нем не всякий слыхал.
Жесток и злобен этот медведь,
Женоподобен этот медведь.
Мухи водятся там
С казарок величиной.
Мыши водятся там
С овчарок величиной.

Потом Кучак далеко запрятал свои богатства, о которых он не говорил даже Джуре. Ему хотелось есть, а Джура все не шел. Кучак верил, что завтра он будет есть печенку архара. Ведь Джура — первый в мире охотник. Где другим до него! В расчете на верный успех завтрашней охоты он засыпал в кипяток последние три пригоршни муки и запел:

Завтра буду есть печенку в жире .

Но тут прибежала Бабу и совсем некстати завыла.

Кучак от неожиданности вздрогнул, швырнул в нее поленом и выругался, призывая на помощь добрых духов.

«Не случилось ли чего-нибудь с Джурой?» — подумал он. Но идти искать его побоялся.

Три раза Кучак приносил в пещеру дрова, прежде чем пришел Джура. Кучак от радости даже не заметил отсутствия карамультуков.

— У, дурная! — Он возмущенно плюнул на Бабу, с лаем прыгавшую вокруг хозяина.

Тэке лег у огня и немедленно заснул.

— Плохо, — сказал Джура, — медведи дупло разломали. Всё из дупла вытащили и попортили. У карамультуков деревянные ложа разбиты в щепы, а стволы погнуты... стрелять нельзя.

— Ай-ай-ай! — в отчаянии завизжал Кучак. — Это не медведи, это хозяин зверей Каип не хочет дать нам добычливую охоту!

— А твою Рыжую медведи убили камнями.

— Ай-ай! — крикнул Кучак. — А у меня в тайнике крысы все ложки изгрызли.

— Ты синий ишак! — выругался Джура и, сердитый, сел у костра сушить ичиги.

Кучаку не терпелось обсудить случившееся, но Джура так упорно молчал, что Кучак не решался заговорить. Так же молча они стали пить аталу.

— Плохо, — сказал Джура и лег спать, с головой закутавшись в шкуры.

V

Опять голод. Время тянулось бесконечно. На казан кипятку бросили крохотную щепотку чаю, чтобы был хоть какой-нибудь навар, а не просто вода.

Бабу ждала, когда Джура пойдет на охоту. А он сосредоточенно и долго пил чай, пиалу за пиалой, и не торопился.

Бабу обегала и обнюхала всю пещеру, но ружья нигде не было. Стоя у входа, она взвизгивала от нетерпения. Джура не двигался. Тогда она умчалась к заповедной арче.

Охотники все еще пили чай, когда Кучак сказал:

— Смотри!

Бабу, закусив кусок ремня, тащила в пещеру погнутый ствол карамультука. Положив его у ног Джуры, она заглянула ему в глаза и ждала благодарности. Но глаза Джуры засверкали от злости.

— Поломан, не годится! — сердито закричал он

Бабу отошла. Она улеглась у входа, на солнышке, и искоса наблюдала за хозяином.

В полдень, поручив Кучаку насушить гульджана, Джура пошел в горы, гремя железными капканами. Он решил попытать счастья, поставить капканы на архарьих тропинках через ледник. Тэке привязали в пещере.

Кучак пошел копать корень гульджана.

На южных обрывистых склонах гор тянулись к солнцу его свежие всходы. Кучак шел и, размахивая топориком, постукивал обушком по камням. Сурки, завидев его, со свистом мчались к норкам и застывали на задних лапках у входа. На горах среди пятен снега пробивалась зелень. Рыжие скалы пахли солнечным теплом. Внизу зеленели высокогорные тундровые болота. Усевшись на корточки у всходов гульджана, торчавшего между камнями из щебенистой почвы, Кучак принялся копать. Он вырыл пятнадцать корней, обмыл их и просушил. Корни надо было стругать. Кучак вынул нож и понюхал его. Уходя из кишлака, он еле отмыл его от прилипчивого запаха, и ему не хотелось опять его пачкать.

Кучак оглянулся. Снежные грифы летали низко, над самой горой; от взмахов крыльев катились камешки, сорванные воздушным потоком. Засмотревшись, Кучак не заметил прибежавшую Бабу. Она потянула его за полу халата.

— Ох-хо-хо! — крикнул он радостно и, бросив корни в пропасть, быстро побежал за Бабу.

Кучак сопел от радости и любопытства. Он знал, что Джура без дела не позовет. Бабу отбегала вперед и, поджидая его, лаяла от нетерпения.

«А вдруг живой медведь?» — подумал Кучак и остановился. Бабу залаяла снова. «Радостно лает», — решил он и побежал опять.

На подтаявших остатках старой лавины, на одном из разбросанных ею камней, сидел Джура, поставив ногу на неподвижную тушу маленького киичонка. Он кивнул на тушу. Кучак понял без слов. С трудом отрубил он кусок твердой, как камень, шкуры, обнажив высохшее мясо.

Много лет пролежал киичонок во льду.

— Яман, плохо, — сказал Кучак, горестно вздыхая.

По старинному обычаю, мясо животного можно было есть, только выпустив кровь. Джура вынул охотничий

нож, разрубил тушу на несколько кусков. Часть он дал Бабу и взял для Тэке, остальные разложил по капканам.

Спускаясь с горы, Кучак раздраженно щелкал языком. Его сердили близкие, но недоступные архары и киики, пасшиеся на склонах гор. Он искренне пожалел, что отказался от козленка. Кучак сказал Джуре, что гульджан еще не просушился и для муки не годен. Джура не рассердился. Он ненавидел этот корень, как только мог его ненавидеть охотник, любящий мясо.

Вечером снова пили чай. Тэке сварили кусок киичонка.

А на другой день голодный, еще более ослабевший Кучак накопал гульджана и положил его сушить. Джура после обхода капканов принес орленка. Кучак испуганно посмотрел на него. Орел — священная птица. Джура молча достал нож. Кучак в ужасе закрыл лицо руками, чтобы не видеть святотатства. Когда он открыл глаза, орел был мертв. Кучак решил, что лучше раз в жизни попробовать немного запретного орлиного мяса, чем снова есть гульджан.

Прошло еще несколько дней. Джура потемнел, ослабел. Кучак молчал целыми днями. Наконец он не выдержал и настругал тонкими полосками сушившийся на камнях гульджан. Бабу и Тэке ели сурков.

На шестой день ветер переменился. Холодало. Днем Джура несколько раз взбирался на скалу, в которой была их пещера.

— Тучи кипят! — кричал он сверху Кучаку.

Меж горных вершин метались и клубились тучи; они падали по склону вниз, чтобы, промчавшись у пещеры, взлететь снова вверх.

Если бы сильно похолодало, архары пошли бы на южную сторону ледника и, может быть, хоть один попался бы в капкан.

Джура ушел в горы. Кучак недалеко от пещеры перетирал меж камней гульджан. Ему казалось, что весь мир пропах гульджаном.

«Уйти? Но куда? Домой? Там тоже голод. А кроме того, гордый Джура скорее умрет, чем возвратится без мяса. Одному идти невозможно: страшно», — грустно размышлял Кучак о своих неудачах.

Вдруг прибежала Бабу и потянула его за халат. Кучак обрадовался, однако гульджан на этот раз не выбросил, а спрятал его под камень и поспешил за Бабу.

Кучак твердо решил: что бы ни нашел Джура — пусть это будет орел, старый архар или мертвый киик, — он, Кучак, его возьмет, сварит и будет есть. Даже сурка, в котором живет душа ростовщика, тоже будет есть.

Путь становился все труднее. Кучак быстро устал и часто отдыхал, прикладывая руку к сильно бьющемуся сердцу. Беспорядочно нагроможденные скалы преграждали путь, и Кучак, вытирая рукавом пот, карабкался с трудом.

Вскоре он достиг места, где камни были навалены друг на друга кучами.

Бабу убежала вперед. Кучак тихонько пополз на четвереньках, как вдруг прямо на него с ревом бросился барс.

Изнемогший, еле ползший Кучак взвился, как пружина, и прыгнул назад. Шапка слетела у него с головы, но он даже не нагнулся за любимой лисьей шапкой, лежавшей рядом. Выпучив от страха глаза, с визгом помчался он по камням и скалам, спасаясь от огромного свирепого барса. Кучак бежал к воде, зная, что барс боится ее.

«Лишь бы добежать! Тогда бы я спрятался в ручье...» — думал Кучак, слыша за собой прыжки.

Он перескочил камень, поскользнулся и опрокинулся на спину. Барс бросился на него.

Кучак пронзительно закричал и задрыгал ногами.

Вдруг он почувствовал, что барс лизнул его в нос. Кучак еще сильнее закричал и забился. Потом затих и нерешительно приоткрыл веки. Перед ним стояла Бабу.

— Ах ты шайтанка! — рассердился Кучак. — А я тебя за барса принял!

Он вскочил и хотел идти, но Бабу зубами схватила его за халат.

Издалека доносился призывный крик Джуры. Кучак вытер глаза и поплелся за Бабу, тянувшей его за полу халата. Воспользовавшись тем, что Бабу выпустила его халат, он влез на обломок скалы и, оглянувшись, заме-

тил невдалеке Джуру, сидящего на таком же большом обломке скалы. Джура поманил его рукой.

— Там барс! — испуганно крикнул Кучак.

— В капкане, — спокойно ответил Джура.

Обрадованный Кучак наконец взобрался к Джуре. Они вместе пошли к капкану.

Барс попал в капкан задней ногой и скалил зубы при малейшем движении охотников. Кучак взял тяжелый камень и бросил его в барса, но тот отскочил в сторону. Разозлившись, Джура и Кучак начали засыпать его камнями. Барс метался из стороны в сторону, ловко спасая свою голову от ударов. Камни не причиняли ему особенного вреда.

— Эх, — крикнул Джура, — карамультука нет! Я бы убил его в одно мгновение! — И он снова метнул камень.

Барс опять увернулся. Временами он с ожесточением грыз цепь. Пасть его была в крови.

Руки и ноги у Кучака тряслись. Джура изранил себе камнями руку. Он проклинал барса: тот все еще был жив. Оставив барса в капкане, Джура и Кучак, озлобленные, отправились в пещеру.

По пути Джура вырезал две длинные палки.

Из кучи кремневых и железных наконечников он выбрал самые лучшие, отточил их и надел на держаки. Получилось два хороших копья. Измученные и утомленные, охотники сварили перемолотый гульджан.

Позже пошел снег. Всю ночь Джура и Кучак сидели у костра, пили чай и с нетерпением ждали утра. Они решили утром идти на юг, к ледникам, проверить капканы. Джура слушал песни Кучака, и перед его глазами, одна прекраснее другой, проходили картины сказочного мира.

VI

На рассвете охотники двинулись в путь. Шли сквозь мокрую тучу все вверх и вверх. Наконец поднялись выше облаков. Солнце слепило, но не грело. Холодный ветер с ледника щипал лицо и руки. Шли с трудом: не хватало воздуха. Маленькими шажками, опираясь на древки копий, двигались охотники все выше, к леднику.

Грифы с мрачной яростью смотрели на них с больших камней. Бабу рвалась на ремне вперед. Тэке прыгал рядом.

Наконец они достигли каменного острова, который вздымался высоко над ледником.

Гигантские глыбы громоздились кругом, заслоняя дали. Охотники попадали из одной ледяной ямы в другую. Грязная корка льда сменилась белым хрустящим настом. Наст перешел в синий и наконец в зеленовато-черный лед. Трещины преграждали путь. Джура поскользнулся на гладком льду и упал. Кучак старался бежать по следам Джуры. Он боялся трещин, ступал неуверенно и часто падал...

Вдруг Тэке с лаем помчался вперед. Впереди, совсем недалеко, по леднику уходил старый козел. Его задняя нога была повреждена капканом. Бабу рванулась. Зазевавшийся Кучак, вместо того чтобы снять ремень, выпустил его из рук. Бабу помчалась. Она скользила и падала, наступая на ремень.

Оглядываясь назад, козел свирепо потрясал седой бородой и ребристыми рогами. Уже два года он жил отшельником: молодые соперники прогнали его из стада. Теперь, раненный, совсем старый, но все еще достаточно сильный и выносливый, он уходил все дальше и дальше в горы.

Козел подходил уже к краю ледника, когда Бабу перерезала ему путь. Он растерялся. Вместо того чтобы бежать вверх, в горы, он свернул на остатки старого снежного обвала и неуклюже запрыгал по нему вниз, где его было легко поймать.

Все это происходило возле каменного острова, известного под названием Чертов Гроб, который высоко вздымался над ледником.

Там течение ледника разбивалось на два равных потока. Левый круто сворачивал. Огромные ледяные валы прижались к скале. Множество глубоких трещин рассекало лед.

Первым настиг козла щенок Тэке и с лаем бросился на него. Тэке ловко увертывался от рогов. Испугавшись, что неопытный щенок погибнет под рогами козла, Джура побежал напрямик по леднику ему на помощь.

Это случилось в тот миг, когда Бабу, прыгая на козла, поскользнулась на волочившемся за нею скользком ремне, упала, козел ударил ее рогами, а Тэке прыгнул сзади на козла. Вдруг наст скрипнул, зашуршал, и все трое животных рухнули в скрытую под снегом трещину.

...Впоследствии Кучак уверял, что в этот момент он услышал из трещины голос: «Кучак, тебе счастье посылаю». Но Джура честно рассказывал, что Кучак очень испугался, упал брюхом вниз и, хватаясь за лед растопыренными пальцами, вопил: «Ай-ай-ай!..»

Все так же слепило солнце, клубились тучи. Казалось, ничто не изменилось.

Джура, прищурившись и вытянув шею, старался заглянуть в темную трещину, откуда слышался затихающий звон падающих ледяных обломков. Из глубины ледника донесся слабый визг.

— Собака, собака! — заметался Джура у края трещины и замер в ожидании.

Кучак лизал лед и сопел.

— Тише! — крикнул Джура и, прыгнув к Кучаку, ударил его носком ичига.

В наступившей тишине снова прозвучал сиплый, слабенький призывный вопль. «Потерять собаку! Потерять знаменитую Бабу, за которую Тагай давал двух кутасов! Потерять Тэке! Без Бабу охотиться нельзя. Ни ружья, ни Бабу, ни Тэке...» — в отчаянии думал Джура.

— Кучак! — позвал он.

Кучак, сидя на корточках, молился аллаху. По правилам корана, во время молитвы он мог и не слышать зова. Он решил этим воспользоваться и не обернулся. Обозленный Джура так выругался, поминая аллаха, что Кучак еще больше испугался: «В уме ли Джура?»

— Что? — спросил он, забыв молитву.

— Веревки дай.

Джура быстро сделал на веревках петли. Подрубив тишой лед, укрепил в нем копье, привязал к копью конец связанных веревок и, опустив другой конец в бездонную ледяную щель, приказал:

— Лезь!

Кучак отрицательно замотал головой и попятился.

— Слушай, клянусь, я убью тебя, если ты не полезешь за Бабу и Тэке.

Кучак упал на колени. Он знал, что бежать некуда: слово Джуры — верное слово.

— Скорее! — крикнул Джура, выхватив нож.

Кучак неохотно подошел к трещине и долго вглядывался вниз.

— Скорее! — торопил Джура.

И Кучак смирился. Вынув нож, он порезал мизинец и брызнул каплями крови на лед. С пеной у рта он стучал в грудь, заклиная арвахов помочь ему, Кучаку, принесшему жертву.

— Холодно, очень холодно, — были последние слова Кучака, спускавшегося в трещину.

ЧЕРТОВ ГРОБ

I

Джура медленно спускал на веревке Кучака, крепко упершись пятками в вырубленное углубление. Веревка тяжело уползала в ледяную трещину, прорезая ее край. «Хватит или не хватит веревки?» — думал Джура, с беспокойством посматривая на нее. Наконец она ослабла.

Джура хотел переменить положение рук, как вдруг веревка рванулась с такой силой, что он ее выпустил. Джура быстро схватился обеими руками за копье и навалился на него всей тяжестью своего тела. Глубоко внизу раздался отчаянный крик.

«Должно быть, Кучак сорвался с выступа», — подумал Джура. Он потянул было веревку, чтобы помочь, но над краем трещины показались волосатые руки Кучака Срывая ногти, он ухватился за край щели и, подтянувшись на руках, выскочил наверх.

— Я не думал, что ты можешь так быстро лазить... — начал было Джура и осекся.

Кучак, взглянув на него безумными глазами, бросился бежать прочь, но поскользнулся и упал.

Джура догнал и навалился на него, прижав ко льду.

Кучак вырывался, кричал и закатывал глаза, словно обезумев. Джура тряс его и окликал по имени. Наконец Кучак опомнился и затих, как будто только что его заметил. Он ухватился за Джуру и в страхе прижался к нему.

— Бежим скорее! — испуганно сказал он. — Там, внизу, черти, джинны и альбесты... — И постучал кулаком по льду, показывая вниз.

— А где собаки? — взволнованно перебил его Джура.

Но напуганный Кучак не мог ничего рассказать толком, он умолял Джуру бежать от этой страшной трещины.

Потом из несвязного рассказа Джура понял, что ни Бабу, ни киика Кучак не нашел, а щенок, свалившись в щель, попал на ледяной выступ. Он даже нагнулся, чтобы взять Тэке, но в это самое мгновение оглянулся на противоположную стену и увидел во льду чертей. Один из них протянул к нему свою ногу с копытом, и Кучак так испугался, что совсем забыл про щенка и постарался поскорее выбраться.

С досады Джура даже зубами заскрипел; он не верил трусливому Кучаку и выругал его за то, что тот не взял щенка.

Джура велел Кучаку снова спуститься в трещину, но тот наотрез отказался. Целуя руки Джуры, Кучак упрашивал его сейчас же уйти от этого проклятого места. Но Джура был неумолим: аксакал говорил, что если самка гибнет, то душа ее переселяется в первого детеныша; Тэке должен быть спасен.

Не доверяя слабосильному Кучаку, Джура укрепил во льду копье и привязал к нему веревку. Он приказал Кучаку сесть на конец веревки и упереться пяткой в вырубленное во льду углубление.

Дрожа от страха, Кучак повиновался.

Джура медленно спускался на веревке в узкую щель. Вверху трещина была шире и лед по ее краям был светлый, но чем глубже, тем чернее казался лед, тем сильнее от него несло холодом.

Чем ниже спускался Джура, тем больше он волновался: не подох ли Тэке? Внизу Джура заметил белеющий угол выступа, а на нем темный шевелящийся комок. Джура даже закрыл глаза. Нащупав ногой выступ, он открыл глаза и в полумраке разглядел Тэке.

Джура опустился на колени, взял дрожащего щенка и еле смог его засунуть себе за пазуху — так уже велик был щенок.

Джура стоял на выступе лицом к стене. Чтобы не сорваться с выступа, он осторожно повернулся и взглянул на противоположную стену. То, что он увидел там, было так страшно, что Джура невольно отшатнулся и, сорвавшись с выступа, повис. Он быстро полез по ремню вверх, но, достигнув пятой петли, овладел собой и оглянулся. Никто за ним не гнался.

Тихонько, готовый каждое мгновение броситься наверх, Джура снова осторожно спустился на ледяной выступ, не отводя глаз от стены.

Во льду, выдаваясь плечом из стены, сидел замерзший человек. Он походил на киргиза и держал в руках ружье, а рядом с ним Джура увидел странное, никогда не виданное им животное. Копыто его торчало изо льда. Еще ниже во льду виднелись какие-то неясные пятна. Может быть, это были тоже замерзшие люди? Изумленный Джура вглядывался, но разглядеть, что это было, не мог. Ему все-таки казалось, что это были люди. Кто они и откуда шли? Неизвестно! Кто мог ответить на эти вопросы?

Больше всего его внимание привлекал человек, в руках которого было ружье. Судя по восьмигранному стволу, это был карамультук. Джура со страхом смотрел на погибших людей и на ружье в руках мертвеца. А вдруг это только сон? Джура стал изо всех сил рубить ножом лед. Обнажив на треть ствол карамультука, он схватился за него, боясь выпустить. Ствол зазвенел. Джура заметил в ледяной стене еще один темный предмет, по-видимому вмерзший в лед вьюк.

Кучак наверху в страхе ждал Джуру.

«А вдруг вместо Джуры вылезет из щели горный человек в образе Джуры и, по обычаю горных людей, начнет бороться со мной насмерть?» — думал Кучак.

Но из щели вылез Джура, посиневший от холода, очень взволнованный. Джура торопливо рассказывал Кучаку о том, что он видел в трещине.

— Это горные люди, это альбесты или джинны. У них, наверно, железные руки и нет спины. Ты видел спины? — недоверчиво спрашивал Кучак.

Джура, сердясь, настаивал:

— Надо достать карамультук, иначе мы умрем с голоду. Ты понимаешь, какое счастье иметь карамультук?

Но Кучак боялся: не завороженное ли ружье видел Джура? Не послано ли оно злыми духами?

— Ты сумасшедший! — в гневе крикнул Джура. — Если его посылают нам духи, так, конечно, добрые. Пойми: надо воспользоваться их милостью, а то они раздумают.

Кучак, конечно, и сам понимал, что́ значит для них ружье. Какая без него охота! Наконец он согласился: карамультук надо добыть изо льда. Он со страхом опять полез в трещину, взяв с собой тишу. Скоро оттуда послышались глухие удары.

Кучак и Джура три раза по очереди спускались в щель. Остававшийся наверху грел Тэке теплом своего тела. Долго работали они и наконец вырубили ружье вместе с куском льда.

Кучак, внезапно решившись, полез еще раз и вырубил кусок мяса неизвестного животного и курджум. На этот раз Кучак работал хорошо. Они вместе втащили наверх добычу и с трудом понесли ее. Только к полуночи пришли они в пещеру и разложили костер. Вещи у костра быстро оттаивали. Когда мясо было готово, они накормили голодного Тэке.

Джура разобрал карамультук, отделил ложе, а ствол положил около огня. Лед в стволе таял. Вода вытекала из него мутными каплями. Джура попробовал прочистить ствол. Ружье оказалось заряженным. Пуля была загнана крепко, и порох под ней отсырел.

Тогда Джура стал острой косточкой выковыривать размокший порох через маленькую затравочную дырочку у пороховой полки.

Эта работа заняла у него почти всю ночь. Утром Джура зарядил карамультук порохом, принесенным из кишлака, приладил к курку фитиль и вышел из кибитки. За ним поплелся Кучак. Джура и Кучак были очень взволнованы — вылетит пуля или разорвет ружье: от сохранности карамультука зависела судьба целого кишлака.

Джура положил ружье на камень и прицелился в сурка, сидевшего невдалеке от бугра. Фитиль дымился. Джура нажал курок. Порох на полочке взорвался, но ружье не выстрелило. Сурок спокойно сидел у норы.

Джура снова подсыпал пороху. Снова прицелился в сурка. Порох взорвался, опалив Джуре щеку. Грянул сильный выстрел.

Пока Кучак бежал к бугорку посмотреть, убит ли сурок, Джура убедился, что ружье было в целости. Но у самого Джуры правая щека так вспухла, что даже закрылся глаз.

— В голову попал, в голову! — кричал Кучак.

И впервые за все это время Джура улыбнулся.

Кучак весело запел, размахивая убитым сурком:

Э-э-гей, э-э-э-э-эгей!
Лучше охотников нет людей!
Лучше охотников нет друзей!
Кто смелей нас, кто храбрей?

Радостные, сели они у костра. Кучак разрезал ножом кожаный курджум и высыпал его содержимое возле костра. На землю посыпались золотые и серебряные браслеты, кольца, цепи, чаши. Золотые монеты раскатились по пещере. У ног обезумевшего от счастья Кучака, сверкая, лежало несметное богатство. Расколов топором большой, еще не растаявший кусок льда, Кучак вынул несколько смерзшихся, твердых, как камень, пшеничных лепешек.

Но вид золота даже у Кучака отбил аппетит. Пораженный невиданным богатством, он, как затравленный волк, озирался во все стороны, ожидая нападения, и вдруг, схватив вещи, бросился в угол — зарывать.

Джура еле вырвал у него одну серебряную чашу. Он накрошил в нее мяса, разогрел его и дал Тэке.

Кучак бросился к сплющенной серебряной шкатулке, надеясь найти в ней новые сокровища. Он быстро сорвал с нее крышку. В шкатулке, выложенной красным бархатом, лежали пергаменты, свернутые в трубку и перевязанные красной шелковой нитью, три гусиных пера и бутылочка.

— Аксакалу отнесем, — сказал Джура.

Кучак зарыл шкатулку вместе с остальными сокровищами. Потом ели мясо и оттаявшие лепешки.

Кучак ел без аппетита. Он жевал и глотал мясо, а сам все думал о золоте: «Какое богатство! Как бы кто

его не отнял. Надо еще поискать, не осталось ли чего-нибудь в трещине».

Джуру разбудил Тэке. Гоняясь за крысами, щенок наскочил на него.

Заметив в углу развороченную яму, Джура удивленно спросил Кучака:

— А где золото?

Кучак оглянулся и тихо сказал:

— Я его спрятал еще лучше. В другое место.

Но Джура золотом не интересовался. Он был совершенно равнодушен к золоту и искренне удивлялся странной власти этого желтого металла над душой Кучака.

Джура поручил Кучаку кормить Тэке, а сам ушел на охоту. Он шел, внимательно оглядывая склоны...

А в это время Кучак, греясь на солнце у пещеры, опять дразнил Тэке. Подав ему кусок мяса, он придерживал его голову так, что щенок только касался пищи носом и не мог есть. Щенок сердился и, разозлившись, рычал и лаял.

В горах грянул выстрел: это стрелял Джура. Резкий звук сорвал где-то лавину. Грохот от ее падения несколько секунд сотрясал горы.

Из-за камней выскочил архар и, увидев Кучака, замер. Кучак задрожал от жадности. Архар — и так близко! Кучак громко закричал:

— Джура! Джура!

Архар ускакал. Опять прогремел выстрел. Кучак взобрался на высокий камень и огляделся. Совсем недалеко он увидел Джуру: тот уже снимал шкуру с убитого козла. А еще через полчаса Кучак, напевая, поджаривал печенку с нутряным жиром.

Началась сытая и хорошая жизнь.

Пора было уже заготовлять мясо.

II

Прошло полтора месяца. Тэке быстро рос и все более привязывался к Джуре. Уходя на охоту, Джура каждый раз приказывал Кучаку удерживать Тэке.

— Разве ты не видишь, что он хочет бежать за мной? А что толку от молодого щенка на охоте? Одна помеха, — говорил Джура.

Однажды, когда Джура был уже далеко, Кучак отвязал Тэке. Возбужденный щенок носился по пещере и грыз все, что попадалось ему под ноги. Он гонялся за крысами, изгрыз ичиги Кучака, порвал халат и шкуры. Кучак поймал его и крепко привязал ремнем к камню возле котла, а сам уселся варить мясо.

Тэке бесшумно перегрыз ремень и побежал по следу Джуры. Кучак кинулся за ним в погоню:

— Сюда, Тэке, сюда!

А Тэке, обрадовавшись свободе, мчался от Кучака все дальше через камни и рытвины, оставив в стороне след Джуры.

Когда крика Кучака не стало слышно, Тэке побежал тише. Он с любопытством рассматривал незнакомые места. Ящерицы разбегались перед ним. Но скоро это ему наскучило. Он влез на большой обломок скалы.

Ветер с ледников шевелил на нем шерсть и обдавал холодом. Тысячи шорохов и шумов неслись со всех сторон. Поблизости в горах что-то загремело, и от снежного обвала задрожали скалы.

Тэке прыгнул, больно ударился о землю и с визгом помчался домой. Заметив по дороге сурка, он остановился и хотел его поймать, но сурок спрятался в нору. Тэке тихо побежал дальше.

Вдруг он споткнулся. Под его ногой хрустнул белый камешек, и из него что-то потекло. Взъерошив шерсть, Тэке заворчал, понюхал камешек, потом лизнул. Жидкость оказалась вкусной, и Тэке слизал ее. Он набрел на гнездо горной куропатки. Так впервые он съел яйцо. Нечаянно он раздавил второе яйцо и тоже съел его. Остальные яйца он уже раздавил зубами.

Гнездо пахло резким, легко запоминающимся запахом.

Пробежав еще немного, Тэке уловил опять запах гнезда. Он бросился прямо к нему. Но с гнезда взлетела куропатка и села рядом. Тэке погнался за ней, но куропатка опять взлетела и, как бы дразня его, вертелась перед ним, уводя его все дальше и дальше от своего гнезда. Тэке устал гоняться за птицей и прилег, но его внимание привлекли ящерицы.

Они бегали совсем рядом. Тэке накрыл одну ящерицу

лапой, потом приподнял лапу — ящерица убежала. Он поймал другую ящерицу, понюхал ее и сжевал.

Третья ящерица была большая, темная, с полоской на спине и непугливая. Тэке тоже прикрыл ее лапой и хотел съесть, но она вдруг ущипнула его за нос.

Щенок пронзительно и жалобно завизжал и помчался в рощу.

Нос у Тэке распух и сильно болел. Сам не понимая зачем, он съел какую-то траву. Собачий инстинкт подсказал ему, что эта трава нужна.

У Тэке припухли глаза, исчезло чутье. Он хотел бежать домой. Понюхал воздух, но домом ниоткуда не пахло. Он пошел напрямик в горы и уходил все дальше от дома.

Ночью Тэке прилег у камня. Где-то совсем близко завыли волки. Тэке взъерошился, подобрал хвост, прижал уши и оскалил зубы. Волки завыли еще ближе. Тэке испугался и побежал от них. Но, выбежав на поляну, он увидел рядом с собой нового врага. Это была его собственная тень. Тэке с лаем бросился на нее, но она метнулась в сторону. Щенок побежал за ней, потом закружился на месте, но не в силах был ее поймать. Он лег, и тень улеглась с ним рядом.

Тогда Тэке сел и тоскливо завыл на луну, скосив глаза на неотвязного спутника.

Рассвет застал Тэке далеко от пещеры. Усталый и голодный, он дрожал от ночного холода. Взошло солнце. Тэке, отогревшись, побежал искать Джуру и Кучака. Голод гнал его вперед.

Ящерицы разбегались перед ним, но теперь он боялся их. Тэке бежал весь день.

Поднявшись на высокий бугор, Тэке увидел труп кииика, а вокруг него барсуков. Звери отбежали, но сейчас же, злобно рыча, вернулись обратно.

Заметив сильных противников, Тэке опустил голову, лег и жалобно заскулил. Барсуки защелкали зубами. Тэке отступил назад. Он тоже рычал, оскалив зубы. Барсуки продолжали пожирать кииика.

Вдруг появился барс, и барсуки разбежались.

Голубоватая, в пятнах шкура барса показалась Тэке знакомой, но какое-то непонятное чувство страха заставило его прижаться к земле.

Барс только что съел киичонка и был сыт. Он огляделся кругом и понюхал труп киика. Вдруг Тэке чихнул. Барс вздрогнул и умчался по камням вверх.

Тэке подождал, осмотрелся и, подбежав к остаткам мяса, с ворчанием стал есть. Испугавшись тени, упавшей сверху, он бросился в сторону. На камень у трупа уселся гриф, хищно оглядываясь вокруг. Через несколько минут прилетели еще три снежных грифа.

Тэке, привыкший к новым гостям, подошел к ним, но сильный удар крыла сбил его с ног. Он упал и, покатившись по склону, свалился в лужу с родниковой водой. Выбравшись на камень, Тэке, повизгивая, облизал мокрую шерсть.

Наступил вечер. Взошла луна и осветила скалы и камни, бурные реки и пропасти.

На одном из камней одиноко сидел заблудившийся Тэке и выл.

III

Джура возвращался с охоты.

— Не бей меня, я не виноват! — закричал Кучак, увидя Джуру.

— Где Тэке? Почему он не выбежал мне навстречу? — спросил Джура, сбрасывая на землю убитого киика.

— Ай-ай, большое горе! — застонал Кучак. — Я не виноват!

— Где Тэке? — сердито повторил Джура. — Или ты разучился говорить?

— Я все расскажу, все! — сказал Кучак, с испугом наблюдая за правой рукой Джуры, в которой тот держал палку. — Сижу я возле котла, — Кучак показал в сторону котла пальцем, — и варю мясо. Вдруг, — и он показал на небо, — появился джинн в виде огромной птицы и бросился сверху на Тэке. Я выхватил нож и прыгнул к нему, как барс, но дракон открыл пасть и дунул на меня огнем. Я упал на спину, а он унес Тэке.

— Кто — он?

— Дракон.

— А почему ты сначала сказал, что это был джинн в виде птицы?

— Сказал — дракон, страшный дракон, с тринадцатью головами! — кричал Кучак.

— Ты не охотник, ты даже не друг охотника! — горестно сказал Джура. — Ты скверный пастух. Ты, что ли, будешь догонять раненых кииков? Эх ты... синий ишак!..

Джура ушел в горы.

Он вернулся поздно ночью, поел холодного мяса и лег спать.

Кучак притворился спящим.

Десять дней не разговаривал Джура с Кучаком. Утром на одиннадцатый день после исчезновения Тэке Джура спросил Кучака:

— Ну, а Тэке сопротивлялся?

— Ай-вай-вай! — сказал, обрадовавшись, Кучак, видя, что у Джуры отлегло от сердца и он наконец заговорил. — Тэке боролся, как барс! — И Кучак пошевелил в воздухе пальцами. — Я тебе все расскажу подробно. — И он уселся удобнее возле казана.

...Шли дни, и каждый вечер, когда Джура, возвратившись с охоты, садился у костра, Кучак рассказывал о том, как Тэке дрался с драконом и отгрыз ему пять голов и прогрыз грудь, чтобы достать и сожрать сердце, но прилетел второй дракон...

С каждым днем количество драконов увеличивалось, и к концу месяца Кучак утверждал, что их было десять, а к концу второго месяца оказалось, что драконов было двадцать пять и Тэке дрался с ними со всеми.

— Тэке такой умный, такой хитрый, он сам убежит от драконов, — говорил заискивающе Кучак. — А если не убежит — значит, он плохой пес, не стоит о нем и жалеть.

Но Джура жалел Тэке. Возвращаясь в пещеру после неудачной охоты, он ругал Кучака:

— Понимаешь ли ты, старый хорек, что два раненых кииха убежали в горы только потому, что не было собаки? Ты виноват, что дракон унес Тэке. Ты не помогаешь мне охотиться, только ешь и спишь! Вялить мясо — не мужская работа. Добывай себе мясо сам, больше я тебя кормить не стану. Понял?

— Понял, — печально ответил Кучак.

Несколько дней он питался горными куропатками, которых ловил силками.

Однажды под вечер, возвращаясь с охоты домой, Джура услышал блеянье козленка. Джура положил на землю убитого кииика и, осторожно ступая, пошел к ручью, откуда долетали жалобные звуки.

Джура подкрался совсем близко. Крики слышались рядом, но на лужайке было пусто. Он обошел кругом — киичонок кричал за камнем. Джура перепрыгнул через камень и увидел Кучака. Он сидел на корточках и, приложив пищик к губам, подражал крику киичонка.

— Пищишь? — насмешливо спросил его Джура.

Кучак вздрогнул и отшатнулся, выронив пищик.

Джура поднял пищик. Он был сделан из кости улара. Джура подул в пищик — раздался крик киичонка.

— Ты хорошо сделал манок, — сказал Джура. — Коза побежит спасать чужого киичонка, даже если с ней рядом будет стоять ее собственный.

На другое утро Джура пошел на охоту вместе с Кучаком. Они расставили капканы и спрятались поблизости. Не прошло и часа, как на зов манка прибежала коза. Джура хотел ее пристрелить, но Кучак отрицательно покачал головой.

В это время коза попала ногой в раму капкана. Под тяжестью ее ноги зубья капкана раздались, пропуская копыто. Коза рванулась, ремень, привязанный к раме, напрягся, и коза грохнулась на землю. Кучак вытащил нож и бросился к ней.

— Я угощу тебя, Джура, печенкой с нутряным жиром, — сказал он, самодовольно облизываясь. — Теперь я тоже охотник.

По вечерам он опять рассказывал Джуре сказки о Манасе или о том, как Тэке боролся с драконами. Он стругал ножом толстые ветки и точил на камне железные наконечники.

Но время шло. Снега таяли под летним солнцем, обнажая новые лужайки. Козлята подрастали, и кииики поднимались все выше в горы. Почти каждый день ходил охотиться Кучак, но уже не приносил дичи.

— Ходи дальше, может быть, и поймаешь, — советовал ему Джура.

Кучак пошел далеко в рощу и поймал там киичиху и маленького киичонка. Успех так ободрил его, что на следующий день он пошел еще дальше и, привязав к камням капканы, которые они называли «киичьи ичиги», спрятался за арчой с разломанным дуплом и, вынув пищик, стал подражать крику киичонка. Но киичиха не показывалась.

Долго ждал Кучак, но нигде не было видно кииков. Солнце пекло. Кучак устал. Он поел холодного мяса, напился воды из родника, потом, отдохнув, спрятался за арчой и снова взял пищик. Где-то в роще раздался треск. Кучак запищал сильнее. Вскоре шорох раздался ближе, в камнях.

«Матка идет!» — обрадовался Кучак и запищал еще жалобнее.

Шорох раздался совсем рядом, и из-за камня прямо перед Кучаком показалась большая медвежья голова.

Медведь поднял морду, понюхал воздух и выскочил на полянку, оглядываясь во все стороны: он тоже искал киичонка.

Кучак выронил пищик и быстро полез на арчу. Царапая руки и задыхаясь от ужаса, он лез все выше по стволу, а внизу рычал медведь, стараясь поддеть его когтями.

Кучак влез на ветку и посмотрел вниз. Уже не один, а два медведя с любопытством и жадностью смотрели на него. Кучак влез еще выше. Тогда самый большой медведь подошел к дереву и потряс его. Кучак чуть не сорвался.

Медведи с ворчанием ходили около дерева, а к вечеру ушли. Кучак начал было спускаться вниз, но вовремя заметил медведя, выглядывающего одним глазом из-за обломка скалы, и полез опять вверх.

Медведь понял, что Кучак его увидел. С ревом поднялся он на задние лапы и пошел к дереву. Кучак швырнул в него сухой веткой и попал в глаз. Медведь рассвирепел. Обняв ствол лапами, он полез вверх, к Кучаку.

Медведь влезал все выше и выше. Дерево дрожало.

«Конец!» — подумал Кучак и, закрыв глаза, изо всех сил уцепился за ветви арчи.

Откуда-то прогремел выстрел, и дерево содрогнулось.

— Эй, Кучак, ты, наверно, придумал новый способ ловить медведей? — донесся до Кучака насмешливый голос Джуры.

Кучак открыл глаза и увидел, что медведь в предсмертных судорогах царапает когтями землю.

IV

В пещере на деревянных кольях, забитых в расселины каменных стен, уже висело несколько десятков кусков вяленого мяса. И хотя из кишлака до сих пор почему-то никто не приходил за мясом, Джура продолжал охотиться за кииками, а Кучак — заготовлять мясо впрок.

Если Джура приносил старого киика, Кучак сердился и требовал, чтобы он стрелял только молодых, мясо которых нежное и жирное. Для этого Джуре приходилось уходить на несколько дней в горы.

Как-то он ночевал на берегу высокогорного озера Мама у опушки арчовой рощи. Проснулся он задолго до восхода солнца, быстро поел холодного вареного мяса и пошел на охоту.

Джура так тихо шел возле берега озера, что даже стаи гусей на берегу не слышали его шагов. Идти пришлось недалеко. В предрассветной мгле виднелось много кииков. Они паслись на зеленых лужайках, спускавшихся уступами к озеру.

Джура присел за камень, достал кремень, высек искры на трут, а от него зажег фитиль на карамультуке и прицелился. Пороха и пуль оставалось мало, и он не спешил. Выждав, пока два молодых киика, пасшихся рядом, сошлись и один зашел за другого, Джура прицелился и выстрелил.

Оба киика упали на землю, пораженные одной пулей.

Вспугнутые выстрелом гуси и утки шумно поднялись в воздух. Находившиеся поблизости киики в страхе разбежались во все стороны.

Джура не спеша дорезал кииков и содрал шкуры «чулком». Потом он срезал с костей мясо и сложил его в «чулки», завязав их покрепче. Кости выбросил.

Оба «чулка», набитых мясом, он подвесил на ветке повыше, чтобы не достали волки и лисицы, а сам пошел на гору.

Охотник поднимался с уступа на уступ, все выше и выше над озером. Впереди, на краю скалы, стоял архар. Архары попадались редко, и Джура решил его подстрелить.

То ли потому, что архар не стоял на одном месте, то ли Джура плохо прицелился, но пуля только ранила архара, и он, прихрамывая, побежал на гору. Охотник быстро пошел за ним.

Внезапно из-за уступа выскочил и погнался за архаром волк.

Джура в изумлении остановился.

«Неужели это волк? — подумал Джура. — Нет, велик... Черных волков не бывает. Что же это такое?»

Джура побежал вперед.

Черный волк обогнал архара, отрезав ему путь в горы, и с лаем кружился вокруг него.

«Да это собака! — решил Джура, услышав лай. — А вдруг это Тэке?»

У Джуры даже глаза сверкнули. Но он сейчас же рассердился на себя за эту нелепую мысль. Ведь Кучак клялся, что Тэке унес дракон.

Джура не сводил глаз с черного пса и бежал все быстрее.

— Ну конечно, это Тэке! — закричал он громко, заметив на груди у пса белое пятно, и засмеялся от радости. — Тэке! Тэке! — восторженно кричал Джура, подбегая к нему.

Рослый пес мельком взглянул на Джуру, но продолжал преследовать архара.

— Тэке, Тэке! — кричал Джура и, бросив карамультук, радостно хлопнул себя по бедрам. — Киш, киш!

Но Тэке не надо было натравливать. Улучив момент, он ловко схватил раненого архара за ногу, тот упал.

Тэке вцепился архару в горло.

Джура быстро подбежал. Он схватил архара за рога, прижал его голову к камням и прирезал.

Тэке с злобным рычанием, дрожа от жадности, отгрызал куски мяса от перебитой ноги и проглатывал их, не разжевывая.

— Ешь, Тэке, ешь, — приговаривал Джура, наклоняясь над ним и незаметно обвязывая ремнем его шею.

Тэке ощетинился, заворчал, но продолжал жадно пожирать мясо.

Через некоторое время Джура привел в пещеру упиравшегося Тэке.

Растолстевший и подобревший Кучак был поражен, увидев Джуру с собакой. На мясо он даже не взглянул.

— Какой он большой! — восхищался Кучак и протянул руку, чтобы погладить Тэке.

Но тот злобно прижал уши и прыгнул. Кучак едва успел отдернуть руку.

— А ну, соври еще раз о том, как драконы унесли Тэке! — насмешливо сказал Джура.

Но Кучака пристыдить было трудно.

— Я же говорил, что он придет... Умный пес!

Джура привязал Тэке ремнем к камню, но он рвался и грыз ремень.

— Надо привязать пса на палку, — решил Джура. — За три месяца он одичал. Его надо приручать.

Джура и Кучак подошли к псу, но он бросился на них. Тогда Джура принес барсовую шкуру и набросил ее Тэке на голову. Они повалили собаку на землю, привязали к ошейнику палку, а другой конец ее привязали ремнем к камню.

За один день Тэке изгрыз три палки.

Два дня Джура не давал ему ни есть, ни пить. Глаза Тэке налились кровью. На третий день ему дали напиться. Тэке рычал, но пил жадно. На четвертый день Джура дал ему кусок мяса.

Вскоре при виде Джуры Тэке уже весело махал хвостом и смотрел на руки, ожидая мяса.

Утром на десятый день после возвращения Тэке Джура подошел к нему. В руке он держал золотую цепочку и кусок мяса. Эту цепочку Джура взял у Кучака, когда тот пересматривал свои сокровища.

Кучак шел вслед за Джурой:

— Ну разве можно надевать на собаку золотую цепь?

Пока Тэке жадно ел мясо, Джура осторожно привязал цепочку к ошейнику и перерезал ножом ремень, потом отошел в сторону, держа в руке конец цепочки.

Тэке прыгнул и, почувствовав свободу, начал бегать вокруг Джуры. Он хотел отбежать подальше, но цепь не пускала.

Через несколько дней Джура взял Тэке с собой на охоту. До этого Тэке два дня не кормили, чтобы он был злее. Встретив стадо кииков, Джура нарочно ранил одного из них в ногу и, сняв с Тэке цепочку, натравил его на киика. Легко раненный киик быстро убегал со стадом в горы. Голодный и злой Тэке помчался за ним.

Когда Джура поднялся на гору, он увидел Тэке, кружившегося вокруг раненого киика. Джура пристрелил киика, выпотрошил и внутренности бросил собаке.

Пока Тэке ел, Джура привязал его опять на цепочку.

— Хороший, умный Тэке, достойный сын Бабу! — приговаривал Джура.

Тэке ел кишки и рычал.

Прошло еще несколько дней, и Джура решил спустить Тэке с цепи.

Пес умчался в горы. Джура волновался: вдруг Тэке не вернется? Но он пришел.

— Ба-ба-ба!.. — позвал его Джура.

Тэке недоверчиво попятился и скосил глаза. Джура бросил ему кусок мяса. Тэке понюхал его и съел.

— Ба-ба! — снова сказал Джура и опять бросил ему мяса.

В эту ночь Тэке спал на своем старом месте у пещеры — под камнем, где он раньше сидел на цепи.

Он был приручен.





Часть вторая

ДЖЕЗ-ТЫРМАК

I

— «Зима приближается, волоча свой меч», — запел однажды Кучак.

С деревьев осыпались пожелтевшие листья.

Вскоре из нависших над горами туч пушистыми хлопьями пошел снег. Потом немного потеплело, и он растаял.

Под вечер, когда Джура принес с охоты двух козлов, Кучак, развешивавший вяленое мясо, рассердился:

— Я не могу больше есть грубую козлятину! Где улары? Я хочу есть их нежное мясо. Оно предохраняет от оспы. Ты приносишь мало уларов. Я не буду больше рассказывать тебе сказки, если ты не принесешь уларов.

Джура молча вынул нож и, разделав тушу, достал печень.

Тэке, облизываясь, сидел рядом.

— Эх, вкусная печенка, с жиром! — сказал Джура Кучаку. — Но если ты не хочешь рассказывать мне сказки, я брошу печенку Тэке.

Он немедленно исполнил свою угрозу.

Кучак кинулся за брошенной печенкой, но не успел ее вырвать у Тэке: пес укусил его за руку.

Кучак разозлился. Он схватил палку, которой мешал в костре угли, и замахнулся ею на собаку, а Тэке, схватив печенку, убежал.

Кучак погнался было за псом, но вернулся, запыхавшийся, потный и огорченный.

Джура смеялся и дразнил его:

— Зимой ты был тощ и молчалив. А теперь почему-то много болтаешь. Даже мясо кииков стало для тебя грубым. А ведь ты потолстел от него. Почему ты не снимаешь шкуры с кииков? Ведь это твоя работа, а не моя. За это я дарил тебе печенку. Но тебе все мало... Вторую печенку я, пожалуй, тоже отдам Тэке.

Кучак отрицательно потряс головой и вынул нож. Он снял шкуру со второго киика и бережно выпустил кровь в маленький казанок, приговаривая:

— Не киргизский ли обычай есть поджаренную кровь?..

Джура принес из рощи двух уларов и бросил их Кучаку на колени со словами:

— На, ешь! Я пошутил.

Кучак зачмокал от удовольствия и нежно погладил огромных жирных птиц по серым перьям.

— Ты попал им в голову! — восторгался он. — Джура, ты великий охотник!

Джура был польщен. Он считал, что только охотники — настоящие мужчины, а кто не охотник — тот жалкий и ничтожный человек.

Кучак славился в кишлаке своим мастерством заготовлять впрок мясо, но аксакал особенно ценил его за уменье хорошо приготовлять уларов. Щепки весело трещали в костре. Кучак варил настойку из трав. Прищурив узкие, маленькие глаза, он хитро спросил Джуру:

— Знаешь ли ты, где наше счастье?

Джура вопросительно посмотрел на него.

— В нашем животе, — сказал серьезно Кучак. —

Самая хорошая жизнь, когда ешь много жирного мяса и много спишь. Хорошо пить по утрам айран [1], холодный и свежий. После него настоящий человек может целую овцу съесть... Вот ты, Джура, батыр и хоть много ешь, но вкуса в пище не понимаешь. Ты еще молодой, не настоящий батыр. Был один знаменитый батыр, так он сразу две овцы съедал и после этого спал подряд трое суток...

Улары долго кипели в настойке из душистых трав. Когда мясо сварилось, Кучак отделил кости от мяса и выбросил их. Он размял круглой палкой разваренное мясо и положил туда большой кусок топленого жира. Жир таял, испуская приятный запах. Взяв очищенный желудок киика, Кучак переложил в него варево, уминая палкой. Получилась плотная, жирная колбаса.

— Пусть остынет, — с нежностью сказал он, старательно облизал мешалку и понес колбасу из пещеры, чтобы зарыть ее в снег.

Тэке побежал впереди, поминутно останавливаясь.

— Назад! — крикнул Джура, и Тэке медленно и неохотно возвратился.

II

Стемнело. Дрова слегка потрескивали, выбрасывая снопы искр. Кучак возвратился веселый.

— Скоро будем есть, — сказал он, усаживаясь на корточки.

— Расскажи сказку, — попросил Джура.

Кучак подумал. Хитро улыбнувшись, он сел поудобнее, поджал под себя ноги и, растирая на ладони табачные листья, начал рассказывать:

— В одном ханстве, за множеством высоких гор, жил храбрый охотник. Он один съедал целого барана. Охотник был сильный, всех мужчин в кишлаке во время борьбы валил. Мог целые сутки спать. И были в том ханстве запретные для охоты горы. Какие это были горы! На каждой лужайке лежало по пятьсот больших тэке. Говорили, что у самого главного тэке рога из чистого золота. Кто только туда ни ходил, обратно не

[1] Айран — кислое молоко.

возвращался. Только находили потом у подножия горы труп, разорванный на клочки. Одни говорили, что там водятся железные орлы, другие говорили, что джинны, третьи говорили, что там живут горные люди. Вот и решил охотник пойти туда поохотиться. Он собирался жениться, только жену не на что было выкупить у отца и матери: бедный был. Собрался он в путь, а его друг, старый охотник, и говорит: «Возьми меня, батыр, с собой, я буду тебе козлов носить. Мешать тебе не буду, а помочь могу. А за то, говорит, ты дашь мне половину дичи, которую убьешь на охоте».

Батыр засмеялся и говорит: «За что же я тебе дам дичь?» А тот отвечает: «Там видно будет. Если не за что будет, то ничего и не дашь». Принес батыр в жертву богу белого барашка, и они пошли. День лезут на гору, два дня лезут — нет кииков. Рассердился батыр. «Куда, говорит, ты меня, старик, завел? Врешь ты все, ничего ты не знаешь». Старик не ответил, и пошли они дальше. Идут не разговаривают.

Прошли еще одну гору и вдруг видят: целые стада козлов пасутся и их не боятся. Вот тут и начал батыр стрелять. Как выстрелит, так пуля сразу по три, по четыре козла убивает. Набили они много козлов — не унести. А уже темнеет, спать надо. Подошли они к роще. Батыр хотел огонь разжечь, а старик говорит: «Не надо огня. На этой горе когда-то жил злой хан, он много людей порезал. Души их бродят по ночам. Увидят нас джинны и альбесты и убьют». А охотник говорит: «Не боюсь я!» — и приказывает разжигать огонь. Старик говорит: «Хорошо, разведем костер, но когда поедим, то ночевать пойдем в другое место».

Разжег старик огонь, охотники сварили мясо, поели. «Ну, идем в другое место», — говорит старик. «Не хочу», — говорит охотник. Старик все же уговорил охотника отойти в сторону. Сели они за камень. Видят: подходят к огню две красивые девушки. Охотник хотел бежать к ним, но старик сказал: «Не надо, подожди. Посмотрим, что будет. Если они здесь живут, мы их и завтра найдем». Еле уговорил старик батыра. Как только начало белеть на востоке, девушки ушли.

На другой день старик и говорит: «Сделай то, о чем я тебя попрошу, и, если из этого ничего не выйдет, не

давай мне моей охотничьей доли». Охотник посмеялся, а потом согласился. Срубили они два дерева. Старик оструган их и сказал, что эти чурбаны надо одеть как людей: в халаты и шапки. Надели охотники на них свою одежду, положили чурбаны возле костра и опять спрятались за камнями. Смотрят, а на огонь пришли две другие девушки. Щеки у них красные, как кровь, а глаза темные, как ночь. «Я возьму их себе в жены», — сказал охотник. А старик все просит: «Подожди немного». Девушки сидят около огня, а руки прячут в рукава. «Я знаю, кто это, — зашептал старик. — Это джез-тырмак. Если хочешь остаться живым, не ходи к ним». А охотник не верит ему: «Врешь ты все, старик». Посидели девушки около огня, посмеялись. Видят, что люди крепко спят возле костра и не просыпаются. Засучили они рукава, и увидел тут батыр, что руки у них медные, а ногти на руках длиннее, чем у медведя, настоящие когти. «Не боюсь я их, — говорит батыр. — Застрелю». А старик говорит: «Посмотрим, что будет дальше». А девушки раскалили на костре медные когти, потом подошли к лежащим чурбанам, закрытым с головой, и всадили в них свои когти, а когти-то в древесине и застряли. Поняли джез-тырмак, что их обманули, дергают руки, а когтей вытащить не могут. Тут рассердился охотник и застрелил их. Только пулю забил он не простым пыжом: старик дал ему особый пыж. Подошли они к девушкам и видят, что руки у них по локоть не медные, а золотые. Отрезали они ножом золотые руки и забрали с собой. И убитых кииков поделили пополам... Аллах и арвахи велят все пополам делить. А особенно золото...

Кучак подбросил в костер дров и хитро посмотрел на Джуру.

— Однако уже поздно. Съедят твоих уларов волки, — засмеялся Джура.

— За колбасой надо идти тогда, когда Пастушья звезда поднимется на два пальца над горой. А чтобы волки не съели колбасу, я разжег там сырое дерево, и костер этот будет гореть целую ночь. Пока же я расскажу тебе, Джура, о Манасе, как он горами реки заваливал и воевал с врагами.

Джура нахмурился:

— Расскажи мне лучше о том, как Манас на железном ковре-самолете летал, как он на железном ящере ездил. Расскажи мне те сказки, которые рассказывали аксакал и красные джигиты.

Но такого не было в песнях о Манасе, так как Манас не летал на железном ковре-самолете и не ездил на железном ящере, и Кучак не мог об этом спеть. Не был он и в верховьях реки Сауксай и не видел того, о чем говорил тогда аксакал. Он сказал об этом Джуре.

Джура гордо сказал:

— Я сам пойду на Сауксай. Кто может запретить мне?

— Тише, замолчи, дерзкий! — взмолился Кучак. — Ведь они могут услышать твои необдуманные слова...

— Кто?

— Арвахи! — прошептал Кучак, испуганно оглядываясь. — Не серди духов, Джура, не поступай необдуманно. Ничего не начинай, не принеся им в жертву лунорогого, раздельнокспытного белого киика. Может, это смягчит их гнев. Не уходи от нас, Джура, мы погибнем с голоду.

— Я никуда не уйду, — сказал Джура. — Я только подымусь на самую высокую гору и оттуда посмотрю на весь мир... Ведь пришли же к нам оттуда люди и духи их не тронули.

— Ты уже взрослый, Джура, сам знаешь, что делать надо, — уклончиво ответил Кучак и пошел за колбасой.

Уже издали он крикнул:

— У меня узкие ичиги, я не могу идти с тобой в верховья Сауксая!

— Да, — крикнул ему в ответ Джура, — если тебе ичиги жмут ноги, то какая для тебя польза, что мир широк!

III

Тэке вскочил и глухо заворчал. Джура встревожился. С выпученными от ужаса глазами в пещеру вбежал Кучак и упал у костра. Он был не в силах что-нибудь сказать и только показывал палкой в темноту. Тэке беспокойно вертелся и, повизгивая, поглядывал на Джуру.

— Барс? — спросил Джура.

Кучак отрицательно потряс головой.

— Медведи? Волки?

Тот опять покачал головой.

Джура указал в темноту нетерпеливому Тэке:

— Киш, киш, киш!

Тэке с тихим рычаньем выскочил из пещеры. Кучак долго не мог прийти в себя и в ужасе всматривался в темноту, куда убежал Тэке. Наконец, проглотив кусок снега, который ему подал Джура, он закричал:

— Там джез-тырмак, клянусь! Да убьет меня огонь мой!

Джура недоверчиво улыбнулся.

Кучак прерывающимся голосом рассказал ему, что около костра, который он разжег, сидит джез-тырмак. С виду это как будто бы и девушка, но руки у нее, как у всех джез-тырмак, из чистого золота. Надо сейчас же застрелить эту джез-тырмак. Она и одета не так, как люди.

Джура усомнился:

— А ты помнишь, как у Чертова Гроба ты уверял, что в ледяной щели аргахи, а там оказалось...

— Не вспоминай! — зашептал Кучак. — Там было совсем иное дело. Я же прошу об одном: когда ты застрелишь ее, я отрежу золотые руки и возьму их себе. Только надо особый пыж, иначе пуля ее не возьмет.

Кучак отрезал кусок шерсти от волчьей шкуры и, скатав пыж, дал Джуре. Тот забил его шомполом в дуло.

Сжав в руке ружье, Джура побежал из пещеры. Кучак схватил его за рукав.

— Я буду поддерживать тебя, — сказал он и повис на Джуре, но быстро идти не мог: ему мешал жир.

Джура не замечал Кучака, уцепившегося за его руку, и быстро шел вперед. Тэке не было видно. Кучак запретил звать его, боясь, что их услышит джез-тырмак.

— Джез-тырмак, наверно, убила Тэке, — сказал Кучак.

Джура прибавил шагу.

«Пусть только убьет, пусть попробует! — думал он. — Я изрежу ее на мелкие куски!»

Они быстро прошли заросли. Не доходя до опушки, Кучак остановил Джуру и, раздвинув ветви, сказал:

— Смотри.

У дымящегося костра сидела девушка и грела руки. Дыму было так много, что лица ее нельзя было рассмотреть, но по ее невиданной одежде, странным ичигам и, главное, по желтым, точно медным, рукам охотники решили, что это действительно джез-тырмак.

— Дай я выстрелю, ну дай!— шепотом просил Кучак.

Единственный раз в жизни судьба посылала ему случай сделаться героем. Он умолял Джуру, заглядывал ему в глаза, клялся быть вечно его рабом. Но Джура не соглашался: он решил сам застрелить джез-тырмак.

Мимо них пробежал Тэке.

— Ну конечно, это джез-тырмак. Даже пес стал сам не свой! Ясно, что здесь колдовство, — сказал Кучак.

Тэке снова пробежал мимо, а впереди него бежала чужая рыжая собака.

— Это ее собака. Стреляй, она покусает нас! Она бешеная! Тэке бегает за ней как угорелый! — закричал Кучак.

Девушка, услышав голоса, вскочила и закричала:

— Джура!

Голос казался знакомым. Кучак заметил порывистое движение Джуры, но успел удержать его:

— Не ходи, она тебя убьет.

Джура громко закричал:

— Тэке, Тэке!

Рыжая собака, услышав его голос, замедлила бег, остановилась и вдруг, ласково оскалившись, поползла к нему на брюхе.

— Кучак, — шепнул Джура, — это Одноухая из кибитки Зейнеб. А девушка, кажется, сама Зейнеб.

Но Кучак испуганно замахал руками:

— Что ты! Это джез-тырмак, она только притворяется. Это она нарочно приняла образ Зейнеб, чтобы завлечь и убить нас.

А Зейнеб стояла у костра и встревоженным голосом кричала:

— Джура, Кучак!.. Ого-го!..

— Тэке, ба-ба-ба... — позвал Джура.

Тэке подбежал. Джура взял его за ремешок. Тем временем Кучак насыпал пороху на полку заряженного карамультука, зажег фитиль и, поставив на камень

рогульку — подпорку для карамультука, начал старательно прицеливаться в грудь Зейнеб. Грянул выстрел, и седым облаком повис дым, скрыв девушку. Джура оставил Тэке, Кучак бросил карамультук, и оба побежали к костру. Кучак на бегу вынул нож, чтобы отрезать золотые руки джез-тырмак. Девушка стояла у костра невредимой.

— Что с вами? — спросила она, напуганная враждебным приемом.

— Кто ты? — спросил ее Кучак.

— Я Зейнеб. Ты что же, не узнаешь? Мы с женщинами пришли за мясом. Нас послал сюда аксакал. Они не могли перейти реку, ждут по ту сторону Сауксая. А я пришла к вам. Неужели вы не узнаете меня? Что, я изменилась?

— Почему у тебя медные руки? — еще сомневаясь, спросил Кучак. Он от страха даже закрыл глаза и присел, но потом чуть-чуть приоткрыл один глаз.

Девушка расхохоталась.

— Это называется «перчатка», — сказала она. — Перчатки вяжут из шерсти и надевают на руки.

— А что на тебе за одежда? — мрачно, но уже чувствуя стыд и неловкость, спросил Джура.

Зейнеб успокоилась, заметив, что Кучак засунул свой нож в ножны.

— Вы меня не узнали потому, что я в новом платье. Посмотрите на мою левую руку. Видите шрамы от когтей молодого барсенка, которого Джура поймал три года назад? Узнаете? — Зейнеб развеселилась. — У нас столько новостей, столько новостей!

Скороговоркой, глотая слова, Зейнеб рассказывала охотникам о том, что́ в их отсутствие произошло в Мин-Архаре:

— Мы никого не ждали и собирались идти к вам за мясом, и вдруг с севера к нам приехал караван...

— С востока, — поправил ее Джура.

— Нет, с севера, — упорствовала Зейнеб, — именно с севера...

— Врешь, — сказал Джура, — оттуда нет дорог.

— А зимой, помнишь?

— Тогда был обвал, лавина засыпала пропасть, и по снежному настилу эти незнакомцы проникли к нам.

— Не перебивай меня! — рассердилась Зейнеб. — Разве вы не слышали страшного грохота, потрясшего горы? Эти люди всё могут. Они устроили гром, и часть горы обвалилась. Вот они и приехали. Пять человек: три киргиза и два русских... Один — тот, что зимой был: Ивашко, комсомолец. Мы опять испугались: думали, грабить будут. Все женщины убежали в горы. Аксакал тоже... Осталась только твоя мать Айше и твой маленький брат. Аксакал сказал Айше, что она старая и ей смерти нечего бояться. Айше прислала за нами твоего брата, Джура. Мы пришли. Смотрим — Айше смеется, и гости смеются. Они подарили нам чай, рис, мыло, муку. Вы думаете, ячменную муку? Нет, пшеничную, и не одну пиалу, а сорок — пятьдесят пиал, и много ячменя: целых два мешка. Аксакал, как всегда, прикинулся больным, а увидел подарки — сразу выздоровел. Потом они сказали: давайте шкуры менять на материю и съестное. Аксакал согласился и запросил в десять раз больше, чем с китайских купцов. Даже я рассердилась на жадность аксакала. А русский, тот самый, что приезжал, засмеялся и говорит: «Давайте без обмана». Аксакал устыдился, хотел сбавить цену, так что вы думаете?.. — И Зейнеб гордо подбоченилась.

— Ну? — спросил Кучак, уверенный, что всё забрали даром.

— Русский красный джигит из рода большевиков заплатил в двадцать раз больше того, что просил аксакал, да еще сказал, что и это недорого за такие хорошие шкуры. Они гостили у нас, лазили по горам, собирали камни и рисовали значки на белой-белой материи. Называется «бумага». Мы все шкуры променяли, золотой песок променяли и рубины, каждый день ели пшеничные лепешки и пили настоящий чай.

— И всё съели? — недовольно спросил Кучак.

Зейнеб смерила его презрительным взглядом и продолжала:

— Девять дней жили они у нас. Они оставили нам двух животных. Они называются «лошади». Ты, Кучак, нам о них рассказывал сказки. Лошади красивые и умные. Только к ним надо привыкнуть. А оружие басмачей джигиты нашли в горах.

Джура выругался: он сам хотел это сделать по возвращении.

— Они расспрашивали аксакала о Тагае. Вначале он не хотел ничего говорить, но Айше начала, и ему оставалось только продолжить рассказ. Они подарили Айше и еще некоторым красивые халаты. А какую красивую материю они привезли! Видишь платье на мне? Это русское платье, его привезли сшитым. А вот ботинки! — И она приподняла ногу.

Кучак подошел ближе, сел на корточки и принялся мять в руках материю.

— За северными горами стоит огромный кишлак, — продолжала Зейнеб, — а мы и не знали. Там живет много-много народу, и все едят пшеничные лепешки, ходят в красивых платьях и не голодают. Там живет род большевиков, и мы тоже захотели так жить, как они. Аксакал было запрятал все к себе и не хотел нам давать, но русский сказал, что это все общее. Русский сказал, что все надо делить поровну. Потом нам дали бумагу, а киргиз нам ее прочел, и мы все приложили к ней большие пальцы, смоченные черной краской. Теперь мы — охотничья артель. Много-много нам рассказывали люди из рода большевиков о том, как они живут. Мы верили и не верили. Они нас к себе в гости звали. Много скота обещали дать: кутасов, коз, овец.

Джура жадно слушал новости, но и виду не показывал, что удивлен, а Кучак сидел на корточках и ловил каждое слово.

— А мой карамультук? — ревниво спросил Джура.

— О, твой карамультук тоже привезли! И много пороху к нему и свинца. Я не принесла ружье потому, что аксакал сказал: у вас есть два карамультука. Красные джигиты обещали дать еще охотничье ружье с патронами.

— Поэтому-то вы и не спешили за мясом, что ели пшеничные лепешки? — спросил Кучак и, огорченный, пошел к пещере.

— Конечно! — Зейнеб улыбнулась. — Мы ели не раз в день, как раньше, а утром, днем и вечером. Я поспешила к вам с новостями, а Кучак чуть не застрелил меня. Неужели я такая красивая, как джез-тырмак? И ты, Джура, ты тоже не узнал меня сразу? Где же твой

острый охотничий глаз? Или ты ослеп? Что это ты так смотришь на меня? К лицу ли мне этот красивый шелковый платок? Дома есть еще два платка!

Джура был взбешен: девчонка смеется над ним!

— А чем это так пахнет? — спросил он.

— Это такая пахучая вода, мне Ивашко подарил. — И она опять засмеялась.

Джура покраснел от гнева: чужой человек дарит Зейнеб подарки!

Джура замахнулся на торжествующую Зейнеб и кулаком сбил ее на землю. Зейнеб заплакала от обиды:

— Ты без головы, ты злой! Те были добрее!

Но Джура уже остыл.

— Ну, не плачь, — виновато сказал он.

Зейнеб заплакала еще громче. Джура растерялся. Зейнеб выросла за лето и стала какой-то другой, еще лучше... Он не знал, как ее успокоить. Джура похлопал ее ладонью по спине, но она все плакала. Джура переминался с ноги на ногу и наконец неловко погладил ее по голове. Она сразу перестала плакать и изумленно посмотрела на него.

Джура быстро взвалил на плечи тяжелый курджум, который притащила Зейнеб, и сказал, не глядя на нее:

— Идем, я накормлю тебя, пока Кучак сам не съел уларов.

Молча дошли они до пещеры. У входа уже сидел Кучак и кипятил для чая воду.

— Ага, очень тяжелый курджум, я вижу! — радостно сказал Кучак, бросаясь к Джуре.

Кучак извлек из мешка большой бурдюк.

— Это айран,— сказала Зейнеб.— А вот рис, видите?

Кучак сам вынул лепешки, завернутые в платок.

— Пшеничные! — гордо сказала Зейнеб, передавая их Джуре, молча стоявшему у костра.

IV

Смущенный Джура сидел и с напускной важностью рассказывал Зейнеб о том, как они жили с Кучаком в пещере. Зейнеб, слушая, вертела в руках нож и вдруг вскрикнула:

— Да ведь он с золотыми насечками!

— Разве это золото? — спросил Джура и, вспомнив о найденном богатстве, добавил: — А знаешь, мы нашли...

Но тут Кучак зашептал ему на ухо:

— Не говори Зейнеб о золоте. Аксакал говорит, что хитрости одной женщины хватит на поклажу для сорока ослов.

Джура нахмурился, но промолчал.

— Что же вы нашли? — спросила с любопытством Зейнеб.

Но Кучак, чтобы отвлечь Зейнеб, закричал:

— Я вам сейчас расскажу хорошую сказку о смерти Кукотая-батыра... Ну, видите, в котле закипела вода!

Зейнеб развязала платок, опоясывавший ее, и расстелила у костра. На скатерти Кучак разбросал лепешки и куски колбасы из уларов. Он положил еды гораздо больше, чем этого требовалось для троих человек. Это означало довольство, достаток.

Кучак говорил без умолку: он хотел, чтобы Зейнеб забыла о своем вопросе.

Все придвинулись к еде.

— Берите, берите! — сказал Кучак, показывая на еду.

— Берите! — сказал Джура.

По обычаю, в кишлаке первым приступал к еде наиболее уважаемый член рода. Таким был здесь Джура. Он важно протянул руку и не спеша взял кусок лепешки.

Зейнеб ела колбасу и хвалила ее. Она была горда тем, что сидела между храбрыми охотниками и получала лучшие куски. Зейнеб знала, что, выйдя замуж, она станет рабой мужа и не сможет проводить время в обществе мужчин.

Они поели колбасы и напились чаю. Джура рассказывал о Тэке, об охоте.

Ночь была безветренная, но Кучак перенес угли и казан в пещеру и раздул большой огонь.

— Эй, Джура, принеси сухих дров! Да захвати с собой Зейнеб. Ты ведь сам знаешь; если женщина стоит около казана, плов не удается.

Никто не умел варить так хорошо плов, как Кучак, а кто варит хороший плов, тому в это время все должны

подчиняться. И Джура послушно пошел за дровами, а сзади, не поспевая за ним, побежала Зейнеб.

Не успели они отойти от пещеры, как их догнал Кучак. Он подбежал к Джуре и прошептал ему на ухо:

— Не говори Зейнеб о золоте, а то я буду тревожиться, и плов подгорит.

— Хорошо! — сказал Джура и зашагал дальше.

Кучак, запыхавшись, прибежал в пещеру. Пока кипятилась вода, он семь раз промыл рис и щепкой выловил соринки. Потом он растопил в котле много жиру и опустил в кипящий жир мелко нарезанное молодое, нежное мясо. Поджав ноги, он сел возле казана, как гордый жрец, и, вдыхая пар, тихо замурлыкал.

Кучак снял с огня казан и отставил в сторону, накрыв крышкой и тулупом. Угли медленно угасали, покрываясь серым пеплом. А Джура все не возвращался.

Кучак рассердился:

— Я один съем плов! Плов не может ждать: он остынет и потеряет вкус.

«Променять плов на девушку!» — подумал Кучак и, взяв блюдо, пошел к казану.

В это время в пещеру стремительно вошел Джура и швырнул дрова на пол. Они раскатились во все стороны.

Кучак открыл было рот, чтобы выругать его, но, заметив, что Джура сердит, воздержался.

За Джурой молча вошла Зейнеб и тоже бросила дрова. Она опустилась на колени у костра и начала раздувать его. Кучак понял, что они почему-то сердятся друг на друга. Джура сел у костра. Зейнеб постелила достурхан и, взяв чайник, плеснула немного горячей воды на руки Джуры. Тот помыл руки и вытер их матерчатым поясом.

— Несу, несу! — закричал радостно Кучак.

Высоко поднимая огромное дымящееся блюдо плова, он поднес его к костру и опустил на достурхан. Зейнеб восторженно захлопала в ладоши.

— Откуда вы достали такое красивое блюдо? — спросила она и удивленно посмотрела на Джуру.

Кучак посерел и даже как будто сморщился. Он незаметно толкнул Джуру локтем.

— Нашли, — нехотя ответил Джура.

— Где нашли?— настойчиво спрашивала Зейнеб. Она понимала, что от нее что-то скрывают.

— Ешьте плов, он стынет. Берите, берите! — приглашал Кучак, и голос его дрожал и срывался от волнения.

Джура взял рукой горсть горячего жирного плова и, сжав в пальцах, чтобы рис не рассыпался, бросил его в рот.

— Хороший плов! — похвалил он и облизал пальцы.

Плов был действительно вкусный, но Кучак ел плохо: он боялся за судьбу найденного золота. Если Зейнеб узнает о золоте, она расскажет аксакалу, и он заберет себе все богатства.

На дне блюда обнажились изображения людей и зверей.

— Смотрите: вот медведь, лисица!— весело говорила Зейнеб, показывая пальцем.

После плова пили чай.

— Слушай, Кучак, — сказал Джура, — Зейнеб рассказала мне, что после того, как из кишлака уехали большевики, туда из Кашгарии приезжал Тагай. Аксакал должен Тагаю золото еще с прошлого года, и Тагай грозил, что он осенью опять приедет и заберет горностаевый тулуп аксакала и всех девушек. Он все расспрашивал, где красные джигиты и сколько их. Хотел узнать, где мы...

— Аксакал хочет, чтобы ты, Кучак, женился, — сказала Зейнеб. — Он говорит, что уже прошел год, как умерла твоя жена, и нехорошо мужчине быть неженатым. Он говорил еще, что и Джура должен жениться на его внучке Биби. А мне... — тут голос Зейнеб дрогнул, — мне аксакал велел готовиться стать женой Тагая. За меня Тагай даст аксакалу пять кутасов, десять коз и простит, что мы его не приютили зимой. Жаль, что все это я узнала после отъезда красных джигитов из рода большевиков. Они бы помешали всему этому, я уверена. Они говорили нам, что приедут в будущем году. А еще они говорили, что в других кишлаках... кишлаков, оказывается, так много!.. в других кишлаках больше нет аксакалов.

— Как — нет аксакалов? — удивленно спросил Кучак. — А кто приносит жертвы духам?

— Ивашко сказал: духов никаких нет, — тихо сказала Зейнеб, — и аксакалы это знают.

— Не говори глупостей! — сказал Кучак сердито. — Как это нет духов?.. Молчи!..

— А девушки Сет и Зара, — продолжала Зейнеб, немного смутившись, — вышли замуж за караванщиков из Дараут-Кургана... Тагай еще говорил, что у него много лавок в Кашгаре и что я каждый день буду есть пшеничные лепешки и плов. Он прислал в подарок мне кольцо. — И она показала золотое колечко с бирюзой.

Джура со злостью вырвал кольцо и швырнул его в костер. Зейнеб заплакала и, схватив полено, начала рыться в догорающих углях.

V

На другой день с утра Джура, Кучак и Зейнеб отправились к Сауксаю. Они несли на плечах полные курджумы вяленого мяса. Впереди бежали Тэке и Одноухая.

Зейнеб все время пыталась узнать, откуда у охотников серебряное блюдо и золотая цепочка. Кучак всячески стремился отвлечь ее рассказами о чудесных, необычайных местах, попадавшихся им по дороге.

— О-о-о, Зейнеб, посмотри влево, глянь на гору! — кричал Кучак так, будто Зейнеб шла на другом склоне горы. — О-о-о, Зейнеб, смотри туда не моргая, и ты увидишь отверстие в вершине горы, откуда сверкает огненный глаз дракона. Смотри же! А ты говорила, духов нет!

— Да, сверкает, — говорила Зейнеб, пораженная странными красноватыми отблесками, время от времени появлявшимися в черной пещере на горе.

— О-о-о, Зейнеб, смотри направо, вон туда, где черные и синие камни! Видишь серую гору? Так вот, должен родиться такой батыр, который сможет взвесить всю землю, и эта гора будет служить вместо гири, как золотник.

— Ты все знаешь, Кучак, — насмешливо заметил Джура. — Скажи же: куда деваются старые луны, когда рождаются новые?

— О, их разбивают на куски и из осколков делают новые звезды, — не задумываясь, ответил Кучак.

— А-а-а!.. — закричала Зейнеб, не находя слов, чтобы выразить свой восторг перед всеведением Кучака.

Джура не нашелся что сказать и нахмурился.

Разговаривая, они вышли на берег Сауксая. На другом берегу толпились женщины и подростки, пришедшие из кишлака. Они размахивали руками и что-то кричали, но шум реки заглушал их крики.

Джура думал о том, что мяса много и переправлять его через реку придется не одну ночь, так как днем тают снега. Год назад женщины приходили вместе с аксакалом. Джура посоветовал ему перебросить ремень через теснину, с одного берега Сауксая на другой, и так переправить мясо. Аксакал, не терпевший никаких новшеств, рассердился, назвал это мальчишескими бреднями и настоял, чтобы делалось по-старому. В этом году аксакала нет. Почему бы не попробовать?

До глубокой ночи они носили мясо из своей пещеры на берег, а Зейнеб сторожила его. Ночью, дождавшись, когда талая вода пошла на убыль, Кучак взвалил на плечи курджум с мясом и, понукаемый Джурой, отправился на другую сторону. Воды в реке было много, и Кучак переправлялся очень долго. Женщины окружили его, взяли курджум, сварили мясо и всю ночь рассказывали о приезде каравана от большевиков.

Джура, не дождавшись восхода солнца, направился к скале Черный Ворон. Там берега реки сближались, образуя теснину. По ту сторону реки за Кучаком шла толпа женщин и подростков, а Джуру на этой стороне сопровождала Зейнеб.

Привязав камень на конец ременного каната, Джура раскрутил его над головой и бросил на другой берег реки. Кучак поймал и обвязал канат вокруг большого камня; то же сделал Джура со своим концом. Женщины, еще ночью услышав от Кучака, что мясо будет переправляться на ремне, недоверчиво посмеивались. На ремень Джура надел свободно двигавшуюся петлю и к ней привесил курджум. К курджуму он за середину привязал аркан, один конец которого также перебросил Кучаку. Положив в курджум мясо, он крикнул: «Тащи!» — и сделал знак рукой. С противоположного берега донесся

смех подростков. Кучак неуверенно дергал за аркан. Курджум качался, но не двигался.

Джура стоял, широко расставив ноги и сжав от волнения кулаки. Он знал: если его затея не удастся, над ним будут всю жизнь издеваться и непременно придумают ему обидное прозвище. Кучак дернул аркан, и курджум закачался в петле. Ремни размякли под действием брызг, и канат медленно опускался к реке, провисая под тяжестью мяса все ниже и ниже. Кучак растерялся и перестал тащить.

— Пропало мясо! — кричали женщины.

— Тащи, тащи!— звонким голосом закричала Зейнеб, вскочила на камень, нависший над обрывом, и нетерпеливо затопала ногами.

Вдруг она покачнулась и, взмахнув руками, упала в реку.

Женщины завизжали от ужаса, а перепуганный Кучак неожиданно для себя легко потащил к себе курджум.

Молодой изобретатель этого не видел. Он прыгал по скользким прибрежным камням, стараясь не упустить из виду красное платье Зейнеб, мелькавшее в водоворотах Сауксая.

Девушку швырнуло о камень, и на мгновение она поднялась над водой. Этого было достаточно, чтобы аркан метнулся к ней и обвил ее за плечи. Джура изо всех сил уперся ногами, удерживая Зейнеб на месте, и закрепил аркан среди валунов. Девушка сидела, прижатая течением к большому камню, оглушенная и задыхающаяся от пены, бьющей ей в лицо.

Позже, когда спала вода, Джура перетащил Зейнеб на берег. Помог ей сбросить мокрое рваное платье, закутал в свой меховой халат и понес к стоянке. Она была так слаба и беззащитна, что он невольно прижал ее к своей груди.

Всю ночь Джура не спал и поддерживал костер, возле которого спала Зейнеб. Он смотрел на ее черные кудрявые волосы, на сомкнутые веки с длинными дрожащими ресницами, на руки, гладкие и округлые... Он думал об этой красивой, резвой и жизнерадостной девушке, и не отвечал на вопросы Кучака, перебравшегося с того берега.

Зейнеб проснулась как ни в чем не бывало. Она шутила и смеялась.

Развеселившийся Кучак показывал, как Джура прыгал по береговым камням, догоняя Зейнеб. Только Джура был суров и молчалив.

— А меня ты как переправишь? — спросила Зейнеб, когда все мясо было уже на другом берегу.

Джура нахмурился:

— Зачем тебе уходить? Ты нам еще не постирала, а говорила, что аксакал велел выстирать все наше белье.

— Мы бы и сами управились, — возразил Кучак.

Зейнеб задумалась. Она была самой красивой девушкой в кишлаке. Старухи, собираясь в бесконечные зимние вечера, прочили ее за Джуру, но сам Джура об этом не говорил...

Зейнеб морщила лоб, а Джура молча ждал ее ответа.

— Хорошо, — согласилась Зейнеб, и глаза ее хитро блеснули, — я выстираю вам белье. А что ты мне за это дашь? Ведь Тагай просто так, ни за что, подарил мне кольцо. Ты подаришь мне блюдо?

— Блюдо? — презрительно повторил Джура. — Я тебе дам золотой обруч на руку, какого ни у кого нет.

Зейнеб больше не колебалась. Она крикнула женщинам на тот берег:

— Несите мясо в кишлак сами! Я останусь помогать Джуре и Кучаку! — И она на прощанье помахала рукой.

VI

Зейнеб выстирала белье и в награду получила золотой браслет. Любуясь браслетом, она надевала его то на правую, то на левую руку. Кучак даже похудел от зависти.

— За такой браслет пять жен можно купить, а ты подарил девчонке! Забери назад браслет! Женщина не доведет до добра, если ее не бить.

Однажды вечером Кучак услышал тихий голос Джуры:

— Зейнеб, я принимаю на себя все твои грехи.

Кучак знал, что это были самые нежные слова, кото-

рые, по обычаю, говорил в кишлаке мужчина девушке перед женитьбой. Ответ Зейнеб Кучак не расслышал. Молодые люди ушли из пещеры. Кучак вышел за ними, но не замечал ни красоты залитых лунным светом гор, ни аромата альпийских лугов. В ночном безмолвии он слышал громкий стук своего сердца, встревоженного судьбой сокровищ.

Все время Джура и Зейнеб проводили вместе. Джура дарил ей драгоценности. Кучак негодовал.

— Ты, Кучак, хотел иметь золотые руки и получил их, — шутил Джура. — Разве могла бы Зейнеб так варить, стирать и прибирать, если бы руки у нее не были золотые?

Джура перестал охотиться, и они ели вяленое мясо из запасов.

— Почему она ест с нами, а не сидит сзади нас и не ждет, чтобы поесть остатки еды после мужчины? Разве она не твоя жена? Вы все время вместе, и она поет тебе песни! — сердился Кучак за обедом.

А Джура делал все, что скажет Зейнеб. Вдали от ворчливого аксакала она была совершенно счастлива и удивлялась: «Как можно было колебаться в выборе между Джурой и Тагаем? Разве есть на свете человек лучше Джуры, более великий охотник, чем он? Разве кто-нибудь мог так хорошо обращаться с женой, как Джура?» Зейнеб жила беззаботно и только иногда поругивалась с Кучаком. Она не спешила в кишлак, хотя ей и хотелось показать подругам свои драгоценности.

Иногда Зейнеб со страхом вспоминала слова Тагая: «Смотри, Зейнеб, если ты выйдешь замуж за другого, я зарежу тебя!» А Тагай скоро должен был снова приехать в кишлак. «Может быть, Тагай узнает, что я осталась с Джурой, и уедет», — успокаивала себя Зейнеб.

Однажды утром Джура ударил Тэке ногой, чтобы тот не рычал: он мог разбудить спящую Зейнеб.

Кучак плюнул от возмущения. «Приберет Зейнеб все наше золото к рукам!» — огорчался он. Целую ночь думал Кучак о золоте, но ничего не придумал.

— Ишак я, старый ишак! — ворчал Кучак. — Почему я плохо целился в тот вечер в Зейнеб? Зачем я промахнулся? Или, может быть, ее спас амулет, который она носит на шее?

VII

Голодный Тэке все утро бегал с Одноухой по горе. Сурки уже залегли в норах на зимнюю спячку. Мыши попрятались. Земля сверху промерзла, и разрывать норы было невозможно. Собаки вернулись домой голодные.

Зейнеб зашивала платье, когда Одноухая, а вслед за ней и Тэке прибежали в пещеру и уселись под висевшим мясом. Высоко подпрыгнув, Тэке впился зубами в большой кусок мяса, и палка, на которой оно висело, с треском обломилась. Зейнеб обернулась. Тэке уже выбегал из пещеры, волоча за собой мясо. За ним бежала Одноухая.

Зейнеб вскочила, схватила палку и, даже не надев грубых кожаных галош, помчалась за Тэке. Зейнеб была зла не на шутку: на ее глазах собаки нагло украли мясо! Кусок был тяжелый, и Тэке медленно бежал по склону горы. Зейнеб, запыхавшись, продолжала его преследовать и была уже далеко от пещеры. Вдруг Тэке бросил мясо и присел, обнажив клыки. Из-за камней на него налетели два огромных серых пса.

Тэке вступил с ними в драку. Псы бросились на него, стараясь повалить на землю. Тэке вскочил на высокий камень. Один из псов прыгнул за ним, но Тэке укусил его за горло и столкнул.

Зейнеб начала бросать в собак камнями, но в это время из-за скалы вышла группа вооруженных людей. Один из них назвал Зейнеб по имени. Она в страхе опустилась на камень, не сводя глаз с окликнувшего ее человека: это был Тагай.

— Кок! Гог! Сюда! — крикнул Тагай своим собакам.

Но они еще яростнее напали на Тэке.

— Разнять собак! — приказал Тагай и быстрыми шагами подошел к Зейнеб.

Она уже оправилась от испуга и встала.

— Почему ты здесь? — спросил он ее. — Откуда браслеты?

К Тагаю подошли его помощники: Безносый и Чирь.

— Золотые! — прошептал Безносый.

— Снимай! — Безносый схватил Зейнеб за руку.

Тагай толкнул Безносого, и тот со стоном отскочил от девушки.

— Ты, должно быть, забыла, что аксакал отдал тебя мне за долг? — сказал Тагай.

— Возьми лучше браслеты, — сказала Зейнеб, срывая их с рук и подавая Тагаю. — Я не пойду с тобой. Пусти меня, или Джура тебя убьет! Отпусти, он даст тебе много золота.

Она, проскочив между басмачами, быстро побежала к пещере. Чирь щелкнул затвором винтовки.

— Не надо! — сказал ему Тагай.

Он позвал свою собаку и показал ей на Зейнеб. Серый пес догнал девушку и схватил ее за платье. Зейнеб, сорвав с головы платок, хлестнула пса по голове, но он быстро свалил ее с ног. Подбежавшие басмачи отогнали собаку. Тагай потянул Зейнеб за руку. Она плакала и не хотела вставать.

— Поднимите ее! — приказал Тагай.

Зейнеб вскочила. Она яростно сопротивлялась, но басмачи связали ее. Зейнеб быстро повернулась и укусила Тагая за руку. Он размахнулся и ударил ее кулаком по голове.

— Вот шайтан девка! — с невольным восхищением воскликнул Безносый.

ЧЕЛОВЕК ТО ТВЕРЖЕ КАМНЯ, ТО НЕЖНЕЕ РОЗЫ

I

Зейнеб, оглушенную ударом, басмачи переправили через Сауксай и положили на берегу. Они ушли, чтобы, по приказу Тагая, поймать и убить Джуру.

Тагай сидел возле Зейнеб на корточках. Зачерпывая ладонью мутную ледниковую воду, он плескал ее на лицо девушке.

«Ай-ай-ай, какая красавица! — думал курбаши. — Если о ее красоте рассказать в Сарыколе, никто не поверит. А если показать?.. О! Все будут еще больше уважать меня и завидовать. Эта женщина даст целое богатство, если ее продать. А какая бешеная! Будет много возни. Надо, чтобы ей приказал аксакал. Запугать старика ничего не стоит».

Наконец Зейнеб открыла глаза. Тагай спокойно вытирал руки длинным шелковым поясом. Конец пояса он бросил Зейнеб, чтобы она вытерлась тоже.

Зейнеб, окончательно придя в себя, вскочила, отбежала в сторону и спряталась за скалу. Тагай не спеша направился к ней, заматывая на ходу пояс.

— Не подходи! — закричала она и швырнула в него камнем.

Курбаши не успел увернуться, и камень больно ударил его в плечо. Он схватился за рукоятку ножа:

— Зачем дерешься? Поговорить надо!

Но Зейнеб, дрожащая от холода и волнения, уже держала другой камень и в смятении твердила:

— Не подходи — убью! Не подходи — убью!

Тагай отошел и сел в стороне на камень.

— Кто ты такая, чтобы нарушать древние обычаи? Аксакал отдал тебя мне за долги, ты моя рабыня. Захочу — зарежу, захочу — сделаю судомойкой. Но я добр, и ты станешь моей женой. Ты не будешь бежать рядом с моим конем, держась за стремя, ты поедешь на коне, сидя позади меня.

— Не подходи! Джура убьет твоих басмачей и тебя! Уйди! — закричала Зейнеб, заметив, что Тагай встал.

Она снова швырнула в курбаши камнем. Камень на этот раз не долетел. Тагай сжал губы так, что они побелели, а потом, подумав, удивленно спросил:

— Кто тебе сказал, что я враг Джуры? Этот молодой, но великий охотник — друг мне. Я его встретил на охоте, и он мне сказал: «Возьми Зейнеб в залог. Я принесу золото и уплачу долг. Эта девчонка мне надоела!»

— Ты врешь! — взвизгнула Зейнеб, топнув ногой.

Тагай медленно открыл сумку, вынул лепешку и, разломив ее на куски, сказал:

— Да не есть мне больше хлеба моего, да убьет меня гром, если я вру!

Зейнеб некоторое время с ужасом смотрела на него, не зная, как быть. Ее учили всю жизнь верить этой клятве. Она выронила камень и заплакала. Тагай быстро подбежал, схватил ее и понес на гору, где ждал басмач с лошадьми.

Зейнеб, сопротивляясь, опять укусила его за руку.

Тагай с проклятьем выпустил девушку и сильно хлестнул по спине нагайкой. Удар был такой сильный и неожиданный, что Зейнеб пошатнулась и упала на колени.

— Иди вперед! — злобно закричал Тагай, указав нагайкой на гору.

Басмач, сторживший пасущихся лошадей, услышав шаги, испуганно вскочил. Суеверный, он боялся всего. Увидев курбаши Тагая, басмач побежал собирать разбредшихся лошадей. Тагай ждал своих басмачей и час, и три, и пять. Навьюченных лошадей развьючили и снова пустили пастись. Наступила ночь. Басмачи не пришли. Взошло солнце. Тагай взобрался на вершину и долго всматривался в сторону Сауксая, иногда поднимался на пригорок, чтобы лучше видеть окрестности. Басмачи не появлялись. Тагая очень беспокоило их отсутствие. Но он успокаивал себя мыслью о том, что они не безоружны. Может быть, они встретили еще кого-нибудь. Это было весьма некстати. Именно здесь Тагай намечал основать свою тайную базу.

Лошади ушедших басмачей фыркали, пощипывая траву, и этим напоминали о своих отсутствующих хозяевах. Под утро Тагаю пришла в голову мысль, от которой он пришел в ужас.

— Зейнеб, проснись! — крикнул он злобно. — Да очнись же! Много было у Джуры золота?

— Много! — буркнула она.

— Столько? — спросил Тагай, показывая на пригоршню.

— Десять раз столько, двадцать раз столько, тридцать раз столько! — сердито ответила Зейнеб. — Там были вот такие золотые доски, — и Зейнеб широко расставила руки.

— А ты не врешь? — недоверчиво спросил Тагай.

— А это? Ты ведь видел! — И Зейнеб, засучив рукава, снова показала свои браслеты. — Отпусти меня, и Джура одарит тебя золотом с ног до головы.

Тагай, сосавший насвой, сердито плюнул и яростно хлестнул нагайкой спавшего басмача.

— Едем! — сердито крикнул он и пошел подтягивать лошадям подпруги.

Тагай сообразил, что басмачам, по-видимому, удалось захватить весь золотой запас Джуры. А лучший

способ поссорить между собой единомышленников — это дать им золото, чтобы они делили его между собой. Все они служили Тагаю за деньги и ежеминутно рисковали оставить здесь свою голову. Теперь же, возможно, раздобыв золото и став независимыми, они смогут удрать в Кашгарию и, конечно, бросят здесь своего курбаши.

В былые годы ему удавалось с помощью баев и тайных исмаилитов вербовать в басмачи наивных, как дети, горцев, готовых по приказу своих пиров идти в огонь и в воду. Но что теперь делается в этих горах? Бывшие исмаилиты восстают против своих пиров, выгоняют аксакалов, пастухи покушаются на скот хозяев. Преданных людей осталось мало! Вот и эти продажные шкуры, видимо, бросили его. И это после того, как он потерял в стычке с пограничниками больше половины отряда!

Теперь ему придется быстро возвращаться назад, в Кашгарию. Лишь бы аксакал Искандер согласился быть его агентом... Но труслив старик. А кишлак Мин-Архар — выгодное место для базы... Что ж, он породнится с аксакалом, и тогда для старика не будет выбора.

Много мыслей одолевало Тагая, пока он, посадив Зейнеб на коня, ехал в кишлак Мин-Архар.

Зейнеб была так потрясена случившимся, что еле держалась в седле. Гордость не позволяла ей признаться в своей слабости, и она не жаловалась. Только пальцы, впившиеся в гриву лошади, выдавали волнение Зейнеб.

— Я большой человек, Зейнеб, — говорил Тагай. — У меня очень много джигитов. Мне даже не надо самому класть себе пищу в рот, потому что это за меня делают другие и считают это величайшей честью. Много девушек мечтают о счастье быть моей женой, но я даже не смотрю на них. Мои друзья — могущественные люди, и они помогут мне отвоевать у большевиков и все эти горы, и все эти реки. Тогда я буду правителем огромной страны. Кто друг мне, тот может на этом свете дышать спокойно. А враг пусть заранее роет себе могилу. Я никого не боюсь. Все боятся меня. Я езжу на лучших лошадях, ем самую лучшую пищу... Помни, Джура отказался от тебя, он женится на Биби. А тебе что остается? Выйти замуж за Кучака? Он хуже грязного пастуха.

Лицо Зейнеб выражало решимость. Щеки ее пылали.

— Джура любит меня! Я знаю! — запротестовала она.

— А долг? Кишлак очень много задолжал мне: за рис, за муку и табак.

— Мы отдадим тебе всё. Большевики привезли нам.

— Кто имеет дело с большевиками, тот мой враг. Запомни это. Я мог бы весь кишлак вырезать и сжечь. О! Джура уже жалеет о том, что не пустил меня зимой к огню... если он еще в состоянии что-либо чувствовать... А аксакал — мой должник до конца жизни... Я озолочу тебя, Зейнеб, и ты забудешь своего слюнявого мальчишку!

Зейнеб нехотя слушала речи Тагая, бросавшие ее то в жар, то в холод. Она не знала, чему верить. В одном она была уверена: Джура не мог ее предать.

На второй день к вечеру они приехали на летнее пастбище кишлака. Столбы синего дыма поднимались к небу. Слышался лай собак. Зейнеб с радостью увидела маленького брата Джуры, который подбежал к ней. Тагай тотчас же отогнал его прочь.

II

Луна поднималась над горой, и ночные тени поползли из ущелий, а Зейнеб и не думала идти спать. Окруженная женщинами и детьми, она рассказывала им о случившемся.

В юрте аксакала, у костра, сидели друг против друга аксакал и Тагай. Аксакал чмокал губами и внушительно молчал.

— Искандер, — строго говорил Тагай, — я жду. Мне никому не приходилось повторять приказания, а ты молчишь, как камень. Или ты онемел?

Старик закашлялся и скрипучим голосом ответил:

— Тагай, я стар, ох, как стар и от волнения могу умереть. Что тебе в нашем бедном кишлаке? Я верю твоим словам, что ты теперь наследник умершего богатого купца. Все, что я должен ему, я выплачу. Но не заставляй меня прятать твое оружие и твоих людей от большевиков. Они могущественны... Не сердись... и ты тоже могуществен. Мы хотим жить спокойно. Я буду торговать с тобой тоже... но они дали за красный камень кутаса, а ты — лишь немного муки и две пиалы риса...

— Если ты еще посмеешь торговать с большевиками, — угрожающим тоном сказал Тагай, — я уничтожу твое змеиное гнездо. Ты не сказал им, где берешь красные камни?

— Они сами лазили по скалам и всё нашли. Оставь меня! Ты сам теперь видишь, что это место стало известно многим... Я стар, я болен. Я все тебе отдам, Тагай!

Старик достал тяжелый мешочек и подал Тагаю. Тот заглянул внутрь.

— Хорошо, — сказал Тагай, — я беру в счет долга, но ты будешь помогать мне во всех моих делах, как члену своего рода. Я женюсь на Зейнеб и увезу ее с собой. Я оставлю здесь своего человека, и он будет беречь твою старость и покой твоего кишлака.

— Женщины всегда приносят несчастье. Ты велик, Тагай, мы малы. Джура все равно убьет меня, если ты увезешь Зейнеб. Я знаю.

— Старик, я подарю тебе четырех лошадей — прикажи Зейнеб следовать за мной.

После долгого молчания аксакал плачущим голосом произнес:

— Не могу!

Тагай в бешенстве схватил аксакала за тесемку, висевшую на шее, и затянул ее. Глаза у аксакала расширились, вена на лбу вздулась.

— Не можешь? Не можешь? — злобно твердил Тагай.

Вдруг тесемка лопнула, аксакал упал на пол, и в руках у Тагая оказался треугольный матерчатый талисман.

Тагай ножом распорол швы талисмана, достал пожелтевшую от времени бумажку, сложенную в несколько раз, и развернул ее. Его лицо выразило крайнее удивление.

— Старик! — произнес Тагай. — Этот талисман принадлежал великому человеку. Он был правой рукой живого бога Ага-хана, имел право казнить и миловать. Расскажи, как этот талисман попал к тебе. Клянусь, я ничего не сделаю тебе плохого. Скажи мне всю правду о том, когда и как этот талисман попал в твои руки.

Аксакал, прерывая свою речь клятвами, рассказал, что он нашел этот треугольник на шее человека, засыпанного лавиной.

Тагай, выслушав речь аксакала, долго молчал, вчитываясь в бумагу.

— Если бы эту бумагу ты показал пирам, они бы сделали для тебя все. Напрасно ты тогда, раньше, не отдал мне этот талисман. Искандер, я посвящу тебя в тайны истинного учения, и ты станешь моим пасомым.

Аксакал горестно поднял руки вверх:

— Я ничего не понимаю! Бери Зейнеб и уезжай. Кругом слишком много злых духов, и я живу в вечном страхе. Я прикажу Зейнеб ехать с тобой. Но ты, послав утром басмача с Зейнеб вперед, задержись и выстрели в воздух. Все должны видеть, что ты уводишь Зейнеб без моего согласия. Так надо! А Зейнеб я скажу, что по дороге мы ее освободим. Она уедет вперед и не будет знать всего.

— Хоп, — сказал Тагай.

— Но только ты выстрелишь в воздух, Тагай, — помолчав, добавил аксакал.

— Хоп, — ответил Тагай.

— Поезжай с ним, Зейнеб, — сказал аксакал вошедшей девушке, указав рукой на Тагая. — Он возьмет тебя в залог, пока Джура не привезет ему выкуп в Кашгарию. Смирись. Нечем уплатить долг кишлака.

Зейнеб опустила глаза под направленным на нее сердитым взглядом аксакала.

— Иди, а сначала выпей это. — Аксакал подал ей пиалу.

Девушка удивилась, но выпила какой-то напиток.

— Уходи! — Аксакал боялся слез и криков.

Тагай посторонился, и девушка вышла.

Зейнеб провела рукой по своему лицу и только сейчас поняла, что ее увезут из кишлака. Что же делать? Может быть, бежать к Джуре?

Прямо перед ней на тропинке, ведущей к Сауксаю, сидел басмач, окруженный мальчишками, и что-то с увлечением говорил. Девушка поняла, что побег невозможен.

«Надо бежать, несмотря ни на что!»

Зейнеб быстро собрала свои рубахи, платья и платки и связала в узел.

— Надо бежать! — прошептала она и устало склонила на узел голову. — Отдохну — и убегу,— решила она, закрывая глаза, и... крепко заснула.

III

Утром Зейнеб разбудили. У нее болела голова, во рту было горько. Садиться на лошадь она решительно отказалась. Аксакал подошел к ней и прошептал:

— Глупая! Ты снова поедешь на юг, к Сауксаю, к Джуре. Джура освободит тебя. Я уже дал ему знать. Тагай об этом не знает.

Зейнеб с помощью Тагая села на лошадь и весело посмотрела на заплаканные лица родных.

— Не плачь, — шепнула она подбежавшей матери. — Я скоро вернусь.

— Едем, — сказал басмач, направляясь на юг.

Зейнеб обрадовалась и даже ударила коня ногами.

— Успеешь еще! — буркнул басмач.

Возле поворота Зейнеб оглянулась. Аксакал что-то говорил Тагаю, размахивая руками. Конь свернул за выступ скалы, и ей больше ничего не было видно.

Донесся выстрел. Крики. Вскоре из-за поворота тропинки показался Тагай.

— Что там? — спросила Зейнеб.

— Ничего, — сухо ответил Тагай.

К полудню они достигли горного потока. Тагай въехал в воду и направил коня против течения. Конь Зейнеб пошел за ним.

— Нам не сюда! — крикнула Зейнеб, натягивая поводья.

Но басмач, ехавший сзади, ударил ее коня нагайкой.

Поток с ревом мчался ей навстречу по узкой расщелине между отвесными скалистыми стенами. Камни преграждали путь, брызги попадали в глаза. Лошади тяжело шли, борясь с течением и оступаясь на скользких камнях.

— За мной, за мной! — кричал Тагай.

И Зейнеб, которой хотелось направить коня в более мелкое место, где в прозрачной воде виднелись камни, должна была ехать за Тагаем.

— Не подымай ног, коня собьет водой! — кричал Тагай.

Зейнеб послушно опускала ноги в холодную воду.

Они долго ехали извилистым руслом и к ночи достигли истоков ручья. Отвесные скалы и пропасти преграждали им дорогу. Когда Зейнеб уже считала, что пути дальше нет, Тагай по заметным только одному ему признакам находил этот путь. К ночи, перевалив через скалу, они спустились в ущелье и остановились на ночевку. Приказав басмачу и Зейнеб сидеть на месте, Тагай куда-то исчез. Когда он вернулся, измученная Зейнеб уже спала.

Рано утром, еще затемно, Тагай разбудил ее, тряся за плечо:

— Вставай, пора ехать!

— Я уже встала, — отвечала Зейнеб, но не в силах была открыть глаза.

Все ее тело болезненно ныло. Ее знобило.

Зейнеб вспомнила пройденный путь и затосковала: погони не было, а ей самой не найти обратную дорогу!

Тагай дал ей кусок холодного вареного мяса, лепешку и налил в железную кружку горячего чаю. Зейнеб никогда не пила из кружки, поэтому сразу же обожгла себе губы. Сердито отставив кружку, она съела мясо и лепешку, а чай выпила потом, когда он уже остыл.

Оглянувшись, она увидела, что они со всех сторон окружены крутыми горами, и не могла понять, как они спустились сюда ночью.

— Следуй за мной и делай так, как делаю я, — сказал Тагай и, подумав, добавил: — Если хочешь остаться в живых.

Курбаши подвел коня к крутому склону, зашел сзади, намотал хвост на левую руку и стегнул коня нагайкой. Конь быстро полез вверх, цепляясь острыми шипами подков за неровности почвы.

По такому склону человек мог подниматься только ползком.

Курбаши стегал коня, не давая ему замедлить движение. Малейшая остановка могла грозить смертью.

Конь храпел, тяжело дышал и, выкатив налившиеся кровью глаза, карабкался вверх.

Зейнеб почувствовала себя свободной. «Убегу, пока не поздно!» — решила она, оглянулась и испугалась: голые горы и неровные утесы окружали ее со всех сторон. Она посмотрела вверх. Там расстилалось совершенно чистое голубое небо.

— Держись за хвост! — крикнул ей басмач, размахивая нагайкой.

Зейнеб, по примеру Тагая, схватилась за хвост своего коня. Басмач ударил коня, и он, рванувшись вперед, полез вверх. Зейнеб, задыхаясь, еле поспевала за конем.

Едва только конь, дрожавший от напряжения, замедлял ход, как нагайка басмача гнала его вверх.

— Бей, бей! — кричал он Зейнеб. — Или сорвешься вниз. Не оглядывайся! Да бей же, бей!

Зейнеб принялась стегать своего коня, не понимая, как они взберутся на эту совершенно отвесную гору.

Зейнеб хорошо видела Тагая, уже достигавшего гребня скалы, как вдруг он исчез. Спустя некоторое время он появился снова, но уже без лошади. Перед Зейнеб открылся узкий проход, рассекавший всю стену сверху донизу. Конь рванулся туда и остановился, весь в пене; впавшие бока его тяжело вздымались. Тут же стояла и лошадь Тагая.

Немного спустя поднялся басмач. Он вытер пот, стекавший со лба, и долго ругался, проклиная дорогу.

По узкому, извилистому проходу они поднялись выше, на каменную вершину, но перед ними, преграждая путь на восток, высилась, казалось, еще более неприступная скала. Зейнеб решила, что за ней начнется спуск. Когда же путники одолели очередной подъем, перед ними предстала гора, сверкая на солнце вечными снегами. Перед ней все предыдущие казались небольшими холмами. К заходу солнца путники достигли ее вершины. Кругом стояли покрытые снегом горы. Уставшая Зейнеб уже не в силах была ни о чем думать, кроме отдыха.

Тагай и басмач слезли с лошадей.

Набросив аркан на своего коня, басмач повалил его на снег, крепко связал ноги и столкнул вниз. Поднимая

снежную пыль, конь катился по крутому склону и наконец, достигнув подножия, застрял в сугробе.

— Иначе нельзя, — сказал Тагай, заметив изумленный взгляд Зейнеб. — Если лошадь спустить несвязанной, она начнет упираться и поломает ноги.

Спустив лошадей, Тагай сказал Зейнеб: «Ну!» — и сел на снег, подобрав полы халата. Зейнеб неуверенно сделала то же, и в ту же минуту басмач толкнул ее вниз.

Зейнеб опомнилась только в сугробе. Когда она вылезла, отряхиваясь от снега, Тагай и басмач развязывали лошадей и выводили их из сугробов.

Все снова сели верхом. Измученная Зейнеб уже не смотрела, куда они едут. Глаза сами слипались, и ей стоило большого труда держаться на лошади. Ей казалось, что родной кишлак остался где-то на краю света.

— Приехали! — наконец сказал Тагай.

Он снял Зейнеб с коня и внес в какую-то пещеру. Там они расположились на ночлег.

IV

Несколько дней ехали путники на восток. Ночью на пятый день пути, прячась от разъездов пограничников, они перевалили последнюю снежную гору и очутились в Сарыколе.

— Вот мы и дома! — весело сказал Тагай. — Здесь нет большевиков, и я здесь хозяин. Могу сказать тебе прямо: чтобы ты ехала спокойно, я попросил аксакала сказать тебе, что по дороге тебя освободит Джура.

Зейнеб ахнула и с ужасом посмотрела на Тагая.

— Это надо было, потому что твой крик на границе мог привлечь пограничников и я бы погиб из-за тебя. Теперь ты понимаешь, что назад тебе пути нет. Имей в виду, что здесь женщина — раба мужа. Она говорит только с ним, слушает только его, и никто не смеет смотреть на ее лицо...

Зейнеб оглянулась назад, увидела родные снежные горы, и на глаза у нее навернулись слезы. Неприязнь к Тагаю вырастала в ненависть. Сквозь слезы Зейнеб смотрела на окружающее. По дороге шли невиданные

звери, огромные, лохматые, с кривой шеей. Вот прошло стадо рогатых животных, похожих на яков, но без волосатых хвостов и горбов.

— Верблюды и коровы, — сказал о них Тагай, которого веселило изумление девушки.

Зейнеб не знала, куда смотреть. Встречные мужчины бесцеремонно разглядывали ее, не скрывая своего восхищения. Они громко переговаривались. Тагай гордился своей спутницей, но строго поглядывал на проезжающих.

Тагай думал, что Зейнеб понравится жизнь в богатом доме и, погоревав, она привыкнет. Он решил не обращать на нее внимания, чтобы она могла освоиться в новой обстановке. На ночь они остановились в юрте у одного из знакомых Тагая, а к вечеру следующего дня поехали дальше. Наконец они въехали в большой кишлак. На широкой улице стояли высокие глиняные заборы — дувалы, не позволяющие видеть то, что происходит во дворах. Жители кишлака приветствовали Тагая громкими возгласами. За кишлаком, на лугах возле реки, стояли юрты. К ним и поехал Тагай.

— Много таких юрт разбросано по этой стране, — сказал Тагай, — и в них живут мои джигиты. И куда бы я ни приехал, меня будут встречать с почетом.

Возле большой белой юрты он остановил коня. Тотчас же сбежались басмачи, приветствуя его обычным: «Агман-хирман?», «Не голодны ли вы, не устали ли вы?» Одни держали коня, другие — стремя, третьи поддерживали под локоть. Все уставились на Зейнеб. Это раздражало Тагая. Он слез и распорядился принести паранджу из соседней юрты. Запыхавшийся старик принес ее, взяв у своей жены.

Тагай подал Зейнеб паранджу:

— Надень! Не годится мусульманке показывать свое лицо мужчинам. Мы уже в Сарыколе, где чтут коран.

— Не надену! — ответила Зейнеб и швырнула паранджу на пыльную дорогу.

— Наденешь! — закричал Тагай.

— Не надену! Я киргизка. Моя мать не носила этого, и бабушка, и прабабушка... Не надену!

Басмачи выжидательно смотрели на курбаши.

— Надеть паранджу! — приказал Тагай.



— Не надену! — ответила Зейнеб и швырнула паранджу на пыльную дорогу.

Басмач быстро стащил Зейнеб с коня и подвел к курбаши, держа ее за руки. Тагай набросил паранджу ей на голову.

— Отвести Зейнеб к женщинам! — повелительно сказал он.

Тагай был недоволен. Он привык к женской покорности. Ему нравилась Зейнеб и одновременно злила эта гордая девушка, которая осмеливалась ему возражать.

МНОГОЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ, ПОКА НАСТАНЕТ ДЕНЬ

I

Возвращаясь с охоты, Джура, как обычно, еще издалека позвал Зейнеб.

Из рощи вышел Кучак.

— Где Зейнеб? — спросил его Джура, бросая ему двух уларов.

Кучак тревожно посмотрел на него:

— Не знаю!

В это время, хромая, подбежал Тэке. Заметив на его шерсти кровь, Джура присел на корточки и внимательно осмотрел его раны.

— С кем же это дрался Тэке? И где Зейнеб? — опять спросил он у Кучака. — Никто здесь не был?

— Не знаю! — ответил Кучак и опустил голову, исподлобья посматривая на Джуру.

Возле прогоревшего костра Джура увидел кожаные галоши Зейнеб. Он вышел из пещеры и громко позвал ее, но ответа не было. Очень взволнованный, Джура позвал Тэке и дал ему понюхать галоши Зейнеб:

— Киш, киш!..

Тэке послушно побежал из пещеры. А Джура с ружьем за плечами и копьем в руке быстро пошел за ним. Вдруг ему навстречу выскочил большой серый пес. Удивленный, Джура остановился. Тэке прыгнул навстречу врагу. Собаки стали яростно грызться.

Джура, улучив момент, ударил чужого пса копьем в бок. Пес упал. Недалеко на склоне, среди камней, лежал красный платок Зейнеб. Джура поднял его. Здесь все хранило следы недавней борьбы.

Джура присел на корточки, внимательно осмотрел землю и увидел отпечатки сапог с каблуками.

Рядом послышался шорох. Джура поднял голову и увидел вооруженных людей. Их было пятеро. Человек с изрытым оспой лицом и без носа сказал Джуре:

— Как, хорошо пасти овец и коз?

Джура не ответил.

— Как, хорошо пасти лошадей? — спросил другой.

Джура перевел взгляд на говорившего, маленького, горбатого старика, и опять ничего не ответил.

— Как, хорошо охотиться? — сказал третий незнакомец с густой черной бородой.

— О да, дело хорошее! — ответил Джура и быстро вскочил на ноги.

Он не удивился вопросам незнакомцев. Они спрашивали так, как полагается вежливо спрашивать по старинному обычаю. У Безносого Джура заметил сапоги с каблуками.

— Вы откуда? — спросил Джура, поглядывая на свое копье, на которое как будто невзначай наступил Чернобородый.

Один из незнакомцев сказал:

— Ай, ай! Накорми, а потом спрашивай!

Джура хотел идти на поиски Зейнеб, но обычай вынуждал его пригласить путников в пещеру. Стараясь говорить самым спокойным тоном, Джура сказал:

— Хозяйка моя пошла за дровами. Вы ее не видели?

— Первый раз вижу, чтобы охотник искал свою бабу, — лукаво заметил Безносый.

Он хлопнул Джуру рукой по плечу, но на Безносого бросился Тэке.

— Стрелять буду! — закричал Безносый, щелкая затвором.

— Прочь! — сказал Джура Тэке.

«Не охотники они, — решил Джура. — Идут в чужой дом, а угрожают убить собаку». Он повел незнакомцев в пещеру. Возле пещеры сидел на камне Кучак и, греясь на солнце, ощипывал уларов. Кучак гадал на перьях. Он выдергивал по нескольку перьев и бросал их, загадывая: если перья полетят на восток, жизнь будет счастливой. Он внимательно следил за их полетом и вдруг заметил группу чужих людей. Кучак схватил уларов и

побежал в пещеру. Он забился в самый темный угол и захрапел.

— Вставай! — сказал Джура.

Но Кучак захрапел еще сильнее. Только когда Джура сильно толкнул Кучака, он вскочил.

— А-а-а-а! — воскликнул он, притворяясь, что рад видеть незнакомцев. — Как доехали? Как здоровье?

— Доехали, — ответили незнакомцы, усаживаясь у костра. — Встречай, как братьев. Ведь мусульманин мусульманину брат.

— Приготовь чай, — сказал Джура.

Он сидел, еле сдерживая себя, и вырезал из дерева фигурку. Он не знал, что ему делать. Выказать беспокойство — значило бы уронить себя в глазах незнакомцев и дать им понять, что он что-то подозревает. Он решил подождать некоторое время, а потом уже действовать.

Напившись чаю, старший из гостей вытащил тыквенную бутылочку с табаком-насвоем, отсыпал горстку на ладонь и положил в рот. Потом передал бутылочку соседу.

Пока Джура брал насвой, Старший кивнул басмачам.

Один из гостей, как бы любуясь резьбой на рукоятке, взял тяжелый нож Джуры. Второй гость не спеша поднялся и встал у выхода из пещеры. Безносый подмигнул остальным, и те взялись за ружья.

Безносый наклонился и быстро поднес к глазам Джуры выпутый из-за пояса золотой браслет с рубинами.

Джура вскочил, ударил в подбородок сидевшего рядом басмача и бросился к выходу. Тот подставил ему ногу. Джура упал.

Все басмачи набросились на него.

Чирь вынул нож, но Безносый остановил его:

— Не надо. Джура должен жить. Без него мы не узнаем, где спрятано золото.

— Тэке! Тэке! — закричал Джура.

Но Тэке в пещере не было.

— Кучак! Кучак! — позвал Джура.

А Кучак бегал по пещере и хватался то за карамультук, то за палку.

Басмачи связали Джуру, выволокли на середину пещеры и бросили около костра.

— Слушай! — сказал ему Безносый. — Зейнеб — жена нашего курбаши Тагая. Она с радостью поехала с ним в Кашгарию. «Возьми мой браслет, — сказала она мне, — пойди к охотнику Джуре, и пусть он вам отдаст остальное золото». Если ты отдашь нам золото, мы пощадим твою жизнь.

— У меня нет золота, — сказал Джура.

— Но нам сказала Зейнеб. Если бы она тебя любила, разве она сказала бы о твоем богатстве?

Джура молчал, силясь разорвать ремни.

— Вот это блюдо серебряное, и эта чаша тоже из чистого серебра, но Зейнеб сказала, что у вас есть и золото, — продолжал Безносый.

Кучак сидел у костра и, спрятав голову между коленями, твердил, тяжело дыша:

— Нет у нас золота, нет...

Басмачи положили в мешок серебряное блюдо и чашу.

— Ну, а где остальное? — спросил Чернобородый.

— Ищите сами, — хрипло ответил Джура, — я не боюсь вас.

— Нет у нас золота, Зейнеб наврала. Кто верит женщине, тот осел, — уверял Кучак.

Старший приказал связать его ремнями.

— Ну? — Старший подскочил к Кучаку и ударил его кулаком.

Кучак упал на землю. Его долго били, но он стонал и клялся, что ничего не знает о золоте. Слезы катились по его щекам.

Басмачи принялись пытать Джуру. Связанный, он отбивался от них головой и ногами. Они кололи его ножами, выпуская кровь по капле. Они ждали признания, так как боль была невыносимой и мало кто выдерживал эту страшную пытку. Вдруг они услышали странный, скрипучий смех.

Джура смеялся. Им ли сломить его дух!

Они могли колоть его не только кончиками своих ножей, но отрезать руки, ноги и вынуть сердце — все равно он ничего не скажет. И вовсе не потому, что золото имеет

для него цену, — своего пса он кормил из серебряной чаши и держал его на золотой цепочке. Просто он мстил как мог басмачам за Зейнеб, приводя их своим молчанием в неистовство. Это давало ему некоторое удовлетворение. Он ненавидел басмачей за ложь и не верил в предательство Зейнеб. Он не верил, что она ушла добровольно. Он был убежден, что враги похитили ее. Юноша ненавидел их за свою боль, но больше всего — за свой позор. Не было такого человека, который был бы сейчас худшего мнения о Джуре, чем он сам.

— Ты храбрый джигит! —сказал с уважением Безносый, удивляясь его упорству. — Разве золото тебе дороже жизни? Я оставлю тебе жизнь, но скажи: где золото? Я говорю честно. Твоя жена — плохая жена. Забудь ее. Есть много женщин лучше!

Джура молчал.

А Кучак все время кричал:

— Нет золота, нет!..

Безносый рассердился:

— Что ты каркаешь, старый ворон? У меня нет охоты сидеть в этой вонючей пещере и возиться с тобой, грязный хорек! Прижгите его.

Чирь, которого Кучак нечаянно ударил ногой в живот, решил испробовать на нем самый верный способ, который он нередко применял. Он вынул из винтовки шомпол и раскалил его на огне. Потом начал им жечь Кучака.

Кучаку казалось, что у него горят внутренности. Он громко кричал:

— Я все скажу, все!..

Кучак не выдержал боли и показал, где спрятано его сокровище.

Басмачи жадными руками выхватывали из ямы золотые вещи.

Кучак лежал, закатив глаза, и дыхание со свистом вылетало сквозь его стиснутые зубы.

Кто-то из басмачей вылил ему на голову бурдюк воды. Кучак открыл глаза.

— Откуда твое золото? — спросил Безносый.

Кучак молчал.

— Где золото нашли? — снова спросил Безносый.

— На леднике... У Чертова Гроба... в трещине... возле нее лежат дрова и веревка... Там много... еще... — на всякий случай соврал Кучак.

Чернобородый вынул нож, но Безносый схватил его за руку.

— Ведь если там ничего нет, кто нам расскажет правду? Пусть они пока живут.

И, завалив камнями узкий вход в пещеру, басмачи пошли к леднику.

II

Вскоре после ухода басмачей к пещере прибежал Тэке.

— Тэке, сюда! Тэке! — чуть доносился из пещеры голос Джуры.

Тэке бросился к заваленному входу. Он прыгал перед камнями, визжал от нетерпения, ожидая появления хозяина. Он слышал его приглушенный, но настойчивый зов. Пес умчался вверх, влез на скалу и заглянул в пещеру через дымоход.

— Тэке, сюда! — закричал Джура, заметив его тень.

Тэке опять сбежал вниз. Он метался перед входом и наконец примчался к тому месту пещеры, где был разрытый крысиный ход. Когда-то, будучи еще щенком, он пролезал по нему из пещеры, привлекаемый дневным светом. Остановившись у норы, Тэке понюхал ее и принялся разрывать землю. Мерзлые комья летели из-под его когтей. Он порезал лапы, но продолжал упорно рыть. Голос Джуры настойчиво звал:

— Тэке! Тэке! Сюда!..

Тэке взвизгивал и рыл еще быстрее.

Прошло много времени. Джура потерял надежду на освобождение. Он пробовал разорвать путы, но ремни еще крепче впивались в его кожу. Он хотел подползти к Кучаку, но тело болело от малейшего движения.

«Не сможем освободиться, — думал он. — Вернутся басмачи и убьют нас».

А Кучак все стонал, закрыв глаза.

Вдруг Джура почувствовал, что Тэке лижет его лицо. «Как объяснить Тэке, что надо перегрызть ремень?» —

подумал Джура. Приподняв руки, связанные за спиной, он крикнул Тэке:

— Возьми, возьми!

Тэке, недоумевая, обнюхал руки и лизнул ему пальцы. Потом понюхал ремни и снова лизнул.

Джура волновался и тыкал в морду Тэке связанные руки. Тэке пятился.

Джура понял, что таким путем он ничего не достигнет. Он подозвал Тэке и посмотрел ему в глаза. Волнение Джуры передалось собаке: Тэке вскочил, потом снова сел. Он пытливо смотрел в глаза Джуры.

— Тэке, Тэке! Грызи ремни, гры-зи, гры-зи! — повторял Джура, впиваясь взглядом в глаза Тэке. Пес не понимал и отворачивался. — Перегрызи! — повторял Джура, подставляя Тэке связанные на спине руки.

Тэке, играя, схватил зубами ремень и начал грызть, но немало времени прошло, пока пес понял, чего от него хотят, и перегрыз ремень, связывавший руки Джуры. Онемевшими пальцами Джура схватил голову пса и радостно прижал ее к своей груди. Перерезав на ногах ремни, Джура освободил от ремней Кучака.

Собрав последние силы, Джура разбросал камни, вышел из пещеры и влез на ближайшую скалу. Басмачи уже возвращались. Они были далеко, но надо было спешить. Кучак почувствовав свободу бросился было бежать, но Джура заставил его взять немного вяленого мяса, а сам захватил с собой карамультук, боеприпасы, шкуры, шило и казан.

Они пошли на восток, в горы, где весной им в капкан попался барс.

Тэке, весело помахивая хвостом, бежал впереди.

Они нашли нору барса и через узкий ход пролезли в нее.

Джура все время думал о мести врагам.

Вернувшись в пещеру, басмачи увидели разворошенные камни. Пленников в пещере не было.

— Лжецов найти и убить! — сказал Чирь.

— Идите ищите, я подожду вас здесь, — предложил Безносый, державший курджум с золотом, захваченным в пещере.

— Нет, иди ты, а я постерегу золото, — возразил ему Чирь.

Басмачи с подозрением смотрели друг на друга.

— А ты не растерял по дороге золото? — вдруг спросил у Безносого Чернобородый. — А ну, покажи.

— Покажи, покажи! — закричали остальные.

Они уселись и жадно смотрели на золотые вещи.

— Я возьму этот кубок для Тагая, — сказал Чирь и протянул руку к золотому кубку.

— Отдай! — сердито выкрикнул Безносый и бросился на Чиря.

Чернобородый схватил винтовку и выстрелил вверх. Басмачи положили золото обратно.

— Давайте поделим всё на равные части. Почему только Старший да Безносый хранят золото? — злобно спросил Чернобородый.

— Правильно! Дели поровну! — закричали все и тоже схватились за ружья.

Щелкнули затворы, и четыре дула уперлись в грудь Безносого.

— Хорошо, будем делить, — сказал он.

Долго спорили они, угрожая друг другу, и наконец кое-как сговорились, разделив золото на пять частей. Тщательно запрятав его в платки, они опоясались ими и пошли в разные стороны искать Джуру и Кучака. Все они поклялись к вечеру возвратиться в пещеру. Они расходились хмурые и недоверчиво оглядывали друг друга, сжимая в руках ружья.

Безносый пошел со Старшим. У Старшего была золотая доска длиной с локоть, и он не захотел ее делить.

Они слышали о том, что Джура меткий стрелок, и поэтому шли, осторожно выглядывая из-за камней. Вдруг Безносый показал в сторону и закричал:

— Джура!

Старший оглянулся, и в тот же миг Безносый выстрелил ему в спину. Старший упал замертво.

Безносый переложил в свою сумку золотую доску, взял вещи убитого и пошел обратно, надеясь встретить остальных и перестрелять их поодиночке. Он решил оставить в живых Чиря, который знал дорогу в горах. А с золотом Безносый решил отправиться в Кашгарию и

зажить там сытой жизнью, купив десять красивых молодых жен...

Над головой Безносого просвистела пуля. Он спрятался в камнях.

Стемнело. Никто из басмачей не пришел в пещеру: один из них двинулся к Сауксаю, чтобы убежать в Кашгарию; Чернобородый пошел по щели в сторону Афганистана; Безносый и Чирь, случайно встретившиеся, прятались в камнях и всю ночь не спали в ожидании рассвета.

Тэке ночью вылез из норы и по следу подкрался к задремавшему Безносому. Под головой у него лежал мешок. Из мешка пахло мясом. Тэке осторожно вытянул его из-под головы Безносого и утащил. Безносый проснулся, вскочил и выстрелил по убегавшему псу, но не попал.

Джура вылез из норы и увидел, что Тэке ест мясо, а возле лежит разодранный мешок, из которого высыпались золотые вещи. Когда Джура принес мешок в нору, Кучак от радости даже перестал стонать.

— Золото, золото! — шептал он и подал Джуре какую-то странную вещь.

Джура нехотя взял.

— Посмотри, посмотри, — настаивал Кучак.

Джура рассмотрел. Это был разломанный пополам кубок.

— Значит, басмачи делили золото. Они поссорятся! — закричал Джура.

— Возьми браслеты для Зейнеб, — усмехнулся Кучак и ехидно подал их Джуре, но тот с гневом швырнул драгоценности в угол.

III

Утром все горы белели от снега, выпавшего за ночь.

Кучак сделал из жира и травы, которую он долго искал под скалой, мазь и смазал раны себе и Джуре.

Целый день Джура выслеживал басмачей. Снег засыпал следы. Все же Джура нашел труп Старшего и произнес слова старинной клятвы:

— «Пусть я умру, если не напьюсь вашей крови»...

Расчистив снег и внимательно рассмотрев сдвинутые камешки возле трупа, Джура понял, что басмач, убивший Старшего, пошел к верховьям Сауксая, в сторону, откуда Тагай приезжал в кишлак.

Мучимые ранами, Джура и Кучак много часов пролежали в своей пещере. Однажды вечером Джура и Кучак сидели у костра. Кучак собирался рассказать Джуре сказку, чтобы рассеять его печальные мысли.

Неожиданно Тэке вскочил и грозно зарычал. В пещеру вбежал младший брат Джуры.

— Ай, ай, Джура, я принес плохие вести! — взволнованно говорил мальчик. — Тагай был в кишлаке! Он увез Зейнеб в Кашгарию и всем сказал, что она не будет твоей женой. Он сказал, что ты умер, а Зейнеб показывала золотые браслеты и говорила, что их у тебя много. Потом Тагай убил аксакала и грозился всех зарезать, но я убежал.

Мальчик сел у костра.

Джура не сказал ни слова. Сжав губы, он долго смотрел в костер. Молчал и Кучак. А мальчик, отогревшись, снял со стены кусок мяса и, поджарив его на углях, съел.

Поздно ночью Джура сказал Кучаку:

— Тагай отнял у меня Зейнеб, и я убью его. Я пойду в верховья Сауксая по следам басмачей. Я их должен поймать, и я это сделаю. Ты, Кучак, иди с мальчиком в кишлак. А я вернусь только тогда, когда выполню свою клятву. — И Джура торжественно повторил слова старинной клятвы: — «Пусть я умру, если не напьюсь вашей крови».

Кучак умолял Джуру остаться.

— Не ходи в верховья Сауксая. Вспомни, что́ говорил аксакал, — испуганно шептал он.

— У меня нет теперь иного пути, — сказал Джура. — Мне ли страшиться смерти! Я пройду весь мир, но настигну Тагая, и если Зейнеб стала его женой, она пожалеет, что родилась. Пусть басмачи не думают, что убежали от меня, скрывшись за горами. Я настигну их во что бы то ни стало.

Он завернулся с головой в шкуры, но долго не мог уснуть.

Кучак тоже не спал: «Золото пропало! Его похитили! А то немногое, что осталось, Джура, наверно, отдаст в жертву богу. Может быть, взять это золото и остаться здесь? Но ведь зимой одного съедят волки. А в кишлаке спросят: «Где Джура?» Может быть, уйти в Кашгарию?.. Говорят, что с золотом там можно прожить».

И в эту же ночь, взяв золото и несколько кусков вяленого мяса, Кучак тихонько вышел из пещеры. Он хотел взять карамультук, но рассудил, что тогда Джура обязательно погонится за ним и убьет... Серебряную шкатулку Кучак тоже оставил, как вещь малоценную и неудобную.

Джура встал поздно и спросил у брата, где Кучак. Мальчик ничего не мог ответить. Джура испуганно взглянул на стену. Карамультук висел на месте. «Что же, — подумал Джура, — у всякого пальцы к себе пригнуты, как говорил аксакал», — и сказал вслух:

— Иди в кишлак! Возьми на дорогу еды. Скажи, что я вернусь не скоро.

Мальчик повиновался.

Джура взял карамультук, порох, пули, несколько кусков вяленого мяса, шкуру барса и огниво. Он двинулся на восток. Вокруг высились неприступные скалы. Незаметно он дошел до горы, которую называли Каинд. Это была та граница на востоке, дальше которой аксакал ходить не позволял. Глубоко внизу извивался грозный Сауксай. Ветер выл на вершине горы. Над огромными ледниками ослепительно сверкало солнце, а внизу ползли разорванные клочья туч. У самого Сауксая Джура увидел две маленькие движущиеся точки. «Басмачи», — подумал он. Надо было спешить, но Джура решил прежде принести жертву. С трудом сдерживая рвущегося с цепочки Тэке, он подкрался к стаду козлов. Выбрав огромного, седого, почти белого козла, Джура выстрелом ранил его в ногу. Стадо разбежалось. Тэке помог поймать белого козла.

Через полчаса Джура разводил костер.

На снежной вершине, обдуваемой со всех сторон горным ветром, Джура принес в жертву белого козла.

Он помнил первые слова обряда: «Тебе приношу я лунорогого, раздельнокопытного, с запахом мускуса, с белыми зубами и рогами, что, закручиваясь вверху, спу-

скаются ниже спины...» Дальше он не помнил, но не это тревожило Джуру.

Кому же все-таки он посвящает жертву, обращаясь со словами «тебе», — арваху или аллаху? Хозяину всех зверей Каипу или другим духам, населяющим горы? Кто сильнее?

— «Тебе, кто поможет мне в исполнении моей клятвы», — добавил Джура.

Глядя воспаленными глазами в небо, он произнес страшную клятву. Джура клялся отомстить басмачам за все: за Зейнеб, за себя, за смерть аксакала... Прав ли Тагай, уверявший тогда, зимой, после обвала, что аксакал Искандер отравил его отца?

Кончив обряд, Джура отвязал Тэке и быстро пошел дальше на восток.

И днем и ночью шел Джура. Ни на шаг не отставая, за ним бежал Тэке. Звезды указывали им путь, когда облака застилали подножия гор. Однажды Джура опять заметил очень далеко внизу, у подножия гор, обоих басмачей. Он выстрелил, хотя знал, что пуля до них не долетит. От выстрела сорвались огромные пласты снега и льда и грозной лавиной полетели вниз.

Горы задрожали, и все небо заволокло тучей мелкого снега. А когда снежная пыль рассеялась, Джура увидел, что обвал прошел стороной и враги остались живы.

— Аллах! — закричал он. — Я принес тебе жертву, почему же ты не помогаешь мне? Почему ты не убил их лавиной?

Но кругом все было безмолвно. Сверкали ледники, воздух был тягуч и прозрачен.

Басмачи, напуганные обвалом, часто оглядывались назад. Высоко над ними, на самом краю пропасти, стоял Джура, но они его не видели.

ДЖАДУ — ЧАРОДЕЙСТВО

I

Джура никогда еще не поднимался так высоко. Никогда в такую высь не забирался Тэке. Идти было очень тяжело, но они шли все вперед и вперед.

Горная цепь завернула круто влево и привела к большому горному потоку.

Джура встревожился. Он удивленно оглядывался, пытаясь найти Сауксай, но кругом громоздились одни горы, и Джура пошел по берегу потока вниз. Вскоре он подошел к тому месту, где скала обрывалась стеной и с нее низвергался водопад.

Джура посмотрел вниз, направо, налево и наконец понял, что он стоит у истоков Сауксая. Теперь он очутился впереди басмачей. Он спрятался за камни и в этой засаде решил поджидать их. Они поднимались вверх по течению и должны были выбраться сюда, к истокам: другого пути не было.

Джура торжествующе улыбнулся и, опустившись на колени, напился чистой холодной воды.

Весь день пролежал он у камня, напрасно поджидая басмачей. От голода он жевал куски кожи, которые отрезал от ичигов. Басмачи не показывались.

На третий день, обессиленный и истощенный, ежась от холода, он с трудом поднялся. «Надо идти им навстречу», — решил Джура и подошел к обрыву в поисках удобного спуска.

Издали донесся страшный волчий вой. Кругом была такая тишина, что Джура обрадовался даже этим звукам. Взошло солнце и разогнало туман. Откуда-то сверху донесся звук отдаленного выстрела, и эхо повторило его множество раз.

Прикрываясь за прибрежными камнями, Джура осторожно полез вверх. Тэке уныло плелся сзади.

Вдруг Тэке заворчал, и шерсть на его загривке встала дыбом. Джура внимательно всмотрелся и увидел невдалеке, за камнями, еле заметный дымок. Джура зажег фитиль на карамультуке и пополз вперед. Рядом с ним полз Тэке. Наконец Джура решился приподняться из-за камня. Он увидел догоревший костер и золу.

Джура побежал вперед и жадно выхватил из углей кусок обгорелого мяса. Тэке набросился на голову архара, валявшуюся в стороне. Здесь, очевидно, ночевали басмачи. Теперь было ясно: выстрел, который он слышал, был направлен в архара. Недалеко от этого места, слева, шла глубокая щель; по этой щели и поднялись басмачи от подножия водопада.

Подкрепившись, Джура решил идти дальше. Он лез по склону с камня на камень и не замечал, что ноги были в крови. Кожаные штаны на коленях прорвались. По скалам, облизанным ветром и водами, скользили ноги; холодная ледниковая вода сбивала с ног; черные щели, откуда несло холодом и смертью, подстерегали Джуру. Пот щипал глаза, и Джура все время тер их пальцами. Припекало солнце. Джура удивлялся жаре. Он не подозревал, что на такой высоте осенью может быть жарко. Он не знал, что уже совсем недалеко от места, где он был, раскинулась пустыня смерчей — Маркан-Су. Там множество верблюжьих, конских, ослиных и человеческих черепов указывает старинный караванный путь из Ферганской долины в Кашгарию.

В первые дни пути Джура каждый день ожидал чуда: он надеялся увидеть то, что арвах открыл аксакалу. Но постепенно, увлеченный преследованием басмачей, он стал забывать о своем горячем желании.

II

Между тем басмачи Безносый и Чирь, не подозревая о погоне, карабкались по горам. Они хотели перевалить в Маркан-Су и пройти оттуда в Кашгарию.

Безносый решил в Маркан-Су пристрелить Чиря и забрать его золото. Но пока Чирь был еще нужен: он знал здешние места.

Басмачи вышли на широкое плато. Воздух все сильнее дрожал над землей, изменяя очертания окружающих скал.

— Море! — крикнул неожиданно Чирь, показывая на огромную колеблющуюся синюю поверхность.

— Неужели это Кара-Куль? — удивился Безносый.

— Кара-Куль, Кара-Куль!— радостно закричал Чирь и, показывая пальцем, возбужденно сказал: — Смотри, вон караван из Маркан-Су подходит к озеру!

И они остановились, пораженные.

Около озера шел большой караван верблюдов. Они мерно покачивались, и пыль взлетала из-под их ног.

Чирь бросился на колени: он молился аллаху.

— Алла, алла! — бормотал и Безносый, подняв руки вверх.

В ту же секунду грянул выстрел, и стоявший на коленях Чирь свалился на бок.

Безносый оглянулся. Прямо на него мчался черный пес. Безносый взглянул на караван, но караван исчез, исчезло и озеро; только воздух, как расплавленное стекло, струился над землей и далекие скалы, как в кривом зеркале, меняли свои очертания.

Безносый растерялся и, спасаясь от собаки, побежал.

Тэке, вдруг повернув, подбежал к лежавшему на земле басмачу и, ворча, понюхал его. Тот был мертв. Около него валялась винтовка.

Джура подбежал, дрожащими руками схватил валявшуюся винтовку и прижал ее к груди.

«Винтовка, наконец-то винтовка у меня, в моих руках! Из-за одной этой винтовки стоило преследовать басмачей. А я думал, что у басмачей простые охотничьи ружья... Но где же второй басмач?» Джура оглянулся.

Вдруг он увидел впереди огромное озеро.

По озеру плыла большая кибитка, и из ее трубы шел дым. Джура задрожал от радости. Наконец-то он увидел джаду — чародейство, о котором говорил аксакал. Джура присел на корточки.

Озеро исчезло. Воздух струился над землей, и в этом дрожащем воздухе показались очертания огромных кибиток. Шли какие-то большие животные, кривоногие, с длинной шеей и двумя горбами на спине; на маленьких длинноухих животных ехали люди.

Как завороженный, смотрел Джура на это чудо.

Так вот оно, джаду! Вот о чем говорил аксакал! Но ведь гости зимой говорили, что это не сказка, что существует такая страна, где летают ковры-самолеты... И Джура вновь захотел увидеть эту страну.

Сильный удар опрокинул Джуру на землю. Донесся звук выстрела.

— Джаду! — прошептал он и потерял сознание.

А Безносый, который успел спрятаться за камнями на другом конце плато, закладывал в винтовку второй патрон. Он хотел еще раз выстрелить в Джуру, но увидел бегущего к нему пса. Безносый прицелился, выстрелил и промахнулся. Заметив устремленное на него ружье, Тэке прыгал из стороны в сторону, а Безносый тря-

сущимися руками наводил на него винтовку и никак не мог прицелиться.

— Заговоренный! — испуганно прошептал басмач, карабкаясь на скалу.

Усталый Тэке, спрятавшись за камнями, яростно лаял, подзывая Джуру. Но ползли уже вечерние тени, а Джура все еще неподвижно лежал на камнях.

III

Джура очнулся в луже крови. Хотел приподняться, но не было сил, и он снова со стоном повалился на землю. Тэке суетился возле него и языком слизывал кровь.

— Умру... — прошептал Джура.

Истощенный погоней и обессиленный потерей крови, он лежал без движения.

Синие тени наполняли долину. Поднималась луна.

Вспомнив дневные видения, Джура решил, что все ему только померещилось. Но, протянув руку, он нащупал винтовку.

Умереть! Умереть, не выполнив клятвы! Для этого ли он приносил в жертву «раздельнокопытного, с запахом мускуса!» Что же с ним случилось? Как мог он хоть на мгновение забыть о близком враге? Кто же его обманул и отвлек? Принеся в жертву целого козла, не взяв ни куска, Джура сознательно обрекал себя на голод. Второй раз он не мог выстрелить: звук выстрела мог насторожить преследуемых.

— Я просил помочь мне, — шептал Джура запекшимися губами, — но ты поступил как обманщик. Кто же ты и где? Убей же меня сейчас, если можешь...

Луна смотрела в глаза Джуры, и он уже не мог оторвать от нее взгляда.

— Лунная баба, смотри на меня и считай ресницы. Я не боюсь смотреть на тебя...

Безмолвно стояли горы. Джура удивился их высоте.

— И никто не помогал мне перейти, — шептал он, — мои ноги сделали это. И мои руки сделали это, и глаза, и сердце. Все сделал я сам. Надо было просто съесть белого козла. Это придало бы силы и рукам, и ногам, и глазам. А я отдал все мясо духам, понадеялся на них,

обессилел — и вот... На охоте я верил в твердость Своей руки, и в меткость Своего глаза, и в силу Своих ног, и в крепость Своего сердца и не полагался на духов. Зачем же я изменил себе? Разве это была не та же охота? Вся жизнь мужчины подобна охоте, но я еще не стал в ней Чоппмергеном — Великим Охотником. Кто на что-нибудь годен, тот и в пятнадцать лет мужчина, а кто ни на что не годен, тот и в сорок лет дитя!

Тэке, подняв свою большую голову, похожую на медвежью, выл на лупу. «Вот и Тэке чувствует, что я умру», — подумал Джура, впадая в забытье.

Прошло несколько часов. Джура очнулся от свирепого лая Тэке. Возле него стояли люди и что-то говорили. Кто-то поднял его. «Басмачи», — подумал Джура и опять потерял сознание.

ОТОРОПЕВШАЯ УТКА И ХВОСТОМ НЫРЯЕТ

I

Убегая от Джуры, Кучак надеялся, что снег и ветер заметут его следы. Но снег шел недолго: едва Кучак добрался до источника Голубая Вода, как ветер стих, тучи разошлись и в небе показались яркие звезды. Он боялся идти по свежей пороше, на которой ясно отпечатывались следы, решил переждать день, а с наступлением темноты идти дальше на восток, откуда прибывали в кишлак купцы и где, по-видимому, была та сытая, сказочная жизнь, которую так красочно воспевали старинные песни.

Много этих песен, сказаний и легенд знал Кучак наизусть со слов матери. В тяжелые минуты он пел песни о счастливой жизни, и ему становилось легче. Он всегда мечтал о такой земле, где никто ничего не делает, где много едят, спят, не работают и все делается само собой.

Кучак и раньше видел золото. После изнурительного труда в ледяной воде этот желтый, добытый им песок казался невзрачным. Жадный аксакал тотчас же уносил его к себе в кибитку. Став собственником богатств, Кучак сразу утратил былую беспечность и добродушие. Он каждую минуту думал о том, как бы не потерять его,

Мысль о Джуре приводила его в ужас. Он думал о том, что Джура не простит ему бегства и жестоко расправится с ним при встрече.

Рассветало.

Кучак забился в углубление под скалой возле источника Голубая Вода и весь день просидел, дрожа от страха и холода: он боялся, как бы Джура не заметил его издалека. Вечером, когда уже начало темнеть, Кучак решился выйти.

Он с трудом расправил затекшие руки и ноги, но сразу же испуганно спрятался назад, под скалу: он увидел невдалеке Одноухую — собаку Зейнеб. «Собака не будет бродить одна, — подумал Кучак. — Я пропал!»

Одноухая, почуяв запах вяленого мяса, насторожилась, подбежала к скале и увидела Кучака. Остановившись перед ним, она жалобно повизгивала, выпрашивая мясо. Кучак бросил в нее камнем.

Одноухая не убежала. Вспотев от страха при мысли, что собака приведет Джуру, Кучак поманил ее кусочком мяса, затем привязал за шею своим поясом и втянул под скалу.

Он хотел убить Одноухую, чтобы она не выдала его своим визгом, но в это время начали кричать филины. Кучак верил в примету, что своим криком филины отгоняют альбастов и джиннов, предупреждая путников об опасности. Помня слова аксакала, что в это время надо притаиться и молчать, чтобы не навлечь их гнева, Кучак решил переждать ночь.

Но следующий день был теплый, солнце светило ярко. Кучак подобрел и решил взять собаку с собой на восток. «В дороге пригодится как сторож», — решил он.

Кучак вел собаку на поводке, но, убедившись, что она не думает убегать, снял веревку. Одноухая побежала вперед, часто оглядываясь. Кучак успокоился: когда собака бежит впереди и оглядывается на человека — значит, она считает его своим хозяином.

Кучак шел по берегу реки, прячась за камнями, все дальше на юго-восток, где сверкали на солнце снега перевала.

Кучак промок и озяб, но разводить костер боялся: дым мог привлечь внимание Джуры. По ночам он

забивался в щели скал и дрожал от холода и страха, с нетерпением ожидая рассвета.

Перебравшись через снежный перевал на плоскогорье, Кучак собрал сухой полыни и разложил большой костер. Он решил, что Джура уже далеко. С наслаждением вдыхал он горький дым и грелся у огня. Просушив одежду, он вынул из курджума большой кусок мяса, нашпиговал его салом и положил в горячую золу на два плоских раскаленных камня.

В ожидании, пока изжарится мясо, Кучак задремал. Он вполне доверился сидевшей напротив Одноухой, которая лаем известила бы его об опасности. Неожиданный удар по плечу и сердитый окрик разбудили его. Решив, что это Джура, Кучак, дрожа всем телом, бросился на колени, но, подняв голову, увидел много незнакомых людей.

Кучак протер глаза и быстро пересчитал их. «Семь человек», — подумал он и подавил вопль.

Самый толстый из незнакомцев (Кучак сразу же мысленно прозвал его Кабаном) спросил Кучака, как его имя и откуда он.

— Я Кучак, иду издалека.

— Ты не мусульманин, — с одышкой сказал Кабан, — ты негостеприимен — не приглашаешь нас к огню.

Не успел Кучак ответить, как другой, худой и подвижный, которому он позже дал прозвище «Гадюка», подскочил к нему и пинком ноги отбросил его от костра.

— Пошел вон! — крикнул ему третий.

Все засмеялись и уселись вокруг костра.

Присев на корточки в сторонке, Кучак ежился от ночного холода, зевал и тер глаза.

К нему подошел худощавый мужчина, шумно втянул сквозь стиснутые зубы воздух и ласково заговорил. Перепуганный Кучак был рад, услышав приветливый голос. Он надеялся найти в этом человеке с черными глазами, скошенными к носу, доброжелателя и советчика. Незнакомец позвал Кучака вместе с собой собирать полынь для костра, и он с радостью согласился.

— Я Саид, проводник. А кто ты? Откуда идешь и зачем ты здесь?

— Я? — переспросил Кучак, не зная, что сказать, и показал рукой назад.



Неожиданный удар по плечу и сердитый окрик разбудили Кучака.

— Из Ферганы? Бай? Спасаешь свою шкуру от суда и бежишь в Кашгарию?

— Тут, в горах, наш кишлак Мин-Архар... А я... я поссорился и ушел.

— Вот не знал, что в этих горах есть кишлак! А чем занимаешься? Контрабандой? Ну, ты брось из себя непонимающего строить! Меня не бойся. Сам такой. Ты, я вижу, человек незлобивый. Помогай мне, слушайся меня — и не пропадешь...

— А что это за люди? Почему они злые? — тихо спросил Кучак.

— Эти? Баи, богачи... Они попробовали было со скотом прорваться через границу, так пограничники весь скот переловили, нескольких человек забрали, а эти удрали назад. Теперь я веду их этим путем... будь он проклят! — Он махнул рукой в сторону. — Так ты контрабандист?

— Нет, нет! — поспешно ответил Кучак, мало поняв из того, что говорил ему Саид.

— А куда идешь?

Кучак махнул рукой на восток.

— Ага, хочешь бежать через границу в Кашгарию! Мы идем туда же. Мои баи земли бросили, скот продали, жен оставили и бегут, не жалея денег. Мне — чистый заработок! Побольше бы так! А может быть, ты лазутчик из добротряда Козубая? Только попробуй нас выдать! Не успеешь крикнуть, как я перережу тебе горло. Вот! — И Саид показал нож.

— Что ты! — испуганно закричал Кучак. — Я сам не знаю пути в этих горах, куда же я побегу, кому скажу?

— Ну то-то! — примирительно сказал Саид и добродушно похлопал Кучака по плечу.

Тот тяжело вздохнул и спросил:

— Зачем богатым людям идти пешком по труднопроходимым горам? Не лучше ли им было поехать на яках по хорошим дорогам?

Саид щелкнул языком и с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Да ты не знаешь, что ли? Сейчас в Туркестане у богачей отбирают землю и скот. Все отобранное отдают бедным.

— Ну-ну, не ври! — сказал Кучак и даже засмеялся: он представил себе аксакала бедняком, а себя, Кучака, в горностаевом тулупе аксакала.

Саид рассердился:

— Пусть я буду синим ослом, если то, что я говорю, неверно! Богатые бегут в Кашгарию. А ты чего бежишь от власти бедняков? Тебе и здесь хорошо будет. У тебя ведь нет золота.

Кучак съежился.

— Конечно, нет золота, конечно, нет! — бормотал он, робко посматривая на пустынные горы.

Он начал подозревать, что Саид неспроста завел его подальше от лагеря, и уже жалел, что пошел с ним. А Саид, не замечая трусливых взглядов Кучака, продолжал рассказывать о жизни в Кашгарии. Он говорил, что в кашгарском городе трудно держать лошадь, потому что связка сена стоит двенадцать пулов[1]. Кучак мало что понимал из рассказа Саида, но старался не выдать своего невежества.

— Саид! — донеслись издалека голоса баев.

— Сейчас!

И они принялись собирать полынь.

Вернувшись к костру, Кучак увидел, что баи доедают поджаренное им мясо архара. Они громко чавкали, облизывая пальцы.

Кучак выронил из рук полынь.

— Остановитесь, уважаемые! Что вы делаете? — закричал он, но никто не обратил на него внимания.

Кучак, охая, достал из своего курджума еще кусок мяса, но высокий бай молча вырвал его из рук Кучака. Тот даже и не попытался с ним спорить и задумался. Как он будет жить вместе с такими людьми, если даже в этих горах, где кругом много дичи, они, вместо того чтобы добыть ее, отнимают у него последнее? У этих людей разбойничий закон, и какой ему смысл идти туда, где придерживаются таких законов?

Баи шли разговаривая. Кучак слушал их, стараясь не пропустить ни одного слова. Если сами баи ругают Кашгарию за бесплодные пески, протянувшиеся на несколько десятков дней пути, страшатся беззакония и

---

[1] Пул — мелкая монета.

говорят, что вода и навоз там на вес золота, горюют, что бросили плодороднейшие земли возле Ферганы и Андижана, доставшиеся беднякам, то что же тогда делать ему, Кучаку? Стоит ли оставлять родные горы и воды? А может быть, ему повернуть на север? Ведь с севера приезжали зимой комсомольцы Ивашко и Муса. С севера, как рассказывала Зейнеб, в начале лета снова приезжал Ивашко. Оттуда пригнали скот, привезли муку, рис, материю... Но ведь тогда придется проходить через кишлак, а вдруг Джура туда уже вернулся! А может быть, и отсюда есть путь на север? Кучак не знал, на что ему решиться, и продолжал идти со случайными попутчиками.

II

На другой день утром Кучак хотел уйти в сторону, но баи его не пустили.

— Эй ты, ослиный хвост! — сказал ему Кабан. — Ты понесешь наши вещи.

— Мне не по дороге, — поспешно сказал Кучак. — Я не хочу идти в Кашгарию: я передумал и пойду домой.

— Не валяй дурака! — сказал Гадюка. — Бери и неси вещи: мы устали.

И они угрожающе взялись за ножи.

Кучак застонал и, шатаясь под тяжелым байским грузом, побрел вместе с ними.

Впереди, насупив брови, шел Саид: ему не нравилось обращение баев с Кучаком. Последним шел Гадюка и колол Кучака кончиком ножа в шею, чтобы тот не отставал.

Ночью Кучак решил убежать от баев. Он успел уже порядочно отползти от стоянки, но Одноухая, проснувшись, неистово залаяла и всех всполошила.

Кучак сам испугался переполоха. Придя в себя, он крикнул:

— Это я, не бойтесь!

Рассерженные баи избили его и приказали по ночам никуда не отлучаться.

Уже пять дней шел по горам Кучак с баями. Они съели все вяленое мясо из его курджума.

— Почему у вас нет ружей? Здесь так много дичи, — говорил Кучак и показывал на склоны, где спокойно паслись стада архаров.

Саид объяснил ему, что баи нарочно не взяли ружей, чтобы не походить на басмачей.

Ночью Одноухая украла кусок мяса из-под головы Гадюки, который спал теперь каждую ночь рядом с Кучаком. Подозрение в краже пало на Кучака, и его опять избили.

Кучак клялся, что ему незачем красть, потому что он толст и питается собственным жиром; он предлагал пощупать складки на его теле и уверял, что, после того как он нагулял такой жир, питаясь нежным мясом уларов, его уже не соблазняет невкусное вяленое мясо. Чтобы окончательно убедить баев, Кучак рассказал, как вкусны улары и как много он их съел.

— Сказки рассказываешь! — сказал Кабан.

— О нет, Кучак говорит правду, — сказал Саид. — Вы, жители долин, уже сейчас, когда идете по хорошей тропинке, говорите: «высоко», «страшно», «нет пути» — и хватаетесь пальцами за выступы скал, чтобы не сорваться в пропасть, или ползете на коленях, а пройдя пять шагов, задыхаетесь и садитесь отдыхать. А хватило бы у вас сердца забраться вон туда? — И он показал на гору, снежная вершина которой была закрыта тучей. — Там, высоко, водятся улары, но вы, обитатели долин, как и кашгарцы, только слышали об уларах, но никогда не видели их. А Кучак говорит правду. Он жил на высоких горах и питался мясом уларов.

Кучак поднял плечи, чтобы казаться выше, и смело посмотрел на баев.

Баи были удивлены, но поверили.

Саид был доволен Кучаком: тот вместо него собирал топливо, следил за костром, приносил воду и кипятил чай. Кроме того, ему иногда удавалось поймать куропатку, и тогда Саид был тут как тут. Потирая руки и посмеиваясь, он ждал, пока Кучак зажарит ее.

Еды было мало, и поэтому все были голодные и злые. К счастью, подходя к Кашгарии, они встретили группу путников. Это были баи, которые тоже бежали в Кашгарию, пробираясь тайными тропинками. У них удалось купить немного еды: мяса и лепешек.

Вечером на привале Кучак подсел к баям.

— Я нес ваши курджумы. Вы съели мое мясо. Неужели вы не дадите мне лепешки? — спросил он.

Баи ели и громко чавкали, делая вид, что не замечают Кучака.

«Нет, — горевал Кучак, — этих негодяев, видно, и пристыдить нельзя!»

Самый старший бай, седобородый, прищурился и ехидно сказал:

— Развесели нас. Может быть, мы тогда и дадим тебе поесть.

Кучак недоверчиво посмотрел на говорившего.

— Я расскажу вам веселую небылицу, но, прошу вас, не ешьте так быстро.

И он начал рассказывать:

— Еще не родившись на свет, я пас стада. Однажды они разбежались. В поисках стада я влез на самую большую гору, но ничего не увидел. Тогда я воткнул в гору палку, влез на нее, но и с палки ничего не увидел. Я воткнул в палку нож, а в рукоятку ножа — шило. Влез наверх, и земля показалась мне величиной с потник... Слушайте же, уважаемые, не ешьте так быстро!

— А ты рассказывай, — сказал Гадюка.

И Кучак продолжал:

— От усталости я заснул на шиле. Проснулся, смотрю: вдали на земле лужица, а за ней пасется одна кутасиха с теленком. Присмотрелся я и вижу, что это не лужица, а река. Прыгнул я с шила вниз и очутился на берегу реки. Вынул ножны, сел в них и гребу ножом вместо весла. Подплыл. Теленка взял на руки, вскочил на кутасиху, а с места сдвинуться не могу. Что делать? Тогда я сел на теленка, кутасиху взял под мышки и переплыл реку обратно.

Кучак, заметив, что пищи осталось совсем мало, сказал:

— Я кончил.

— Не ври, — сказал Кабан. — Говори до конца. Обманешь — ничего не получишь.

Кучак чмокнул от негодования и продолжал:

— Смотрю, под кустом заяц. Убил я этого зайца, потом набрал дров и сложил их в кучу. Выбил огонь, раздул трут. Только что хотел разжечь, как вдруг дрова

вспорхнули и улетели, как галки... Поехал я дальше. Ехал, ехал — устал. Спешился и привязал кутасиху к колу, который торчал среди степи. Вдруг — смотрю и глазам не верю: моя кутасиха летит уже под облаками. Оказывается, то был не кол, а аист... Пришла ночь. Я разулся и лег спать. Ночью слышу шум. Проснулся — смотрю, а мои ичиги дерутся: я неодинаково смазал их жиром. Ичиг с правой ноги успел почти совсем разорвать левый. Еле их разнял Обулся и опять заснул. Вдруг вижу — старик идет, глаза трет: попала ему соломинка, и он никак не может ее вытащить. «Помогите!» — кричит. Прибежали сорок джигитов, сели на бревно, поплыли по глазу на бревне и вытащили не соломинку, а целую кость форели. Бросили ее на землю, а из нее потекла вода и стала заливать все кругом. Я испугался, думаю: «Утону». Вижу, из кости жила торчит. Схватился я за жилу, потянул и вытащил блюдо плова.

— Ну, раз ты большое блюдо плова сам за жилу вытащил, так и ешь этот плов, — сказал Кабан.

Все засмеялись. Кучак насупился. Кабан протянул ему кусок лепешки:

— Ешь. Ты будешь нашим языком — деревенским шутом. Смеши нас.

Кучак вырвал лепешку из его рук и, развязав свой платок-пояс, расстелил его на коленях. Он разломил лепешку на маленькие ломтики, разложил на платке и стал не спеша есть. Затем старательно собрал все крошки с платка и съел их каждую в отдельности. Одноухая жадно смотрела на него, ожидая подачки, но Кучак только погрозил ей кулаком. Он расположился у большого камня, но не успел заснуть: его опять позвали.

— Пора идти. Собирайся в Кашгарию, бери курджум.

Кучак чувствовал себя усталым, голодным, и ему очень хотелось спать.

Снежные горы остались позади.

— Не хочу я в Кашгарию, я пойду домой! — проворчал Кучак.

Но Гадюка прикрикнул на него и взвалил ему на плечи курджум, а чтобы Кучак не убежал, привязал его за шею веревкой, а конец ее прикрепил к своему поясу.

И хотел Кучак убежать, и не мог.

Они шли ночью по долине у подножия горы. Кучак часто спотыкался о камни.

— Подымай выше ноги! — шипел на него Гадюка.

Кучак шел и удивлялся.

— Эй, Саид, — спросил он, — почему мы идем ночью?

— Тише... тсс... — зашептали баи, и кто-то ударил его по шее.

Пользуясь тем, что Гадюка и Кабан в ночной темноте не видят его, он проковырял пальцем дыру в курджуме и вытащил оттуда кусочек мяса.

В темноте Кучак не замечал дороги, по которой они шли. Он шел вместе со всеми и если слышал шум, то послушно ложился на землю, не понимая, зачем он это делает.

III

Они перешли небольшую речку и поднялись по тропинке на холм. Кучак увидел кибитку; из нее вышел какой-то человек с ружьем.

Незнакомец был одет в синюю кофту и синие штаны. Опираясь на ружье, он чесал правой пяткой левую ногу. Когда баи подошли, он снял с головы шапку и молча протянул ее. Саид первый бросил ему в шапку серебряную монету. То же самое сделал каждый бай.

Кучак же ничего не положил в шапку. Незнакомец бросил шапку на землю, выставил ружье вперед и сердито закричал что-то по-китайски.

— Это китайский солдат, охраняющий кашгарскую границу, — сказал Кучаку Саид. — Брось ему монету. Так надо делать всякий раз, если ты переходишь границу.

— Но я не хочу в Кашгарию, я хочу домой, и у меня нет денег, — сказал Кучак и попятился.

Солдат больно ударил его прикладом и подтолкнул коленкой. Кучак упал. Баи зло засмеялись.

Саид бросил монету в шапку солдата.

— Если ничего не дашь солдату, то тебе надо будет отработать на его поле. Назад пойдешь — тебя пограничники поймают. И тогда тебе плохо будет. Зачем, скажут, ходил с баями? Я заплатил за тебя, но ты мне за это отработаешь. Помни.

— Что ты хочешь? Я уже старый, у меня болят раны! — жаловался Кучак.

Гадюка снял с него веревку. Опустив голову, Кучак побрел за баями.

Перед заходом солнца они достигли вершины горы в Сарыкольском хребте. Еще утром Саид говорил, что это последний большой перевал.

— Это Китайский Сарыкол, Кашгария. Смотрите и запоминайте, — сказал Саид, останавливаясь на перевале, — потому что только теперь, осенью, когда стоит «индийское лето», воздух чист и прозрачен.

Баи и Кучак остановились, выпучив глаза.

— Вон там, на юге, — Саид показал палкой на далекие, покрытые снегом горы, — Индия. Туда ведут три дороги. Самая главная — это дорога семи перевалов на Лех, вторая дорога — на Читрал и третья — на Гильгит. Путь долгий, дорогóй, и не всякого пропустят.

— Лех, Читрал и Гильгит, — повторил Гадюка, стараясь все запомнить.

— Там, — и Саид показал на восток, — там город Яркенд, а за ним страшная пустыня Такла-Макан, а еще дальше на восток, за Керией, пустыня Лоб. А вон там, — и Саид ткнул палкой в сторону севера, — идет северная дорога Небесных гор — Тянь-Шань-Пе-Лу. За ними, смотрите и запоминайте, лежит Джунгария. Вам нельзя идти в глубь Китая. Вам там не будут рады. Население не любит чужаков. Живите лучше здесь, в Кашгарии. Здесь, у границы, среди высоких гор прячутся уединенные кишлаки, где распоряжаются имам Балбак и его правая рука Кипчакбай. Живите у них. Они заплатили кому надо, чтобы им не мешали вершить суд и расправу. Идите же, поклонитесь имаму Балбаку, и вы будете сыты по горло. Пойдем же, почтенные, скорее. Нам надо успеть прийти в лянгар [1] еще до ночной темноты. Там у моего друга в чайхане мы можем напиться горячего чаю и поесть жирного плова.

Теперь Саид говорил спокойно, и с каждым его словом баи чувствовали себя бодрее. Они уже не имели вида загнанных лисиц.

[1] Лянгар — постоялый двор.

Кабан, поджав отвисшие от усталости губы, поправил свою зеленую чалму.

— Помолимся, правоверные, — сказал он и, став на колени лицом к Мекке, молитвенно провел ладонями по лицу и поклонился.

Баи последовали его примеру. Кучак тоже стал на колени. Саид, сев на корточки, припоминал, сколько ему следует получить денег с каждого бая.

Окончив молитву, Кабан спросил Саида:

— Много ли мулл в Кашгаре?

— А сколько стоит конь? — одновременно спросил его Гадюка, засучивая рукава.

— А где дешевле жизнь?

— А на каком языке там говорят?

— А как дойти в Яркенд? — перебивая друг друга, спрашивали баи.

Саид поворачивал голову к каждому, но никому не отвечал.

— Здесь ветер и снег, почтенные. Поспешим же прийти засветло в гостеприимный лянгар, и я отвечу на все ваши вопросы и расскажу вам много важного о жизни в Кашгарии. Поспешим же, почтенные, в лянгар. — И он быстро пошел по тропинке вниз, в ущелье, наполненное вечерними тенями, сыростью и холодом.

Баи, толкая друг друга, поспешили за ним, забыв о Кучаке.

А он стоял неподвижно, навалившись грудью на палку, и, куда бы ни смотрел, он видел только снежные вершины, сверкавшие в лучах заходящего солнца, да туманные дали. Давно уже затихли возбужденные голоса баев, а Кучак все еще стоял и устало смотрел вперед. Один, совсем один! Нет Джуры, который, несмотря на суровость, всегда опекал его, Кучака, нет веселой Зейнеб, Айше, Биби! И горы не те, и кииков не видно. А реки? Разве это реки! Кучак мучительно соображал, что же теперь будет с ним в этой чужой и страшной стране.

Порыв холодного ветра ударил его, запорошив снегом глаза. Кучак вздрогнул, провел ладонью по лицу, испуганно огляпулся и, как привыкшая к стаду овца, побежал в глубь ущелья за своими спутниками.

IV

Кучак догнал баев уже внизу, на дне ущелья. Они молча стояли, сбившись тесной кучкой у поворота тропинки, и о чем-то тревожно говорили.

— Эй, Кучак! — сказал Кабан. — Сними курджум и пойди посмотри, что такое делается на постоялом дворе, и мы накормим тебя досыта.

Кучак подошел к ним, снял тяжелый курджум и заглянул за выступ скалы. Он увидел рощу низких деревьев. В роще стояла большая кибитка, обнесенная высоким забором. Тяжелый запах гниющего мяса доносился оттуда.

— А может быть, там живут драконы? — спросил Кучак, недоверчиво рассматривая высокие ворота с крышей, углы которой были загнуты вверх.

— Иди, иди! — хором закричали все баи.

— А Саид где? — спросил Кучак.

— Саид ушел вперед осматривать тропинку.

— Иди, иди, а то плакать будешь.

Кучак тихо вошел во двор кибитки. Он в ужасе остановился: там на циновках лежали трупы. Пугливо оглядываясь по сторонам, Кучак подошел к стене кибитки и заглянул внутрь. Чтобы лучше рассмотреть, Кучак поцарапал ногтем полупрозрачную бумагу. Он нажал сильнее, и бумага с треском разорвалась. Он отскочил, но все же успел увидеть через образовавшееся отверстие собак, пожиравших трупы.

В ужасе Кучак побежал к баям.

— Не приближайся к нам близко! — закричали они, заметив бегущего к ним Кучака.

— Почему? — спросил он подходя.

Но баи уже отбежали в сторону, а Кабан даже вскарабкался на высокий камень. Только один Саид невозмутимо стоял, прислонившись плечом к скале.

— А-а-а! Ты уже пришел! — сказал, обрадовавшись, Кучак.

— Плохо, — сказал скучным голосом Саид. — В Сарыколе оспа. Кругом оспа. Эти трупы в постоялом дворе — умершие от оспы. Я встретил знакомого охотника; он ловит одичавших лошадей, у которых хозяева умерли от оспы. Поймает и поедет охотиться за уларами. За

одного улара платят сто баранов. Сам знаешь: кто ест мясо уларов, тот не заболеет оспой, а больной, поев улара, вылечивается. Говорят, что за один палец человека, евшего уларов, платят двадцать баранов, потому что мясо такого человека тоже целебное и предохраняет от оспы. Не бойтесь Кучака, он ел мясо уларов!

...Было старинное поверье, будто человек, евший уларов, не только сам не заболеет оспой, но даже маленькая частица такого человека обладает целебной силой. И были такие, которые верили этому. Недаром говорится: оторопевшая утка и хвостом ныряет. Страшна своей жестокостью и дикостью черная сила суеверий для темных людей, когда правит не разум, а слепая вера в чертовские и божеские магические силы...

Баи, вспомнив об этом, успокоились и подошли к Кучаку и Саиду, осторожно став за стеной, чтобы ветер со стороны лянгара не дул на них.

— Что же нам делать? — спросил Саида самый старый бай.

Саид яростно сплюнул и повторил:

— Охотник рассказывал, что люди в Кашгарии мрут от оспы, как мухи во время мороза. Людям, которые уже болели оспой и поэтому не боятся заразиться, платят большие деньги за то, чтобы они зарывали трупы умерших от оспы. Все охотники охотятся за уларами, но улара очень трудно убить: они водятся только высоко в горах, а здесь их мало.

Саид помолчал и добавил:

— Вам нельзя идти сейчас в город Кашгар или Яркенд. Надо купить яков или лошадей и уехать в киргизские кишлаки, к южным горам Сарыкола: там нет оспы и там охотно приютят богатых пришельцев.

На том и порешили. Тогда же Саид собрал со всех баев плату за свою работу.

Лянгар, стоявший на дороге, баи обошли стороной. Ночь была темная, и, чтобы не отбиться и не заблудиться, они, держась друг за друга, пошли вслед за Саидом.

Подавленные и унылые, они еле шли от усталости и, немного отойдя, решили заночевать. Саид напрасно уговаривал их пройти подальше. Обессиленные долгим переходом, путники так устали, что у них даже не было сил приготовить пищу. Легли спать голодные.

Наступило утро. Баи спали. Солнце поднялось высоко, и Саид принялся тормошить спящих, а если это не помогало, выжимал на шею спящему воду из платка, намоченного в ручье.

Дольше всех не просыпался Кучак. Только после того, как Саид облил его водой, он поднялся и долго не мог понять, где он находится.

Он тер глаза и с удивлением оглядывался во все стороны. Он видел опухшие от сна лица и злые глаза.

— Ты не уважаешь сон! — сердито сказал он Саиду.

— Надо спешить: кругом оспа, — отвечал Саид.

Кучак с любопытством рассматривал кусты шиповника и редкие заросли колючих деревьев и можжевельника.

Все путники сидели на лужайке, возле ручья.

Чистая холодная вода шумела по камням и, загибая за скалу, вливалась в большой горный поток на дне ущелья. По ширине и мощности потока, сбегавшего с перевала тонкой струйкой, Кучак понял, что они далеко отошли от перевала.

Пошли дальше. Ущелье извивалось то к югу, то вело на восток. Кучак справа и слева от себя видел только горные склоны. За каждым поворотом ущелье все больше расширялось, и вскоре перед ними открылись лесистый склон и каменистая долина, зажатая между горами.

Они шли по протоптанной тропинке, которая у самого склона разветвлялась: одна тропинка вела вниз, к югу, другая, более протоптанная, шла на север.

Путники пошли на север.

— Тутраковые[1] заросли, — сказал Саид и показал вниз, на лесистый склон.

Справа и слева громоздились камни.

— Эй, стой! Не шевелись! — раздался вдруг окрик, и слева, из-за камня, неожиданно показался человек с ружьем: — Не идите по этой тропинке: вы занесете в наш кишлак оспу! Идите назад!

— Почтенный, — сказал Саид, выступая вперед, — мы идем с Памира и о том, что люди болеют оспой, не знали. На Памире мы ели уларов и поэтому оспы не боимся.

---

[1] Тутрак — вид тополя.

— Зачем вы идете в наш кишлак? Чего вы хотите? — спросил человек.

— Продай нам девять лошадей, — сказал Саид.

Человек свистнул. Из-за другого камня вышел второй вооруженный и подошел к первому. Они посовещались.

— Мы продадим вам четырех лошадей, по одной на двоих, а вы дайте нам мяса уларов.

— У нас нет уларов, мы съели их, — сказал Саид.

— Тогда вы, евшие уларов, заплатите за лошадь и право прохода, дайте каждый по пальцу, иначе мы не продадим лошадей и не пропустим вас.

Баи захотели откупиться, пожертвовав Кучаком. Только он один не понимал этого.

Баи хитро переглянулись и посмотрели на Кучака.

— Беги, — тихонько шепнул ему Саид, стоявший сзади.

Кучак поперхнулся и невольно схватился за пояс, где было зашито золото.

— Иди сюда, Кучак! Иди, милый! — приторно-ласковым голосом сказал старший бай, подходя к нему.

— Беги же, безмозглый, или тебя продадут! — прошептал Саид.

Кучак подпрыгнул и помчался изо всех сил вниз по тропинке, мимо человека с ружьем.

За ним поскакала Одноухая.

Баи растерялись, но потом побежали догонять Кучака.

— Стойте, не бегите в сторону кишлака! — закричал сторожевой.

Но баи его уже не слушали.

Выстрелив в толпу бежавших людей, сторожевой одного из них убил, но другие успели пробежать по тропинке к кишлаку.

— Он ускачет на лошади! — запыхавшись от быстрого бега, кричали баи, увидев, что Кучак подбегает к лошади сторожевого, стреноженной на склоне.

Но Кучак неожиданно остановился около лошади, испуганно вскрикнул, шарахнулся от нее в сторону и побежал не по тропинке, а вправо, к подножию горы, в лес. Лошадь шарахнулась в другую сторону.

— В лесу мы его не догоним, — сказал Саид.

Он бежал впереди всех и уже был близко от лошади сторожевого.

— Кучак, сумасшедший! Лошади испугался! — кричали баи.

— Не удивляйтесь, уважаемые. Он первый раз в жизни увидел лошадь и, наверно, подумал, что это дракон! — засмеялся Саид. — Вот я сейчас сниму путы и взнуздаю ее, и на ней поедет старейший.

Баи уселись на камнях. Саид спокойно подошел к храпевшей лошади, развязал путы, взнуздал ее и вскочил в седло.

— Прощайте, уважаемые! Я довел вас до Кашгарии. Я сделал свое дело. Мне очень приятно быть в вашем обществе, но я спешу домой. Аллах с вами, да не съедят вас, евших уларов, обезумевшие жители!

С этими словами Саид ударил коня нагайкой и помчался по склону вниз, к лесу.

— Держи его! — закричали баи.

— Держи, держи!.. — раздались вокруг голоса, и на лужайку выбежали несколько человек с ружьями.

Один из них выступил вперед и сказал:

— Если вы сейчас же не уйдете от нашего кишлака, мы перестреляем вас!

Баи и мулла бросились наутек.

V

Поравнявшись с лесом, Саид осадил вспотевшего коня и оглянулся. Нестройной толпой баи бежали по склону горы в другую сторону. Саид сдвинул баранью шапку на затылок и вытер ладонью мокрый лоб.

Конь потянул уздечку и жадно начал щипать траву.

Саид свистнул и ударил его нагайкой. Конь прыгнул вперед, но Саид сдержал его и поехал шагом, зорко оглядываясь по сторонам.

Вечером Саид выбрал место у ручья, остановился, привязал уставшую лошадь за повод повыше к дереву, чтобы она, прежде чем пастись, остыла и отдохнула. Потом он собрал сучья и разложил костер. С седла он снял забытый хозяином лошади курджум и вынул оттуда кусок сыру из сливок — курут, несколько ячменных лепешек, бурдюк с кумысом и кусок вяленого мяса.

Поджарив мясо, Саид с аппетитом его съел, закусив лепешками с сыром. После этого он разжег костер еще больше. Огонь высоко пылал, освещая багровым пламенем всю поляну.

Саид положил на седло курджум, вскочил на лошадь и, сказав про себя: «Ищите меня здесь», — поскакал в глубь леса. Там, не разжигая огня, он заночевал под кустом, а стреноженного коня пустил пастись.

Ночью он проснулся оттого, что кто-то у него из-под головы осторожно тянул курджум с провизией.

Саид, притворившись спящим, слегка повернул голову, чтобы рассмотреть вора.

— Одноухая! — крикнул он.

Собака испуганно отскочила в сторону.

— Значит, где-то недалеко и Кучак, — вслух сказал Саид, вставая, и потянулся так, что у него хрустнули кости.

Рассветало. Небо на востоке казалось коричневым. Одноухая упорно смотрела на Саида, ожидая подачки.

— Кучак, Кучак! — закричал Саид.

Но никто не отозвался.

Тогда он стал бросать в Одноухую камнями, и бросал до тех пор, пока она не поняла, что надо бежать спасаться у своего хозяина.

Саид быстро шел за собакой и вскоре подошел к густым зарослям шиповника. Одноухая проскользнула в заросли. Саид пошел за ней, осторожно раздвигая кусты. Вдруг он почувствовал, что земля под его ногами рухнула, и он кубарем скатился вниз, в глубокую, поросшую травой яму.

— Ой! Не надо, не надо! Ай-ай-ай!.. — закричал в яме чей-то испуганный голос.

Саид вскочил на ноги и схватился за нож, но, увидев Кучака, забившегося в угол, усмехнулся и сказал:

— Чего кричишь? Хочешь, чтобы тебя баи услыхали и пришли сюда?

Кучак сразу же затих.

— Не бойся, — сказал Саид, — я сам убежал от баев. Вылезай из этой волчьей ямы. У меня есть конь, поедем вместе. Будешь прислуживать мне.

Кучак молчал и старался нащупать рукой золото, подвязанное на животе.

— Или ты очень богат и возьмешь меня к себе в услужение? — спросил Саид.

— Нет, нет, — поспешно сказал Кучак и опять прикоснулся рукой к золоту, чтобы убедиться, что оно не исчезло, — я пойду к тебе работать!

Саид помог Кучаку вылезть из ямы, и они пошли. Накормив Кучака, Саид привел лошадь.

— Что это, что это? — испуганно спросил Кучак.

— Это лошадь. Ты разве не слышал о лошадях? — сказал Саид, седлая коня.

— Ах, это лошадь! — облегченно вздохнул Кучак. — Я о них много слышал, но никогда не видал.

Он неуверенно подошел к коню.

Конь храпел и пятился.

Наконец они уселись: Саид — на седле, как хозяин, а Кучак с трудом устроился на крупе лошади.

— Не бойся, не сжимай меня так руками: не упадешь, — успокаивал его Саид и рассказывал о предстоящем пути.

Они ехали шагом по лесу у реки, объезжая заросли шиповника и малины.

— Ты крепче держись за меня, — сказал Саид.

И Кучак еще сильнее обхватил его руками.

— Да нет, ты не так понял меня, — продолжал Саид. — Я говорю о том, что ты один пропадешь и поэтому должен помогать мне во всех делах, держаться за меня. Я о твоем счастье, Кучак, думаю.

— Спасибо, ты добрый человек, — говорил Кучак и хватался рукой за золото на животе. — А чем ты сам занимаешься?

Саид чмокнул:

— Не было такого дела, каким бы я не занимался, не было такого места и в Синьцзяне, где бы я не был, — сказал он. — Я промывал золото из голубоватой глины и камней в Соургаке и Чижгапе, возле Керии. Был нищим, просил милостыню, потом поссорился со старшиной нищих — не поделили краденого, и я удрал. Работал еще по переброске трупов.

— Как, как? — испуганно спросил Кучак.

— Эх, Кучак, ничего-то ты не знаешь, плохо тебе будет одному! Не знаешь того, что судья отвечает за каждого убитого в его округе. Если человек был убит далеко

от места, где живет судья, его меньше штрафуют. Поэтому судья всегда хочет подбросить труп убитого в чужой округ и тому, кто это сделает, хорошо платит. Это хороший заработок, только случается не часто. Понял?

— Понял, — сказал Кучак. — Только ведь это страшно — ночью трупы возить.

— Работал я еще искателем кладов. Ох, много добра в заброшенных городах в Такла-Макане!

— Да ведь ты сам говорил, что там пустыня.

— Ну да, — согласился Саид, — а в пустыне стоят целые города, засыпанные песком. Вот там и роешь. В Кашгарии много мест, где можно искать клады. А надоест копать, можно контрабанду возить или баев проводить через границу.

— Нет, — жалобно сказал Кучак, — лучше охотиться или скот разводить.

Саид расхохотался.

— Эх, ты! — сказал он. — Да знаешь ли ты, как трудно жить дехканам, сколько с них берут податей? Ведь дехканам достается только солома от пшеницы, да и то не вся. Хердж — десятую урожая — надо отдать? Надо! Зякет муллам надо заплатить? Надо! Танап — сбор с хлопка и садов — тоже дай, а не дашь — возьмут. А сколько еще: саманпуль — сбор за солому, кяфее — в пользу сборщика, тарикора — налог со всего имущества. А сбор на содержание начальства и войск, а бесплатная работа по устройству арыков, а бесплатная обработка земли! Еще надо платить судьям, толкователям законов, потом сотнику, писарям, старостам — всем надо платить. Теперь тебе понятно, почему я говорю, что у дехкан остается от пшеницы солома, да и то не вся? А ты еще хочешь стать дехканином!

— Да, — сказал Кучак, — лучше быть охотником.

Так, разговаривая, проехали они лес и спустились в долину, на пыльную дорогу. Солнце сильно припекало.

— Ох, — стонал Кучак, — я лучше пойду пешком: у меня болят раны!

Он слез, и они двинулись дальше: Саид ехал на лошади, а Кучак шел рядом, держась за стремя.

— Куда же мы идем? — спросил Кучак.

— Мы спрячемся от оспы в кишлаке у прокаженных. Туда боятся все ходить, а я не боюсь: проказа бывает

от ийе[1], а от ийе знахарь может заговорить, — ответил Саид.

После захода солнца они увидели на самой горе, у входа в ущелье, юрты. Оттуда доносилось мычание коров и ржание лошадей.

— На́ тебе двадцать тенег, — сказал Саид, — подымись к кибиткам и купи мяса. Я бы сам пошел, но я в ссоре с этим киргизским родом теит[2].

— Как это — купи? — спросил Кучак.

— Обменяй серебро на мясо.

— А! — сказал Кучак и пошел к юртам.

Одноухая побежала впереди.

— Да сначала послушай у юрты, о чем там говорят, а потом уж заходи! — крикнул Саид.

Кишлачные собаки выбежали с лаем навстречу Одноухой. Кучак воспользовался этим: подкравшись к кибитке, он приложил ухо к кошме и вдруг услышал: «Пожилой такой, волосатый киргиз с длинными руками», — говорил кто-то в кибитке низким, густым голосом.

Кучак решил, что в юрте говорили о нем.

Он затрясся от ужаса и бросился бежать, забыв обо всем. Он бежал так, как никогда еще не бегал. Запыхавшись, он падал на землю, чтобы отдохнуть, снова вставал и снова бежал.

Собаки возле юрт залаяли, почуяв незнакомца, и обитатели вышли наружу. Но Кучак был уже далеко. Они его не заметили. Однако Саида увидели и узнали. Сев на лошадей, они поскакали к нему. Два года назад в этом кишлаке Саид у одного киргиза убил и ограбил сына.

Саид еле удрал от погони.

Между тем Кучак прятался среди высоких кустов жесткой травы. Одноухая легла с ним рядом.

Стало рассветать.

Отдохнув, он поднялся и осмотрел окрестности. В этом месте горы расступались, и между ними лежала большая равнина. В середине ее было болото, а по краям росли высокие кусты травы. Там же, где травы

---

[1] И й е — дух; суеверные киргизы считали его «хозяином» болезни

[2] Т е и т — название одного из киргизских родов.

не было, блестели лужи, и возле луж виднелась красная, в трещинах глина.

В этой безрадостной долине Кучак чувствовал себя сиротливо. Не видно было ни одной птицы. Здесь даже ветра не было.

Кучаку захотелось пить, и он подошел к самой крайней луже с мутной водой.

В тихой луже, как в зеркале, Кучак увидел себя и прошептал, вспоминая слова, сказанные о нем в юрте: «Волосатый киргиз». Глядясь в воду, он начал выдергивать волосы из своей не в меру густой бороды, чтобы хоть немного изменить внешность, но жажда заставила его бросить это дело. Он нагнулся к луже; вода оказалась горько-соленой. Тогда Кучак пошел к большой луже в глубине долины. Он шел по сухой, потрескавшейся глиняной корке, и ему казалось, что корка под его тяжестью колеблется. Он остановился и топнул ногой. Корка треснула, и он погрузился в грязь.

— Вай, вай! — завопил Кучак и дернулся всем телом назад.

Но грязь засосала его выше колен. Он упал. Одноухая села невдалеке и завыла.

Много времени потратил Кучак, пока вылез из грязи. Если бы он провалился немного ближе к болоту, он бы уже не выбрался, потому что это был край страшного болота пухлых солончаков.

Дрожа от усталости, Кучак снова пошел к маленькой луже, чтобы смыть грязь. Он наклонился над водой и в испуге отпрыгнул назад. Из лужи смотрело на него страшное лицо. Вдруг Кучак улыбнулся: если он сам не узнал себя — значит, никто его не узнает. И он решил не отмывать грязь с лица.

Кучак взобрался на склон холма, где виднелась тропинка, и пошел по ней на юг. За ним бежала Одноухая.

Через несколько часов пути ему встретился всадник. Увидев Кучака, всадник съехал с тропинки и начал ругаться:

— Ты, прокаженный, как ты смеешь ходить среди здоровых людей? Иди к своим прокаженным в горы!

— Куда? — спросил Кучак, вжимая голову в плечи и подтягивая руки, чтобы казаться еще меньше.

Всадник показал нагайкой на большую гору вдали и, ударив коня, поскакал дальше.

Кучак вспомнил, что Саид тоже говорил, будто у прокаженных можно спрятаться, и пошел к горе.

Зная от Саида, что по здешним дорогам бродит много басмачей, Кучак завернул свое золото в грязный платок и обвязал им вроде ошейника горло Одноухой.

Ночью по гальке, резавшей ноги сквозь дырявые ичиги, шел Кучак к горе. Так шел Кучак ночь и день, и уже снова наступил вечер, а гора все была на том же расстоянии.

Прошло несколько дней. Кучак так сильно голодал, что как-то ночью убил Одноухую и съел ее. Теперь он спал на ее шкуре и пропах псиной. Овчарки, выбегавшие ему навстречу с гор и ущелий, почуяв этот запах, нападали на него и долго провожали его лаем.

Кучак шептал заговоры, но это не помогало. Во что только не верит человек, потерявший веру в себя!

VI

Издали казалось, будто отвесный берег реки рассечен на огромные желтые глыбы десятиметровой высоты.

На самом верху двух таких глиняных утесов виднелись домики. Внизу, возле воды, стояла мельница. Здесь же, на берегу, у выхода одной из широких промоин, по которой сбегала вниз тропинка, лежал плот из бурдюков. Эти мешкообразные голые бараньи шкуры, надутые воздухом, были единственным средством переправы через мутно-желтую быструю реку.

Некоторые бурдюки сморщились, и их чуть ли не до половины затянуло илом, принесенным дождевой водой из промоины. Да это и понятно: в уединенном кишлаке жило много прокаженных, поэтому сюда редко кто заходил; а если кто и появлялся, то по крайней нужде. Нехороший слух шел о кишлаке. Здесь бывали контрабандисты, грабители, скрывавшиеся от властей. Это были выгодные пришельцы. Они приносили с собой много денег и ценных вещей, которые Янь Сянь, старшина кишлака и хозяин чайханы, опиекурильни и мельницы, ловко прибирал к рукам.

В один из ясных дней «индийского лета», когда девушки украшают красными осенними листьями свою голову, в кишлаке прокаженных все всполошились.

Старухи бросили катать войлок, звон молота перестал доноситься из кузни. Любопытные столпились у самого края обрывистого берега и с интересом смотрели на противоположный берег.

А на другом берегу стоял человек невысокого роста, кричал что-то и призывно махал рукой.

Янь Сянь, подняв полы синего халата, медленно сошел к реке, стал у самой воды и, прикрыв глаза ладонью, долго всматривался в незнакомца на том берегу. Он никак не мог решить, стоит ли перевозить в кишлак этого грязного старика в драном халате, но все же приказал мельнику перевезти незнакомца. Янь Сянь, хитрый и опытный проныра, знал, что по одежде нельзя судить о человеке.

Вскоре Кучак — а это был он — стоял перед толпой прокаженных. Они показались Кучаку отвратительными.

Янь Сянь повел Кучака в свою чайхану, а любопытная толпа пошла следом за ними. Кучак сторонился прокаженных и людей с оспенными язвами на лице. Он боялся заразиться, хотя твердо помнил, что от оспы предохраняет съеденное им мясо уларов. В чайхане Кучак удивил всех своей прожорливостью, а когда хозяин Янь Сянь потребовал плату, Кучак дал ему кусочек от расплющенного золотого бокала.

«Ага, — подумал Янь Сянь, — это, по-видимому, переодетый богач, не знающий цены золоту».

— Уважаемый, — сказал он вслух, — я дам тебе хорошую кибитку, дров, ты на свое золото сможешь приходить ко мне каждый день в течение четырех месяцев и съедать утром и вечером по две пиалы рису и курить опий.

— Но я не хочу курить, — сказал Кучак.

— Как — не хочешь? — удивился Янь Сянь. — Все прокаженные курят, чтобы усладить свою тяжелую жизнь, полную горя и страданий. Или ты не прокаженный? У тебя особые цели?

— Я буду курить, — покорно ответил Кучак. — Но пусть никто не дотрагивается до меня: я болен многими

страшными болезнями. Их послал на меня аллах за то, что я зарезал сотни людей. Я буду жить среди вас, о почтенные. Вы поможете мне выполнить обет не притрагиваться ни одним пальцем к другому человеку. Нет бога, кроме бога, и Мухаммед — пророк его!

В тот же вечер, чтобы не вызвать подозрений, Кучак пошел в опиекурильню, помещавшуюся рядом с чайханой. Войдя в небольшое помещение, он попал в чадный туман, насыщенный звуками тяжелого дыхания, вздохами и бормотанием. Потом он рассмотрел низкие стены, затянутые паутиной, и грязные циновки у стен, на которых лежали люди. Янь Сянь потянул его за рукав и сказал:

— Ложись!

Кучак послушно опустился на грязную циновку и положил голову на деревянный чурбан. Янь Сянь отломил кусочек от длинной плитки, надел его на шпильку и стал разогревать над огоньком светильника. Когда опиум размягчился, он скатал его в крохотный шарик и опять начал нагревать над огоньком. Когда поверхность шарика задымила, он взял длинную трубку с медной чашечкой, положил опиум на медную сетку чашечки и сказал:

— Выдохни весь воздух, который накопился у тебя в груди, и вдыхай сладостный опий.

Кучак облокотился на локоть, выдохнул воздух и взял в рот мундштук. Янь Сянь поднес медную чашечку трубки к огню, и шарик закипел. Кучак сделал полный вздох, выпучил глаза и закашлялся.

— Научишься, — насмешливо сказал Янь Сянь.

Трубка была пуста. Кучака слегка одурманило. Он почувствовал облегчение, боль притупилась, а вскоре и совсем исчезла. Грустное настроение исчезло. Еще четыре трубки выкурил Кучак. Он ощутил странную легкость тела, будто стал бестелесным. Звук голосов долетал откуда-то издалека. Жизнь казалась ему сном, а теперешнее полубредовое радужное состояние — реальностью.

Пробуждение было ужасным. Кучак не мог подняться от боли и решил, что его отравили и он умирает. На его зов подошел Янь Сянь и, узнав, в чем дело, сказал:

— Это от непривычки. Надо дать тебе анаши?[1] — И подал Кучаку трубку, набитую зеленоватым порошком.

Кучак закурил трубку и сначала ничего, кроме тошноты, не чувствовал. Потом ему показалось, что стены кибитки раздвинулись. Он посмотрел на ноги, и они стали длинными, как верста. На душе у него тоже стало легко и весело. Опьянев от анаши, он громко смеялся.

Поздно ночью Янь Сянь шел из чайханы домой. Ночь была темная, и он зажег фонарь. Проходя мимо опиекурильни, он услышал дикий, визгливый хохот. Янь Сянь подошел поближе и осветил фонарем лицо хохотавшего. Это был Кучак. Выпучив глаза, он смотрел себе под ноги. Пальцем ноги, вылезшим из ичига, он упирался в небольшой камешек, и ему казалось, что перед ним огромная скала. Кучаку было очень весело, хотя он не мог переступить через эту выросшую в его воображении преграду.

Янь Сянь самодовольно улыбнулся: чем скорее Кучак приучится к опиуму, тем лучше.

Визгливый смех Кучака преследовал Янь Сяня до самых дверей его кибитки.

Никогда так плохо не чувствовал себя Кучак, как на следующий день после курения анаши. Голова болела. Все тело ныло. Но больше всего его беспокоили незажившие раны. Кучаку не хотелось ни есть, ни пить. Он чувствовал отвращение ко всему и долго лежал в оцепенении, не в силах заставить себя пошевелиться.

Перед вечером дверь скрипнула, приоткрылась, и в образовавшуюся щель Кучак увидел хитрую мордочку Янь Сяня. Хозяин осведомился о здоровье Кучака и обещал прислать трубку анаши.

— Нет, нет! — простонал Кучак. — Я ничего не хочу!

Цепкий взгляд Янь Сяня напугал Кучака. Как только Янь Сянь ушел, страх поднял Кучака на ноги, заставил запереть дверь на засов и проверить свои сокровища, зашитые в поясе, укрепленном на животе. Долго мучился Кучак, придумывая, как бы получше запрятать свое богатство, и ничего путного придумать не смог.

---

[1] Анаша — гашиш, наркотик из семян конопли.

Он вспоминал вчерашний день. Почему у него не украли золото, пока он спал? Может быть, потому, что он напугал всех, объявив себя страшным преступником и заразным? Если это помогло тогда, то поможет и теперь и в будущем. Надо только стараться никуда не отлучаться из дома, разве только в чайхану, да и то пореже. Еду можно варить у себя на огне и, уж конечно, не курить опий и анашу.

Вечером в дверь раздался стук и напугал Кучака до полусмерти. Кучак долго расспрашивал из-за запертой двери, кто пришел. Это оказался его сосед, батрак Янь Сяня, живший во второй половине этого дома, в небольшой комнате, вместе с женой и пятью детьми. Он пришел, по поручению Янь Сяня, узнать, не требуется ли чего.

Кучак потребовал дров, воды и чаю, побольше чаю.

Батрак принес все это, включая медный высокий кумган для кипячения воды, фарфоровый чайник и пиалы и даже хотел затопить очаг, но Кучак не впустил его в комнату.

Так с тех пор и повелось: батрак Янь Сяня приносил дрова и воду и ставил к двери, снаружи.

На третий день Кучак пошел к Янь Сяню и принес домой полбарана, муку, рис, бараний жир, плиточного и рассыпного чая различных сортов, казан для варки пищи, большую фарфоровую ложку и многое другое. Больше всего его поразили спички.

В чайхане он увидел, как палочкой с темной головкой чиркают по темной стенке коробки — и вспыхивает огонь. Спички Кучак купил ради интереса.

И тут он устроил себе пир. Кучак варил все сам, ел в одиночестве, испуганно поглядывая то на дверь, то на окно, то на дыру в потолке над очагом. И странно: Кучак, больше всего любивший поесть, не испытывал былой радости от насыщения. Ему мешал страх. Он боялся, как бы у него не отняли пищу и не помешали ему съесть все. Поэтому он ел недоваренное, спешил, обжигался и, только насытившись, облегченно вздохнул, но вздохнуть глубоко не мог, так как ему мешала боль незаживавших ран.

Обрекая себя на самозаточение, Кучак надеялся обрести спокойствие. Дни проходили за днями. Снег все

так же посыпал землю, но спокойствие не приходило. В шорохе мышей Кучак слышал шаги грабителей, в завывании вьюги — голоса своих предполагаемых убийц. Он целыми ночами лежал без сна, сжимая в правой руке почти полуметровый нож, купленный у Янь Сяня, и жадно прислушивался к звукам.

Перед утром Кучак забывался в тяжелом сне. Просыпался он поздно. Подолгу, не мигая, смотрел в очаг, где вместо веселого огня был холодный пепел, и силился понять значение своих кошмарных снов.

Беспокоили его и раны. Они уже поджили и покрылись струпьями. Днем, когда Кучак вставал и начинал двигаться, они трескались, причиняя сильную боль. Потом Кучак готовил еду, жадно ел и, насытившись, делался вялым и сонным. Каждый день он точил свой полуметровый нож, который стал острым, как бритва. Кучак завел музыкальный инструмент — дутар — и пробовал развеселить себя песнями. Это плохо удавалось: не было подходящего настроения, не было слушателей, и песни получались печальные.

Кучак верил, что с золотом, переменив место жительства, чтобы быть подальше от Джуры, он обретет сытую, а значит, счастливую жизнь. Но странное дело, на голод Кучак пожаловаться не мог — он наедался до отвала и все же чувствовал себя несчастным.

Почему? Причиной этого был страх, отравлявший Кучаку существование. Страх не оставлял его ни на минуту. Он стал постоянным спутником Кучака. По ночам — а ночи были длинные — Кучак зажигал светильник и лежал в оцепенении много часов подряд, ужасаясь своему одиночеству. Он даже стал подумывать о женитьбе, но здесь жили только родственники прокаженных, и к тому же, по-видимому, послушные повелениям Янь Сяня.

Янь Сянь следил за Кучаком и пытался выведать, кто он, откуда и как его зовут. Сначала Кучак назвался Саидом, потом Джурой и наконец сказал, что он Кучак. На все остальные вопросы Кучак отчаянно врал и часто завирался. Янь Сянь, успевший за четыре месяца зимы выманить у Кучака под анашу и продукты больше фунта золота, по-прежнему подозревал в Кучаке переодетого богача. Янь Сянь намеревался приучить Кучака

к анаше, чтобы легче было выпытать всю правду о его богатстве. Давно бы уже Кучака ограбили и прирезали, если бы не особое покровительство Янь Сяня. Батрак Янь Сяня по ночам охранял Кучака. Это знали все, кроме Кучака.

VII

Иногда Кучак, будучи не в силах выдержать одиночества, бродил по улицам. Он видел изможденных мужчин, худых женщин, грязных, одетых в лохмотья детей.

Теперь он уже знал, что все вокруг принадлежало Янь Сяню: лавка, чайхана, опиекурильня и место, где под залог вещей давали деньги. Янь Сянь был хозяином мельницы, и его люди тщательно охраняли не только новую мельницу, но и большое заброшенное помещение старой, стоявшей возле зарослей.

Рапы не заживали, и Кучак решил пойти к знахарю. Знахарь жил на краю обрыва, над рекой.

По стенам большой кибитки знахаря висели амулеты [1]: ишек-таш — «ослиный камень», головы и кости филинов, бубны, дудки и скрипки. У стен стояли какие-то тюки, шкатулки, лежали скатанные кошмы. Вокруг костра сидело несколько стариков. Кучак сердито сопел и, нахмурившись, смотрел на них. Ему не понравилось, что знахарь не один.

Знахарь, высокий, тощий, с носом, как у филина, посмотрел на Кучака и сказал:

— Я вижу, ты болен. Я выгоню из тебя хозяев твоей болезни, но ты мне дашь кусок золота.

Сначала Кучак клялся, что он беден, но потом дал ему золотое кольцо. Кучака посадили на пол, спиной к канату, протянутому с потолка до полу. Два старика, взяв со стены бубны, начали бить в них, в такт напевая. Знахарь сначала плясал вокруг Кучака, а потом вынул легкие из тут же зарезанного петуха. Кучак следил с недоверием за его действиями. Пока один из стариков прижимал петушиные легкие к спине Кучака, знахарь

[1] Амулеты — предметы, носимые суеверными людьми на теле как средство, якобы предохраняющее от болезней, ран, вражеского «чародейства» и т. п.

стегал больного прутом по спине, восклицая: «Кач! Кач!»

— О святой ходжа, — кричал знахарь, входя в роль, — выгони ийе! Он боится тебя, о ходжа! Выгони ийе!

Старики подложили в костер дров; знахарь, подержав на огне дудку, приложил ее к уху Кучака. Кучак отдернул голову: трубка была раскалена.

— Ага! — крикнул знахарь. — Ийе боится! Давай ухо, давай!

Кучака повели к заброшенной, но почему-то охранявшейся мельнице, посадили на землю и накрыли халатом. Кучаку было очень больно, он стонал. Знахарь бегал вокруг, ударял его по спине петухом и громко кричал. После этого он смазал раны больного гусиным жиром, и старики повели Кучака обратно в кибитку — праздновать выздоровление больного.

Вновь сидя у костра, Кучак не чувствовал облегчения. Раны ныли. Кучак смотрел в дымоход на Пастушью звезду, вспоминал аксакала, Зейнеб, Джуру. Старики пили чай, ели вареное мясо, макая его в рассол и запивая просяной водкой. Знахарь взял камышовую дудочку и запел веселую песню о Янь Сяне. Казалось, все забыли о Кучаке.

«Плуты и пройдохи! — решил Кучак про себя. — Знакомы мне все эти штуки! Только аксакал делал это хитрее. А толк был тот же. Надо уносить ноги, пока все золото не выманили...»

Кучак поспешно выбежал из кибитки.

— Куда он? — спросил подвыпивший знахарь. — Эх вы, сивые ослы, не могли стащить у дурака золото!

Раны так сильно болели, что Кучак пошел в опиекурильню, накурился опиума и впал в полузабытье. Посещал он опиекурильню и в последующие дни. Кучак както пожаловался батраку на боль ран. Батрак принес настойку из тополевых наростов для смачивания ран. Лекарство помогло. Раны стали быстро заживать.

У опиекурильни Янь Сяня часами простаивали худые, оборванные опиекурильщики. У них не было ни денег, чтобы купить опиума, ни сил, чтобы отработать его стоимость на полях Янь Сяня. Они стояли как тени, вымаливая у входящих в опиекурильню глоток дыма.

Однажды Кучаку пришла в голову мысль, что никто больше этих бедняков не нуждается в золоте. Может, дать немного золота несчастным? Неужели настанет такой час, когда и он будет таким: опустившимся, оборванным, с потухшим взглядом и протянутой рукой? Может быть, пора прекратить посещения опиекурильни?

— Пойдем! Все пойдем! — крикнул Кучак толпе нищих.

Они сразу не поняли, а поняв, не поверили.

— Пойдемте, я угощу вас, — повторил Кучак.

Все заволновались. Старик, стоявший поблизости, до которого дошел смысл сказанного Кучаком, тихо сказал:

— Ты бы лучше покормил их, а так обогатишь только Янь Сяня. Или ты его зазывала? Опиум убивает душу народа и делает людей безвольными рабами.

Кучак растерялся.

— Не надо еды, одну только трубку! Хоть час забвения от проклятой жизни! Глоток дыма! — кричали несчастные, втащив Кучака в опиекурильню.

В этот вечер Кучак накурился анаши. Он вышел на улицу поздно ночью. На небе, как ему показалось, сверкало четыре луны. Он погрозил им пальцем и побрел к реке.

Весна приближалась, но было морозно. Река очистилась ото льда. Снег осел, потемнел, и наст не держал.

А Кучак шел все дальше и дальше в горы и наконец увидел джиннов, которые сидели вокруг камня и играли на дутарах. А Кучак был хитрый, и он не пошел к ним. Он вдруг увидел, что рядом с ним стоит, притопывая, сорель[1].

— Это ты? — удивился Кучак.

Но сорель, не ответив ни слова, начал танцевать.

— Эге-ге, — сказал Кучак, — тебе легко танцевать, когда грудь у тебя такая крошечная, как голова, а все остальное — ноги!

Но сорель, протянув руки, схватил Кучака под мышки и стал щекотать. Кучак хохотал до боли в челюстях и тоже танцевал, высоко подбрасывая ноги. Дыхание у него прервалось, тело деревенело, и чудилось ему, точно он вступил в те пределы, где совершают свой путь луна

[1] Сорель — леший.

и солнце. Еле вырвавшись, он побежал вперед. Сердце у него стучало и губы дрожали.

Кучак мгновенно придумал улен [1].

Прошлое ль я возвращу,
Будет ли польза от гнева?
В будущее ль я загляну —
Угрозы и брань не оружие —

прошептал он и удивился.

— Кто это сказал? — спросил он громко. — Что это за восхитительный улен?

И Кучак оглядывался во все стороны, желая увидеть, кто же это сказал. Но он сейчас же забыл об улене, увидев в тумане страшного джинна. Что Кучаку почудилось дальше, он не помнил, но это было что-то ужасное. Он бежал, спотыкался, падал, снова бежал, пока не упал без сил.

Утром он проснулся в незнакомом помещении. Большое и полутемное, оно внушало Кучаку страх. Он сел, пощупал вокруг себя и понял, что сидит на мешках. Мешки были навалены везде: вокруг стен, посередине комнаты. Вдруг сзади Кучак услышал шорох. Он вскочил, готовый увидеть все самое худшее. Это был кот, юркнувший в угол.

Кучак подошел к большим, массивным дверям и нажал плечом — они не шелохнулись. В потолке белело небольшое отверстие. Его прикрывала частая деревянная решетка, проломанная посередине. При виде ее Кучак сообразил, что именно этим путем он попал сюда. Позже он ощутил боль в левой ноге.

Высоко на стене, возле дверей, было еще отверстие, заделанное железной решеткой. Оно было высоко, и, чтобы добраться до него, надо было что-нибудь подставить. Кучак решил использовать для этой цели мешки. Сопя от напряжения, он перетащил три мешка и с трудом положил один на другой. Кучак с завистью увидел, что в мешках было зерно.

«Вот бы нам в Мин-Архар!» — подумал он, на миг забыв тяжесть своего положения. До окошка было все еще далеко. Кучак взялся за четвертый мешок — под ним

[1] У л е н — импровизация.

оказались деревянные продолговатые ящики. Он взялся за ящик, чтобы тоже подтащить его к окну. Ящик был тяжелый и не сдвинулся с места. Кучак нерешительно подергал его сверху. Открылась крышка. В ящике, как дрова, тесно лежали новенькие винтовки, жирно смазанные маслом. Кучак заметил, что таких длинных ящиков в помещении было много. При виде винтовок Кучак подумал о Джуре и представил себе, как бы тот обрадовался такой находке, такому богатству. Какой-то шорох вернул его к действительности.

Где же он находится? Как он попал сюда? Что все это значит?

Кучак влез на уложенные мешки, поднял руки, схватился за решетку окна и подтянулся. Он увидел знакомые места: реку, переправу, кусты. Кучак отпустил руки и спрыгнул на пол. Сомнений быть не могло. Он понял, что ночью, сам того не сознавая, он забрался в старую мельницу Янь Сяня. Его охватил ужасный страх. Он хорошо помнил, как одному вору, пойманному на новой мельнице, обрубили руки по локоть, а другого катали в бочке, утыканной гвоздями.

Кучак с надеждой посмотрел на потолок.

Надо было поскорее уйти отсюда, но как? Отверстие сбоку было слишком мало. Он решил освободить от винтовок ящики и, поставив их один на другой, выбраться в верхнее отверстие.

Кучак принялся за дело. Под длинными ящиками оказались другие, поменьше. Из них он вынул круглые железные штуки, каждая величиной с кулак. Кое-как вскарабкавшись на подставленные один на другой ящики, Кучак дотянулся до потолка. Он сорвал остатки деревянной решетки и высунул голову наружу. На крышу можно было вылезть легко, но при дневном свете его могли заметить сторожа. Надо было ждать вечера.

Кучак, спустившись на пол, сел отдохнуть.

Вдруг загремел замок. Кучак быстро юркнул в угол и спрятался за мешками. Он услышал яростные крики Янь Сяня и чьи-то голоса. Подкравшийся пес укусил его за ногу. Кучак вскочил, громко крича от боли. Он увидел большую группу незнакомых людей. Среди них был Янь Сянь.

Кучака увидели, и чей-то сердитый голос приказал ему поднять руки вверх. Кучак повиновался. Янь Сянь, визжа от ярости, с силой ударил его по лицу. Кучак упал. Кто-то помог ему подняться.

Он увидел перед собой толстого человека, одетого в яркий шелковый халат. На голове его была зеленая чалма. Рядом с ним стоял худощавый голубоглазый незнакомец. Покусывая верхнюю губу, он отрывисто бросал то одно, то другое слово, заставлявшее Янь Сяня приседать и униженно улыбаться. Потом голубоглазый презрительно обратился к толстому, называя его Кипчакбаем.

Янь Сянь спрашивал Кучака, как он сюда влез и кто его послал, но Кучак только моргал глазами, представляясь еще более перепуганным, чем был на самом деле.

— «Люби свою веру, но не осуждай другие», — сказал Кипчакбай, испытующе глядя на Кучака.

— Ты исмаилит? — спросил Кучака голубоглазый.

— Нет, нет! — закричал Кучак, не понимая, о чем его спрашивают.

— Значит, ты коммунист, агент, — уверенно сказал голубоглазый.

— Нет, это не так, я знаю, — услышал Кучак голос, который он где-то слышал раньше.

— Нет, нет! — отчаянно закричал Кучак и вдруг узнал говорившего. — Тагай! — радостно воскликнул он и бросился к нему, но получил страшный удар нагайкой по голове и опрокинулся навзничь.

— Он не коммунист, но с Советского Памира, — продолжал Тагай. — Я знаю это ядовитое племя.

— Ты шпион, — сказал голубоглазый лежавшему Кучаку. — Признавайся, кто послал тебя выкрасть оружие, иначе мы заставим тебя силой сказать все, что ты знаешь.

Люди, стоявшие в дверях, расступились, давая дорогу входящему пожилому человеку.

— Имам Балбак, — сказал голубоглазый, почтительно наклонив голову, — пойман большевистский агент, явный шпион. Смотрите, он сложил оружие и гранаты, очевидно желая уничтожить их взрывом. Он опознан Тагаем. Это старый, опытный диверсант, киргиз с Советского Памира.

— Он видел этот тайник и должен умереть... Но! — Имам Балбак поднял палец и обвел взглядом собравшихся. Кучак заметил, что правый его глаз оставался неподвижным. — Но прежде он должен сказать все. И о себе, и о тех, кто его послал.

— Я вырву у него всю правду, — сказал Кипчакбай, — иначе я не буду казий — военный судья ваших джигитов.

— У меня нет джигитов, запомните! Это у Тагая есть джигиты. Я помогаю правоверным найти путь истины. Я имам, и другое меня не касается. — Обратившись к голубоглазому, имам тихо сказал: — У этого молодчика все узнать! Обследуйте другие склады. Проверьте охрану и этим складом больше не пользуйтесь.

Голубоглазый склонил голову.

— Говори! — крикнул Кипчакбай, наступая ногой на грудь Кучака.

— Только не здесь, — сказал имам Балбак. — Увезите его к себе и допросите... Может быть, он нам еще пригодится.

Кипчакбай зажал Кучаку рот тряпкой. Янь Сянь дрожащими руками набивал трубку анашой, просыпая порошок на пол. Он силой всунул мундштук Кучаку в рот. Кучак попробовал вытолкнуть мундштук языком, но это не удалось; он засопел, но чьи-то пальцы больно сжали ему нос, и, чтобы не задохнуться, он принялся курить.

И снова он увидел веселые, танцующие горы и хороводы солнц. Много удивительного видел Кучак, и каждый раз, когда он чувствовал боль и хотел пить, мундштук насильно лез ему в рот.

Янь Сянь облегченно вздохнул и без помощи других вытащил его наружу. Кучака посадили на верблюда и привязали веревками, чтобы он не упал. Кипчакбай ехал впереди на лошади, ведя верблюда за повод, продетый через нос.

VIII

Кучак очнулся от боли в тесном, темном помещении. Он увидел склонившееся над ним лицо Кипчакбая, потное и красное.

— Золото! — как бы издалека услышал Кучак его голос. — Откуда золото? Говори! — И он тряс его за плечо.

Кучак испугался и хотел схватиться рукой за пояс, но он не мог даже пошевельнуть руками, связанными за спиной. Только сейчас Кучак почувствовал холод и понял, что ничего на нем нет, в том числе и привычной тяжести тайного пояса, где было зашито золото.

Кучак громко застонал от горя и прикинулся потерявшим сознание.

«Все пропало! Погиб!..» — мертвея от ужаса, подумал Кучак.

Люди, подобные Кипчакбаю, были в тысячу раз страшнее всяких сорелей. Да и есть ли сорели и джинны на самом деле? Может быть, это только видения в тумане? А может быть, и этот толстопузый — видение?

Но тут «видение» выпрямилось, размахнулось и ударило Кучака камчой. Кучак издал отчаянный вопль и рванулся. Ремни держали крепко.

Кипчакбай сел на корточки и сказал:

— Тебя ждет смерть. Ты можешь откупиться, если расскажешь, откуда у тебя такое чистое красное золото.

— Уважаемый, — с трудом заговорил Кучак, — я нашел клад. Сохрани мою жизнь, а я... я... я... проведу тебя. Там много, много золота!

— Казий, — послышался голос из темноты, — к вам пришел Саид. Он клянется, что знает вашего пленника, приехавшего в Кашгарию из кишлака Мин-Архар.

Кипчакбай в бешенстве ударил Кучака по лицу и закричал:

— Ты шпионил против исмаилитов! Говори, где нашел золото? Убью! Позвать сюда Саида!

И он снова ткнул Кучака кулаком в лицо.

— Пить, пить... — прошептал Кучак, закатывая глаза.

Вскоре в кибитку вошел Саид.

Он присел возле Кучака и укоризненно сказал:

— Мне, своему другу, кто спас тебя от рук баев, ты не сказал ни слова о золоте! А теперь сам Кипчакбай узнал об этом. А ведь он блюститель мусульманских нравов, военный судья басмачей Тагая, мулла и, кроме

того, ходжа. Много еще у него всяких чинов и титулов, но тебе от этого только хуже. А Тагай! Он не просто курбаши одного отряда басмачей. Ему подчиняются другие курбаши, и, когда Памир и Туркестан займут англичане, он будет очень большой человек. Он знает горы Памира как свои пять пальцев, и он уж не упустит твое золото. Где ты взял его?

В голосе Саида звучало дружеское участие, но он еле сдерживал себя, чтобы не излить злобу на Кучака. Он не мог простить себе, что упустил такого «жирного гуся» и золото, находившееся так близко от него, досталось не ему.

Кучак послушно ответил:

— Мы взяли его в ледяной щели на Биллянд-Киике. — И, подумав, добавил: — Там еще много осталось. На тысячу тысяч человек хватит.

Кучак думал только о том, чтобы остаться в живых. Лишившись золота, он вдруг почувствовал странное облегчение.

Саид оглянулся и, наклонившись к самому уху Кучака, прошептал:

— Делай так, как я тебе скажу. Ты в доме у Кипчакбая. Я обещал ему выведать у тебя, где ты нашел золото. Я обману Кипчакбая и спасу тебя, а золото с Биллянд-Кииka мы поделим пополам.

— Хоп, — ответил Кучак. — А что я должен делать?

— Ты скажи Кипчакбаю, что нашел золото в пустыне Такла-Макан, в одном из мертвых городов, засыпанных песком.

— Хоп, — ответил Кучак.

...Через несколько дней Кучак и Саид выехали на восток в сопровождении трех вооруженных басмачей.

Прошло две недели, но Кипчакбай не получил никаких извещений от Саида. Прошло еще две недели, и Кипчакбай, подозревая недоброе, послал на розыски.

Были первые дни весны. Вскоре он получил от одного барышника, торговавшего лошадьми, известие о своих лошадях, проданных в Хотане Саидом. Кипчакбай потребовал, чтобы к нему привели лошадей, и опознал в них тех самых лошадей, на которых он отправил Саида, Кучака и с ними трех басмачей.

По словам барышника, Саида сопровождал только один пожилой длиннорукий киргиз небольшого роста, безусый и безбородый, с удивительно розовыми щеками.

Кипчакбай разослал тайных гонцов с описанием примет Саида и Кучака. За их поимку была обещана большая денежная награда. Кипчакбаю сообщили, что беглецов видели возле Керии.

Имам Балбак запросил Кипчакбая о Кучаке. Страшась гнева имама, Кипчакбай ответил, что Кучак умер от пыток, ничего не сообщив.

В газетах Кучак был объявлен шпионом Козубая.

IX

Впервые за много-много месяцев Кучак засмеялся, садясь на лошадь во дворе Кипчакбая. Пользоваться стременами он не умел, поэтому, по совету Саида, подвел лошадь к куче дров и с нее сел в седло.

Это удалось не сразу. Дрова рассыпáлись, лошадь отходила — Кучак падал, и все хохотали. Засмеялся и Кучак. Засмеялся и удивился. Конечно, он смешно влезает на лошадь, не так, как остальные, но ведь он лишился своего богатства, ему бы надо вопить о постигшей его беде, плакать и печалиться, а он смеется, словно освободился от страшной тяжести.

— Глупый — тот благоденствует и в несчастье, — сказал ему тогда Саид и огрел Кучака плеткой.

Кучак закричал и чуть было не заплакал от огорчения.

— Что же ты дерешься? А еще другом назвался!

— Сокол вороне не товарищ. Чап-кыпа![1] — закричал сердито Саид и наотмашь хлестнул лошадь Кучака.

Та галопом промчалась за ворота, и Кучак еле удержался, схватившись руками за гриву.

Три сопровождавших их басмача весело засмеялись и пустили лошадей вскачь.

— Чап-кыпа! — орали они и по очереди хлестали лошадь Кучака.

Лежа животом на луке седла, обхватив руками шею

[1] Чап кыпа! — Гони быстрее!

лошади, с растопыренными ногами, Кучак был смешон, и басмачи вместе с Саидом веселились вовсю.

Все же Кучак был отнюдь не новичок в верховой езде. На лошадях он не ездил, но на яках ездил много, а ездить с горы, когда як быстро прыгает и даже скользит копытами, было нелегко. Поэтому Кучак быстро освоился и уже не боялся упасть.

В тот момент, когда Кучак с криком «Чап-кыпа!» хлестнул своей плеткой коня Саида и коня ближайшего басмача, это развлечение потеряло интерес и для Саида и для басмачей.

Многое впервые видел Кучак и многому удивлялся. Больше всего его поразили катящиеся огромные колеса. Они были выше лошади, которая везла арбу. Кучак имел неосторожность высказать свое удивление. Саид из этого тоже сделал шутку, и все они тыкали деревянными ручками плеток в ребра Кучака, чтобы обратить его внимание на дома, на заборы, на арбы, на ишаков, даже на солнце. Когда же и это надоело им, Саид воспользовался неопытностью Кучака, не знавшего местных обычаев верховой езды, и Кучаку снова досталось.

На этот раз Кучак не остановил своего коня в тот момент, когда конь одного из басмачей остановился по своей нужде. В этом случае все попутчики должны остановить своих лошадей и ждать задержавшегося, а кто не ждет, тот, следовательно, ненадежный спутник, и Кучака снова проучили нагайками — камчами.

Когда же лошадь Кучака споткнулась и он испуганно вскрикнул, над ним опять смеялись. Если лошадь споткнулась, это хороший знак — она наступила на добычу, и надо радоваться, а не пугаться. А когда лошадь зевнет, надо коснуться ее гривы и своего лица. Правил было так много, что Кучак растерялся и ехал съежившись, все время ожидая побоев.

В полдень, доставая еду из курджума, Саид вынул зеленую чалму и надел на голову. Басмачи удивились и спросили, давно ли Саид стал ходжой, давно ли посетил Мекку.

Саид, не отвечая, обратился лицом к востоку, сел на корточки и начал громко молиться. Все последовали его примеру, но Кучак знал только начальные слова

молитвы и поэтому молча кланялся, чем тоже навлек на себя гнев Саида.

Во время еды Саид торжественно рассказывал о посещении им Мекки, о святом камне, святом источнике и еще о сотне других чудес.

— Кашгарцы — плохие мусульмане,—сказал Саид,— из пяти ежедневных молитв прочитывают только одну, да и то не всю.

При этом он презрительно смотрел на басмачей, и те даже смущались.

— Вы хорошенько следите за этим идолопоклонником Кучаком, чтобы он не убежал, — довольно часто напоминал Саид. — Головой отвечаете.

— Я никуда не убегу, — сказал Кучак.

Он хотел подробно объяснить, почему он этого не сделает, но Саид не дал ему и слова сказать.

— Смотрите, сам ничтожный, а голос — как выстрел!

Саид многозначительно помолчал и добавил:

— Кто очутился среди чужих, тот и в друге будет подозревать врага! — и при этом подмигнул Кучаку.

Ночью Саид тихонько разбудил Кучака и, зажав ему рот ладонью, шепнул на ухо, чтобы Кучак не обижался на него, Саида. Если басмачи будут с недоверием относиться к ним обоим, то ничего путного не выйдет и Кучака ждет беда. Поэтому он, Саид, стремится войти в доверие к басмачам за счет Кучака и повернуть дело так, чтобы басмачи считали опасным и стерегли только Кучака. Это приблизит день освобождения.

Была ранняя весна. В равнинах снег растаял. На горах виднелись белые пятна снега среди зеленой травы.

Кучак дивился всему.

Ему, жителю гор, было удивительно видеть такие огромные пространства ровной земли. В песне о Манасе тоже упоминались огромные долины и пустыни, но до этого времени Кучак их не видел.

— Что они делают? — закричал Кучак, увидев, как взрослые и мальчишки собирают в корзины навоз по дороге, и привстал на стременах, чтобы лучше видеть.

Саид заговорщически подмигнул басмачам и рассказал о сборщиках навоза на дорогах, бросающихся к ло-

шади, едва она поднимет хвост. По словам Саида, эти люди из навоза делали золото. Он уговорил Кучака расспросить об этом сборщиков.

Басмачи развлекались неведением Кучака и щеголяли друг перед другом своими фантастическими объяснениями всего, что встречалось им на дороге.

Вначале Кучак принимал все на веру, но ругань простых людей в ответ на вопросы Кучака, подсказанные ему Саидом и басмачами, и смех басмачей быстро образумили его. Кучак впал в другую крайность и старался говорить и делать вопреки советам, даже правильным, своих попутчиков. На остановке ему приказали подвязать уздечки лошадей повыше к дереву, чтобы лошади, пока не отдохнут, не могли достать сено. Кучак решил, что его «разыгрывают», и сделал наоборот. Он дал неостывшим лошадям есть сено, за что и получил плеткой по плечам.

Впрочем, Кучак не остался в долгу и, умея исключительно ловко подражать собачьему лаю, устроил ночью целое представление. Он злобно лаял, подражая голосам нескольких собак, сам же кричал: «Прочь, прочь!» — и бил напавших собак камчой. Даже дремавший сторожевой басмач поверил, а проснувшиеся и подавно. Кучак так правдоподобно тявкнул, ткнув в ногу Саида рукояткой плетки, и так ловко изобразил жалобно завизжавшую собаку, что Саид снял штаны и долго осматривал ногу. Потом Саид рассказывал о черном злобном псе, схватившем его за ногу, но не успевшем прокусить ее до крови. О нападении собак много говорили в пути.

Кучак был достаточно умен — он не рассказал о своей проделке и забавлялся от души.

Ехать было скучно, и басмачи развлекались за счет Кучака. Саид не заступался. Кучак возненавидел басмачей больше, чем баев, которым он тащил груз.

— Давай удерем от басмачей, — шепнул Кучак однажды ночью Саиду.

— Потерпи еще несколько дней. Когда я толкну твою ногу сапогом и мигну три раза, тогда требуй, чтобы мы свернули налево, в пустыню. Скажи, что засыпанный город в двух днях пути и на полдороге в углублении есть лужа воды.

Наконец настал день, когда Саид подал условный знак, и Кучак сказал все, как его учил Саид.

— Чтобы ехать в пустыню, надо верблюдов и запас воды, — сказал старший басмач.

— Я тоже знаю эти пески, — сказал Саид. — В однодневном переходе мы встретим воду, а в двух днях пути действительно находится засыпанный мертвый город. Сегодня мы нищие — завтра мы можем стать богачами. Это там? — спросил Саид и показал на восток.

Кучак утвердительно закивал головой.

— И все же я тебе, Кучак, не верю, — заявил Саид.

— Сомнительно, чтобы так близко, — отозвался старший басмач. — Но все бывает.

На ночь они остановились на краю пустыни, в одной из впадин. Здесь торчали серые низкие стволы и пни мертвого леса. Кучак захотел было набрать дров на костер. Покоробленные ветви и пни были хрупки, как стекло.

Саид, сославшись на усталость, достал из своего курджума бутылку с остатками водки, вылил в пиалу, шумно выпил и закусил сыром курутом. Басмачи, падкие на спиртное, стали ругать Саида за жадность. Они не посчитались с зеленой чалмой Саида, обыскали его курджум, с радостными воплями извлекли полную бутылку просяной водки и тотчас же распили ее. Саид дал закусить сыром. Об этой бутылке водки он сказал, что берег ее, чтобы выпить по приезде на место.

Кучак присел рядом, тая надежду, что и ему перепадет. Этого не случилось. Когда же Кучак попытался допить то, что осталось на дне брошенной бутылки, Саид сильным ударом вышиб бутылку из его рук. Кучак обиделся и ушел разжигать потухший костер, но не успел вскипятить воду, как услышал стоны басмачей. Их мучили рези в желудке и тошнило. Он хотел дать им напиться, но Саид запретил.

Саид стоял с винтовкой в руках и не стрелял.

— Да стреляй же! — прошептал Кучак.

— Не надо. Они и так подохнут! — также шепотом ответил Саид, с шумом втянув воздух сквозь стиснутые зубы.

И басмачи умерли. Водка была отравлена.

Саид заставил Кучака снять с басмачей верхнюю одежду и обувь. Они перевезли трупы к песчаному бархану и засыпали их песком с подветренной стороны, чтобы ветер обрушивал на них песок. Кучак трясся всем телом. Саид торопился. Он заставил Кучака разровнять песок.

— Клянусь пиалами водки, которые я выпивал, — сказал Саид, после того как они зарыли трупы и все следы пребывания басмачей были уничтожены, — труднее бывает убить крысу, чем нам удалось освободиться от этих ушей, глаз и ножей Кипчакбая! «Кара-басын», Кучак! Пусть тебя задавит «Кара», если ты когда-нибудь проговоришься. Лучше сразу откуси свой болтливый язык и выплюнь, потому что, да побьет меня огонь мой, если проболтаешься...

Тут Саид произнес длиннейшее проклятие, какого никогда до этих пор Кучак не слышал. Саид упомянул и об адском огне, и о внутренностях джиннов, и о зубах тигра, и о тысяче других вещей, припомнив проклятия многих народов. Закончил Саид возгласом:

— Ом мане падми-хум!

— Не пон-нимаю! — дрожащим голосом сказал Кучак.

Саид снисходительно объяснил, что это буддийское молитвенное воззвание, обеспечивающее им безнаказанность содеянного.

Кучак, потрясенный случившимся, решил не оставаться в долгу перед богом за свои грехи и воскликнул:

— О Мухаммед! Нет бога, кроме бога, а Мухаммед — пророк его! — Дальше Кучак не знал, но добавил от себя: — На тебя вся надежда.

— Все говорят: Мухаммед да Мухаммед! — насмешливо отозвался Саид. — Видно, был малый не промах. А все же надейся не на бога, а на себя. Сберегающий язык да сбережет голову.

Кучак сразу даже не осознал святотатства Саида, решив, что он ослышался, и переспросил. Саид повторил.

Кучак напомнил о ежедневных пяти молитвах Саида и о преследованиях, которым Саид подвергал Кучака за несоблюдение религиозных правил.

— Сейчас не время болтать, надо переменить место почевки, — сказал Саид и приказал Кучаку вьючить лошадей. Сам же он затоптал и засыпал костер.

Уже перед утром они выехали из пустыни. Кучак удивился тому, как хорошо Саид знает местность. Они остановились в ложбине, где была трава. Лошадей разгрузили, стреножили и пустили пастись.

— Не удивляйся мне, — сказал Саид. — Зеленая чалма и молитвы были мне нужны, чтобы усыпить подозрительность басмачей. Ты хоть и дожил почти до старости, а порой глуп, как дитя. Я обеспечу тебе сытую жизнь, но ты должен повиноваться мне, как меч. Мы живем в такое время, когда непричинение зла со стороны окружающих тебя людей надо считать милостью и благодеянием.

— Ты сто раз прав! — воскликнул Кучак. — Кто, как я, очутится среди чужих, тот и в друге будет подозревать врага. Я не знаю, чем и когда смогу отблагодарить тебя за спасение жизни.

— А сокровища Биллянд-Киика! — воскликнул Саид. — Расскажи мне всё без утайки и подробно. Ведь я трижды спас тебе жизнь.

И Кучак чистосердечно все рассказал.

X

Никогда еще Кучак не был так близок к смерти. Измученный всем пережитым, он хотел встретить смерть как избавительницу, но предчувствие близкой кончины родило столь яростное стремление защищать свою жизнь, что Кучак даже сам удивился этому внезапно пробудившемуся у него желанию. Недаром мудрая народная пословица гласит: «Раненный насмерть бросается на льва».

После того как Саид жадно и подробно расспросил Кучака о щели, где было золото, он пришел к весьма печальному для себя выводу. Он, Саид, просчитался, думая через Кучака быстро обогатиться. Наверняка найденная шкатулка была единственной. И в заблуждении его, Саида, виноват не кто иной, как Кучак. Саид так и сказал об этом Кучаку, и не просто сказал — Саид

избил Кучака. Саид обвинил Кучака во лжи, обмане и коварстве. Именно это адское коварство, по словам Саида, и ввело его в заблуждение, заставило обмануть Кипчакбая и отравить басмачей с целью спасти Кучака. Теперь Кипчакбай будет всеми способами стремиться отомстить, и жизнь Саида будет как у волка, преследуемого стаей бешеных собак. Виноват же в этом Кучак, и нет ему прощения!

Саид мог бы сейчас же убить Кучака и отвезти его труп к Кипчакбаю, обвинив Кучака в отравлении басмачей. Вот чего заслуживает Кучак!

Избитый плетью Кучак лежал спиной на песке, закрыв лицо руками, а Саид сидел на нем верхом и выкрикивал все это, беспрестанно тыкая деревянной ручкой плетки в его окровавленные уши, чтобы Кучак лучше слышал. Саид остервенел от ярости и готов был на все.

Вот тогда-то и пришла Кучаку мысль выхватить нож из ножен Саида и всадить этот нож ему в живот. Кучак, чуть раздвинув пальцы, закрывавшие глаза, высматривал, как удобнее выхватить нож. Кучак сам страшился своего намерения, но оно овладело им с такой страстью, будто кто-то другой удесятерил его решимость, и уже не было такой силы, которая бы помешала ему. Никогда еще незлобивый, веселый и покладистый Кучак не был так озлоблен.

Хорошо рассчитать движение мешал предрассветный сумрак. Саид и в самом деле намеревался свалить отравление на Кучака и тем самым снять с себя подозрение. Но раздумал: Кипчакбай — человек бывалый, и его не проведешь. Что же тогда делать с Кучаком, чтобы тот не выдал? Убить и закопать? Возить с собой, как раба? Это неплохо. И как сделать, чтобы Кучак не стал обузой?

— На что ты способен? — спросил Саид и прекратил избиение Кучака. Все же он не отпустил Кучака и продолжал сидеть на его животе.

Кучак ответил не сразу, и пришлось повторить вопрос. Кучак отнял руки от лица и хрипло сказал:

— Петь! Я манасчи![1]

---

[1] Манасчи — поющий о Манасе.

Саид презрительно усмехнулся:

— Мне ты мог «напеть» о Биллянд-Киике, а здесь этим деньги не заработаешь. Кто любит песни, не имеет чем заплатить, а богатым не до твоих песен. Лучше бы ты знал молитвы буддистов или конфуцианцев и католиков. За то, что я принял католичество и имя Артур, мне дали сто американских долларов... Ну, говори скорее, или умрешь!

Потея от страха, Кучак торопливо перечислял все, что он умеет делать, и поглядывал на нож, подвешенный к матерчатому поясу Саида.

— Да умеешь ли ты в самом деле промывать золото? — заинтересовался Саид.

Из слов Кучака явствовало, что чуть ли не весь золотой песок для обмена в кишлаке Мин-Архар намывал он, Кучак.

Саид хоть и хвастался, что нет такого дела, какое ему не удавалось бы, все же не имел успеха на промывке золота в Соургаке и Чижгане, хоть и пробовал много лет назад. Рассказов же об удачниках в этом деле он слышал немало.

И это решило судьбу Кучака. Саид громогласно объявил, что дарует Кучаку жизнь. Отныне единственной заботой Кучака должно быть исполнение желаний Саида, и пусть Кучак страшится ослушаться.

Саид встал с Кучака, хлестнул его напоследок для острастки и приказал привести лошадей.

Кучак услужливо бросился исполнять приказание. Он так спешил, так заискивающе смотрел в глаза Саиду, что тот смягчился. Больше того: Саиду почти всю жизнь приходилось прислуживать другим, и ему сразу понравилось иметь своего слугу и раба.

Продолжая путь, Саид поучал Кучака мудрости жизни и сам удивлялся своему опыту и сноровке.

— Мы заедем в Хотан, — сказал Саид, — к моему дружку. Продадим ему все пять лошадей и купим двух других. А потом поедем на юг, в Керию. Туда пять дней пути. А от Керии на северо-восток, до Соургака и Чижгана, еще четыре-пять дней пути. Там мы переждем некоторое время у моего знакомого, пусть Кипчакбай потеряет наши следы.

Саид рассказывал Кучаку об обычаях и верованиях различных народов, населявших Кашгарию. Он назвал уйгуров, дунган, казахов, узбеков, киргизов, китайцев, калмыков, долонов, бурутов, солонов и даже лулу, то есть цыган.

Саид говорил, перемежая свою узбекскую речь китайскими словами, калмыцкими, английскими, и Кучак не всегда понимал его.

Они ехали часа три по ровной местности, избегая многолюдных дорог, и приехали к оврагу с родником и зеленой травой. Здесь Саид решил дождаться наступления темноты, чтобы ехать ночью в Хотан.

Кучак со стоном сел на траву, и Саид засмеялся.

— Это что! — сказал Саид. — Однажды меня связали, навалили сверху колючий кустарник — джаргенек — и прогнали через меня пятьсот баранов. Меня спас знахарь. Я несколько лет после этого вынимал колючки из тела.

Он тут же рассказал Кучаку о знахарях и колдунах, об оборотнях-лисах, о мертвецах, принявших человеческий облик.

Саид лег спать, проспал чуть ли не до вечера, а проснувшись, спросил, почему Кучак не спит. Тот сознался, что ему, напуганному страшными рассказами Саида, было не до сна. Саид удивился, посмеялся, но сделал из этого далеко идущие выводы.

Саид продал лошадей в Хотане. Он мог бы продать их своему знакомому, перекупщику, но тот понимал, что лошади краденые, и давал половину цены. Саид знал настоящую стоимость этих лошадей и хотел заработать побольше. В борьбе между осторожностью и жадностью победила последняя. Был базарный день, и Саид продал лошадей на базаре. Причем трех он продал с уздечками, чего не сделал бы ни один настоящий хозяин. Затем Саид купил двух лошадей, и они отправились в путь.

Вечером болтливый Саид рассказал Кучаку страшную историю о проделках крыс, о том, как крысиный царь спас город Хотан от вражеской рати. Саид лег спать. Как и предполагал Саид, перепуганный Кучак почти всю ночь не спал. С тех пор Саид обычно давал Кучаку с вечера немного поспать, а потом будил,

заставлял греть чай и попутно рассказывал страшные истории, чтобы напугать Кучака. Саид был в восторге от своей выдумки. Теперь он мог спать спокойно, не боясь, что у них украдут лошадей. Кучак всю ночь не смыкал глаз.

Все было бы хорошо, если бы в одном из кишлаков на пути не было праздника. Здесь впервые Кучак увидел бои боевых баранов, боевых петухов и боевых перепелов и бои огромных мохнатых пауков — фаланг. Зрители заключали пари, выигрывали и проигрывали деньги.

У Саида было много денег, и он умел разбираться в боевых качествах животных. Крикливый, горячий и грубый, он вмешивался в игру, командовал, спорил и влиял на решение и выигрывал немало. Но Саиду не повезло при игре в кости. К утру он проиграл китайцу все деньги и одну лошадь. Кучак ничего этого не знал и наблюдал, как толпа развлекалась. Нищие бросали китайские шутихи, те взрывались, и это очень нравилось Кучаку. Потом Кучак наелся и пошел спать.

Под утро Саид разбудил Кучака и решил силой вернуть проигрыш. Он обвинил китайца в мошенничестве, но у китайца была своя большая компания, защищавшая его, и из этого ничего не вышло. Саида, а заодно и Кучака прогнали.

Они поехали дальше. И снова Саид стращал Кучака рассказами, и тот не спал по ночам. И все же настала ночь, когда Кучак заснул неподалеку от кладбища, а проснувшись, удивился, что еще жив. Может быть, злые духи Саида и не так уж страшны? И чем больше Кучак об этом думал, чем больше вспоминал свою жизнь и последние события, тем больше убеждался, что не духи мучили его, а живые люди. Пусть он, Кучак, порой и несведущ, но зачем же над ним и теперь насмехаться, после всех слов, сказанных Саидом о дружбе? Кучак рассердился на Саида и затаил в душе обиду.

Саид с удивлением заметил, что даже после самых страшных рассказов Кучак засыпает спокойно. Кучак снова стал разговорчивым и рассказывал много случаев из своей жизни. С этих пор Саиду уже не спалось так крепко. Он проклинал свою жадность, толкнувшую его на базар с лошадьми. Человек хитрый, он понимал,

что совершил непростительную ошибку и дал нить в руки Кипчакбаю.

У Саида не стало денег. Чтобы прокормиться, они продали одежду басмачей и часть своей.

— И все из-за тебя страдаю! Вот до чего ты меня довел! Во всем ты виноват!

Эти и подобные им слова весь день сыпались на Кучака. Он тяжело вздыхал и молчал.

— Только бы доехать до Чижгана! — говорил Саид.

Саид умело пользовался своим знанием местных обычаев. Однажды он подучил Кучака, и они не только поели в доме, где умер зажиточный человек, но прежде всех нищих получили по куску мыла и одежду из плотной синей материи на каждого.

Саид переоделся сам и заставил Кучака сделать то же. Теперь они были одеты в синие пиджаки и штаны из плотной синей парусины, на голове у них были тюбетейки, а на ногах ичиги.

Когда же есть было нечего, Саид украл кусок сыра курута и научил Кучака дополнять его диким ревенем и сельдереем, которые Саид рвал по дороге в известных ему местах. Ели они и молодые побеги тростника. Кучак показал свое мастерство и ловил голубей в силки. Саид то держался настороженно, то наглел, и Кучак никак не мог его понять и приспособиться к нему. Поучая Кучака, Саид чувствовал свое превосходство, а Кучак узнал много интересного о съедобных травах и корнях и, например, о том, что отвар горького перца согревает зимой.

Саид любил спорить, и вовсе не потому, что стремился доказать истину или убедить других в правильности своей точки зрения. Саид переводил спор в ругань, ругань в ссору, ссору в драку, а драка давала некоторое успокоение его строптивой натуре. Если собеседник говорил одно, Саид доказывал противоположное. Кучак, познавший эту особенность Саида, который искал разрядки накопившейся в нем ярости в ссоре и драке, стремился во всем соглашаться с Саидом.

Но это не всегда удавалось. Так, в разговоре о причинах несчастья Кучака в кишлаке прокаженных Саид объяснял его беды тем, что он не знал местных людей и обычаев. Кучак соглашался с этим. Это не

понравилось Санду, и он начал объяснять все беды Кучака происками злых духов.

Кучак и с этим охотно согласился.

— Ты синий осел! — кричал Саид. — При чем здесь духи? Ты накурился анаши, разум твой помутился, и капля тебе казалась озером, а верблюд — неземной красавицей. Да побьет меня огонь мой, если проделки с анашей не дело рук Янь Сяня! Я знаю этого короля лис. С помощью опия и анаши он хотел тебя сделать своим вечным рабом. А уж золото, не попадись ты Кипчакбаю, он бы прикарманил. Он, наверно, подозревал в тебе скрытого богача и запугивал духами. А я их не боюсь. Мне приходилось прятаться в склепах, превращать людей в трупы, и если я боюсь кого, так только людей. Я не верю ни одному человеку на свете. Дружба — это только красивые слова для людей, которые не верят в свои силы. Я тебе друг, пока ты мой раб, а если ты не захочешь быть моим рабом, я тебя прирежу, как барана. Приказываю: спорь со мной, иначе буду бить!

И Кучак вынужден был спорить, а значит, быстро думать и очень много говорить, чтобы доказать свою правоту. Они спорили обо всем: и что такое счастливая жизнь, и какими путями должен стремиться к ней человек, и как вкуснее приготовить баранину, и о том, как влияют драгоценные камни на характер человека, спорили о злых и добрых духах и о многом другом.

Кучак спорил и сам себе удивлялся. Он видел, как сбивают масло: молока много, его бьют, бьют, а масла все нет, и вдруг появляются кусочки масла; еще несколько ударов — и сразу появляется много масла. Так и в споре. Из множества слов рождается немного правильных слов. В кишлаке аксакал разрешал ему только петь и не считал умным. А если все сказанные Кучаком правильные слова высечь на камнях, сложить в курджумы, то для перевозки не хватило бы и тысячи верблюдов.

XI

Сорок восемь лет, как один год, прожил Кучак в горах Памира. Ему приходилось терпеть голод и стужу, гнев аксакала и насмешки женщин, но всегда он жил

надеждой на лучшие времена и не ошибался. Во время голода Джуре все же удавалось добывать мясо. Аксакал сменял гнев на милость. Пение Кучака заставляло насмешливых женщин громко восхищаться. А от стужи Кучака спасало тепло очага, надо было только принести побольше каменного топлива.

И только здесь, в чужой стороне, Кучак понял, как трудно простому человеку прокормиться, приобрести одежду, кров и получить место у теплого очага.

После того как Саид подарил Кучаку жизнь и повернул на юг, через Яркенд и Хотан, в Керию и Чижган, чтобы уехать подальше от ищеек Кипчакбая, Кучаку временами казалось, что жизнь, может быть, и не так ужасна. По-прежнему Кучак дивился всему — и дорогам и обычаям народа. Особенный же его восторг и трепет вызвал встреченный им караван.

Караван насчитывал до трех тысяч верблюдов. Казалось, будто из-за горизонта выползает огромная змея и нет ей конца. Пыль, подымаемая тысячами ног, стлалась над караваном. Тысячи больших и малых колокольцев звенели, гудели и дребезжали.

Множество разноцветных султанов — осмолдуков — украшало головы верблюдов. Желто-фиолетовые, зелено-сине-красные, они поражали яркостью красок.

В размеренном, организованном движении каравана чувствовалась строгая дисциплина. Это ничуть не было похоже на караваны вьючных лошадей или ослов, двигавшихся нестройной гурьбой.

Верблюды двигались один за другим. Впереди ехал на осле погонщик и держал в руке повод первого верблюда. Повод второго был привязан к задней части грузового седла на первом. За восемью верблюдами снова ехал на осле погонщик и вел следующую восьмерку.

Каждый верблюд бросал на Кучака, сидевшего на лошади, такой высокомерный и презрительный взгляд свысока, что душа Кучака, как говорится, уходила в пятки и пребывала там в трепете до тех пор, пока звон колокольчиков не затихал вдали. Но еще долго висела в воздухе пыль, пропитанная запахом верблюдов.

И без того блестящие глаза Саида при виде груженого каравана заблестели еще сильнее, и он то и дело нервно втягивал воздух через стиснутые зубы.

— Вот бы мне такой караван! — наконец сказал Саид. — Я стал бы первым купцом и первым караванщиком.

— С меня и восьми верблюдов хватило бы, — отозвался Кучак.

— Восьми? — удивился Саид скромности мечтаний Кучака. И тотчас же напомнил, что беспомощному человеку, не удержавшему свое собственное золото, не следует мечтать даже об одном собственном верблюде, а надо днем и ночью стараться заслужить благодарность хозяина.

— А почему бы нам не наняться погонщиками? — спросил Кучак.

— В этот не возьмут, — сказал Саид.

Он пояснил, что им встретился один из караванов Совсиньторга[1]. Эти караваны возят с родины Кучака сахар и материю, керосин и спички и многое другое. Обратно караваны везут шерсть, хлопок и кожи.

— У нас нет в горах того, о чем ты говоришь, — возразил Кучак.

Саид не преминул обозвать его неучем и рассказал о Фергане и Андижане, об Оше и Ташкенте, о полях пшеницы, о заводах, трубы которых высятся, как три тополя, поставленные один на другой, о машинах, которые везут дома на колесах по железному пути, и о домах на колесах, двигающихся без лошадей.

Кучак вспомнил, как о том же полтора года назад рассказывали путники, по имени Юрий и Муса, посетившие их кишлак зимой, и удивлялся своей тогдашней наивности. Все их рассказы он принял за легенды. Кучак ахал и молча сожалел о том, что убежал с Биллянд-Киика не в ту сторону, куда надо было идти. Саид увидел кого-то на дороге и приказал свернуть в сторону. И снова они ехали, далеко объезжая кишлаки и людные дороги. Чтобы прокормиться, Саид продал лошадь, и в Чижган они пришли пешком.

Никто не имел права самостоятельно промывать золотоносные синие глины, смешанные с камнями. Разрешение давал местный бек. У них не было с собой ни за-

---

[1] Совсиньторг — сокращенное название советской организации, торговавшей с китайской провинцией Синьцзян.

паса еды, ни кетменей, ни кувшинов, ни деревянного лотка, ни бараньей шкуры для промывки — ничего. Поэтому Саид с Кучаком нанялись к человеку, имевшему разрешение местного бека и говорившего на многих языках.

Вначале Кучак решил, что хозяин — самый крикливый человек на свете, потом — что самый сердитый, так как больно дрался плеткой. И все же самое плохое было в том, что хозяин был скупой и жадный. Голодные, они проработали весь день, и, когда вечером отдали надсмотрщику крупинки намытого золотого песка, им дали пять горстей муки, пиалу, бутылку хлопкового масла, немного перца, соли и чая.

Вечером Саид куда-то ушел, а Кучак принялся варить болтушку. Сварив, он поставил ее остужать, твердо решив дождаться Саида. Но голод был сильнее, и он, не дождавшись, съел свою половину. Вернувшийся Саид быстро съел болтушку и спросил, много ли осталось муки. Кучак удивленно посмотрел на него и показал пустой курджум.

— Что ты наделал? — возмутился Саид. — Ведь это мука на неделю вперед!

Обычно старатели промывали синюю глину на глубину до половины человеческого роста. Всюду виднелось множество таких брошенных разработок. Кучак, вспомнив, чему его учил аксакал, правильно определил угол выноса из одного ущелья и начал углублять давно брошенную яму. В этот день они почти ничего не намыли. Саид ругался. На второй день бесплодной работы Саид отказался работать и потребовал, чтобы Кучак нашел другое место. Тот впервые за свою жизнь начал спорить и не соглашался. Саид ушел и следующие два дня не работал. На пятый день вечером Кучак сдал золотого песка на десять таэлей (тринадцать рублей). Это было очень много. Кучак принес вечером баранины, риса, перца, муки, чая, сахара и сделал плов, испек лепешки и заварил чай.

Саид взял все деньги у Кучака, купил водки. Они впервые за несколько дней хорошо поели и выпили. Саид хвалил Кучака.

Поздно вечером хозяин пришел к ним в общежитие — тесную юрту — и расспросил о месте, где Кучак работал. Кучак охотно рассказал.

Кучак развеселился. В кибитке раздался собачий лай. Все вскочили. Кучак кричал: «Прочь, прочь!» — толкал ногами в темноте визжавшую собаку и наконец со смехом схватил Саида за ногу, и тот чуть не упал.

Саид удивился искусству Кучака подражать голосам животных, но еще больше его удивила и насторожила скрытность Кучака. Ведь Кучак не раз и прежде «гонял собак», не давал Саиду спать ночью. Значит, Кучак к тому же и мстителен, и совсем не так уж прост, как казалось Саиду.

На другой день Саид усердно помогал Кучаку и поднимал курджум с мокрой глиной из дыры глубиной больше чем в человеческий рост. Там, на дне, работал Кучак. Хозяин стоял рядом и наблюдал. Все рабочие из общежития Кучака начали работать рядом. За неделю Кучак и Саид много заработали. Хозяин объявил эту дыру своей старой разработкой, выплатил им половину заработка и запретил добывать в этом месте.

Саид кричал и ругался, но это не изменило решения хозяина. Саид объявил, что умножит заработанные деньги, пошел играть в кости и все проиграл. Он пришел ночью, растолкал сонного Кучака и уговорил его снова идти в яму, где им хозяин запретил работать, и попытаться до утра намыть золота и продать его на стороне.

Кучак неохотно повиновался. Они пошли, но утром явился хозяин и прогнал их.

Через несколько дней Кучак опять нашел богатое место.

Все было бы хорошо, если бы не ежедневная игра Саида в кости с проезжающими. В один из дней во время игры в кости люди Кипчакбая схватили Саида. Попался бы и Кучак, если бы не его способность лазать по горным крутизнам. С перепугу Кучак полез на такую кручу, что его преследователи не осмелились следовать за ним.

* * *

Взобравшись на горную кручу, Кучак огляпулся назад и увидел внизу толпу и всадников. Он посмотрел вперед и увидел дымящиеся склоны гор. Это пастухи

пустили пламя по сухой, прошлогодней траве, очищая путь молодой зелени.

В долине, открытой всем ветрам и всем взорам, Кучак чувствовал себя беззащитным. Другое дело в горах: здесь Кучак был как дома...

XII

Целый месяц Кучак скитался в горах, питался у гостеприимных пастухов и все же решил возвращаться прежней дорогой по краю пустыни, так как другой он не знал, а спрашивать боялся.

Кучак шел по ночам и, если приближался всадник, он ложился на землю. Дорога была отмечена путевыми знаками. Между постоялыми дворами, лянгарами, стояло по десять потоев — усеченных глиняных пирамид; между этими башенками высотой в тридцать локтей были расставлены огромные плетенки с песком, расположенные в ста пятидесяти шагах друг от друга. Заблудиться было трудно.

По дороге Кучак ловил силками голубей. Тысячи их жили в склепах — мазарах, построенных в честь святых. Потом Кучак пристал к каравану, играл на дутаре, принадлежавшем одному из караванщиков, пел, стерег верблюдов, дошел с караваном почти до Яркенда.

На последней стоянке перед городом Кучак увидел верблюдов, груженных известью, и узнал от караванщиков, что для работы на каменоломне, возле которой жгли известь, требуются работники. Это было недалеко, и Кучак, боясь заходить в город, пошел туда.

Он увидел невысокие горы, каменоломню и три печи в земле, у обрыва. Белая пыль покрывала все вокруг. Кучака приняли на работу.

Кучак работал изо всех сил, поднося камни к печи, а когда сел отдохнуть, крикливый надсмотрщик опять послал его за камнями. Кучак работал до захода солнца, и только после вечерней молитвы ему дали немного мучной болтушки и небольшую ячменную лепешку.

— Но я голоден! Дайте еще! — требовал Кучак.

Надсмотрщик, рослый дунган с грубыми, резкими чертами лица, молча смерил его суровым взглядом и покачал головой.

— Тогда я не буду работать. Я не могу так много работать, если так мало еды... Где вы берете силы работать при такой еде? — спросил Кучак рабочих.

— А где лучше? — пожимая плечами, отвечали ему.

Кучак познакомился с честными и простыми людьми. Они жили в постоянной нужде и питались мучной болтушкой или горстью риса. Одни безропотно трудились из последних сил и терпеливо сносили ругань и побои. Но были и непримиримые. Эти громко роптали и громко требовали. Их обычно скоро прогоняли с работы или отдавали полиции. Кучак особенно запомнил одного молодого китайца, подбивавшего всех прекратить работу, пока не увеличат плату. Этот китаец Ли говорил о том, что в соседнем с ними Советском Союзе рабочие давно уже стали хозяевами и прогнали кровососов. Он говорил о Сун Ят-сене — защитнике трудящихся. Кучак громогласно повторял слова Ли. Кучак тоже хотел получать больше и питаться лучше. Он тоже возненавидел хозяина.

Кучак даже переложил слова Ли на песню и пел ее.

— Ты что же, подговариваешь рабочих объявить забастовку? — однажды спросил Кучака надсмотрщик.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь? Твой взгляд гневен, и ты сердишься на меня. Я же говорил только о том, что нас надо лучше кормить. Работа очень тяжелая. От этой белой пыли, едкой, как перец, глаза сами плачут, а кашель разрывает грудь. Если меня не будут лучше кормить, я умру.

— Уходи или умирай, а наш хозяин не увеличит плату, — угрюмо сказал надсмотрщик. — Все требуют от нашего хозяина денег: и рабочие, и хозяин горы — за камни известняка, и хозяин топлива, и хозяин каравана — за перевозку.

— Кто это выдумал брать за камни деньги?! — воскликнул Кучак. — Этого быть не может! За камни?! — снова воскликнул он. — А ты не врешь? Зачем ты обманываешь бедного киргиза?.. Нет, нет, меня не проведешь!

Надсмотрщик был удивлен наивностью Кучака. А Кучак, гордясь своей осведомленностью, поучал надсмотрщика:

— Если вы платите хозяину горы за камни, то он вас просто околдовал. В моем кишлаке горы в сто раз больше и богаче. Есть там и камни, которые горят, есть и соль, и золотой песок. Надо — бери сколько хочешь, и все бесплатно. Я не вру!

— Это где же так? — спросил надсмотрщик и, узнав, что это «у нас» на Памире, задал такую взбучку «красному агитатору», что Кучак еле унес ноги.

Кучак шел на север.

«Как странно устроен мир! — удивлялся Кучак. — Честные люди бедствуют, а богачи не имеют ни стыда, ни совести».

В предместье города, где останавливалось много верблюдов и лошадей, он, как и другие, пробовал собирать навоз и торговать им. Но и здесь ему не повезло. Его прогоняли собственники домов, подбиравшие навоз для своих садов, а на улицах опережали мальчишки. Удобрение ценилось очень дорого, и за человеком, пошедшим по своей нужде, сразу следовал мальчишка-сборщик...

Получая гроши от скупщика удобрений, Кучак покупал зерна кукурузы и проса и ел их сырыми.

Как-то он попробовал попросить милостыню. Ему подали раз-другой. В этот день Кучак впервые за долгое время наелся досыта и на другой день еще затемно вышел просить на базар. Неожиданно его окружили нищие и побили. От них Кучак узнал, что улицы и кварталы распределены между общинами нищих и никто не имеет права просить без разрешения старшины нищих Чера, которому каждый должен отдавать две трети милостыни и выполнять все его поручения.

Нищие окружили Кучака плотным кольцом и повели его к Черу.

Злобный старикашка Чер сидел в чайхане. Узнав, в чем дело, он долго ругал Кучака, приказал обыскать его и отобрать последние медяки. Кучака пугал пытливый взгляд маленьких хитрых глазок Чера. Кучак уже научился не доверять людям и поскорее выскользнул за дверь.

И потянулись длинной чередой голодные и сытые дни. И голодных дней было больше. Ой, как их было много, и они походили один на другой, как близнецы. И чего только не перепробовал Кучак, чтобы добывать пропитание! Он вставал с мыслью о еде и ложился спать с той же мыслью. По бедности и чтобы избежать любопытных взглядов в чайхане, Кучак спал под открытым небом. Велико же было недоумение, а затем и негодование Кучака, когда собственник земли потребовал с него налог «канум пулу» за спанье под открытым небом.

Громко кляня собственника за жадность, Кучак удалился в твердой уверенности, что бедняк не поступил бы так. Вот тогда-то Кучака и осенила удивительная догадка. В этой стране земельных собственников не существовало одинаковой справедливости для всех, было как бы две правды: правда имущих и правда неимущих, правда сытых богачей и правда голодных бедняков.

Обуреваемый мыслями, Кучак не мог больше молчать о таком потрясающем открытии, и он громко запел. В первом же кишлаке он запел об этом на базаре и заработал проклятия и побои от богатых и подаяние от бедных. Богатые прогнали Кучака с базара.

Все можно претерпеть, было бы ради чего терпеть. Все можно превозмочь, была бы цель. Но чего добивался он, Кучак? Без родины, без друзей, без семьи, без денег, без надежды на лучшее, предоставленный самому себе, преследуемый, он потерял все, что имел, и даже веру в себя.

Что же делать? При этой мысли глаза Кучака, помимо его воли, обращались в сторону памирских вершин, но воспоминание о Джуре заставляло опускать взор. Нет, не простит Джура бегства, не поймет, и тяжко покарает... Но Джура далеко, а Кипчакбай здесь, рядом. Этому басмачу из басмачей мало захваченного золота, мало того, что Кучак чуть не умер под их пытками. Ему подавай жизнь Кучака. Кучак уже не смог бы выкупить ее золотом.

И Кучак стремился стать совсем-совсем незаметным. Он обходил поселки, а если и вынужден был проходить по улицам, то шел в тени оград, прятался от

прохожих за проезжавшими арбами и ни с кем не заговаривал. Страх гнал его от людей. Страх отгонял сон. Страх преследовал его. Недаром говорится, что храбрый умирает один раз, а трус — тысячу раз.

И Кучак решил уйти от людей в горы, уединиться и жить спокойно. Уж чего-чего, а голубей, водившихся во множестве, он добудет для пропитания силками. И кремень с кресалом, чтобы разжечь трут, у него есть. И руки, и шило, и иголка с ниткой есть. И посуда для варки пищи тоже есть.

Главное, переждать, пока Кипчакбай утихомирится, а там будет видно. Что именно будет видно, Кучак и сам толком не знал. Но ведь именно к тому, чтобы переждать, стремился Саид, направляясь с ним в далекий Чижган.

Кучак не любил одиночества и с тоской думал о том, до каких пор ему придется жить одному и что ждет его в будущем. Ибо, как говорит древняя пословица, слепой не забывает того времени, когда он видел, а безногий — когда ходил.





Часть третья

ДЖУРА ВСТРЕЧАЕТ ДРУЗЕЙ

I

Всхолмленное высокогорное плато потянулось южнее Заалайского хребта. Не видно на нем ни плодородных садов, ни лесов, ни кустарников. Куда ни глянешь — всюду камни; только кое-где между ними торчат сухие стебли полыни да небольшие кустики чия. Все здесь окрашено в серовато-желтый цвет: и камни, и земля, и крепость у Заалайского хребта.

Много осад выдержала древняя крепость, и долго еще она простоит. Толстые зубчатые стены ее для прочности были построены из глины пополам с цементировавшей ее ячменной мукой.

Над башней на шесте трепещет красный флаг. Частые бури разорвали его на длинные полосы, и при сильном, порывистом ветре они щелкают, как бичи.

На башне ходит с винтовкой сторожевой: он охраняет долину и сторожит отряд Козубая.

Добровольческий отряд под командованием Козубая прибыл весной, как только открылись перевалы. Обострившаяся классовая борьба и появление басмаческих банд вызвали необходимость усилить охрану пограничных районов.

Добровольческий отряд отдыхал. Незадолго перед этим он действовал против басмаческих банд, засевших на вершинах и склонах урочища Бель-Куль.

Отряд шел без тропинок, с той стороны, откуда басмачи меньше всего его ожидали. Лошадей вели через ледник, подстилая им под ноги попоны и свои халаты. А потом на связанных арканах на отвесную скалу втащили пулеметы. Ночью, когда басмачи спали, добротрядцы молча ворвались в становище. Часть басмачей бежала к границе и попалась пограничникам.

В отряде были раненые. Один был убит.

Козубай допрашивал басмачей лично. Это были наемники, присланные из-за границы. Козубай каждый день получал много сведений от местного населения о передвижениях баев со скотом в тыловом пограничном районе. Баи пытались прорваться за границу. Ловили также диверсантов и контрреволюционеров. Работы хватало всем.

Сторожевой тихонько напевает песню. Услышав эту песню, каждый житель долины скажет, что это поет татарин Ахмед, первый весельчак в отряде. Много словечек Ахмеда гуляет по Памиру. Его любят добротрядцы и дехкане, и сам Козубай ценит его, как хорошего следопыта.

Худощавый горбоносый Ахмед не может и секунды просидеть без движения. Напевая, Ахмед в такт притопывает ногой. Это не мешает ему внимательно осматривать окрестности. Но кругом стоят только знакомые горы, да на другом конце долины виднеются юрты кишлака. Внезапно мимолетная тень перечеркнула долину. Ахмед резко оборвал песню и посмотрел вверх.

Высоко над горами летели орлы. Они кружили над западным горным проходом и с каждым кругом приближались к крепости.

Глядя на орлов, Ахмед понял, что они заметили добычу и, что самое странное, добыча эта перемещается.

Еще никто не показался из горного прохода, но Ахмед увидел, что сурки на холме у горы встревожились, сели на задние лапки. По долине разнеслось их тревожное «сюрчанье». Они юркнули в норы. По этому сигналу спрятались в норы мыши и барсуки. Ахмед насторожился и вскоре увидел, как из горного прохода показалась группа вооруженных людей. Впереди на вороном жеребце ехал удалец Муса, бесстрашный и храбрый джигит, бравшийся за самые трудные дела.

Сзади него на крупе жеребца сидел юный вспыльчивый Джалиль, которого добротрядцы, в отличие от Джалиля-большого, прозвали Джалиль-маленький «порох». Джалиль-маленький «порох» держал за повод своего коня, на котором по обе стороны седла было привязано два тела, а на луке седла висело два ружья.

За ним ехали еще три джигита, а далеко позади них бежал черный пес.

Увидев его, собаки, лежавшие возле юрт на джейлау, залаяли и помчались навстречу. Ахмед наклонился над дымоходом и крикнул через него в кибитку, помещавшуюся в башне:

— Эй, Козубай, товарищ начальник! Из Маркан-Су возвращается отряд Мусы. Джигиты везут два тела и два ружья.

Сообщив об этом, любопытный Ахмед нетерпеливо прошелся по крыше и, не дождавшись, пока они подъедут, крикнул:

— Ну как?

Но Муса ничего не ответил, и Ахмед обиженно отвернулся, желая показать, что его мало интересует случившееся.

Всадники подъехали. Гнойные выпоты в углах лошадиных глаз и ввалившиеся бока свидетельствовали о том, что путь был очень тяжел и что добротрядцы ехали без остановок.

— Передай начальнику, — ответил Муса хриплым басом на вопрос Ахмеда, заданный пять минут назад,— что мы привезли труп басмача Чиря и молодого раненого охотника. Он убил Чиря из карамультука. Что с охотником делать?

Ахмед передал это через дымоход. Из кибитки вышел Козубай. Одет он был в черный халат с длинными узкими рукавами, на голове у него была лисья шапка, а на ногах мягкие сапоги без каблуков. На киргизском матерчатом поясе, обмотанном вокруг него шесть раз, висел маузер в деревянной кобуре.

— Хорошо, — сказал Козубай, — очень хорошо. Наконец-то убит этот стервятник Чирь! Раненого охотника положите в лекарскую кибитку и скажите лекарю, пусть хорошо лечит. Иди, Ахмед, распорядись. Пора сменяться.

Прошло немало дней. Джура очнулся от боли. Он увидел над собой белый потолок кибитки и трех человек, наклонившихся над ним. Один из них каким-то блестящим предметом трогал края раны. Боль становилась невыносимой, рану жгло.

«Опять попался басмачам в руки», — решил Джура, сжимая кулаки от боли, и вдруг почувствовал, что руки у него не связаны. Он мгновенно ударил по голове того, который причинял ему боль, вставляя какой-то предмет в рану. Напрягая все силы, Джура вскочил с койки, оттолкнул другого, стоявшего рядом, схватил прислоненную к стене винтовку. Колени его тотчас задрожали, и он вместе с винтовкой рухнул на пол.

— Вот бешеный! — сказал один из присутствующих с восторгом.

Джуру снова уложили, привязав бинтами к койке за руки и за ноги. Он долго не приходил в сознание и очнулся уже после того, как ему промыли рану, смазали ее йодом и забинтовали.

— Пусть вас побьет небо, басмачи проклятые! — шептал Джура.

— Чего дерешься? Мы твои друзья. Мы не басмачи, мы красные джигиты из добротряда Козубая, — сказал ему тот, кто лечил.

— А если вы не враги, то зачем меня связали? — И Джура заворочался на койке.

— Если ты поклянешься, что будешь лежать спокойно, мы тебя развяжем.

— Да побьет меня огонь! — сказал Джура. — Буду лежать спокойно.

С него сняли бинты.

— Спи, — сказал ему лекарь.

И все трое вышли из кибитки.

— Красные джигиты?! — произнес Джура громко и вспомнил Ивашко.

Внезапно ему стало хуже, широко открытые глаза помутнели. Ему послышался свист, тонкий, пронзительный свист. Вначале тихий, он нарастал, ширился, и от него болела голова и ныло в груди.

— А-а-а!.. — закричал Джура, срывая с груди повязку.

Из раны пошла кровь. «Умираю», — подумал Джура и повалился с кровати на пол.

Вдруг в дыре, прорубленной в толстой глиняной стене, показалась собачья голова. Это был Тэке. Он спрыгнул на пол, подбежал и облизал лицо Джуры.

Вскоре в кибитку вошел джигит с пиалой и лепешкой. Он увидел черного пса, который тотчас же кинулся ему навстречу. Джигит выбежал и позвал на помощь.

В кибитку вошли три добротрядца с палками. Они хотели прогнать собаку, но Тэке с громким лаем бросался на них, хватал зубами палки и кружился вокруг Джуры, защищая его.

Муса рассердился, вынул из кармана револьвер и прицелился в собаку, но в это время в лекарскую кибитку вошел командир отряда Козубай:

— Не тронь собаку! Разве ты не видишь, что она защищает хозяина? — И, не обращая внимания на грозно рычащего Тэке, он подошел к раненому.

В движениях Козубая не было ни опаски, ни поспешности. Тэке умолк и лег в углу.

— Собаку не гоните: хозяину с ней веселей будет, скорее поправится, — сказал Козубай и, распорядившись снова перевязать Джуру, лежавшего в беспамятстве, вышел из кибитки.

II

Дни сменялись ночами и ночи днями. Мгла, застилавшая глаза Джуры, растаяла, а вместе с ней прекратился бред. Больной и истощенный, он подолгу спал,

просыпаясь только для того, чтобы поесть. Наконец наступил день, когда Джура почувствовал себя лучше.

Широко раскрытыми глазами он смотрел на низкорослого незнакомого человека, сидевшего перед ним на кошме. Этот человек добродушно улыбался. Сноп солнечного света освещал его крупные белые зубы. Множество пылинок дрожало в воздухе, издалека доносились людские голоса и ржание лошадей.

— Я Шараф, — сказал он, ласково глядя на Джуру, — я завхоз. А ты кто? — И он снова улыбнулся.

Джура не понял, что такое «завхоз», но добродушный вид Шарафа понравился ему.

— Я Джура, охотник. Арвахи обманули меня: показали джаду — чародейство, а в это время Безносый прострелил мне грудь.

— Арвахи? — насмешливо переспросил Шараф.

— Да, арвахи, духи предков.

Шараф засмеялся и хитро спросил:

— А в горах много арвахов?

— О, — серьезно ответил Джура, — в горах живет много арвахов. Аксакал рассказывал: есть сорели, джинны, альбесты. — Он хотел сказать о джез-тырмак, но, вспомнив случай с Зейнеб, сдержался.

Шараф, закрыв смеющийся рот рукавом, быстро встал и вышел из кибитки.

Джура удивленно посмотрел ему вслед.

Вскоре Шараф вошел в сопровождении нескольких юношей. Все уселись на кошму возле Джуры, и Шараф опять хитро спросил:

— А кто такие горные люди?

— О, — серьезно ответил Джура, не подозревая ничего плохого, — у них все тело волосатое, как у медведя, а ноги вывернуты наоборот.

Шараф, удерживая смех, расспрашивал Джуру, и тот охотно рассказывал об альбестах, не замечая того, что молодые люди толкают друг друга локтями и перешептываются. Когда же Джура, порядком устав, начал со слов Кучака рассказывать о проделках джиннов, общий дружный хохот заглушил слова Джуры.

Молодой охотник сразу оборвал рассказ и, поняв, что над ним смеются, рассердился не на шутку. Взбешенный, он оглянулся, ища оружие, но его не оказалось;

тогда он схватил пиалу и швырнул ее в Шарафа; вслед за пиалой полетели медный поднос и чайник с горячим чаем. Все с хохотом выскочили из кибитки, и Джура остался один.

— Что за шум? — спросил Ахмед, войдя в кибитку.

Но Джура притворился спящим.

Ахмед все разузнал и доложил Козубаю. Козубай вызвал Шарафа.

— Больной — чудак, товарищ начальник, — ухмыляясь, сказал Шараф, — он верит в самых глупых чертей. Я привел ребят, и мы все смеялись как сумасшедшие. — И он весело захохотал, вспоминая рассказ Джуры.

— На одни сутки! — сказал сухо Козубай.

— За что? — удивился Шараф.

— А давно ты сам перестал верить в чертей? Отсиди сутки, подумай, хорошо ты сделал или плохо, насмехаясь над раненым.

Ухаживать за Джурой вместо Шарафа приставили подростка Тага, любимца всего отряда.

Таг принес вечером Джуре поесть, но тот спал.

Таг попробовал разбудить его, но Джура не просыпался — делал вид, что спит. Он страдал и свирепел от мысли, что над ним посмеялись. Гордость его была уязвлена, и Джура хитрил.

Как только Таг вышел, Джура быстро съел мясо.

На другой день к нему пришел Козубай, но Джура опять притворился спящим.

Лекарь хотел разбудить его, но Козубай возразил:

— Пусть отсыпается.

Джура спал, и Тагу было скучно сидеть возле раненого — ни побегать, ни поговорить, и он убегал с Тэке за крепость, где устраивал собачьи бои.

Шли дни. Джура быстро поправлялся. Он уже ходил по кибитке. Мир новых людей, невиданных животных и вещей его удивлял и тревожил. Но слишком гордый и самолюбивый, особенно после случая с Шарафом, он старался сам, без чужой помощи, разобраться во всем. Джура подолгу смотрел из окна во двор, скрываясь в тени окна. Он боялся, что кто-нибудь заметит его и поднимет на смех, подумав, что он любопытен, как женщина, и выказывает удивление, недостойное мужчины.

Таг восхищался Джурой, застрелившим такого опасного басмача, как Чирь. Джура же скоро перестал его дичиться и начал с ним заговаривать. Таг рассказывал Джуре о пограничниках, о жизни бойцов добротряда. Он много говорил о басмачах, против которых сражался отряд, помогая пограничникам и регулярным частям Красной Армии. Джура понимал не все, но почтение Тага к командиру отряда Козубаю передалось и ему.

Еще бойцы ничего не знали о Джуре, а он, стоя у окна и прислушиваясь, уже знал имена многих и даже клички их лошадей. Мусу он узнал сразу, хотя, опасаясь расплаты за прошлое, всячески избегал его.

Однажды Джура услышал во дворе злобный лай. Он подошел к окну и увидел, что Тэке, привязанный на длинной веревке, с лаем бросается на какого-то человека. Человек держал в руках нагайку и время от времени сильно ударял ею Тэке.

— Не бей, не бей! — закричал Джура и выбежал во двор.

Солнце его ослепило. Он на мгновение остановился, закрыв лицо руками, а затем поднял камень и швырнул в обидчика.

— Остановись! — закричал ему пожилой киргиз. — Мы учим твою собаку. Спасибо скажешь потом. Мы сделаем из нее хорошего сторожа, а для этого отучаем брать хлеб и пищу из чужих рук... Повторить! — сказал он.

Боец, закутанный в халат, подошел к Тэке и бросил лепешку. Взбешенный Тэке бросился на него, но лепешки не тронул, а обошел ее, как раскаленный уголь.

— Не надо этого, — сказал Джура. — Я прикажу, и он будет брать только от меня. А ты кто? — гордо и заносчиво спросил он.

— Я? Я командир отряда — Козубай.

— Ты командир? — искренне удивился Джура.

Он представлял себе Козубая старым, седым великаном непомерной силы, с голосом громким, как выстрел, одетым в богатые меха. А оказалось, Козубай такой обыкновенный! Но, несмотря на некоторое разочарование, Джура почувствовал в Козубае большую скрытую силу и, когда Козубай позвал его к себе, послушно пошел за ним.

Они уселись в кибитке Козубая. Джура бросал косые взгляды на стены, увешанные винтовками. Оружие висело даже на потолке. «Самый богатый человек», — подумал он о Козубае.

— Как тебя зовут? — спросил Козубай.

— Джура.

— Откуда?

— Из кишлака Мин-Архар.

— Где это?

— На север от Сауксая.

Начальник вынул из сумки бумагу и разостлал ее на коленях. Он долго водил по ней пальцем, потом с недоверием посмотрел на Джуру:

— А ты не врешь?

Джура побагровел, жилы на его висках вздулись, и он так посмотрел на начальника, что тот улыбнулся.

Джура был взволнован тем, что ему не поверили.

— Басмач Тагай увез мою Зейнеб, и я убью его. Безносый жег меня железом — я отомщу. Мой кишлак — Мин-Архар. Зимой к нам джигиты приезжали, карамультук мой забрали. Один — киргиз твой, Муса, другой — высокий такой, молодой, сердитый, с голубыми глазами, Юрий.

— Да это Ивашко! Это было год назад, когда я был в Уч-Кургане с Максимовым. Так это ты хотел Ивашко ограбить? Он здесь недалеко работает. Увидишь его. Эй, позовите Мусу!

— Я хотел взять его винтовку, — сказал Джура.

— Ты убил басмача Чиря, и за это ты получишь его винтовку, — сказал Козубай. — Вот она, видишь, с отметкой на прикладе. — И он показал на стену, где висели винтовки. — Ты хочешь поймать Тагая — очень хорошо. Но знай, что это опасный и большой курбаши, а Безносый — его помощник.

В кибитку плечом вперед, как он всегда ходил, вошел Муса.

— Узнаёшь старого знакомого из Мин-Архара? — спросил Козубай.

— Он самый, — ответил Муса, удивленно оглядывая Джуру с ног до головы. — И как это он из своего дьявольского гнезда вниз сорвался? Вот не ожидал! Отчаянный!

— А что Юрий делает? — спросил Джура.

— У каждого своя охота, — ответил Козубай. — Мы за басмачами охотимся, а Ивашко за камнями охотится. Он ищет в горах полезные камни. Летом он опять к вам в Мин-Архар ездил. Богатое урочище: и железная руда, и ртуть, и молибден — такие камни, чтобы сталь крепче была. А ты из какого рода?

— Я? Из рода Хадырша, — гордо ответил Джура.

— А из какого общества, из какого колена? [1]

Этого Джура не знал; он впервые слышал о том, что род делится на общества и колена.

— Знай, что неподалеку пасет скот на осеннем джейлау род Хадырша, а в этом роду есть общества Мерим и Чокмерим, Тоз, Козике, Ингирчик.

С каждым новым именем глаза Джуры раскрывались все шире. Он никогда не предполагал, что существует такое великое множество людей. Джура разговорился. Он все больше нравился Козубаю, и Козубай думал, глядя на Джуру: «Какой поразительный случай! Человек из патриархально-родового строя попадает сразу в двадцатый век, в советский двадцатый век. Среди диких гор, всегда в борьбе с природой, очевидно, вырабатываются сильные натуры, но и нравы там, должно быть, суровые!»

— А сколько тебе лет? — спросил Козубай.

— Я родился в год дракона и прожил один мечель.

Козубай знал, что по старинному летосчислению киргизов один мечель — это двенадцатилетний цикл, а год дракона — пятый по счету.

— Тебе семнадцатый год! На вид ты старше, потому что очень рослый, сильный и суровый. Да! Сколько у твоего отца скота?

— Отца не помню, — ответил Джура. — У матери было десять коз.

— Как же вы жили? Чтобы кочевой киргиз мог существовать, ему надо не меньше пяти баранов на каждого члена семьи, иначе он не сможет сделать себе одежду из шерсти и сбить войлок, чтобы укрывать юрты.

---

[1] Киргизский род делится на общества и колена.

— Мой отец был великий охотник, он давно умер, и я один весь кишлак мясом кормил. А весь скот принадлежал главе рода Искандеру, — продолжал Джура свой рассказ.

— Ты смелый и храбрый охотник, сильный духом, — сказал Козубай. — Хочешь ходить со мной в походы, дружить, отбивать скот у баев? А ты любишь золото? — неожиданно спросил Козубай.

— Зачем ты так говоришь — «любишь золото»? Оно имеет власть только над низкими душами, так говорила мне мать словами отца. Или ты смеешься надо мной?

Козубаю понравился этот ответ.

— А ты бай? — неожиданно сказал Джура.

— Он без головы! — возмутился Муса.

— Почему я бай? — заинтересовался Козубай.

— Я видел твоих лошадей, овец, кутасов, — сказал Джура. — Посмотри, какой ты богатый! — И он показал на винтовки, висевшие на стенах.

Козубай засмеялся.

— У нас все общее, — сказал Козубай. — Эти винтовки отбиты у басмачей, они — общие. А мы охраняем от басмачей всех, кто работает. Понял?

— Я знаю басмачей, к нам приезжал Тагай в горы.

— Ты мне все подробно расскажешь о Тагае. Это мне очень важно, Джура.

Кибитка наполнилась народом.

— Вот, — показал на юношей Козубай, — видишь, Джура, это наши сарыкольские комсомольцы. Кто из вас принадлежит к роду Хадырша?

— Я, — ответил широкоплечий, рослый юноша с темным пушком на губе.

— А-а, Уразалиев! Этот, Джура, тоже из рода Хадырша. Он спустился со снежных гор, чтобы очистить землю от басмачей.

Внесли три блюда плова.

— Садитесь, — предложил Козубай.

Джура сел к самому дальнему от Козубая блюду, но Козубай окликнул его:

— Ты чего там? А ну-ка, иди сюда!

Джура, краснея от гордости, опустился на ковер рядом с Козубаем.

Он смущенно улыбнулся и тихо сказал:

— А нельзя ли позвать сюда и того, из нашего рода Хадырша?

Козубай засмеялся:

— Мы не делим мест в зависимости от старшинства рода... Эй, Уразалиев, пересядь сюда!.. Если ты хочешь быть среди нас, ты должен стать членом нашего рода, самого великого на земле рода — большевиков, где нет предпочтения богатым, где все работающие равны между собою. У нас нет баев... Мы сами выбираем себе аксакалов, но не за славу рода, не за богатство и не за седую бороду, а за ум, за доблесть, за преданность. У нас славен тот, кто не жалеет своих сил для счастья всего народа. Тот, кто еще вчера был не известным никому пастухом, но сегодня совершил трудовой подвиг, завтра будет известен народу. А когда ты, Джура, узнаешь, как киргизский народ с помощью великого русского народа добился свободы, то поймешь, что такое Советская власть. Перед тобой откроются все дороги. Первые среди молодых — это члены Коммунистического союза молодежи. Будь как они. Сарыкольские комсомольцы очень много помогают и пограничникам и мне. Каждый из них — герой, — сказал Козубай, показывая на своих джигитов. — Верные большевики, храбрые. Да! Вот ты, Джура, сидишь в крепости, а знаешь ли ты, из чего сделаны эти стены?

— Из камней и глины, — ответил Джура.

— Нет. Из глины пополам с ячменной мукой. Так строил эмир бухарский свои маленькие глиняные крепости, чтобы надежнее спрятать в этих стенах своих ставленников от гнева обездоленного народа. Наша крепость стоит в одном из ущелий Заалайского хребта. На севере от хребта — Алайская долина, в длину пять дней пути, в ширину — один день.

Об Алайской долине говорят так: кто хоть раз побывал в Алае, у того всегда сердце будет рваться к нему. Время согнет человеку спину, сединой покроет голову и потушит пламя его очей, а память об Алае останется неизменной в его сердце.

К югу от нас находится Маркан-Су, пустыня смерчей. На западе ее, на южных склонах Заалайского хребта, где начинается река Сауксай, подобрали тебя,

Джура, и спасли от смерти. Своей жизнью ты обязан народу, который борется за свободную жизнь.

Через Маркан-Су тянется колесная дорога из города Ош к Хорогу. На востоке, в дне пути от нас, — граница. За ней большая страна Китай. Границу стерегут красноармейцы-пограничники от врагов Советской власти, а мы им здесь помогаем... Несколько лет назад, когда басмачи убивали и грабили народ, чтобы запугать его и отдать в рабство Англии, много храбрых дехкан поднялось на борьбу с басмачами, за Советскую власть. Одни дехкане воевали в рядах Красной Армии, другие организовали добровольческие отряды по борьбе с басмачами. А когда басмачей разбили, из добротрядов отобрали самых боевых, чтобы помогать пограничным войскам в тылу, в знакомых горах, позади границы. Вот мы, добротрядцы, и ловим басмачей, которых к нам теперь засылают из Китая, из Афганистана. Ловим контрабандистов — тех, кто без разрешения из Китая анашу и опий возят, а от нас скот угоняют.

Ранее обездоленные, люди труда теперь объединяются в артели, а богачи-баи хотят помешать им. Народный советский закон запрещает нанимать неимущих для обогащения имущих. Вот богачи и восстают против советских законов, против коллективных хозяйств. Они хотят убить всех тех, кто несет слово правды народу, кто ведет их к счастливой жизни.

Эту борьбу стараются использовать богачи других стран в своих интересах, чтобы захватить этот край. Но трудящийся народ этого не допустит. Да! Видят баи, что дело их плохо, и стараются убежать со всем богатством, которое они награбили у народа, в другую страну, за границу. Граница — это та черта, которая отделяет страны, понимаешь? Иногда это река, иногда вершина горы, обрыв, гряда холмов. Вдоль границы кое-где стоят столбы, называются они пограничными знаками.

Граница длинна. Кругом горы. Много секретных переходов. Поэтому весь этот район — и Алайская долина, и Маркан-Су, и дальше — объявлен особо запретным пограничным районом. Чтобы ехать сюда, надо получить особое разрешение — пропуск, и не всякого пропустят. Теперь ты увидишь и Маркан-Су, где на старинных дорогах белеют кости и где очень хорошая

охота на архаров, и Алайскую долину. Только когда куда-нибудь поедешь, я тебе такую бумажку дам. А то встретишь пограничников — подумают, что ты посланец врагов, и заберут. Да...

Козубай рассказывал Джуре о городах, о домах на колесах — поезде, который возит людей, о пароходах — больших кибитках, которые плавают по воде, и о многом другом.

Беседа длилась долго. Джура был взволнован. Он многого не понимал, но старое представление о мире рушилось.

III

Ночью Козубай проснулся от криков. Он выбежал во двор с револьвером в руках:

— Что за тревога?

Он окликнул сторожевого, но на башне никого не было. Сторожевой Шараф, связанный по рукам и ногам, катался по плоской земляной крыше. Козубай подошел к нему.

— Джура пришел и кричал, чтобы я отдал ему винтовку... Я не давал, боролся... Он сильный, как медведь. Винтовку взял и руку мне сломал, а сам убежал, — со стоном говорил Шараф.

Козубай развязал его и выстрелил вверх.

Отряд собрался по сигналу тревоги. Защелкали затворы.

Вскоре несколько человек поскакали ловить Джуру.

— Напрасно мы лечили Джуру, — сказал Козубай сердито. — Он ночью обезоружил Шарафа, сломал ему руку и сбежал.

— Да ведь он спит у себя в кибитке, — сказал лекарь, осматривая руку Шарафа, — а рука у Шарафа цела.

Козубай быстро пошел к Джуре. Он распахнул дверь и удивленно остановился на пороге: Джура спокойно спал, положив голову на винтовку. Козубай разбудил его и потребовал объяснения.

— Ты сам мне сказал, — волнуясь, говорил Джура, — что винтовка Чиря теперь моя... Я ночью очень соскучился по ней и пошел к тебе, чтобы взять. Сторо-

жевой кричит: «Кто ходит?» Я влез к нему, смотрю: у него в руках моя винтовка. «Отдай», — говорю, а он не отдает. Ну, я ее и взял...

— А зачем ты его связал, да еще и руку вывихнул?

— Я только взял его за руку...

— Слушай, Джура, — спокойно сказал Козубай, — у нас все общее, и ты теперь тоже хозяин наших лошадей, овец, патронов. Но оружия у нас не хватает, и сторожевому выдается дежурная винтовка. Когда придет твоя очередь, ты тоже ее получишь. — И, не сдержавшись, Козубай сердито закричал: — Ты должен был меня спросить, а не самовольничать! За самовольство у нас наказывают. Такой у нас закон. Да! Увидишь непорядок — тащи виновных ко мне. Понял? Эх, ты!

— Понял, — ответил Джура.

— Винтовки своей никому не отдавай. Патроны береги: помни, что их мало. Каждый патрон — один басмач.

Все это было сказано так строго, что Джура невольно встал с кошмы.

— На первый раз я тебя прощаю. — И Козубай, положив руку на плечо Джуры, взглянул ему в глаза. — Дикий ты...

Вернувшись в свою кибитку, Козубай вызвал Ахмеда и сказал:

— Что бы ни случилось, молодого охотника Джуру без моего приказа не трогать.

Прошло еще несколько дней. Джура не расставался с винтовкой и даже за обедом держал ее на коленях. Целый день он ее чистил, разбирал и собирал, целился в камни, птиц, горы, но не стрелял.

Воспитанный в горах, где дорого ценится каждый заряд, он и мысли не допускал, что можно стрелять так, просто в камень.

Держался он все еще замкнуто и джигитов избегал.

Шараф, оправдывая свой страх перед Джурой, чтобы избавиться от насмешек джигитов, рассказывал, что Джура немного сумасшедший, что он злой и может так, ни за что, убить. Старые джигиты смеялись над Шарафом, но вновь принятые в отряд поглядывали на Джуру недружелюбно и подозрительно, а Джура думал, что добротрядцы до сих пор его сторонятся, потому что считают его недостойным себя. Это оскорбляло Джуру. Он

искал подходящего случая показать себя и заслужить одобрение.

Однажды Джура притащил во двор крепости за шиворот двух молодых добротрядцев.

— В чем дело? — сердито спросил Козубай, когда Джура швырнул обоих джигитов на землю, к его ногам.

Джура снял винтовку, болтавшуюся на ремне у него на шее, и ткнул дулом в сидевшего джигита:

— Эти синие ослы стреляли в камень. Они хуже басмачей. Ты сам говорил: «Патроны беречь надо. Один патрон — один басмач». Еще ты говорил: «Не трогай виновных, а приводи ко мне». Вот я и привел.

Джура стоял, гордо подняв голову.

Козубай пытливо посмотрел на него и спросил:

— Скажи, Джура, когда ты был мальчиком, ты учился убивать камнями птиц?

— Учился и убивал.

— А они, — и Козубай показал на джигитов, — они не охотники, а пастухи: они никогда не стреляли из карамультука. Понимаешь?

Джура понял, что он опять сделал промах, и рассердился.

— Я на охоте одной пулей двух козлов убивал, — заволновался он, — а они в одну минуту пять патронов испортили!

— Пусть он сам попадет в камень на шестьсот шагов! Пусть попадет! — кричали обиженные джигиты.

— Попадешь в тот камень? — И Козубай показал на камень, белевший на горе.

Джигиты недружелюбно смотрели на Джуру. Он взял винтовку, быстро прицелился и выстрелил. От камня пошел дымок: это полетели осколки.

— Хорошо, — сказал Козубай и показал на орла, парящего высоко в небе.

Джура снова прицелился и выстрелил. Орел покачнулся и начал падать, взмахивая одним крылом: второе было у него перебито.

Джура с презрением посмотрел на джигитов. Он увидел в их глазах изумление.

— Продолжайте стрелять, — сказал Козубай и увел с собой Джуру. — Дикий ты. Как тебя только в отряд брать, не знаю. Подумаю.

— Думай, — буркнул Джура.

После этого случая Таг, восхищенный меткостью Джуры, ходил за ним по пятам и выполнял все его приказания. Даже бегал в кишлак и хвастал, что он друг самого меткого стрелка в отряде.

Джура окончательно выздоровел. Рана затянулась, и лихорадка перестала его трясти. Выздоравливая, он не лежал, а слонялся по кибиткам.

Каждый день Джура доставлял Козубаю новое беспокойство.

Джура ходил следом за Козубаем и все время расспрашивал о различных системах винтовок и револьверов. Однажды он пришел к нему поздно вечером и спросил:

— Вот Ахмед говорит, есть большая, тысячезарядка. Правда?

Козубай хотел спать, рассердился, но ответил:

— Это пулемет. Он может выстрелить не тысячу, а сто тысяч пуль.

Джура побежал к Ахмеду, который к этому времени уже спал, и разбудил его:

— Эй, Ахмед, проснись, что я тебе скажу: не тысячу пуль, а сто тысяч пуль тысячезарядка посылает!

— Хорошо, — ответил Ахмед и перевернулся на другой бок.

— А револьверы стозарядные есть?

Ахмед этого не знал, но, чтобы Джура отвязался, сказал:

— Есть, есть, ты у Мусы спроси, — и завернулся с головой в халат.

Джура пошел к Мусе. Муса долго не хотел просыпаться, а проснувшись, выругался.

— Ты бешеный! — сказал он Джуре. — Зачем ночью бегаешь, народ беспокоишь? Не все ли тебе равно, какое есть на свете оружие? Ведь у тебя только винтовка.

Джура, сокрушенно вздыхая, пошел спать.

Бойцы вначале удивлялись его вопросам, но, узнав от Козубая, что Джура никогда не видел других людей, кроме жителей своего кишлака, перестали удивляться. Они рассказывали ему о русских, о жизни узбеков, таджиков. Говорили о прежней власти эмира, о дехканской власти, но Джура спрашивал их о кибитках,

плывущих по воде, о людях, летающих на железных кондорах, о тенях живых людей, которые можно увидеть на белой стене в темной комнате, и о других таинственных вещах, про которые многие джигиты ничего не знали. Доложили Козубаю.

Козубай вызвал Джуру к себе и спросил, откуда он слышал обо всем этом. Джура рассказал о чародействе, которое ему показал Каип — хозяин зверей в верховьях Сауксая, и о том, что говорил аксакал в кишлаке...

Козубай молча выслушал его и сказал:

— Правильно. Ты видел воду, кишлаки на берегу, базар. Никакого бога гор нет, арвахов нет. Это просто закым[1] в горах. Это часто бывает в пустыне. Видал пустыню? Нет? Это когда едешь десять дней, а кругом один песок или камень и нет воды. Понял?

Джура не понимал Козубая, поэтому не верил и стыдился смотреть ему в глаза.

Козубай понял это и вызвал Ахмеда.

— Ахмед, ты бывалый и много видел и слышал. Расскажи Джуре о большом городе Ташкенте, о пароходах на Аму-Дарье, об аэропланах.

— Хорошо, — ответил Ахмед. — Пойдем.

Они ушли в кузню, и Ахмед, искусный мастер, исправляя испорченное оружие, рассказывал Джуре о большом городе Ташкенте, об Аму-Дарье, о двигающихся без лошадей повозках, в которых ездят люди, и о том, как баи крали у дехкан воду. О многом узнал Джура впервые. Проговорили они до поздней ночи.

В крепости было два места, где всегда можно было застать Джуру: у Ахмеда в кузне, где он помогал ему, или в конюшне.

В отряде лошадей для всех не хватало. Некоторым приходилось ездить на верблюдах или на яках. Джура осмелел и пристал к Козубаю с просьбой дать ему лошадь. Пусть это будет самая плохая, он и на это согласен.

— Откуда я тебе ее возьму? Ведь ты, наверно, и ездить не умеешь.

— Умею. Я с детства ездил на быстрых яках.

---

[1] Закым — мираж.

Иметь коня стало пределом мечтаний Джуры. Тоскующий и хмурый, он ходил возле коновязи и жадными глазами выбирал лучшего коня. Иногда даже думал о том, что хорошо бы захватить коня силой и умчаться в родные горы.

«А дальше?» Этот вопрос, заданный самому себе, охлаждал его пыл.

Каждый день Джура предлагал свою помощь джигитам, чтобы они разрешали ему чистить и поить их лошадей, но джигиты не соглашались. Каждый ухаживал за своим конем и не имел права поручать это другому.

Это еще больше распаляло желание Джуры иметь коня.

Единственный человек, не только сочувствовавший Джуре, но и дававший ему ездить на лошади, был старый Джалиль, ординарец Козубая, который ухаживал за обеими лошадьми начальника. Джалиль-большой был и поваром и ординарцем и считался признанным манасчи добротряда.

Однажды, услышав, как Джалиль поет о коне, Джура попросил его повторить песню и теперь всегда просил об этом, если только тот не был занят.

Так было и в этот день.

Козубай уехал к пограничникам, а Джалиль, сидя возле коновязи, помещенной за крепостью, чинил седло. Джура подошел к нему и сел рядом. Старика не надо было просить. Он ласково закивал головой, положил седло на землю и начал:

Нет, послушай меня, Манас,
Восхвалю я коня сейчас
Если в дальний пойти поход,
Он батыра не подведет,
По крутизнам летя, как стрела,
Не сбросит всадника из седла,
По перевалам сыпучим летя,
В горы, навстречу тучам летя,
Никогда не скинет тебя,
Наземь не опрокинет тебя!
Высок его спины подъем.
Истинной мудрости много в нем.
Сорок дней скачи на нем,
По долинам бесплодным скачи,
И в снаряженье скачи на нем,

Сквозь удушливую вонь
Дымных сражений скачи на нем, —
Жаждой томиться не будет конь,
Копыта не треснут у него,
Шестимесячной ездой
Не истощить такого коня!
Настоящий карабаир!
Все повадки его умны:
Если пустишь его в табуны,
Если сделаешь вожаком, —
Не поведет неверным путем
Угнанные табуны.
Это — вихрем летающий конь,
Это — хитрости знающий конь,
Врагам не попадающий в плен,
И зовут его Карт-Курен!
Выпроси мне дорогого коня!
Если не дашь мне такого коня,
Грусть никогда не покинет меня!

IV

Джалиль ушел, а Джура долго сидел неподвижный, тоскуя о коне-мечте. Он смотрел вдаль невидящим взором. Вдруг удар по плечу вернул его к действительности. Сзади стоял улыбающийся Шараф.

— Видал, какого карабаира у басмачей отбили? Змей! Никому не дается. Видно, быть ему без хозяина.

— Где он? — воскликнул Джура.

— Во дворе крепости.

Джура, оставив далеко позади Шарафа, побежал туда.

Он увидел привязанного к столбу высокого рыжего жеребца. Кругом стояли джигиты. Такого коня Джура еще не видел. Конь был редкой золотистой масти, с пышной гривой и длинным хвостом. Сквозь тонкую кожу проступали жилки. Стройные, точно выточенные ноги ни минуты не стояли на месте. Огненные косящие глаза и раздувающиеся ноздри говорили о бешеном нраве. Жеребец дрожал, кружил возле столба и норовил укусить всякого, кто к нему приближался.

— К хозяину приучен. Чужому сразу не сесть, — раздавались голоса.

Именно о таком скакуне мечтал Джура, вспоминая строфы из «Манаса»:

Если в дальний пойти поход,
Он батыра не подведет,
По крутизнам летя, как стрела,
Не сбросит всадника из седла...

И вот этот конь перед ним. Конь, который еще не имеет хозяина.

— Я сяду! — взволнованно сказал Джура.

Все расступились, давая ему дорогу.

Но это было легче сказать, чем сделать. Совместными усилиями четырех человек коня удалось подвести к кибиткс, и Джура прыгнул с крыши в седло. Конь захрапел, стал на дыбы и помчался бешеным галопом. Камни летели из-под копыт. Он бил задом, становился на дыбы, стремясь сбросить седока.

Все с восхищением смотрели на эту бешеную скачку. Джура как бы прирос к коню и пытался сдержать его, но жеребец не слушался повода и скакал не прямо, а все время забирал боком вправо, к обрыву за холмами.

У обрыва он сделал несколько поворотов на месте и опрокинулся на спину. Только лопнувшая подпруга спасла Джуру: вместе с седлом он отлетел в сторону.

Скатившись с невысокого обрыва, Джура вскочил на ноги и, не оглядываясь, пошел в сторону от крепости. Он не смог усидеть на жеребце! Позор!!! Теперь все над ним будут смеяться. Что другим до того, что раньше он ездил верхом только на кутасах, а на лошадь сел только в крепости!

Конь отбежал в сторону и остановился, жадно пощипывая траву, зеленевшую под обрывом.

Джура подошел к нему, но конь стремительно отскочил.

Юноша влез на пригорок. Невдалеке виднелись круглые войлочные юрты киргизов-кочевников. Около юрт были привязаны лошади. Джуре нужен был быстроногий конь, чтобы поймать своего, и он направился к юртам.

Из юрт высыпали ребятишки, вышли женщины. Опережая остальных, навстречу Джуре вышел пожилой киргиз. Он сказал:

— Джура, ты великий охотник и прекрасный наездник. Тебе нужно поймать коня — для этого возьми мою лошадь.

Джуре было некогда удивляться доброте постороннего человека. Он был обеспокоен тем, что конь мог убежать в горы. Джура и незнакомый доброжелатель сели на лошадей. Они подъехали к Рыжему и без особого труда заарканили его. Джура захватил седло с лопнувшей подпругой. Рыжего они вели на арканах, удерживая его справа и слева.

Джура ехал веселый, преисполненный чувства самой живейшей благодарности к этому доброму и благородному человеку.

— Как тебя благодарить? — спросил Джура. — Я даже не знаю твоего имени.

— Мое имя Артабек, я из рода Хадырша, как и ты, Джура, и я помог тебе, как помогают друг другу охотники. Сам был молодым, люблю хорошее оружие и резвых скакунов. Душу отдам за них!

— Ты совсем как я! — обрадовался Джура.

— А ты шия или суни? — спросил его худощавый.

Джура замялся. Он и сам хорошо не знал, принадлежит ли он к мусульманам шиитского толка или к суннитам. В горах они больше верили в джиннов, арвахов и других духов и совсем не разбирались в различных толкованиях магометанской веры, поделивших всех верующих на несколько враждующих лагерей.

Худощавый заметил смущение юноши, сразу стал серьезным и негромко сказал тоном вопроса:

— Люби свою веру, но не осуждай другие?

Джура недоуменно посмотрел на него и ответил:

— Я простой человек и не знаю, каких слов ты ждешь от меня. Меньше слов, больше дела — так сказал Козубай. И еще он сказал, что не надо бормотать молитвы и всякие там святые изречения, чтобы попасть в рай после смерти. Ничего такого нет. В небе только тучи, дождь, гром, снег, мороз и ветер. А надо вместо слов засучив рукава самим строить райскую жизнь здесь, на земле. Если мы все разом возьмемся за это, то сделаем скорее. Потому что, как сказал Козубай, от хвороста, собранного сообща, пламя костра будет выше.

— Ты бесконечно прав! — горячо откликнулся Артабек. — Настоящий человек не должен быть ни шия, ни суни, ни христианин, ни огнепоклонник, ни буддист. Он не должен верить ни в какую чертовщину: ни в джинов, ни в арвахов.

— Ты говоришь слова Козубая, — сказал Джура, — ты мудр так же, как он.

— Будет ли рай или ад на земле — зависит от человека, — продолжал Артабек, сидя боком на седле и небрежно играя камчой. — Если человек захочет найти мудрого старца — пира — и будет следовать его советам, он превратит всю свою жизнь в райские наслаждения. А не сумеет стать пасомым мудреца, что ж, этот несчастный будет метаться и грызть собственную лапу, как волк, попавший в капкан, испытывая при этом адские мучения от собственного бессилия. Счастье, если мечущийся сумеет найти такого мудрого старца!

— А Козубай! Я не встречал человека мудрее.

— О, Козубай — великий человек! У него ум мудреца, язык белой священной змеи, а хитрость льва. Я очень уважаю его. Но скажи: если ты хочешь познать истину, зачем же сразу делать себе идола?..

Тут Артабек заметил, как потемнел Джура, наливаясь гневом, и быстро закончил:

— Ибо сам Козубай против того, чтобы его считали идолом. Он слишком умен для этого. А слышал ли ты о всеобщем разуме — «акликуль»?

— Нет, не слышал. О, какой большой мир и как много в нем мыслей! — воскликнул Джура. — И как много я еще узнаю и увижу! Здесь жизнь как джир — сказка, полная неожиданностей... Я уже соскучился сидеть в крепости. Я здоров, я совсем здоров, а если грудь еще болит, ну и пусть болит. Напиться бы свежей крови кика, и вся моя сила вернулась бы. Да разве поедешь на охоту без коня?.. А Рыжий, смотри, какой он стал тихий .

Артабек и Джура ехали шагом и много говорили. В речах Артабека Джура понимал не все, но старался этого не показать. Он был очень горд тем, что последнее время важные и уважаемые люди уделяют ему, Джуре, столько времени, занимаясь им. Джура запоми-

нал все сказанное Артабеком, собираясь потом во всем разобраться.

Они подъехали к юрте. Спешились. Рыжего привязали в стороне к железному колу. Джура потрепал Рыжего по шее. Конь поднял голову и принял это спокойно. Но когда юноша ладонью провел по спине, Рыжий рванулся в сторону и задрожал.

— Оводы ему спину с левой стороны накусали, — сказал Джура, показывая окровавленную ладонь.

Артабек осмотрел седло и, схватив Джуру за палец, нажал им на внутреннюю сторону седла. Джура почувствовал острие и отдернул руку.

— Гвоздь! — сказал Артабек. — Кто-то хотел, чтобы конь убил тебя до смерти. Видишь, вставил в седло гвоздь.

Почти новый, незаржавленный гвоздь лежал на ладони Джуры. Таких в кузнице Ахмеда он видел целый ящик.

— Я знаю, — крикнул Джура, — это Ахмед! Как я ошибался! Сейчас поеду!

Артабек схватил Джуру за рукав:

— Стой! А может быть, это не Ахмед сам по себе, а кто-то другой приказал ему это сделать.

— Кто? — сразу насторожился Джура.

— Я этого не знаю, может быть, это просто способ отбить у тебя охоту ездить верхом. Ты просил у кого-нибудь коня?

— Просил. У Козубая.

— Неужели он так не доверяет тебе, что решился таким способом отвадить тебя от езды? Нет, нет, не думаю! Этого быть не может! Ты ошибаешься! Он обещал тебе дать! Ты забыл! Это уму непостижимо! Отведи Рыжего в крепость, и я придумаю способ достать тебе коня. Мы поедем в одно место... Но чтобы тебя не остановили другие, узнай секретное слово — пароль. Приезжай ко мне, я тебя научу многому.

— А мне можно взять винтовку?

— Конечно... Только скажи, что идешь на охоту.

С помощью Артабека Джура оседлал Рыжего. Джура убедился, что конь стал необыкновенно смирным и позволял подгонять себя камчой.

Еще по дороге в крепость Джура встретил членов отряда, обеспокоенных его отсутствием. Остальные ожидали его на крыше крепости. Возгласы приветствий, дружеские объятия так обрадовали Джуру, что у него пропало всякое желание мстить Ахмеду. Он показал Ахмеду гвоздь и сказал, что не сердится на него за эту злую шутку. Гвоздь он отшвырнул в сторону, но Ахмед тотчас разыскал его, взял седло и унес все это в свою кибитку. Ахмед начал расспрашивать бойцов, кто уговаривал Джуру сесть на коня, и ему указали на Шарафа. Помня слова Козубая о том, что за Шарафом нужно незаметно следить, Ахмед промолчал, хотя ему и хотелось указать Джуре истинного виновника происшествия. Через несколько минут Джура, узнав пароль, направился в сторону юрт. Рядом бежал Тэке. Дежурному Джура сказал, что думает поохотиться. Джура спешил. Желание получить коня убыстряло его шаги. Он боялся, что его хватятся в крепости и не пустят за ее пределы.

V

За несколько часов перед этим на осеннее становище кочевых киргизов, расположенное неподалеку от крепости, приехал всадник. Это был маленький, сухонький старичок с хитрыми, юркими глазками.

Он спросил, где живет Садык, всеми уважаемый мудрый человек, и, подъехав к его юрте, слез с лошади. Никто не вышел его встречать. Два комсомольца, стоявшие поблизости и узнавшие в приезжем аксакала рода кипчак — Юсуфа, демонстративно повернулись к нему спиной. Это не смутило приезжего. Он сам откинул полог и вошел в юрту.

Рослый сутулый Садык не встал ему навстречу. Его темные ввалившиеся глаза с ненавистью смотрели на приехавшего, а лицо покраснело от гнева. Он сделал вид, что не замечает протянутой Юсуфом руки, и тот опустился на корточки возле очага. Он кивнул хозяину юрты на двух женщин, и Садык приказал им удалиться.

Юсуф придвинулся к Садыку и зашептал ему на ухо. Они долго говорили шепотом. Голоса их стали громче, и наконец Садык сказал:

— Оставь свои мудрствования, пир, я слишком стар, чтобы менять веру. И неужели ты думаешь, что я поверю в то, что человек, учившийся в Лондоне, а теперь кутящий в Бомбее, являлся живым богом, о котором ты говоришь так: «Он — тот, в котором живет полная всяких побед и достижений душа всех прежних пророков и Алия»?

Я читал вашу книгу «Маулоно-Шо-Низоро», слыхал я и об откровениях Сеид-Ата-Идн-И-Шах-Мансура. Знаю я и «Путевой припас странствующих» Насыр-И-Хосрава. К чему ты мутишь мой ум разговором о каких-то буквах и числах? К чему ты говоришь мне о истине Махди? Не вам ли, исмаилитам, ваш Ага-хан приказал хранить тайну учения и вводить в заблуждение непосвященных, чуждых секте! Скажи мне прямо: чего ты от меня хочешь?.. Не знаю, как величать тебя, какой ты степени исмаилитский начальник. Говорят, ты уже поднялся с седьмой степени на четвертую и стал Дайями, помощником Ага-хана и «дверями к нему». Говори!

— Кто сказал тебе это? Кто? — Не ожидавший такой осведомленности, пир схватил Садыка за руку.

— Мне старуха на бараньей лопатке нагадала, — насмешливо, ни секунды не задумываясь, ответил Садык.

— Пусть так! Но будь осторожен! Не поднимай руку и слово на исмаилитов...

— Вы страшные люди с вашей тайной верой, подтачивающей чужую душу, но я не боюсь вас. Кому грозишь ты? Бывшему пастуху, у которого погибло три сына. У одного вы украли душу, сделали его исмаилитом и заставили умереть за Ага-хана. А два моих героя были убиты, когда сражались против басмачей. Не все исмаилиты враги Советской власти, но моего сына вы сделали таким. Я не хочу войны. Понял? Чего хочешь ты от меня, старик? Да говори же прямо!

— Садык, ты слишком много знаешь, и мы можем освободить тебя от твоего ранящего языка...

— Чего ты хочешь, собака?

— Я хочу, чтобы ты запретил молодым записываться в комсомол. Я хочу, чтобы они не смущали других, моясь мылом или чистя зубы зубными щетками... Если они не прекратят это, от этого может быть оспа. Понял?

Я хочу, чтобы твои комсомольцы не вмешивались в семейные и родовые дела других киргизов. Ведь только недавно твои комсомольцы напали на джигитов Тагая — трех убили, одного отвезли Козубаю. Пойми, старик, комсомольцы тянут народ в другую сторону. А нам, старым людям, все это грозит бедой. Наконец, я требую, чтобы твой комсомолец, поступивший проводником к русскому Ивашко, который разыскивает золото в горах, не наговаривал на моих людей, тоже работающих у Ивашко.

— Не думаешь ли ты, что я насильно заставляю записываться молодежь в комсомол? Молодежь разбирается сама, с кем ей по пути.

— Ты поощряешь молодежь, я знаю. Даже у тебя в кибитке вот лежит мыло... зубная щетка.

— Ну и что же?

— Значит, зараза проникла даже в твою кибитку. А если мусульманин берет в рот свиное, он оскверняет веру. Щетки — зараза...

— Зачем же тогда русским заражать самих себя? Ведь и они пользуются мылом и щеткой! И почему ты думаешь, что я выполню все твои требования, а не пойду рассказать обо всем этом Козубаю?

— Я надеюсь, что мой бывший пастух, оставшийся моим должником до сих пор, брат басмача из отряда Маддамин-бека...

— Моего двоюродного брата, — прервал Юсуфа Садык, — давно простила Советская власть...

— ...не пойдет к Козубаю, — продолжал Юсуф. — Да и что ты скажешь ему? Укажешь на меня? Я скажу, что ничего не говорил и не видел тебя. На что ты, собственно, будешь жаловаться?

— Вот не ожидал, что ты вспомнишь мой «долг»! Дать каракулевую шкурку на шапку и потом каждый год насчитывать штраф по овце!.. Ты многого захотел, Азим!

— Почему Азим?

— Потому что ты пир Юсуф, но говорят, что ты же и курбаши Азим... Не хватайся за нож! Ведь о тебе тоже кое-что известно.

Пир Юсуф концом матерчатого пояса вытер пот с лица.

— Все это ложь! — сказал он. — Если бы это было так, меня бы давно арестовали.

— Все впереди, — уклончиво ответил Садык.

Полог в юрту приоткрылся, и просунулась голова Артабека.

— Юсуф, — сказал он, — молодой охотник Джура ждет дальнейших указаний у меня в кибитке.

VI

Артабек, возвращаясь в свою кибитку, ехал стремя в стремя со своим пиром Юсуфом и, гордясь своим необычайным успехом, рассказал о Джуре. Он считал, что ему удалось завербовать в лагерь исмаилитов Джуру. Он решил окончательное обращение Джуры отложить на завтра, а сегодня воспользоваться его присутствием и перегнать контрабандой скот в Китай.

— Джура в отряде Козубая; это все знают, никто ничего не заподозрит.

Юсуф, соглашаясь, кивал головой и ехал, погруженный в думы. Он получил приказ имама Балбака склонить весьма влиятельного советского работника Садыка на сторону исмаилитов, но из этого ничего не получалось.

Подъезжая к юртам, Артабек остановил лошадь спутника и зашептал:

— Значит, помните, уважаемый: все баи, которые собираются угонять скот за границу, — мои родственники. Джура горяч, как огонь, и поспешен в решениях. С ним надо вести себя очень осторожно.

Юсуф сердито ударил свою лошадь нагайкой и поскакал к юрте.

— Фирман надо передать, — сказал он.

— Будет исполнено, — ответил Артабек. — Сам повезу!.. Это мой старший брат Юсуф, очень большой человек, кандидат партии, председатель Совета, — сказал Артабек, открывая полог юрты для гостя.

Джура протянул для пожатия две руки, но почтительно пожал протянутый ему палец.

— Есть большой разговор, — сказал Юсуф. — Сейчас перейдем на новое пастбище. Проводи нас, поговорим по дороге. Мы дадим тебе лошадь.

Несмотря на радость, наполнявшую его сердце, Джура нахмурился. Ему не понравилось, что председатель подал ему палец и говорит заносчиво и высокомерно. Кроме того, ему показался странным ночной перегон скота. Артабек снова придержал полог для высокого гостя, но Джура вышел первым, и раздосадованный Артабек выругал его про себя неучем.

Они сели на лошадей.

— А юрты? — спросил Джура.

— Их привезут вслед за нами, — ответил Артабек. — Сначала погоним скот.

Была темная ночь. Пастухи гнали стадо на восток. Не было слышно привычного звона колокольчиков, и это удивило Джуру, но он молчал. Не успели они завернуть за холмы, как впереди послышался топот и крики людей. Стадо остановилось.

— Вперед! — сказал Артабек.

Они подъехали к спорящим. Юсуфа почему-то рядом с Джурой не оказалось.

— Кто здесь? Что надо? — сердито, но не слишком громко закричал Артабек. — Здесь Джура из добротряда Козубая командует этим делом. Кто ему мешает?

Встречные всадники подъехали ближе.

— Ты здесь, Джура? — раздался удивленный голос.

— Я, — ответил Джура, узнав первого всадника. — Чего ты, Уразалиев?

— Так!.. Смотрим... Что-то сегодня ночью много скота гонят...

— Меняют пастбище, — сказал Джура.

— Ночью? — удивился Уразалиев. — Если бы не ты, Джура...

— Нечего, нечего болтать, как бабы! — крикнул Артабек. — Дело есть. Гони! — И, схватив лошадь Джуры за повод, Артабек двинулся дальше.

Вскоре к ним присоединился Юсуф. Он говорил с Артабеком на непонятном для Джуры языке. Джура чувствовал по тону Артабека, что тот сердится и чего-то боится; это опять неприятно удивило Джуру.

— Скажи, Артабек, — спросил он, — что ты хотел сказать словами: «Джура командует этим делом»?

— Тебя все уважают, и твое слово свято. А если

встретим джигитов Козубая, я опять так же скажу, чтобы овец не задержали.

— А разве Козубай запрещает гнать скот ночью? — спросил Джура, останавливая коня, и не услышал ответа.

— Ну, а если да, то что ты сделаешь? — помолчав, спросил Артабек.

— Ты еще спрашиваешь! — укоризненно сказал Джура. — Разве слово твоего друга Козубая не закон для всех?

— Ты узнал секретное слово? — спросил молчавший до этого Юсуф.

— Узнал, — ответил Джура.

— Какое?

— Козубай запретил говорить пароль всем, кроме джигитов, которые отъезжают из крепости на операцию. — Эти новые для него слова Джура произносил с явным удовольствием. — А кто любопытствует насчет этого слова, те двуликие люди. Ты зачем выспрашиваешь у меня секретное слово?

Джура остановил коня. Чувство неприязни к Юсуфу возрастало.

— Я приобщен к этой тайне, — сказал Юсуф спокойно. — А спрашивал тебя, чтобы проверить, крепок ли ты на язык.

Джуре стало стыдно за свое ребячество, и он молча двинулся дальше.

Весь этот ночной переход был вовсе не так интересен, как предполагал Джура, и если бы не конь...

Тэке, успевший подраться с пастушескими собаками, бежал рядом. Изредка он в охотничьем азарте бросался на крайнюю овцу, и тогда все стадо шумно устремлялось вперед, но крики пастухов немедленно пресекали панику.

Пыль щекотала в носу. Морозило. Ехали довольно долго. Всадники остановились у темневшей перед ними юрты. Спешились.

— Джура, — торжественно сказал Артабек, — я и мой старший брат Юсуф дарим тебе серого коня, на котором ты ехал. Твои доброжелатели, Козубай и другие, отказали тебе в лошади, а нам для друга и лошади не жалко. Вот какие мы, исмаилиты, для исмаилита. Я хочу

сказать — для тех, кто умеет быть мужчиной, — добавил Артабек, уловив недоуменное движение Джуры. — Зайдем в юрту, отдохнем, а завтра мы устроим той и будем отдыхать много дней, наслаждаясь жизнью.

Джура вошел в кибитку. В ней было много народу. Мужчины сидели на кошмах, полулежали на подушках и спали у стен. Вид у всех был усталый, угрюмый и сердитый.

При виде Юсуфа раздались радостные восклицания. Все стали протягивать руку для пожатия.

— Уважаемые, — сказал Артабек, — я хочу вам сказать: если кто найдет шерстяные коричневые одеяла, не трогайте их...

— Мы уже знаем! — закричали присутствующие. — А вы пригнали?

— Пригнали, — ответил Артабек.

— И как это вас проклятые головорезы Козубая не поймали со скотом? — сказал пожилой толстый мужчина, от которого пахло сырыми кожами.

В то же мгновение Джура впился руками в его шею, поднял его в воздух и вышвырнул за полог.

Несколько рук схватили Джуру, но Артабек крикнул:

— Бросьте! Это наш! Это Джура, спаситель. Он помог нам с овцами.

Джуру отпустили.

— Этот старик пошутил, говоря о головорезах Козубая, он не думал тебя обидеть, — сказал Артабек. — Пошутил, понимаешь?

— В кибитке, где оскорбляют моих друзей, я не останусь! — сердито сказал Джура.

— Моя вина, — поспешно сказал хозяин юрты, угодливо хихикая. — Завтра днем ты получишь искупление моей вины. Наган хочешь?

— Давай сейчас!

— Сейчас нет! А завтра будет...

— Давай сейчас! — настойчиво повторил Джура.

— Ну, понимаешь, он еще у хозяина — русского Ивашко. Мои люди в его отряде. Они завтра должны убрать его и...

Хозяин невольно вскрикнул.

Джура заметил, что Артабек наступил на ногу хозяину. Джура мгновенно как бы весь застыл. Лицо его

приняло безразличное выражение, но ноздри трепетали.

Внесли котел вареного мяса, и все сели вокруг.

— Я не буду есть, — сказал Джура.

— Ешь. Жирная баранина, — настаивал Артабек.

— В этой кибитке я есть не буду, — громко сказал Джура.

— А как же ты отречешься от своей прежней веры отцов, дедов и близких, если твое непослушание уже сейчас вредит тебе в глазах твоих друзей, которые не допустят тебя стать мюридом? [1]

— Мюридом? — вскричал Джура. Он вдруг вспомнил это слово из легенды, которую рассказывала ему мать, о незнакомце, появившемся много лет назад в их кишлаке и грозившем своими мюридами. — Я и не собираюсь стать мюридом!

Он и раньше подозревал что-то неладное, а теперь окончательно понял, что это враги.

— Так-то ты, Артабек, подготовил его? — зловещим шепотом спросил Юсуф.

— Вы кто? Баи? — вдруг спросил Джура.

— Мы прежде всего исмаилиты, значит — твои друзья, из рук которых ты получил лошадь.

Услышав это, Джура безмолвно направился к выходу.

Рука с ножом поднялась за его спиной, но Юсуф приложил палец к губам.

— Пусть уезжает, — сказал он, когда полог, опустившийся за ушедшим, перестал шевелиться. — До утра не будет здесь ни нас, ни скота, а серая лошадь, украденная у русской экспедиции Ивашко, плохая находка для джигита Козубая!

МАРКАН-СУ — ПУСТЫНЯ СМЕРЧЕЙ

I

Джура скакал галопом, настегивая лошадь нагайкой. Все в нем бурлило и кипело. Ему хотелось самому бежать бегом, чтобы поскорее найти хоть одного честного

[1] Мюрид — послушник, воспитываемый в фанатической ненависти к инаковерующим.

человека, с кем бы он мог посоветоваться. Он догнал комсомольцев с Уразалиевым во главе. Джура торопливо рассказал им все, и они быстро повернули назад.

— Я так и думал, — сказал Уразалиев, — что они хотят переправить за границу контрабандой скот. Надо спешить!

По дороге им попались еще два джигита Қозубая. Один из них, Гапуров, узнав о случившемся, предложил перерезать баям путь, проехав напрямик по ущелью. Перед ними открылось широкое русло горной реки. Они проехали некоторое время молча. Гапуров дал знак прислушаться: в темноте ясно раздавался топот множества копыт.

Выстрелы вверх, блеяние овец, свист пуль нарушили безмолвие ночи.

— Пока будем вести перестрелку, скот угонят, — сказал Гапуров.

Вдруг с востока, куда ринулось стадо, раздались новые выстрелы.

— Хорошо, очень хорошо! — радостно закричал Гапуров. — Там их встретили пограничники. Теперь уже не только скот — ни один контрабандист не уйдет за границу.

Қогда перестрелка окончилась и комсомольцы собрались, оказалось, что Джуры нет. Обеспокоенные, они хотели ехать на поиски. Қто-то из комсомольцев сказал, что видел, как Джура поскакал прочь; может быть, в крепость, чтобы доложить о случившемся?

Утреннее солнце осветило стадо, двигавшееся по направлению к крепости. Стадо сопровождала группа комсомольцев с Уразалиевым во главе. Пограничники уехали к заставе, уведя с собою пойманных баев. Джигиты вспоминали подробности ночного нападения и наперебой хвалили Джуру.

После легкого ночного мороза стало вдруг необычайно тепло. Сквозь душную мглу солнце казалось раскаленным шаром.

Мгла, дыхание бурь из пустыни Такла-Макан, оседала мельчайшей пылью. Она покрывала тонким слоем открытые и уже остекленевшие глаза убитого в стычке Артабека.

II

В это утро Юрий Ивашко, спавший в небольшой палатке вместе с двумя другими членами экспедиции, проснулся в назначенное время. Светящаяся стрелка показывала ровно шесть часов. Он не стал будить друзей, быстро вылез из мехового спального мешка, оделся и вышел во двор.

Возле второй палатки, где помещалось четверо рабочих, горел небольшой костер. Из ведра, повешенного над ним, шел пар. К Ивашко тотчас же подошел молодой проводник, комсомолец, рекомендованный Садыком.

— Что нового? — по-киргизски спросил Ивашко, потягиваясь всем телом. — Пойдем мыться!

— Дело есть, — сказал молодой паренек, направляясь вместе с Ивашко к речке.

— Что? Опять лошадь украли или яки в горы ушли?

— Я всю ночь не спал, думал. Почему начальник меня не послушал и не захотел заменить лентяев? Человек из богатой семьи не нуждается в заработке.

— Вот о последнем и надо было сказать. Ты почему не сказал?

— А разве разговор о винтовках был пустой разговор? Здесь винтовка очень большие деньги стоит. Винтовку надо возле себя держать. Туда-сюда не бросать, понимаешь? Я говорю — начальник смеется. Он говорит: не надо ссориться. Как он не понимает, что за человек повар Гош? Ты видел, как этот повар на меня бросился, хотел меня прогнать? Я не боюсь. Я удивляюсь, почему мои слова не доходят до начальника... Он думает: я молодой, я глупый. Почему он не узнает у Козубая, можно ли мне верить? Скажи — пусть спросит, можно ли бросать винтовки туда-сюда...

— Я уже предупреждал Федора и Сашу. Напомни им. Я полезу на гору и через пять часов вернусь. Мы еще раз обсудим все это...

В начале лета их отряд выехал из Ош и до осени проработал в горах. В конце лета геологи разбились на небольшие группы и сейчас проводили дообследование объектов.

На будущий год отряду предстояло включиться в Таджико-Памирскую экспедицию, которая выполняла гран-

диозный план всестороннего изучения края и путей развития его производительных сил.

Юрий окреп, возмужал, мог объясняться на узбекском и киргизском языках.

Коллективизация всколыхнула народ. Классовая борьба обострилась, и снова появились басмачи. Они безуспешно пытались помешать массовой коллективизации. Участились попытки баев угнать скот за границу. Но пограничники крепко заперли границу. Что же касается лагеря геологов, то никто не пытался на него напасть даже в этом пустынном месте.

Взяв винтовку и рюкзак с принадлежностями, Ивашко пошел по склону, чтобы начать подъем с востока. В рюкзаке у него были анероид, две лепешки, коробка консервов. Он шел не спеша, дышал спокойно и глубоко и, как всегда — это вошло у него в привычку, — наслаждался величественным видом гор.

Ослепительно белели вечные снега, темнели глубокие и длинные теснины гор. Горы Кизил-Арта выделялись яркими пятнами кирпичного, кроваво-красного песчаника, бурого, светло-зеленого и серого сланца.

На перевале чуть виднелись туги — шесты, установленные на могиле святого Кизил-Арта. Подвешенные к тугам хвосты и тряпки колебались на ветру. На юге поблескивали воды огромного озера Кара-Куль.

Дул сильный, холодный ветер. На недалеком выступе горы неподвижно стоял архар с большими рогами, закрученными спиралью, смотрел на геолога и не убегал. Архара можно было бы сбить из винтовки, но мясо в лагере было, а убивать зря Юрий не привык.

Удивительное ощущение овладело им. Вот полезет он, как мушка, по крутому скату дикой горы. А сколько таких «мушек» движется по огромным просторам Родины в поисках руд! И пусть он сейчас один, но «чувство локтя», которое роднит бойцов, не оставляло Юрия и здесь.

Так, озирая дали и думая о многих таких же, как он, «охотниках за камнями», молодой геолог лез все выше и выше.

Воздух был очень разрежен, дышать приходилось часто, и казалось — пульс отдавался в горле. Уже через два часа подъема анероид показал 5200 метров. Ивашко удовлетворенно улыбнулся: «высотный предел» не на-

ступил. А прежде он уже сидел бы, обхватив каменный выступ руками и испытывая ужас от головокружительной высоты. Ему казалось бы, что при малейшем движении он полетит вниз...

Юрий не хотел быть «предельщиком». Он должен был побороть свой недуг, и он превозмог его. Это далось не сразу. И что только он не делал! Даже, по совету охотников, пил кровь убитого киика.

Юрий взглянул на анероид; он показывал около 5300 метров. Юрий, слегка задыхаясь в разреженном воздухе высокогорий, все так же спокойно поднимался к заинтересовавшей его скалистой вершине и не чувствовал особой усталости.

Предупреждения комсомольца Джафара только сейчас по-настоящему встревожили Юрия. Он остановился, тяжело дыша, и подумал о своих спутниках. Старшим в их группе был Федор Лежнев. Федор был настороже после прошлогоднего нападения басмачей. А однажды, получив из погранпункта и от Козубая сведения о появлении басмачей, даже распорядился перенести палатки поближе к крепости Козубая. Здесь они сейчас и находились. Басмачей не было, а добровольческий отряд расположился неподалеку. Даже узун-кулак — слухи, доходившие к ним от местного населения через работников и, как правило, значительно преувеличивавшие опасность, в последнее время были самые успокоительные. Можно было бы и не тревожиться понапрасну в этой, казалось бы, спокойной обстановке. Но пограничный район всегда остается пограничным районом, и коня, украденного здесь, можно было не без выгоды попытаться продать за границей. Ведь украли же у них серого жеребца! Это было единственным серьезным происшествием за все лето и осень.

Работа подходила к концу, но в последние дни рабочие вдруг заленились, и это грозило затянуть дело.

— Рабочие хитрят, они, видимо, затягивают работу с целью побольше заработать, — так объяснил Федор их поведение и пригрозил им, что пожалуется рекомендовавшему их Артабеку.

Федор благоволил к одному из рабочих — повару, по прозвищу Гош, человеку полному, веселому, разбитному, стремглав бросавшемуся выполнять любое его

приказание. Иногда они вместе охотились. По вечерам Гош рассказывал о своих стычках с басмачами, играл на дутаре и пел.

Повар имел большое влияние на двух своих приятелей-рабочих. Эти тоже старались услужить начальнику, говоря, что шишка от чересчур низкого поклона не повредит. Но с недавнего времени эти рабочие заленились. Федор попросил повара воздействовать на приятелей. Гош широко улыбнулся, развел руками и сказал:

— Ничего не могу поделать!

Комсомолец Джафар был не из их компании. Он пришел со своими сверстниками наниматься на работу, чтобы помочь экспедиции, но они опоздали. Федор не захотел менять уже нанятых старательных рабочих. Взяли только комсомольца Джафара на место заболевшего. Повар сразу же захотел выжить Джафара. Но Юрий этого не допустил. Ему нравился прямой, порывистый, энергичный и находчивый Джафар, не скрывавший своего презрительного отношения к подхалиму Гошу. Конечно, Джафар был менее опытен, чем Шамши, работавший с Юрием в прошлом году. Но Шамши еще с зимы работал в Таджико-Памирской экспедиции.

Геологи условились не расставаться с винтовками. Всегда же носить их с собой даже в лагере надоедало. И, находясь в лагере, Федор и Саша, молодой геолог, нередко оставляли винтовки в палатке, возле меховых спальных мешков. Джафар молча брал винтовки и приносил их Федору и Саше. Если они сидели за едой, он клал им винтовки на колени; если они разбирали образцы или писали, то вешал каждому его винтовку за спину. Вначале это нравилось геологам, потом смешило, а впоследствии это молчаливое напоминание о потере бдительности начало раздражать Федора. Он запретил Джафару трогать винтовки. Все тревоги Джафара и недоверие к повару Федор объяснял возникшей между ними неприязнью.

На предложение Юрия вынимать хотя бы затворы у винтовок, оставляемых в палатке, Федор заявил:

— В поучениях я не нуждаюсь, сами с усами.

Вчера Джафар предложил заменить отлынивавших от работы лентяев сарыкольскими комсомольцами. Это, как утверждал он, позволит очень быстро закончить работу.

Или повар подслушал разговор, или ему донесли, но он тогда же явился в палатку и, не скрывая своей ярости, обругал Джафара и даже угрожал, если Джафар сейчас же не уберется вон. Комсомолец не испугался и сказал, что никуда не уйдет до тех пор, пока его не уволят. Федор Лежнев стал на защиту Джафара и послал повара выяснить, будут ли рабочие работать со старанием; а если нет, то их заменят.

Рабочие не заставили себя долго ждать. Пусть начальник, сказали они, не зовет других на их место, и они постараются.

Лежнев согласился оставить их и обещал премировать за хорошую работу.

Это было вчера.

Конечно, повар захочет отделаться от Джафара, подумал Юрий. И вряд ли Федор Лежнев сможет помешать этому. Что это будет: случайный ли выстрел из винтовки, оставленной в палатке, или камень, упавший на голову юноши, Юрий не знал. Но в одном он не сомневался: если он все время опекал Джафара, то сейчас, после вчерашней ссоры, это особенно необходимо.

Молодым человеком овладело острое беспокойство за жизнь Джафара. Саша, ровесник Юрия, был неопытен. Саша называл Федора Печориным и старался подражать ему во всем, даже в пренебрежительной манере разговаривать. Конечно, так же как Федор, он считает ссору мелкой, беспричинной склокой и вряд ли сумеет предотвратить месть повара.

Юрий все более замедлял шаги и наконец остановился. Мог ли он сейчас спокойно работать? Конечно, нет.

Юрий стоял в раздумье, глядя вниз, в долину, и вдруг услышал шорох осыпающихся камней. Он увидел, как справа, по склону, прямо к нему скачет большой черный пес с белым пятном на груди. Пес не добежал шагов двадцати, залаял и оглянулся назад.

Тут только Юрий заметил человека с винтовкой за плечами, который поднимался к нему. В серой лошади на которой ехал всадник, то и дело подхлестывая ее, Юрий узнал своего недавно украденного коня.

Юрий сел на камень и положил винтовку на колени. Осторожность никогда не мешает. Пес лег. Он тяжело дышал. Из открытой пасти свешивался язык.

— Эй, Юрий! — еще издали закричал мужчина. — Где твои люди?

Молодой геолог не сразу понял речь внезапно появившегося человека, а поняв, показал вниз.

— Надо спешить. Среди них — скрытые басмачи. Скорее!

— Кто ты? — удивленно спросил Юрий.

— Джигит Козубая. Забыл? Кишлак Мин-Архар помнишь? Я Джура.

— Джура? Здесь? Откуда? Как к тебе попала моя лошадь?

— Скорее! — крикнул Джура.

Ивашко мгновенно вспомнил неоднократные предупреждения Джафара о неблагонадежности повара Гоша и его друзей.

Юрий побежал вниз по склону. Джура ехал рядом.

* * *

Двое геологов, встав, как всегда, рано, заметили тонкий слой пыли, покрывший палатку, камни, вещи. Саша немедленно определил эту пыль как «космическую».

— Ты во всем видишь космос! — возразил Федор.

Обнаженные до пояса, они пошли к ручью.

Путь им преградил Джафар.

— Надо винтовки брать! — крикнул он. И, видя, что его не слушают, добавил: — Юрий сказал — нельзя винтовки бросать.

— Он приказал еще купать их в ручье! — на ломаном русском языке крикнул повар и захохотал. — Ты лучше смотри, чтобы лошадей у тебя не украли, твое дело — лошади... Эй, товарищ начальник, почему Джафар за лошадьми не смотрит?

— Да, да, Джафар, пойди оседлай лошадей, — распорядился Федор.

Джафар бурно вздохнул и пошел к лошадям.

Геологи отправились дальше. Им надоело во всех случаях жизни таскать винтовки с собой. Да и какая могла им грозить опасность? Вокруг никого не видно. Бояться рабочих, присланных Артабеком в помощь группе? Они казались симпатичными людьми. Особенно



Басмач испуганно обернулся на звуки выстрелов и увидел молодого джигита, стреляющего с коня.

славный был повар, веселый, находчивый, рубаха-парень.

То, что дальше произошло, было так неожиданно, что геологи не успели испугаться. Повар вбежал в палатку и выскочил оттуда с винтовкой в руках. Поспешно прицелившись в Федора, он выстрелил и промахнулся.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Федор, обернувшись и видя направленное на него дуло.

Повар выстрелил вторично. Федор упал на бок.

От палатки бежали двое «рабочих» с винтовками в руках. Предполагая, что они несут им винтовки, Саша побежал навстречу.

Один из рабочих выстрелил в Джафара, второй выстрелил в Сашу. Джафар зигзагами побежал на гору, в камни, и упал. Саша побежал вверх по берегу ручья, петляя из стороны в сторону.

Повар выхватил нож и направился к Федору. Вдруг он упал лицом в песок. Издалека донесся выстрел, второй...

Упал второй басмач. А единственный оставшийся в живых басмач испуганно обернулся на звуки выстрелов и увидел бегущего к нему по склону Юрия и молодого джигита, стреляющего с коня.

Басмач не стал ждать. Он закинул винтовку за спину и помчался к лошадям, пасшимся невдалеке. Там он перерезал путы, связывавшие передние ноги ближнего коня, вскочил верхом и поскакал на восток, к границе.

— Что же ты, Джура, не стреляешь? — крикнул Юрий, посылая пулю за пулей в скачущего басмача.

— Коня жалко! — ответил Джура. — Давай мне свежего коня, догонять буду! А этот серый пусть здесь пасется.

Через три минуты Джура уже скакал вслед за басмачом.

Юрий подбежал к лежавшему Джафару. Он был без сознания. Пуля задела череп возле уха, разорвав кожу. Голова его была в крови. Юрий ощупал голову:

— Цела! Будет жить!

Юрий поспешил к Федору. Подбежал Саша. У Федора даже губы были белые. Он был ранен в плечо.

— Чью винтовку увез басмач? — было первое, что спросил Федор, кривясь от боли. Он попробовал сесть, но со стоном опрокинулся на спину.

Пока Юрий перевязывал Федора, Саша осмотрел винтовки. Все еще бледный и дрожащий, он сообщил, что нет винтовки Федора.

— И поделом мне! — сказал Федор.

— Не отчаивайся, — ободрил его Юрий. — Джура меткий стрелок.

III

Джура скакал вслед за басмачом, и его несколько успокаивало сознание, что наконец-то он сделал нечто полезное и нужное, предупредив убийство охотников за камнями. Теперь бы отомстить — догнать последнего басмача! Лошадь, на которой он ехал, устало скакала, задыхаясь в разреженном воздухе. Джура злобно стегал ее.

Вдруг басмач, скакавший по равнине, исчез. Джура даже привстал на стременах, но, сколько ни всматривался, не заметил неровности, которая могла бы скрыть басмача.

Выехав из каменных осыпей, он неожиданно увидел множество джигитов. Они шли из ущелья по два в ряд длинной колонной и вели лошадей в поводу. Джуру поразило, что они были похожи друг на друга, как братья: все были одинаково одеты, даже шапки на них были одинаковые.

Именно такими описывали Козубай, Ахмед и Муса кизил-аскеров — красных бойцов.

От неожиданности Джура остановил коня, но к нему уже мчались три кизил-аскера с винтовками в руках.

Джура поехал навстречу.

— Кто ты? — спросил его по-киргизски один из них.

«Наверно, начальник», — решил про себя Джура.

— Я Джура...

— Из отряда Козубая? — перебил его незнакомец, глядя на него веселыми глазами.

— Там басмач! — сказал Джура, показывая в сторону.

Несколько человек поднесли к глазам бинокли. Джура уже видел бинокль и знал его свойство увеличивать предметы во много раз.

— Никого нет, — сказал старший.

— Он исчез внизу, — сказал Джура. — Может быть, там яма?

Командир посмотрел на куски бумаги, разрисованные черточками (Джура знал, что это называется «карта»), и сказал:

— Там овраг. Басмач решил пересидеть в овраге или выехать в русло реки. Отсюда до этого места около восьмисот шагов.

Бойцы быстро установили станковый пулемет у дороги. Джура с удивлением и восторгом смотрел на незнакомое оружие.

Пулемет начал стрелять.

— Тысячезарядка? — спросил Джура, показывая на пулемет.

— Никогда не видел? — в свою очередь, спросил командир.

— Никогда! Зачем пули на ветер пускаешь?

— Пристреливаем...

— А я сейчас двух басмачей убил, — сказал Джура. — У Ивашко. Там басмачи оказались. И тот, что в овраге спрятался, оттуда.

— У Ивашко? В группе Юрия Ивашко?

— Да, у северного подножия вон той горы. Ему помогать надо. Одному русскому очень плохо... Смотри! Смотри! Скачет.

В русле реки показался басмач.

— Стреляй, стреляй! — кричал Джура. — Зачем не стреляешь?

В эту минуту пулемет затарахтел. Некоторое время басмач еще скакал. Потом всадник вместе с лошадью упал... Пулемет замолк.

Джура подошел и погладил ладонью его ствол.

— Как зовут? — спросил он с уважением.

— «Максим», — ответил начальник.

— А тебя? — спросил Джура.

— Максимов, — улыбаясь, ответил начальник. — Ну, показывай путь к Ивашко. Поспешим.

— О, я о тебе много слышал! И о твоих пограничниках.

Джура подъехал к повозке. Вид вертящихся колес привел его в восторг.

— Умный человек придумал Максима! — воскликнул он. — Очень умный! Может быть, ты?

По дороге в крепость Ивашко рассказывал Максимову о своей работе. К ним верхом на лошади подъехал высокий костлявый старик.

— Товарищ командир, — сказал он, обращаясь к Максимову, — очень прошу, пошли своего лекаря со мной на становище, рядом. Два человека уже три дня болеют. Думаю, плохая болезнь.

— Оспа? — быстро спросил Максимов.

— Думаю, оспа.

— Находили пушистые, хорошие одеяла?

— Находили.

— Это оспа, — уверенно сказал Максимов. — Ты уже болел, Садык, тебе не страшно. Пусть лекпом сейчас съездит. А я уже несколько дней назад дал знать об оспе... Не сегодня-завтра приедет врач, прививки всем будет делать.

— Эта сумка, — волнуясь, сказал старик, не спускавший глаз с кожаной сумки на плече у Джуры, — эта сумка Юсуфа, в ней он возил очень важные бумаги. Откуда эта сумка у Джуры?

— Я взял ее у Артабека, — ответил Джура и рассказал Садыку о происшедшем.

— А где же Юсуф? Где Юсуф? Его надо тоже ловить. Это большой враг. Он за границу, в Кашгарию, бежал! — взволнованно сказал Садык.

— Дай бумаги, — сказал молчавший до тех пор Максимов.

Джура пожал плечами.

— Я все бумаги еще там выбросил, — ответил он, — и набрал в сумку патронов.

— Где же ты бросил? — спросил Максимов, сдерживая недовольство.

— Там, где лежат басмачи. Потом пограничники все бумажки собрали.

— Что бы ты ни нашел у басмачей, всегда неси Козубаю. Ты неграмотный?

— Неграмотный.

— Плохо. Учиться надо. Всему учиться надо — не только грамоте. Тебе надо учиться жить. Ты один поехал помогать Юрию, а надо было другим тоже дать знать. Если бы сообщил кому-нибудь из отряда, получил бы совет, как нужно лучше поступить.

Джура был очень смущен. Чем ближе подъезжал он к крепости, тем больше его охватывало сомнение. Он видел, что совершил много ошибок. Самая важная, по его мнению, заключалась в том, что он, доверившись чужим людям, чуть не стал соучастником перегонки скота за границу. После он хотел исправить ошибку, а оказывается, исправляя, сделал новый промах.

IV

Помощник Козубая Кзицкий в этот день возвратился из длительной поездки. В крепости ему рассказали все новости и прежде всего об охотнике Джуре из района Сауксая.

Кзицкий сразу же заинтересовался Джурой. Ему подробно рассказали о приключении Джуры с конем, захваченным у басмачей, о задержанном контрабандном скоте. Часть пограничников, прибывших в крепость, уже знала о событиях, развернувшихся возле скалы Глаз Дракона.

В крепости Джура стыдился пожимать руки поздравлявшим его товарищам. Позже он начал сомневаться, правильно ли он понял все случившееся. Восторг, который был вызван его поведением, был слишком велик. Джура не мог оставаться спокойным.

Слова Кзицкого о том, что он, Джура, герой, окончательно рассеяли все его сомнения, и он был совершенно счастлив. Кзицкий после разговора с Максимовым вызвал Джуру к себе в кибитку. Долго говорили они. Кзицкий был очень удивлен, узнав подробности о кишлаке Мин-Архар. Рассказ о золоте, найденном в Чертовом Гробе, тоже заинтересовал его. Кзицкий несколько раз спрашивал Джуру о бумагах, бывших в кожаной

сумке, взятой у Артабека. Несколько раз он спрашивал его о фирмане. Джура ничего не мог об этом сказать. Кзицкий, вплотную подойдя к Джуре, сердито крикнул:

— А ты не врешь!

Джура встряхнул плечом и отодвинулся.

Кзицкий овладел собой, сел опять на кровать, закрыл глаза и, сжав пальцами переносицу, задумался.

Джура, постояв некоторое время, медленно пошел к двери.

Кзицкий вернул его обратно. Он заставил Джуру еще раз рассказать, какие горы и реки он переходил. Ответы Джуры нанес на карту. Окончив записи, он устало зевнул и испытующе посмотрел на Джуру.

Джура почувствовал смутное беспокойство.

Кзицкий поспешил к Максимову, но тот был занят: прибыл Козубай, и они совещались.

Многое говорили о поляке Кзицком: говорили, что он бывший курбаши белых урусов Анненковых, говорили, что он знает разные языки, но никто ничего точно о Кзицком сказать не мог. Достоверно было известно только то, что он хорошо знает Памир и не раз помогал захватывать банды басмачей.

Кзицкий вернулся к себе, достал бутылку коньяку и стакан. Он долго сидел, обхватив руками голову, налил стакан до краев и выпил залпом. Он опьянел. Заметив на столе кусок киргизской лепешки, Кзицкий бросил ее на пол, пробормотав: «Осточертело!» Потом открыл сундук, на котором сидел. Пахну́ло затхлостью и плесенью.

Порывшись в сундуке, он вытащил со дна дырявый мешочек со старыми ржаными сухарями. Оттуда выскочил таракан и побежал по столу.

— Ага, ага! — радостно закричал Кзицкий, как будто увидел старого знакомого.

Он поймал таракана и привязал его ниткой за заднюю ножку. Налив коньяку, он отпустил нитку. Таракан побежал по столу. Когда он достиг противоположного края, Кзицкий притянул его за нитку обратно и, сказав: «С приездом вас!» — выпил коньяк, плюнул, передернулся и принялся грызть сухарь.

— Эй, таракан, таракан! — бормотал Кзицкий. — Но ничего: спокойствие, прежде всего спокойствие.

Долго бормотал Кзицкий и наконец, уронив голову на стол, заснул.

Проснулся Кзицкий утром. Опохмелился. Пожевал сухого чаю, чтобы отбить запах спиртного. Заметив на столе таракана на нитке, брезгливо передернул плечами и щелчком сбил его на пол.

— Мерзость! Вот до чего дошел! — проворчал он.

В это время Ахмед подробно расспрашивал Джуру обо всем происшедшем. Тот нехотя рассказывал: сознаваться в своих ошибках он не умел. Говорил больше Ахмед, а Джура слушал, натирая рукавом халата дуло винтовки, лежавшей у него на коленях.

Ахмед почувствовал, что разговор по душам не получается. Очевидно, молодой охотник дичился Ахмеда из-за случая с гвоздем. Он намекнул Джуре, что проделка с гвоздем — дело рук Шарафа.

Джура сразу повеселел и быстро ушел от Ахмеда, не сказав ни слова. Он выбежал во двор и влез на крышу, где стоял на часах Шараф. Тот испугался, поняв, что настал час расплаты, и выстрелил в воздух. Выбежали джигиты, схватили Джуру и заперли в кибитке. Таг, обидевшись за Джуру, бросал камнями в Шарафа, и его тоже заперли вместе с Джурой.

Козубай освободил Джуру и увел его к себе в кибитку. Там сидели Максимов, Ивашко и еще трое военных.

Перед Джурой поставили плов, и, когда он поел, Козубай попросил его все рассказать о Юсуфе и Артабеке.

— Это очень важно, и ты очень поможешь советским людям, если расскажешь слово в слово, как все произошло.

Джура подробно рассказал о встрече с Артабеком. Только теперь ему показалось странным, что Артабек знал его по имени и во всем ему поддакивал.

— Артабек исмаилит, — сказал Максимов. — Он решил принять тебя, Джура, в ряды этого тайного ордена. У исмаилитов разработана целая система вербовки. Сначала они узнают, что думает нужный им человек, — это первая ступень. Они начинают охотиться за ним: это Тасис — вторая ступень посвящения... У тебя, Козубай, кто-то есть в крепости, кто хорошо их осведомил о Джуре.

— Я думаю, тот самый, — сказал Козубай многозначительно.

Максимов понимающе кивнул головой и обратился к Джуре с вопросом:

— Сначала тебе понравился Артабек?

— Понравился, — просто сказал Джура.

— Продолжай.

Джура рассказал, что Артабек его спрашивал, сунит он или шиит, и много говорил о рае и аде.

— Ташлик, — сказал Максимов.

— Это третья ступень, — пояснил Козубай. — Он хотел вызвать у тебя сомнение в твоей вере. Если бы ты был настоящий мусульманин, он читал бы тебе отрывки из корана, чтобы вызвать удивление некоторыми странностями, которые есть в нем, и этим сманить к своему учению, указал бы на разногласия в толкованиях корана — хаджах и раваятах. Но ведь ты и так не веришь ни в пророка Мухаммеда, ни в Алия, ни в аллаха?

— Не верю... Он еще говорил, что нужно иметь пира.

— А требовал он, чтобы ты не разглашал никому сказанного им?

— Требовал.

— Ну, это четвертая ступень — Робт-узы. А говорил он тебе, что разделяет твои мысли о том, что в небе нет бога?

— Говорил.

— Это пятая ступень — Тадлис, обман, — сказал Козубай. — А говорил он тебе, что исмаилит помогает исмаилиту во всех случаях жизни, все остальные люди — грязь и в отношении их ты можешь поступать так, как тебе хочется?

— Не все это, но говорил, — подтвердил Джура.

— А тайные формулы объяснял? — Козубай испытующе смотрел юноше в глаза.

— А что такое формулы? — спросил Джура.

— Говорил он тебе: «Люби свою религию, но не осуждай другие»?

— Говорил вначале, но ничего не объяснял.

— Вот они и считали, что ты поднялся до шестой ступени утверждения, — сказал Максимов. — А кого ты захотел иметь пиром?

— Козубая, — сказал Джура.

Все весело засмеялись.

— Так, значит, ты пир, Козубай, — шутливо сказал Максимов, — а мне и не признаешься. — Он сразу стал серьезным. — Некоторые исмаилиты очень опасные люди, с их тайными убийствами, слепым повиновением мюридов и пиров Ага-хану. Приказ-фирман Ага-хана посланцы возят от пира к пиру, и они исполняют все, что в нем сказано, в интересах английской разведки.

— Я сказал уже Кзицкому, что не видел фирмана.

— Кзицкий тебя спрашивал об этом? — удивился Максимов.

— Несколько раз.

— Значит, ты никакой большой бумаги среди прочих бумаг Артабека не находил? — спросил Максимов, пристально глядя в глаза Джуре.

— Нет.

— А труп Артабека ты обыскивал?

— Пограничники смотрели.

— Ты, Джура, в жизни, — сказал Максимов, — еще совсем ребенок. Люди не всегда такие, какими они кажутся. Одни за улыбкой прячут свои черные намерения, а у других за сердитым видом кроется простая и благородная душа. Постепенно ты разберешься во всем. Один будет тебя ругать потому, что любит тебя и хочет исправить твои ошибки. Другой будет хвалить тебя, улыбаться тебе, как исмаилит Артабек. А цель у него — переманить тебя на свою сторону, увеличив число слуг Ага-хана. Хорошо, что в деле с Артабеком ты вовремя спохватился. Джигиты не знают всего и даже считают тебя героем.

— А разве я не задержал стадо?

— Джура, об этом стаде давно уже знали пограничники и сами бы его остановили: они ждали в засаде. То, что делает добротряд, — это хорошо, но не считай его единственным, а себя великим героем. Наоборот, ты чуть не помог врагам.

Джура тяжело вздохнул и сказал после продолжительного раздумья:

— Я неграмотный. Надо учиться.

— Пришли женщины, — входя, сказал Ахмед, — они просят, чтобы наши охотники-джигиты пошли в горы и

убили для них уларов: кто ест мясо уларов, тот не болеет оспой.

— Скажите им, что сегодня сюда приедут врачи.

— Они не верят врачам, товарищ командир, они говорят, что русские будут заражать их кровью больных оспой и они все умрут.

— Надо выяснить, кто ведет эту агитацию. Одеяла все сожгли?

— Сожгли, — ответил Козубай. — А серую лошадь ты, Джура, верни Ивашко. Ее у него украли.

V

Утром следующего дня Джура зашел навестить Юрия, но его не оказалось в той кибитке, которая была предоставлена ему, и Джура решил, что застанет его у раненого друга. Действительно, Юрий был там.

— Наш спаситель! — так представил его Юрий и напомнил, что это тот самый Джура, о котором он уже много рассказывал в прошлом году, после погони за Тагаем.

Маленький, худенький Саша потянул Джуру за руку и усадил на шкуры, возле горячей железной печки. Он тут же пошел в угол комнаты, принес охотничье ружье в чехле и подал Джуре, сказав, что дарит ему.

Двустволка тотчас же была вынута из чехла и собрана.

Федор подозвал Джуру к себе и, протянув здоровую, левую, руку, сказал, что он дарит ему свои ручные часы. Саша помог Джуре надеть часы на руку.

Джура удивленно повертел рукой и спросил, что это за штука. Юрий, лучше других владевший языком, принялся объяснять Джуре циферблат.

— Я дарю тебе лошадь, — сказал Юрий. — Серый конь, на котором ты приехал, был украден у нас еще раньше. Я оплачу его стоимость и дарю тебе. И вот еще нож. — Он снял с пояса ножны с ножом и подал Джуре.

Джура вынул нож. Это был превосходный клинок, сделанный для полярных работников. Была даже пилка, чтобы перепиливать кости. Джура вынул свой нож и

попробовал резать им острие подаренного. Нож скользил. Тогда Джура попробовал подаренным резать острие своего и увидел, что его нож поддается, как глиняный.

Джура развеселился. Тут Саша вынул заветную бутылку коньяка, достал пиалы, и все выпили.

— За дружбу! — сказал Юрий. — Будешь другом?

— Буду другом! — серьезно сказал Джура, и они обнялись. — Ничего у меня нет, чтобы отдарить вас, — сказал Джура.

— И не надо! — воскликнул Юрий. — Ты спас нам жизнь! Мы бы хотели помочь тебе. Хочешь учиться? Мы все поможем тебе. Научишься грамоте в начальной школе — поступишь в среднюю, кончишь среднюю — поступишь в высшую. Пойми, есть человеческие характеры, напоминающие своим поведением растения: в хороших условиях они расцветают, а случится несчастье — они беспомощны. Это не в характере коммунистов. Есть человеческие характеры, — продолжал Юрий, — сродни волчьим. Волка, как говорится, ноги кормят. Он бежит туда, где водятся овцы и киики, и остается там до тех пор, пока не сожрет всего. У несоветских людей есть волчья заповедь, по которой они живут: «человек человеку волк». Каждый заботится только о себе. Это тоже не в характере коммунистов. Настоящий человек не уподобляется ни растению, ни зверю. Настоящий человек — это прежде всего творец, созидатель, строитель. Он не ждет милостей от природы, а заставляет природу служить себе. Пустыни он превращает в цветущие оазисы. В них он разводит созданных им же домашних животных и сеет ими же созданные растения. Он покорил молнию, а бурные воды заставил работать на себя, и не только на себя, а на благо всего трудового народа, и ты бы, Джура, мог стать настоящим человеком, коммунистом и даже охотником за тайнами природы. Но надо стремиться стать знатоком этого дела.

— Я только простой охотник.

— Всякий труд благороден. Разве ты не хотел бы, чтобы все люди всегда жили в довольстве, чтобы занимались любимым трудом, трудились по способностям, а получали по потребностям?

— Очень хотел бы! А как это сделать?

— Как? — Юрий задумался, как бы попроще и яснее объяснить.

А Джура нетерпеливо смотрел ему в глаза и ждал.

Юрий закончил объяснение следующими словами:

— Каждый, самый незаметный человек честно выполняет свое маленькое дело, как это задумано в большом плане. А иногда бывает не совсем так, как этому человеку вначале хотелось бы. Но он работает, учится, и приходит час, когда этому человеку становится понятным, что счастье его, этого маленького человека, зависит от счастья великого множества таких же простых людей, сердца которых направлены к одной цели, на благо всех. Надо, Джура, учиться и учиться!

— Сколько лет надо учиться?

— Пятнадцать лет, — сказал Саша.

— Сейчас не могу, — ответил Джура. — Не могу, пока жив Тагай. Я должен поймать Тагая и найти Зейнеб. Я поеду, поеду!.. Можно взять твоего коня и съездить за Серым на гору? Он там до сих пор пасется.

Юрий сам заседлал коня для Джуры.

— Мы отправим сегодня Федора в Ош, а сами попробуем подняться в пещеру на горе Глаз Дракона. Коня оставь у Козубая и помни: где бы ты ни был, мы твои друзья, верные друзья, и я всегда помогу тебе. Козубай и Максимов знают мой адрес.

— Если ты уезжаешь и у тебя свое дело, как можешь ты мне помочь поймать Тагая и найти Зейнеб? А об этом сейчас все мои помыслы. Мир больше, чем я думал, и я не знаю когда, но я найду их. Храни мое ружье и часы.

Джура отдал обе вещи Юрию, вскочил на коня и сказал дежурному, что едет за серым конем.

Далеко от крепости Джура встретил Уразалиева с тремя джигитами.

— Джура, скорее! — крикнул Уразалиев, останавливая коня. — Здесь недалеко, в киргизском становище, у белого камня, хотят убить докторов. Я скачу к Козубаю за помощью, да боюсь, не будет ли поздно.

— Пошлем одного человека к Козубаю, — ответил Джура, — а мы поскачем на выручку.

Джура, плохо понимая, в чем дело, ворвался на становище первым.

— Где доктора? — спросил он у женщин, толпившихся вокруг одной из юрт.

Ему показали на закрытую дверь.

Джура бросился в юрту, выстрелил вверх и крикнул:

— Не шевелись!

На полу, связанные, лежали две молодые девушки — русские, а возле них стояло несколько стариков с ножами и карамультуками.

— Где басмачи? — крикнул Джура.

— Басмачей здесь нет, — ответил седой старик.

— А кто же докторов режет? Зачем девушек связали?

— Не тронь их, это и есть доктора. Не тронь! Пусть перед смертью скажут всю правду: зачем они хотели оспой киргизов заразить?

Джура и Уразалиев обезоружили собравшихся, освободили девушек. Одна из них, тоненькая и юная, громко всхлипывала и что-то обиженно говорила второй. Вторая, высокая, полная, с темным пушком на губе, тоже вытирала слезы. Она подняла с пола поломанные ножички и швырнула их в очаг. Потом вынула из сундука бутылочку и вату и, потирая онемевшие руки, по-русски обратилась к Джуре. Джура не понял, а ее познания в киргизском языке были, видимо, тоже невелики.

Уразалиев вышел на улицу — там комсомольцы успокаивали собравшихся.

Худенькая девушка показала на нож Джуры и на старика, стоявшего рядом. «Такая маленькая, — подумал Джура, — а такая мстительная! Что же, она права: старик сам бы ее прирезал».

Он вынул нож, быстро шагнул к старику и ударом в грудь опрокинул его на землю. Вдруг обе девушки, громко вскрикнув, схватили его за руку, пытаясь ему что-то объяснить. Джура выпустил старика и недоуменно посмотрел на девушек.

— Это доктора? — спросил он вошедшего Уразалиева.

— Да, да! Делай, что они говорят, так сказал Козубай.

Уразалиев вышел из кибитки.

Худенькая, голубоглазая что-то быстро говорила, показывая на руку старика и на нож Джуры.

В душе Джура удивлялся девушке: «Что за женщина! Она не хочет, чтобы обидчик умер так просто, она хочет отрубить ему руки... Маленькая, а сердце волка!» — решил Джура и, схватив старика за руку, занес нож.

Обе девушки, совершенно сбитые с толку, вырвали нож из рук Джуры. Черненькая протерла нож жидкостью из бутылки, затем зажгла ватку и поднесла нож к огню.

«Ага, они решили резать старика раскаленным ножом», — решил Джура, ужасаясь свирепости русских женщин. Но когда девушка показала жестом, что со старика нужно сбросить халат, Джура быстро сделал это. Старик молчал. Он молча покорился судьбе. Джура крепко держал его и чувствовал, как он вздрагивает от прикосновения мокрой ваты, которой девушка терла его руку. Опустив нож в бутылку с жидкостью, она слегка поцарапала руку старика. После этого обе девушки жестами показали Джуре, что старика можно отпустить. Джура крепко держал его, ничего не понимая.

Неожиданно в кибитку вошел Козубай. Все начали объяснять случившееся. Несмотря на серьезность положения, Козубай не мог не улыбнуться.

— Это советские доктора, — сказал он. — Они не хотели мстить старику, угрожавшему им смертью, наоборот, они сделали ему доброе дело. Они отплатили добром за зло. От одной капли жидкости из маленькой бутылочки погибнет вся оспа в человеке. Советская власть не хочет, чтобы киргизы болели. Это называется «прививка». Вот я первый ее сделаю — смотрите!

Он снял халат и дал привить себе оспу. Старые женщины стонали, жалея его.

— Джура, сделай так же! — сказал Козубай.

И Джура, теперь уже с уважением смотревший на русских девушек, с готовностью повиновался.

Следующие на очереди были Уразалиев и несколько человек, приехавших с Козубаем.

Жители становища при известии, что Козубай позволил привить себе оспу, пожелали убедиться в этом собственными глазами.

— Ага, видно, девушки не хотят больше, чтобы их красивые личики были обезображены оспой! А ну, становитесь, красавицы! Эта чудесная жидкость ценится на вес золота, а вам дается бесплатно. Не все сразу, соблюдайте порядок, мамаши! На всех все равно не хватит, — весело говорил Козубай.

Желающих привить оспу оказалось очень много. Особенно число их увеличилось при известии, что целебной жидкости недостаточно.

— Дело сделано! Едем, — сказал Козубай, выходя из кибитки.

— А докторов не захотят опять резать? — совершенно смущенный случившимся, спросил Джура.

— Теперь? Нет, ты не знаешь еще людей. Теперь они будут друг с другом спорить, кому скорее прививку делать! Старик, который хотел убить докторов, будет теперь помогать им и хвастаться перед всеми, что ему первому оспу привили, а Козубаю второму. Спешим, вечером у нас будут показывать кинофильм. Тени живых людей будут двигаться на стене и стрелять.

— Знаю! — закричал Джура. — Об этом мне Ивашко говорил еще в Мин-Архаре.

VI

Джуре не терпелось увидеть тени людей на стене. Он представлял себе это как ночную игру теней: Кучак показывал при огне костра на стене головы разных животных.

То, что увидел Джура, превзошло все его ожидания.

Когда стемнело, во дворе крепости собралось много народу: пограничники, все члены добровольческого отряда и гости из ближних кишлаков.

Выступил Максимов. Он рассказал, что делается во всем мире. Названия многих стран Джура слышал впервые. Джура понял одно: очень много кругом врагов и надо хорошо охранять границы, не пускать врагов в страну.

Максимов очень много и подробно рассказывал о басмачах и о том, что ими руководят иностранцы — англичане. Он сказал о том, что богатые поддерживают рознь между народами.

— Богатые — это аксакалы и баи. Они называются по-разному, и они есть в любой стране, только в Советской России богачей уже нет. В той картине, которую вам сейчас покажут, вы увидите, как народ дрался с угнетателями. Командир советских джигитов Чапай и его красные бойцы воевали против белых. Белые — это баи в мундирах, они хотели убить Чапая. Они хотели весь народ снова заставить работать на себя. Этого же хотят сейчас басмаческие курбаши и баи. Мы должны бороться против них, как боролся славный воин, сын своего народа и партии большевиков — Чапай!

Максимов кончил.

Вдруг на стене прямо перед собой Джура увидел вооруженных джигитов. Все вскочили, чтобы лучше видеть, но Козубай приказал всем сесть и смотреть спокойно.

Максимов сначала объяснял, где друзья и где враги. Но скоро присутствующие начали понимать всё сами, узнавали Чапая и Петьку, лишь только они появлялись, и поощряли их громкими криками.

В тот момент, когда по плывущему Чапаю начали стрелять враги, во дворе грянул выстрел. Джура трясущимися руками досылал второй патрон, стремясь во что бы то ни стало попасть в белобандита, стрелявшего в Чапая. Кто-то схватил его за руку. Джура, забыв обо всем на свете, рванулся вперед, не сразу поняв, что человек, взявший его за руку, был сам Максимов. Картина кончилась.

Во двор пограничники вынесли патефон. При звуках песни, раздавшейся из деревянного ящика, Джура, сильно испугавшись, немного отступил. Потом все подошли ближе, трогали ящик руками. Максимов объяснил устройство патефона и вновь завел его.

Голос из деревянного ящика пел по-киргизски — пел о батыре Манасе, о коне Карабаире.

Когда же Максимов спросил, расскажут ли собравшиеся в своих родных кибитках обо всем, что они здесь видели и слышали, многие сознались, что умолчат. Они не хотят, чтобы их считали лжецами: никто не поверит, что машинка может петь, как человек. Все наперебой просили подарить им чудесный деревянный ящик — патефон.

Если бы в эту минуту Максимов взмахнул рукой и горы ушли в землю, вместо осени стала весна, а Джуре подвели железного коня, он бы ничему не удивился. Джура знал одно: он попал в мир великих людей и великого счастья.

На другой день пограничный отряд уехал. Джуре было очень грустно расставаться с Максимовым. Ивашко с Сашей поехали к горе Глаз Дракона, чтобы сделать попытку подняться в пещеру.

Уехали врачи и раненые. Заканчивать противооспенную прививку должен был приехавший лекпом-киргиз. Множество киргизов приезжали из далеких кишлаков, и Козубай объявил, что лекпом сам поедет в юрты.

VII

Джуре часто приходило в голову, что вся его краткая, но такая удивительная жизнь в крепости окажется сном и он услышит надоедливый голос аксакала. Этого не случилось — Джура по-прежнему жил в этом чудесном лагере.

Но Джура скучал по родным горам, тосковал по Зейнеб, мечтал о мести Тагаю. И Кучак, веселый, добродушный, любящий поесть, все чаще вспоминался Джуре; ему казалось, что лучше Кучака никто не поет песен и не рассказывает сказок.

Джура привел с горы серую лошадь. Шараф хотел ее отобрать, но Джура объяснил, что она — подарок Ивашко. Теперь он был счастливым обладателем и винтовки и лошади. Несколько дней провел он возле лошади: чистил ее, кормил, поил. Лошадям выдавалась норма зерна и сена; этот корм приходилось в крепость привозить издалека. Для своей лошади Джура потихоньку брал корм у других лошадей. Это заметили и запретили ему проводить все время в конюшне.

Вот тогда-то Джура, обуреваемый жаждой боевой деятельности, и явился к Козубаю. Прервав на полуслове доклад Кзицкого, он тут же кратко и поспешно, чтобы его не остановили, изложил свой план.

Пусть только Козубай даст ему десять человек, пулемет «максим», боеприпасы и лошадей — Джура поймает

Тагая, где бы тот ни прятался, хоть в Китае, хоть в Индии, хоть в Англии.

Козубай категорически запретил и думать об этом, объяснив, что значит «вмешательство во внутренние дела» других стран.

— А почему они вмешиваются в наши? — горячился Джура и тут же потребовал, чтобы Козубай отправил его в первую же операцию.

— Ведь ты еще ни команды не знаешь, ни правил боя не знаешь, к боевым порядкам еще не привык. Поживи, присмотрись, да. Куда спешить? Тебе надо изучить район, запомнить, какие горы, реки вокруг. Потерпи, скоро и до тебя дойдет очередь, да...

Джура не хотел терпеть, но терпеть приходилось...

Однажды Козубай предложил Уразалиеву взять с собой Джуру на одну из вечеринок в недалекий кишлак.

Джура возвратился оттуда очень быстро. Вскоре приехал и Уразалиев.

Утром Козубай уже все знал. По правилам игры, девушка, выбирая юношу, должна задеть его концом платка. Избранник же обязан спеть песню, что-нибудь протанцевать или рассмешить собравшихся веселым рассказом. В награду он получал поцелуй.

Когда одна из девушек выбрала Джуру, он растерялся. Присутствующие со смехом навалились на него, чтобы, по правилам игры, задать ему взбучку. Джура шутки не понял и, рассердясь, вернулся в крепость.

Весь следующий день Джура сидел в кибитке: он не хотел никому показываться на глаза, опасаясь насмешек.

Козубай вызвал к себе вечером Джуру и пожурил его, указав, что каждый боец обязан кормить свою лошадь. Она не должна голодать, если хозяин на кого-то обиделся. Потом, смеясь, рассказал ему несколько веселых историй о своих юношеских неудачах. По его собственным словам, он был очень неуклюж в молодости, но умел благодаря своей находчивости всегда посрамить насмешников.

— Не могу я сидеть без дела! — сказал Джура, несколько развеселившись. — Пошли меня хоть на охоту.

Козубай, подумав, согласился. На его вопрос о том, кого бы он хотел взять с собой, Джура попросил Тага,

отказавшись от помощи других. Козубай выписал им обоим удостоверения. Таг был вне себя от счастья: Джура, великий охотник и стрелок, из всех джигитов выбрал в помощники его, маленького Тага!

Еще затемно Джура в сопровождении торжествующего Тага верхом на верблюде направился в Марканг-Су. Впереди охотников бежал Тэке. Когда рассвело, они были уже далеко от крепости.

Проезжая у скалы, Джура вскинул винтовку и выстрелил. Зазевавшийся на выступе архар, перевернувшись два раза в воздухе, упал на дорогу.

Привязав архара на спину верблюда, друзья двинулись дальше.

Вечером они достигли заброшенной конусовидной кибитки. У этой кибитки останавливались на ночевку караваны, следовавшие из Ферганской долины в Кашгарию. Джура решил заночевать здесь.

Пустив верблюдов пастись, охотники разожгли костер. В ведре варилась нога убитого архара.

— Завтра, — сказал Джура, — будем охотиться на архаров, сделаем засаду. Знаешь Медведь-гору? Я ночью туда влезу. Знаешь эту гору?

Таг молча кивнул головой.

— Хорошо, — сказал Джура. — Ты на рассвете погонишь на меня архаров, пасущихся внизу.

— Хоп, — согласился Таг.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Когда мясо сварилось, они молча поужинали. Тэке не дали ни кусочка мяса, чтобы он был злее на охоте.

Пока Джура стелил шкуры, Таг привел верблюдов и уложил их возле кибитки.

Было раннее утро, когда Таг вышел из кибитки. Туман покрывал окрестности белой пеленой. Джура уже давно ушел на охоту, захватив с собой Тэке...

К тому времени, когда туман поредел, Таг был в условленном месте. Сидя за камнем, он увидел стадо архаров. Таг старался не смотреть в их сторону, чтобы не спугнуть. Он верил: животные чувствуют, когда на них смотрит человек.

Рассвело. Таг зажег фитиль карамультука, долго целился, выбирая самого крупного барана, и наконец выстрелил. Когда дым от выстрела рассеялся, он увидел,

что один архар лежит возле камня, а все стадо мчится к Медведь-горе. Таг прирезал архара и присел на корточки, наблюдая, что будет дальше. Архары, казавшиеся издалека серыми точками, достигли отвесного обрыва и, пробравшись по еле заметному выступу, начали цепочкой подниматься в гору.

До Тага донесся слабый звук выстрела. Вожак подпрыгнул и покатился вниз. Архары падали один за другим. Задние пытались вернуться, но Тэке перерезал им дорогу.

Теперь единственный путь для них был вверх по гребню, но здесь сидел Джура и стрелял по мчавшимся мимо него архарам.

Джура стрелял и злился, что, вставляя новую обойму, приходится терять драгоценное время.

Таг, оставив свою напускную серьезность, кричал от восторга, подпрыгивал и хлопал в ладоши:

— Вот так охота! За одно утро столько архаров!

Но охотникам все казалось мало: они целый день стреляли архаров, а вечером варили жирное мясо.

— Ты видишь, — сказал Джура, — архары собираются большими стадами. Мне знакома эта примета. Они собираются перекочевать в другие места Памира. Но пока они не ушли надо успеть заготовить побольше мяса. Ты видел, как недоверчиво морщился Шараф, когда мы уезжали на охоту? Куда нам спешить? Не два дня, а пять, десять дней пробудем мы здесь.

В ту же ночь Тэке разбудил Джуру. Приехали пограничники. Их было пятеро. Они проверили документы и сказали, что уже слышали о Джуре. Джура приказал Тагу накормить их и дать им столько мяса, сколько они захотят увезти с собой.

Следующие дни Джура опять стрелял архаров. На четвертый день приехали несколько джигитов из отряда Козубая во главе с Шарафом.

— Козубай решил, что у тебя с охотой плохо. А у вас — целая гора мяса! Завтра вместе поохотимся. Мы взяли с собой двух собак, — сказал Шараф Джуре, осматривая туши убитых животных.

На следующий день к крепости приблизился караван.

Впереди бежал Тэке, за ним на двугорбом верблюде ехал Джура и мурлыкал себе под нос песенку:

Вот едет Джура, едет добычливый охотник,
Он везет много мяса — много архаров.
Остальные охотники молчат и злятся —
Козубай не скажет им «якши».
Они добыли только по одному архару.
Они сгорбились под тяжестью своей зависти и гнева.
Незавидный груз!
Далеко ворону до беркута.
Охотники сидят на убитых мною архарах,
Как на раскаленных углях,
А мягкий мех им кажется тверже камня.
Удача радует, неудача убивает.

Таг, соскочив со своего верблюда, взял веревку, продетую в нос того верблюда, на котором сидел Джура, и торжественно ввел его во двор крепости.

Добротрядцы с шутками и смехом отвязывали убитых архаров, поздравляя охотников с удачной охотой. На шум вышел Ахмед.

— Что случилось? — спросил он Джуру.

— Так, ничего, — ответил Джура. — Я убил тридцать семь штук, а остальные — по одному, по два.

Ахмед пошел к Козубаю. Уже открывая дверь в кибитку, он услышал сердитые голоса.

— Мы пошли охотиться, — говорил один из охотников, — а Джура, вместо того чтобы охотиться с нами, все время охотился один.

— Он не может охотиться с другими... — сказал второй.

— Если бы мы их окружили, мы бы настреляли штук сорок, — перебил третий.

— Он — как его собака: Тэке грыз наших собак и гнал архаров в другую сторону, на Джуру.

— Мы не будем охотиться с ним!

— Идите отдыхайте, — сказал Козубай. А когда все вышли, спросил Ахмеда: — Как думаешь, что делать с Джурой? Все один и один. Беда!

VIII

Джура нагрузил на верблюда трех архаров и отвез в кишлак к Уразалиеву.

— Не сердись, — сказал Джура, — устроим той. Я спою вам песенку, как я стрелял архаров.

Мясо кипело в огромном котле, а вокруг веселилась молодежь.

Джура, окруженный вниманием и почетом, чувствовал себя прекрасно.

Неожиданно его вызвали во двор.

— Кто там? — спросил Джура.

— Это я, Слу, внучка Садыка. Дед очень болен. Он хотел ехать в крепость, но, узнав, что ты здесь, просит тебя сейчас же прийти к нему.

Джура поспешил вслед за девушкой. В просторной юрте возле огня лежал Садык. Он хрипло дышал и кашлял. Подозвав Джуру пальцем, Садык посадил его рядом с собой.

— Я очень болен, — прохрипел старик, — еле в седло сел. Дело важное и секретное. К Козубаю собрался. Узнал, что ты тут. Никому бы не доверил, а ты, знаю, верный человек у Козубая.

— Правильно, — сказал Джура.

— Предупреди Козубая, что послезавтра группа басмачей вместе с самим Юсуфом попытается перебежать в Кашгарию. Мне один очень верный человек сказал. Непременно теперь передай.

— Так ведь Юсуф удрал в Кашгарию! Ты сам при мне Максимову говорил.

— Удрал, а потом вернулся с бандой в пятьдесят человек. Пограничники его пропустили через границу и окружили. Но он прорвался. Сейчас у него осталось человек двадцать. Переходить они будут там, где «Могила святого» в Маркан-Су...

— Знаю это место.

— Эх, Джура! Если бы ты привез голову Юсуфа, ничего не пожалел бы для тебя! Моего лучшего коня дам.

— Старик, — сказал Джура, — голова Юсуфа будет у тебя, давай сейчас меняться!

— Зачем мне твоя серая лошадь? Тихоход! Садись на моего белого коня и быстро скачи в крепость. А привезешь голову Юсуфа, этот бегунец останется у тебя! Сделаешь — тогда возьми себе в жены мою внучку.

У Джуры заблестели глаза.

— Хорошо, — ответил он. — Я сказал уже, что привезу тебе голову Юсуфа. А внучки твоей не надо.

Аксакал позвал внучку, ожидавшую окончания разговора в другой юрте, и приказал ей подавать мясо.

Джура ел поспешно и даже не заметил, что внучка аксакала надела лучший свой наряд из черного бархата и синего шелка, а на грудь повесила золотые и серебряные монеты.

Джура быстро вышел из юрты. Слу держала в поводу белого коня. Джура погладил его по шее и осмотрел седло. Только у Козубая да у Максимова были лошади, не уступающие Белому в резвости. Это было известно всем, и Джура был вне себя от радости. Он вскочил на коня и помчался к крепости.

Он, Джура, сгоряча обещал старику голову Юсуфа, но как ее получить? Козубай, конечно, не пустит его в операцию. А что, если ничего никому не говорить? Неужели он сам не справится? Или все-таки сказать?

Подъехав к крепости, Джура отвел своего нового коня в конюшню и поспешил к Козубаю. На дворе крепости горел яркий костер. Вокруг костра собрались все члены отряда. Тут же стояли два человека со связанными руками.

Щелкнув в воздухе нагайкой, Джура тоже подошел к костру.

— Развяжите руки! Мы дехкане! Мы искали своих овец, заблудившихся после черного бурана, — говорил пожилой узбек женским визгливым голосом, никак не соответствовавшим его большому росту и толщине.

Муса разрезал веревки на руках арестованных.

— Ахмеда убили, — сказал он Джуре.

Джура побледнел от гнева.

— Иди, — сказал он басмачу, снимая винтовку.

Толстяк заохал. Второй басмач, рослый рябой человек, не скрывал своей вражды и не считал нужным притворяться дехканином, потерявшим овец. Потирая онемевшие кисти рук, так что слышен был хруст костей, он исподлобья, ненавидящими глазами смотрел на окружающих его людей.

— Подожди, Джура, — сказал Муса, — не горячись...

Все повернулись в его сторону.

— Садись! — крикнул Муса толстяку и, не ожидая,

пока оторопевший от неожиданности басмач исполнит его приказание, сдернул сапог с его правой ноги.

Из снятого сапога Муса извлек небольшую, сложенную во много раз бумагу.

— Правильно мне сказали. Вот! — сказал он, потрясая письмом в воздухе.

В то же мгновение рябой басмач бросился к нему, вырвал бумагу и, засунув в рот, принялся с ожесточением жевать ее.

Все опешили. Муса подскочил к басмачу и, разжав ему зубы, вынул скомканное письмо.

Басмач рванулся, но не тут-то было: Джура крепко держал его сзади.

— Шакалья глотка! — говорил он злобно. — Ты убил моего лучшего друга, и ты умрешь от моей руки! Я не буду связывать тебя. Где бы ты ни был, я найду тебя!

— Пропустите бандитов к Козубаю, — сказал Муса.

— Ну, иди! — Джура подтолкнул прикладом одного из басмачей, остановившегося в нерешительности у входа в кибитку.

— Нельзя бить! Забыл приказ? Все надо делать по порядку. — И Муса дулом своего револьвера отстранил винтовку Джуры.

Скоро к крепости привезли тело Ахмеда. Друзья убитого отвязали его труп, положили на кошму и молча внесли в ворота. Они не могли представить себе, каким образом был убит такой опытный боец, как Ахмед, который, бывало, в засаде один задерживал банду контрабандистов. А теперь в операции Ахмед был не один — с ним были три бойца и такой находчивый человек, как Кзицкий.

Немного погодя сам Кзицкий въехал во двор крепости и спрыгнул с коня, бросив поводья подбежавшему Тагу.

Кзицкий уже собирался войти в кибитку к Козубаю, но задержался: он услышал шепот.

— Начальник, — быстро говорил Шараф, — Муса поймал гонцов, которых имам Балбак послал к тебе, чтобы помочь Юсуфу и его людям.

Кзицкий, не обернувшись, шепнул: «Иди слушай», и осторожно нажал пальцами на потемневшую от времени дверь.

Козубай сидел, поджав ноги, на широком сундуке, устланном барсовыми и козьими шкурами. Лицо его было спокойно. Стоявший перед ним басмач размахивал кулаками и неистово кричал, доказывая, что они дехкане и что Козубай поплатится, если не отпустит их.

Прошло полчаса, но Козубай сидел все такой же сдержанный и, казалось, бесстрастный.

Наконец басмач, очевидно устав кричать, начал говорить тише, утирая ладонями льющийся с лица пот.

Козубай движением бровей дал понять Кзицкому, чтобы он остался на месте.

Басмач умолк.

Муса, стоявший тут же, подал Козубаю письмо, найденное у задержанных басмачей. Оно было написано по-арабски.

— Уведи их в арестантскую, — приказал Козубай.

Козубай и Кзицкий остались вдвоем. Козубай повертел в руках письмо и протянул его Кзицкому.

Кзицкий развернул письмо.

Козубай внимательно следил за выражением лица Кзицкого, он оно было совершенно спокойное. Небрежно скомкав письмо, он бросил его возле очага.

— Ерунда! — сказал, зевая, Кзицкий. — Письмо отца к сыну о семейных делах.

Дверь заскрипела, и вошел вестовой Козубая, оставив дверь открытой.

— Что тебе, Джалиль? — спросил его Козубай.

— К тебе дело, — ответил Джалиль, недоверчиво глядя на Кзицкого.

— Говори.

— Начальник, — сказал Джалиль, — все джигиты обижаются. Они говорят, что Кзицкий нарочно послал Ахмеда на верную смерть, потому что Ахмед с ним ссорился. Ахмед хотел обойти засаду басмачей, а Кзицкий послал его прямо. Ахмед так рассердился, как никогда. Он пошел, и его убили в упор из-за камня.

— Правильно он говорит? — спросил Козубай Кзицкого.

— Да, — ответил Кзицкий, — правда. Я назвал Ахмеда трусом, когда он не захотел идти вперед.

За дверью послышались возбужденные голоса. Все хотели услышать, что скажет сам Кзицкий.

Козубай, прищурив глаза и подняв брови, тихо спросил:

— Зачем так сделал?

Кзицкий молчал. Он высокомерно смотрел на толпившихся у дверей членов добротряда.

— Я сам шел рядом с Ахмедом, — спокойно добавил он.

Толпа зашумела.

— Эй, Шараф! — позвал Козубай.

— Шараф, Шараф! — раздались голоса.

Шараф вошел, жуя что-то на ходу и вытирая о халат руки. Вслед за ним вошел Джура.

— Кзицкий шел на басмачей рядом с Ахмедом? — спросил Козубай у Шарафа.

Наступила тишина. Кзицкий смотрел в окно. Шараф поспешно проглотил пищу и ответил:

— Шел.

Кзицкий высоко поднял голову и пошел к двери. Все расступились, уступая ему дорогу.

— Расходитесь, — сказал Козубай.

В кибитке у Козубая остался один Джура. Он задумчиво смотрел в огонь и тихо говорил:

— Я думаю, думаю и не понимаю: почему басмачи стреляли в Ахмеда? Почему они не стреляли в Кзицкого? Басмачи, мне говорил сам Ахмед, стреляют сначала в начальника.

Джура подошел к очагу и сел на корточки. Заметив бумажку, брошенную Кзицким, он положил ее на угли. Козубай молчал, крепко сжав губы. Джура, горестно склонив голову набок, смотрел на горячие угли и вдруг с удивлением заметил, что на бумаге, которую он бросил в огонь, выступили темные буквы. Край бумаги вспыхнул, но Джура быстро выхватил ее из огня.

— Что ты делаешь? — спросил его Козубай.

— Посмотри! — сказал Джура.

Козубай скользнул взглядом по обгоревшей бумаге.

— Я знаю это письмо, — сказал он. — Брось на пол и никому о нем не говори. Иди.

Едва только за Джурой закрылась дверь, как Козубай быстро поднял письмо. На листе, покрытом арабскими буквами, ясно выступил латинский шрифт.

Дверь заскрипела. Козубай быстро спрятал письмо за пояс. Вошел Кзицкий и внимательно посмотрел в очаг, возле которого он бросил бумажку.

— Что ищешь? — спросил Козубай.

— Я бросил тут письмо. Курить захотел, а бумаги нет.

— Наверно, сгорело. Сядь, поговорим...

— Досадно! — сказал Кзицкий и нервно зашагал по кибитке из угла в угол.

В дверь вошел Муса:

— Басмачи ссорятся. Я их посадил в кибитку и сказал, что если они всего не расскажут, то их расстреляют. Толстый испугался, и я через дымоход слышал, как он уговаривал рябого все рассказать, а рябой говорит: «Молчи».

Козубай вызвал Джалиля и приказал седлать двух лошадей.

— Поедем к Ивашко! — сказал он.

Вскоре они уже скакали по направлению к горе Глаз Дракона, но только далеко за полночь разыскали палатку молодого геолога.

Козубай был удивлен, встретив Максимова в палатке Ивашко.

Юрий Ивашко очень обрадовался гостю.

— Я все выяснил, — сказал Ивашко. — Теперь аксакалы не смогут морочить голову насчет «глаза дракона». На горе пещера с двумя отверстиями. Свет луны отражается в белой кварцевой стене, и тогда «глаз дракона» светится...

— Надеюсь, что ты приехал не на чашку чаю, — сказал Максимов Козубаю. — В чем дело?

— Да вот хотел, чтобы Ивашко мне прочел это письмо. А теперь прочти сам. — Козубай подал Максимову бумажку, найденную у басмачей, и вкратце рассказал все, что произошло.

Максимов с интересом прочел письмо и медленно сказал:

— По-арабски написана какая-то абракадабра. А молоком по-английски: «Господин Кзицкий. 5. XI. Курбаши*** предупрежден И. 8123». Узнать бы, что это такое?

— Узна́ю. — Ноздри Козубая раздулись и побелели, а глаза прищурились.

— А если Кзицкий сбежит, воспользовавшись твоим отсутствием?

— Не сбежит.

— Я тоже так думаю. Ведь он не подозревает об этом своем разоблачении?

— Если и подозревает, то точно не знает!

— Я ведь предупреждал тебя: следи за ним лучше,— сказал Максимов. — Впрочем, есть директива всех вольнонаемных в пограничных районах по возможности заменить. Я думаю, скоро и у нас система погранохраны будет во всем такая же, как на западной границе. Ты не слышал ничего нового о курбаши Юсуфе?

— Пограничники два раза потрепали его банду, и он или ушел за границу, или бродит где-то в горах.

— «Где-то»! — насмешливо сказал Максимов. — И это говорит начальник добротряда! А я сюда из-за него и приехал. Завтра думал у тебя быть. Надо немедленно разведать горы к югу... Знаешь что, — сказал он после некоторого раздумья, — бери десять человек из моего отряда и поезжай теперь же туда. Я с Федоровым поеду в крепость. Если ничего нового завтра к вечеру не будет, возвращайся обратно. А я пока сам выясню дело с Кзицким. Вы же, молодой человек, — он обернулся к Ивашко, — не задерживайтесь и завтра же уезжайте в Ош или Уч-Курган. А то снег окончательно завалит перевалы, и вам придется здесь зимовать. С перевалами не шутите: там особенно опасны снежные лавины. Ну, какие еще новости? Говорите скорей, мне некогда! Видимо, очень опасен Кзицкий, твой «помощник», — насмешливо подчеркнул Максимов это слово, обращаясь к Козубаю.

Ивашко впервые видел Максимова таким рассерженным.

— Мои захватили двух басмачей. Я не успел их допросить: торопился узнать, что в письме, — ответил Козубай. — Эх, зря я этого сразу не сделал!

— Постараюсь исправить твой промах! — крикнул Максимов, выходя из кибитки.

Приехав в крепость, Максимов решил сейчас же допросить басмачей, чтобы узнать, от кого они привезли

письмо Кзицкому, а может быть, и раскрыть смысл двух таинственных строчек, написанных молоком.

— Где Кзицкий? — спросил он сторожевого.

— Пишет акт.

— Какой акт?

— О расстреле пойманных сегодня басмачей.

— Так! — сказал Максимов.

Он быстро направился к Кзицкому, взяв с собой Мусу. Кзицкого в кибитке не оказалось.

— Он у Джуры, — сказал им Таг.

И они пошли на крики, долетавшие из лекарской кибитки, где до сих пор жил Джура.

IX

После отъезда Козубая Таг прибежал к Джуре искать защиты. Кзицкий отобрал у Тага подаренный Джурой карамультук и пошел к Джуре.

— Ты не имеешь права дарить оружие! Кто ты такой? Простой охотник. Ты много о себе думаешь! — кричал Кзицкий. — Воображаешь, что ты герой и все можешь делать! Ты — ничто, подчиненный Козубая, и не можешь без его приказа пальцем пошевелить! Хочешь, возьму тебя к себе в помощники? — неожиданно переменив тон, сказал он удивленному Джуре. — Поедем на басмачей.

Джура ничего не ответил. Ему очень хотелось ошеломить Кзицкого сообщением, что он тоже кое-что знает. Он колебался: «Сказать или нет?»

— Может быть, ты боишься? — прищурив глаза, насмешливо спросил Кзицкий.

Джура посмотрел на него, сердито засопел и тут же решил, что ничего ему не расскажет, встретит банду сам и докажет, трус он или нет.

— Сам трус! — ответил он дерзко.

— Как ты смеешь! — рассердился Кзицкий, подходя. — Как со мной разговариваешь? Распустился! Почему для тебя особый режим? Я возьму эту винтовку. — И он направился к двери.

— Эй, — крикнул Джура, вскакивая — Куда понес? Козубай дал ее мне!

Вне себя от возмущения, Джура вырвал у Кзицкого из рук винтовку.

Кзицкий вынул револьвер. Джура щелкнул затвором винтовки. В это время дверь распахнулась, и на пороге появился Максимов.

— Джура, спокойно! — повелительно крикнул он, и Джура опустил винтовку. — Спрячьте револьвер, — сказал он Кзицкому.

— Это черт знает что! Его давно расстрелять надо за неповиновение! Безобразие! — кричал Кзицкий по-русски, стараясь спрятать револьвер в кобуру. Руки у него дрожали.

Не отвечая на его возмущенные возгласы, Максимов взял Кзицкого за руку и помог ему справиться с оружием.

Кзицкий и Максимов прошли в кибитку Козубая. Максимов, пристально глядя Кзицкому в глаза, сказал:

— Передайте револьвер моему помощнику! Федоров, возьмите у Кзицкого оружие.

Кзицкий удивленно посмотрел на него.

— Исполняйте мое приказание! — обратился Максимов к Федорову.

Федоров обезоружил Кзицкого и вышел за дверь.

— Какая ерунда! Из-за мальчишки срамите меня перед отрядом! — нервно сказал Кзицкий, теребя бородку, и выжидательно посмотрел на Максимова.

Максимов и Кзицкий некоторое время молчали.

— Говорите! — строго сказал Максимов.

— У Джуры новая винтовка... — начал Кзицкий.

Но Максимов резко прервал его вопросом:

— Зачем вы расстреляли басмачей?

Кзицкий не отвечал. Прищурив глаза, он внимательно наблюдал, как Максимов вынул из кармана смятое письмо.

— Как вы мне объясните это послание? — стараясь говорить спокойно, спросил Максимов.

Кзицкий выпрямился:

— Что мне объяснять? Козубай не один раз получал славу из моих рук. Знал ли он до последнего момента, что я завлек банду Сарыбека в засаду?

— Ну? — нетерпеливо сказал Максимов.

— Так вспомните, что этой победой он обязан мне.

— Это было давно, — сказал Максимов. — Сарыбек шел сдаваться пограничникам.

— А банда Ишанбека? Кто проник в банду и, подкупив стражу, похитил курбаши?

— Козубай говорил, что вы оказались позади, когда похищали Ишанбека.

— Ложь! Козубай меня ненавидит! А кто много раз помогал отбить контрабандный скот? — Кзицкий уже кричал, потеряв самообладание. — Почему же я, помощник Козубая, не мог расстрелять этих двух бандитов, убивших одного из лучших джигитов? А теперь я связался с Шауром и пообещал пропустить его банду через границу. В письме говорится, что все готово. А мы устроим засаду. Повторение операции с Сарыбеком, понимаете?

— Понимаю! — кивнул головой Максимов. — Где и когда басмачи перейдут границу?

— Через пять дней, в пятницу, в районе озера Кара-Куль, по северному склону горы Верблюжий Нос. Они нарвутся на мою засаду, и вы получите, помимо сведений, много английских винтовок, японских карабинов... маузеры... кольты... Не будем ссориться, Максимов. Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Кзицкий и потряс руку Максимову.

Но тот не выпускал его руки и пристально смотрел ему в глаза.

— Ну, я пошел, — сказал Кзицкий.

— Эй, Федоров, проводи Кзицкого! — крикнул Максимов.

— Зачем? Я сам, — ответил Кзицкий.

— А кто же дверь за вами запрет? — спросил Максимов, все еще не выпуская его руки.

— Какую дверь?

— Арестантской!

— Значит?.. — спросил, сжав тонкие губы, Кзицкий и задохнулся от волнения.

— В арестантскую! — повторил Максимов и приказал вошедшему Федорову: — Возьми из заднего кармана у Кзицкого револьвер.

Кзицкий невольно рванулся, но Максимов не выпустил его руки. Федоров вынул из потайного кармана маленький браунинг и металлическую коробочку.

Максимов выпустил руку Кзицкого и, взяв у Федорова коробочку, постучал по ней пальцем и спросил иронией:

— Яд? Не пригодился?

Кзицкий ничего не ответил. Максимов подошел к нему вплотную и сказал:

— Если вы мне соврали о басмачах, расстрел немедленно. Без суда!

Кзицкий одно мгновение колебался.

— О том, что он в арестантской, пока никто не должен знать. Идите! — приказал Максимов.

Кзицкий, с трудом сохраняя гордый вид, вышел из кибитки.

Федоров запер его в арестантской.

— Позвать ко мне Джуру! — сказал Максимов.

Через несколько минут ему сообщили, что Джура уехал на охоту.

— А почему я только что слышал голос Тага? Ведь они, кажется, вместе охотятся.

— Таг сегодня остался дома.

— Странно, — сказал Максимов и, когда остался один, еще раз повторил: — Очень странно!

Он сел возле очага и глубоко задумался.

X

Ночь была темная. Низко висели тучи. С вечера шел снег, но к утру перестал, и облака окутали горы, опустившись на Маркан-Су.

У перевала Кизил-Арт, на склоне горы, меж камней спал засыпанный снегом Джура. Рядом с ним лежал Тэке.

Немного дальше, понурив голову, стоял покрытый теплым ватником белый жеребец, которого дал Джуре Садык. Пустыня спала; только издалека, с востока, доносился волчий вой.

Рассветало, но туман еще не поднялся. Вдруг Тэке насторожился, потом вскочил, подбежал к Джуре и молча ткнул его мордой. Джура проснулся и быстро оделся. Он всегда спал голый, завернувшись в меховой чапан.

Разостлав чапан, он лег на него, положил возле себя патроны и просунул винтовку в щель между камнями.

Джура находился на холме, огражденном со всех сторон обломками скал. С севера его защищал крутой склон большой скалы, а на восток, на юг и на запад расстилалась пустыня смерчей — Маркан-Су.

Подул ветерок, туман рассеялся.

С запада нестройной гурьбой ехало несколько вооруженных всадников. Они стегали коней нагайками, но кони устали и, немного пробежав, шли шагом.

Джура, скрытый обломками скал, очевидно, был им не виден. Джура, прижавшись к скале, внимательно всматривался в приближавшихся. Вдруг он заметил знакомую фигуру курбаши Юсуфа, ехавшего в середине. Джура тщательно прицелился, но один из всадников случайно загородил от него Юсуфа. Джура, не опуская винтовки, терпеливо ждал. Охваченный охотничьим азартом, Джура не думал об опасности, которая угрожала ему. Все предостережения Козубая были забыты. Его оскорбил Кзицкий, назвав трусом. Нет, он докажет всем, на что способен охотник!

Раздался выстрел. Юсуф как сноп повалился на землю.

— Это измена! — крикнул кто-то в толпе ошеломленных басмачей.

Они спешились и, присев за камнями, старались выяснить число неприятеля. Джура был скрыт скалами. Пули, направленные в его сторону, с визгом отскакивали от камней, не причиняя ему вреда. Сам он стрелял не переставая. Трое верховых пытались поднять тело курбаши на лошадь, один из них упал. Джура удовлетворенно улыбнулся и вновь прицелился, стараясь бить наверняка. Второй басмач, пытавшийся поднять тело Юсуфа, очевидно раненный, упал на колени, а третий, бросив тело курбаши, пытался вскочить на коня.

Вначале басмачи решили, что нарвались на большую засаду, и растерялись. Убедившись, что на холме сидит только один стрелок, они стали перебегать от камня к камню, окружая его.

Джура натравил на басмачей Тэке. Пес, возбужденный выстрелами, помчался вниз. Он вскочил на спину одного из басмачей, который прятался в камнях. Басмач,

в шею которого мертвой хваткой вцепился Тэке, в ужасе выбежал из-за камня, подставляя себя под пули Джуры.

Басмачи не могли отступить, не рискуя жизнью, и залегли. Пули Джуры их не доставали, до темноты было далеко, а на перестрелку могли прискакать пограничники.

Вот тогда-то и были посланы в обход три головореза. Они заползли с тыла, пробираясь по обрыву, который Джура считал своей верной защитой с севера. Повернув голову набок, они внимательно следили за каждым движением Джуры.

Стоило Джуре заметить басмачей на открытом отвесном склоне, он бы немедленно перестрелял их. Но Джура увлекся. Он не оглядывался назад, откуда ему грозила опасность. Тэке метался среди камней.

Доставая патроны, Джура резко протягивал руку назад, и все три басмача замирали на месте, прижимаясь к скале. Как-то протянув руку, Джура не нащупал патронов и резко повернулся. Решив, что Джура их заметил, один из басмачей рванулся к близкому выступу, чтобы спрятаться за его зубцом, но сорвался и упал вниз, на камни. В пылу боя Джура и этого не заметил. Захватив горсть патронов, он поспешно заряжал винтовку.

Издали доносился злобный лай Тэке: он заметил басмача в лощине.

Красный, злой, торжествующий, поднялся Джура из-за камней.

И в это время сзади о камень ударилась пуля и, отскочив, щелкнула Джуру по голове. Он выронил винтовку и упал на спину.

Очнувшись, Джура увидел, что он привязан к скачущей лошади.

«Эх, — подумал Джура, — зачем я не сказал о басмачах Козубаю, зачем не сказал Мусе, не позвал их в Маркан-Су? Где мой друг Тэке?» И он стал оглядываться вправо и влево, но Тэке нигде не было видно.

Уцелевшие басмачи поскакали по пустыне к границе.

Вдруг наперерез им выехал кавалерийский разъезд пограничников. Навстречу басмачам засвистели пули.

Из двадцати человек только три проскочили за границу. Один из них вел на поводу коня, к которому был привязан Джура.

К вечеру басмачи подъехали к юртам, расположенным в горах Китайского Сарыкола. Посреди юрт белела большая нарядная палатка.

Старший басмач Боа, кряхтя, слез с лошади и пошел пешком в знак уважения к хозяину палатки.

— О уважаемый, о курбаши! — закричал он. — Выйди, почтенный, и посмотри на злодея, перестрелявшего половину нашего отряда!

Палатка распахнулась, и из нее вышел рослый человек в расшитом халате, с маузером на боку.

— Курбаши, курбаши! — закричали прибывшие. — Измена! Наш отряд наткнулся на засаду. Прикажи выдавить пленнику глаза и по капле выпустить его кровь, пока он не назовет имя изменника, предупредившего Козубая.

Курбаши пристально посмотрел на Джуру и невольно попятился.

Взгляд Джуры только на одно мгновение остановился на нем. Он сделал невероятное усилие, разорвал веревки и, выхватив у соседнего всадника нож, с криком: «Тагай!» — спрыгнул с лошади.

Басмачи бросились на Джуру, чтобы снова связать его. Джура вырывался, разбрасывая наседавших на него врагов. Он пытался броситься на Тагая, но его удерживали.

— Где Зейнеб? — исступленно кричал он.

На шум из палатки вышли еще двое. В одном из них изумленный Джура узнал Кзицкого, другой был Шараф.

— Ты изменил мне! — злобно сказал Тагай Кзицкому. — Ты обещал отвести джигитов в сторону, а видишь, мой отряд попал в засаду и славный Юсуф убит!

— Клянусь! Верь мне! — ударил себя в грудь Кзицкий, подражая манерам и тону Тагая. Кзицкий тяжело дышал и дрожащей рукой расстегивал кобуру. — Все было сделано, как мы условились: Максимову я сообщил неверные сведения. Но ведь я сам сидел в арестантской. Если бы Шараф не подслушал моего разговора с Максимовым и не выпустил меня, я сам был бы трупом сейчас!



Кзицкий в бешенстве выхватил револьвер.

Джура плюнул Кзицкому в лицо.

Кзицкий в бешенстве выхватил револьвер.

— Убей, убей его! Это не человек, это Джура, дьявол! Смерть шайтану! — вопили исступленные басмачи.

— Нет! — сказал Тагай сердито. — Этот человек должен знать, где фирман Ага-хана. Убить его еще успеем. Кроме того, у меня с ним давние счеты. Где фирман? — обратился он к Джуре. — Отвечай, если хочешь жить!

Джура не удостоил Тагая ответом и с криком: «Где Зейнеб?» — ударил стоявшего вблизи басмача ногой в живот.

На другой день Джуру привязали к коню и повезли в горы. Его сопровождал Шараф с пятью басмачами.

— Убийцу везем, важного преступника, — отвечал Шараф на вопросы встречных.

Ехали несколько дней. Горы сменялись предгорьями, предгорья — каменистыми полупустынями. Наконец перед ними в ущелье показался кишлак.

Джура ехал и оглядывался, не бежит ли за ними Тэке.

— Собаку ждешь? Застрелили ее в Маркан-Су. И тебе скоро конец, — насмешливо говорил Шараф, ударяя Джуру нагайкой.

— Убивайте скорее, — говорил Джура, но не кричал и не стонал.

— Успеешь умереть, тебя еще Кипчакбай допрашивать будет. А пока посидишь в тюрьме, как убийца. — И Шараф стегал Джуру нагайкой, в конец которой была вплетена проволока.

К вечеру они достигли большого кишлака. На краю его высились большие бугры — мусорные кучи. Оттуда доносился собачий лай: там жили десятки собак. Местные жители называли эти бугры «собачий город».

— Сюда, сюда! — закричал всадник, помощник Шарафа, ехавший впереди.

Всадники подъехали к мусорным кучам и ссадили Джуру с коня. Обвязав веревкой, басмачи спустили его в зловонную яму и накрыли сверху решеткой. В яме был сумрак, но Джура заметил в ней еще двух человек.

СЕВЕРНАЯ ДОРОГА НЕБЕСНЫХ ГОР

I

Перестал дуть суетливый западный ветер, спутник лета. Его сменил северный ветер. Он кружил одинокие снежинки в воздухе, чтобы швырнуть их в лицо путникам.

Одинокий, бездомный странник, тяжело опираясь на палку, плелся среди гор по каменистой тропинке близ Тянь-Шань-Пе-Лу — северной дороги Небесных гор. Он не окидывал гордым взором снежные вершины и мглистые дали, а понуро смотрел вниз, чтобы не ушибить больных ног о камни. Лишения и страдания согнули его шею.

— Плохо стало жить... Вай, вай, плохо!

Иногда странник останавливался, тяжело вздыхая, задумывался и подолгу стоял, опершись на палку, пока порыв ветра или крик птицы не возвращал его к действительности.

Тогда он вздрагивал, дергаясь всем телом, и, вжимая голову в плечи, испуганно озирался по сторонам.

Вот уже несколько дней, как его преследовал волк. Думая, что волк спрятался в засаде, странник далеко обходил подозрительные камни, сворачивал с тропинки и даже карабкался на кручи.

Страшно идти одному в горах, когда тени орлов скользят по земле и непонятные звуки доносятся с гор, наполняя сердце ужасом, а сзади идет волк, чтобы съесть выбившегося из сил странника.

Иногда он забывал о волке и тихо плелся по тропинке в глубь гор, где, как застывшие морские валы, громоздились острые вершины. Но стоило страннику услышать шорох, и он снова спешил.

Уже перед самыми сумерками проголодавшийся странник вышел из горных теснин в широкое ущелье и свернул в сторону, к подножиям гор, покрытых чахлой, высохшей к осени травой. Подойдя к роднику, он наклонился и начал что-то искать. Потом опустился на колени, вынул нож и откопал корень «гусиной травы». Очистив корень, он начал медленно его жевать, устремив слезящиеся глаза к горам и не замечая их.

Потом он разыскал хармлык. На его кустах было немного сладко-соленых ягод.

Странник сварил ягоды в чимгаке — медном кувшинчике, единственной своей посуде. Вынув из-за пояса ложку, он не спеша поел. Раньше в пути он варил еще болтушку из крапивы и щавеля, но осень и высокие горы лишили его этой вкусной пищи

Вблизи родника стояла древняя конусовидная кибитка. В ней старик расположился на отдых. Ночью совсем близко раздался тоскливый волчий вой. Одинокий старый волк сидел на склоне горы и выл от голода. Он не мог уже охотиться и день за днем плелся за человеком в надежде, что человек умрет и он съест его труп.

Странник сидел, прижавшись к задней стенке круглой кибитки, и, обхватив руками колени, положил на них голову. Так он сидел, пока рассвет не придал ему смелости. Утром он снова тронулся в путь.

Так день за днем шел старик. Трудно было идти по узким ущельям, дно которых было усыпано валунами и осколками камней.

Но всему приходит конец, пришел конец и каменистой тропинке. Завернув несколько раз вправо, потом влево, она сделала последний прыжок на высокую гору, пробежала у кромки вечных снегов, рванулась вниз и повела странника по предгорьям все вниз и вниз. Теперь с каждым днем делалось все теплее, желтые стебли трав становились желто-зелеными.

Страннику казалось, что, миновав зиму, он возвратился к теплой весне. А прошлой ночью перестал выть и волк. То ли он издох, то ли испугался близкого многолюдного тракта, с которого доносились звон колокольцев и крики, но волк отстал.

Странник сразу повеселел, и все же у него не хватало смелости выйти вечером на тракт, и он заночевал невдалеке, на покинутой караванщиками ночевке, где еще чуть дымился потухающий костер и собаки еще не успели доесть остатки пищи.

Встревоженный, но повеселевший, он заснул и впервые за долгое путешествие всю ночь проспал спокойно.

II

Горы все отчетливее вырисовывались на побелевшем небе. Оно окрасилось на востоке в коричневые тона, потом порозовело, покраснело, и красное зарево, багровея, разлилось по облачкам, окутывавшим вершины.

Уже давно растаял иней в тени гор и исчезли дрожащие капли росы под жаркими лучами солнца, а странник все спал и спал. Он лежал на спине, раскинув руки, и мухи ползали по его лицу. Бездомная рыжая собака, тихо подкравшись, безуспешно искала пищу и, не найдя ничего, кроме крошек на подбородке странника, слизнула их.

Странник проснулся и, увидев над собой морду, вскрикнул, решив, что это тот самый волк. Они кинулись друг от друга: испуганный человек — в одну сторону и не менее перепуганная собака — в другую. Наконец, убедившись, что за ним никто не гонится, странник сел на землю и долго, с упоением ругался, а потом возвратился к костру. Он собрал свои вещи и вышел на холм.

Вдали зеленели сады. Между ними проходил тракт и, пробегая у подножия холма, исчезал где-то на горизонте. Не одна, не десять, а около сорока тропинок проходило одна возле другой так, чтобы рядом едущие всадники не задевали друг друга стременами.

Растянувшись длинной цепочкой, шли верблюжьи караваны, поднимая пыль.

Верблюды в такт шагу мерно кивали головами, украшенными разноцветными султанами — из красной, желтой и синей шерсти. Монотонно звякали колокольцы. Пыль, густая и тяжелая, брызгала из-под огромных, грузных ступней верблюдов и повисала в воздухе душной завесой, туманя дали.

Был базарный день. Странник этого не ожидал и даже остановился в нерешительности, но потом, видимо решившись, быстро зашагал по самой короткой тропинке по направлению к поселку.

На тропинке он казался еще меньше ростом, потому что бесчисленные караваны в течение сотен лет вытоптали ее и она тянулась глубокой узкой канавой, скрывая странника почти до колен.

Чем ближе подходил странник к поселку, чем выше поднималось солнце, тем шумнее становилось на дороге. Звенели бесчисленные колокольцы, ревели верблюды и ишаки, кричали и свистели погонщики, лаяли собаки.

Сердце странника билось неровными толчками все сильнее и все тревожнее. Рядом с тропинками шла людная дорога. По ней ехала крытая арба, запряженная одной лошадью. Хозяин ее сидел верхом, причем высота колес арбы достигала плеч всадника.

Проехал купец в лазурном халате, с шариком на шапке. Шли водоносы с кувшинами воды. На худых осликах, касаясь ногами земли, ехали дехкане. Беговые верблюды, мерно покачиваясь, свысока наблюдали толпу.

Дойдя до ворот, странник юркнул в толпу, стараясь не попасться на глаза страже. Он быстро шел по узким улицам, огороженным высокими глиняными заборами, боязливо оглядывался и чуть было не попал под лошадь.

Выйдя на шумную базарную площадь, он остановился. Площадь была битком набита лошадьми, верблюдами, ишаками и людьми всех возрастов и национальностей. Говор узбекский, дунганский, китайский, иранский, переходя в крик, наполнял пыльный воздух.

Сновали торговцы с круглыми корзинами фруктов на плечах. Пронзительно кричали водоносы, расхваливая холодную воду. Ходили кальянщики, торгуя по одной и по две затяжки табачным дымом из кальянов. Лоточники со сладостями зазывали:

— О, что за объеденье! Ай, как сладко, язык проглотишь! — и громко чмокали губами.

Много нищих сидело возле стен. Визгливыми голосами они просили подаяние. Шаманили дервиши. Одетые в лохмотья, в высоких конических шапках с меховой опушкой и с барсовыми шкурами, закинутыми за спину, они визгливо пели и пританцовывали, постукивая в такт железными палками с бренчащими колокольчиками о землю. Нищенские корытца, висевшие у них на шее, подпрыгивали. Тут же толкались младшие школьники из мактабов — школ при мечетях — и более старшие, из медресе, норовя что-нибудь стянуть.

В воздухе пахло навозом, сырым мясом, пловом и лошадиным по́том. Странник, как слепой, шел медленно

в толпе, натыкаясь на людей. Его ругали, и ему наступали на ноги. Пораженный, он остановился наконец перед ковровой лавкой. Каких только ковров не было здесь! Намазлыки и макрабы — небольшие молитвенные ковры различных цветов и узоров — горой высились в углу. Калы — большие ковры для подстилки на полу — привлекали его взор своими пестрыми рисунками. Осмолдуки — украшения для верблюдов — пестрели как радуга. Курджумы и торбы — красные с синим переметные сумы — привлекали множество покупателей.

Странник, почти всю жизнь проживший среди серых, однообразных гор, не в силах был уйти от лавки. Его толкали прохожие, но он не замечал их. Он не заметил, что внезапно шум на базаре немного стих и вскоре базар почти замолчал. Только китайцы да индусы — не мусульмане — по своему неведению не чувствовали страха при появлении блюстителя магометанской веры, грозы всех мусульман — раиса Кипчакбая.

Завидев Кипчакбая, мусульмане почтительно потупили голову, как и надлежит делать правоверным, а женщины спрятались за спиной мужчин.

Только какая-то женщина без паранджи, заметив Кипчакбая, испуганно закричала и, боясь наказания, помчалась через базар.

— О горе мне, горе! — кричала женщина и своим криком выдала себя, потому что помощники, ехавшие вместе с Кипчакбаем на лошадях, поскакали за ней через базар, опрокидывая прохожих.

Много людей побежало с базара, и впереди всех мчались мальчишки, боявшиеся сердитого Кипчакбая больше, чем шайтана.

А раис Кипчакбай, одновременно исполняя обязанности казы [1], шагом ехал по базару на породистом и выхоленном гнедом коне. Он грузно покачивался в мягком седле.

Выпятив нижнюю губу и прищурившись, Кипчакбай сердито смотрел на склонивших головы правоверных и икал от съеденной слишком жирной пищи. В правой руке он сжимал ременную семихвостую плеть — диру, символ власти раиса.

---

[1] Казы — военный судья басмаческой шайки.

К нему приволокли провинившуюся перед кораном женщину. Толстый Кипчакбай выругал ее, отхлестал дирой и поехал дальше, а впереди и позади него двигались его помощники.

— Дерешься? — крикнул чей-то звонкий молодой голос из толпы.

— Кто сказал? Кто сказал? — закричал Кипчакбай, покраснев от гнева.

Но все правоверные молчали. Тогда Кипчакбай направил лошадь на толпу — толпа расступилась. Разгневанный Кипчакбай подскочил вплотную к толпе и стегнул нагайкой пожилого дехканина по голове, приговаривая:

— Делай намаз [1] по вечерам, делай!

Стоявшего рядом дехканина он тоже ударил и сказал:

— Не ешь днем в пост, не ешь!

— Но ты меня за это уже наказывал, — ответил смиренно дехканин, вздрагивая от удара.

— Что?! — закричал Кипчакбай — Что ты сказал?

Дехканин промолчал, а Кипчакбай, размахнувшись, стегнул его еще три раза.

— Прими наказание и смирись перед аллахом, гордец! Бисмилля! [2]

В этот момент он заметил удивленный взгляд дехканина, стоявшего рядом, и ударил его, также приговаривая:

— Хоть ты еще и не согрешил, но все равно согрешишь! Прими наказание вперед и ты тоже!

И, распалясь гневом, Кипчакбай поехал вдоль толпы, стегая ременной плетью направо и налево всех попадавшихся ему под руку. Никто не сопротивлялся, и избиваемые только вздрагивали всем телом при ударе и еще ниже склоняли голову.

— Почему ты повернулся ко мне спиной? Как тебя зовут, старик? — сказал Кипчакбай, остановив лошадь возле ковровой лавки.

Странник обернулся и, увидев Кипчакбая, испуганно вжал голову в плечи.

---

[1] Намаз — вечерняя мусульманская молитва.

[2] Бисмилля! — С нами бог!

Кипчакбай внимательно всматривался в странника и узнал Кучака.

— Бисмилля! Я нищий, меня зовут Джура, — сказал Кучак первое пришедшее ему в голову имя.

— Хо-хо! — презрительно захохотал Кипчакбай. — Джура сидит в яме, а ты — Кучак!

Странник задрожал.

— Может, ты и Джура, — ехидно продолжал Кипчакбай, — а может, и врешь!

И Кипчакбай позвал своих помощников, ловивших тем временем на базаре еще двух женщин без паранджи.

— Пусть ты и не Кучак, но, чтобы выяснить, кто ты, я тебя арестую. Ты поможешь нам копать арык. Взять его!

Перепуганный странник с неожиданной быстротой юркнул в соседний двор. Кипчакбай верхом погнался за ним через двор и сад, но странник пролез под забором через собачий лаз в соседний двор. И так как все дворы были огорожены высокими дувалами, то Кипчакбай и его люди погнались в обход, а странник скрылся.

III

У выхода из поселка Кучак задержался у обжорных лавок. Чего только здесь не было! Старик глотал слюну и глазами ел недоступные ему лакомства, аромат которых щекотал ему ноздри.

Запах душистого плова смешивался с ароматом кавурдака. Пары наперченного мясного бульона туманили голову.

Кучак не выдержал. Голод оказался сильнее страха. Старик подошел к хозяину, толстогубому китайцу с четырехугольной физиономией, и, вытащив дрожащими руками шкуру лисицы, подал ему. Хозяин молча бросил ее на руки помощнику и вопросительно взглянул на старика.

— Накорми меня, — попросил странник, — чтобы я наелся.

Хозяин посмотрел на шкуру и сказал:

— Нет.

Странник разгневался: шкура хоть и осенняя, но хорошая, и он сердито подал хозяину золотое колечко с бирюзой. Хозяин утвердительно кивнул головой.

Кучак поспешно уселся в углу на ковре, поджав ноги, помыл руки под струей чистой горячей воды, политой чайханщиком, старательно вытер их матерчатым поясом и принялся за еду.

Вскоре около старика собралась толпа.

— Вот, — сердился хозяин, — старик вводит меня в убыток. Я думал, он человек, а он бездонный курджум. Сам небольшой, а ест, как батыр!

И хозяин перечислял съеденное. Присутствующие поочередно щупали живот старика и говорили:

— Еще не тугой, еще много влезет!

Вскоре весть об обжоре привлекла толпу любопытных. Но старик, не обращая внимания, быстро ел. Он ел и запивал мясным бульоном, а в его глазах блестела неутоленная жадность.

Сумерки окутали базар. Огонь карачирака освещал потное лицо старика, глотавшего уже через силу. Зрители всё прибывали. Даже базарное начальство почтило зрелище своим присутствием.

— Да ведь это Кучак! — вдруг закричал Безносый.

Он был теперь каким-то базарным начальством — это облегчало ловлю воров и нищих, для того чтобы копать арыки на новых землях Кипчакбая.

— Ты узнаёшь меня, старик? — спросил Безносый.

Старик отрицательно замотал головой и быстро глотал пищу.

Посетители посмеивались:

— Если это твой знакомый, вот и угости его.

Наконец хозяин отказался кормить старика в счет шкуры и кольца, хоть это было несправедливо и нечестно. Любопытные уже за свой счет кормили его и с уважением щупали живот, разбухший, как бурдюк.

Безносый пристально всматривался в старика и все твердил:

— Это Кучак.

Старик вздохнул и поднялся.

— Я сейчас приду и опять буду есть, — сказал он окружающим, выходя за дверь.

Безносый хотел было пойти за ним, но побоялся стать посмешищем, так как подглядывать за человеком, пошедшим по своей нужде, показалось бы смешным всем присутствующим.

Прождав минут десять, Безносый заволновался.

— Ловите его, это опасный человек! Я заплачу за его поимку! — кричал он.

Но Кучака и след простыл.

IV

В один из холодных осенних дней Кучак пришел к широкой реке. Он был голоден, оброс и казался еще более немощным и несчастным.

На реке работали сучи — водяные люди, как их называли. Все они были одеты в широкие шаровары. Они переправляли путников через реку на плоту из надутых воловьих шкур — пузырей, сами же при этом плыли рядом с плотом, чтобы он не перевернулся.

Кучак попросил поесть. Сучи засмеялись:

— Хочешь поесть, так поработай! Есть свободное место, недавно один утонул.

Кучак с таинственным видом сообщил, что он страдает водобоязнью. Сучи охотно предложили вылечить его.

По старинному обычаю, чтобы вылечиться от водобоязни, надо кусать ушки котлов в сорока кибитках. На это Кучак согласился. И сучи веселой гурьбой ходили с Кучаком из кибитки в кибитку; только один Кучак был печален, но он добросовестно кусал ушки котлов.

Хозяева кибиток, давно не видавшие подобного лечения, были довольны веселым зрелищем в их однообразной жизни и охотно давали Кучаку не только кусать ушки котлов, но и есть то, что было в котлах. В десятой кибитке наевшийся Кучак воспрянул духом и объявил себя знахарем. В каждой следующей кибитке он рассказывал о своих знахарских способностях и перечислял по именам людей, которых он вылечил. Его слушали внимательно, но ни лечить, ни заговаривать не просили. И какой это знахарь, если сам себя не может вылечить!

Как ни старался Кучак стать знахарем или хотя бы кзыком — кишлачным шутом, — но все же ему

пришлось стать только сучи, и он вместе с другими переправлял плоты, хотя вода была холодная и лезть в нее Кучаку не хотелось. После переправы у него болело тело и ныли кости. Но надо было работать, чтобы жить. Чтобы согреться, он пил навар из горького перца. Этс хоть и жгло рот и горло, но было так же полезно, как копать колодец иглой.

Однажды, в морозный осенний день, когда ледяная вода сковывала тело и надолго прерывала дыхание, сучи отказались перевезти важного китайского чиновника. Он бегал по берегу, ругался, но сучи не хотели лезть в холодную воду.

— Я важное лицо! — кричал чиновник и все набавлял и набавлял цену.

Тогда Кучак пожадничал, согласился и уговорил других.

Сучи в широких шароварах, с привязанным на груди тулумом — пузырем из козьей шкуры — погрузили на плот из воловьих шкур важное лицо и его вещи. В плот впрягли лошадь.

Бурная река как будто кипела. Сучи ежились в холодной воде и не могли свободно дышать. Плот двинулся. Лошадь поплыла. Длиннорукий сучи Кучак, закинув левую руку за шею лошади, усиленно греб правой. Плот подхватило течением и стремительно помчало, подбрасывая на водяных буграх.

Сучи гребли изо всех сил, поддерживая равновесие неустойчивого плота. Важное лицо быстро шептало заклинания и молитвы, испуганно всматриваясь в порог, где ревела вода и куда несло плот. Чиновнику казалось, что скалы быстро бегут вверх. На другом берегу среди отвесных скал виднелся причал, куда и пристали сучи. Они дрожали от холода и сейчас же побежали греться в чайхану.

К вечеру Кучака знобило. У него ломило все кости. Через пять дней он не смог встать с кошмы у костра.

— Тез-арвах (ревматизм), — определил он сам свою болезнь. — Много ходил я по свету и слишком много жил на местах старых кочевий. Много лет жил я в пещере, где жили деды моих дедов. Вот и заболел.

Пока у Кучака были деньги, заработанные у важного лица, чайханщик охотно держал больного, давал

ему место и пищу; когда же деньги кончились, сказал:

— Если будешь зарабатывать деньги, то живи у меня, а если нет денег, иди гуляй, куда хочешь.

Больной и голодный, ушел Кучак из кишлака, опираясь на палку. Беда никогда не приходит одна!

Одинокий и угрюмый, во власти отчаяния и безнадежности, старик брел все дальше и дальше на север и бормотал:

— Я влачу по острым камням судьбы свою жалкую жизнь!

V

На далеком севере собаки питаются рыбой. На зеленом острове Мадейра они едят виноград. В Бразилии собаки поедают зрелые ягоды кофе. Там, где люди слушают лам, собаки пожирают трупы людей, и чем скорее съедают собаки труп, тем угоднее, по учению лам, душа умершего богу.

На кладбище, за город, куда выбрасывают трупы, покойника провожают, кроме родственников и друзей, еще и своры собак.

Однажды в бурную ночь, когда ветер шумел на Тянь-Шань-Пе-Лу — северной дороге Небесных гор, а снежинки кружились в воздухе, не опускаясь на землю, в такую ночь на одном из базаров Кашгарии умирал нищий. Он так ослабел, что уже не был в состоянии ловить зимующих жаворонков, у которых в этот день после вчерашнего дождя обмерзли крылья. Это был Кучак.

По обычаю, он, придя на базар, лег на площади. Милостыня в таких случаях подается кошмами. На него бросали обрывки кошм, пока не накрыли его. Тогда он сделал себе из них обиталище в виде норы. Немало таких обиталищ из кошм, в которых ютились нищие, было разбросано по всему базару. Днем нищие просили милостыню, а ночью дрожали от холода в своих норах.

Множество собак жило на базаре. Они тоже просили милостыню и тоже мерзли и питались чем попало. Это были вечно голодные существа. В них не осталось и тени задора и жизнерадостности.

Собаки бродили от одного покупателя или купца к другому, жалобно смотрели им в глаза и только изредка слабо повизгивали.

Но иногда и у этих собак бывал праздник. Это случалось, когда умирал нищий. Собаки съедали его труп, и некоторые из них поселялись в войлочной норе, пока следующий нищий не прогонял собак и не занимал освободившуюся «квартиру».

В эту ночь, несмотря на вой урагана и злой, жалящий мороз, базарные собаки тихо и терпеливо сидели у одной из войлочных нор. Снег покрывал их толстой белой пеленой, но они спокойно и стойко переносили буран.

Собаки ждали, когда умрет нищий, а умереть он должен был скоро.

Время от времени большой серый пес, вожак стаи, осторожно влезал в войлочную нору; тогда все собаки настороженно поднимались, и снег сыпался с них.

Увидев, что человек еще жив, пес вылезал из войлочного мешка и отходил в сторону. Остальные собаки сидели шагах в двадцати от норы Кучака, но постепенно они подбирались все ближе и ближе. И вот собаки уже улеглись в двух шагах вокруг норы умирающего.

Снова влез в войлочную нору серый пес, и снова поднялись остальные. Голодный, больной нищий не хотел умирать, но бессвязные слова срывались с его губ все реже и реже. Наконец Кучак замолчал. Собаки тихо выли.

БИТВА У МОГИЛЫ

I

Большой черный пес с белым пятном на груди бежал, почти уткнувшись носом в тропинку. Иногда он взбирался на пригорки, останавливался, поднимал голову и, насторожив уши, внимательно смотрел вдаль.

Перед ним простиралась все та же каменистая кашгарская полупустыня. Через нее одна возле другой тянулись тропинки. Далеко впереди виднелись еле заметные сизые дымки.

Пес долго и напряженно прислушивался, поворачивая во все стороны уши: вдалеке шелестели кусты полыни. Из-за холма доносился шорох осыпающихся камней. Сверху слышался свист крыльев. Пес жадно вдыхал различные запахи, но среди них не находил запаха своего владыки и друга — Джуры.

Бегать в поисках Джуры стало у Тэке привычкой. Он никак не мог долго прожить на одном месте, хотя дехкане, восхищенные ростом и силой пса, старались его поймать и посадить на цепь.

Много испытал и пережил Тэке за время странствий: болел чумой, выдержал десятки битв с собаками и приобрел много навыков, свойственных бродячему псу. И сейчас, спустя год после битвы у Маркан-Су, он приближался к кишлаку в горах Сарыкола. Тэке достиг его к вечеру и хотя был голоден, он в кишлак не побежал, а улегся невдалеке, за кустом.

Вечерело. Скот возвращался в кишлак, поднимая тучи пыли. Пахло молоком, и пес нетерпеливо облизывался.

Дождавшись, когда стало совсем темно и люди ушли в кибитки, Тэке крадучись пошел на охоту. По запаху он проследил, что на дереве расположились на ночь куры. Бесшумно он вспрыгнул на забор, оттуда на крышу, и вскоре кудахтанье и хлопанье крыльев всполошили собак. Собаки залаяли, выбежали люди, но вора не поймали. Тэке лежал под кустом и с аппетитом ел курицу.

Ночь он проспал, а ранним утром, напившись воды в ручье, побежал дальше, в другой кишлак. Караванные собаки, вызывающе подняв хвосты, выбегали ему навстречу, но он мчался вперед, не обращая на них внимания. Это случилось невдалеке от большого кишлака.

Привлеченный многоголосым собачьим лаем, Тэке влез на холм и увидел вдали, на холмах, множество собак. Это была «собачья колония», как Брем назвал такие поселения собак возле Каира, Константинополя и других городов Востока. Местные жители называли это место «собачьи холмы».

По дороге к кишлаку бежали рысцой голодные собаки. Они вымаливали подачки у прохожих, поедали все съедобное, что находили в мусоре на улицах и базарах,

ели помои и глотали даже тряпки, пахнущие съестным.

Навстречу им из кишлаков возвращались сытые ночные «пираты». Днем они отдыхали в норах, а ночью грабили дворы горожан и дехкан.

Десятки собак, сидя на буграх, прочесывали зубами шерсть, уничтожая паразитов. Вереницы собак тянулись к реке — напиться и выкупаться. Драчуны зализывали раны и бежали поесть целебных трав. Старые собаки, вялые и задумчивые, лежали на буграх, отогревая озябшее тело, или грызли кости.

Рослые щенки с визгом носились по буграм.

На этом же пустыре решались важнейшие вопросы старшинства в стае; здесь же грызлись соперники за место вожака. Там и здесь белели собачьи черепа, и орлы-стервятники жадно поглядывали с высоты расположенных вблизи скал, подстерегая свежую добычу.

Возле этого пустыря, ближе к кишлаку, находилась свалка, но, кроме костей и старой золы, там ничего не было.

Сердитый лай собак доносился до Тэке. Он недоверчиво понюхал воздух и побежал не к собакам, на бугры, а мимо, в кишлак.

В поисках еды он трусил мелкой рысцой по улице, жадно поглядывая по сторонам.

Псы, собственники дворов, стоя у ворот, отгоняли чужака лаем. Тэке не забегал во дворы: он был еще не так голоден, чтобы грабить.

Издалека раздалось басистое рычание, и, не тратя времени на запугивание, на Тэке наскочил вожак стаи, огромный пятнистый пес.

Свора сомкнулась над Тэке, поощряемая криками зевак, и вдруг будто гигантская пружина взвилась. Во все стороны посыпались собаки, и Тэке, перескочив через собак, пустился наутек. Это был единственный шанс на спасение. Тэке его выиграл.

Он мчался изо всех сил, оставив позади грузных городских собак. Вожак гнался за ним по пятам. Но как ни хорошо бегал вожак, он был только рядовой городской собакой, и не ему было угнаться за быстроногим Тэке, догонявшим неутомимых горных козлов.

Тэке выбежал за город. Лай замер вдали.

II

В один из голодных дней, когда Тэке, выгнанный собаками из кишлака, перебрался в кустарники, он долго гонялся за зайцами, но поймать ни одного ему не удалось.

Он устал. В тугаях, густых зарослях колючего держидерева, прятались зайцы. Иглы кустарника не пускали Тэке в середину куста. Наколов лапы и нос, он улегся между кустами, надеясь поймать зазевавшегося зайца. Но, напуганные его присутствием, все зайцы сидели в кустах.

На второй день, забежав еще дальше в тугаи, Тэке услышал громкий лай.

Он насторожился. Лай был злобный, запугивающий. Тэке спрятался было за куст, но лай внезапно смолк, и он осторожно пошел узнать, в чем дело. Тэке увидел, как свора собак, облизываясь после съеденного зайца, побежала дальше, высматривая новую добычу.

Тэке осторожно последовал за ними, прячась между кустами.

Вдали мелькнул заяц.

Свора сейчас же разбилась на группы и заняла все проходы вокруг куста. Вожак, желтая сука из породы гончих, сейчас же залаял возле куста, и все находившиеся с ним собаки, кроме лежавших в засаде, на тропинках между кустами, залаяли изо всех сил. Маленькая собачонка осторожно пролезла под иглами между стволами кустарника и тоже угрожающе завыла.

Заяц испуганно подпрыгнул и быстро зашевелил ушами, поворачивая их во все стороны. Лай слышался только с одной стороны. Когда же под ногой маленькой собачки хрустнула ветка, заяц не выдержал и бросился наутек.

Напуганный и оглушенный, он помчался по тропинке, но не успел обогнуть соседний куст, как серый большой пес метнулся к нему. Заяц бросился в кусты, но острые зубы вцепились в него, и он пронзительно закричал.

На этот визг примчались остальные собаки. И в то же мгновение Тэке налетел и, отбросив сильным ударом груди удачливого охотника, грозно рыча, застыл над

разорванным зайцем. Собаки обиженно залаяли, протестуя против такого наглого грабежа. Сука бросилась на Тэке, но он, не обращая на нее внимания, отгрыз у зайца ногу и, давясь, почти сразу проглотил. Тогда все собаки кинулись к зайцу, и каждая старалась съесть побольше, но Тэке успел сожрать львиную долю.

Собаки стали вокруг него и, грозно лая простуженными голосами, предлагали убраться.

В это время из куста, возле которого лаяли собаки, выскочил напуганный заяц. Все собаки, включая Тэке, дружно помчались за ним, поймали и съели. И едва собаки принимались сердито лаять на Тэке, как снова выскакивал заяц, и собаки, увлеченные охотой, бросались за ним.

За зайцами никто, кроме собак, не охотился. Местное население их не ело.

Собаки охотились до вечера, а когда солнце коснулось горизонта, сытые и довольные, они побежали к городу вместе с Тэке. Собаки уже не огрызались на него.

III

Чем ближе к городу, тем неохотнее бежал Тэке и наконец остановился. Однако он заметил, что стая направилась не в жилые кварталы, а к древнему, разрушенному много веков назад городу, где вместо домов были бугры глины и кучи мусора. Тэке опять побежал за стаей.

С высоты холмов, замыкавших мусорище, он узнал эти развалины. Оттуда неслись сотни собачьих воплей — лай, крики и радостное рычание молодежи. И, как уже однажды было, не доходя до «собачьих холмов», Тэке насторожился и остановился. Удивленная его поведением, вся свора тоже остановилась; собаки оглянулись на него.

Тэке нюхал доносимые ветром запахи, стараясь угадать, какие там собаки, но запахов было так много, что он толком ничего не понял. Выросший в одиночестве, он побоялся идти к «собачьим холмам». Тэке сел и угрюмо оглянулся.

К нему подошла сука и, вильнув хвостом, побежала вперед. Приближаясь к «собачьим холмам», Тэке все

беспокойнее поглядывал по сторонам Лай слышался все громче и громче. Много серых, пятнистых, черных, белых собак сидело и бегало у холмов. Свора побежала между холмами. Тэке заметил в них много нор. Когда же из одной высунулась собачья голова, он даже остановился, удивленный.

Собака, голову которой Тэке заметил в норе, вдруг подняла неистовый лай. По этому сигналу несколько собак выскочили из нор этого холма и залаяли на Тэке, прогоняя прочь. Собаки же из нор соседнего холма не залаяли и не обращали на него внимания: это было частным делом собак, живущих в холме, около которого остановился Тэке.

Поздно ночью Тэке достиг крайнего холма и сунулся в одну из нор, но тотчас же отскочил: одна из собак, взвизгнув, лизнула его в нос.

Из норы вылез рыжий пес и радостно бросился к Тэке. Тэке обнюхал его и тоже обрадовался, узнав собаку, по кличке Рубленый Хвост, с которой он подружился, сопровождая караван несколько месяцев назад.

Рубленый Хвост весело носился вокруг Тэке, лаял, игриво толкал его, припадая грудью к земле.

Вскоре Тэке познакомился с косматым вожаком.

Косматый был самым свирепым из собак.

Черные глаза его сверкали из-под белой шерсти, свисавшей прядями со лба. По малейшему поводу, невзирая на опасность, он бросался на людей, на животных, на рассердивших его собак и грыз с остервенением, не замечая ничего, кроме врага.

Поголодав несколько дней, Тэке побежал в кишлак, на базар. Базарные собаки несколько раз наскакивали на него, но, злой и сильный, он быстро расправлялся с ними поодиночке, избегая драться со стаей.

Через несколько дней базарные собаки перестали преследовать Тэке. Это случилось после того, как он искалечил и прогнал с базара вожака одной из улиц кишлака, где Тэке однажды чуть не загрызли.

С каждым днем Тэке все больше и больше осваивался на базаре. Он не вымаливал подачку жалобным визгом и не провожал людей, несущих пищу, до самого дома. Тэке быстро понял: если на базаре рычать, то люди дают пищу. Теперь он смело ходил по базару и,

обходя по очереди торговцев, рычал на них. Скоро вошло в обычай бросать подачки Тэке и сопровождавшим его собакам.

Даже собаки мясника, огромные пестрые псы, злые и кровожадные, однажды неудачно подравшись с Тэке, тихо ворчали про себя, боясь разъярить Тэке лаем, хотя он ходил в их владениях и иногда получал оставленные для них куски.

Число собак вокруг Тэке все росло. Приходилось увеличивать и подачки. Тогда торговцы сговорились покупать для стаи Тэке за бесценок павших лошадей. Трупы лошадей уже не вывозили, как обычно, на окраину, к «собачьим холмам», а бросали у базара, где их пожирали собаки...

Стая Тэке наглела с каждым днем. Это были уже не сторожа и охотники — это были завоеватели, требовавшие ежедневной дани. С каждым днем стая увеличивалась за счет собак с прибазарных улиц и обитателей холмов, и Тэке не гнал их.

Эта большая стая поселилась возле Тэке, на «собачьих холмах», и выгнала из соседних нор всех других собак, не входивших в стаю.

В «собачьих холмах» Тэке был уже вожаком трех холмов, а на базаре он был вожаком стаи, куда входило множество собак с других холмов.

Остальные вожаки, лишенные падали, которую больше не вывозили, каждый день лаяли, вызывая Тэке на поединок.

Когда же бóльшая часть собак «собачьих холмов» перешла к нему в базарную стаю, враждебные Тэке вожаки окружили однажды вечером нору Тэке и, подняв лай, вызывали его на поединок. Тэке не выходил. Злой, он рычал из своей ямы и укусил за нос сунувшегося к нему пса.

Под утро вожаки разошлись.

Тэке ждал. И час битвы настал.

IV

В кишлак издалека прибыли купцы и начали быстро распродавать пригнанный скот. В один день они продали свыше трехсот голов.

В полдень к старшине базара прибежали несколько дехкан и сообщили, что у них подохли купленные коровы. Даже сам Кипчакбай пострадал и приказал разыскать купцов, но их и след давно простыл.

Всего подохло около ста голов. Их решили зарыть в одном месте, чтобы собаки не растащили кусков и не разнесли заразу.

Перед этим дней десять собаки голодали.

Теперь на «собачьих холмах» царило всеобщее возбуждение. Собаки не спали. Они бегали от норы к норе, лаяли и выли.

Тэке со своей стаей даже не возвратился вечером на «собачьи холмы»: всю ночь они дежурили у огромной кучи трупов, охраняемой стражей.

Ранним утром, когда девушки с кувшинами шли за водой к реке, на базар пригнали верблюжий караван. Трупы привязали к верблюдам, и те потащили их по пыльной дороге. Огромная собачья стая во главе с Тэке пошла по пятам, отгоняя чужих псов.

Погонщики не отцепили трупы коров на пустыре, около базара, где обычно в последнее время бросали падаль, а повезли за кишлак.

Собаки заволновались. Тэке забежал спереди и начал бросаться на верблюдов, преграждая им путь. Верблюды обиженно ревели и не хотели идти дальше. Погонщики с нагайками в руках хотели разогнать собак, но были вынуждены оттащить в сторону и оставить одну корову.

Собаки плотным кольцом окружили ее и начали пожирать. Тем временем караван прошел и остановился у ямы, около которой копошились люди.

Пока собаки из стаи Тэке, съев брошенную им корову, прибежали к буграм разрушенного города, сторожа уже окружили верблюдов.

Собаки с «собачьих холмов» во главе с вожаком тигровой окраски были уже здесь.

Кетменщики, с рассвета копавшие большими цапками — кетменями — яму, прокопали десять локтей в глубину, как вдруг один из них, ударив кетменем, не удержал его в руках: кетмень вырвался из рук и провалился. Кетменщики испугались: под ними открылась черная яма. Бросили камень. Яма оказалась глубокой. Они ре-

шили сбросить туда всех коров, а потом закопать их.

Как только уехали погонщики, собаки бросились разрывать яму. Сторожа выстрелили по ним, убив нескольких собак; остальные отбежали в сторону и легли. Наряд в пять сторожей остался лицом к лицу с огромной стаей голодных собак.

— А что, если они бросятся на нас? — сказал один. — Ведь нам не справиться...

— Ну ничего! — оборвал его старший.

Но брошенная мысль заставляла сторожей с опаской посматривать на ожидавших псов.

— А ведь ни одна собака не ушла! Они ждут, — сказал тот же сторож.

На этот раз все промолчали.

Две огромные стаи лежали по обе стороны бугра. Собаки повизгивали, ссорились, рычали.

Наступила ночь.

Сторожа пугливо жались к костру. Страшно было ночью находиться вблизи кладбища, да еще в окружении голодных собак.

Наконец сторожам пришла смена.

Пришедшие тоже боялись. Они требовали подмоги. Но отдежурившие сторожа не согласились оставаться и ушли.

Одна из собак, голодная и тоскующая, подняла голову и завыла. И тотчас же Рубленый Хвост и почти все собаки завыли. Хриплые, простуженные и звучные голоса слились в один протяжный вой, который, казалось, длился беспрерывно.

Сторожа испугались. Из темноты ночи на них смотрели сотни светящихся глаз. Они не выдержали и, отойдя подальше, побежали.

Двумя армиями собаки столпились около могилы.

Тигровый зарычал и важно вышел вперед.

К нему, напрягши хвост, как струну, высоко подняв голову и прижав уши, медленно вышел Тэке.

На обеих собаках дрожала шерсть, и гневные складки пробегали волнами по коже.

Тигровый, оскалив белые клыки, вызывающе рычал на Тэке, последний отвечал ему тем же.

Оба ступали медленно и важно, делая вид, что смотрят в сторону и не замечают друг друга.

Тигровый вдруг обернулся к Тэке и угрожающе зарычал.

Собаки видели, как у Тигрового брызжет слюна из пасти и как в ответ ему беззвучно оскаливается Тэке; только изредка из его пасти раздавалось рычание.

Тигровый метнулся к Тэке, но тот отскочил в сторону и бросился на Тигрового, сбил и прижал его к земле.

Поднявшись на задние лапы, они обхватили один другого передними. Каждый старался добраться до шеи врага, но зубы наталкивались на зубы противника. Враги то приседали, то вытягивались во весь рост, но не могли свалить один другого. Наконец Тигровый опрокинул Тэке на землю, но тот сейчас же вскочил. Тигровому удалось прыгнуть Тэке на спину и, сжав передними лапами его туловище, вцепиться в шею. Тэке внезапно перевернулся через голову и в этот миг сильным рывком когтей разорвал врагу живот.

Вопрос старшинства был решен.

Всю ночь, сменяя друг друга, рыли собаки твердую глину.

К утру прорыли длинный ход. Рывший последним рыжий пес так увлекся работой, что вместе с землей провалился в образовавшуюся дыру. Он испуганно завизжал внизу. Тэке тоже полез в образовавшийся ход. Этот ход вел в громадное подземелье.

Тотчас же за Тэке бросились другие собаки. Тэке вбежал в подземный ход и наконец добрался до места, где лежали дохлые коровы.

На четвертый день сторож, посланный проверить целость коров, обнаружил, что собаки проникли внутрь с другой стороны холма.

Он не решался подъехать к входу, у которого толпились собаки. Объезжая холм, чтобы узнать, как добрались собаки до коров, он пересек тропинку, протоптанную собаками к реке, и вдруг увидел на тропинке золотую монету. Сторож соскочил и схватил ее. Сомнений не могло быть: это была старинная золотая монета.

Сторож быстро осмотрелся вокруг и нашел на вновь протоптанной собачьей тропинке еще несколько таких же монет.

Он отошел в сторону.

Собаки бежали с бугра. Они отряхивались, и иногда блестящий золотой кружочек падал на землю.

Сторож вскочил на коня и, так как он был мусульманином, помчался сообщить о своей находке раису Кипчакбаю.

В СЕРДЦЕ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА СИДИТ НАСТОРОЖЕ ЛЕВ

I

Страшен был вид Джуры, когда его опускали в яму. Шапка, разодранная ударами нагайки, присохла к волосам, склеенным запекшейся кровью. Правый глаз опух. Верхняя губа была рассечена. На лице, шее и груди засохла кровь.

Сверху крикнули:

— Эй, Саид, развяжи этой собаке руки! Пусть подохнет красный памирский волк!

Саид развязал Джуре руки и спросил, нет ли у него куска лепешки. Новый узник с презрением посмотрел на Саида. Так вот с какими людьми ему придется страдать в заточении! У настоящих людей в неволе все помыслы только и были бы что о воле, а этот прежде всего думает о еде. Джура мрачным взглядом окинул яму и спросил, как выбраться отсюда.

Худой оборванец с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и спросил его:

— Может, у тебя есть кусок лепешки? Сюда только раз в сутки спускают на веревке немного жидкой болтушки из отрубей.

— Ничего нет, — мрачно ответил Джура. — А как выбраться отсюда?

— Знал бы, не сидел бы здесь! А ты издалека?

— Из кишлака Мин-Архар на Памире, — буркнул Джура.

— Как? Из Мин-Архара? Значит, ты был на Биллянд-Киике?

— Был! — ответил Джура удивленно.

— И ты знаешь Кучака?

— Кучак — мой дядя. Ты слышал о нем что-нибудь?

— Хо-хо, нельзя все сказки рассказывать за один присест! Успеешь, — насмешливо ответил оборванец, и косые глаза его заблестели.

«Это Кипчакбай подослал мне своего человека», — заподозрил Саид и принялся расспрашивать Джуру, стараясь поймать его на слове.

Джура отвечал нехотя, отмалчивался и ожесточенно растирал онемевшие кисти рук. Настойчивые вопросы Саида воскресили в памяти Джуры всю боль пережитого. Он ненавидящим взором посмотрел вверх, на решетку, закрывавшую дорогу к свободе, и даже застонал от ярости. Раненая голова болела и мешала думать. Вне себя Джура заметался по яме, как пойманный дикий зверь. Он несколько раз подпрыгнул, чтобы добраться до решетки, но это не удавалось. Джура подпрыгивал, цеплялся ногтями за стены. Глина была сухая, крепкая, и даже ногти в нее не вонзались.

Поняв всю бесплодность этих попыток, Джура крикнул Саиду и другому, испуганно сидевшим на корточках:

— Поднимите меня к решетке!

— Это не поможет, — сказал Саид.

Но Джура прыгнул к нему и, обхватив пальцами его худую шею, сдавил, приговаривая:

— Поднимешь? Поднимешь?..

У Саида глаза налились кровью, и он не мог выговорить ни слова. А Джура, не сознавая своей страшной силы, обезумевшими глазами смотрел в потускневшие, мутные глаза Саида.

— Брось! Ты его удавишь, и это не принесет тебе пользы, — тихо сказал другой, имя которого было Чжао.

Джура выпустил задыхавшегося Саида и обернулся к Чжао:

— Поднимай!

Саид, как рыба, вытащенная из воды, глотал воздух.

Чжао наклонился. Джура, упершись руками в стену, влез на его спину, подскочил и схватился руками за деревянную решетку, закрывавшую яму. Прерывисто дыша, он повис на ней и, упершись ногами в стену, рванул решетку в сторону. Она слегка сдвинулась.

Заметив это, сторож, охранявший яму, испуганно закричал и, просунув приклад ружья в отверстие решетки, сильно ударил Джуру по голове.

Пальцы Джуры разжались, и он рухнул в яму.

— Вот бешеный! — закричал оправившийся Саид. — Его надо обязательно зарезать, а то он задушит нас обоих.

— Не надо. Пусть живет, — тихо сказал Чжао, усевшись на корточках у стены.

Придя в себя, Джура спросил Саида, что он знает о Кучаке. Саид пересказал Джуре все их совместные приключения. Он рассказывал очень долго, со множеством отвлечений и подробностей, стремясь представить Кучака злым и расчетливым. Он не мог простить, что такой простодушный с виду человек перехитрил его, утаив от него золото.

Наступил вечер, и Саид заканчивал свой рассказ:

— ...Я подговорил Кучака сказать, что памирское золото он нашел в пустыне Такла-Макан, в одном из старинных городов, засыпанных песком. В пустыне много таких городов, и все дома в них сделаны из тополя. От домов остались только сотни столбов. Кругом сухой песок на много дней пути. Часть стен из камыша обмазана глиной, а на них нарисованы полуголые женщины с волосами, закрученными в пучок, мужчины, похожие на киргизов. От сопровождавших нас басмачей я освободился по дороге. Но уже вскоре об этом узнал Кипчакбай. И где мы только не прятались с Кучаком! Нас схватили в Чижгане. Больше я ничего не знаю о Кучаке. Наверно, он погиб от пыток... Меня тоже пытали, но я выжил...

Джура, утомленный длинным рассказом, впал в тяжелое забытье. Во сне он бредил, и из его несвязных слов Чжао и Саид многое о нем узнали.

Джура очнулся только на другой день. Он чувствовал смертельную усталость во всех членах и страшную боль в затылке. Лежа у стены, он смотрел вверх сквозь решетку на темно-голубое небо. Потом, сдерживая стон, он внимательно осмотрел яму, широкую внизу и сужавшуюся кверху.

Весь огромный мир, дыхание которого он ощутил в крепости, мир Максимова и Козубая, Ивашко и Уразалиева, мир, в котором ему открывалась широкая дорога, вдруг исчез, как сон, и он потерял свободу и друзей, очутился здесь, в тесной яме.

Где я? — спросил Джура.

— Там, откуда выход только один, — в могилу.

— И вы оба уже покорились этой участи? — спросил Джура. — Неужели ваши друзья оставили вас?

— Потерпи... — сказал Чжао, стараясь успокоить бедного юношу.

— Я не буду терпеть! — перебил его Джура. — Я из рода большевиков. Это самый большой род — он везде. Мне помогут, как только узнают, что я здесь.

Саид хрипло смеялся, а Чжао тихо сказал:

— Молчи, здесь хозяин Кипчакбай! Это тюрьма исмаилитов...

Джура опять потерял сознание. Чжао обломком бритвы сбрил все волосы с головы Джуры. Он собрал со стен паутину, смочил ее слюной и заклеил Джуре страшную рану на голове.

— Не верю я этому молодчику! — сказал Саид. — Может быть, его нам подбросил Кипчакбай, чтобы выведать у нас секреты?

— Вряд ли. Неужели ты думаешь, что он притворяется? Он слишком молод для этого и прямодушен. Я чувствую — ему здесь будет очень трудно. Ты сам слышал, что он говорил в бреду. Не раздражай его. Мне кажется, он хороший человек и не способен лгать, как другие.

Тень ненависти вспыхнула в глазах Саида.

— Ты говоришь про меня? Что я сделал тебе? Или моя ложь Кипчакбаю тебя тревожит? Пусть каждый идет своим путем. Тут и святой чертом станет.

Через несколько дней Джура мог уже сидеть и говорить. Но он молчал. Порывистый, страстный, но замкнутый, Джура не рассказывал Саиду и Чжао о своих чувствах. Он часто вскакивал и начинал ходить, а потом бегать по яме. Лишенный возможности действовать, он приходил в ярость. Головокружение и боль снова заставляли его опускаться на землю. Ненависть, которую Джура и раньше питал к Тагаю и другим басмачам, росла с каждым часом его пребывания в яме. Он не хотел ни есть, ни пить, ни говорить. Желание отомстить стало единственным устремлением его воинственной натуры. Мстить Тагаю, Кзицкому и Шарафу, мстить всем

басмачам! Мстить тем, кто покрыл его позором в глазах Козубая и Максимова!

Он уже не мечтал, что отомстит сам. Он видел себя вместе с другими в отряде среди ста, тысячи всадников. Он думал о том, какими путями они направились бы, чтобы обрушиться внезапно на головы врагов, думал о том, где добыть еду и корм для коней.

Мысленно он обращался с речью к народу, народу, который он хотел навсегда освободить от басмачей, баев и их хозяев. Когда Джура поскачет с джигитами, земля так загудит под ударами великого множества копыт, что этот шум услышит Козубай, услышит Зейнеб, услышит Максимов, услышат комсомольцы, красные джигиты.

Джура закрывал глаза, и грозные картины вставали перед ним: он видел горы вражеских трупов, слышал ржанье коней, гром выстрелов. Увлеченный мечтами о мести, он метался по яме, не замечая ни Чжао, ни Саида, и что-то бормотал, натыкаясь на них, как слепой. Но, подняв голову, он видел решетку и над ней ясное голубое небо.

На восьмой день Чжао удержал его за руку.

— Джура, — говорил ему тихо Чжао, — твой язык пересох и губы запеклись. Смотри, ты ударяешься о стены, сам того не замечая. Выскажи нам свое горе, все обиды. Ведь даже по ночам ты не спишь!

— А кто ты такой, почему сам сидишь здесь? — спросил Джура недоверчиво.

Он хорошо помнил слова Козубая: «Будь осторожен в обращении с незнакомыми людьми, но скрывай это. Если тигр показывает тебе свои клыки, не воображай, что он тебе улыбается».

— Мы, все трое, сидим в тюрьме для нарушителей мусульманского закона, — сказал Чжао, — и властям нет дела до того, что делается в одной из ям, расположенных в горах Китайского Сарыкола. Здесь самое главное лицо — военный судья басмачей Кипчакбай. О нем ты знаешь из рассказа Саида. Ты чем нарушил шариат?

— Я? Шариат? Я не знаю, что это.

— Я объясню тебе: это закон. Наша яма — тайная исмаилитская тюрьма, — продолжал Чжао. — Сюда помещают людей, чья деятельность причинила зло исмаи-

литам. Не станешь же ты утверждать, что никогда не сталкивался с исмаилитами?

— Они хотели завлечь меня, но я не поддался, — гордо сказал Джура. — Все интересовались, и наши и исмаилиты, куда делся фирман Ага-хана, который был в кожаной сумке убитого мной Артабека. Так и не нашли.

— Ты очень наивен, юноша, — сказал Чжао, — я это вижу. Как ты попал к нам и как тебя зовут?

— Я Джура, из рода Хадырша. Не слышал? Раньше я думал, что на всем свете существует только род Хадырша и еще род купцов Тагая, а когда меня приняли членом в отряд...

Саид насторожился. Чжао перебил Джуру вопросом о том, перестала ли болеть его голова.

Чжао тихо шепнул Джуре, выбрав время, когда Саид уснул:

— Я тоже красный, хоть и никогда не был на советской земле, но молчи об этом.

Саид открыл глаза.

— Ага, секреты? — сказал он. — Собираетесь вести подкоп? Знайте же, я тоже убегу с вами, а не возьмете с собой — выдам вас немедленно!.. Я пошутил, не бойтесь меня. Видно, все мы в чем-то провинились у исмаилитов. Ссориться нам нечего, надо думать, как убежать отсюда.

— Неужели ты, Саид, не имеешь друзей и родственников среди сторожей? — спросил Джура.

— Ты в своем уме? Кто сидит в яме, для того один путь — в бочку, утыканную гвоздями, на виселицу. У меня есть дядя, мулла. Но теперь муллы продались и делают грязное дело, прикрываясь словами корана.

Саид любил поговорить. Джура слушал его невнимательно. Он смотрел вверх и пропускал мимо ушей рассказы Саида о лисах-оборотнях, злых духах, о святых гробницах, об опиекурильнях. Ничто не могло отвлечь его от горестных дум. Он тосковал по горным просторам, наполненным прохладным воздухом, тосковал по утраченной свободе. При мысли о басмачах он злобно стонал, не в силах скрыть свои чувства, вскакивал и снова начинал метаться. Тогда Чжао повышал голос, чтобы привлечь внимание Джуры.

Чжао видел, что с каждым днем Джура становится все мрачнее. Однажды он обратился к нему с вопросом:

— Знаешь ли, Джура, где ты сейчас находишься?

— Знаю, — буркнул Джура, недовольный тем, что прервали бег его мыслей, — в яме.

— Нет, я не об этом говорю, — продолжал Чжао. — Знаешь ли ты, что мы сейчас с тобою живем в китайской провинции Синьцзян? Южная половина называется Кашгария, а северная, за горами Тянь-Шань-Пе-Лу, — Джунгария. Если бы ты поднялся на виднеющуюся отсюда гору Муз-Таг-Ата — Отец Снежных Гор, ты увидел бы, что вся Кашгария похожа на чашу. На севере горы Тянь-Шань, на юге Куэнь-Лунь и Алтын-Таг, на западе Сарыкол, а на востоке огромная, как высохшее море, пустыня Такла-Макан, а за ней снова горы. По краям этой огромной чаши лепятся кишлаки. А какие здесь реки, ты знаешь?

— А какое мне дело! — рассердился Джура.

— Тебе надо знать, куда направить бег коня, если удастся выбраться из этой ямы.

Джура с интересом посмотрел на Чжао и подсел к нему. Чжао взял в руки кусочек белой кости и на ровном, утрамбованном полу вырыл горы, реки, пустыню. Саид сел рядом, и они спорили о величине оазисов, расположенных между пустыней Такла-Макан и горами. Чжао рассказывал о самых значительных из них, таких, как Кашгарский, Яркендский, Хотанский на западе, Керийский на южной окраине пустыни и Аксуйский, Кучинский и Маральбашский на севере.

Саид то и дело вырывал из рук Чжао косточку и исправлял направление дорог между оазисами и повороты реки Тарим, текущей две с половиной тысячи километров на восток до вхождения в озеро Лоб-Нор.

Они спорили, можно ли спрятаться в тростниках реки Таушкан-Дарьи или лучше бежать к лесным людям на берега реки Керии-Дарьи.

Вдруг Джура хлопнул Чжао по плечу.

— К чему эти споры? — сказал он. — Максимов выручит меня, я знаю!

— А откуда он знает, где ты находишься? — спросил Саид.

— Максимов? — удивленно спросил Джура. — Он все знает. О нем все говорят, что он «человек, который везде»...

— Он не приедет за тобой, — уверенно сказал Чжао, — он не может прийти сюда за тобой — это чужая страна. Здесь байские законы, враждебные законам Страны Советов. Козубай не перейдет границу, и ты должен выбраться сам. Умел попасть в яму — умей и вылезть. Слушай и запоминай: эта страна находится за тысячи километров от Шанхая, но здесь живет много китайцев. Дорога идет через пустыню. Все товары сюда шли из России и частично из Индии. Англичане захотели совсем устранить русских купцов и даже закрыли после русской революции в тысяча девятьсот семнадцатом году границу. Еще раньше они заставили китайский народ покупать у них опиум. А кто курит опиум, тот погибший человек.

— Я знаю многих опиекурильщиков, — вмешался Саид. — За трубку опия они готовы отдать дочь. Кто много курит, работать не может, для того все счастье в красивых снах. Я курил, но вовремя бросил.

— Слушайте меня дальше, это вам полезно, — продолжал Чжао свой рассказ. — Началась «опиумная война». Передовые китайцы были против ввоза опиума, но англичане добились своего. Теперь они хозяева многих богатств Китая. Англичанам все мало. Они подкупили многих здесь, в Западном Туркестане, и командуют как хотят. Они захотели захватить весь Советский Туркестан и до сих пор для этого посылают банды.

— Моя тетка Курляуш у жен курбаши Тагая работает, — опять вмешался Саид. — Так она уверяет, что, когда захватят Советский Туркестан, англичане сделают Тагая эмиром и подпишут с ним договор. Ты плохо рассказываешь, Чжао, тебя скучно слушать. Я засну, а вы говорите тише.

Дождавшись, когда Саид захрапел, Чжао продолжал свой рассказ:

— Баи есть везде, их нет только в Советском Союзе. Много их и в Китае. Они продадут страну кому угодно: англичанину, американцу или японцу, лишь бы разбогатеть еще больше. Ты не думай, Джура, что китайский народ покорился. У нас тоже есть мудрые люди, кото-

рые понимают слова Ленина и чтут их. Красная армия Китая установила во многих областях Советскую власть и до сих пор воюет с предателями, продавшими народ в рабство иностранцам. И если бы не английское золото и оружие, Кашгария и Джунгария тоже были бы свободны. И если ты, Джура, избрал себе жизнь воина за счастье народа, учись терпеть...

За те дни, которые узники провели вместе, было сказано многое. Постепенно все привыкли друг к другу и начали откровеннее говорить между собой.

Дни не отличались разнообразием и походили друг на друга, как близнецы.

Некоторое разнообразие в жизнь узников вносили ссоры. Обычно Саид, показывая свои старые раны, рассказывал, где и как он их получил.

— Это было в пустыне Такла-Макан, — сказал както Саид об одной ране.

— Это было на кладбище в Яркенде, — сказал он через несколько дней о ней же.

А когда он добавил, что получил ее от индийского пундита [1], когда тот обмерял истоки Желтой реки, Джура презрительно фыркнул.

— Я не вру, я там был! — азартно закричал Саид и поклялся.

— Все равно врешь, — сказал Джура.

Раньше, встречая людей, он принимал их такими, какими они хотели казаться, и верил им на слово. Теперь же, чтобы разобраться в них получше, Джура сравнивал людей со зверями.

— Ты, Саид, шакал со змеиной головой и лживым языком, скажи: зачем ты врешь? Чжао, ты мудр, как ворон, скажи: зачем он нам врет?

— Как называется то место? — безразличным голосом спросил Чжао.

— Монголы называют его Одонтала, китайцы — Син-У-Хай, а тангуты [2] — Гарматын.

— А налево, на горе?

— Приносят жертвы, — отвечал Саид.

— И что оттуда видно?

---

[1] Пундит — странствующий монах в Индии.

[2] Тангуты — одна из народностей, населяющих Кашгарию.

— Бесчисленное множество ключей, бьющих из-под земли.

— Верно, — сказал Чжао. — Это Звездная степь.

— А ты почему там был? — спросил Саид.

— Так, — отвечал Чжао.

— Ты скрываешь от нас какую-то тайну. Кто ты? — допытывался Саид. — Как твое настоящее имя? Я так понимаю. Мы все сидим вместе. Мы друзья-узники. Пусть я буду продажная шкура, я могу кого угодно продать, но таких друзей я не трону. Друзья-узники — это табу[1], так говорил один мой друг, ездивший по океану.

— Нет, — сказал Чжао, — друг это не тот, с которым сидишь или ешь. Друг — тот, с которым борешься за одно большое дело.

— А ты, Джура?

— Раньше я все один делал. Только себе верил. А поехал я один против басмачей, меня и взяли. Был бы со мной Козубай, был бы Муса — всех бы басмачей перестреляли. Одному трудно. Зачем спрашиваешь? Все равно подохнем! — И Джура отвернулся к стенке.

Прошло несколько дней.

Джура сох и слабел.

— Это с ним оттого, что душа у него горит, — говорил Саид. — Через месяц кончится. Здесь его и закопают.

Обычно молчаливый, Чжао сделался болтливым, как сорока. Как только Джура укладывался у стенки, заворачиваясь с головой в лохмотья, Чжао подсаживался к нему. Он рассказывал о своей удивительной жизни, о том, как он был поваром, матросом, пулеметчиком, краболовом и грузчиком.

Саид прерывал Чжао и рассказывал о своих невероятных похождениях, о том, как он возил контрабанду и был старшиной у нищих.

— И чего ты только сидишь здесь! — сердито сказал Чжао. — Ты просто клад для англичан.

— Еще бы! Я с их помощью и сел сюда.

---

[1] Табу — религиозный запрет, налагаемый на какой-либо предмет, действие, слово и т д; нарушение запрета будто бы неминуемо влечет жестокую кару (болезнь, смерть) со стороны фантастических духов и богов.

— А ты говорил, что японцы...

— Был один человек, — задумчиво произнес Саид. — Если ничего не происходило, он умел найти того, кто за плату мутил бы воду.

— Тебя, например, — насмешливо сказал Чжао. — За сколько?

— Э, ничего ты не понимаешь! — ответил Саид злобно. — Я хотел отомстить проклятому Кипчакбаю, а тут еще это дело с Кучаком и еще кой-какие дела, и все вместе... Ох, до чего есть хочется!

Чжао мог рассказывать часами. Самым удивительным для Джуры были рассказы о власти ходжей в Кашгарии. Страной около двухсот лет назад, до завоевания ее Китаем, управляли не столько ханы, сколько их духовные советники — ходжи, которые постоянно ссорились между собой. Распри ходжей привели к тому, что вся Кашгария поделилась на два лагеря, враждовавшие между собой из-за власти.

Междоусобицей «черногорцев» — сторонников ходжи Исак-Вали и «белогорцев» — сторонников ходжи Ишан-И-Каляп — сначала воспользовался ойротско-джунгарский хан, чтобы заставить страну платить дань, а потом Китай.

Чжао рассказывал о населении страны: о китайцах, узбеках, уйгурах, киргизах, таранчах и других.

Джуру мало интересовали подробности о подкупах, предательствах и убийствах. Джуру больше всего интересовали рассказы о далеких морях и странах, машинах и оружии, об огромной стране — Советской России. Жизнь у Козубая теперь казалась ему одним коротким солнечным днем.

— Моя кровь ярко-красного цвета, — говорил Чжао, — а красный флаг ведет к свободе тех, чьи руки в мозолях. Мы все с большевиками: китайцы, киргизы, русские. Все, кто трудится и ненавидит баев.

Джура недоверчиво смотрел на Чжао. Он говорит то же, что и Козубай. Но все люди из рода большевиков, которых он до сих пор видел, были здоровые, сильные, а Чжао? Чжао худ и оборван. Джура недовольно отвернулся.

Но тут его взгляд упал на собственные рваные ичиги и грязный халат.

— Ты читать, писать умеешь? — спросил Чжао.

— Нет, — ответил Джура. — Был у меня друг — Юрий Ивашко. Он обещал научить — времени не было. И была такая маленькая, худенькая русская комсомолка. Она делала прививку людям от оспы. Однажды я спас ей жизнь. Она тоже обещала научить, и тоже времени не было. И Козубай обещал, и Ахмед... Эх, Чжао, ты много говорил, а об одном молчишь! Ты не знаешь басмачей.

— Я? — гневно спросил Чжао. — Я не знаю людей хуже, чем они! Впрочем, все враги на один лад. Когда я был пулеметчиком китайской Красной армии...

Он осекся и замолчал, встретив взгляд Саида.

— Значит, у тебя должны быть очень сильные единомышленники, — насторожившись, сказал Саид. — Почему же тебя не выручат?

— А как дать знать, где я? Помоги найти способ! — отозвался Чжао.

— Сам ищу способ сообщить о себе. Было бы золото — подкупили бы стражу, — сказал Саид. — Надо что-то придумать, а то подохнем.

— Саид, ты много рассказывал мне, но ни разу не сказал, кто ты, чем занимался, — однажды спросил Джура.

— Не было такого дела, каким бы я не занимался, не было такого места в Синьцзяне, где бы я не был. Я промывал золото из голубоватой глины и камней в Соургаке и Чижгане, возле Керии. Был нищим, просил милостыню. Работал искателем кладов, был контрабандистом, а теперь меня заподозрили в намерении помешать тайным перевозкам оружия из Индии. А я взял только один револьвер-маузер в коробке, один-единственный. — Саид шумно вдохнул воздух сквозь стиснутые зубы, и от волнения глаза его скосились, будто увидели на кончике собственного носа нечто поразительное. — Другие целиком захватывают караваны с оружием, которое везут из Индии для басмачей, а я... — Саид поднял один палец. — И я заплатил караванщику, чтобы он в это время меня не видел. Я взял маузер, чтобы заставить богатых купцов поделиться своими богатствами со мной. В городе я прятался у нищих, и проклятая ищейка Кипчакбая — старшина нищих Чер выдал меня.

Кипчакбай бил меня. «Это ты, говорит, грабил караваны с оружием, а если и не ты, то знаешь кто. Назови, кто тебя подговорил, у кого в руках оружие, и ты станешь мне другом...» А я не знаю... но догадываюсь.

— Кого же ты подозреваешь? — спросил Чжао, сидевший на корточках у стены.

— Красных китайцев! Ты, Чжао, знаешь таких?

— Слышал о них и знаю, что плохо бывает тому, кто становится на их пути.

— Я не сказал о своих подозрениях Кипчакбаю. — Саид шумно втянул воздух. — Кипчакбай даже Кучака подозревает. Я уже об этом вам рассказывал. Кипчакбай хочет мне устроить очную ставку с Кучаком. А испугавшийся трус и себя и других может оговорить. Боюсь я этой встречи. Я никому не верю. И ты, Джура, никому не верь, а особенно исмаилитам. Это они врут, будто фирман Ага-хана не у них. А потом, разве бывает только один фирман? Их бывает несколько одинаковых. Один пропадет — не беда. Почему же так много крику из-за одного пропавшего фирмана?

— Много лишнего болтаешь, — тихо произнес Чжао и добавил еще тише: — У решетки над нашей головой сотня ушей.

II

По ночам узники мерзли и, чтобы согреться, прижимались друг к другу. Спать мог только тот, кто лежал посередине. Крайние дрожали в полузабытьи или молча предавались грустным размышлениям. Время от времени они менялись местами и все же за ночь не могли выспаться. Утром узникам спускали воду и аталу.

— Воры! — кричал Саид сторожам. — Вы выпили половину!

— Надо же чем-нибудь кормить наших собак! — отвечал сторож. — Ведь вам все равно умирать. В соседней яме двое таких, как ты, подохли. И чего ты ждешь?

Саид призывал проклятия на голову сторожей, всех их потомков и прародителей.

В темную, смрадную яму редко заглядывало солнце. Только в полдень узкий, как лезвие, луч проникал сквозь решетку.

По утрам Чжао видел в глазах Джуры тоску, которая бывает в глазах загнанного до смерти коня.

Чжао, пожилой человек небольшого роста, худощавый, с кожей цвета слоновой кости и черными быстрыми глазами, внимательно слушал его и понимал, как тяжко мучается в яме этот свободолюбивый, сильный охотник.

Однажды утром Чжао, сидя у стены, увидел красный с позолотой лист, случайно залетевший в яму. Он закрыл глаза и забормотал:

Поднявшись тайком к плотине,
Там стоит один... И снова
Вольный ветер, ночь сурова,
В воздухе кружится иней
Обернувшись, смотрит он:
Лодка спряталась в затон,
И среди цветов, осок
Чуть мигает огонек.

— Что он бормочет? — спросил Джура у Саида, не поняв китайского языка.

— Так, пустое, — сказал Саид, понимавший по-китайски, — говорит об одном контрабандисте, торговце опиумом, который спрятал лодку в затон и смотрит, что делает полиция.

— Нет, — сказал Чжао, — это стихи. Понимаешь?

— Ну, это ты врешь! — уверенно сказал Саид. — Только один раз в жизни меня ловко обманули. И знаешь, кто обманул? Кучак!

Саид сплюнул с досады. Мысль, что он, Саид, упустил такого жирного гуся, приводила его в бешенство.

«Знал бы, что у него золото, золотую жизнь и ему и себе создал бы! Целые дни лежали бы мы на кошмах, красавицы подавали бы нам кумыс, плов, манту, и мы бы так наедались, что икали бы даже во сне. Вай, вай, я сижу в яме, я, Саид!» И он горестно ударял себя в грудь кулаком.

За это время Джура стал разбираться в географии, понял, какую тяжелую борьбу ведет китайская Красная армия против генералов, оплачиваемых английским и американским золотом. Он теперь только ясно представил себе, какой огромной силой, зажигающей сердца всех свободолюбивых людей мира, является Советский

Союз. Джуре порой было стыдно, что не он восхваляет свою родину, а ему говорит о ней человек, родившийся в другой стране.

— Давайте что-нибудь придумаем, чтобы спастись, — все чаще и чаще говорил Джура.

— Попробуем, — соглашался Чжао. — Но куда тебе, такому слабому, бежать? Сначала надо прийти в себя и быть здоровым. Мне бы только попасть на базар и увидеть своих...

— Или мне попасть на базар, — вмешивался Саид.

— Я буду стараться выздороветь, — взволнованно сказал Джура. — Я съел бы кутаса, но буду есть даже эту болтушку. Я хочу на свободу... Мне скучно без родных гор...

Джура начал поправляться.

— Эх, съел бы архара! — говорил он, вылизывая чашку из-под аталы.

Чжао, державшийся все время в темном углу ямы и не разговаривавший со стражами, в тот же день предложил страже заработать. Он, Чжао, будет просить милостыню на базаре, а страж возьмет из нее все лучшее. Лишь бы оставил третью часть.

— Я ведь знаю «оборванные строки», и мне хорошо подадут! — крикнул Чжао сторожу. — Вот слушай:

Ночь. Один сижу у южного окна.
Вьется ветер и, кружа, вздымает снег.
Там, в деревне, спят... и всюду тишина.
Только здесь не спит печальный человек.
За спиной трещит оплывшая свеча.
Я один И в сердце вновь закралась грусть.
В хлопьях снега стонет, жалобно крича,
Заблудившийся, отсталый дикий гусь...

— Что ты говоришь? — спросил Джура.

Чжао повторил по-киргизски:

Я один .. И в сердце вновь закралась грусть.
В хлопьях снега стонет, жалобно крича,
Заблудившийся, отсталый дикий гусь ..

Джура вспомнил горы, бураны, отбившихся птиц, и ему стало жалко этого отставшего гуся.

— Ну и что ж, — спросил Джура, — гусь долетел?

Никто не ответил.

— Хорошо. Если не будет старшего, завтра пойдем, — донесся сверху голос. — Но имей в виду: ты возьмешь себе только пятую часть!

— О Чжао, ты очень умный, ты, наверно, много знаешь! — восхищенно зашептал Саид.

— Нет, — ответил Чжао, — я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я как-то работал посыльным. Память была очень хорошая: что скажут передать, то слово в слово запомню и передам. Теперь память стала не та. Так, немного помню...

— Чжао, я знаю, ты можешь нас вывести из темницы, — уверенно сказал Саид.

Чжао горестно покачал головой.

— Ты не друг, ты хуже врага! — закричал Саид. — Ты можешь, но не хочешь помочь. Джура, да проси же его, он может нас освободить!

Чжао поднял руку:

Печально все! Удел печальный дан
Всем нам, кому не суждено жить доле.
И что останется? Лишь голубой туман,
Что от огня и пепла встанет в поле..

Это велел мне передать один японский офицер своей милой и затем сам себе разрезал живот и выпустил кишки.

— Не верю! — сказал Саид. — Таких дураков нет. Из-за бабы? Он просто был сумасшедший... Ты очень грамотный, Чжао. Скажи, ты можешь рисовать деньги? Я знал одного ловкача. Вот богатый был! И жизнь была у него сладкая... Давай деньги делать, стражу подкупим. Ну?

— Нет, — сказал Чжао, — ничего не выйдет.

— Ты уверен?

— Потерпи.

Прошло несколько дней. Пленники терпеливо ждали. Наконец, ровно через неделю, сторож спустил на дно ямы легкую деревянную лестницу.

— Влезай, знаток стихов, пойдем на базар милостыню просить, — раздался голос сверху.

Джура бросился было к лестнице, но Чжао крепко сжал пальцами ему руку выше локтя и прошептал:

— Подожди, не торопись! Если только я встречу своих друзей на базаре, может быть, уже сегодня мы будем на свободе.

Чжао вылез из ямы, лестницу убрали. Саид шумно дышал, втягивая воздух через стиснутые зубы, и шептал:

— А если обманет? Если сам убежит, а нас бросит? Надо было бы мне идти. Но я не знаю никаких стихов и никаких песенок. Мне бы коня! Только бы меня Кипчакбай и видел!..

День тянулся особенно долго... Наступил вечер. Чжао не возвращался.

— Где же он? — волновался Саид.

Джура метался по яме, не находя себе места.

Уже поздно вечером пленники услышали наверху возбужденные голоса. Отодвинулась решетка, и в яму спустился Чжао с завязанными руками. Он был весь в крови.

— Меня обманули, — сказал он. — Захотели установить, есть ли в этом кишлаке мои единомышленники. Один знакомый увидел меня и подал мне милостыню. Не успел я сказать и двух слов, как нас окружили ищейки Кипчакбая. Мой друг убежал. Теперь друзья знают, где я.

Помолчав, Чжао задумчиво произнес.

— Но нам не будет покоя. Приехал Кипчакбай...

Чжао был прав.

III

Голубое небо. Теплое, солнечное утро. Ветерок, напоенный ароматом цветущего миндаля. А в зиндане вечный могильный холод, сумрак и смрад.

Страж лежал на разостланном меховом чапане поблизости от зиндана, у глинобитной стены, и грелся под теплыми лучами весеннего солнца. Стук копыт заставил его поднять голову. Свои, а почему с ними такой скакун? Чтобы перевезти узника, не нужны богатое седло, дорогая попона и уздечка, украшенная серебром. Или в спешке не успели взять другого коня, а кого-то надо побыстрее привезти? Страж, истосковавшийся от безделья, поспешил к прибывшим.

Старший басмач шепнул ему несколько слов и, пока тот отпирал решетку, закрывавшую зиндан, и спускал лестницу, наклонился и крикнул:

— Эй, Джура! Окончились для тебя черные дни несправедливости. Отныне ты свободен, как орел. Вылезай поскорее!

Джура даже не пошевелился. Не мог. Как лежал, привалившись к стене, так и остался лежать. Никогда еще он так страстно не желал смерти басмачам Тагая, как сейчас. Он впервые почувствовал, как может в груди болеть сердце. Будто ему разрубили ребра и просунувшиеся в рану шершавые пальцы мнут сердце. Метко, шайтаны, умеют бить словами. Как раз сейчас он опять мечтал о свободе. Привычное занятие. А чем еще может жить вольный горец в неволе? Без свободы жизнь не в жизнь. Счастлив может быть лишь свободный человек на свободной земле, земле своих предков.

Он, Джура, должен жить, чтобы вырваться на свободу, а свобода ему нужна прежде всего затем, чтобы искупить свой позор перед Козубаем, перед отрядом. Вот об этом он и мечтал сейчас. А эти приехали за ним, чтобы везти на пытку, и выманивают, как сурка из норы. Если он им нужен, пусть идут сюда и попробуют взять. Дешево не дастся.

— Эй, Джура, оглох от счастья, что ли? Если ты не спешишь на свободу, скажи!

Джура быстро сел и пытливо посмотрел на Чжао.

— Чего ты ждешь? — зло спросил Саид. — Чтобы они силой тащили тебя наверх, а ты будешь отбиваться? Тогда и нам достанется. Или ты боишься?

— Скоро и моя очередь... — печально прошептал Чжао.

«Будь что будет», — решил Джура и быстро полез по лестнице, а когда его голова показалась над зинданом, замер. Как поступят басмачи с узниками? Обе его руки задержались на верхней перекладине. Обе рядом, легко связать.

Басмачи почему-то не спешат вязать руки. Они даже не накинули петлю на его шею. Стоят, как киики, и смотрят. В руках у них почему-то нет арканов. И собак не видно.

Таким напряженно-странным взглядом готового на все затравленного зверя был взгляд Джуры, что старший басмач поспешно предупредил:

— Клянусь аллахом, я не вру! Ты свободен, Джура, как ветер.

И тогда Джура не вылез, а одним рывком оказался на краю зиндана. Он стоял и ждал, а грудь жадно вдыхала чистый воздух.

Старший басмач опустил руку в курджум, лежавший у его ног, достал большой нож в богатых ножнах, протянул его Джуре и сказал:

— Возьми, Джура, этот нож — дружеский подарок святого имама Балбака в знак полного к тебе доверия.

Джура жадно схватил подарок и поспешно обнажил нож. Теперь он ждал с ножом в руке. Взгляд его метнулся к винтовке в руках стража. Страж испуганно вскинул винтовку.

— Ну, ты! — сердито крикнул ему старший басмач.

Когда же цепкий взгляд Джуры скользнул по приехавшим басмачам, им стало не по себе.

Джура, сжимая нож в руке, готов был драться с кем угодно... Неужели басмачи не врут и он свободен?

Свобода! Чего же он медлит? Его родина вон за теми снежными горами.

— Я совсем, совсем свободен? — волнуясь, спросил Джура.

— Как птица в небе.

И тогда Джура, все так же сжимая нож в правой руке, ринулся к воротам.

— Куда ты, стой! — донесся окрик.

Джура мгновенно обернулся, готовый к схватке.

— Далеко ли ты уйдешь пешком? Прими этого коня — дар святого имама Балбака и раиса Кипчакбая, освободивших тебя. Что же ты стоишь? Подойди сюда. Прими подарок!

— Как, этого жеребца дарят мне? Ты шутишь!

Старший басмач сам подвел жеребца к Джуре.

— Спрячь нож! Садись верхом!

Джура сунул нож в ножны. Он взял повод из рук басмача и потрепал жеребца по шее. Жеребец захрапел, скосил глаз на Джуру и громко заржал.

Джура схватился руками за седло, чтобы вскочить.

— Не спеши, Джура! — снова крикнул старший. — Этот халат дарит тебе справедливейший раис Кипчакбай. Надень, чтобы на красиво убранном коне ехал красиво одетый джигит.

Джура не знал, что и думать. Он дал надеть на себя халат, расшитый драконами. Точно такой же халат надевал аксакал в торжественные дни.

Старший басмач сунул в руку Джуры камчу с узорчатой ручкой.

Басмачи услужливо подсадили потрясенного Джуру в седло.

— Эй, Джура! Сам раис Кипчакбай удостаивает тебя великой чести и приглашает к себе на плов. Там ты назовешь своих обидчиков и цену своей обиды!

— Где Зейнеб?

— Все в руках аллаха и его верных слуг имама Балбака и раиса Кипчакбая, — промолвил старший басмач. Он сел верхом и весело крикнул: — Айда!

— Айда! — откликнулся Джура.

— Чир-яр! — заорали басмачи.

— Чир-яр! — охотно отозвался Джура, и кавалькада исчезла за воротами.

Если бы Джура и его спутники так не спешили, было бы ему на что поглазеть в городе: по улице катил экипаж, в котором сидел толстяк в странном одеянии с круглым украшением на шапочке, шел караван верблюдов, спешили водоносы, бесновался дервиш, а народу, народу...

Они остановились у резных ворот двухэтажного дома. Всадники спешились во дворе этого дома, обнесенного высоким глиняным дувалом. Во дворе журчал арык, высились тополя и другие невиданные Джурой деревья.

С поклонами открыли слуги перед Джурой одну дверь... вторую. Ковры... подушки... Навстречу вышел толстяк, одетый в яркий шелковый халат.

— Раис Кипчакбай, — шепнул старший басмач.

— Как доехал, друг?

— Хорошо, — прохрипел Джура. Он откашлялся и повторил: — Хорошо!

Кипчакбай легким движением пальца подозвал слугу. Тот подбежал, неся на вытянутых руках халаты.

Семь халатов, один за другим, надел Кипчакбай на Джуру. Это ли не честь? Это ли не богатство? Семь халатов, да еще подаренный у зиндана, да еще свой рваный чапан — жарко, неудобно, но ведь какое почтение! Щедрый хозяин Кипчакбай. Джура хорошо это понимал и благодарил.

Затем подошли два седобородых аксакала, почтительно поддерживая Джуру под локти, повели в угол комнаты, где на низеньком столике был постелен достурхан. Джуру даже шатало от волнения. Уж не спит ли он?

А потом Джура, Кипчакбай слева и два аксакала справа сидели вокруг огромного позолоченного блюда, на котором возвышалась гора плова, а в центре — бараньей кость с мясом. «Вот Кучака бы сюда», — подумал Джура, с жадностью вдыхая запах мяса и плова.

Кипчакбай приподнял пиалу, и слуга наполнил ее из бутылки, на которой была наклейка с изображением белой лошади. Кипчакбай чуть пригубил пиалу, подмигнув, передал аксакалу слева, тот отпил глоток и передал своему соседу — второму аксакалу, а уж тот, сидевший справа, отпил глоток, поднес пиалу к губам Джуры и этим заставил его пить. Джура глотнул и, если бы не видел, как пили другие, решил бы, что это яд, так обжигало рот и горчило. И все же, нарушая обычай, он резко отстранил руку старика с пиалой, закашлялся.

Кипчакбай отобрал пиалу, долил виски, сам поднес Джуре и сказал:

— Пей, это кумыс батыров! Огненный!

Джура удивился, но взял пиалу обеими руками, выпил и не поморщился. Тотчас же Кипчакбай подал кусок жирной баранины. Аксакал, сидящий по другую сторону Джуры, сделал то же самое. Джура жадно хватал рукой плов, сжимал пальцами, бросал в рот и ел, ел...

Кипчакбай сказал:

— Нет тебе, Джура, равных среди великих охотников. Хочешь получить дом, и винтовки на стенах, и табун скакунов, и Зейнеб в придачу?

— Хочу, — обрадовался Джура. Он снова до дна выпил поданную Кипчакбаем пиалу, взял поданную аксакалом баранью голову и, ловко работая ножом, съел

мясо. Наконец он отдал Кипчакбаю почти обгрызенную баранью голову и, не ожидая приглашения, сам выхватил берцовую кость с мясом. Пока Джура пил и ел, Кипчакбай говорил:

— Мы будем кровными друзьями — досами и сообща будем делать одно великое дело. Аллах и Магомет, пророк его, нам помогут.

Кипчакбай опять налил полную пиалу. Она также пошла по кругу. Все отпили по глотку, а допивать пришлось Джуре.

— Аллах и Магомет — обманщики! — ответил Джура. — Белого луннорогого козла принес я им в жертву... Я просил: «Помогите застрелить Тагая... Помогите вернуть Зейнеб...» Не помогли! Не верю теперь!

— Вай-вай! — в ужасе воскликнули аксакалы.

— Правильно, Джура, не верь Магомету. Я испытывал тебя. Верь только пророку Алию, он первый. Если ты станешь моим джигитом, ты получишь все. Ведь ты великий стрелок!

Пиала опять пошла по кругу, и Джура снова допил ее. Какой огненный кумыс пьют батыры!

— Я Чон Мерген.

Аксакалы улыбались и ласково кивали головами

— Где Зейнеб?

— Красавица Зейнеб жива, здорова, тоскует по тебе, и никто, клянусь тебе, никто ее пальцем не тронул. Теперь, когда ты наш друг, я провожу тебя домой, и мы пышно отпразднуем твою свадьбу в Мин-Архаре, а потом съездим через горы на запад к моему другу и обратно. Есть ли на запад путь из твоего кишлака?

— Архарьи тропы уходят туда, а где есть начало тропы, есть и конец.

— А на юг можно проехать?

— Архары уходят туда через ледник.

— Так ли хорошо ты знаешь все тропы в своих горах?

— А кому же их еще знать, если не мне? Я великий охотник, Чон Мерген.

— Правильно! Я уплачу за тебя свадебный калым и одарю, как обещал. Будешь ли ты нашим проводником в горы Мин-Архара?

— Буду.

— Слава аллаху! У каждого пальцы к себе пригнуты. Я знал, что ты умный батыр, достойный быть аксакалом своего рода и владетелем пастбищ, скота и гор. Сможешь ли ты помочь мне изобразить на бумаге известные тебе горы за Заалайским хребтом, тропы в этих горах, перевалы и броды через реки, пастбища?

— Чтоб я, как орел, посмотрел сверху на свои горы и нарисовал карту?

— Да, да, как орел сверху... карту, говоришь, нарисовать? Откуда ты, сын гор, знаешь, что такое карта, и можешь ее нарисовать? От кого ты узнал о карте? О рисовании? Ведь коран запрещает изображать на бумаге живых...

— А зачем мне врать? Аксакал Козубай научил. Он все знает, все может.

Аксакалы испуганно переглянулись. Только на одно мгновение растерялся Кипчакбай, и снова он подал пиалу Джуре и сказал:

— А разве ты не храбрее Козубая?

— Храбрее, — подумав, ответил Джура. — Я бы не сидел за четырьмя стенами, не ждал бы, а сам...

— Так чего же ты держишься за его стремя? Козубай, как снежный обвал, закрыл тебе дорогу к праведному пути. Но мы, твои досы, сообща поможем покорить тебе Козубая и самому стать начальником. Правильно?

— Правильно! — механически повторяет Джура.

— Подтверди клятвой на хлебе, — Кипчакбай подал лепешку, — слова, сказанные тобой. Поклянись быть нам верным другом, проводником, помощником, и ты станешь богатым баем. А чтобы Козубай не мешал нам вернуться в Мин-Архар, отпраздновать свадьбу, а тебе стать большим начальником, ты поможешь нам овладеть крепостью и захватить Козубая...

— Я?

— Ты!

— Захватить Козубая? Захватить крепость? — растерянно и гневно спрашивает Джура и сильно трет ладонью лицо.

— И ты станешь самым богатым военачальником. Хочешь сотню джигитов?

Джура порывисто протягивает ладонь к Кипчакбаю.

— Видишь?

— Ну?! — предчувствуя недоброе, спрашивает Кипчакбай.

— Раньше на моей ладони вырастут волосы, чем я сделаю это!

— Опомнись! Сам святой имам Балбак говорил: только дикарю-фанатику несвойственно понимать свою выгоду. Подумай.

— Нет! — вскакивая, кричит Джура.

— Ты, Джура, просто дикарь, не понимающий своей выгоды.

— Да! Я еще дикий... так сказал сам Козубай... Я дикий, но я не продам Козубая!.. Я не продам крепость! Я не продам свой род, род большевиков... Ты, ты сам дикарь, а твой имам Балбак — первый дикарь! — Джура с остервенением плюет.

Ночью при лунном свете в яму к Чжао и Саиду упало бесчувственное тело Джуры. Они склонились над ним.

IV

Прошло десять дней. И снова в яму была спущена лестница.

— Джура, вылезай! — раздался злобный голос.

Джура пытливо смотрел в глаза Чжао.

— Терпи и молчи, что бы ни было! — сказал Чжао значительно.

— Может, убежишь, — шепнул Саид.

Наверху Джуру поджидали пять человек. Ему связали руки и ноги и, привязав к коню, повезли куда-то.

Был такой же ясный день. Джура смотрел на покрытые снегом далекие горы и жадно дышал полной грудью. Окруженный охраной, он проехал по тем же улицам города. У тех же резных ворот двухэтажного дома старший из стражи крикнул:

— Эй, Юнус!

В воротах открылось окошко, и в нем показался большой толстый нос и блестящие глаза.

— Хоп, — сказал обладатель этого носа.

Загремели засовы, заскрипели ворота, и Джура очутился во дворе. Так, связанного, на лошади его ввезли во второй двор. Посреди второго двора под тенистыми

деревьями, возле большого водоема, высился помост с крышей. На кошмах и расшитых подушках лежал толстяк Кипчакбай, одетый в яркий шелковый халат.

Люди, сопровождавшие Джуру, сложив руки на животе, низко кланялись. Один из них шепотом сказал Джуре:

— Приветствуй раиса Кипчакбая.

Но Джура гордо промолчал: еще не зажили раны от первой встречи с Кипчакбаем.

Из широкого водоема, журча, струился арык.

Указательным пальцем левой руки, украшенным толстым перстнем, Кипчакбай чесал за ухом кошку, разлегшуюся перед ним на подушке, и бросал крошки большому золотисто-красному петуху.

Кипчакбай молча рассматривал Джуру. После продолжительного молчания он приказал развязать веревки и снять его с коня. Джура, став на землю, пошатнулся: у него затекли ноги.

— Целуй! — сказал ему Кипчакбай, протягивая свою пухлую руку.

Но Джура не двинулся с места.

— Ты разве не знаешь, кто я?

— Знаю, — ответил Джура, глядя на него исподлобья.

— Мой приказ — закон для правоверного. Или ты неверующий? Говори, собака!

Кипчакбай сел на подушки и свесил ногу за край помоста.

— Целуй! — сказал он, протягивая ему ногу.

Джура отвернулся. Кипчакбай сжал кулаки и топнул ногой. Петух отскочил и захлопал крыльями.

— Эй, Махмуд! — крикнул Кипчакбай.

Прибежал тщедушный старик. Его выпирающий вперед подбородок почти смыкался с огромным горбатым носом.

— Садись, — сказал Кипчакбай Джуре и бросил ему подушку.

Джура, поджав ноги, сел там же, где стоял. Кипчакбай кивнул стражам, и они сели возле помоста на голую землю.

— Услади нам слух, Махмуд: расскажи этому охотнику его будущее.

Махмуд принес дутар и хотел сесть возле Кипчакбая, но тот толкнул его ногой.

— Садись возле Джуры.

— Нет, нет, я старик, я боюсь! — умоляюще сказал Махмуд, прижимаясь к Кипчакбаю.

Тот усмехнулся и разрешил ему сесть у своих ног.

«Почему певец меня боится?» — удивился Джура.

А Махмуд пел:

Я, переживший года, Махмуд, черный от черного дыма юрт,
Сколько видал, сколько слыхал, сказов рассказывал, песен певал!
Но даже и я, переживший года, не видел и вряд ли увижу когда
Мужа храбрее тебя, батыр! Это тобою гордится мир!
О тонколицый Джура-исполин, много прошел ты горных вершин,
Сотни потоков в горном краю пеной омыли грудь твою!
Свистнешь, могучий, громче пурги — дряблобрюхие вздрогнут враги,
Вислоухие хвастуны, важные только возле жены .
Тучей морозной ты упадешь; грозномогучий, врагов обойдешь,
Будешь стрелять их, будешь крошить, будешь калечить,
не дашь им жить!
Дверь позлащенную, из серебра ты поднимешь, батыр Джура,
Над высоким своим седлом острым булатным своим мечом!

Будь Кипчакбаю другом ты — жизнью станут эти мечты!

Войлоки с вражеских юрт обдерешь — на потники их изрежет
твой нож.
Слушай, Джура, Махмуда слова: юрты врагов разберешь
на дрова!
В сорокадневных пустынях пески, но ты в них откроешь,
Джура, родники.
Там, среди самоцветных камней, будешь поить и мыть коней!

Будь Кипчакбаю другом ты — жизнью станут эти мечты!

Лучших коней — жеребцов и кобыл, — чтобы огонь
под копытами бил,
Сильной и ловкой рукою в борьбе лучших коней ты добудешь себе.
Время настало: на волю пора, сердце железное, храбрый Джура,
С жилами крепче каменных гор, взором, пылающим, словно костер!

Будь Кипчакбаю другом ты — жизнью станут эти мечты!

В яме глубокой сохнешь ты, беркут, рожденный для высоты.
Дева Зейнеб, светлее дня, сядет сзади тебя на коня.

Будь Кипчакбаю другом ты — жизнью станут эти мечты![1]

Звучание струн наполняло уши Джуры свистом горного ветра, звоном потоков и гулом битв. Он невольно застонал. Мечты о свободной и счастливой военной

[1] Поэтическая обработка Германа Абрамова.

жизни, о мести, претворившись в надежду, поддерживали молодого охотника, помогая ему переносить неволю.

Любовь к родным горам, родному кишлаку зажгла его глаза ярким блеском и окрасила щеки румянцем. Этот румянец был отблеском того внутреннего пожара, в котором сгорали его мальчишеские и юношеские заблуждения.

И вот самые сокровенные мысли и надежды, затаенные глубоко в душе молодого охотника, враги вырвали и бросили ему в лицо! Слова: «Будь Кипчакбаю другом ты — жизнью станут эти мечты!» — ранили его насмерть.

Басмачи — это раскаленные шомпола, кровь, страдания, горе и слезы. А Зейнеб, его Зейнеб!.. От этих песен можно сойти с ума!

— «О благоуханное дыхание молодости! — пел Махмуд. — О свобода, свобода, свобода, свобода!..»

— Замолчи, проклятый, замолчи! — закричал Джура.

Басмачи, сидевшие возле Кипчакбая, вскочили, выставив вперед ружья.

— Пой, — усмехаясь, приказал Кипчакбай перепуганному Махмуду.

И тот продолжал петь.

Джура бросился на певца, но стража Кипчакбая оттолкнула его.

Тогда он закрыл руками уши, но Кипчакбай велел завязать ему руки на спине.

— Не мучь! Лучше убей! — кричал Джура.

— Сознайся: ты убил Артабека? — сладким голосом спросил Кипчакбай.

— Да, я! Я никогда не скрывал этого.

— Ты откровенно сознаешься! Тем лучше. А куда дел фирман Ага-хана?

— Я не видел никакого фирмана. Много всяких бумажек было в его сумке, я все выбросил.

— Ты должен знать, где фирман! Скажи, и я отпущу тебя на волю.

— Если бы я нашел фирман, я отдал бы его Козубаю или пограничникам! — Джура насупился.

— А сколько бойцов в отряде Козубая?.. Молчишь? Значит, не хочешь быть мне другом? Пой, Махмуд! —

приказал Кипчакбай, возбужденно потирая пухлые руки.

По приказу Кипчакбая возле Джуры поставили блюдо плова. Аромат риса и жареного мяса разносился вокруг голодного Джуры, но он не желал принимать еду из рук врагов.

— Говори! — приказал Кипчакбай, вскочив с помоста и подходя к узнику.

Джура сжался и изо всех сил ударил Кипчакбая ногой в живот. Кипчакбай упал. Невероятным усилием Джура разорвал веревки, разбросал стражу и подбежал к забору, но слуги Кипчакбая сбили его с ног.

— Отойдите, отойдите! — кричал, придя в себя, бледный от злости Кипчакбай. Он выхватил маузер.

— Почтенный Кипчакбай, вы все еще считаете себя знатоком человеческих душ? — спросил, выходя из дома, высокий голубоглазый человек.

— Это большевик! — кричал Кипчакбай, размахивая маузером. — Он коммунист и чекист. Его необходимо убить.

— Не надо преувеличивать. Ведь он почти подросток. Говорят, ему нет и семнадцати лет. Имам Балбак поручил мне потолковать с ним. Сожалею, но мне придется обойтись без ваших песенных методов. Чтобы из камня высечь искру, надо крепко ударить кремнем.

— Вряд ли ваша индийская практика поможет вам в этом случае, — ответил Кипчакбай, успокаиваясь. — Вы не знаете памирских горцев. Его уже пытали джигиты Тагая — его не сломила боль. Я взывал к его уму, пытался прельстить его богатством и славой — он, дикарь, не понял своей выгоды. Сейчас я нашел слабые струны его души. Это его самое уязвимое место. Но я подчиняюсь приказу имама. — Кипчакбай низко поклонился.

V

Потянулись мучительные дни. Теперь пленников по очереди часто уводили на допрос. Сквозь решетку в яму падал снег, и арестованные жались к стенам, дрожа от холода.

Джура стал еще более молчаливым, угрюмым и раз-

дражительным. Он похудел, кашлял и по целым дням неподвижно лежал на спине.

Он так тосковал, что Саид как-то подсел к нему и сказал:

— Эй, Джура, ты стал как баба. Хоть рассердись или ударь меня!

Это не развеселило Джуру. Не утешали его и обещания Чжао, что скоро настанет время, когда они возвратятся на родину.

Узникам стали давать еще меньше еды. Сторожа издевались над ними и бросали в них кусками дерева, будили их криками среди ночи, часто не давали воды. Все это делалось по приказанию Кипчакбая.

Однажды Джура взял у Саида обломок ножа и вырезал из дерева собаку.

— Вот мой Тэке, — сказал он.

Чжао и Саид удивились тонкой работе. Деревянная собака очень походила на живую.

— Эту игрушку можно продать, — сказал практичный Саид. — Теперь ты, Джура, можешь кормить и себя и нас. Мы попросим сторожей, и они будут продавать твои изделия на базаре.

Джура вырезал медведя, лису, хорька. Саид попросил у охраны отпустить его на базар. Ему ответили, что это им запрещено. Саид бросил наверх фигурки и попросил продать их, а на вырученные деньги купить им немного еды. Узники нетерпеливо ждали. На третий день один из сторожей наклонился над ямой. Лицо его было в синяках, глаза красные.

— Плохо! — сказал Чжао, увидев его злое лицо.

— Я продал игрушки, — сказал сторож, — и выпил за ваше здоровье. Берите! — Он бросил им сверток.

Узники развернули его. Там были лепешки, немного мяса и вареного риса.

— Давайте опять игрушки — продам, — сказал сторож. — Только уговор: давайте мне одному!

Джура с увлечением вырезáл деревянные фигурки: барса с двигающимися ногами, орла, голову которого можно было заменить головой человека. Деревянные орлы были у него в детстве, а барса с двигающимися ногами он придумал сам.

Однажды сторож, продав игрушки, отодвинул решетку и сказал:

— Слушай, охотник! За твою игрушку — помнишь, ты вырезал девушку у костра и двух охотников, из которых один целится ей в грудь, а другой стоит возле двух собак, — хорошо заплатили. Вот вам еда! — И он сбросил сверток с лепешками и мясом.

— А ты не знаешь, кто купил? — спросил Чжао.

— Жена курбаши Тагая, красавица Зейнеб, — ответил сторож и задвинул решетку.

СТАРУХА КУРЛЯУШ ДЕЙСТВУЕТ

I

В одном из больших кишлаков Кашгарии в юрте собралось много женщин. Они чинно уселись у стен вокруг костра.

На разостланном достурхане — скатерти лежали яства. Были здесь мурабба — мармелад из мелко нарезанной моркови, вымоченной в сахарном сиропе, кишалле — крем из толченого сахара, взбитый на яичном белке, и много других сладких и вкусных вещей. Угощала всех пожилая хозяйка юрты, жена Кипчакбая, у которой временно жила Зейнеб.

— Кушайте, кушайте! — повторяла хозяйка, подавая угощения.

Разговор шел о Зейнеб. Ее красота вызывала зависть у присутствующих женщин.

— У нее дерзкие глаза, — шепнула одна, не найдя других пороков.

— И слишком маленькие руки, — вставила другая. — Она не сможет хорошо работать.

— Ее косы не настоящие. Разве могут быть такие длинные косы? — сказала третья.

— Она слишком громко смеется. Похоже, что мы должны смущаться, а не она, — добавила четвертая.

Все это говорилось шепотом, но так, чтобы Зейнеб слышала. Вначале она растерялась, но, услышав слова одной из женщин: «У нее был дружок, какой-то охотник», покраснела и рассердилась. Когда же Зейнеб зли-

лась, она не боялась ничего и никого и могла нагрубить даже аксакалу, которого боялась больше всех.

— Ты молодая девушка и должна радоваться, что курбаши Тагай вырвал тебя из бедности, чтобы приблизить к себе, дать тебе радость быть с нами, — сказала, обращаясь к Зейнеб, жена Кипчакбая.

— Я замужем! — сердито и гордо ответила Зейнеб. — Мой Джура — великий охотник. Я здесь нахожусь временно.

Жена Кипчакбая рассердилась, но с притворно-вежливой улыбкой продолжала:

— Ты еще дика, дитя мое, но курбаши тебя приручит, как приручают беркутов и соколов. Он подарит тебе дорогие вещи, от которых ты будешь без ума и забудешь Джуру.

— Не хватит золота! — резко ответила Зейнеб и гордо подняла рукав халата, чтобы все видели два золотых браслета: один с красным камнем и второй — с желтым.

Все удивились, но жена Кипчакбая сказала:

— Курбаши Тагай тоже богат!

— Пхе! У Джуры во сто раз больше золота. Тагай против Джуры бедняк.

— Но курбаши Тагай такой сильный!

— Пхе! Джура во много раз сильнее, — отвечала Зейнеб.

Гостьи смущенно переглядывались.

— Но курбаши Тагай такой меткий стрелок!

— Пхе! Джура — великий стрелок: он на лету сбивает улара, — отвечала Зейнеб.

— Но курбаши Тагай правоверный, и все чтут его!

— Правоверный? А я вот не буду надевать паранджу, этот сплетенный в сетку конский хвост! Наш Мухаммед этого не завещал.

Возмущенные гостьи поспешили уйти.

Об этом разговоре донесли Кипчакбаю, и он, завидуя положению Тагая, обрадовался случаю причинить ему неприятность.

Утром он, пользуясь своим правом муллы, вызвал Тагая к себе.

— Тебя считают славным и знаменитым, — сказал



Зейнеб выхватила у Тагая нож.

он, — а какая-то девчонка с Советского Памира всенародно позорит тебя. Если об этих разговорах узнает имам Балбак... — Кипчакбай многозначительно помолчал. — Ты знаменитый курбаши, а не можешь справиться со своей бабой, и она позорит тебя.

В страшной злобе скакал Тагай от Кипчакбая.

— Баба позорит меня! — сказал он громко, входя в юрту, где жила Зейнеб. — Ты позоришь меня, девчонка! Ты смеешь говорить, что Джура богаче, сильнее... Ну!

Зейнеб молчала. Ее злоба давно сменилась усталостью.

— Ну! — закричал Тагай, подходя к ней и поднимая нагайку.

Зейнеб не ответила ни слова. Тагай слегка хлестнул ее нагайкой по плечу. Зейнеб вздрогнула и еще ниже опустила голову.

Тагай разозлился:

— Ты моя раба! Понимаешь? Никакой Джура не придет сюда. Мои басмачи застрелили Джуру, как собаку, и золото отобрали. Я возьму тебя в жены. Бойся меня... или продам первому встречному. Поняла?.. Рабыней сделаю! Аксакал продал мне тебя.

Зейнеб быстро подняла голову и в упор посмотрела в глаза Тагаю: правду ли он говорит?

— А твоя клятва на хлебе? — испуганно спросила Зейнеб. — Ты говорил, что Джура жив...

Курбаши взял лепешку и, ломая ее, сказал:

— Пусть побьет меня гром небесный, да не есть мне хлеба! Ты моя раба! Джура убит. Аксакал тоже убит — правда, это я сделал нечаянно.

Зейнеб плюнула Тагаю в лицо. Разозлившийся Тагай бросился душить девушку. Зейнеб почти потеряла сознание. Случайно ее рука натолкнулась на рукоятку ножа, висевшего на поясе Тагая. Она выхватила нож. Нож разрезал халат и вонзился Тагаю в левую руку. Тагай стиснул зубы и начал изо всех сил хлестать Зейнеб нагайкой. Зейнеб молчала и только вздрагивала. Тагай бил девушку до тех пор, пока она не упала на пол. Он вышел, зажимая рану рукой. Лишь тогда Зейнеб разрыдалась от обиды, боли и отчаяния.

II

С каждым днем линия снегов, покрывавших горы, опускалась все ниже и ниже.

На всех окрестных джейлау уже не было видно ни одной юрты. Хозяева их перекочевали в кишлаки, чтобы перезимовать в своих кибитках, защищенных от зимних ветров толстыми глинобитными стенами.

Мало стало лошадей на пастбище. Курбаши Азим, злой костлявый старик, уехал с басмачами на запад, чтобы через Маркан-Су прорваться на Кизил-Арт, а оттуда — в богатую Ферганскую долину.

Только на джейлау, где находилась белая юрта Тагая, никто не снимал своих юрт.

Так Тагаю приказал тот, кто снабжал его оружием, боеприпасами и деньгами, тот, кто написал секретное письмо Кзицкому: «Господин Кзицкий. 5. XI. Курбаши *** предупрежден И. 8123».

После того вечера, когда Тагай открыл Зейнеб всю правду, она только и думала о побеге, не в силах простить себе, что не убежала сразу и поверила Тагаю и аксакалу.

Однажды утром, дождавшись, когда хозяйка куда-то вышла, Зейнеб схватила тыкву для воды и пошла к реке. Не успела она пройти и двадцати шагов, как мальчишки окружили ее, преградив дорогу.

Тотчас же примчалась жена Кипчакбая и погнала ее обратно в юрту.

— Разве я не сказала тебе, чтоб ты сидела и никуда не ходила? Не сегодня, так завтра приедет старая Курляуш, служанка твоего курбаши. Я передам тебя ей, и тогда делай, что хочешь.

Зейнеб не слушала ее; поднявшись на носках, она смотрела на безносого басмача, ехавшего верхом между юртами, и вспоминала, не тот ли это басмач, что поймал ее на Биллянд-Киике.

Басмач увидел ее и помахал нагайкой.

— Ты его знаешь? — недоуменно спросила жена Кипчакбая.

Но Зейнеб не ответила. Она подбежала к басмачу и схватила его за стремя

— Где Джура? — спросила она. — Вы убили его?

— Эта винтовка, — хвастливо хлопнул басмач рукой по прикладу, — не дает промаха, когда она в моих руках. Что тебе глупый мальчишка, когда сам Тагай милостив к тебе! Он был милостив и ко мне, бросившему его на Памире. Но у Тагая широкое сердце. Он умеет прощать и дает приют всем. Воспользуйся же счастьем! — И он ударил коня нагайкой.

Конь рванулся, и Зейнеб, вовремя не выпустившая из рук стремя, упала на траву. Подбежавшая жена Кипчакбая подняла ее и потащила в кибитку.

Зейнеб сидела в темном углу кибитки и не отрываясь смотрела на огонь костра. Да, теперь она верила, что Джура убит, иначе Тагай давно был бы трупом.

Вечером приехала Курляуш, старая сварливая женщина с лицом, изборожденным морщинами. Увидев Зейнеб, она удивилась. Ее уверяли, что Зейнеб злая и отчаянная, но она встретила скромную и робкую молодую девушку. Курляуш вынула из костра горящее полено и подняла к лицу Зейнеб, чтобы лучше рассмотреть ее. Огонь осветил большие черные глаза, сросшиеся брови и пухлые, детские губы.

— Пери! — в восторге сказала Курляуш. — Я не видела таких красавиц, это пери! Недаром Тагай привез се из заоблачных гор.

Жена Кипчакбая тотчас же побежала в соседнюю юрту рассказать, что старая и всезнающая гадальщица Курляуш назвала Зейнеб пери.

На другое утро Курляуш велела Зейнеб надеть паранджу. Зейнеб, двигавшаяся как лунатик, беспрекословно повиновалась.

Свет померк для Зейнеб. Все окрасилось в черный цвет. Она покорно села на лошадь и вслед за Курляуш, в сопровождении двух басмачей, поехала куда-то на юго-восток.

Несколько дней ехали они в глубь страны, и Курляуш, любопытная, как и все женщины, пыталась расспросить Зейнеб, кто она, откуда, но не смогла добиться ни слова. На последнем ночном привале Курляуш рассказывала Зейнеб о городе, о знакомых и, наконец, обозленная ее молчанием, замахнулась на нее кулаком.

— У-у, гордячка! — сказала она. — А браслеты-то у тебя дутые.

Зейнеб сняла с левой руки браслет и подала ей. Старуха подбросила его на руке и удивленно воскликнула:

— Золотой!

Осмотрев его со всех сторон, она хотела вернуть его Зейнеб, но та сказала:

— Возьми себе и будь со мной ласкова.

— Вот это так, это я люблю! — воскликнула Курляуш и хлопнула ее костлявой рукой по плечу. — Дружи с Курляуш, и ты не пропадешь. Покупая дом, приобрети сначала соседа. Злые люди говорят, что я знаюсь с джиннами. Они врут, но кое-что и я могу. Хочешь, погадаю?

Пока в котле варилась баранья кость для гаданья, Курляуш развлекала Зейнеб разговорами об обеих женах Тагая.

— Первая жена у Тагая — немка из Афганистана, толстая и жирная. Только и любит, что свою моську. Даже спит с ней. А дышит так... Ха-ха-ха! — И Курляуш показала, как дышит страдающая одышкой жена Тагая. — Мими-ханум зовут эту рыжуху. Все время ест и спит, а когда не спит, ругается. Это она в доме некиргизские порядки завела. А ты киргизка?

— Да, — ответила Зейнеб. — Я из рода Хадырша.

— О, это хорошо!.. А потом курбаши привез вторую жену — узбечку. Дом дрожал от криков и драки. Но когда два года назад курбаши привез себе молоденькую китаяночку, две прежние сговорились, на третий день отравили ее и подружились... Берегись! Мне будет жаль, если тебя отравят или выколют булавкой глаза. Тогда тебя никто не будет любить.

— Пусть, — ответила Зейнеб, — мне все равно.

Курляуш всплеснула руками:

— Ты без головы! Что ты говоришь!

И всю долгую ночь, до утра, они проговорили. Зейнеб рассказывала о своей жизни, о любви к Джуре, а Курляуш вертела на руке золотой браслет и ахала. После рассказа Зейнеб старуха наклонилась к ней и прошептала на ухо:

— Ты еще мало знаешь Тагая: он крадет даже цвет из глаз!

III

В один из вечеров, незадолго до приезда «молдо», как почтительно называли Тагая его жены, Зейнеб, безразличная ко всему окружающему, стояла у окошка и смотрела на тополя, на глинистые горы, над которыми в лучах заходящего солнца алели тучи.

«Завтра будет мороз и ветер», — решила она и в ту же секунду вздрогнула от резкого крика:

— Кипяток, я требую кипяток! Сколько раз я должна просить?

Курляуш схватила казан с кипятком, стоявший возле костра, и пошла в соседнюю комнату.

— Нет, не ты, пусть черномазая подаст кипяток и помоет собачку.

Зейнеб взяла воду из рук Курляуш. Курляуш вышла, прислушиваясь к доносившимся гневным голосам, упрекавшим «гордячку» в непочтительности и в том, что она «даром ест хлеб». Не прошло и трех минут, как послышался отчаянный вопль Зейнеб, и сквозь дверное отверстие, завешенное ковром, прорвались клубы пара.

— А-а-а-а!.. — кричала Зейнеб. — Ноги, мои ноги!..

Курляуш вбежала в комнату, полную пара. На полу, обняв босые ноги руками, сидела бледная от боли Зейнеб.

— Сама обварила, сама виновата! — кричала Мимиханум и, выхватив булавку, принялась колоть Зейнеб до крови, приговаривая: — Меня могла обварить! Служи лучше!

Другая, худенькая брюнетка с злыми глазами, кричала:

— Перестань стонать, черномазая! Убирайся на кухню, неженка!

Курляуш подхватила Зейнеб под мышки и уволокла в кухню.

— Брось ее, брось! — закричали обе жены, ворвавшись вслед за ней.

Но Курляуш схватила кочергу, и обе женщины убежали. На крик и шум вошел Тагай. Прогнав обеих жен, он сел возле стонавшей Зейнеб и сказал:

— Вот видишь, как плохо быть прислугой! Будь моей женой — и эти две сварливые бабы будут целовать твои ноги. Ну?

Зейнеб отрицательно покачала головой и замахнулась на Тагая.

Курляуш ахнула и упала ничком на пол.

Тагай неожиданно засмеялся и сказал:

— Побудешь в услужении — узнаешь вкус слез и покоришься. Отныне ты будешь делать самую тяжелую, самую черную работу, а когда надоест, скажешь мне.

Когда Тагай ушел, Курляуш промыла ноги Зейнеб крепким раствором чая и смазала маслом.

— Терпи, — сказала она, — еще не то будет. И чего ты упорствуешь?

Зейнеб легла ничком. Курляуш бросила ей одеяло, но Мими-ханум, наблюдавшая в щелку за происходившим, закричала:

— Принеси это одеяло мне! С нее довольно и рваного халата, которым мы укрываем белого осла.

Ночью Курляуш закутала ее своим халатом. Зейнеб не спала и сдерживала стоны, кусая губы. Ноги горели. Зейнеб думала о Джуре.

«Если он жив и это рассказать ему, — думала Зейнеб, — о, он зарежет Тагая! А с этими дурами я справлюсь сама». Зейнеб мысленно представляла себе, как будут просить у нее пощады жены Тагая, и это несколько облегчало ее муки. Потом она думала о побеге. Заснуть ей так и не удалось. Утром к ней подошла Мими-ханум, бесцеремонно стащила с руки Зейнеб большой золотой браслет с желтым камнем и надела себе на руку.

IV

Наступила весна.

Ноги Зейнеб зажили. Но печаль ее не проходила. Зейнеб примирилась с мыслью, что Джура погиб, и улыбка совсем исчезла с ее уст. Тагая она больше не видела. Курляуш сообщила ей, что Тагай уехал куда-то далеко. Жены Тагая издевались над Зейнеб и приказывали ей делать самую черную работу. Она двигалась как во сне и беспрекословно выполняла любые приказания.

— Эй, черномазая! Иди помой мою собачку! — кричала Мими-ханум.

— Что ты ходишь как сонная? Живее! — говорила ей другая и колола ее булавкой.

На теле Зейнеб выступала кровь, но девушка молчала.

— Она ходит в рваном платье, на ногах у нее струпья. Никакой мужчина не полюбит такую женщину, — говорили между собой жены Тагая.

— Она немного сумасшедшая, — сказала о ней Курляуш.

Нельзя было узнать жизнерадостную и порывистую Зейнеб в этой женщине с мертвенным взглядом.

— Ты завороженная, — говорила ей Курляуш. — Они изведут тебя, горемычная!

Но Зейнеб молчала. Ей все было безразлично. Еще зимой она начала кашлять, теперь же, весной, она часто не могла заснуть по ночам от приступов удушья.

— Перестань, ты мешаешь нам спать! — кричали жены. — Иди во двор!

Ночи стояли морозные, но Зейнеб уходила во двор. Однажды, когда она, прислонившись плечом к дереву, кашляла особенно сильно, к ней подошел ночной сторож.

— Я знаю, — сказал он, — ты умрешь. Однажды мой сын привел с высоких гор яка. Як начал кашлять и подох. Мы его разрезали. У него было легких больше, чем надо для долин, и лишние легкие сгнили. Вот и у тебя лишние легкие гниют. Смотри, ты выплюнула кровь. — И старик ткнул палкой в пятно, темневшее при свете луны.

— Я не могу спать! — жаловалась Мими-ханум. — Пусть черномазая спит в сарае и делает грязную работу. Она так ослабела, что роняет из рук чашки и тарелки.

Зейнеб больше не прислуживала Мими-ханум. Она плела арканы и вспоминала, как Джура ловко закидывал аркан. Она меньше кашляла, багровые пятна с ее шек исчезли. Думать о прошлом было ее единственным утешением. Она выделывала жеребячьи шкуры, вымачивала их в квашеном молоке, смазывала бараньим салом, коптила и выминала руками. Она живо представляла себе, как бы выглядел Джура, если бы надел костюм из крашеных шкур, сделанный ее руками.

По вечерам Курляуш рассказывала ей различные забавные истории.

Однажды к женам Тагая пришли две гостьи. За одной из них бежала небольшая собака, похожая на снежный ком. А другая гостья несла на руках маленькую, все время дрожавшую собачонку с большими слезящимися глазами.

— А-а!.. — радостно закричали в один голос жены Тагая, лежа на подушках возле водоема. — Стол! Эй, там, принесите стол — мы будем обедать.

Зейнеб принесла стол и тарелки.

Толстая коричневая моська Мими-ханум обнюхала шпица и подошла было к дрожащей собачонке, но та подняла такой лай, что гостья снова взяла собачонку на руки.

— Еще тарелку, для шпица!

В отдалении послышался шум. Вскоре донеслись гневные крики, улюлюканье, свист. Все насторожились Раздался выстрел, и спустя несколько мгновений на дорожку выбежал большой черный пес с белой меткой на груди. Он тяжело дышал: с большого красного языка капала слюна.

— Бешеный! — испуганно вскрикнула Мими-ханум и бросилась к дому.

За ней побежали гостьи. По дороге Мими-ханум упала. Курляуш втащила хозяйку в комнату.

Крошечная собачка осталась на столе, а шпиц, побежавший было за женщинами, заворчал и медленно возвратился к тарелке.

Зейнеб, все время пристально смотревшая на черного пса, вдруг закричала:

— Тэке!

Пес вздрогнул, поднял уши и беззвучно оскалился.

— Тэке! Тэке! — звала Зейнеб.

«Ну конечно, Тэке! — думала она. — Разве может быть у другой собаки такая белая метка на груди?»

Тэке подбежал к столу. Избалованные всегдашней защитой людей, комнатные собаки не испугались. Шпиц залаял, а моська зарычала.

Тэке отбросил моську в сторону, и она беспомощно завизжала.

— Пошел! Пошел! — злобно кричала Мими-ханум, но Тэке в ответ грозно ворчал, показывая огромные белые клыки. — Эй, Зейнеб, что же ты смотришь? Гони его вон!

Но Зейнеб не слыхала этих криков. Она смотрела на собаку и восторженно шептала: «Тэке! Тэке!» О, она теперь была уверена, что Джура жив, и не только жив, но где-то близко.

Жареная курица хрустела в зубах у Тэке.

Прибежал сторож с ружьем, и Тэке молниеносно скрылся через ограду.

— Ах, ты!.. — закричала Мими-ханум, подходя к Зейнеб, и замахнулась на нее кулаком.

Зейнеб, не обращая на нее внимания, потянулась и сладко зевнула. Зейнеб казалось, что она проспала много-много времени и только сейчас проснулась.

— Ай-ай! — испуганно крикнула жена Тагая. — Черномазая потягивается! Не смей при мне, не смей! — Мими-ханум, причитая на ходу, бросилась в дом.

— Чего она испугалась? — спросила Зейнеб.

— Ты что, слепая, что ли? — ответила Курляуш. — Ты прожила несколько месяцев в доме, а не знаешь, что она всего боится. Ты потянулась при ней, а ей кажется, что ты передашь ей свое горе.

Зейнеб звонко и весело расхохоталась. Курляуш от неожиданности попятилась: впервые она услышала, как Зейнеб смеется. Зейнеб, широко раскрыв глаза, оглядывалась вокруг.

Весенний ветер освежал лицо. Ей казалось, что деревья со всех сторон приветливо кивают ей ветвями. Зейнеб несколько раз глубоко вздохнула и пошла в сад.

— Куда ты, сумасшедшая! Туда нельзя: там мужская половина! — испуганно крикнула ей вдогонку Курляуш.

Но Зейнеб исчезла за колючими кустами роз.

Там на мгновение она остановилась; на невысоких шестах сидели ловчие птицы. Зейнеб заметила, что каждая птица прикована тонкой цепочкой к шесту. Она вспомнила орлов, паривших в памирских горах. Зейнеб поняла, что эти два беркута и два белых сокола принад-

лежат Тагаю и он с ними охотится. Она решительно подошла к птицам и быстро освободила их. Птицы сидели неподвижно.

Кто-то шел по саду.

Она подхватила сокола на руки и изо всех сил подбросила вверх. Он взмахнул крыльями, чтобы не упасть, и, задевая листву, взлетел вверх. Зейнеб быстро подбросила второго сокола, а за ними, расправив крылья, взлетели беркуты.

— Ай-ай-ай! Что ты делаешь? — услышала Зейнеб испуганный мужской голос.

Зейнеб обернулась к говорившему. Это был молодой узбек, сокольничий Тагая. Подняв лицо кверху и схватившись обеими руками за голову, сокольничий с ужасом следил за полетом птиц. Засвистев, он выхватил из-за пазухи голубиные крылья и быстро влез на дерево. Оттуда он свистал и манил голубиными крыльями ловчих птиц.

Зейнеб, улыбаясь, провожала птиц глазами, пока они не исчезли из виду. Потом легкими шагами она направилась в женскую половину.

Там вторая жена Тагая качалась на качелях и грызла орехи. Увидев Зейнеб, она хихикнула. Вот попадет черномазой от Мими-ханум!

Зейнеб сразу же заметила на руке у нее свой браслет с желтым камнем.

— Отдай мой браслет! — сказала Зейнеб, протянув вперед руку.

Жена Тагая передернула плечиками и так посмотрела на Зейнеб, как будто впервые увидела ее, а потом презрительно захихикала.

Зейнеб, не говоря ни слова, схватила ее за левую руку, на которой был браслет, и, не обращая внимания на испуганный визг Змейки, сорвала браслет и надела себе на правую руку.

Жена Тагая спрыгнула с качелей и, испуская вопли, умчалась в дом.

— Ты что это, а? — раздался сердитый крик Мими-ханум.

Она выбежала в сад и замахнулась на Зейнеб нагайкой.

Зейнеб презрительно фыркнула и, заметив парадные туфли Тагая, стоявшие на самом видном месте у порога, отшвырнула их ударом ноги в угол.

Мими-ханум в ужасе закричала:

— Ты сумасшедшая! Разве может мусульманка так вести себя? Ведь это часть тела Тагая!

Она схватила туфли, вытерла их и поставила возле себя.

Прибежала запыхавшаяся Курляуш. Зейнеб прошла в сад, под деревья, где варился суп. Выбрав из котла лучшие куски баранины, она с аппетитом принялась за еду на глазах у трех перепуганных женщин.

Зейнеб ничего не желала больше делать для жен Тагая и с утра наряжалась в их новые платья. Однажды утром Зейнеб запела. Голос у нее был звонкий и сильный; за эти несколько дней она очень похорошела. Жены перепугались, что девчонка может стать первой женой. Они обратились к Курляуш и, предложив ей огромные деньги, попросили ее помочь им избавиться от Зейнеб. Курляуш согласилась. Прежде всего она посоветовала женам не спорить с Зейнеб, которая, как клялась Курляуш, сошла с ума, может всех убить и поджечь дом. Перепуганные женщины оставили Зейнеб в покое, и она делала что хотела.

Однажды утром Курляуш сказала:

— Черномазая сегодня хочет поехать на базар за провизией. Не перечьте ей!

— Пусть едет, — сказала Мими-ханум. — Только следи за ней хорошенько.

Зейнеб без сопротивления надела паранджу. Она ехала на белом осле, а рядом с ней шла Курляуш и быстро говорила:

— Правильно делаешь! Они уже боятся тебя, а приедет Тагай — ты передумаешь, станешь первой женой, и они будут считать честью принять чай из твоих рук.

Базар поразил Зейнеб многолюдьем и богатством. Чего только там не было: и ковры, и посуда, и лакомства, и материи! Зейнеб понравилось оживление, царившее вокруг, и она решила почаще выбираться из дому. Старая Курляуш узнавала от торговцев разные новости.

Они ей рассказали, что Тагай с басмачами Файзулы Максума уехал в Ферганскую долину и вернется к осени. Однажды Курляуш шепотом передала Зейнеб страшную новость: на базаре говорили, что осенью молодой охотник с Советского Памира, по имени Джура, убил какого-то важного человека и его замучили в исмаилитской тюрьме.

Зейнеб опять затосковала, перестала петь, и обе жены обрадовались. Они снова начали покрикивать на нее. Зейнеб молчала.

Проходило лето. На базаре вслух говорили, что Тагай вырезал на Советском Памире несколько кишлаков и возвращается домой с большой добычей. Кое-кто передавал шепотом, что дела басмачей на Советском Памире плохи.

Однажды осенью Зейнеб увидела на базаре продавца, который молча стоял в толпе и держал вырезанную из дерева игрушку. Она была похожа на те, которые Зейнеб помнила с детства.

Зейнеб купила орла и собаку.

Через несколько дней Зейнеб снова встретила продавца на базаре. Он опять продавал игрушки, вырезанные из дерева.

Одну из них Зейнеб взяла и внимательно осмотрела. Возле искусно вырезанной арчи стоял на коленях охотник и целился в другую деревянную фигурку. Без сомнения, это была женщина.

Зейнеб ахнула и прижала игрушку к груди. Только Джура мог так искусно вырезáть из дерева. Неужели Джура здесь? Значит, он жив!

— Кто это сделал? Кто? — закричала Зейнеб и даже схватила продавца за руку.

— Один узник... Дай тридцать тенег.

— Я дам тебе пятьдесят. Скажи, кто он?

— Дашь сто — все скажу, — поспешно ответил продавец, стараясь рассмотреть лицо женщины под паранджой.

Зейнеб сунула ему деньги. Он пересчитал их и быстро спрятал в кошелек.

— Это страшный преступник, нечеловеческой силы человек, якшается с нечистой силой. Посмотришь на него — и ты испугаешься. Он нездешний. Зовут его Джура.

— Джура? — воскликнула Зейнеб. — Ты не ошибаешься?

— Он молод, и его зовут Джура, — подтвердил продавец, удивляясь странной тревоге, овладевшей женщиной.

— Где он? — спросила Зейнеб.

— В яме, я сторожу его, — ответил продавец. — Скоро его будут казнить...

— Пойдем со мной. Хочешь заработать много-много денег?

— Пойдем, — ответил продавец игрушек, облизывая языком потрескавшиеся губы.

V

Жены радостно вздыхали и смеялись: все было по-прежнему. Зейнеб надела старое платье и послушно выполняла все их приказания: мыла моську, выделывала шкуры и молчала.

Жены осмелели: вторая жена снова колола «черномазую» булавкой и требовала браслет, но Зейнеб отвечала, что где-то потеряла его.

От Тагая приехал гонец, привез серебряные чашки, серебряный самовар и много красивых тканей. Он сообщил, что к вечеру приедет курбаши.

Жены с утра, усевшись перед зеркалами, красили волосы, брови, ногти, румянили щеки. Но когда Мими-ханум решила надеть драгоценности, их не оказалось.

У шкатулки были срезаны ременные петли, и в ней ничего не было. Замок висел на месте.

— Обокрали! — беззвучно шептала Мими-ханум; ее лицо налилось кровью и стало багровым.

Прибежала Курляуш. Она кричала, всплескивала руками и хваталась за седые волосы.

— Это Зейнеб! — сказала Мими-ханум.

— Нет, нет! — поспешно запротестовала Курляуш. — Это не она, это джинны...

Мими-ханум испуганно захлопала глазами.

— Джинны? — переспросила она.

— Вчерашний гонец — злой джинн, — быстро ответила Курляуш. — Посмотрите, не исчезли ли, как пар, его подарки?

Все трое открыли сундук и увидели, что он пуст.

— Конечно, он! — прошептала Мими-ханум.

Вторая жена Тагая заплакала, но, вспомнив, что от слез делаются морщинки, замолкла и стала смотреться в зеркало.

— Ах, мой суп! — испуганно закричала Курляуш и выбежала. — Поверили! — вбегая в сарай, сказала она Зейнеб. — Ты хорошо все это придумала. Вот что значит дружить со старой Курляуш! Ты не глупа. Я уплатила сторожам, все уплатила. Лошади будут куплены. Это очень дорого стоит. Не останется ни одной теньги. Я тебе уж из своих дам сто на дорогу. А пока по-прежнему хитри! — И Курляуш хлопнула Зейнеб по плечу.

Вдруг из мужской половины кибитки донеслось ржание лошадей, звон стремян, говор многих людей.

— Курбаши приехал, курбаши! — взволнованно говорили жены.

Тагай прошел на женскую половину. Он спросил: «А где Зейнеб?» — и, узнав, что она в сарае, прошел туда.

Зейнеб сидела на корточках и мяла шкуру.

Тагай молча и пытливо посмотрел на нее и сказал:

— Довольно! Обмойся и принарядись.

Он немного подождал и, не услышав ответа, вышел.

Курляуш выглядывала из-за угла и манила его пальцем.

— Ну? — спросил он, подходя к ней.

— Озолоти рабу твою, и я расскажу такое, что кровь застынет в жилах.

— Ну? — спросил он, бросая ей золотую монету.

— Мало, — сказала она, — но, когда ты узнаешь, ты сам дашь... Знай: Зейнеб обокрала твоих жен!

Тагай презрительно усмехнулся и пошел дальше, но Курляуш схватила его за халат и зашептала:

— Зейнеб подкупила стражу Джуры и вместе с ним убежит!

— Это правда? — спросил он, стараясь казаться спокойным.

— Клянусь! — ответила старуха.

— Хорошо, — сказал Тагай, — я подарю тебе девять шелковых халатов, девять бархатных и много серебра. Молчи! Пусть все идет как идет. Остальное — мое дело.

Курляуш поцеловала полу халата у Тагая и возвратилась к Зейнеб.

— Помни, Зейнеб, — сказала она ей, — значит, послезавтра ночью.

— А ты о чем говорила с Тагаем? — спросила Зейнеб, пытливо глядя на Курляуш.

— Старая Курляуш просила его оставить тебя в покое. — быстро ответила Курляуш.

Старуха ушла из сарая и, пробравшись на мужскую половину, попросила Тагая не заходить к Зейнеб три дня. Не доверяя старухе, Тагай поручил своим людям разузнать все подробно, и те подтвердили, что Зейнеб подготовила побег Джуры.

В условленную ночь Джура, Чжао и Саид с нетерпением ждали сигнала.

В полночь решетка отодвинулась, и на фоне неба вырисовались три головы.

— Скорее лестницу, скорее! — закричал Джура.

Сверху донесся тихий смех и упало что-то круглое. Джура увидел, что это была отрезанная голова.

— Неужели ты думал, Джура, — донесся сверху голос Тагая, — что ты меня перехитришь?

— Ты убил ее? — крикнул Джура, быстро ощупывая голову.

— Нет, Зейнеб — моя жена и ждет меня дома. Это только голова предателя!

Тагай, возвратившись домой, не нашел Зейнеб. Он обыскал весь дом — ее не было.

— Старуха, — спросил он Курляуш, — где Зейнеб?

— Я старая, я плохо слышу, я ничего не знаю. Я все тебе рассказала, и ты сказал, что сам все сделаешь. Я твоя послушная собака.

— Но она ускакала на коне, которого купила ты! Мне это сказали.

— Она украла у меня этого коня! Я хотела подарить его своему племяннику и купила на те деньги, что ты мне дал.

Курляуш плакала, стоя на коленях перед Тагаем. Рассчитывая получить еще золота, она предупредила Зейнеб, что все открыто, Джура убит, и подробно рассказала путь на восток.

От Тагая Курляуш побежала к женам:

— Я помогла вам избавиться от Зейнеб, я ваш друг. Неужели вы не одарите меня халатами и платьями?

Послав за Зейнеб погоню, Тагай занялся узниками.

— Обыщите их! — приказал он.

Но это было очень трудно сделать.

Много позже, когда шум борьбы утих и сторожа ушли, унося два отобранных ножа, лунный луч осветил яму.

Там неподвижно лежали истерзанные, полумертвые узники, покрытые окровавленными лохмотьями. От смерти их спас Безносый, помня наказ Тагая сохранить Джуру для предстоящей казни.

После отчаянной борьбы у Саида ныло все тело. Он испытывал мучительный голод, и сознание, что есть нечего, еще больше распаляло его аппетит.

В полузабытьи он увидел перед собой груды жареного мяса и огромный котел с кипящим бульоном. Саид потянулся к мясу, но не смог достать. Он хотел вскочить и побежать, но не мог подвинуться и на локоть. Саид очнулся и явственно услышал, что кто-то ест, вкусно причмокивая губами. Саид быстро сел и огляпулся. Джура что-то грыз. От злости Саид даже поперхнулся. Он ясно представил себе, как Джура вынимает из укромного местечка мясо и лепешки и втихомолку уплетает, даже не поделившись с ним.

— Ага! Ага! — отчаянно закричал Саид, подползая на четвереньках к Джуре.

Просунув руку под лохмотья, он крепко схватил Джуру за волосы и сильным рывком запрокинул голову назад.

— Он грызет... собственную руку! — прошептал в ужасе Саид, продолжая бессознательно держать за волосы голову Джуры.

Чжао подполз. Он понял, что терпению Джуры пришел конец и свободолюбивый охотник решился на самоубийство. Не имея под руками ножа, чтобы перерезать вены и умереть от потери крови, он в отчаянии решил зубами перегрызть их на руке.

— А-а-а!.. — застонал громко Джура, тряхнув головой.

Саид выпустил его волосы и быстро отдернул руку.

Чжао навалился на Джуру и, уцепившись обеими руками за волосы, приподнял его голову. Саид с трудом удерживал руку.

— Зачем мучиться?.. Пустите! Да пустите же! — хрипло, скороговоркой говорил Джура.

— Слушай меня, слушай, Джура! — И Чжао сильно встряхнул его за волосы. — Умереть успеешь, и так убьют. А если удастся убежать?.. Умрешь и не отомстишь Тагаю? Живи! Назло ему живи!

— Конец, все равно конец! Зачем мучиться? — Джура стонал и бился головой об стену. — Пустите, убью! — хрипло закричал он и вырвался.

Чжао упал на бок. Упершись рукой в пол, он нащупал камень и ударил им Джуру по голове. Джура, поднявшийся было на колени, упал навзничь.

— Так лучше. Эй, Саид, собирай паутину! — сказал Чжао.

Они стонали от боли, шарили распухшими пальцами по стенам и не находили паутины.

Тогда Чжао разорвал рукав рубахи на полосы и туго-туго перевязал руку Джуры.

— Ничего, — сказал он, — вовремя спохватились. Рука не пропадет. Сухожилия целы, и крови вытекло не так уж много. Ты чего, Саид?

Саид, сидя на корточках и упершись лбом в стену, рыдал, как ребенок.





Часть четвертая

КАЗЮКИ

I

— Лежебоки! — закричал десять дней спустя, наклонившись над тюремной ямой, сторож, весельчак Умар.— Вот для вас и освобождение. Вы прямым путем попадете на тот свет и не будете больше мучиться в этой проклятой дыре.

С этими словами он спустил лестницу в яму. Оборванные и худые узники поднялись наверх.

Джура жадно смотрел кругом и шумно вдыхал свежий воздух.

— Чего вы щуритесь, как совы! Еще немного — и сердца ваши успокоятся! — хохотал Умар.

Между тем Джура всмотрелся в стоявшего рядом с ним человека и узнал Безносого. Прежде чем Джуру успели удержать, он схватил Безносого за шею. Но тот

со смехом оттолкнул его, и обессилевший Джура еле удержался на ногах.

Узников погнали к пустырю у «собачьих холмов». По дороге к ним присоединили еще трех преступников из соседней ямы.

— Повесят нас! — громко сказал Саид, увидев виселицы на пустыре. — Бежим! — шепнул он Джуре. — Ты сильный, мы спасемся.

Кто-то из прохожих бросил узникам лепешку, и Саид поймал ее на лету.

— Брось! — крикнул, подъехав на коне, Безносый и замахнулся нагайкой.

— Пусть они хоть перед смертью поедят! — возмутился сторож.

Джура от лепешки отказался. Высоко подняв голову, он шел впереди узников и пристально смотрел вперед, не обращая внимания на окружающих.

Саид ел лепешку, но от волнения у него пересохло в горле, и он с трудом глотал.

Чжао ел медленно, маленькими кусками; разговоры стражи не отбивали у него аппетита.

На пустыре, вокруг виселиц, собрались любопытные. Среди любопытных шныряли нищие и дервиши.

Все с интересом смотрели на полунагих, худых людей, которых вели на казнь.

Издали доносились гневные голоса Кипчакбая и Тагая.

Все настороженно притихли. Мужчины опустили голову, а женщины в испуге отбежали назад и спрятались за спины мужчин.

Узников подвели к виселицам. Толпа затихла. Джура услышал хриплый голос Саида:

— Гляди, бочки с железными гвоздями и палач с мечом! Видно, они не сразу нас повесят.

Джура невольно посмотрел на Саида. Тот время от времени шумно втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Чжао стоял спокойно. Он глазами искал кого-то в толпе.

Джура взглянул в сторону памирских гор. Он думал о потерянной родине. Самым тяжелым для него было сознание, что он погиб из-за собственной самонадеянности.

— Сам виноват, сам виноват! — твердил он тихо, представляя себе, что в это время Таг охотится в Маркан-Су на архаров, а строгий Козубай, может быть, и думает о нем, Джуре, но осуждает его поступок, недостойный джигита из славного рода большевиков.

Сознание, что он, Джура, погибнет не в бою с врагами, а после позорной пытки, возмущало его гордость.

Около помоста узники заметили Кипчакбая. Его окружали всадники.

— Охрана! — сказал Саид.

— Крепись! — сказал Чжао, крепко сжимая руку Джуре.

Джура удивленно посмотрел на него. Враги не услышат от него ни стона, ни крика. Они увидят, как умеет умирать настоящий человек!

На бочку, которую поставили стоймя, влез худенький старичок с провалившимся ртом и выпирающим вперед подбородком. Джура узнал его. Это был Махмуд, который мучил Джуру песнями. Вот кому он с радостью перегрыз бы глотку! Махмуд обратился к толпе.

Он много говорил о преступлениях Чжао, Джуры, Саида. Главная их вина, по словам Махмуда, заключалась в преступлениях против веры, поэтому-то Кипчакбай обрекает их на самые жестокие пытки, которые постигнут всякого, кто словом или делом посмеет мешать мулле Кипчакбаю в его делах.

Когда Махмуд приступил к перечислению пыток, которые ждали преступников, вдали послышался конский топот. Стража преградила путь верховому, но он громко закричал, что у него неотложное дело. Кипчакбай возмутился: его оскорбила такая непочтительность. Однако он дал знак пропустить всадника. Тот, подскакав к Кипчакбаю, что-то тихо ему шептал. Кипчакбай внимательно выслушал гонца.

Вдруг Джура увидел Тагая, который, в свою очередь, шепнул что-то Кипчакбаю. Кипчакбай нетерпеливо отмахнулся. Он засунул руку в мешочек, протянутый верховым, и вынул оттуда золотые монеты. Заметно взволнованный, он уронил золотой на землю.

Всадник успел рассказать Кипчакбаю, что в том месте, где зарывали павший скот, было обнаружено подземелье с большими сокровищами.

— Гони за мною заключенных! — крикнул Кипчакбай, направляя коня к «собачьим холмам».

Тагай преградил ему путь.

— Нужно спешить с казнью! — крикнул он Кипчакбаю.

— Ну, — ответил Кипчакбай, — казнить всегда успеем. Они у меня в руках. Там, — он показал плеткой в сторону «собачьих холмов», — нашли клад... Небольшой, — быстро добавил он. — Там, сам знаешь, множество собак. В подземелье полез было мой человек, так собаки его загрызли насмерть. Пусть эти полезут.

— Кипчакбай, ты потерял голову! Что скажет имам Балбак? Ведь это казнь для устрашения. В народе волнения. Ты знаешь, как нелегко и нам и китайским чиновникам, о которых кричат, что они продали край вольных людей. Нужно показать свою силу. Ты очень любишь золото, оно тебя погубит.

— Я немного уделю тебе добытого, — ответил Кипчакбай, — если ты мне поможешь...

— А что скажет имам Балбак, если ты отменишь его приказание о казни?

— А кто сказал, что я отменяю казнь? — сердито спросил Кипчакбай. — Я просто изменяю вид казни... Счастье ждет многих из вас, — обратился он к узникам. — Вы будете моими казюками. Кто больше добудет золота, того я освобожу.

Когда узников увели, он громко объявил собравшимся, что для преступников избран новый вид казни: их загрызут собаки.

Толпа двинулась на холмы, догоняя идущих впереди узников.

— Кто такие казюки? — спросил по дороге Джура у Чжао.

Чжао ответил:

— Так называют кладоискателей еще со времен Ababакра. Ababакр в поисках золота приказал раскопать все древние развалины. В Яркенде по его приказу узники раскопали все старинные крепостные постройки. Рыли много лет.

— А куда Ababакр спрятал свое богатство? — спросил Саид, и его глаза заблестели.

— Войска твоего тезки Саида расхитили эти сокро-

вища. Абабакр бежал в горы, и часть богатств затонула при переправах через реки.

— Какие реки? — снова спросил Саид.

— Да ты что, искать думаешь? Мы сейчас будем казюками. И, значит, пока будем жить.

— Временно? — спросил Джура.

— Временно, — ответил Чжао.

Осужденные приближались к холмам. Еще издали они увидели множество собак.

— Это «собачий город», — сказал Саид. — Здесь много веков назад жили люди. Теперь в ямах на месте города живут собаки. Днем они стаями бегают на базаре. Если прийти сюда ночью — загрызут. У них холмы поделены между стаями. На каждом холме вожак.

Перед одной из ям стояли несколько человек. Вокруг сплошной стеной стояли собаки.

— Здесь! — сказал верховой, сопровождавший Кипчакбая.

— Лезьте! — гневно закричал Кипчакбай узникам.

Узники боялись двинуться.

Басмачи выстрелами и ударами винтовок очистили вход в дыру.

Один из узников, незнакомый Джуре, полез в подземелье, но почти сейчас же оттуда послышался отчаянный крик. Его вытащили с искусанным лицом. Никто не решался последовать примеру несчастного.

Кипчакбай злобно крикнул:

— Вы трусы! Я прикажу отрубить вам голову.

Джура переглянулся с Чжао. Тот показал ему глазами на дыру.

II

Джура медлил спускаться в подземелье.

— Боится! — сказал громко кто-то в толпе.

— Чего ему бояться? — ответил другой. — Все равно умирать, а полезет — может быть, и жив останется.

Джура смотрел на горы, видневшиеся вдалеке, на слепящее солнце, затем взгляд его остановился на норе, откуда доносился злобный лай. Джуре мгновенно пришла мысль поквитаться к Кипчакбаем.

— Дайте саблю, — сказал Джура, — а то нечем воевать с собаками!

Ему дали саблю.

Однако охрана, заметив его пристальный, цепкий взгляд, устремленный на раиса, сомкнулась, и Джура, взглянув на Чжао, увидел в его глазах осуждение. Чжао мигнул на холм. Джура вздохнул и подошел к яме.

Яростный лай ошеломил Джуру только на мгновение. Опустившись на локти, осторожно тыкая саблей впереди себя, он полез в нору, вырытую собаками.

Загородив своим телом свет, Джура сразу очутился в темноте и вскоре увидел множество собачьих глаз, искрившихся во мраке.

Однако и это не остановило Джуру. На локтях, подталкиваясь ногами, медленно полз он по собачьему ходу. Имея саблю в руках, он пошел бы на драконов, а не только на собак. Надежда на свободу толкала его в темноту, в неизвестное, придавала силы.

Искрящиеся собачьи глаза были совсем близко. Джура ткнул саблей в темноту, и отчаянный визг подтвердил, что он задел собаку. Лай из множества собачьих глоток сливался в один бесконечный вопль.

Отбежавшие было собаки снова приблизились. Джура сделал быстрый выпад вперед. Земля под его левой рукой обрушилась, и он, потеряв равновесие, упал и выпустил саблю из рук.

Моментально Джура прыгнул вслед за нею вниз. Собаки отпрянули. Хватаясь за замлю, Джура нащупал ступеньки, но сабли на них не было: очевидно, она скатилась ниже.

Поняв, что он обезоружен, Джура, не теряя ни одного мгновения, вскочил и закричал изо всех сил. Это был гневный вопль безоружного человека, вопль ярости и отчаяния. Он преследовал собак, не давая им опомниться. Собаки кинулись вниз по ступенькам, кувыркаясь через головы, а за ними бежал человек и страшно кричал. Иногда Джура приседал и шарил по лестнице руками, но, не нащупав сабли, снова гнал собак вниз. Он сбежал по лестнице в темную пустоту и оглянулся. Откуда-то сверху пробивались слабые лучи света. Но и этого было достаточно, чтобы после полной темноты разглядеть высокую стену.

Собаки окружили узника кольцом и, оскалив клыки, с рычанием медленно приближались. Джура был один, безоружный, против нескольких десятков сильных и злых собак. Они не дали бы ему подняться по лестнице вверх и загрызли бы по дороге. Джура решил схватить одну собаку и отбиваться ею от нападающих, как вдруг инстинктивно почувствовал опасность за спиной. Повернувшись, Джура очутился перед огромным черным псом с белой меткой на груди. Пес приготовился к прыжку...

— Тэке! Тэке! Мой Тэке! — крикнул Джура, не веря своим глазам.

Пес замер. Вся стая притихла. Джура медленно выпрямился. Пес и человек стояли некоторое время друг против друга. Секунды казались Джуре вечностью.

Тэке завилял хвостом и беззвучно оскалился. Он виновато подошел к Джуре и, став на задние лапы, упершись передними в его грудь. Пес не умел ласкаться. Джура схватил его голову обеими руками и прижал к своему лицу. Несколько собак, не поняв поведения вожака, бросились и вцепились в халат Джуры. Тэке прыгнул вперед и, опрокинув первую попавшуюся собаку на спину, начал ее кусать.

Джура облегченно вздохнул, оглянулся и заметил свою саблю. Он быстро схватил ее и обернулся, готовый к битве. Тэке стоял рядом.

У входа послышался голос Саида. Он громко клял Кипчакбая и всех его родственников. Собаки снова залаяли. Саид испуганно позвал Джуру. Джура отогнал собак. Саид, а за ним Чжао оказались на каменных, засыпанных землей ступенях древней лестницы.

— Спускайтесь ко мне! — крикнул Джура.

— А собаки?

— Собак не бойтесь. Здесь мой верный Тэке. Он вожак собачьей стаи.

Чжао и Саид много слышали от Джуры о его охотничьем псе. Обрадованные неожиданной удачей, уже не страшась собак, они спустились в подземелье.

— Тэке! — ласково сказал Саид, пытаясь погладить голову пса.

Тэке сердито зарычал, и Саид быстро отдернул руку. Собаки злобно лаяли издали.

— Скорее! Давайте искать выход! — сказал Чжао.

— А золото? Где же золото? Надо взять золото, — твердил Саид, хватая Джуру за халат.

— Пусть пропадет золото! Давайте искать выход, — ответил Джура.

Вдруг впереди раздался злобный визг собак и мелькнул отблеск огня.

— Мы пропали! Враги нашли другой ход и идут сюда! — сказал Саид, пятясь назад.

Джура вновь ощутил необычайный прилив энергии. Борьба всегда привлекала его, теперь же он знал, что борется за свободу. С ним были друзья. Про себя он решил, что если останется жив, то будет всегда действовать с ними заодно.

Навстречу узникам из-за поворота вышел человек с горящим факелом в руке.

— Чжао! — громко крикнул он.

— Биллял! — радостно воскликнул Чжао. — Ты ли это, Биллял?

— Вы еще живы? — задыхаясь, говорил Биллял, обнимая Чжао. — Я так торопился! Думал, что тебя растерзали собаки. Скорее же, скорее за мной!

— Кто это? — недоверчиво шепнул Саид. — Я ничего не понимаю!

— Не волнуйтесь, — ответил Чжао спокойно. — Это мой друг Биллял. Скажи, как вы узнали...

— Расскажу все потом. Торопитесь! — ответил Биллял.

Они двинулись по переходу. Джура споткнулся: под ногами лежал труп. Возле него валялся кожаный мешок, из которого высыпались серебряные и золотые монеты. Саид схватил кожаный мешок и начал насыпать в него золота.

— Не больше десяти фунтов! — с жадностью шептал он. — Даже нет и десяти, только восемь. Ага, вот серебро!

Он прополз в угол, где лежали мешки со слитками серебра.

— Кто же это такой богач? — Саид перевернул труп на спину. — Чер! — удивленно сказал он. — Дунган Чер! Таки подох, чертов старикашка! Все равно я бы его зарезал.

— Кто он? — спросил Джура.

— Это Чер, — ответил Саид. — Старшина нищих, тех, что живут на кладбище и попрошайничают в кишлаке. Это Чер выдал меня ищейкам Кипчакбая.

Биллял с любопытством смотрел на Саида.

— А кто это? — спросил он Чжао.

— Это Саид, охотник за приключениями. Вместе сидели в яме.

— Вместе страдали, — вмешался Саид, — из одной чашки похлебку ели.

Саид завернул золото в пояс, схватил два мешка с серебряными слитками, связал их и взвалил на плечо.

— Берите серебро, я ничего вам не дам позже из своих мешков. Берите серебро Чера, которое он грабил у нищих и крал у богатых. Мы спасаемся от Кипчакбая на его же деньги!

Вслед за Биллялом узники двинулись по извилистому проходу, вырубленному в стене.

Глыбы камня преградили им дальнейший путь.

Саид застонал от злости.

— Дальше пути нет, — сказал Чжао, внимательно ощупав руками обвалившиеся глыбы.

— Не беспокойтесь, — сказал Биллял и топнул ногой.

Раздался гул. Биллял нащупал кольцо, потянул его вверх и приподнял круглую крышку.

— Очень хорошо, очень хорошо! — твердил Саид.

Беглецы затаили дыхание и прислушались. Джура спрыгнул на дно неглубокого колодца.

— Направо выход, — тихо проговорил Биллял.

Спустившись, все поползли по тесному проходу и наконец очутились в небольшом квадратном помещении.

— Это кумбез [1], — сказал Биллял, — мы на кладбище. Нас ждут в зарослях тугаев у реки. Надо ждать вечера.

Джура восторженно смотрел на Билляла. Все были счастливы от сознания вновь обретенной свободы. Джура, Чжао и Саид больше не могли скрыть своих чувств.

Все трое бросились к Биллялу и заключили его в свои объятия.

---

[1] Кумбез — вид склепа.

— Тише! — сказал Биллял. — Вы слышите голоса? Это нищие. Мазары на кладбище — пристанище нищих. А этот был тайником Чера.

— Но как же ты нашел нас? — спросил Чжао.

— Очень просто, — ответил Биллял. — Мы все недоумевали, куда ты исчез, и искали везде, даже в ямах. Ли не было.

— Ли?! — воскликнул Саид.

— Для всех я Чжао, и для вас тоже.

— Тише! — опять сказал Биллял, красноречиво показывая на стену. — Наконец тебя увидели на базаре собирающим милостыню. А ищейки Кипчакбая захотели на тебя, как на приманку, поймать крупную рыбу. Они просчитались. Остальное было нетрудно. Зная страсть Кипчакбая к кладоискательству, мы уже подготовили одну старинную башню с подземным ходом, но она была возле кишлака, и ход могли знать другие. А здесь, как раз над тайником старшины нищих, начали зарывать коров и дорылись до подземелья. Ну, а все ищейки Кипчакбая у нас на примете. Мы этим и воспользовались. Нам многие помогали — нас ведь много, Чжао, твоих друзей. Одного боялись — как бы не опоздать: собаки могли вас загрызть. А тут опять счастливый случай. Кто знал, что среди них окажется этот черный! — И Биллял показал на Тэке.

III

Джура восторженно посмотрел на Чжао и Саида. Джура не замечал, что они были худы — кожа да кости, но он видел, как радостно сияли их глаза.

И, припоминая слова древней клятвы, слышанной от Кучака, он торжественно произнес:

— На жизнь и на смерть клянусь всегда быть тебе досом, Чжао! Клянусь делить последний кусок мяса и отдавать последний глоток воды. Мое жилище — твое жилище. Мое оружие — твое оружие. Бери все мое, что тебе понравится, — этим ты обрадуешь меня. Ты мой друг. Мы теперь — как два крыла одной птицы, как два побега на одной ветке.

Джура и Чжао обнажили грудь, обнялись и этим закрепили дружбу. Чжао ответил:

— Клянусь быть тебе другом! Твой враг — мой враг. Твоя радость — моя радость. Наш путь пусть будет один. Пусть на нашем пути бедняки станут богачами и высохнут слезы обездоленных. Ты мой друг.

Чжао отвернулся и, вытирая пальцами глаза, пробормотал:

— Здесь много пыли...

Саид, глядя на товарищей, тоже обнажил грудь и, по очереди обнявшись с Джурой и с Чжао, поклялся быть им другом.

— Теперь, — сказал Саид, — наши друзья — ружья и товарищи — лошади. Вот серебро. Я на него куплю лошадей, и мы ускачем от погони. Вы слышите голоса?

Он быстро подбежал к стене и выглянул в щелку, а потом обернулся, прижал палец к губам и провел им по горлу.

День, проведенный в склепе, тянулся бесконечно долго. Джура томился и не находил себе места.

— Пойду в город, поймаю Тагая. И Кипчакбай от меня получит! — после долгого молчания сказал Джура.

Чжао, услышав его слова, возразил:

— Не надо так сразу. Ты помнишь, я тебе рассказывал о военной хитрости Тамерлана?

— Помню, — нехотя сказал Джура. — Но ведь тебе хитрость не помогла: ты сам попал в яму.

— Слушай меня, пока отошел Саид, — торопливо зашептал Чжао. — Наш народ ненавидит поработителей и хочет счастливой жизни. Мы боремся за эту счастливую жизнь. И я — в рядах борцов за свободу. Народ ненавидит англичан и других пришельцев, поддерживающих баев. Мы верим, что настанет и для нас день свободы. Но многое еще может случиться, пока настанет этот день, и много горячей крови должна впитать земля, прежде чем жизнь сделается легкой.

Чжао подсел к Биллялу, и они долго шептались.

Джура волновался, думал о Зейнеб, о свободе. Он решил во что бы то ни стало освободить Зейнеб от Тагая.

Только ночью через дыру в стене беглецы вылезли из склепа. Биллял вывел их между могилами к реке. Они вошли в заросли держидерева.

— Я в этих тугаях каждую тропинку знаю, — шептал Саид, — со мной не пропадете.

Там, где заросли отступали от берега, образуя поляну, путники остановились.

— Теперь вы почти на свободе! — весело сказал Биллял.

— Почему — почти? — запротестовал Саид. — Я же сказал, что знаю эти тугаи. Здесь поблизости живет мой друг. Через него купим и лошадей и одежду.

— Ничего не надо покупать, — сказал Биллял. — Все приготовлено. Пусть все думают, что вы погибли в яме.

— Мне некогда ждать! — сквозь зубы проговорил Саид. — Мне нужно идти к своим!.. Прощайте! Увидимся!

— Вот что, Саид, — сказал Биллял, подумав несколько мгновений. — Задерживать тебя не буду, но только уговор: попадешься — не говори ни слова, как и что.

— Ну вот, стану я болтать! — возмущенно сказал Саид.

— А вы, — сказал Биллял, обращаясь к Джуре и Чжао, — ждите меня здесь.

Биллял быстро исчез в темноте.

Саид помедлил и, пожав руки друзьям, ушел в противоположном направлении. Джура с наслаждением лег на спину, закинув руки за голову. Чжао заснул, положив голову ему на грудь. Спал он неспокойно, и малейший шум заставлял его просыпаться и вглядываться в темноту.

Уже небо заалело на востоке и утренний мороз сковал берег реки, а Билляла все еще не было.

Вдруг Тэке насторожился и зарычал. Послышался плеск воды. Показался Биллял верхом на коне. Двух лошадей он вел в поводу. Биллял соскочил с лошади и подошел к друзьям.

— Запоздал, — сказал он. — Кто-то бродил в тугаях. Тому, кто ждал нас, пришлось уехать, чтобы не вызвать подозрения. Придется опять ждать наступления темноты: в кишлаке все думают, что вас загрызли собаки. Вот вам одежда и запас еды на неделю. Сбросьте свои лохмотья. Вам предстоит далекий путь.

Джура быстро снял изорванный халат и побежал к

реке. Он несколько раз окунулся в ледяную воду, смывая пыль и грязь. От его красного тела шел пар. Джура быстро натянул чистое платье. Новые ичиги оказались ему великоваты.

Джура вынул из старого ичига клочок материи.

— Вот крепкая! — сказал он. — Столько времени прошло, а до сих пор как новая... Это я из сумки Артабека взял.

Джура развернул клочок и хотел его разорвать.

— А ну-ка, дай сюда! — крикнул Чжао. — Не рви!

Джура вдруг обратил внимание на то, что на материи были начертаны какие-то знаки.

— Да это же и есть фирман Ага-хана! — закричал Чжао, разглядывая кусок, который ему дал Джура. — Неужели ты не знал этого? Это же и есть фирман!

— Откуда же мне знать об этом? Все говорят: «фирман, фирман», а что такое фирман, я не знал, и стыдно было спросить. Все говорили: «Не видел ли ты такой большой бумаги?» А ведь это не бумага, а материя.

Биллял заглянул через плечо Чжао. Они вместе читали фирман, обмениваясь замечаниями. Из их разговора Джура понял, что в этом фирмане есть что-то очень важное.

— Джура, — сказал Чжао, — этот фирман приказывает исмаилитским пирам быть готовыми к военным действиям в тысяча девятьсот тридцать первом году. Ты знаешь — теперь тысяча девятьсот тридцать первый год. В этом фирмане очень важные сведения. Поэтому, видно, им и интересовались Максимов, Козубай и Кзицкий. В нем приказ, который нам непонятен. Ты должен отвезти фирман к своим.

— А Зейнеб? Неужели я брошу ее? — спросил Джура. — Я должен убить Тагая, без его головы я не могу показаться Козубаю.

— Ты повезешь фирман. Здесь дело касается всего народа, — сказал Чжао. — Разве ты не говорил, что ты из рода большевиков?

— Да, ты прав, — согласился Джура. — Но, может быть, мы сначала освободим Зейнеб и поедем вместе?

— С тобой поедет Чжао, — тоном, не допускающим возражений, сказал Биллял. — Я тоже отказываюсь от многого ради борьбы. Здесь много нас, друзей свободы.

Мы делаем так, что народ не идет больше в басмачи. Нас ненавидят имам Балбак и Тагай. Белогвардейские офицеры Тагая боятся попасть к нам в руки. Если ты доставишь фирман, это будет великий подвиг.

Зашелестели кусты. Биллял вынул из кармана револьвер.

Из кустов вышел Саид. Он держался за щеку, под глазом у него был синяк.

— Я должен бежать отсюда, — сказал он, еле переводя дух. — Я не могу оставаться в этом кишлаке. Кипчакбай обещал пять тысяч за мою голову, и мне не хочется рисковать ею.

— Разве ты этого не знал? — спросил удивленно Биллял. — Но как ты смел идти сюда днем? Ведь ты мог навести на нас ищеек Кипчакбая.

— Ничего, не бойтесь. Я полз как змея. В городе только и разговоров, что о нашей гибели и о побеге Зейнеб. Моя тетка Курляуш работает у жен Тагая. Она-то и сказала, чтобы я провалился сквозь землю на год. А она такая, что молится и богу и черту. Тетка дала Зейнеб в проводники моего двоюродного брата.

— Поедем же скорее на запад! — взволнованно воскликнул Джура.

— Ты без головы! — оборвал его Биллял. — Гонцы Тагая ищут Зейнеб по всем дорогам и тропинкам. У него столько ушей и глаз, что нам не пробраться сейчас прямо на запад. Вы поедете на север, а оттуда на запад. На севере находится курбаши Джафар, завистник Тагая. Там легче пробраться. Будете говорить, что вы из Индии, люди имама Балбака. Теперь оттуда много приезжает. У моего друга-охотника — Чжао его знает — вы сможете обменять лошадей на верблюдов, вам придется ехать по пустыне. Джура, ты молод и наивен: ни слова Саиду о фирмане Ага-хана! — шепнул Биллял Джуре.

— Хоп, — тихо ответил Джура. — А фирман я спрячу на груди.

— Спрячь его снова в ичиг, — посоветовал Чжао. — Если не нашли его там раньше, то и теперь не найдут.

— Так и я с вами, — сказал Саид. — Мне куда бы ни ехать, лишь бы год перебиться. И чем дальше, тем лучше. Я знаю весь край, пограничные тропы.

— Едем, едем скорее! — воскликнул Джура, которому не терпелось уехать из этих ненавистных мест.

Уже ночью стало известно, что их побег открыт.

IV

Пока беглецов искали у восточной границы, они ехали на север, через Такла-Макан. Саид взялся провести Джуру и Чжао через пустыню, с тем чтобы потом повернуть на восток. Лошадей сменили на верблюдов.

Прошло немало дней с того времени, как путники, спасаясь от погони, прошли последние песчаные барханы и вступили в эту страшную, безрадостную пустыню.

Не было в пустыне ни солнца, ни тени. Густая полупрозрачная мгла из лёссовой пыли повисла над путниками, застилая небо.

Ничто не росло и не жило на этих такырах, напоминавших дно высохшего моря. Бесконечные трещины рассекали сероватый солончак, сухой, как сухарь.

Безмолвная, мертвая пустыня угнетала путников, и они ехали молча, изредка тихо переговариваясь.

Караван из трех верблюдов растянулся цепочкой. Впереди ехал Саид, за ним Джура. Высохший, почерневший, с выступающими на лице скулами, он все время смотрел вдаль, как будто что-то там видел. За спиной у него висел карамультук — подарок Билляла.

За Джурой ехал Чжао.

За караваном бежал похудевший, взлохмаченный Тэке.

Уже третий день караван двигался, томясь жаждой: ни одной капли воды не было в сухих бурдюках.

Губы у всех посинели, языки распухли и побелели, и Чжао казалось, что, закрываясь, веки шуршат.

С каждым часом пути тело путников все больше и больше уменьшалось в весе, щеки ввалились.

К вечеру верблюды легли и не желали подниматься, а встав, не хотели идти; когда же на них садились, они падали. Их широко открытые рты и дикие крики пугали седоков. Только один черный двугорбый верблюд, злой и сильный, ушел вперед, и его не могли догнать.

— Серебро, берите с собой серебро! — И Саид взва-

лил на плечи мешок с серебром. — Близко, близко! — говорил Саид и показывал вперед.

Вдали синела вода озера, и путники побежали, но, выбившись из сил, упали; поднявшись, они увидели, что никакой воды нет, а над песком струится воздух.

Путники опять потащились вперед. Вставали, падали и опять вставали. Тэке плелся за измученными людьми. Но все же Джура не бросил карамультук, а Саид — свое серебро.

Встречались кусты тамариска. Путники пробовали жевать ветки, но это было все равно что жевать солому.

К утру они совсем выбились из сил.

— Вот серебро, — говорил Саид. — Давайте разделим его на три части и понесем. Лучше быть богатым, чем бедным.

— Что толку, — отвечал Джура, — когда за него не купишь и глотка воды в этой безрадостной пустыне!

Каждый вырыл себе углубление в песке. Весь день они лежали без движения под горячим солнцем и бредили.

Ночью сильно похолодало. Они очнулись и потащились дальше. Саид начал отставать. Поняв, что серебра ему не унести, он часть высыпал. Но это очень мало облегчило груз. Тогда Саид высыпал половину всего серебра и воспаленными глазами стал искать примету, по которой он мог бы потом отыскать его, но все барханы были одинаковы. Прошло еще немного времени, и измученный Саид уже не нес, а тащил мешок по песку, и его путь устилался серебром до тех пор, пока оно все не высыпалось.

Впоследствии Джура так и не мог вспомнить, сколько дней или часов они шли вперед по следам черного верблюда. Тэке через каждые пять шагов ложился отдохнуть. На пути нашли труп верблюда. Пробовали съесть по кусочку мяса, но слюны во рту не было, и проглотить мясо не смогли.

Вдали показались деревья. Они доползли до них, но воды и там не было. Неподвижно лежали путники возле деревьев и бредили. Тэке не было с ними. Он куда-то ушел.

Вдруг они услышали свист.

— Буря! — прошептал Саид. — Мы пропали!

Оказалось, что это прилетели бульдуруки[1]. Они сели невдалеке.

— Хоть бы напиться свежей крови! — прошептал Саид.

Джура с трудом поднялся, высек искру, зажег фитиль и выстрелил.

Все трое поползли на четвереньках к убитой птице. Крови они так и не напились, потому что она моментально запеклась.

Ночью Джура очнулся: Тэке лизал ему языком руку. Джура попробовал оттолкнуть его. Шерсть Тэке была мокрая. «Вода!» — хотел крикнуть Джура, но не было сил. Он медленно пополз за Тэке и достиг зарослей тростника. Джура, ломая тростник, бросился к воде. Он упал на живот и жадно пил воду. Отдышавшись, пил снова. Почувствовав прилив сил, он намочил одежду и вернулся к друзьям. Он выжал воду на лица Саиду и Чжао, и они пришли в себя.

К утру они вышли к большому каравану. Карамультук пришлось оставить в кустах, чтобы не вызвать подозрения.

Джура, Саид и Чжао нанялись погонщиками верблюдов. Они согласились работать только за еду.

V

Десять дней они ехали по малонаселенной местности. Стояли последние дни зимы. Похолодало, и шел снег.

Караван ночью вступил на базарную площадь.

Впереди на лошади ехал хозяин. За ним на осле ехал его ближайший помощник — караван-баши[2]. За первым верблюдом величественно шествовали двадцать пять других. Чжао, Саид и Джура ехали во главе следующей части каравана.

Увидев на площади свору собак, Тэке помчался к

---

[1] Бульдурук — птица величиной с голубя.

[2] Караван-баши — глава каравана.

ним. Серый пес лез в нору из кошм, где лежал старый нищий. Заметив Тэке, пес обернулся и бросился на него, но Тэке сшиб его с ног. Из-под войлочной кошмы донесся слабый стон бредившего человека. Тэке отбросил собаку и влез в нору. Горячим языком облизал он лицо старика, затем выскочил и помчался к Джуре. Тэке визжал и тянул его за полу халата.

— Тэке, чего ты, Тэке? — спрашивал Джура.

А Тэке нетерпеливо взвизгивал и все тянул его в сторону войлочной норы.

Джура слез с осла. Вместе со своими двумя спутниками он разбросал кошмы.

— Здесь какой-то старик, — сказал он и склонился над замерзающим.

Тэке метался, лаял, бросался на собак и лизал лицо старика. Джура и его спутники ничего не понимали. Посовещавшись, они решили ехать дальше, но в это время старик открыл глаза.

Старик радостно и удивленно прошептал:

— Джура, Джура!

— Да ведь это Кучак! — закричал Джура.

Старик с трудом схватил руку Джуры и, прижав к своему лицу, заплакал.

Налетела метель. Снежинки таяли на улыбающихся лицах, и казалось, что люди плачут от радости.

За кишлаком караван остановился на отдых. В заброшенном строении собрались повеселевшие друзья.

Сидя у теплого костра, Кучак и смеялся и плакал.

— Болит? — спросил Джура.

— Ноги заморозил, — ответил Кучак, — и душу заморозил. Сейчас легче. С души будто ледяной обвал сорвался: в ушах звенит, и вижу вас будто сквозь снежную пыль... Может быть, я сплю?

Джура попробовал снять ичиги с ног Кучака, но не смог и распорол их ножом. Чжао смазал распухшие ноги Кучака барсучьим жиром из своей походной аптечки, собранной им в пути.

— Ну, а замерзшую душу твою будем лечить едой, — весело сказал Джура. — Ведь ты всегда говорил, что душа человеческая помещается в его животе.

— Я голоден и съем за десятерых, — сказал Кучак, — но я уже совсем не тот, что был. Не от долгой

жизни зреет ум, а от долгих страданий. Я в этом убедился. Пережитого мною горя и страданий хватило бы на поклажу для тысячи верблюдов. Раньше я населял мир призраками и боялся их. Я и сейчас их боюсь, но гораздо больше я боюсь остаться здесь, в стране, где растоптана правда бедных и где вершит все дела правда богатых. Я попробовал было заикнуться о справедливости — и впал в немилость, попал в беду. Меня преследовали, как раненого козла. Я был один. Я взял себе в спутники терпение и смирение, и они привели меня на базар и оставили умирать в одиночестве от голода, и вы воскресили меня... Да что говорить!..

Кучак заплакал, потом засмеялся сквозь слезы.

Он был безмерно счастлив. Он готов был снести любое наказание от Джуры за свой побег. Как ни была бы жестока эта кара, все же она после всего пережитого не могла бы затмить радость встречи, предвещавшей спасение.

Так и сказал об этом Кучак. Джура задумался.

Кучак не узнавал в суровом, похудевшем, почерневшем мужчине с резкими морщинами на лбу и запавшими глазами прежнего хвастливого юношу, каким он знал Джуру.

— Я тоже ошибался, — сказал Джура. — Что ж, будем вместе стараться делать все с умом. А умный, как говорят, не споткнется дважды об один и тот же камень.

— Конечно, — сказал Кучак. Он готов был соглашаться с любым словом Джуры.

— Чудеса! Даже улитка заговорила! — сказал Саид и, чтобы доказать Кучаку свое расположение, в ожидании, пока закипит вода, наточил нож и наголо обрил ему голову, после чего тщательно подстриг усы и бородку.

Костер пылал. Вода в казане и в чимганах закипела. Друзья съели по пиале мучной болтушки и запили чаем с черствой ячменной лепешкой. Кучак предложил сварить плов.

Они собрали свои медяки, и вскоре Саид принес большой кусок жирной баранины, бараньего жира, мешочек рису и бутылку водки из джугары.

— Откуда столько? — спросил Джура.

Саид усмехнулся и сказал:

— Ради друга я готов на все!

Он и в самом деле готов был на любые жертвы, лишь бы Кучак не говорил о днях, проведенных с ним. Джура нахмурился, но промолчал.

Пока варился плов, Кучак рассказывал о своих странствиях, как он заболел, ослабел, питался дикими ягодами и кореньями и даже пробовал петь песни. Кучаку хотелось вернуться домой, а идти через горы Китайского Сарыкола, где жил Кипчакбай, он боялся.

Друзья перед пловом выпили по пиале водки и окончательно развеселились. Плов удался на славу.

Разговор был беспорядочный и несвязный. Многое нужно было рассказать, но, как часто бывает при радостной встрече, друзья не находили нужных слов.

За чаем Кучак убедился, что Джура не хочет вспоминать о его побеге, и окончательно разошелся:

— Самая дурная страна та, в которой ты не имеешь друга, и самый дурной заработок для человека тот, за который его ругают. А уж я голодал и работал голодным! Били меня, ругали меня, а заработанного не платили. Джура, я виноват перед тобой, но ты — истинный друг! Ты знаешь, Тагай и Безносый живы!

— Они умрут! — твердо сказал Джура.

— Если бы я их встретил, я бы сам их зарезал, — ответил Кучак.

— Хо-хо! — сказал Чжао посмеиваясь.— И лягушка квакает, если на нее наступишь.

— Я не лягушка, а даванашти — переходящий перевалы, — гордо ответил Кучак и, сам того не замечая, начал играть пеплом, пропуская его между пальцами. — Ну, а ты как, Джура? — спросил он.

— Если бы не Чжао, не был бы я жив. А потом нас всех спас Тэке. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

В юрте было жарко. Огромный черный пес Тэке, лежавший у костра на кошме, услышав свое имя, внимательно посмотрел на Джуру и вильнул хвостом. Ему было жарче всех. Из раскрытой пасти капала слюна. Умным взглядом он обвел собравшихся и еще раз виль-

нул хвостом. Джура, Кучак, Саид и Чжао смотрели на него с любовью.

— Тэке! — тихо позвал Джура.

Тэке важно поднялся и вразвалку подошел к хозяину. Он положил ему голову на колени и, внимательно глядя в глаза, замер.

Джура что-то тихо говорил, и Тэке, казалось, понимал его.

— Ну, а ты чего опять хнычешь? — спросил Кучака Чжао. — Знаешь, что говорит эта надпись? — И он показал на стену юрты.

Кучак отрицательно покачал головой:

— Я не умею читать. Я только пою песни и рассказываю сказки.

— Вот здесь и написано: «Пей и рассказывай веселые истории», «Все должны быть с друзьями веселыми, а с врагами злыми, и друзья должны держаться вместе».

— Конечно! — убежденно сказал Кучак, смахивая слезы.—Если народ ударит кулаком по горе, то превратит ее в пыль!..

ГДЕ БЫ НИ БРОДИЛ ТЫ, НЕБО ВСЮДУ БУДЕТ ДЛЯ ТЕБЯ ТЕМНОГО ЦВЕТА, И ТОЛЬКО НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ОТКРОЮТСЯ ДЛЯ ТЕБЯ ВНОВЬ ГОЛУБЫЕ ДАЛИ

I

Преемник Черного Имама Балбак, которого тоже называли Черным Имамом, уже не застал былой славы и величия своего предшественника. Миновали времена, когда Черный Имам одним своим словом мог поднять десятки и сотни тысяч киргизов, беспрекословно выполнявших его приказания. Имам Балбак ненавидел большевиков: они разрушили его власть; они делали грамотными темных людей; они отбирали золото у богатых.

Исмаилиты Кашгарии и Джунгарии считали имама Балбака святым человеком. Только пять лет прошло с тех пор, как он, по его собственным словам, «был на-

правлен сюда из Мекки перстом Магомета, указавшим ему путь во сне», а его слово стало законом для всех старейших мулл. Даже странствующие монахи — дервиши — считали его своим покровителем. Они постоянно бывали в его доме, чтобы передать о виденном и слышанном, заслужить слово одобрения и... поесть жирного бараньего плова, запив его кок-чаем. За этим занятием стихали все их личные распри. Старшины нищих, имевшие в своем подчинении множество бедняков в городах и селах Кашгарии, получали от него золото за услуги. Чайханщики были давно уже его платными и добровольными агентами. Немало денег попадало и в руки влиятельных людей.

Имама Балбака нелегко было застать дома. В нем были не свойственные его предшественнику живость и энергия. Он много разъезжал, часто бывал в Бомбее, а однажды проник в Фергану и Старую Бухару. Он был английским резидентом, в руках которого сосредоточивалось много иностранных связей.

Только несколько человек говорили с ним как с равным. Среди этих лиц был его секретарь, высокий худощавый мужчина, безукоризненно говоривший на многих языках. Во время отсутствия имама он, одетый в халат и зеленую чалму, принимал посетителей. Верующих смущали голубые глаза секретаря, хотя волосы его были черны, как грива вороного коня.

У Балбака было много людей, которые подчинялись ему и обслуживали его лично.

Балбак был очень богат. В Кашгарии ему принадлежало три имения. В одном из них, помещавшемся в центре города, принимались все посетители, во втором — немногие. Третье имение, расположенное на окраине, было открыто для близких, прибывавших, как правило, ночью.

II

В летнюю ночь к этому имению имама прискакала на лошадях группа людей. Человек, бывший впереди, приказал спутникам ждать его у глиняного забора и подъехал к воротам один.

Там он отыскал кнопку, расположенную на высоте человеческого роста, и трижды нажал ее пальцем.

— Кто здесь? — послышался тихий голос из-за двери.

— Искатель истины, — ответил прибывший.

— Мир искателям! — донеслось из-за двери.

— Никто не изменит судьбы, предначертанной аллахом.

— Люби свою веру... — начал голос за стеной.

— ...но не осуждай другие! — поспешно добавил прибывший.

Ворота распахнулись, пропуская гостя, и тотчас же захлопнулись.

Молчаливые слуги приняли лошадь.

— Это вы, господин Тагай? — спросил его кто-то, вышедший ему навстречу.

— Я! — ответил Тагай, сбрасывая чалму.

— Пойдемте, имам вас ждет.

Они прошли под деревьями.

Открылась дверь внутреннего дворца. Тагай очутился в просторной комнате, устланной коврами. Курбаши пришлось немного подождать, прежде чем его провели в кабинет имама.

Тагай знал эту комнату с большим письменным столом и книжными шкафами у стен.

Имам Балбак крепко пожал ему руку и жестом показал на диван. Гость почтительно сел на край.

Имам Балбак произнес:

— О военной экспедиции разговор будет позже. Многие уже собрались, но кое-кого еще нет. Теперь же объясните мне следующее: может ли человек, облеченный моим величайшим доверием, — вы понимаете, что это значит? — человек, который возглавит освобожденный от большевиков Туркестан, человек, который за свои заслуги в деле борьбы с большевиками утвержден худжентом — наместником Ага-хана на Памире...

— Я утвержден худжентом? — обрадовался Тагай.

— Я спрашиваю, как такой человек, являющийся, кроме того, и командующим нашими отрядами вторжения, мог, забыв дела, увлечься до такой степени, что привез к себе в дом девчонку с Советского Памира и, самое главное, не смог помешать ее побегу?

— Я не думал... — начал Тагай.

— Надо всегда думать! — яростным шепотом прервал его имам Балбак. — Она слишком много видела и узнала у вас в доме, в частности от вашей прислуги Курляуш... Я не знаю, что Зейнеб сказала советским пограничникам. Пограничные разъезды усилены. В Алайской долине снуют отряды киргизского кавалерийского дивизиона.

— Она ничего особенного не могла ни видеть, ни слышать.

— Глупая беспечность! Курляуш многое показала...

— Значит, исчезнувшая Курляуш...

— ...многое рассказала моим людям на допросе. Курляуш знает о готовящемся вторжении, об английском оружии и прочем...

— В связи с вторжением Ибрагим-бека на Советский Памир о наших сборах много говорят даже на базаре.

— Это ваши люди все выбалтывают! — сердито сказал имам Балбак. — Мы кое-кого задержали. Ваша беспечность с Чжао и... как его... с памирским большевиком непростительна. Вы ведь знали, что Зейнеб хотела их освободить?

Кипчакбай... — начал было Тагай.

— Он уже имел со мной беседу. Курляуш рассказала со слов своего племянника Саида, как наши враги ловко провели Кипчакбая.

— Я сам допытаюсь у нее! — закричал взбешенный Тагай.

— Она умерла, — сказал имам Балбак. — И если бы не мои люди, мы упустили бы Чжао и этого памирского большевика.

— Они пойманы?! — воскликнул Тагай.

— Они будут пойманы. Сейчас они как караванщики сопровождают один караван к советской границе.

— Нельзя медлить ни секунды! — сказал Тагай вставая. — Я сам готов ехать. Ведь этот Джура убил Артабека, и тайна фирмана Ага-хана в его руках...

— Фирман не попал в руки чекистов. Иначе наши агенты были бы схвачены, а большевики, расшифровав фирман, узнали бы тайну «С». Как вы могли, Тагай, вырвав фирман у Хамида, доверить его Артабеку!

— Мы думали, так будет лучше: передать фирман

Ага-хана через преданного исмаилита, способного умереть, но не выдать... Он и умер. Когда я остался один и спасался бегством по известным только мне тропинкам...

— ...и еще одному ферганскому купцу, — насмешливо сказал Балбак, — который погиб три года назад при весьма загадочных обстоятельствах...

— Это не я...

— Хорошо, хорошо, я все это уже не раз слышал... Надо было сжечь фирман! — Имам Балбак прошелся по комнате. — Тоже герой! — сказал он громко. — Спасся один из двухсот, не выполнив самых важных дел!

— А Файзула Максум? — вскочив с дивана, закричал Тагай, сразу утратив всю свою сдержанность. — Файзула Максум потерял всех джигитов, еле-еле унес ноги в числе двенадцати. Он не только не выполнил задачи, не занял Памира, но и не попал в Бухару, а ведь ему же помогали! И кто!

— Вам помогают те же! — сердито сказал имам Балбак.

— Нет! — закричал Тагай. — Ведь Файзуле помогал сам Шоу, человек, который смог поднять восстание многих арабских племен. Но даже Шоу ничего не сделал там, в Советском Таджикистане и Киргизии.

— Ни слова о Лоуренсе! —прошипел имам Балбак.— Вы забываетесь!

Они замолчали.

— Значит, вы не верите в успех нашей интервенции в этом году? — помолчав, спросил имам Балбак.

— Я этого не говорил, — тихо ответил Тагай, опускаясь на тахту, — но методы ведения войны...

— О них после.

Имам нажал кнопку.

Вошел секретарь. На вопросительный взгляд имама он ответил:

— Все в сборе. Господин Кзицкий только что прибыл и приходит в себя в соседней комнате.

Имам Балбак удивленно поднял брови, пошел к двери, на ходу сказав:

— Проведи господина Тагая к собравшимся.

Тагай облегченно вздохнул и быстро встал. Вся его готовность следовать за секретарем свидетельствовала,

что он с величайшей охотой оставляет эту комнату, один вид которой напоминал ему о неприятном разговоре.

У дверей имам Балбак задержался.

— Есть много желающих быть наместниками и правителями, — сказал он, — но я за вас, Тагай, если вы избавитесь от мелких страстишек.

Имам Балбак увидел Кзицкого лежащим на диване. Возле него стоял врач и мокрым бинтом вытирал кровь с его лица.

— Ранен? — подходя, быстро спросил Балбак.

— В меня стреляли. Я же говорил вам, господин имам, что в стране делается черт знает что!

— Одну минутку! — прервал его имам и обратился к врачу: — Серьезное ранение?

— Нет, не очень. Разбит нос, — с легкой усмешкой ответил врач.

— Начали стрелять. Я соскочил. Упал... — Кзицкий встал с дивана и сжался под насмешливым взглядом Балбака.

Имам Балбак отпустил врача.

— Я же просил отправить меня в Индию, — сказал Кзицкий. — В России стало невозможно работать. И здесь нас ненавидят, говорят, что все зло от англичан и тех, кто им служит. Они стреляют в нас, европейских офицеров, помогающих басмачам. Это не жизнь. Я больше не могу так, не могу, понимаете? Не мо-гу, не мо-гу!

— Прекратите истерику! — крикнул имам Балбак. — Из-за вашей оплошности всех бывших белогвардейцев, работавших ранее на границе, большевики выслали в глубь страны. Несколько наших агентов арестовано. А выстрелы в нас? Мы приняли меры. Выловлено много агитаторов. Мы помогаем уничтожать подпольные народно-революционные организации страны. Близость Советской страны возбуждает умы, и крестьяне хотят получить земли помещиков... Это соседство влияет и на положение в Индии. Оно и там нам вредит. Я пошлю вас, Кзицкий, но не в Индию, а на Памир. И вы, Кзицкий, после захвата Советской Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении будете военным министром

Среднеазиатского халифата. Но это будет зависеть от вашей энергии. Вы будете моими глазами и ушами. Я не слишком доверяю другим. Пойдемте.

В большой комнате на коврах сидело много людей. Шараф, получивший большое повышение, сидел рядом с Кипчакбаем. Тагай держался несколько в стороне.

Когда приветствия смолкли, имам Балбак сказал:

— Ибрагим-бек, после того как ему удалось прорваться со своими джигитами на Памир, встретил некоторые затруднения в своем продвижении... — Имам замолк, стараясь своим единственным глазом уловить впечатление, произведенное его словами на собравшихся. — Слухи относительно частичных поражений сильно преувеличены. Правда, сопротивление пограничных и внутренних войск на Советском Памире возросло, но...— Балбак поднял вверх указательный палец правой руки, — никогда еще не было такого удобного момента для нападения. Наши единомышленники, баи, за нас. Все отряды вторжения подготовлены. Ибрагим-бек отвлек на себя силы. Наше дело — ударить в тыл, но как? — Указательный палец Балбака поднялся еще выше. — Открытого боя не принимать!

Все удивленно смотрели на него.

— Наша задача — проникнуть в глубь страны и объединить баев на борьбу. Для каждой группы разработана особая тактическая задача. Каждый руководитель познакомится с инструкцией. Ваши джигиты — не просто джигиты, а командиры будущих отрядов. Все же нам необходима первая победа. На успех осады погранпостов рассчитывать не приходится. Надо захватить Заалайскую крепость, где находится добровольческий отряд. Это создаст впечатление силы. Сейчас начальник добротряда, недавно назначенный вместо Козубая, заболел. Его замещает наш человек, Линеза. Кроме крепости, надо захватить Горный кишлак в горах Алайского хребта. Эти победы подхватят наши люди. Это толкнет многих на присоединение к нам.

Чтение инструкций и ужин заняли много времени. Наконец имам Балбак отпустил собравшихся, еще раз напомнив им, что сейчас все поставлено на карту и настало наконец время выступать.

Тагаю, Кзицкому и Шарафу Балбак предложил остаться. Тагаю имам Балбак вручил фирман Ага-хана, призывавший всех исмаилитов подняться на врагов, которых им укажут пиры. Кзицкому он дал распоряжение захватить крепость. Шарафу дал приказание овладеть Горным кишлаком.

— Вы должны знать то, что я не мог сказать другим, — начал имам Балбак, обращаясь к оставшимся.— Положение очень серьезное. Если мы теперь же не поднимем всех исмаилитов, не организуем всех баев и недовольных, дело для нас может кончиться плохо. Мой предшественник Черный Имам в тысяча девятьсот шестнадцатом году, во время киргизского восстания, угрожал русским, в случае если они не выполнят всех его требований, спустить озеро Иссык-Куль в Чуйскую долину. Тысячи киргизов по его приказу уже начали рыть канал, но... правда, из этой угрозы ничего не вышло.

Без воды Средняя Азия превратится в такую же пустыню, какой стала некогда цветущая страна, теперь пустыня — Такла-Макан. Полив земель возможен при наличии плотин, распределительных шлюзов, заградительных щитов, каналов. Если бы воду удалось отвести, все живое погибло бы.

Пункт «С» — это Сарезское озеро в горах Памира, и в случае неудачи интервенции мы можем устроить потоп. Большевики слишком любят свой народ и под угрозой потопа должны пойти на многое.

В случае неудачи каждый из троих — Тагай, Кзицкий и Шараф — спешат к Сарезскому озеру. Там же встретите людей Абдуллы из Афганистана. Люди эти привезут пироксилиновые шашки: придут три каравана по пять лошадей. Надо засесть у озера, минировать завал, сдерживающий воды озера, и послать письмо красным с угрозой: если они не освободят Памир и не выпустят пленных, то будет взорван завал-перемычка. Воды озера ринутся с высот Памира на поля и кишлаки Средней Азии и смоют их с лица земли. Это страшная вещь, и красные побоятся.

Балбак помолчал.

— Только сейчас я узнал, — сказал он снова, — что в крепости все подготовлено. Шараф, расскажи все, что знаешь!

— Я тайком был у Линезы. Он говорит: надо действовать скорее, пока не вернулся начальник. Линезе не верят и должны его сменить. Он требует за крепость десять тысяч золотом, а за каждого джигита — по сто рублей. Он обещал испортить оба пулемета в крепости и услать на операцию побольше джигитов. В Маркан-Су, как и раньше на границе, конные разъезды. Только их теперь больше. Есть кавалеристы в Алайской долине и около Мургаба.

— Обязательно надо склонить на нашу сторону очень влиятельное лицо, — сказал имам, — старика Садыка. У Юсуфа тогда не получилось. Ты с ним говорил, Шараф?

— Он ни на что не соглашается. Я еле спасся от комсомольцев, — ответил Шараф, помрачнев. — Но я знаю друга его детства, нашего исмаилита. Я дал необходимые указания.

— Молодец, Шараф! Теперь — в Горный кишлак! Я надеюсь, господин Кзицкий, вы не испортите дела.

Тагаю Балбак дал распоряжение пробраться с людьми в Каратегин. Там его будет ждать мулла Сатой, который проведет его в урочище Бель, где он соединится с басмаческим отрядом Ибрагим-бека из Афганистана.

В дверь постучали. Вбежавший слуга на незнакомом присутствующим языке доложил о чем-то Балбаку. Балбак встал:

— Я сейчас приду. Священные обязанности требуют моего присутствия в другом месте. А пока заучите на память имена людей, с которыми каждому из вас придется встретиться, и новый пароль.

Имам успел сказать каждому в отдельности, что доверяет ему больше остальных, и просил, чтобы каждый доносил ему об остальных. Шарафу он приказал явиться за инструкциями на следующий день.

— Помните, — сказал имам, — где бы вы ни были, я буду наблюдать за вашими действиями, чтобы доложить о них нашему другу.

Совершенно неожиданно для всех имам приказал выступать через шесть дней. Это было на две недели раньше условленного срока.

III

Луна скрылась за горой, отделяющей Кашгарию от Советской Киргизии. Предрассветный мрак еще заполнял ущелье, в котором в поисках травы и колючек бродили отощавшие верблюды.

Из юрты, стоявшей на склоне невысокого холма, вблизи ручья, вышел пожилой дунган, караван-баши. Он громко зевнул, испуская довольное мычание, не спеша потянулся всем телом и вдруг быстро опустил руки. Тишину нарушил цокот копыт: приближались всадники.

Караван-баши поспешил им навстречу.

— Ну как? — спросил его один из всадников, остановив коня.

Человек молча указал на юрту. Всадники спешились и, оставив коноводов, двинулись к юрте. В одну минуту она была опрокинута. Раздались испуганные крики, заглушенный шум борьбы. Спавших мгновенно связали.

— Я думал, будет большая драка, — сказал один из нападавших. — Но почему их только двое? — Он осветил лица спичкой. — Это не те! — сдавленным от бешенства голосом сказал он. — Где же остальные? Где Джура, Чжао, Саид? Или они дали тебе, караван-баши, больше денег, чем мы?

— Они были здесь! — испуганно бормотал караван-баши. — Караванщики, упрямые лентяи! Вьючьте верблюдов, варите пищу! — закричал караван-баши.

Никто не отозвался. Глухо звякнули колокольцы, и верблюды повернули к нему свои большие головы на длинных шеях. Большой белый верблюд медленно подошел на голос. Его мягкие губы коснулись руки хозяина. Он шевелил губами, ожидая подачки.

— Есть хочешь? Потерпи, старик,— сказал караван-баши своему любимцу. — Сегодня вечером мы будем на границе, а завтра направимся в Ош. Три дня ты будешь объедаться на тучных пастбищах Алайской долины. Эй, караванщики, где же вы?

Опять никто не ответил.

Все наперебой стали звать караванщиков. Никто не отзывался. Хозяин, подозревая неладное, в испуге пересчитал верблюдов и проверил товары. Все было на месте. Розыски сбежавших не привели ни к чему.

...В это время друзья были далеко от ночевки. Они осторожно, прячась в камнях, пробирались к границе.

Впереди брел Саид, показывая путь, за ним шел Джура, потом Чжао, а позади всех плелся Кучак. Тэке то бежал впереди, то убегал в сторону. Они шли много часов. Везде у границы были красные конные разъезды, с которыми Саид почему-то не хотел встречаться. Но Саид знал «одно место».

В этой обычно безлюдной местности то и дело слышались голоса, цоканье копыт. Друзья не удивлялись. После того как Чжао, предупрежденный об опасности, поднял их в путь среди ночи, они уже знали о движении басмаческих отрядов к границе.

Было нечто странное в том, что басмачи двигались не маскируясь: это могло привлечь внимание советских пограничников.

Когда галька зашуршала у них под ногами, Саид дал знак, и Джура взял Тэке на ремень. Густые заросли колючего шиповника преградили им дорогу. Саид опустился на колени и полез по тропинке, проложенной зверями. Густые ветви над головой не пропускали света.

Зеленый тоннель вывел путников к узкому дикому ущелью, загроможденному валунами и обломками скал. Из-под камней доносился глухой шум потока.

Слева послышались далекие выстрелы. Саид сел на камень с озадаченным видом.

— Басмачи с пограничниками! — сказал он.

— Теперь нам не пройти: еще примут за басмачей, — произнес Чжао.

Немного погодя раздались выстрелы правее. Саид забеспокоился.

— Надо спешить, — сказал он. — Здесь есть еще один путь, только он очень труден. Пройдем ли?

— Пройдем, конечно, пройдем! — зашептал Кучак, испуганно оглядываясь назад. — А где мы?

— Это уже отроги Заалайского хребта, возле Маркан-Су. Наверх вылезем — граница.

— Чего же ты медлишь? — сердито спросил Джура. — Или хочешь, чтобы подоспевшие басмачи нас перестреляли?

— Мне кажется, внизу, в кустах, люди, — сказал Чжао.

Кучак без слов быстро полез вверх, за ним двинулись встревоженные друзья. Отвесные скалы преградили им путь, и сверху пахну́л морозный воздух.

Саид подошел и указал на спускавшуюся откуда-то сверху темную полосу в локоть шириной.

— Перегной, — сказал он. — Засовывайте в него руки по локти и лезьте наверх. Это и будут ступеньки. Вниз не смотрите.

Джура подошел к щели и недоверчиво ткнул ногой мягкую, рыхлую массу.

— Пусти меня, если боишься, — сказал Кучак дрожащим голосом.

Джура удивленно посмотрел на него.

Они полезли, погружая руки и ноги в земляную массу, оседавшую под их тяжестью. Джура тащил Тэке на плечах, привязав его веревкой.

Бывают такие минуты в жизни даже слабых людей, когда они проявляют исключительную силу. То же случилось теперь и с Кучаком. Им овладела такая ярость ко всему, что преграждало ему путь домой, что он не отставал ни на шаг.

Саида подгонял страх попасть в руки Кипчакбая.

Страшная черноземная щель осталась внизу.

— Поспешим! — требовал Джура. — Поспешим, пока не взошло солнце и утренний мороз сковывает снег.

Задыхаясь и падая, прошли они высокогорные тундры и по крепкому насту взошли на гору. Перед ними в лучах восходящего солнца сверкали вечные снега родных памирских вершин.

— Можно отдохнуть, — сказал Саид. — Дальше дорога спокойная.

— Нет, нет, идем дальше! — прошептал Кучак, испуганно оглядываясь назад.

IV

И они снова двинулись в путь.

Ручьи холодной прозрачной воды с журчанием мчались с горы, по которой шли путники.

На обнажившихся из-под снега лужайках цвели цве-

ты — желтые, красные, синие, лиловые. Цветов было так много, что под ними даже не видна была трава.

— Теперь я верю, что мы на Памире, — прошептал Джура и показал вперед.

Там, вдали, у небольшого водопада, неподвижно стоял большой киик, охраняя трех коз, пасшихся на лужайке. Вдруг среди привычных звуков падающей воды и шелеста ветра он услышал подозрительный шорох. Киики умчались.

— Эх, ружье бы! — сказал Джура.

— Потерпи час, — ответил Саид, — скоро мы придем к моему тайнику. Там я спрятал пятизарядку с тридцатью патронами, одноствольное охотничье ружье, карамультук и много всякой одежды. Потерпи! Из-за этого я и повел вас этим путем.

Но Джура не слушал его. Он жадно смотрел на родные памирские горы, смотрел и не мог наглядеться. И дышалось здесь легко, полной грудью!

Множество дорог открывалось теперь перед Джурой. Он волен выбирать любую и идти. Но куда бы он ни пошел, даже на север, где люди летают на железных птицах, — всюду с ним пойдет его стыд. Небо везде будет для него одного цвета — темное. Скажут: Джура испугался и бежал от басмачей, нарушил клятву и возвратился домой, не прикончив Тагая, Безносого и Кзицкого. Это был его долг, от этого зависела его честь и вся его жизнь. «Что же делать?» — думал Джура и не мог ничего придумать.

Через час они дошли до каменных осыпей, где предполагался тайник. Однако никакого тайника с оружием не оказалось. Саид злобно ругался и посылал проклятия на голову аллаха.

— А может быть, его и не было? — негромко сказал Кучак, глядя на свои опухшие ноги.

Джура пожал плечами.

— Был, — ответил Чжао. — Недаром Саид злится, как взбесившийся верблюд.

Отдохнув, они пошли дальше.

— Надо было сразу идти к пограничникам. Лучше было бы, — говорил Чжао.

Саид сердился.

Путники поднялись по крутому склону горы и, до-

стигнув места, где склон переходил в отвесную скалу, вздымавшуюся над рекой, разулись и засунули ичиги сзади за пояс.

Еле заметная тропинка то прижималась к отвесным скалам, то вилась над самым краем пропасти. Постепенно она сузилась до ширины ступни и наконец совсем исчезла.

— А дальше как? — спросил у Саида Кучак.

— Дальше будут углубления в стене для пальцев, и будешь двигаться левым боком вперед. Одну ногу перенесешь, другую на ее место поставишь. Потом... вон там, видишь?.. Большой каменный нос торчит из скалы. На него влезем и отдохнем. Дальше не больше двадцати шагов такого плохого пути, а потом уже хорошо... Будешь падать, Кучак, хватайся за воду. Посмотри вниз.

Кучак заглянул и недовольно поморщился. Глубоко внизу он увидел реку. Шум ее до них не доносился.

Джура уложил Тэке на плечи и привязал ремнем.

— Упадешь! — уверенно сказал Саид.

Джура не ответил.

Прижимаясь грудью к каменной стене, вставляя пальцы ног в выемки и цепляясь руками за шероховатости, они одолели этот страшный путь и влезли на каменный нос. От камней пахло солнцем. Джура, не отвязывая Тэке, лег на спину, положив голову на собаку.

Впереди из-за камней взлетели большие птицы. Издав свист, они унеслись в пропасть.

— Улары! Улары! — восторженно закричал Кучак, протягивая к ним руки. Вдруг он сел и заплакал.

— Ты чего? — спросил Джура и встал.

— До-мой при-шли, до-мой, — всхлипывая, сказал Кучак. Потом он вытер слезы рукавом халата и засмеялся, потом снова заплакал и снова засмеялся.

Друзья молча стояли вокруг него. Джура первый раз в жизни не рассердился на Кучака за слезы, которые считал недопустимой слабостью. Да и сам он был очень взволнован. Он всматривался в знакомые очертания родных гор, страстно желая увидеть хотя бы одного близкого ему человека советской земли. Смотрел и все более удивлялся, что не видит ни одного пограничника, ни одного джигита добротряда, даже ни одного охотника. Где же они?

Джура ужаснулся промелькнувшей догадке: неужели басмачам удалось захватить эти горы? Он испытал прилив такого горя, досады и беспокойства, что не мог больше стоять.

— Поспешим! — сказал он Кучаку. — Неужели мы опоздали? — спросил он Чжао.

Но тот только недоумевающе пожал плечами.

Джура вырвал камень из рук Кучака, которым тот в радостном исступлении начал колотить «свою глупую голову, чтобы была умнее», и приказал всем ускорить движение. Кучак еле поспевал, всхлипывая, не видя из-за слез пути. Будь это год назад, Джура просто вздул бы Кучака, потому что ненавидел слезы, но сейчас Джура, не говоря ни слова, взял его за руку и осторожно повел за собой, как водят слепых.

Мысль, что он, Джура, опоздал, не давала ему покоя и гнала все вперед и вперед.

Если действительно в этих горах басмачи, надо немедленно вмешаться! Где может быть Козубай, где Максимов? Он, Джура, готов слушать каждое их слово, повиноваться им во всем. Если они действуют в горах против басмачей, он немедленно присоединится к ним. В битве с басмачами он не будет кичиться своей отвагой. Теперь он понял, что первым быть не просто: надо много знать и много учиться. Жизнь у врагов сделала его взрослым и научила мудрости. Она научила его ценить свою свободу. Эту свободу он будет отстаивать ценою жизни.

V

Мысли Джуры внезапно прервал Тэке. Он рычал и лаял.

— Селям алейкум! — донесся голос.

Метрах в двадцати стоял старик. На камне рядом с ним лежал карамультук, направленный дулом в их сторону. Саид беспомощно оглянулся. Убежать — никакой возможности: старик перестреляет их поодиночке.

Чжао, присев на корточки, глазами искал, нет ли где щели или выступа в скале, чтобы спрятаться.

— Алейкум селям, — ответил Джура, в упор глядя на незнакомца.

Это был плотный старик с широким лбом, выдающимися скулами, густыми, свисающими вниз усами и белой бородой.

— Я охотник. Мир вам, путники! Кто вы и куда идете?

Чжао, не доверяя незнакомцу, назвал каждого вымышленным именем. Пока Чжао рассказывал выдуманную историю, старик утвердительно кивал головой. Кучак толкнул Джуру локтем и лукаво подмигнул: глупый старик — сразу поверил чепухе!

Охотник долго рассматривал всех четверых, а затем сказал:

— Придумано неплохо. Ну, а ты что скажешь, Джура?

У Кучака сразу закружилась голова. Испугавшись, что его заставят идти назад, он лег и закрыл глаза.

— А ты кто, и откуда ты, и почему ты расспрашиваешь нас? С каких это пор у мусульман такой обычай?

— Я не знал, Джура, что ты веришь в аллаха после того, как проклял его в верховьях Сауксая.

Джура пытливо посмотрел на старика, которому было все известно. Охотник не скрыл своего удивления, узнав, что путники перешли границу ночью, вместо того чтобы прийти днем прямо на заставу. Ведь Джуре нечего бояться: он и пограничники бьются за одно дело.

Тут Саид рассердился и, не дав старику говорить дальше, закричал, что пограничники могли бы принять их за басмачей и задержать до выяснения, а ждать они не могли.

— Тебя зовут Саид, по прозвищу Косой? — спросил старик.

Саид настороженно буркнул:

— Откуда знаешь меня? Я тебя не знаю.

Охотник неодобрительно поджал губы.

На Кучака, испуганного встречей, старик не обратил внимания и начал расспрашивать Чжао, что он за человек и почему очутился здесь. Выслушав Чжао, охотник сказал:

— Слышал о тебе!

— А ты кто? — спросил Саид.

— Зовите меня Идрис, — сказал старик.

— Не Идрис, а черт! — проворчал Саид.

Охотник вышел из-за камня, и все заметили, что он хромой. Джура старался припомнить всех хромых, которых он встречал в своей жизни, но этого он не помнил.

— Вы не удивляйтесь! Всю жизнь я прожил в этих горах и о многом слышал. И вот вчера я услышал от одного охотника, что ночью басмачи собираются перейти к нам по этой тропе контрабандистов. Что делать?

Он замолчал и испытующе взглянул на каждого.

— А нам какое дело! — зло ответил Саид.

— Надо послать за помощью, — пробормотал Чжао.

— Было бы оружие... — сказал Джура.

— Надо скорее уходить! — прошептал Кучак.

— Я послал моего сына предупредить пограничников. Ведь если вы прошли, то и басмачи могут пройти. Гор много, щелей много. Пограничный разъезд проедет, а басмачи проползут между камнями. Пока сын дойдет, они уже успеют пройти и спрятаться меж холмов Алайской долины, а оттуда пойдут грабить кишлаки и резать дехкан. Что делать?

— Не пускать! — ответил Джура. — Задержать!

— Но у них много оружия, — возразил охотник.

— Была бы у меня в руках винтовка — ни один бы не прошел! — Джура спохватился и недоверчиво спросил: — Я не знаю тебя, старик. Скажи, на Памире нет басмачей? Могу ли я тебе верить?

— Ты скоро поверишь. Идут Тагай и Кзицкий. Ты поклялся их убить?

— О моей клятве все знают — и друзья и враги.

— Хорошо. Я ведь сказал тебе, что ты проклял арваха и аллаха в верховьях Сауксая?

— Я много говорил об этом в крепости, когда был ранен и лежал без памяти. Потом могли рассказать.

— Хорошо. А если я тебе скажу, что у тебя есть Зейнеб и она жива и находится в кишлаке Мин-Архар, а туда может снова пробраться Тагай?

— Кто же ты? — спросил Джура.

— Кто бы я ни был, я враг басмачей. А ты, Джура, чье стремя ты держишь?

— Я друг Советской власти, — сразу ответил Джура, — и я помогу тебе против Тагая и Кзицкого. Давно я жду этого часа!

— Хорошие слова! — сказал старик. — Если бы я не узнал тебя, когда ты шел по тропинке, и не знай я твоей былой ненависти к басмачам, я бы не окликнул тебя. Ты меткий стрелок, и мне нужна твоя помощь, а я помогу тебе поймать Тагая и Безносого. У меня здесь есть беговой верблюд, он может пригодиться.

— Я друг Советской власти! — гордо повторил Джура.

Старик удовлетворенно кивнул головой и спросил:

— А это что за длиннорукий?

— Это Кучак, мой дядя. Он, как и я, из кишлака Мин-Архар, а с Чжао и Саидом мы вместе сидели в яме. Мы все боремся за одно дело.

— Конечно, — подтвердил Чжао.

— Не все ли равно, кого бить? Было бы чем, — добавил Саид.

— Идите же сюда, — позвал их охотник.

Прихрамывая, он сам вышел им навстречу. Вынув из-за пояса бутылочку, старик насыпал горсточку табаку под язык, затем передал бутылочку другим.

Охотник позвал: «Тэке!» Пес насторожился, подошел к старику, обнюхал его и радостно оскалился.

Тон голоса и то, что старик знает имя собаки, особенно поразили Джуру. Охотник позвал Тэке не тем голосом, каким только что разговаривал с ними, а другим, странно знакомым. А если Тэке ласков со стариком — значит, знает его. Тэке ошибиться не мог, как же он сам не может вспомнить, кто это такой? И правду ли он сказал о Зейнеб? Неужели его звездочка здесь?..

Саид мигнул и жестом показал Джуре, что надо охотника обезоружить и сбросить в сай.

Старик заметил этот жест и спокойно спросил:

— Что тебе толку в моей смерти, Косой?

— Очень ты мне нужен! Пошутить нельзя! — ответил Саид, заметив осуждающий взгляд Джуры.

— Ты ему доверяешь? — обратился охотник к Джуре, кивнув головой в сторону Саида. — Верный ли он человек?

— Он мой друг, мы с ним вместе в яме мучились.

— Ну и что же?

— Если ты, Идрис, хочешь быть моим другом, верь Саиду. Но кто же ты?

— Не надо, не верь! — обиженно закричал Саид. — Нашел кого спрашивать — Джуру! Он в три раза моложе меня.

— Хорошо, не сердись и не хвастайся. Против меня ты мальчишка! — И старик погладил седую бороду.

Кучак сидел в стороне на камне, с наслаждением посасывая насвой. Он внимательно прислушивался к разговору.

— Если ты советский охотник, — сказал Джура, — то укажи мне хоть одного пограничника, хоть одного джигита из добротряда Козубая, которому я мог бы доверить важную тайну...

— Скажи ее мне, — спокойно сказал Идрис.

— Но кто же ты, наконец? — сердито закричал Джура.

Старик насмешливо посмотрел на него и сказал:

— Вот мой пропуск, подписанный Козубаем, ты знаешь его руку. Смотри.

Расстелив на земле пояс, старик достал из курджума лепешки и холодное мясо. Когда он отвернулся, Саид быстро засунул руку в его курджум, но старик заметил его движение и оттолкнул Саида.

— Я за лепешкой, — объяснил Саид, сжимаясь под его пристальным взглядом.

— Я вижу, — сказал охотник.

— Ой, не верь ему! — шептал Саид Джуре. — В его курджуме я видел коробку с маузером. Разве бывают маузеры у охотников?

— Он с нами за одно дело, — ответил Джура. — Может, он и не охотник, может, из добротряда, но он с нами вместе против басмачей. Не все ли равно, кто он?

После долгого вынужденного безделья в яме и работы погонщиком в торговом караване истосковавшийся Джура мечтал о борьбе с басмачами. Предстоящей кровавой встречи с Тагаем Джура ждал так жадно и нетерпеливо, как путник в пустыне, умирающий от жажды, мечтает о воде.

Может быть, по обычаю отцов и дедов, принести жертву арваху, чтобы он послал победу над басмачами? Джура даже фыркнул от досады, что такие пустые мысли приходят ему в голову. Разве забыл он джаду — чародейство, оказавшееся просто миражем? Но каким

диким он был тогда, поверив в чародейство и подставив себя под пулю Безносого? И тут же он с радостью вспомнил свой меткий выстрел в голову басмача Чиря.

Многое он понял тогда в добротряде и со многими заблуждениями расстался.

Послышались выстрелы. Все посмотрели на юго-восток. Внизу, на склоне, Джура увидел бегущую по склону, по направлению к ним, группу басмачей.

— Басмачи бегут сюда, надо действовать! — сказал Джура. — Смотрите! Смотрите!.. Басмачи нарвались на засаду красных аскеров!

— Никогда не тревожься напрасно и будь достоин доверия, — спокойно сказал охотник, вынимая маузер из курджума. — Никуда не уходите. Ждите меня здесь. Я скоро вернусь.

С этими словами старик, вынув маузер из кобуры, поспешил вниз и скрылся в хаосе каменных обломков.

— Скорее, скорее, или мы пропали! — сказал Саид. — Мы в мышеловке. Может, он тоже басмач.

— Я тоже думаю, что он не тот, за кого себя выдает, — сказал Чжао

— Это наш человек, — ответил Джура. — Будь это басмач, он не оставил бы нам оружие. — Джура погладил ствол карамультука.

— Может быть, он не стрелял, боясь привлечь внимание, — сказал Кучак.

— Не будем очень рисковать. Пойдем, Джура! — шепнул Чжао. И когда они отошли в сторону, сказал:— Передай фирман Кучаку и отправь его с ним к Максимову.

Джура отозвал Кучака, достал фирман и отдал ему. Тот немедленно спрятал его в ичиг.

— Ни слова Саиду! — сказал Чжао Кучаку.

— Я не знаю дороги. И кому дать? — нерешительно сказал Кучак.

— Пограничников видел? Люди в военной одежде. Спрашивай Максимова, Козубая или другого начальника, — сказал Чжао, — им и отдашь.

— А если басмачи оденутся пограничниками? — спросил Кучак.



Басмачи нарвались на засаду красных аскеров.

— Вот что! — сказал Джура, возвращаясь с Кучаком к Саиду. — Отправляйся ты, Кучак, с Саидом вон на ту гору. Видишь? Наблюдайте с горы за Алайской долиной. С нее все видно. Ждите нас там. Если покажутся басмачи, спрячьтесь. Если нас до утра не будет, поезжайте к пограничникам, спрашивайте Максимова.

— Мы возьмем бегового верблюда, — сказал Саид и, заметив осуждение в глазах Джуры, добавил: —Если это верблюд басмаческий, тем лучше, а если друга, то он одобрит наш поступок.

Кучак и Саид скрылись в камнях. Выстрелы смолкли. Джура и Чжао долго молчали.

— Видишь, что делается! — раздался веселый голос Идриса. — Одни басмачи стреляют на границе, отвлекают силы на себя, а другие тем временем пробираются тайными тропами. Тут и глаз не хватит. Я уже давно послал за подмогой, а ее все нет и нет. Здесь поблизости был конный отряд джигитов добротряда... А где же те двое, ваши друзья?

— Они ушли, — виновато сказал Джура.

— Ты же обещал, Джура, меня ждать!.. Почему они бежали?

Джура молчал: он был очень смущен.

— Эге-ге! — вдруг донеслось снизу. — Идите сюда!

— Но кто же ты? — спросил Джура.

— Потом все узнаешь, а сейчас я Идрис.

Внизу их ждали джигиты добротряда.

— Да то Джура! — крикнул издали Муса. — Неужели Джура? — и приветственно взмахнул над головой винтовкой.

Воздух огласился криками «ура». Кричали бойцы, знавшие Джуру, кричали и те, кто о нем только слышал.

— А-а, Муса!

Соскочив с лошади, Муса обнял Джуру.

К Джуре подбежал подросток и радостно бросился ему на шею.

— Эй, Джура, здравствуй! Друг, ты жив? А говорили... Вот здорово! — И он хлопнул Джуру по плечу.

— Таг! — Джура улыбнулся и крепко сжал ему руки. — Ты еще здесь?

— Я с началь... — начал было Таг и вдруг осекся под пристальным взглядом Идриса. — Да, да, — растерянно закончил он, — я охотник, я помогаю отцу. — Он показал на старика.

— Ведь ты сирота! — удивился Джура.

— Таг, Таг, некогда разговаривать, иди за верблюдом! — крикнул Идрис. — Вон он там, — показал старик на склон.

— На нем уехали мои люди к пограничникам, — сказал Джура, не зная, куда деваться от смущения.

— Муса, Джура, идите сюда! — сердито сказал старик, отходя за камни.

Они некоторое время шептались в кустах.

— Козубай! — воскликнул Джура, хватая старика за плечи и крепко прижимая к своей груди.

— Я нарочно нацепил бороду и усы, — говорил Козубай, — чтобы меня заранее не узнали местные жители и не доложили о моем появлении Линезе. Он затевал большую провокацию, но теперь можно не спешить. Басмачи Тагая уже пойманы. Они уверяли, что шли сдаваться в крепость и там по этому случаю устроить той.

— Это не те басмачи! — удивленно сказал Муса. — Тех должен привести сдаваться Кзицкий.

— Ты не путаешь? А почему должен привести Кзицкий, а не Тагай?

— Ничего не путаю, — ответил Муса. — Тагая и Безносого мы поймали по пути сюда, и я с несколькими джигитами отправил их в крепость.

— Вот так путаница, да! — воскликнул Козубай. — Но ты твердо знаешь, что ждут басмачей Кзицкого?

— Да, — ответил Муса.

— Ну, а у тебя, Джура, что за тайна? Зачем ты взял моего верблюда? — внешне оставаясь спокойным, спросил Козубай.

Джура объяснил все и пересказал как мог содержание фирмана. Козубай тут же записал слова Джуры и приказал Мусе отправить кого-нибудь с запиской к пограничникам.

— Поезжай к Кучаку,—подумав, сказал Козубай.— Пусть он один едет к Максимову в Горный кишлак. Его вид не вызовет подозрений. Максимов теперь член

тройки по борьбе с басмачами. Нам же надо быстрее скакать в крепость. Приезжай туда с Саидом. Надо разобраться, что он за человек. Чжао я знаю со слов других. Спеши.

— Козубай, — обратился к нему Джура, — я сделаю все, что ты приказал, но отдай мне Тагая.

— Мы его судить будем, — сказал Козубай. — А пока спеши к Кучаку и возвращайся в крепость.

Джуре дали коня, винтовку и пропуск. Он посадил позади себя Чжао. По дороге их дважды останавливали пограничники, проверявшие документы.

VI

На вершине горы притаился Саид. Навалившись грудью на обломок скалы, так что над камнем торчала только голова, подпертая руками, Саид внимательно осматривал окрестности. Это было очень трудное дело. С горы огромная высокогорная долина представлялась совершенно плоской, но на самом деле она была изрыта оврагами и загромождена большими холмами. Эти холмы, мохнатые от высокой травы, издали казались крошечными бородавками. Холмы ступеньками восходили к подножию гор. Кое-где между ними поблескивали зеркальца чистой воды.

Даже большой караван было бы трудно заметить на тропинках между холмами. Саид, разделив всю равнину на отдельные куски, подолгу вглядывался в каждый из них: не блеснет ли на солнце ствол ружья, не взовьется ли пыль, выдавая присутствие всадника?

Резкий крик верблюда доносился снизу. Саид не понимал, почему кричит верблюд, и беспокоился. Крик мог привлечь внимание врагов. Саид шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы, что он обычно делал, когда злился. Верблюд продолжал кричать, и Саид пошел вниз.

Большой черный ворон сидел на спине верблюда и клевал ему горб. Перепуганный верблюд ревел от страха и боли.

А Кучак, развалившись у камня, с интересом наблюдал за вороном и рассуждал вслух:

— Хитрая птица ворон, хуже вора... прямо живодер! Верблюд глупый, и чего кричит?.. Возьми его сгони, а он кричит, головой мотает! А ворон взлетел. Опять сел... Так и есть! Проклевал шкуру, кровь течет... — И Кучак укоризненно качал головой.

В это мгновение просвистел камень, заставив ворона взлететь. Саид, ругаясь, сбежал по склону к Кучаку и погрозил кулаком:

— Что смотришь?

Кучак перепугался и не мог сразу ответить, а потом сказал:

— Я не погонщик, чтобы смотреть за верблюдом, я друг Джуры! — И тотчас же свалился от удара кулаком в грудь.

— Все говорят: «Джура, Джура»! — гневно закричал Саид. — Что такое Джура? Он щенок передо мной! Пойдем!

Присмиревший Кучак помог Саиду накрыть покрывалом кричащего верблюда.

— Это не простой, это горный верблюд, а ты его чуть не испортил!

Они влезли на вершину.

— Если ты друг Джуры, то и высматривай басмачей. Это твое дело. А я плюну на все и уйду. Разве это жизнь? Вместо того чтобы идти в Андижан и пожить спокойно, я опять мучаюсь. Собачья жизнь! Было бы за что! А разве басмачи не люди? — Говоря это, Саид стоял во весь рост, уже не стараясь быть незаметным.

— Смотри туда! — вдруг показал Кучак пальцем вправо.

Саид взглянул в указанном направлении и присел от неожиданности, потянув за собой Кучака. Осторожно высунув голову из-за камней, они наблюдали.

— Идут на запад, — сказал Саид.

— Много верблюдов, три лошади, один ишак и пять человек, — добавил Кучак.

— Не похоже на отряд. Только одно ружье охотничье... Верблюды груженые. Это караван из Кашгарии. Караван-баши всегда привозят для продажи ценные вещи контрабандой. Здесь до границы километров пятьдесят, и они контрабанду наверняка вынули из груза и везут при себе.

— Это не басмачи, — решил Кучак. — Едем к Джуре.

— Кто же бросает шелк и другое добро, не попользовавшись? — возмутился Саид. — Подождем ночи.

— Но Джура... — начал Кучак.

— Что мне твой Джура? К черту! — закричал Саид. — Они везут богатые товары. Мы захватим только контрабанду. Ее бы все равно, если бы нашли, отобрали на границе. Ты будешь ходить в шелковом халате.

— Ну? — Кучак посмотрел на свой дырявый халат: из прорех торчали куски ваты. — Не надо шелку! — сказал он, подумав. — Джура будет сердиться.

— Если ты не будешь слушать меня, — свирепым голосом сказал Саид, — зарежу тебя, как барана! — И он шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Хоп, я сделаю все, что скажешь, — испуганно ответил Кучак.

Саид и Кучак свели верблюда вниз и сели на него верхом. Уже ночью они достигли ночевки караванщиков и, не доезжая ста шагов, остановились. Саид приказал Кучаку завыть по-собачьи. Тот завыл, но никто не отозвался. Убедившись, что у караванщиков собак нет, Саид пополз к лошадям. Вскоре из темноты перед Кучаком появились две лошади. На одной сидел Саид.

— Набери в пояс побольше камней, садись на вторую лошадь и делай то же, что буду делать я.

Саид с громким криком помчался к лагерю. Кучак тоже завопил и поскакал за ним. Караванщики, сидевшие вокруг костра, спрятались в юрту. Они решили, что на них напала банда.

Тяжелый полог распахнулся, и из юрты вышел старый караванщик. Несколько камней, пущенных меткой рукой, заставили его вскрикнуть. Караванщик пошатнулся и схватился за голову.

— Не шевелись, всех перестреляю! — кричал Саид, кружась на коне вокруг юрты. — Бросай ружье и патроны!

Из юрты выбросили ружье и патроны.

— Выходи и ложись возле костра, глазами в траву! — закричал Саид.

Караванщики повиновались.

Соскочив с коня, Саид схватил ружье и подошел к

караванщикам. Он отобрал у них ножи и приказал Кучаку подбросить в костер полыни. Свет от костра осветил бледные, перепуганные лица пленников.

— Что везете? — спросил Саид.

— Хлопок, кожу Совсиньторгу, — ответил старый караванщик, садясь на корточки. — Мои только верблюды. Я нанялся перевезти груз.

— Не ври! — сказал Саид и ударил его нагайкой.

— Не ври! — в тон ему сказал стоявший рядом Кучак и тоже легонько ударил его нагайкой, хотя сам дрожал от страха.

По приказу Саида погонщики распороли несколько вьюков. В них действительно был хлопок и кожи. Саид пошел в юрту.

— Это мои вещи, я везу их продавать, — тихо сказал старый караванщик, когда Саид вынес из юрты курджум и оттуда вынул анашу и шелковые халаты.

— Контрабанда! — сердито закричал Саид и бросил халат Кучаку.

Тот напялил на себя халат с драконами и вспомнил, что у аксакала в Мин-Архаре был такой же. Он гордо запахнулся и закричал погонщикам:

— Берите себе остальные! Всё делите поровну!

— Стойте, стойте! — закричал Саид. — Кто позволил тебе распоряжаться моей добычей? Все мое! Этот халат я тебе дарю, я! Эй, вы! Вытрясайте пояса! — приказал он караванщикам.

— Мы бедняки! Зачем грабить? — ответил один.

— Ты это мне говоришь, черномазый? — спросил, раздувая ноздри, Саид.

— Тебе, — ответил рослый киргиз-погонщик.

— Вытрясай пояса! — закричал Саид и выстрелил в воздух.

Погонщики бросились врассыпную.

— Стой, стой! — кричал Саид, стреляя в темноту. После третьего выстрела он опомнился и сказал: — Далеко не убегут, некуда. Завтра утром все здесь будут... А что там в казане варится?

Кучак подошел, поймал в согнутую ладонь пар, быстро поднес к носу и расплылся в улыбке:

— Это шурпа с бараньим мясом! Иди скорее! — И, расстелив кусок шелка, Кучак снял казан и сел возле

него, вытащив из-за пояса большую ложку, с которой никогда не расставался. — Да иди же! — крикнул он Саиду, рывшемуся в вещах.

— Со мной не пропадешь, — сказал ему Саид, хлебая шурпу. — Я не Джура. Тот из-за девки голову потерял, а потом за Чжао стал повторять: «Народ, народ!» Зачем за басмачами гоняться? Всех не перережешь. Курбаши Тагай — большой человек, ему помогает имам Балбак, а Балбак — о-о-о! — очень большой человек. Джура еще мальчишка. Кто тебе дал шелковый халат с золотыми драконами?

— Ты, — ответил Кучак.

— Кто, кто?

— Ты, Саид!

— Повтори еще раз, я что-то плохо слышу.

— Ты, Саид!

— Ну, то-то. Помни!

Ночь была пасмурная и теплая. Луна изредка показывалась из-за туч.

— Надо найти караванщиков, а то еще, чего доброго, пограничников приведут.

— Конечно, приведут! — сказал Кучак.

— Ишак! — закричал Саид. — Садись на коня, поезжай, созови их. Потом поешь.

Кучак сел на коня, как был, в желтом шелковом халате, вышитом золотыми драконами, и поехал шагом.

— Скорее! — крикнул ему Саид.

Но Кучак даже не пошевелил нагайкой.

Тогда разозленный Саид догнал его на коне и сильно хлестнул нагайкой коня под Кучаком. Конь поскакал.

Кучак ехал голодный и поэтому злой.

Кучак не спал уже вторую ночь и так глубоко погрузился в горестные думы, что мало удивился, когда встретил Джуру и Чжао. С ними были все пять караванщиков.

Не успел он рот раскрыть, как Джура ударил его нагайкой и закричал:

— Снимай халат!

Кучак даже застонал от злости: Саид бьет, Джура бьет! Ишачья жизнь! И он молча протянул халат.

— Возьми! — сказал Джура одному из караванщиков, в котором Кучак узнал старшего.

Вскоре они были уже у юрты. Возле костра стоял Саид.

— Вот караванщики! — сказал ехидно Кучак, показывая на подошедших, и, не ожидая приглашения, соскочил с коня, уселся у казана, запустил в него руку и, поймав в шурпе кусок мяса, поднес ко рту.

— Брось мясо! — закричал Джура так страшно, что у Кучака кусок выпал из рук, и Тэке тотчас же его съел.

Кучак плюнул с досады и выругался. Но то, что произошло потом, заставило его замолчать.

Джура подъехал к Саиду и тихо спросил:

— Ты кто? Бандит, вор, убийца? Зачем ограбил караван? Зачем погонщика камнями чуть не убил?

— Ты мальчишка! Учить меня? — ответил Саид. — Сам знаю!

— Бросай оружие! — закричал ему Джура.

Саид, широко оскалив зубы, визгливо засмеялся и сжал в руках берданку.

Камча Джуры со свистом обвилась вокруг берданки. Быстрым рывком он вырвал ее из рук Саида. Конец камчи ударил Саида по лицу, оставив на щеке темную полоску.

Саид, не ожидавший этого, растерялся.

— Ты понимаешь, кого ты грабишь? Ты понимаешь? Что с тобой делать? Говори!

Глаза Саида еще больше скосило от злости.

— Кто ты, Джура? Я думал, когда шел с тобой, что мы будем жить как люди, а мы жили как собаки. Чего хочешь ты?

Джура молчал.

— Сколько ты платишь? Ничего! — продолжал Саид. — Не кормишь, не поишь. Вот мой халат — рваная тряпка! А теперь, когда я сам себя одел, ты кричишь: «Бандит, вор!» Я бедный, я совсем бедняк, а Тагай, твой враг, платит своим бойцам двадцать рублей золотом в месяц и еще дает грабить.

— «Золото, золото»! — сердито сказал Джура. — Когда басмачи меня жгли раскаленным железом, они тоже кричали: «Золото, золото!»

— Нет, Саид, не говори, что ты бедняк, — заговорил Чжао. — У тебя есть золото, на которое ты мог бы купить себе одежду.

— У меня? — изумленно спросил Саид. — Золото?

— Ага, золото? Я и не знал, — сказал Джура. — Дай этим беднякам за оскорбление по золотому. Им придется зашивать вьюки, распоротые по твоей вине.

— Пусть они пьют мою кровь, нет у меня золота!

— Саид, — сказал Чжао, — ты ссоришь нас с дехканами. Ты плохо делаешь, Саид.

— Ты говоришь пустое, Чжао! — закричал Саид. — «Дехкане», «родина»! Кому это надо? Не мне! Счастливый человек — это богатый человек. Понял?

— Саид, дай караванщикам по золотому, — тихо повторил Джура.

— А если я не дам, что ты сделаешь? — нагло спросил Саид.

Джура не ответил.

Костер ярко пылал. Саид встретился взглядом с темными глазами Джуры и вдруг торопливо начал разматывать пояс, запустил туда руку и вынул монеты.

— Нате, хватайте, богатейте! — И он сунул по монете каждому караванщику.

Погонщики благодарили Джуру и, хватаясь за стремена его седла, приглашали в свою юрту — отдохнуть, поесть и выпить чаю.

— Спасибо, — ответил Джура. — Спешить надо.

— Всегда так: мои деньги, а спасибо другому! — громко, с горечью в голосе произнес Саид.

— Возьмите на дорогу, — сказал старший караванщик Джуре, вынося две вареные бараньи ноги и бутылку коньяку.

— Возьми коньяк, — зашептал Саид.

Джура отказался.

— Садись, — сказал он Саиду, вынимая левую ногу из стремени, чтобы Саиду было удобнее сесть позади него.

Саид вставил ногу в стремя, несколько раз подпрыгнул и сказал старшему:

— Помоги сесть.

Тот с готовностью бросился его подсаживать.

Саид оперся о плечо караванщика и, вскочив на коня, незаметно для других вынул у старика караванщика из-за пазухи бутылку коньяку, а из руки взял вареное мя-

со. Потом поднес кулак к его носу и слегка повертел им, почти касаясь лица.

Караванщик молча поклонился, не решаясь ничего сказать.

Кучак поместился вместе с Чжао.

Тэке бегал вокруг, нюхая тюки. Когда всадники, напутствуемые благословениями караванщиков, тронулись в путь, он помчался вперед.

Переезжая заросли у ручья, Саид нагнулся и сорвал камышинку. Пальцем он вдавил пробку в бутылку и через камышинку начал сосать коньяк. К нему вернулась его обычная болтливость.

— Эй, Джура, — сказал он и тяжело вздохнул, — я думал, хорошо будет, а вышло плохо. Неграмотный я. Ты сказал: «Дай по золотому» — я дал. Для тебя не жалко. Хочешь, возьми все мое золото.

— Не сердись на меня, я погорячился, — ответил Джура.

— Ничего, Джура, бей меня, бей сильнее, выбивай дурь из моей головы. Я мстительный. Другому бы за это голову отрезал. Но твой удар слаще меда. Бей меня... Спать хочу, — сказал он, обхватывая Джуру, — устал. А где ночевать будем?

— Скоро остановимся. Кучак дальше один поедет, а мы все возвратимся обратно в крепость.

— Что мне делать в крепости? Я лучше поеду с Кучаком. Я спешу в Андижан.

— Я обещал Козубаю, что привезу тебя в крепость.

— Зачем?

— Козубай хочет с тобой ближе познакомиться.

— А если я не хочу?

— Я обещал. Тебе нечего беспокоиться. Если он тебя ближе узнает, то будет считать своим другом, как и я.

Саид заскрипел зубами от злости. На привале Джура, отделившись от Саида, приказал Кучаку ехать в Горный кишлак. Они долго шептались, чем вызвали недовольство Саида.

В ту же ночь Кучак уехал на север. Джура отдал ему своего коня.

VII

На следующее утро, не успели путники спуститься в ущелье возле Кизил-Арта, как Тэке заметил труп, над которым кружили орлы. Пес медленно подошел к щели в скале у самого дна ущелья и понюхал. Потом Тэке оглянулся на Джуру и, глухо заворчав, снова уставился на щель.

Труп в одном нижнем белье лежал лицом вниз в узкой щели под скалой. Седые волосы щетинились на затылке.

Прислонив винтовку к камню, Джура извлек мертвого из щели и перевернул на спину.

Как ни перекошено было лицо с закушенными губами, все же Джура сразу узнал своего друга — аксакала из кишлака, что возле крепости, аксакала, подарившего ему винтовку и белого жеребца. Это он когда-то сообщил Джуре о переходе банды Юсуфа. Сейчас аксакал лежал перед ним мертвый и холодный.

Если аксакал умер от заразной болезни, кому нужна его одежда? Не нужно было особой догадливости, чтобы понять, что аксакал отравлен и ограблен.

Джура быстро выпрямился и огляделся. Неожиданная находка заставила его подумать о басмачах. Джура заметил Тэке возле кучи камней, по-видимому недавно сложенных, так как наружная сторона камней не была покрыта лишайником.

— Ложись! — приказал Джура, и пес послушно лег.

Джура разворотил камни, увидел достурхан и развязал его. В нем были две пиалы, маленький бурдюк с кумысом, лепешки и мясо. Тэке сунулся к нему, но Джура сильно ударил пса ногой.

— Уйди, кэт! — гневно закричал он и поскорее забросал достурхан камнями, чтобы Тэке не съел отравленной пищи.

На песке, между большими валунами, виднелись следы другого человека. Они шли с восточной стороны. По ним пошел Джура и, пройдя шагов сто, увидел место стоянки двух лошадей. Судя по следам, человек пришел отсюда и больше не возвращался. По-видимому, его лошадь увел спутник. Этот человек не был аксакалом, потому что у аксакала правая нога была немного короче и следы его ног различны.

Джура возвратился к трупу и пошел по следам аксакала на юг. Рядом со следами аксакала туда же вели следы второго человека. Здесь, не пройдя и тридцати шагов, он увидел конский навоз и остатки сена.

По навозу Джура понял, что лошадь стояла здесь дней двенадцать назад и простояла почти сутки. Значит, аксакал кого-то ждал.

Следы жеребца были сдвоены, возле них виднелись на песке следы второго человека. Человек упирался пятками. Значит, жеребец рвался и не давал сесть. Джура пошел по следам. Вскоре он прочел по отпечаткам на земле, что человек наконец сел верхом и жеребец поскакал галопом.

Джура прошел шагов двести, поднялся на плато и увидел сломанную нагайку. На ручке, выточенной из белой кости, были вырезаны тонкие узоры, и местами она была украшена тончайшей медной проволокой.

Она сломалась возле конца, где укрепляется ремень. По-видимому, всадник ударил жеребца по голове, чтобы осадить, когда тот стал на дыбы, желая сбросить чужого всадника. Это мог быть только саврасый жеребец аксакала. Старик любил хороших и быстрых лошадей, он приручал их только к себе.

Джура осмотрел местность в бинокль, полученный от Козубая. Справа, напрямик по склону, спускались Чжао на коне и Саид на верблюде. Видно было, что они размахивают руками в горячем споре. Их споры не волновали Джуру. Он беспокоился о Кучаке: «Как он переправится через реку? И удастся ли ему достигнуть Горного кишлака, чтобы предупредить жителей о грозящей им опасности?»

Джура возвратился в ущелье. Он положил аксакала в щель, лицом на восток, и засыпал камнями и галькой. Позвав Тэке, до сих пор послушно лежавшего у кучи камней, Джура вскоре догнал Чжао и Саида. Они внимательно выслушали его, и Саид спросил:

— Халат у него был шитый золотом?

— Нет, — ответил Джура, — он носил черный сатиновый.

— Может быть, в халате были зашиты деньги? — спросил Чжао.

— Я все знаю! — закричал Саид. — Его убил тот

старый охотник, что повстречался нам недалеко от границы. На нем был тоже черный халат!

— Если аксакал — враг Тагая и выдал мне курбаши, может быть, ему кто-нибудь мстил из родни Юсуфа? — спросил Джура.

— Такие ручки у камчи, — сказал Чжао, вертя в руке нагайку, — делают в Индии из слоновой кости. Это дорогая камча. Надо быть очень сердитым, чтобы бросить такую ценную вещь. Ты узнал опасный секрет. Брось эту нагайку или спрячь, чтобы никто ее не видел. Виноватый тебя узнает по этой камче, а ты его не узнаешь. Зачем испытывать судьбу?

— Зачем прятать? — возразил Джура. — На эту камчу я поймаю ее хозяина, как Кучак ловил кииков в силки.

Напрямик через горы и ущелья, по охотничьим тропам Джура, Чжао и Саид приближались к крепости.

Джура шел впереди. Ни один камень не сорвался из-под его ног. За ним ехали Чжао и Саид. На последнем привале Чжао показал Саиду жучка, который безуспешно пытался взобраться на верхушку стебля и, не достигнув ее, падал на землю, сдуваемый ветром.

— Много раз он лезет и столько же раз падает, не достигнув цели. Он настойчив — значит, он влезет на цветок. Кто настойчив и терпелив, тот рано или поздно, но обязательно добьется своего, — сказал Чжао.

— Он мог бы подгрызть стебель снизу, и цветок бы упал на землю, — возразил Саид.

— Да, но соки перестанут течь, а зачем жучку сухой цветок? Он хочет пить долго и много сладкого сока. Вчера ты чуть не подгрыз стебель снизу.

— Чжао! — возмутился Саид. — Ты обещал мне не напоминать. Раз сказал, и довольно!

— Одна капля, упав на камень, ничего не сделает, а тысячи разрушат его.

Дорóгой Саид передумал вчерашнее и пришел к заключению, что Джура поступил с ним как злейший враг. Друг не мог так поступить! Кому нужны эти караванщики и их халаты? Джура совсем потерял голову. А если он, Саид, будет с ним дальше иметь дело, то не сносить ему своей головы. И о чем он раньше думал? Правда, с Кипчакбаем у Саида большие счеты,

но не мусульманский ли обычай прощать врага, если он доказал подарками и делом свою преданность? Вчера враг — сегодня друг.

Саид огляделся, не следит ли кто за ним, не догадался ли по выражению лица о его мыслях.

Но Джура и Чжао быстро спускались с горы в узкую долину, где уже виднелась крепость.

VIII

На пути, в ложбине за отрогами горы, перед ними внезапно открылась одинокая юрта. С такими юртами и скотом горные киргизы обычно выезжают весной на джейлау.

От юрты к путникам ехал на саврасом жеребце человек, похожий на аксакала, а за ним на вороном жеребце следовал кто-то еще. Джура, увидев саврасого жеребца, сразу остановился.

Всадники, заметив людей, натянули поводья, но потом, по-видимому, решили продолжать свой путь мимо них.

Чжао быстро выхватил из-за пояса Джуры найденную нагайку и сунул ему за пазуху, проговорив:

— Осторожность никогда не мешает!

Если бы Джура собственными глазами не видел старика убитым, он мог бы поклясться, что перед ним сам Садык. На нем был надет сатиновый черный халат, на ногах — желтые мягкие сапоги и расшитые шерстяные чулки. Старик, как его помнил Джура, всегда так одевался. Реденькая рыжеватая бородка торчала из-под платка, которым был перевязан глаз.

— Эй, Садык! Как поживаешь? Глаз у тебя болит, что ли? Узнаёшь своего друга? Остановись! — крикнул Джура.

Он заметил, что конь старика поскакал быстрее. Каблуки всадника впились ему в бока. Джура отметил, что нагайки у наездника не было.

Джура выбежал вперед и с силой схватил жеребца за повод.

— С каких пор ты перестал узнавать старых друзей? Ты ли это? — сказал Джура, удерживая за повод жеребца, испугавшегося Тэке.

— А-а-а... — радостно промычал старик. — Это ты? Кандай сыз тынч-мы келдыз?[1]

— Тынч, тынч, — ответил Джура.

— Я болен, — прошептал старик, — голос совсем пропал, плохо вижу, зубы болят. Еду к знахарю, пусть лечит. Приеду — гостем будешь. — Он сделал нетерпеливое движение поводьями, давая понять, что спешит.

Джура, не выпуская повода из рук, сказал:

— Я сделал все по твоему поручению, аксакал, и хочу сейчас же получить этого саврасого жеребца. Ты, помнишь, сказал мне: «Если исполнишь, на дороге слезу и отдам жеребца». Ты знаешь, я исполнил. — И он показал на Чжао, как бы желая услышать подтверждение своих слов.

— Да, он исполнил, — подтвердил Чжао, хотя и не понял, о чем идет речь; по тону Джуры он смекнул, что надо подтвердить.

— Хоп, я отдам тебе жеребца, когда приеду от знахаря. Приходи вечером. Пусти, я спешу.

Джура крепко уцепился за повод, предупредив взглядом Чжао и Саида, чтобы они были наготове, и повел коня за собой.

Крепость, такая знакомая и близкая сердцу Джуры, была уже недалеко. На ее крыше все так же развевался красный флаг. Вокруг нее было заметно оживление.

— Ты непочтителен к старшим, — прошептал старик. — Отпусти повод, я тебе дам вороного коня, на котором едет мой спутник.

Конь рванулся из рук Джуры — видимо, старик опять ударил его каблуками.

Джура повис на поводе. Халат его распахнулся, и оттуда выглянула ручка из слоновой кости.

Заметив ее, старик вздрогнул и испытующе посмотрел на Джуру. Джура перехватил его взгляд.

Платок на лице старика ослаб и открыл правый глаз. Джура заметил, что этот глаз смотрит прямо, в то время как левый глаз обращен на Джуру.

Саид пристально глядел на другого всадника. Тот делал вид, что не обращает внимания на Саида, но потом улыбнулся ему, обнажив зубы. Саид сказал:

---

[1] — Хорошо ли доехали?

— Да побьет меня огонь, если я не узнал тебя, Пундит!

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Ну да, ты Пундит, — продолжал Саид, — и я встречал тебя у истоков Желтой реки, в Звездной степи. Не я ли продал тебе рыжую кобылу?

Тот, кого назвал Саид Пундитом, сразу перестал улыбаться и что-то быстро сказал своему спутнику на непонятном языке.

«Садык» соскочил на землю и бросил поводья, затем вскочил на коня позади своего спутника, и они галопом понеслись на север.

Все это произошло очень быстро.

— Стой! — закричал Джура, срывая с плеча винтовку. — Стой! Стрелять буду! — и выстрелил в воздух. — Возьми, возьми! — приказал Джура.

И Тэке послушно помчался за всадниками.

От крепости, где толпились люди, к друзьям направились трое верховых. Впереди ехал толстый женоподобный мужчина без бороды и усов.

— Басмачи? Сдаваться? — спросил он, подъезжая.

— Нет! — ответил Джура гордо.

— Зачем вы стреляли, подняли панику? Бросай оружие! Кто вы такие?

— Я Джура. Вон там поскакал неизвестный человек, может быть, враг!

Подъехавшие не тронулись с места.

— А ты кто? — спросил Джура.

— Бросай оружие, потом говори! — закричал толстый. — Я начальник добровольческого отряда. Зовут меня Линеза. Стоять смирно! Целься! — скомандовал он, и три дула уставились на них.

Джура знал со слов Козубая, что Линеза — экиёз, двуглазый, так говорят о двуличных людях, и к тому же предатель. Прежде Джура сам бы расправился с Линезой. А сейчас он полагался на мудрость Козубая и решил скрыть свои подозрения, чтобы не насторожить Линезу. Джура положил винтовку на землю.

— Что ты делаешь? — взволнованно закричал Саид.

— Я повинуюсь начальнику, — как можно спокойнее отвечал Джура и обратился к Линезе: — Смотри, вон скачет убийца вместе с приятелем. Я не желал са-

моуправства, хотел передать его в твои руки. Иначе я стрелял бы не в воздух.

— Второй — Пундит, я его видел в Звездной степи: он ходил с машинкой и срисовывал на бумагу дороги и горы, — вставил Саид, желавший отличиться.

— А тебя как зовут? — презрительно спросил толстяк.

— Меня зовут Саид.

— А, Саид, Косой, контрабандист! Слышал о тебе.

Саид посмотрел на Джуру.

— Мы советские люди, — ответил Джура. — Зачем нас обижаешь? Стрелять надо не в нас.

— Ты молод еще меня учить... Взять у них ножи! Тебя я не знаю. Твой друг — известный контрабандист. Мы его и китайца посадим в нашу тюрьму.

— Не хочу в тюрьму, лучше стреляй! — закричал Саид, разрывая халат на руди. — Эй, Джура, что же ты смотришь?

— Зачем, начальник, кричишь, зачем сердишься? — спокойно сказал Чжао. — Ты дело разбери, а потом решай.

— Молчать! — оборвал его Линеза.

— Потерпи немного, — обратился Джура к Саиду, — сила не на нашей стороне.

Один из спутников Линезы шепотом сказал ему, что перед ними тот самый Джура, который осенью убил Юсуфа и Артабека. Линеза, подумав, обратился к остальным спутникам:

— А вы тоже знаете Джуру?

Они ответили, что о Джуре ничего не слышали.

— Если то, что сказал о тебе боец, правильно, — задумчиво проговорил Линеза, — и старые бойцы это подтвердят, я отдам тебе оружие. Сейчас у нас той. Мы празднуем сдачу тридцати одного басмача, которых привел Кзицкий. Басмачи еще раньше сдали нам оружие, и мы, в знак мира и доверия, не ходим с оружием. Только мой конвой с винтовками. Пусть другие басмачи видят, что здесь нет ловушки. Поэтому и вам сейчас не надо оружия. Приходите на той возле кишлака.

— А мясо на тое зубами рвать? Отдай хоть ножи, — сказал Джура.

Линеза отдал распоряжение вернуть ножи.

— А убийца Садыка пусть гуляет? — спросил Джура.

— Ты расскажешь после. Тут тридцать один басмач в плен сдались, а ты: «убийца, убийца»! Саида, если поручишься за него, оставлю на свободе.

— Ручаюсь за него головой, — ответил Джура. — А я прошу тебя: отдай мне Тагая! Я знаю, он у тебя под арестом. Он мой враг, я должен убить его сам.

— Что ты, Джура, порядков не знаешь? — удивленно вскинул брови Линеза. — Мы посмотрим, как быть с Тагаем. Может быть, обменяем на кого-нибудь из наших, кто у них в плену.

Линеза уехал.

— Хитрый ты! — И Саид хлопнул Джуру по плечу.

— Я поручился за тебя, — сказал Джура.

— Слово — это дым. Ты хочешь, чтобы меня судили? — спросил Саид.

— Даже если и будет суд, твои славные дела перетянут. Чего тебе бояться?

— Хоп, хоп, — ответил, криво усмехаясь, Саид и шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

С востока показалась группа всадников во главе с Мусой. Джура подождал их у ворот крепости и, когда подъехал Козубай, сердито обратился к нему:

— Ты обещал, что Тагая будем судить, а Линеза говорит «обменяем»! Как так «обменяем»? Значит, опять он будет на свободе?

— Все будет по закону, и никто не вправе его нарушить, даже ты, Джура! Пусть кто-нибудь вызовет Линезу. — С этими словами Козубай направился в кибитку начальника.

— Куда ты? — крикнул сторожевой.

Но Муса махнул ему рукой, и тот, недоуменно пожав плечами, отошел.

— Идите в кибитку лекаря, там сейчас никого нет, и вы сможете отдохнуть, — сказал Муса, обращаясь к усталым путникам.

IX

Проводив Чжао и Саида, Джура остался во дворе. Ему все здесь было знакомо: и высокие стены, и примыкающие к ним строения. Он обошел двор, поздоровался

с джигитами и не спеша направился к двери арестантской. Она находилась между кибиткой начальника и конюшней.

Джура решил, что все сговорились против него и хотят, по-видимому, спасти Тагаю жизнь. А если будут живы Тагай и Безносый, реки дехканской крови потекут с гор. «Не бывать тому!» — мысленно твердил Джура, подходя к арестантской.

Он молча стоял возле двери и выжидал случая, чтобы проскользнуть туда. Выбрав удобный момент, он открыл дверь и очутился в кибитке. Тагай и Безносый сидели на кошме. Увидав Джуру, они в ужасе вскочили.

Пронзительный крик заставил всех повернуть голову к арестантской. Линеза, в это время слезавший с лошади, замер, застряв ногой в стремени.

Из дверей арестантской с криком: «Джура! Джура!» — выскочил Тагай. В нем нельзя было узнать смелого и владеющего собой курбаши. С раскрытым ртом и выпученными глазами, трусливо оглядываясь, он побежал к воротам.

Бойцы бросились к нему навстречу. Следом за ним бежал Джура с окровавленным ножом в руках. Тагай сбил с ног бойца, преграждавшего ему путь.

Дверь кибитки начальника распахнулась, и наперерез Тагаю вышел Козубай. На нем все еще был костюм охотника. Борода, как и прежде, делала его неузнаваемым.

— Не стрелять! — крикнул он.

Обезумевший от страха Тагай не обратил на него внимания и упал, споткнувшись о подставленную ему кем-то из бойцов ногу. К лежавшему на земле Тагаю подбежал Джура.

— Не уйдешь! — кричал он, стараясь схватить Тагая за волосы. — Посчитаемся за все!

Козубай удержал руку Джуры, в которой был нож. Подбежавшие бойцы с большим трудом оторвали Джуру от Тагая.

— В арестантскую его, в арестантскую! Я его расстреляю за своеволие! — кричал Линеза. — К стенке его, я сейчас же застрелю его!

— Ты опять своевольничаешь, Джура? — сердито сказал Козубай. — Я же сказал тебе!

На шум, который поднялся во дворе крепости, вышел из лекарни Чжао и, став в тени, внимательно наблюдал за происходившим. Линеза, вынувший было револьвер, сунул его обратно в кобуру. Упирающегося Джуру увели бойцы.

— Вставай! — Козубай толкнул лежавшего Тагая носком сапога.

— Кто ты, старик, чтобы вмешиваться в дела отряда? Как ты смеешь? — раздраженно спросил Линеза.

Старик сорвал бороду и усы.

— Козубай! — воскликнул удивленный Линеза. — Козубай... — повторил он упавшим голосом.

— Козубай, здесь Козубай! — разнеслось по крепости.

Тагай, услышав знакомое ненавистное имя, быстро вскочил и, захлебываясь словами, выкрикнул:

— Откуда ты здесь? Ведь ты в городе, ты не должен быть на Памире!

Козубай, усмехнувшись, приказал:

— Запереть Тагая в арестантскую!

Вскоре Муса доложил Козубаю, стоявшему во дворе:

— Тагая заперли в первую арестантскую, Джуру — во вторую. Джура кричит, чтобы его выпустили. Что делать с трупом? Безносого Джура успел ударить ножом. Закопать надо. Выпусти Джуру, начальник, выпусти, не обижай. В другой раз он принесет в сто раз больше пользы.

С пустыря, расположенного за северной стеной крепости, доносились крики. Вдруг раздался выстрел, за ним — другой, третий... Линеза молчал.

— Что за шум? — спросил Козубай Линезу.

— Там по поводу сдачи в плен басмачей устроен той, — сказал подошедший Чжао.

— А ты опять откуда взялся? — спросил Линеза и, обращаясь к Мусе, добавил: — Запереть вместе с Джурой!

— Не надо, — сказал Козубай.

— А я говорю — запереть! — настаивал Линеза. От его растерянности не осталось и следа. — Вы что, ручаетесь за него?

— Ручаюсь, — насмешливо ответил Козубай.

— А я бы не поверил этому проходимцу. Кто он, откуда?

— Линеза, неизвестно, кому можно здесь верить! — гневно сказал Козубай. — Сейчас же вызови оставшихся в крепости бойцов. Возьми два пулемета и окружи пирующих басмачей.

— Здесь я начальник! — вызывающе ответил Линеза, вскакивая на коня. — Новые бойцы тебя не знают. Снять караул! — закричал он.

И бойцы, сторожившие басмачей, отошли в сторону.

— Назад! — крикнул Муса.

Крики и беспорядочные выстрелы усилились. Линеза, ударив коня нагайкой, скрылся за воротами.

— Назад! — закричал ему Козубай и выстрелил Линезе вдогонку.

— Чар-яр! — доносился крик басмачей.

— К бойницам! — скомандовал Козубай.

— Чар-яр!.. Чар-яр!..

В бойницы было видно всю степь. По степи бежали безоружные бойцы. Позади них с гиканьем и криками «Чар-яр» скакали верховые. Они рассчитывали, что оставшиеся в крепости джигиты не откроют огонь по своим. Но спасавшиеся от басмачей бойцы внезапно, как по команде, бросились на землю. Это дало возможность сделать залп по басмачам.

Тем временем пленные басмачи, приведенные Козубаем, воспользовавшись суматохой, бросились через стену наутек. Три басмача упали мертвые по эту сторону крепости.

Муса, побежавший за пулеметами в кибитку начальника, возвратился с пустыми руками.

— Товарищ начальник, — сказал он Козубаю, — пулеметы без замков. Измена!

— Бомбы! — приказал Козубай, и Муса снова скрылся в кибитке. — Всем вооружиться и защищать крепость!

Чжао, получив винтовку, занял бойницу рядом с Козубаем.

— Товарищ начальник, — сказал Муса, тяжело дыша и утирая пот, — бомбы на складе все без капсюлей. Но у нас есть трофейный пулемет. — Муса показал на ручной пулемет, отобранный у басмачей.

Козубай осмотрел его и мрачно заметил:

— Не годится. Басмачи его нарочно испортили, когда сдавались.

— Плохо! — согласился Муса.

Сумрак сгущался. Басмачи, рассыпавшись цепью, снова пошли в наступление.

Козубай кивнул Мусе:

— Видишь?

Муса не понял.

— Где ты видел, чтобы басмачи шли пешей цепью, да еще в таком порядке? Они ученые стали. Понятно?

— Понятно.

Из крепости открыли частый огонь по наступающим басмачам. Цепь залегла...

X

Из лекарни, не замеченный в пылу боя, вышел Саид и под покровом сгущающихся сумерек дошел до двери, за которой был заперт Тагай. Саид быстро отодвинул задвижку и открыл дверь. В кибитке было темно.

— Эй, Тагай, это я, Саид, — шепотом произнес он. — Я хочу помочь тебе!

Из-за двери с куском железа в руке вышел Тагай.

— Твое счастье, что окликнул, а то получил бы по голове. Ну? — Тагай сразу обнаглел, заметив, что Саид без оружия.

— Помни, Тагай: я, Саид, спасаю тебе жизнь. Не забудь.

— Конечно, ты понимаешь, что победим мы, и хочешь жить. Хорошо, живи, — ответил Тагай.

Они вышли, и Саид опять запер дверь на задвижку. Тагай прокрался возле стены и быстро втащил Саида в конюшню, где, как он знал, были вторые ворота крепости.

— Я тоже убегу с тобой. Собачья жизнь! — прошептал Саид.

Натыкаясь на лошадей, они ощупью отыскали ворота.

— Вот что, — сказал Тагай, осторожно снимая засов. — Привези мне голову Джуры — дам тебе десять тысяч золотом и дом в Сарыколе.

— Зачем же тебе платить, если победа близка? — насмешливо спросил Саид.

— Он может удрать. И это не твое дело. Голову достанешь ты — деньги даю я.

Тагай открыл дверь и увлек за собой Саида. Над стенами визжали пули. Перестрелка шла на противоположной стороне крепости, откуда вели наступление басмачи.

— Видишь, — сказал Тагай, показывая нож Саиду, — этот нож я снял со столба в конюшне. Я бы мог зарезать тебя, но дарю тебе жизнь. Живи. Следи, чтобы эти ворота не были закрыты. Помни: мне — голова Джуры, и десять тысяч — твои.

— Хоп, — ответил Саид.

— Держи это, — сказал ему Тагай, подавая бутылочку. — Здесь яд. Когда я уйду, ты отравишь водоем. А не сделаешь — напишу письмо Козубаю, что ты меня выпустил.

— Хоп, — отвечал Саид, взяв бутылочку и кусок железа из рук Тагая.

Басмачи отступили. Они потеряли много людей, прекратили стрельбу и ушли в кишлак, забрав с собой раненых. Джигитов, бежавших из кишлака с тоя, больше не было видно.

В суете Козубай забыл об арестованном Джуре. Но, вспомнив о нем, он немедленно распорядился его выпустить.

— Очень хорошо, очень хорошо! Теперь все будет хорошо, — сказал Козубай. — Пойди приведи Тагая. Допросим. Будем судить.

Джура выбрал себе винтовку и револьвер из груды оружия и помчался к кибитке, заряжая винтовку на бегу.

Отодвинув задвижку, Джура ударом ноги распахнул дверь и ворвался в кибитку. Никого! Джура заглянул за дверь, обшарил углы.

— Как же так, где же он? — громко шептал Джура и наконец понял, что пленник бежал.

Джура выскочил за дверь. Слева — стенка кибитки начальника, справа — конюшня. Сюда и вбежал Джура, прислушиваясь к шороху. Лошади фыркали и звенели уздечками. Кто-то мелькнул в просвете раскрытой двери.

— Выходи! — закричал Джура. — Выходи, все равно убью! — И он бросился в угол, где кто-то зашелестел сеном.

— Это я, Джура! — послышался приглушенный голос Саида, не успевшего уйти из конюшни.

Перепуганный появлением взбешенного Джуры, Саид ударил себя по лбу куском железа, который сунул ему в руки Тагай.

Теплая липкая кровь залила глаза. Выйдя из темноты навстречу Джуре, Саид с дрожью в голосе рассказал, как он погнался за убегавшим Тагаем, а тот ударил его железом и оглушил.

— Спасибо тебе, Саид, — взволнованно промолвил Джура, — ты верный друг! А где же Тагай?

— Удрал, ускакал на лошади. Я увидел его уже верхом у двери атханы.

Пули глухо били в стену и свистали над двором. Джура сначала обыскал атхану — не спрятался ли где басмач, освободивший Тагая, но никого не нашел. Потом он провел Саида в лекарню и, наскоро замотав ему лоб марлей, возвратился в атхану, снова обыскал все помещение и, обнаружив незапертую дверь, запер ее и завалил вход бревном.

В окошко бойницы он увидел басмачей, подкрадывавшихся к крепости. По-видимому, они рассчитывали на открытую дверь атханы.

Уже совсем стемнело, хорошо прицелиться было невозможно, и все же Джура, подняв винтовку, выстрелил по крайней фигуре. Раздался крик:

— Ой, убили! Ой, убили!

Кто-то кричал по-русски истошным голосом.

На время перестрелка прекратилась, и крик раненого был далеко слышен. Басмачи отступили.

— Кто тут? — спросил Джура, оборачиваясь на шорох.

— Это я, Саид. Не помочь ли тебе?

— Не надо, — помолчав, ответил Джура, — я один справлюсь.

В конюшню пришел Козубай. Джура рассказал ему о бегстве Тагая и об открытых воротах. Для Козубая это было так неожиданно, что он даже изменил себе и громко выругался.

— А я убил кого-то. По-русски кричал. Наверно, Кзицкий, — сказал Джура.

— Нет, — ответил Козубай. — Кзицкий где-нибудь

позади. У басмачей кого только нет: и русские белогвардейцы, и киргизы, и туркмены. Но есть у них один... это очень опасный человек. Если ты, Джура, когда-нибудь встретишь человека со стеклянным глазом в правой глазнице, задержи его обязательно.

— Он среднего роста, левый глаз карий, выпуклый?

— Откуда ты знаешь? — удивился Козубай.

Джура коротко рассказал обо всем.

— Он, — сказал Козубай, выслушав рассказ Джуры. — Конечно, он. Умей же хранить тайну! Это имам Балбак. Это он подымает баев на борьбу с Советской властью, это он командует басмачами. Он больше, чем имам. Он... — Козубай внезапно замолчал, а потом добавил: — Да это тебе и неинтересно. Главное, этот человек — очень опасный враг. Хотел, видно, проследить, как они проведут операцию, а ты спугнул его. Мы перехватили одно письмо к Садыку, в котором он назначал ему встречу.

— Знаешь, Козубай, я Тэке отправил преследовать того, со стеклянным глазом... Не знаю, что будет. Неужели пропадет? — Джура пошел в угол конюшни.

— Ты что там делаешь? — спросил Козубай.

— Хочу лошадям дать сена. А то во время боя обо всем забываешь. Эй, смотри, а в сене какое-то железо, ноготь чуть не сорвал.

Козубай подошел к Джуре. Вспыхнувшая спичка осветила замки от двух пулеметов. Пуля, пролетев сквозь бойницу, глухо стукнула о стену.

— На два пальца правее — и в моей голове была бы дырка! — И Козубай задул спичку, чтобы басмачи не стреляли на огонь через бойницу. — Ну, теперь дела басмачей плохи! — весело сказал Козубай. — Эти замки от двух станковых пулеметов — дело Линезы. Предатели рассчитывали на легкую победу и поэтому спрятали их недалеко. Жаль, пулеметчиков нет. Самому придется стрелять, а второго нет. Пулеметчики погибли или в кишлаке во время боя, или в плену.

— Чжао возьми. Он говорил, что был пулеметчиком.

— Хоп, — ответил Козубай, — попробуем. А тебе, Джура, наверно, придется идти за помощью: ты охотник, пройдешь по всякой тропинке, следы знаешь. Меткий стрелок, видишь хорошо... Мы отрезаны. Лишь бы воды

хватило, а то измором возьмут. А нельзя, чтобы крепость взяли. Хоть она и старинная, скорее одно название что крепость, но все равно нельзя. Никак нельзя! Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Джура.

Снаружи, из-за стены, донесся болезненный стон.

Козубай осторожно подбежал к окошку. Стон повторился.

— Кто там? — тихо спросил он.

— Это я... Биллял... партизан... Пусти.

Осмотрев из окошка окрестности и убедившись, что засады нет, Козубай и Джура открыли дверь и внесли раненого.

...В лекарской кибитке около раненого сидели бойцы. Говорил Козубай:

— Пусть каждый боец знает, как было совершено предательство. Еще неизвестно, кто из нас останется жив. Так пусть же слушают все, и тот, кто останется в живых, расскажет об этом красным командирам, большевикам. Рассказывай, Биллял!

Джура, поджав ноги, сидел у изголовья раненого.

Чжао поместился на корточках рядом.

Муса, наклонив голову набок, неподвижно смотрел на костер, где в казане кипел суп из баранины.

Саид стоял у стены. Глаза его выглядывали из узеньких щелей прищуренных век, и казалось, что он стоя спит.

Бойцы, положив винтовки на колени, сидели вокруг Билляла и внимательно слушали его рассказ.

— Линеза хитрил, как ворон, — начал Биллял. — Только очень уж он был несправедливый. Не любили его. Чуть что — кричит, ругается. Никакой власти над собой не признавал. «Я сам, говорит, Советская власть! Что скажу, то и делайте».

Начали мы, коммунисты, с ним ссориться: «Неправильно ты делаешь, товарищ начальник!» А он сердится, кричит, ругается. Запретил комсомольцам собираться. Тогда мы написали Козубаю, чтобы приехал и посмотрел, что делается.

«Когда много драконов, говорит, толку не будет. Я один здесь начальник. Кто не со мной, тот против меня». Много новых джигитов набрал, старые ушли.

Десять дней назад созвал всех и спрашивает:

«Слыхали вы, чтобы к Козубаю приходили целые отряды басмачей сдаваться?»

«А он, отвечаю, сам их находил и разбивал».

«Не то! — рассердился Линеза. — Было ли так, чтобы целая банда пришла с оружием и сдалась?» И сам отвечает: «Не было такого. А ко мне, говорит, целая банда идет сдаваться. Ее ведет Кзицкий, он раскаялся».

И начал считать, сколько оружия сдадут басмачи, сколько пулеметов, сколько винтовок да сколько револьверов, да каких. Мы обрадовались.

«Только, — говорит Линеза, — их надо встретить не как врагов, а как друзей. Раскаялись они, грабить не будут, под Советскую власть идут. Мы, говорит, устроим им той. И будем есть и пить вместе с ними».

Мы, старые джигиты, говорим: «Басмач — что волк: кто басмачу поверит, голову потеряет». А новые обрадовались. «Нам, говорят, слава будет, если басмачи сдадутся».

Много баранов зарезали для плова, со всех окрестных джейлау кумыс собирали. Почти весь свой запас риса на плов отдали. Лучших кашеваров позвали.

Пришли в кишлак басмачи. Оружие отдали. Линеза сам обыскал каждого басмача и говорит: «Всё оружие отдали, больше нет».

«Вот, а вы не верили! — обратился Линеза к старым джигитам. — Все оружие отдали, сколько я говорил».

Мусу Линеза послал на это время в горы с теми, которые тоже очень спорили. Теперь мне понятно, зачем он это сделал. Боялся, чтобы Муса джигитов не поднял против него. Остальных бойцов послал на той. Не ждал вас. Басмачи нам своих коней подарили. Из рук в руки уздечки передали. «Мы, говорят, киргизы и вы киргизы. Не будем ссориться». Потом улак[1] устроили. Достурханы постелили на траве. Лепешки белые, конфеты, печенье — всего мы наложили. Коньяку, водки не пожалели.

Сели, начали есть. Тут около горы кто-то выстрелил.

---

[1] Улак — козлодрание. Игра, заключающаяся в том, чтобы поднять с земли тушу барана, с которой снята шкура, на седло и, не дав вырвать ее другим, довезти к назначенному месту.

Линеза испугался. Поскакал. Мы едим, а из крепости вести бегут. Говорят, Муса прибыл. Тагая, Безносого и еще восемь басмачей Муса привел. Потом слышим: Джура зарезал Безносого.

А тут разнеслась весть, что сам Козубай в крепости. Вот тут и началось! Крикнул Кзицкий: «Выпьем за храбрецов, умерших в бою!» Мы подняли пиалы с водкой, а Кзицкий кричит: «Чар-яр!» — «Чар-яр!» — закричали сразу все басмачи. По одну сторону мы сидим, по другую — они. Засунули басмачи руку за пазуху и вынули из-под халатов маузеры. Каждый из них стрелял в того бойца, который против него сидел. Многие и вскочить не успели.

Когда это случилось, я успел спрятаться. Потом из крепости на жеребце прискакал раненый Линеза. Он Кзицкому на руки упал. Линезу перевязали. А когда из крепости побежали по полю в кишлак пленные басмачи, я тоже побежал им навстречу, и со мною еще пять наших, что в живых остались. Я думал, что басмачи по своим стрелять не будут. Вижу, что из крепости из-за нас не могут стрелять по басмачам, крикнул: «Ложись!» Легли. А как басмачи пробежали, тут я из стороны в сторону прыгать начал. Другие тоже. Один я добежал... Рана — пустяк: руку прострелили, крови много потерял.

Да, потом басмачи опять «чар-яр» кричали и «Тагай!» кричали. Что, Тагай убежал?

Я еще слышал, как басмачи говорили: «Теперь кругом наша победа! Горный кишлак наш, крепость наша. Скоро весь Памир будет наш». Потом откуда-то из кибитки незнакомые баи вышли, начали что-то говорить.

— Ну, если Горный кишлак их такой же, как крепость, то дела их неважны, — заметил Козубай. — Они еще не знают, что у нас есть пулеметы. Но они узнают.

— В Горный кишлак я послал человека, — сказал Джура. — И когда я...

— Потом поговорим! — резко перебил его Козубай.

XI

Когда, поев баранины с лепешками, бойцы ушли, Козубай позвал Джуру к себе в кибитку и сказал ему:

— Джура, когда ты говоришь, думай, кому ты гово-

ришь. В крепости было предательство. Кто мог бы подумать, что Линеза предатель! Ты знаешь, кто эти новые джигиты? Нет, не знаешь. А может быть, Биллял тоже...

— Биллял? Никогда!

— Я говорю: может быть. А ты при всех сказал, что послал человека, и чуть не сказал, что сам идешь. Это секрет. Косой знает, что ты послал человека?

— Знает, — ответил Джура.

— Плохо, — сказал Козубай. — Я ему не верю.

— Он мой друг! — гордо ответил Джура. — Он, может, и был раньше контрабандистом, но меня, своего друга, и наше дело он никогда не предаст: мы в тюрьме сидели вместе, я его знаю.

Козубай пожал плечами:

— Ну, слушай внимательно. Предатели рассчитывали на легкую победу и поэтому замки спрятали недалеко. А теперь, Джура, собирайся в путь. Возьми карабин, револьвер, побольше патронов и четыре гранаты. Ты тихо проползешь мимо сторожевых басмачей. Не трогай их, это почти наверняка выдаст твое присутствие, и тебе будет трудно скрыться. Не иди к самой границе. Двигайся напрямик через Алайскую долину. Обратись к первому же отряду любых наших советских войск, будь то пограничники или другие, — тебе помогут. Требуй, чтобы тебя тотчас же везли к старшему командиру, и передай это письмо. Если басмачи тебя поймают, проглоти его. На словах передай вот что. Крепость осаждена басмачами. По-видимому, они рассчитывали быстро взять ее и назначили ее сборным пунктом для своих сторонников. С каждым часом сюда прибывают люди, по-видимому исмаилиты. Имам Балбак на Памире. Тагай тоже. Крепость сковывает их действия. Я буду держаться до последнего патрона, но патронов мало. Кончатся мука и мясо — будем есть лошадей. Их здесь штук тридцать. Вода есть, и это самое главное, и воду будем экономить. Начальники знают, что надо делать, но не забудь слов: «Крепость связывает значительные силы». Повтори!

Джура повторил и сказал:

— Я проберусь в стан басмачей и похищу Тагая!

— И думать об этом не смей!

— Но почему? Почему ты не пошлешь с бумагами кого-нибудь другого? Я должен убить Тагая! Не могу сейчас уйти: он здесь. Понимаешь! Я никуда не уйду. Стреляй меня, руби меня — не пойду! Я ему отомщу... Тагаю одна судьба — моя пуля!

— И этот детский вздор говоришь ты, Джура? Ты молод, но хотел быть среди самых воинственных. Неужели ты до сих пор не понял, что твоя судьба — одна с судьбой всего трудящегося народа? Партия большевиков руководит народом. Каждый советский человек обязан честно выполнять ее задания. Великие батыры большевиков меньше всего думают о себе, а все силы свои отдают на борьбу за счастье всех трудящихся. Будь же и ты батыром! Только ты один из джигитов знаешь здешние места. Ты сможешь проползти, как змея, там, где никто не пройдет. Ты меткий стрелок, но слишком горяч. Ты будешь полезнее, если пойдешь за друзьями. То, что ты передашь, — это не просто бумажка. Это может решить судьбу басмачей. Ты выполняешь очень важное дело. Неужели ты окажешься недостойным доверия и я ошибался в тебе?

Джура схватил руку Козубая и крепко ее сжал.

— Я вырос в дикой пустыне, где были горы и бездны, — сказал Джура. — Первые чужие люди, которых я увидел, были басмачи. Ты знаешь, я их ненавижу, и Тагая больше всех. Больше ты никогда не услышишь от меня необдуманных слов. Это были последние. Обещаю. Скажи мне: я стану комсомольцем?

— Ты будешь комсомольцем, Джура, только... В чем дело? — спросил Козубай у Тага, появившегося в дверях.

— Товарищ начальник, вода ядовитая!

— Как — ядовитая? — в изумлении воскликнул Козубай. — Почему ты так думаешь? Кто сказал?

— Чжао напоил из хауза трех лошадей — они подохли! — быстро, задыхаясь от волнения, сказал Таг и замер, ожидая приказа.

Козубай вскочил и поспешно вышел из кибитки. Джура устремился за ним.

Во дворе было шумно. Все встревожились и собрались возле мертвых лошадей. Что означает отсутствие воды в осажденной крепости, понимали все. Козубай осмотрел трупы лошадей, дал выпить воды из хауза об-

лезлому коту. Кот подох. Сомнений не было: вода была отравлена. Это сделал враг. Враг был в крепости, среди них.

Козубай приказал собрать и снести в свою кибитку всю неотравленную воду во фляжках. Джуре он сказал так:

— Мы могли бы прорваться через осаждающих, но нельзя сдать крепость басмачам. Будем держаться. Теперь ты понимаешь, Джура, как тебе надо спешить?

Поздно ночью Джура простился с друзьями, сказав, что пойдет на разведку.

— Куда же ты один? — удивился Саид. — Возьми меня.

Но как ни настаивал Саид, Джура отправился один, попросив Козубая позаботиться о Тэке, если тот прибежит.

Ночь была темная. Из кишлака, с басмаческой стоянки, долетали крики и ржание лошадей. Огонь больших костров багровым заревом отражался на низко мчавшихся тучах.

Джура бесшумно полз между камнями в направлении северного прохода в горах.

Вдруг он почувствовал близость человека. Сторожевой басмач испуганно смотрел из-за большого камня в темноту. Ему мерещились многочисленные всадники, и он ежеминутно вскидывал винтовку к плечу и вытягивал шею, повертывая голову то вправо, то влево.

Это движение головы разглядел Джура на фоне неба.

Джура поднял камешек и швырнул в противоположную от себя сторону. Часовой вздрогнул и повернулся к нему спиной, прислушиваясь к шуму. Удар по голове свалил его на землю.

Обыскав труп, Джура запрятал винтовку басмача под камни и пошел дальше. Теперь ему была нужна лошадь. Джура поднес ко рту кулак, и из его рта раздались звуки, настолько похожие на ржание коня, что лошадь басмача, привязанная неподалеку, немедленно ответила ржанием. Разыскав ее, Джура вскочил в седло. Вдруг лошадь шарахнулась в сторону, едва не выбив Джуру из седла. Черная тень метнулась к Джуре, и он узнал Тэке.

ЕСЛИ РОДИНЕ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ, ЗАБУДЬ ОБО ВСЕМ И ЗАЩИЩАЙ ЕЕ

I

Уже с весны 1931 года в чаще зеленых ущелий Алайского хребта появились белые палатки. На глухих тропинках засели в секретах бойцы, а в некоторых кишлаках расквартировались военные части.

Все они: отдельный отряд по борьбе с басмачами, занимавший Суфи-Курган, погранчасти, школа младших командиров, переведенная в укрепление Гульча на дороге Хорог — Ош, кавалеристы киргизского кавалерийского дивизиона, ведшие наблюдение за Алайской долиной, и добровольческие отряды — все они имели задание надежно прикрыть Киргизию и Узбекистан от прорыва басмаческих банд.

Весной 1931 года в горы Памира прорвалось около двух тысяч басмачей под командованием Ибрагим-бека. Басмачи не принимали прямого боя, и Максимов, член тройки по борьбе с басмачами, понимал, что Ибрагимбеку надо было любой ценой сохранить свой боевой состав.

Максимова беспокоило, что басмачи смогут просочиться малыми группами через Алайскую долину, и он с бойцом отправился в далекий Горный кишлак. Он решил усилить там самооборону и в случае надобности увеличить численность войск.

За несколько дней до его отъезда туда же выехал его воспитанник Рахим, бывший когда-то помощником чайханщика Абдуллы.

Поднявшись на перевал, Максимов с радостью увидел на юге белеющие снега и льды Заалайского хребта.

Когда-то, по неопытности, Максимов считал, что его окружает мертвое и скучное нагромождение камней. Позже, после длительного изучения края, настало время, когда все вокруг ожило и предстало в ином свете. Максимов полюбил Памир с его суровой красотой, которую открыл в нем неожиданно для себя. Он полюбил народ, с которым пришлось много и долго работать, полюбил и понял его песни и сказания. С каждой горой было связано много легенд, исторических событий и преданий.

Взять хотя бы Зеркало Правды, что лежит у дороги, недалеко от Уч-Кургана. Геолог сказал бы, что это скала, состоящая из розового кварца, но местные люди долго верили: гладкая, как бы отшлифованная сторона каменной глыбы и есть «зеркало правды», показывающее пострадавшему лицо обидчика.

Духовники говорили, что после революции Зеркало Правды обагрилось пролитой кровью и потеряло свои чудодейственные свойства, лишь молитвы и приношения оставшихся верными живому богу вернут ему былое волшебное свойство.

Но мало кто теперь верил сказкам исмаилитов. Никто не несет подарков к таинственному камню. Это только скала из розового кварца...

Максимов думал о том, что Ибрагим-беку незачем было стремиться в глубь страны: он не найдет там поддержки у населения. Ибрагим-бек, конечно, рассчитывает на раскулаченных баев, их родственников и приспешников, на темных, неграмотных крестьян, еще находящихся во власти религиозного фанатизма, будь то шииты, суниты или исмаилиты, на уголовников и контрреволюционеров.

— Стой! Кто едет? — неожиданно раздался из-за камня вопрос по-русски.

Через несколько секунд молчания вопрос был повторен по-киргизски.

— Свои, Максимов!

Узнав Максимова, из-за камня вышел боец с винтовкой. Он предупредил, что их взвод, которым командует Федоров, расположен в соседней лощине. Максимов знал Федорова, опытного кадрового командира.

— На южной горе, — говорил боец, — сегодня видели двух вооруженных неизвестных людей. Кроме того, неподалеку заметили караван, который поднимался из Алайской долины сюда, в горы.

Максимов опять двинулся вперед. Солнце зашло. Быстро темнело.

— Товарищ начальник, впереди огонь, — тихо сказал боец.

— Вижу. Костер караванщиков.

Еще издалека Максимов предупредил сидевших вокруг костра, чтобы они не боялись. Маленькая белая собачонка громко залаяла на незнакомцев.

Максимов не спеша подъехал, спешился, отдал лошадь бойцу, и, пошатываясь на затекших ногах, обратился к седобородому караван-баши:

— Как доехал, Ашубаев? Не узнаешь друзей?

Караван-баши радостно вскрикнул и долго тряс протянутую руку. Белая собачонка замолчала и спокойно улеглась возле костра.

Всю ночь Максимов просидел у костра, слушая новости караванщиков, прибывших из Кашгарии.

От них он узнал о нападении на караван в Алайской долине двух грабителей. Они рассказали ему, что неожиданно прибывший джигит Джура наказал воров и даже заставил их заплатить потерпевшим за пережитый страх.

Максимов сразу заинтересовался происшедшим. Сомнений быть не могло. По описаниям, это был тот самый Джура из Мин-Архара, которого басмачи Юсуфа увезли прошлой осенью с собой.

Разговор зашел о банде Ибрагим-бека. Ашубаев рассказал, что в Кашгарии говорят о басмачах Тагая, которые должны перейти границу для помощи Ибрагим-беку.

Вдруг собачка, до сих пор спавшая спокойно, вскочила и отчаянно залаяла на груду камней. Верблюды, подняв голову, смотрели на эти же камни.

— Верблюжий вор? — спросил Максимов.

Этого было достаточно, чтобы караванщики, чувствовавшие себя весьма храбро в присутствии Максимова, побежали к камням. После непродолжительной борьбы они приволокли к костру невысокого коренастого киргиза. Это был Кучак. У одного караванщика лоб был рассечен и кровь заливала глаза. Караван-баши держал камчу, вырванную из рук киргиза, и с удивлением рассматривал ее.

— Не трогайте меня! — громко кричал Кучак. — Если хоть один волос упадет с моей головы, виновника постигнет смерть от руки моего друга Максимова. Я спешу к нему, и горе вам, преграждающим мой путь! Я болен множеством ужасных болезней: оспой, проказой... — Он осекся, увидев знакомое лицо караван-баши. —

А-а-а-а... Это ты... — смущенно продолжал он. — Дай же мне идти дальше У меня важные вести. Мой друг Максимов наградит тебя.

— А кто он, этот твой друг? — перебил его Максимов с интересом.

— Максимов? — спросил путник. — О, это «Человек, который везде»! И он не любит длинных языков и пустого любопытства!

Путник пошатнулся, замолк и быстро опустился возле костра. Пыльный халат, порванные ичиги и выражение усталости на осунувшемся лице показывали, что он прошел длинный путь.

— А где твой конь? — спросил Максимов.

— На дороге остался, — устало ответил незнакомец. — Отдай мне своего коня. Максимов возвратит тебе два.

— Кто ты такой? — спросил Максимов.

— Я? Я... я киргиз... Какое тебе дело, кто я? Я друг Максимова

— Я Максимов! И совершенно не знаю тебя. Довольно болтать, сейчас же говори правду! Кто ты и откуда?

— Ты Максимов? — удивился путник. — Нет, нет, ты обманываешь бедного неграмотного киргиза.

— Это истинная правда, — сказал караван-баши, с любопытством прислушиваясь к разговору.

Путник с красными от бессонницы и слезящимися от ветра глазами долго всматривался в Максимова и наконец сказал плачущим голосом:

— Я Кучак, меня послал Джура. Но откуда я могу знать, что ты действительно Максимов? Мне Джура говорил: шрам... У тебя, правда, шрам под левым ухом. Ты Максимов!.. — Кучак сразу повеселел и ожил. — Я был в Горном кишлаке, искал тебя там... Горный кишлак сегодня днем заняли басмачи Тагая. Они и сейчас там.

— Ты что-то путаешь, Кучак, — спокойно сказал Максимов.

— Ах, начальник, верь мне! Басмачи один за другим пришли на базар, как дехкане, без оружия. А потом кишлак взяли. И оружие оказалось, и всё... Рахим сказал мне: «Иди к начальнику, спрашивай у киргизов о «Человеке, который везде». Расскажи ему».

Максимов не обнаружил чрезмерного волнения.

— Так! А что ты говорил о Джуре? Сегодня я о нем второй раз слышу.

— Джура послал меня в Горный кишлак и рассказал, что надо делать. Дело такое: старый охотник Идрис сказал Джуре, что границу перейдет Тагай с бандой. Меня и Саида Джура отправил на гору сторожить другой проход. Потом, уже ночью, приехал и говорит: «Поймали».

— Тагая?

— Тагая!

— Ты, может быть, ошибаешься, Кучак? Ты хорошо знаешь, что пойман именно Тагай?

— Раз говорю — значит, знаю, — ответил Кучак.

Сонный, как сова днем, он сидел покачиваясь и, закрыв глаза, еле слышно говорил. Максимову казалось, что он сейчас совсем заснет и упадет.

— Выпей вот это. — И Максимов налил ему водки в металлический стаканчик.

Кучак выпил, плюнул и закашлялся.

— Говори понятно, отвечай на вопросы, — сказал Максимов. — Зачем Джура послал тебя в Горный кишлак?

— Пусть уйдут подальше караванщики, — сказал Кучак. — Это большая тайна.

Он оглянулся — караванщики были далеко от них. Светало, и они собирались в путь.

— У меня есть для тебя очень важная тайна, — повторил Кучак.

— Говори, — тихо сказал Максимов

— Она у меня в ичиге.

— Тайна?

— Да! Одна бумага. О ней Джура сказал так: «Иди дни и ночи, прокладывай путь себе песней, ножом и обманом, но вручи ее Максимову».

— Давай, давай! — нетерпеливо сказал Максимов.

Кучак снял ичиг, вынул свернутую тряпку и достал грязный белый кусок шелка.

Максимов над огнем прочитал написанное на шелке.

Это был фирман Ага-хана. Он был написан арабским шрифтом. В нем было обращение к лицам, названным условными кличками, из которых Максимову были из-

вестны только три. В нем говорилось о необходимости восстанавливать население против Советской власти, доводя все мероприятия до абсурда: кишлаки для кочевников строить в безводных местах, при коллективизации отбирать кур, всячески озлоблять дехкан. Это была обширная, разработанная в мельчайших деталях программа вредительства, которая не могла быть осуществлена без агентуры внутри советского аппарата. Все это было Максимову уже известно.

II

Максимов нагрел шелк над огнем. Явственно выступили потемневшие буквы тайнописи. Обычный прием конспираторов в этих странах. Максимов прочел о том, что вторжение басмачей на Памир и далее будет предпринято в 1931 году.

В захваченных ранее фирманах этот срок указан не был. Попадись этот экземпляр фирмана раньше, эта дата подтвердила бы полученные сведения. Но сейчас в этом не было ничего нового. По-видимому, особую заботу и беспокойство отправителей о судьбе пропавшего фирмана вызывал последний абзац, которого в ранее захваченных фирманах не было. Максимов крепко задумался. «Пироксилин для взрыва перемычки «С» будет доставлен из Афганистана, но надо использовать и имеющийся запас. В случае неудачи Ибрагим-бека все плотины должны быть уничтожены». О какой перемычке «С» шла речь? Вахшстрой? Сейчас это было самое крупное ирригационное строительство. Или речь шла о других плотинах? Или, может быть, обозначение «С» условное, а имеется в виду целая система диверсий?

Вахшское строительство и крупные плотины охранялись, но усилить бдительность не мешает.

В чем же секрет «С»?

Одно ясно: басмачи, захватывая Горный кишлак, изменили свою тактику прямых вооруженных наскоков и действуют исподтишка, замаскированно. Это тоже предугадывал Максимов, направляясь в Горный кишлак для организации самообороны, и не успел. Басмачи опередили. Теперь они постараются раздуть свой успех как

величайшую и чуть ли не решающую победу. А что понимают неграмотные люди в военной стратегии и тактике? Надо сейчас же изучить новую тактику басмачей и предпринять контрудар. Но как его предпринять, имея только один-единственный взвод? Басмачи, видимо, успели организовать оборону. Конечно, можно вызвать войска, и тогда басмачам конец, но на это надо время, а нельзя терять ни секунды.

Максимов быстро встал. Он сильно волновался, но старался сдерживаться. Приказав бойцу оставить ручной пулемет, он послал его с письмом к Федорову, командиру находившегося невдалеке отдельного взвода.

— Расскажи мне о Горном кишлаке... Расскажи вообще мне все по порядку, — сказал он Кучаку, который еле сидел от усталости.

— Джура послал меня в Горный кишлак, — говорил Кучак устало, — передать фирман. Добрался я до кишлака — песни пел, сказки рассказывал. Тебя нет. На другой день был большой базар. Утром мы узнали, что на границе бой был, убили трех басмачей. Я тебя искал... Молодой киргиз Рахим, когда узнал, что я тебя спрашиваю, сказал так: «Говори мне всю правду, я глаз Тысячеглазого». Я думаю, молодой он. И если один его глаз смотрит на меня, может быть, другой моргает Кипчакбаю. Может быть, Рахим экиёз. Нельзя верить первому встречному. И я сказал Рахиму так: «Если ты глаз Максимова, скорее проводи меня к нему». А Рахим говорит: «Никуда не надо идти, Тысячеглазый через день будет здесь. Только молчи об этом и жди». Я молчал и ждал. Рахим накормил меня и коня. А потом был базар — много киргизов на базар приехали. Ружей за спиной ни у кого не было. Только одни ножи висят на поясах, а в руках камчи. А камчи не как у всех: на конце толсто и там в коже свинчатка зашита. Только это потом узнали. Пришли трое к сельсовету, к председателю. «Читай, говорят, бумагу». Тот сел за стол, бумагу положил, наклонился, читает, на них не смотрит. А басмачи его камчами по голове — раз-раз! Секретаря — раз-раз! Они упали. Их дорезали. Винтовку взяли, револьвер взяли. А другие басмачи милиционеру на базаре бумагу читать дали. И тоже, пока читал, камчами — раз-раз! Вот и убили. У милиционера револьвер забрали, винтовку за-

брали, саблю забрали, голову отрезали и на палку надели, а палку воткнули в крышу. Потом стали людей убивать, револьверы из-под халатов вынули, стрелять начали. Еще басмачи с гор пришли. Потом еще баи. Лица у них были закутаны платками. Никого из Горного кишлака не выпускали. Девушкам без паранджи глаза выкололи и в реку бросили.

— А сколько басмачей было?

— О-о! Я всех пересчитал, всюду ходил и все смотрел. Всех басмачей двадцать шесть... Пять человек пришли из Кашгарии. У басмачей двенадцать винтовок, остальные — охотничьи ружья и карамультуки. Один «тапсон»...

— Что, что?

— Один «тапсон», такая большая винтовка, много пуль. Она у Шарафа.

Максимов понял, что Кучак говорит о ручном пулемете Томпсона.

— Рахим басмачам сказал, что он сотник басмачей из Каратегина, и сразу начал во все вмешиваться. Шараф хотел убить еще нескольких, но Рахим не позволил, сказал, что они будут заложниками... Я говорил всем, что я манасчи. Рахим дал мне нагайку, путь показал и сказал, у кого по пути попросить лошадь. Он сказал: «Пусть Максимов торопится». Моя камча у него! — И Кучак указал на караван-баши.

Максимов взял камчу и долго, внимательно рассматривал ее. На прямой толстой деревянной ручке, обмотанной медной проволокой, была укреплена сплетенная из кожаных полосок толстая плеть, и заканчивалась она кожаным треугольником. Максимов взвесил его на ладони. В свинце, зашитом внутри, было не меньше фунта весу.

Пришел караван-баши, разостлал перед Кучаком платок, положил лепешки и вареное мясо. Кучак быстро съел все, попросил чаю. После этого он продолжал свой рассказ:

— Курбаши Шараф кричал, что крепость на Памире взята, что Линеза — ему друг, что Советская власть осталась только в долинах, но и там ее скоро кончат. Услышали это баи, кричали «чар-яр» и говорили: «Идем скорее воевать!» А Шараф сказал им: «Соберем сотню

людей и пойдем, а оружие, говорит, у меня для всех в горах спрятано. А кто против нас пойдет — отрежу голову. Скоро придут офицеры, они всех басмачей научат». И еще говорил, что басмачам помогает большая-большая страна за большой водой. Деньги дает, оружие дает...

— Какой Шараф? Тот, что раньше был в доброгряде? — спросил Максимов.

— Я слышал, что Шараф был в добротряде и убежал. Он выпустил какого-то важного... — сказал Кучак и затих.

Максимов заметил, что грудь Кучака спокойно поднималась. Он заснул сидя.

Шараф? Максимов помнил этого круглолицего человека с угодливой улыбкой. Что заставило его бежать к басмачам? Он не мог оставаться в отряде, выпустив Кзицкого. Но почему он это сделал? Максимов многое знал о Шарафе, о его ближайших родственниках. Поступок с Кзицким крайне удивил Максимова. Скорее всего, Шараф — исмаилит. Что им руководит? Желание быть пиром? Трудно понять, чем руководствовался Шараф. Но все станет на свои места, все будет известно.

Прошло часа два.

— Тысячеглазый! — донесся издалека крик караван-баши.

Максимов, оглянувшись, увидел двух бойцов. Это были разведчики из отдельного взвода Федорова.

Они доложили о том, что взвод Федорова и он сам движутся слева, а их комвзвода послал доложить о положении в Горном кишлаке. От них же Максимов узнал, что Горный кишлак действительно занят басмачами курбаши Шарафа.

Басмачи заняли все тропинки и срочно мобилизуют своих сторонников. Это плохо удается, но все же банда уже насчитывает около ста двадцати басмачей. Максимов подробно расспросил бойцов, а потом велел им отдыхать.

Весь этот район был Максимову знаком. К Горному кишлаку, расположенному высоко в горах, было несколько путей. Как доложили бойцы, легко проходимые дороги с севера и востока тщательно охранялись басмачами. Разведчики донесли, что на дорожке с запада, ко-

торая лепится по отвесному искусственному карнизу, басмачами была также устроена засада из четырех человек. На такой дорожке достаточно одного искусного стрелка, чтобы не прошел взвод. Взгляд Максимова упал на спящего Кучака. Но ведь прошел же Кучак целым и невредимым...

У Максимова созрел план. До прихода взвода можно было подождать и дать Кучаку немного поспать. Максимов припомнил все, что слышал от Юрия Ивашко, работавшего со своей геологоразведочной партией в районе Золотой реки, о кишлаке Мин-Архар и его обитателях.

Кучак спал, заснули разведчики. Спали караванщики. Только Максимов сидел у костра, подбрасывал ветки архи в огонь да поглядывал на ручные часы. Время шло. Собачонка заворчала, но это оказалось ложной тревогой.

III

Максимов взглянул на часы и принялся тормошить Кучака. Тот испуганно вскочил на ноги и уставился на Максимова, видимо спросонок не совсем понимая, что с ним.

— Садись, Кучак, — сказал Максимов. — Будем пить чай и есть, и ты расскажешь мне о том, где ты родился, где жил, что делал, с кем дружил, с кем ссорился и как очутился здесь. Одним словом, расскажи мне все о своей жизни.

— Совсем все? — спросил Кучак, помолчав.

— Все, — ответил Максимов.

— Совсем, совсем все? — опять переспросил Кучак.

— Да, всю свою жизнь, все, что ты перенес и передумал, и все, что думаешь делать.

Кучак несколько раз глубоко вздохнул, как бы собираясь с духом, и начал. Волнуясь, он запинался, подыскивая слова, забегал вперед, говорил неуверенно и несвязно. Но по мере его рассказа голос у него окреп, речь стала спокойнее. Когда он заговорил о своей жизни в горах, он упомянул об аксакале. Неожиданно для себя Кучак понял, что Искандер потерял в его глазах все свое величие.

— Знаешь, начальник, — сказал Кучак Максимову, — ведь мы очень хорошо жили бы, если бы не аксакал. Он у нас почти все забирал, работать на себя заставлял. Он мне прикажет — я все делаю и его боюсь. А в Кашгарии в сто, в тысячу раз хуже было...

Максимов усмехнулся и попросил его продолжать по порядку. Кучак рассказал, как он с золотом бежал от Джуры.

— Я хорошо знал цену золота из песни о богатстве. Вот слушай, я спою.

И Кучак запел:

— «Пусти меня гнаться за золотом. Я вижу: самый несчастный из людей — это бедняк. Для аксакала он ничто. Его жена издевается над ним, и самый ничтожный его толкает. Золото доставляет честь и славу, дружбу и согласие. Пустите же меня гнаться за золотом, и я обрету счастье и долголетие!»

Кучак кончил напевать и спросил:

— Правда это?

Максимов помолчал и вместо ответа спросил:

— А сам ты как думаешь?

Кучак так засмеялся, что Максимов сразу и не понял, смех это или рыдания.

— Брехня! — сказал Кучак. — У меня слов не хватит объяснить тебе, почему я песни пел, сказки и легенды любил...

И все же из его нескладного объяснения Максимов многое понял. Много песен, сказаний и легенд знал Кучак наизусть, и, как бы ни было ему плохо, он всегда восполнял убожество своей жизни воображением. Получалось так, что он наполовину жил в каком-то вымышленном, им самим придуманном сказочном мире, где счастье было в том, чтобы ничего не делать, быть сытым, побольше спать, а все бы делалось само собой. Он и на восток устремился только потому, что оттуда приезжали купцы и что там, по-видимому, была та сытая жизнь, которую так красочно воспевали старинные песни.

Кучак рассказал о встрече с баями и Саидом, о том, как он раздумал идти туда, где соседями ему будут такие скверные люди, как эти баи, и как он все же попал в Кашгарию.

Кучак рассказывал о своей жизни за границей.

Раньше он боялся побоев аксакала, боялся остаться без еды, но страх потерять золото был превыше всего. Он его мучил и днем и ночью. Из-за золота Кучака преследовали, мучили и хотели убить, а пропало золото — и исчез большой страх.

По мере своего рассказа Максимову Кучак сам увидел как на ладони всю прожитую им жизнь. И то, что такой важный начальник говорит с ним, Кучаком, которого в Кашгарии не считали за человека, говорит как с равным, наполняло Кучака гордостью.

Кучак разошелся. Он говорил и сам поражался мудрости своих слов. Бывает так: сбивают, сбивают сливки, а все еще нет масла, и вдруг какой-то один удар мешалкой — и сразу появляется масло; еще несколько ударов — и все сливки превращаются в масло.

Много лет жил Кучак. Он переживал отдельные неприятности, радовался отдельным удачам, но по-настоящему осмыслил свою жизнь только тогда, когда его спас Джура от смерти в войлочной норе. Но тогда он понял только пережитое. И он хотел только одного — вернуться на родину.

— Знаешь, мне теперь стыдно, — говорил Кучак. — Что такое золото? Камни. Я не знал, думал: золото — это все. Я в Кашгарии с золотом был, а человеком не был. А уж мучился, не ел, не спал... Если бы не Джура, совсем замерз бы нищим на базаре, мой труп съели бы собаки. Хорошо к себе вернуться!

— Ты вернулся, а здесь война, басмачи. Что же ты думаешь делать?

— А у нас в Мин-Архаре басмачей нет.

— А разве твоя родина — только твоя кибитка в Мин-Архаре? Разве может каждый человек в отдельности защищаться от многих басмачей? Не лучше ли объединиться и покончить с басмачами и с войной?

Об этом Кучак не думал раньше, а подумав сейчас, согласился, что это самое мудрое.

Максимов много говорил о необходимости бороться с врагами народа во имя будущей счастливой жизни.

— Значит, ты поможешь мне захватить басмачей в Горном кишлаке? — так закончил Максимов.

— А разве я могу помочь? — спросил Кучак. — Я ведь не умею стрелять из винтовки.

— Тебе не надо поражать врагов пулей. Ты будешь поражать их словом... Ты как прошел засаду? — спросил Максимов.

— Они видели меня в кишлаке, — ответил Кучак. — Я сказал, что иду в разведку.

— Знаешь, Кучак, тебе опять придется одному идти к басмачам, — сказал Максимов.

— Опять одному?! — горестно воскликнул Кучак.

— Опять, — подтвердил Максимов. — Ты храбрый и смелый человек, и ты поможешь нам победить басмачей. Я научу тебя, что делать, что говорить.

— Ты верно говоришь, — сказал польщенный Кучак, — я, конечно, очень храбрый человек.

— Кто тебя видел в лицо?

— Никто, — ответил Кучак. — Я перевязал лицо платком и сказал, что у меня зубы болят. Я видел, так делал один, который приехал к Шарафу. Курбаши его не узнал, а тот размотал белую чалму с лица, вынул ненастоящий глаз из правой глазницы, в чистой воде промыл и назад вставил. Тогда Шараф поклонился ему в ноги и говорит: «Приказывай». Я все видел через дырочку в кошме.

— Он не называл его имам Балбак? — спросил Максимов, впиваясь глазами в Кучака.

— Не слыхал, — ответил Кучак.

— Так... — подумав, сказал Максимов. — Ты вернешься в кишлак с запада. На тропинке тебя остановит засада. Скажешь, что ты идешь из разведки и встретил по пути только двух охотников, а красных аскеров и следа нет. Потом ты останешься с басмачами. Сколько их?

— Четыре.

— Совсем мало! И ты будешь петь им свои песни. Мне Джура говорил, что ты манасчи... Ты должен сделать все, чтобы отвлечь басмачей. С места, где они расположились, видна почти вся тропинка. Пой так, чтобы они туда не смотрели. А остальное буду делать я. Только помни: от тебя многое зависит.

Кучак был очень испуган. Ему не хотелось идти к басмачам. Но начальник сказал: «От тебя многое зави-

сит». Значит, он, Кучак, может принести большую пользу. Шутка ли, сам начальник доверяет ему большое дело! Больше всего Кучака поразило то, что начальник сказал о силе слов его, Кучака. Никто никогда ему не говорил ничего подобного. Вот уж не думал Кучак, что он так силен!

А ведь в Кашгарии он был жалким ничтожеством. Лучше, превозмогая страх, совершать большие, настоящие дела, необходимые для себя и для народа, и чувствовать себя человеком, чем уподобляться растению или пугливой птице.

Джура всегда был храбрым, а Кучака считал последним трусом. Ну что же, он, Кучак, докажет, на что он способен...

И как ни заманчиво горел костер под большим котлом с бараньим мясом, Кучак с достоинством поднялся и, обменявшись несколькими словами с Максимовым, пошел в горы.

IV

Донеслось цоканье подков о камни, и невдалеке показались конники.

Максимов пошел навстречу. Федоров, молодой стройный кавалерист, спешился, доложил о численности взвода и, выслушав распоряжение Максимова, приказал бойцам осмотреть подпруги, покормить лошадей, отдохнуть и поесть. Готовность — через час.

Максимов, Федоров и его заместитель сели у костра.

— В Горном кишлаке неопытные басмачи, — сказал Максимов. — Их не придется по одному выколачивать из-за камней, как было раньше. Будь это Джаныбек — против него лучше всего было бы двинуть кавалерию. Если бы это был Давлет-бай, против него лучше всего было бы использовать джигитов добротряда — наши альпийские войска, чтобы они, пробравшись по крутизнам, ударили с тыла... Этот пакет, — сказал Максимов, подавая Федорову пакет с фирманом, привезенным Кучаком, — весьма секретный, особой важности, надо сейчас же послать в город. Дать охрану.

Максимов посмотрел на часы:

— Через пять минут разбудите этих двоих, ваших разведчиков, дайте еще троих, и пусть они двигаются по охотничьей тропе от Кичик-Коя. Кто знает эту тропу?

— Я знаю! — отозвался помкомвзвода.

— Отлично. Я послал своего человека к дозорным басмачам, чтобы он отвлекал их внимание от этой тропинки. Басмачи сидят в углублении скалы Сыры-Кой, знаете?

— Знаю!

— Вот и отлично. Главное — снять дозорных басмачей, но так, чтобы они не успели поднять тревогу, и тогда остальное будет не так уж трудно. Местные жители нам помогут.

Через час Максимов приказал Федорову выступать.

Решимость, овладевшая Кучаком, очень скоро оставила его. Чем дальше он отходил от каравана, тем больше усиливался его страх перед басмачами. Страшные картины возможных пыток вставали в его воображении. Понурив голову, спотыкаясь, он ступил на тропинку, ведущую к басмаческой засаде.

Басмачи, сидевшие в засаде, сами были испуганы. Верховой, разыскивавший ушедшего из Горного кишлака манасчи Кучака, долго ругал их, узнав, что манасчи был здесь и ушел. Он бранился и грозил расправой за то, что они его пропустили, уверял, что Кучак обманщик и ушел из кишлака самовольно.

Сторожевые так встревожились, что бросили игру в кости — занятие, которому они до сих пор с увлечением предавались. Они прислушивались к каждому шороху. Их уже не успокаивали больше слова Шарафа о том, что на повороте горной тропы два человека, стреляя из-за камней, могут остановить тысячу...

Злорадство басмачей при появлении Кучака не имело предела. Сначала они его поколотили. Блестящие лезвия мелькали мимо расширенных зрачков Кучака. Он был перепуган до смерти.

Замирая и теряясь, он остался сидеть на том месте, где его посадили Послюнив палец, он начал тереть щеку, не отвечая на вопросы. Он был оглушен и растерян.

Сильный удар кулаком по голове опрокинул его на спину. От нервного потрясения Кучак впал в смешливое настроение. Только Джура, знавший его, мог бы догадаться, как страшно перепуган Кучак.

— Да разве это удар джигита? — спросил он, лежа на земле.

И вдруг басмачи услышали его смех.

— Таким ударом и муху не убьешь. Я упал потому, что перенесенные пытки ослабили мое тело. Меня жгли раскаленными в огне шомполами, меня резали ножами, меня душили белой ядовитой пылью, меня заставляли камень за камнем переносить целые горы, перетаскивать плоты в ледяной воде, а потом мучили жаждой и голодом.

От звука собственного голоса и от воспоминаний о перенесенных страданиях Кучак пришел в себя, а взглянув на изумленных басмачей, очевидно принявших его за сумасшедшего, он и совсем приободрился и решил бороться за свою жизнь.

— В поисках истины я изведал все, а тебе, — Кучак опять засмеялся, — и сотой доли этого не вынести. Сам Кипчакбай удостоил меня своей беседы, и даже Черный Имам интересовался моей особой. В трудные времена жильем мне служил утес. Я могу питаться костями и снегом. А ты что такое? Даже против этих джигитов, — он указал на других басмачей, — ты хоть и старший, но ты ничто... Не мог же я вам так сразу открыть, что меня послал на разведку сам Тагай — проверить по секрету от вашего курбаши Шарафа, на что вы годны. Что мне Шараф! Он исполнит любой мой приказ. Вы еще не знаете, кто я... Я...

Басмачи не знали, верить или не верить словам этого странного, то ли безумного, то ли действительно значительного человека. Но больше они его не били. Забыв о тропинке, еще недавно так волновавшей их, окружив Кучака, они ловили каждое его слово.

Чего только не наплел Кучак, чтобы привлечь все внимание басмачей на себя! Он ни на одно мгновение не забывал, что успех всего предприятия и его жизнь зависели сейчас только от него одного.

Кучак видел, что его слова отвлекают внимание басмачей от тропинки, и это еще больше воодушевляло его,

пробуждая в нем силы истинного артиста. Он и сам начал удивляться себе и теперь слушал себя как бы со стороны.

Проходили минуты, десятки минут — басмачи как завороженные смотрели в рот Кучаку. Он мельком взглянул на тропинку: а что же делается там? И тотчас все басмачи посмотрели туда же. Кучак мысленно обругал себя за неосторожность и больше не пытался делать это.

Он как раз успел рассказать половину «Сорока небылиц» и скороговоркой продолжал:

— ...хотел напиться, а вода замерзла. Ударил лбом в лед — не помогает. Снял голову, разбил лед, напился... Иду, испугался шума... На реке мальчишки с криком убегают. Ощупал себя — головы нет. Вернулся, нашел голову, а там в ушах гуси уже успели снести по сорока яиц. Спрятался я под бородой козла. Тогда...

Ворвались бойцы. Кучака трясла первая лихорадка, когда он с яростью, неожиданной для него самого, вцепился в старшего и визжал при этом так, будто его резали.

V

Максимов на минуту остановил свою взмыленную лошадь и подробно объяснил бойцам план дальнейших действий. Двинулись по тропинке на восток. В том месте, где тропинка, спускаясь к реке, расширялась и исчезала среди кустов и деревьев на берегу, Максимов спешился и пропустил бойцов вперед. Взвод разделился на две части.

Подождав, чтобы дать бойцам время занять позиции, Максимов вскочил на коня и поехал по тропинке через заросли. За ним на рыжей лошади трясся Кучак, поглядывая по сторонам. Он был горд собою, как никогда. У Горного кишлака Максимов приказал Кучаку следовать за ним на значительном расстоянии. Вправо и влево отходили ущелья.

Конь Максимова шел иноходью, кося глазом на шелестящие кусты. Чем дальше, тем дорога становилась шире. Максимов любовался раскидистыми вербами на берегу реки. Из-под скалы на тропинку выскочил дозор-

ный басмач с винтовкой. Максимов хлестнул коня нагайкой и поскакал к нему:

— Эй, ты! Веди меня к твоему курбаши!

Басмач колебался, но удар нагайки мигом отрезвил его. Пригнувшись, басмач ожидал выстрела в голову. Максимов снова огрел его нагайкой и приказал:

— Веди в стан, веди к курбаши. Большой разговор есть.

— Хоп, хоп! — согнувшись от удара, быстро согласился басмач.

— Вперед! — приказал Максимов.

Испуганный басмач подхватил брошенную было винтовку и быстро пошел вперед. За ним следовал Максимов, сжимая в руках нагайку. Маузер оставался в кобуре.

За поворотом открылись кибитки Горного кишлака. Басмач побежал к большой, в расписных кошмах юрте. Вокруг нее толпились вооруженные басмачи. Поднялся крик. Решили, что дозорный поймал врага.

— Веди к нам! — закричали басмачи. — Давай сюда!

Но дозорный растерянно развел руками. Максимов медленно подъехал к юрте курбаши.

— Хозяин! — весело закричал он по-киргизски, осадив коня. — Какого ты черта хозяин, если даже гостя не встречаешь? Хозяин!

Из юрты выбежал испуганный Шараф, забыв даже руки вытереть после еды. Да, верно, ему только что донесли: это сам Шайтан! Он видел его несколько раз, когда был в добротряде. У его юрты сидел на коне улыбающийся, бодрый Максимов.

Шараф, маленький и полный, с черными сверкающими глазками, чуть не присел от неожиданности. Будь это кто-нибудь другой, а не Максимов, тот свалился бы с лошади, сраженный пулей в голову, но это был Максимов. Шараф испугался: не было у Максимова ни одной неудачи. Раз Шайтан здесь — значит, дела его, Шарафа, действительно очень плохи. Ему только что донесли о поражении басмачей на границе. Даже сюда явился сам Тысячеглазый!

Толпа стояла затаив дыхание и с любопытством ждала, что будет. Многие видели Максимова впервые, но слышали о нем все. Седло, украшенное серебром, красная

бархатная попона с золотыми пятиконечными звездами, нагайка, уздечка и оружие у Максимова были богаче и лучше, чем у курбаши.

— А я приехал к тебе, Шараф, запросто, — сказал Максимов, — как к бывшему добротрядцу. Ты окружен. Думаю: «Чего зря людей бить? Он старый джигит, поймет, не будет рисковать людьми».

Маленькие глазки Шарафа беспокойно бегали. «Правду или неправду говорит Шайтан? А может быть, это просто хитрость? Он один, а нас много», — соображал Шараф и быстро отстегнул кобуру.

«Ага, — решили басмачи, — сейчас курбаши застрелит Шайтана!»

— Ты что берешь? — спросил насмешливо Максимов, показав камчой на руку Шарафа у кобуры.

— Браунинг! — зло ответил Шараф.

— А у меня маузер. — И он похлопал по деревянной кобуре. — И куда ты с браунингом на маузер? У тебя восемь пуль, а у меня двадцать пять. У тебя двадцать шесть настоящих басмачей и сто неучей, а у меня двести бойцов. У тебя половина людей без лошадей, а у меня на хороших конях. У тебя только двенадцать винтовок, а у меня двести винтовок и пулеметы, а патронов — без счета. Вы окружены. Кто сдаст оружие, тот будет жив!

Заметив, что оправившийся от неожиданности Шараф готовится действовать, Максимов быстро кинул ему в лицо поводья, повелительно крикнув:

— Держи!

Шараф невольно схватил поводья в обе руки.

— Принимай гостя! — сказал Максимов, быстро спрыгнул с коня и, не оборачиваясь, пошел в юрту.

Стоило ему обернуться, выказав тревогу, и его бы смяли, уничтожили. Сбитые с толку басмачи почтительно бросились вперед, чтобы распахнуть ковер у входа. Переступив порог юрты, Максимов оглянулся: он заметил в толпе Рахима.

— Лучше сдавайтесь, — повторил Максимов, входя в юрту и садясь на почетное место, перед дымящимся блюдом плова.

Басмачи загалдели: курбаши Шараф своим робким поведением «потерял лицо».

Рахим заметил подошедшего Кучака. Перебросившись несколькими словами, Рахим и Кучак разошлись. Кучак шепотом рассказывал вымышленные истории о героических поступках Максимова, которого «пуля не берет». Рахим рассказывал о происшествиях, которые были на самом деле. Басмачи недоверчиво косились, но слушали охотно.

Тем временем Максимов попросил подать горячей воды. Он медленно мыл руки и терпеливо ждал, пока Шараф подаст ему полотенце.

— Шараф боится Шайтана! — немедленно пронеслось по толпе.

Сидя друг против друга, Максимов и Шараф молча пили кумыс. Когда подали чай, Максимов спросил:

— Что же, будем биться или мириться? Горный кишлак окружен. Сдавайся. Иначе всех перебью.

— Слушай, командир, — начал по-русски Шараф, — я знаю русский язык, а все здесь сидящие не понимают. Ты один, а нас триста...

— Это ложь, — спокойно возразил Максимов. — У тебя двадцать шесть басмачей и сто неучей. У меня двести бойцов. Хочешь, я докажу? Я докажу, — громко повторил Максимов по-киргизски, — что вы окружены. Пойдем!

Выйдя во двор, он два раза выстрелил из маузера. Дробь пулемета донеслась слева; провизжавшие над головой пули заставили некоторых басмачей броситься плашмя на землю.

Максимов выстрелил три раза, и пулемет заскрежетал справа.

Шараф льстиво улыбнулся.

— Я пошутил, — сказал он. — Я ведь нарочно привел басмачей сдаваться. Я советский.

Все затаили дыхание, ожидая, что будет дальше.

— Я так и знал, — сказал Максимов. — Распорядись, чтобы басмачи сдали оружие. Я не хочу вашей крови.

Рахим первый вышел вперед и демонстративно бросил карамультук. За ним бросил свой нож Кучак.

— Слушайте меня, друзья, — обратился Шараф. — Судьбы, ниспосланной аллахом, никто не изменит. Я не хочу вашей гибели. Сдадим же оружие!

Ропот послышался среди басмачей, но открыто недовольных было мало. Басмачи растерялись. Уж очень все произошло неожиданно. Лучше остаться живыми, отдать оружие и бежать, а там видно будет.

— Пусть начальник даст обещание, что нас оставит в живых, — раздался голос из толпы.

— Обещаю, — несколько помедлив, сказал Максимов, — но я не ручаюсь за тех, кто уйдет с оружием в руках.

— Поклянись! — закричал какой-то старик.

Максимов усмехнулся и произнес на память клятву из корана:

— «Клянусь горою, клянусь писанием, начертанным на развернутом свитке, клянусь населенным домом, клянусь высоким небесным сводом, клянусь взволнованным морем: действительно казнь от господа твоего поразит, и никто ее не предотвратит».

— Правильно! — сказал пораженный старик.

— Он действительно шайтан! Шайтан! — раздались испуганные голоса. — Откуда русскому знать коран?

Шараф снял саблю и кобуру с револьвером и бросил на землю.

Максимов потрепал Шарафа по плечу, поднял его саблю и отдал ему со словами:

— Ты мне сам сказал, Шараф, что ты советский и нарочно привел басмачей сдаваться. Носи на здоровье. Раз ты советский — значит, запишешься в мой отряд.

В толпе послышался ропот. Раздались возгласы: «Измена! Бежим!» Несколько вооруженных басмачей побежали к горам. Максимов сделал вид, что не замечает беглецов. Шараф, встречая гневные взгляды басмачей, понял, что для него единственным спасением было временно остаться под охраной Шайтана.

— Конечно, я буду помогать тебе, — растерянно ответил Шараф.

— Я верю вам, — сказал Максимов, обращаясь к басмачам, бросавшим в кучу оружие. — Я докажу, что верю. Вы сами будете охранять свои винтовки, пока придет отряд!

В толпе раздались изумленные восклицания.

— Вот ты, — сказал Максимов, обращаясь к Рахиму, — и ты, — он показал на Кучака, — вы первые бро-

сили оружие. Возьмите винтовки и оберегайте остальное.

Вскоре на лугу возле сданного оружия остались только Рахим и Кучак. Басмачи разбежались.

Горный кишлак был освобожден, банда рассеяна. С гор доносились выстрелы. Максимов знал, что это бойцы ловят убежавших с оружием басмачей. В его руках был Шараф. Вероятно, Шараф знает многое. Наверное, он сможет сказать, о каком взрыве говорится в фирмане.

VI

К вечеру весь отряд собрался в кишлаке. Двух раненых бойцов положили в доме погибшего милиционера, по просьбе вдовы.

Максимов приказал Федорову выстроить кавалеристов в пешем строю во дворе чайханы, занятой взводом, и сменить Кучака и Рахима, карауливших трофейное оружие, снесенное в помещение сельсовета.

Кучака сменили. После дня, проведенного столь необычно и бурно, он устал и хотел есть. Кучак прилег здесь же, но прибежал сердитый боец и приказал следовать за ним.

Кучак вспомнил историю с ограбленными караванщиками и немного струхнул. Еще больше он струсил при виде выстроившихся с оружием красноармейцев. Максимов и Федоров стояли впереди. И все они молча, строго смотрели на подходившего Кучака, только на него и больше ни на кого. «Ой, не к добру это!» — решил Кучак: ведь ему сегодня заяц дорогу перебежал.

Кучак замедлил ход и остановился. Максимов велел ему подойти ближе. Кучак подошел и бурно вздохнул. Все молчали. Максимов заговорил. Он сказал Кучаку, что в войсках есть закон награждать смелых и карать трусов. Отличившихся бойцов награждают по-разному, и, если командир благодарит за проявленную храбрость, он делает это не от своего имени, а от имени всего народа, от имени службы и делает это перед народом, перед воинами, чтобы почтить отличившегося.

Кучак не понимал, к чему начальник ему все это рассказывает, но из вежливости кивал головой.

Но тут Максимов скомандовал «смирно», и все бойцы замерли неподвижно. Даже Кучак невольно выпрямился и вытянул руки по швам. Максимов от лица службы объявил Кучаку благодарность за отличное выполнение приказа командира, за его отважный поступок, когда Кучак, рискуя жизнью, отправился к сторожевым басмачам и во имя Родины, во имя защиты народа проявил сметку, находчивость, отвагу и тем самым помог разгромить басмачей — врагов Советской власти — и содействовал освобождению кишлака.

Кучака бросало то в жар, то в холод. Всю жизнь его ругали. Никто никогда доброго слова ему не сказал. А ведь вот как, оказывается, удивительно радостно услышать о себе доброе слово! Значит, и он не последний человек, и он может сделать хорошее, даже совершить героический подвиг.

Он, Кучак, и вдруг — герой даже среди этих храбрых, закаленных воинов Красной Армии! У Кучака захватило дыхание от радости и волнения. И почувствовал Кучак, как исчезла усталость и запела душа. Сколько лет он прожил просто так, ни для чего! Как мучительны были его поиски счастья! И вот они, золотые слова, указывающие верный путь: ради народа! Он не мог еще в тот момент ясно высказать свои мысли и чувства, но понял, что только в борьбе за счастье народа и вместе с народом он обретет и свое счастье.

И когда все закричали «ура» в честь Кучака, он закричал громче всех и готов был тысячу и тысячу раз совершить все сначала, лишь бы овладевшая им радость продолжалась бесконечно.

Кучак подбежал к Максимову и обнял его, дружески коснувшись одним и другим плечом его плеч. Он обеими руками потряс руку Федорову, жал руки бойцам, и суровые бойцы сочувственно улыбались ему.

Кучак сказал, что его подвиг — это ничто против того, что он еще совершит в дальнейшем, что... Тут дар речи изменил Кучаку, горло сжало, и слова не шли на язык. Кучак смущенно махнул рукой и обещал ответить песней, но не сейчас.

Максимов вручил Кучаку черный шелковый халат, скомандовал «вольно» и поручил Рахиму накормить героя. Кучак вызвался приготовить плов для всех.

...Шараф сидел в юрте, свесив голову на грудь. Он прекрасно понимал безвыходность своего положения. Максимов — опасный человек. Трудно сказать, что он думает...

Вскоре в юрту пришел Максимов, сел у костра и выслал всех, кроме Шарафа.

Уже давно пропели первые петухи, а Максимов с Шарафом все еще сидели вместе в юрте, пили кок-чай и беседовали. Шараф злился. С каждым вопросом он убеждался, что просчитался, не убежав. Шайтан слишком много знал. Шараф думал было сказать, что он родом из Каратегина, а Максимов перечислил всех его родственников, начиная с прадеда и кончая отцом. Максимов опять напомнил ему, что сам Шараф назвал себя советским и поэтому должен совершенно искренне рассказать о замыслах басмачей. «Если хочешь жить», — несколько раз повторил Максимов.

— Ты поклялся не расстреливать сдавшихся, — сказал Шараф, — а теперь назад?

— Обещал — и сделаю, — ответил Максимов.

— Ты обещал всех отпустить. Ну и я пойду.—Шараф встал.

— Но только тех, кто сдаст оружие, — сказал Максимов, удерживая Шарафа. — За других я не ручался. Их трупы лежат в тридцати шагах отсюда.

— Ты сам возвратил мне оружие, — возразил Шараф.

— Да, но ты утаил еще один револьвер. Он у тебя сзади за поясом, под халатом.

— Почему так думаешь?

— Знаю!

— Чего ты от меня хочешь?

— Скажи: ты хочешь жить?

Хочу!

— Тогда расскажи мне все. Например, что поручил тебе имам Балбак и куда он вчера уехал? Ведь недаром ты берег себя для чего-то более важного, сдавая банду. Будь искренним.

Шараф бессильно опустился на подушку и тихо сказал:

— Ты сам знаешь: отец мой мулла. Я правоверный, и негоже мне, клявшемуся на святом коране, ломать клятву. Я не могу. Можешь расстрелять меня.

— А если бы тебя освободили от клятвы, ты рассказал бы?

— За цену своей жизни рассказал бы. Но я клялся имаму Балбаку, и только он может освободить меня от клятвы.

Оба долго молчали.

— Ты хорошо знаешь шариат. Знаешь ли ты толкования, разъясняющие коран, — хадисы?

— Я учился в медресе, — гордо ответил Шараф.

— Я напомню тебе хадисы о клятвах, — продолжал Максимов.

Шараф недоверчиво посмотрел на него и криво усмехнулся.

— «Стань перед зеркалом, и ты увидишь только свое изображение. Значит, ты совершенно один», — так говорят хадисы. «Повтори тридцать раз, что ты один, и тогда изображение в этом уверится. Себе одному ты можешь рассказать все. Тебя ведь никто не услышит, ибо ты никого, кроме себя, не увидишь».

— Скажи, ты мулла?— спросил испуганно Шараф.— Вай, вай! Ты очень ученый, ты все знаешь. Я тоже ученый и тоже знаю. Я тебе расскажу тайну, а потом ты расстреляешь меня?

— Ты курбаши Джунуса знаешь в лицо?

Шараф кивнул.

— Позовите Джунуса! — крикнул Максимов.

Через несколько минут полог распахнулся, и в кибитку вошел высокий узбек с лицом, изрытым оспой.

— Скажи, Джунус, когда ты сдал свою банду, я все свои обещания выполнил?

— Все, — ответил Джунус.

— Иди, — махнул рукой Максимов.

Шараф долго сидел, упершись ладонями в колени; он пристально смотрел в глаза Максимову, стараясь отгадать то, что не было сказано. Затем достал из курджума круглое зеркальце в серебряной оправе, поставил перед собой и начал убеждать себя, что в кибитке он совершенно один, что никто на земле не узнает и не услышит ни слова из сказанного.

Оба понимали, что дело не в лицемерном следовании хазисам, а в страхе смерти, и ради этого Шараф обо

всем расскажет, но Максимов не мешал ему разыгрывать фарс отречения от клятвы.

— Вот, Шараф, я поведаю тебе великую тайну, чтобы еще раз проверить, не забыл ли ты секретное поручение, — говорил Шараф своему изображению в зеркале. — «Многими реками вольются басмачи на Памир. Баи и муллы радостно выйдут навстречу им вместе с правоверными. Полетят головы большевиков, а если случится, что аллах отвернет свое лицо и дела пойдут плохо, иди на реку Бартанг». Так сказал имам Балбак. «Три человека пусть идут туда: Кзицкий, Тагай и ты, Шараф. Кто останется в живых и дойдет, тот и сделает». Так сказал имам Балбак. «Много-много лет назад горы Памира тряслись. От толчков отвалилась огромная гора и упала на кишлаки Сарез и Усой. Все погибли, кроме старика и мальчика, не ночевавших дома. Соседние кишлаки, Сагноб, Рхи, Пасор и Нисур, стали развалинами. Реку Бартанг завалило поперек, образовалась плотина. Река остановилась, и получилось большое озеро. Назвали это озеро Сарезским. К завалу приедете, — так сказал имам Балбак, — завал этот в ширину будет четыре-пять верст, а в высоту до четырехсот сажен. Весь завал из каменных глыб. Есть там одно место... Если там заложить пироксилиновые шашки и взорвать плотину, тогда целые реки воды ринутся вниз и смоют мосты, и посевы, и кишлаки, и людей. Всё смоют по берегам, до самой Аму-Дарьи. Вам доставят пироксилиновые шашки в условленное место. Кто останется жив, пусть спешит туда. Оттуда имам Балбак пошлет письмо Советской власти. Если Советская власть не хочет гибели множества людей от потопа, пусть оставит Памир. Пусть ни один большевик не останется на Памире. И пусть отпустят на свободу всех басмачей, захваченных в плен...»

— Ловко! — сказал Максимов. — И ты сдал банду, чтобы самому убежать на реку Бартанг и ждать знака? Но ваш караван с пироксилином перехватили пограничники.

— Должно пройти три каравана с пироксилином, и если один перехватили, то два прошли.

— Кто, кроме тебя, знает об этом?

— Тагай, Кзицкий и, конечно, сам имам Балбак.

— А куда он уехал?

— Спроси у ветра. Имам не дает мне отчета. Я думаю — к крепости. Не сегодня-завтра крепость возьмут, а может быть, уже взяли, и тогда басмачи двинутся в Каратегин и Ферганy... Линеза продал крепость. Она окружена. В ней Козубай с остатками отряда, и я думаю — им уже конец. А Линеза посылает ложные донесения, чтобы обмануть красных командиров. Я все сказал. Ты обещал мне жизнь и свободу.

— Жизнь я тебе обещал, а что до свободы... Важность сообщения дает мне возможность не очень стеснять твою свободу, хоть за все прошлые дела ты и заслуживаешь смерти.

Утро заглядывало в юрту косыми солнечными лучами.

Шараф сидел усталый и скучный, низко опустив голову.

— Товарищ командир, — раздался голос вестового,— тут вас уже давно старик спрашивает, пристает.

Максимов вышел из юрты.

Перед ним, низко кланяясь, стоял старик.

— Большое спасибо, товарищ командир, спас ты нас от басмачей! Тебе старики прислали два бурдюка с кумысом. Актив ждет тебя в сельсовете. Очень обижаются, что вчера не был. «Зачем он на нас сердится? — говорят. — У нас очень важные новости есть. Пусть сейчас едет, а то раненый дехканин, что пришел с важными вестями из крепости, может умереть и командир ничего не узнает».

— Я пошлю помощника узнать, в чем дело.

— Только ты, только тебя, командир. Пожалуйста, поедем!

Максимов передал вестовому бурдюк, и тот понес его в юрту. Максимов подошел к оседланному коню, стоявшему тут же наготове, и вскочил в седло.

— Утром очень хорошо для желудка кумыс пить, — сказал старик, не переставая низко кланяться.

— Некогда! Прощай, старик! — сказал Максимов и тронул жеребца.

— Сейчас догоню тебя! — громко крикнул старик. — Кумыс захвачу с собой, там пить будешь... Я бурдюк

сам возьму, не беспокойся, — уже по-русски сказал он, обращаясь к вестовому.

— Мне не было приказа... — начал вестовой.

— Алла, алла! — раздался крик из ближайших кустов, и на вестового с ножом выскочил какой-то дервиш.

Вестовой вскинул винтовку. Старик тем временем вошел в юрту. Дервиш закружился вокруг вестового в каком-то бешеном танце. Старик с бурдюком в руках, выйдя из юрты, набросился на дервиша.

Дервиш с криком побежал к кустам. За ним, не отставая ни на шаг, гнался старик.

...В сельсовете, несмотря на ранний час, было многолюдно. Собравшиеся дехкане оживленно обсуждали недавние события.

— О-о-о! Батыр, селям алейкум! — встретили они Максимова. Каждый хотел быть поближе к нему, чтобы иметь возможность перекинуться с ним словом.

— Садитесь, садитесь, у меня много дела. Где раненый? Покажите его мне.

Присутствующие удивленно переглянулись. В комнате воцарилась тишина.

— Какой раненый? — удивленно спросил Максимова кто-то из присутствующих.

В сельсовет вбежал запыхавшийся вестовой и, наклонившись к Максимову, шепотом рассказал ему о том, что произошло.

— Я вошел после старика в юрту, — продолжал вестовой уже громко, — слышу — храп. В углу лежит Шараф. Его старик пырнул ножом. Шараф умер при мне, перед смертью что-то бормотал: «Булбак, Белбак...»

— Балбак? — быстро спросил Максимов.

— Да, да, Балбак, — ответил вестовой.

— Так, все ясно. Так вы меня не звали? — спросил Максимов окружающих.

— Мы всегда рады тебе, — ответило ему несколько голосов. — Мы должны поблагодарить тебя за освобождение. Басмачи уничтожили много наших людей. Ты со своим отрядом опять вернул нас к свободной жизни.

Максимов рассказал присутствующим то, что сообщил ему вестовой. Сельсовет зашумел, как встревоженный улей. Максимов немедленно отдал бойцам приказание разыскать старика. Обыскали все вокруг.

Кучак мирно дремал в кустах. Он ничего не знал о происшествии, взволновавшем весь Горный кишлак. Внезапный шорох заставил Кучака открыть глаза. Перед ним стояла сгорбленная старуха. Ее лицо покрывала паранджа. Кучак обратился к ней с каким-то вопросом. Старуха, не отвечая, быстро побежала от него. Как он ни спешил, догнать ее оказалось невозможным. Наконец, запыхавшись, он остановился и решил вернуться в Горный кишлак. Вдруг под кустом он увидел какой-то странный предмет. Нагнувшись, Кучак обнаружил заплатанную паранджу и женские ичиги. Он отнес найденное Максимову.

— Я так и знал, — задумчиво проговорил начальник.

Раздосадованный тем, что его провели, он приказал вылить принесенный стариком кумыс. После этого случая Максимов запретил бойцам есть и пить что-нибудь на стороне.

В тот же день Максимов велел позвать Кучака.

— Поедешь с нами в крепость выручать Джуру?

— Конечно! — ответил Кучак. — Мы разгоним всех басмачей и быстро освободим наших.

— Нет, — ответил Максимов, — это будет не так просто. Отвлекать части Красной Армии, преследующие басмачей Ибрагим-бека в горах и долинах Памира, мы не будем.

— Конечно, не будем, — решительно заявил Кучак.

— Мы сами своим небольшим отрядом не освободим осажденную крепость, — задумчиво сказал Максимов. — Если все идет так, как написано в фирмане, то там собралось много басмачей, и нашему взводу предстоит потрудиться. Ты, Кучак, должен заменить много бойцов!

— Я? — изумился Кучак.

— Ты и Рахим. Эй, Рахим!

Рахим, спавший в углу, мгновенно проснулся и подошел к начальнику.

— Я говорю, — продолжал Максимов, — что тебе и Кучаку надо будет сейчас же скакать напрямик к крепости. У ледника оставить лошадей и перевалить ледник пешком. Там вы присоединитесь к басмачам Тагая.

— Опять к басмачам? — горестно воскликнул Кучак.

— Опять к басмачам! Тагай и Кзицкий делают все, чтобы рабы навсегда остались рабами, а вы будете до-

биваться другого — навсегда превратить рабов в свободных людей. Как ты думаешь, Рахим, годится Кучак тебе в помощники?

Юноша бросил веселый взгляд на приунывшего Кучака и обнял его за плечи:

— Мне у него учиться надо! Стоит Кучаку захотеть, и он перессорит лучших друзей и вселит недоверие в самых правоверных. Если только Кучак захочет взять меня своим помощником, я буду горд.

— Я уверен, — сказал Максимов, — что ты, Кучак, станешь прославленным батыром слова!

Кучак сразу оживился:

— Пусть мое слово будет как судный меч над головой Тагая. Джура — тот скала-человек, а я буду действовать, как друг Манаса — Кадыр, что весь мир мог увлечь речью, и как знаменитый хитрец Дорбон, и как прорицатель Черный Толок.

— Но где бы вы ни встретили имама Балбака, — сказал Максимов, — человека со стеклянным глазом в правой глазнице, поймайте его. Этот человек опаснее ста тысяч басмачей.

ЖЕНЩИНЫ С ГОР

I

Все так же высились суровые горы вокруг кишлака Мин-Архар. Все так же теснились убогие кибитки на краю сая.

И снова, как в позапрошлом году, яростный лай собак всполошил население кишлака. В вечерней мгле раздались радостные голоса:

— Это они!

— Наконец-то!

— Всего привезут: и муки и тканей...

— И сахару.

Стая огромных свирепых волкодавов во главе с Одноглазым умчалась в северную сторону, и вскоре громкий лай известил, что собаки напали на незнакомцев.

Жители с радостными криками побежали навстречу. Впереди раздались выстрелы; донесся жалобный визг собаки.

— Это не они, это другие! — сказала старуха дрожащим голосом.

— Вы ослепли, что стреляете в охотничьих собак! — сердито закричала в темноту молодая женщина.

Всадники подъехали. Их было пять человек. У каждого в руках была винтовка.

— Смотри, — сказал удивленно рыжебородый всадник, ехавший впереди, — одни бабы! А где ваши петухи?

— Сами справляемся. Нет мужчин, — ответила старуха Айше.

— Новый киператиф приехал, — шепотом сказала одна из женщин, показывая на трех лошадей, навьюченных курджумами.

— Эй, Рыжебородый! Вы из Дараут-Кургана? — спросила молодая женщина.

— А тебе что? — грубо спросил один из всадников.

— Очень любопытная! — добавил другой.

— Товары привезли? — снова спросила женщина.

— Ага, привезли, — ответил Рыжебородый.

— Заходите, — сказала женщина, приглашая в кибитку.

Всадники спешились, привязали лошадей, вошли и сели у костра. Гостям подали чай. Женщины разложили перед приехавшими множество сурковых шкурок. Гости изумленно переглянулись, молча ожидая, что последует за этим. Из другой кибитки женщины принесли несколько волчьих шкур и наконец торжественно положили перед приезжими три шкуры барса. Старуха ждала похвал: шкуры были превосходные. Молчание продолжалось. Айше недовольно пробормотала, что товар плохо выглядит при слабом огне, и прибавила в костер полыни. Огонь ярко осветил стены кибитки.

— На стене винтовки! — испуганно сказал Рыжебородый и быстро встал. — Ты врала нам! — закричал он молодой женщине. — Где ваши мужчины и почему они прячутся? Обыскать!

Его спутники выбежали из кибитки, захватив свои винтовки.

— В нашем кишлаке мужчин нет, — ответила Зейнеб Рыжебородому.

— А оружие чье?

— Мы сами из него стреляем кииков и архаров.

В капканы ловим сурков, лисиц, волков. Курганский киператиф дал нам за шкуры эти четыре охотничьих ружья, патроны дал, и порох, и дробь. Ты должен знать! — удивленно ответила женщина.

— Ты не врешь, женщина? Как тебя зовут?

Рыжебородый осмотрел оружие и, убедившись, что это охотничьи ружья, переделанные из старых винтовок, успокоился.

— Мое имя Зейнеб, а это старуха Айше, а это Биби, моя главная помощница, а это еще наши женщины. Мужчин у нас нет. А ты? Ты разве не киператиф из Кургана?

— Я киператиф из Кургана? — изумленно спросил Рыжебородый. — Я? Где твои глаза, красавица? Разве красные могут носить такие сапоги? — И, отставив ногу, он показал Зейнеб новые сапоги на высоких каблуках.

— А товары? Разве вы не привезли товары, чтобы менять их на шкурки?

— Ага, так вот почему вы их разложили! Нет, мы не торговцы. Мы воюем с большевиками. Мы идем к одному курбаши.

— К Тагаю? — быстро спросила Зейнеб.

Рыжебородый помолчал, а потом сказал:

— Да, мы идем к Тагаю. Но откуда ты это знаешь, женщина? Разве посланный великого Балбака уже заходил в ваш кишлак?

Спутники Рыжебородого вернулись к костру, сказав, что кибитки пусты, никого больше нет. Рыжебородый развеселился.

— Ну, красавица, — он игриво ткнул Зейнеб пальцем, — шкур нам не надо, а товаров у нас много! По дороге мы нагнали двух жирных баранов. «Куда, спрашиваем, едете?» — «В кишлак Мин-Архар, говорят, товары охотничьей артели везем». Ну, мы этих жирных баранов... — Тут Рыжебородый провел пальцем по горлу, высунул язык и закатил глаза. — Чудаки! «Мы, говорят, бедным дехканам помогаем, мы без оружия». Плевать! Знаю их: сегодня он киператиф, а завтра пограничник! Хорошую добычу взяли. А шкур мы не покупаем, нет. Вот ваши шкуры, красотки, купим. Наши товары — ваша любовь! Хоп? — И он заскрипел сапогом.

Басмачи захохотали. Биби и Айше побежали к двери, другие женщины бросились за ними. Один из басмачей загородил дверь.

— А ты чего, старуха, гремишь костями? Тебя-то мы не тронем, клянусь моей рыжей бородой! — с хохотом крикнул Рыжебородый.

Басмачи, смеясь, обступили женщин. Биби сверкнула глазами и опустила руку за пояс, где торчала рукоятка ножа. Женщины смотрели на Зейнеб, ожидая приказаний. Зейнеб не двинулась с места. Она много пережила у Тагая и ничего не боялась.

— Садитесь. Что вскочили? Разве гости так ведут себя? — сказала она улыбаясь. — Мы напоим вас, дорогие гости, айраном, а потом повеселимся.

Она быстро прошла в темный угол и принесла к костру бурдюк с айраном.

— Пейте на здоровье! — сказала она, поднося Рыжебородому большую деревянную пиалу, наполненную до краев.

— Что-то горчит айран, — сказал Рыжебородый.

— Это так кажется, — ответила Зейнеб, наливая другому. — Танцуй, Биби, танцуй! Да возьми же бубен, Айше! — И Зейнеб подмигнула.

Старуха взяла бубен, ударила костлявыми пальцами. Биби пустилась в пляс. Остальные женщины испуганно жались друг к другу у костра.

— Устал я сегодня, спать хочу, хозяйки! — сказал Рыжебородый, облокотившись на свой курджум.

Бубен тихо гудел. Костер догорал, и в наступающей темноте раздался храп.

— Эй, каратегинец, сторожить будешь! — пробормотал Рыжебородый, силясь говорить внятно.

Прошла минута... Было тихо. Гости спали. Женщины, сидевшие у костра, быстро пошли к двери, переступая через спящих басмачей.

— Куда вы? Назад! — громким шепотом позвала их Зейнеб. — Я всыпала им в айран сонный порошок. Мне его давно, еще в кишлаке. дала старая Курляуш... Они спят крепко. Берите винтовки, берите курджумы. Мы возьмем себе лошадей, а их свяжем и оттащим за кишлак. Пусть знают, как резать киператиф, басмачи проклятые!

Как Зейнеб сказала, так и сделали.

Басмачи, проснувшись, не могли понять, что с ними. Голова болела, тошнило, томила жажда... Солнце жгло. Связанные по рукам и ногам, они лежали у реки, на самом краю обрыва; неверное движение могло стоить им жизни.

Ни оружия, ни лошадей, ни товаров. Халаты и те сняли.

— Это красные чертовки, их сразу надо было убить! — злобно ворчал привязанный к камню Рыжебородый. — Они у меня сняли сапоги!

— Хорошо еще, что эти пери оставили нам жизнь, — тихо сказал каратегинец. — Что же теперь делать?

— Живы остались — и радуйся! — ответил Рыжебородый. — Не сейчас, так вечером, не ночью, так завтра, не завтра, так послезавтра нас найдут и освободят. Горы кишат людьми. Мы сами разве пошли бы сюда, если бы не зов имама? Нет! Грабили бы в Каратегине. А красных чертовок я разыщу, и страшна будет моя месть!.. Напиться бы!.. — Рыжебородый облизал сухие, потрескавшиеся губы.

— Ты виноват! Ты старший и должен был знать. Из-за тебя мы, как сурки, попали в капкан! — шептал каратегинец. — Лучше домой. Я еще не басмач, я никого не убил.

— Ты собираешься домой, как будто это от тебя зависит! Тебе, я вижу, хочется, чтобы твою семью вырезали. Попробуй убеги!

С большим трудом освободившись от веревок, басмачи с бранью прошли вниз по течению горной речки.

Тем временем женщины были уже далеко. Они ехали к летней стоянке на лошадях, захваченных у басмачей. Через плечо у каждой висело охотничье ружье, а в руках они держали винтовки. Биби, ни на минуту не смолкая, болтала, передразнивая басмачей. Все смеялись.

Старуха Айше, на ногах которой были сапоги Рыжебородого, весело сказала:

— Легко же мы получили оружие, лошадей и товары! Теперь мы продадим шкуры и опять заработаем.

— Нет, — ответила Зейнеб, — мы — советские люди. Когда басмачей перестреляют, я сама отвезу шкуры в Дараут-Курган и не возьму денег.

— Делай как знаешь, ты у нас джигит, — со вздохом сказала Айше и добавила: — Конечно, ты лучше нас понимаешь, Зейнеб. А я бы все-таки продала шкуры.

II

Голые скалы громоздились со всех сторон. Вокруг высились склоны угрюмых гор, покрытые камнями, галькой, лишайниками. Кое-где по уступам зеленели небольшие лужайки. Никто не сказал бы, что за одной из таких безрадостных гор зеленеет роща, растут цветы.

Здесь, на берегу горячих ключей, приютились летние юрты кишлака Мин-Архар.

Меньше всего ожидал увидеть цветущую долину, скот и людей поднявшийся на вершину горы путник. Он в изнеможении опустился на камень. Он был уже немолод и сильно устал. Его платье было изорвано, ноги обмотаны лохмотьями. Ввалившиеся глаза и впалые щеки говорили о крайнем истощении. Колени дрожали от изнурительного пути.

Неизвестно, сколько времени он просидел бы в полузабытьи, если бы на него не бросился большой одноглазый пес. Путник громко крикнул: боль от клыков пса, вонзившихся в ногу, была нестерпимой.

Крик разнесся далеко по ущелью. Прежде чем путник понял, в чем дело, свора черных собак окружила его, преградив путь. Человек завертелся на одном месте, размахивая зажатым в руке камнем. Резкий окрик заставил его присесть. Собаки, повинуясь приказу, неохотно отошли назад.

— Положи оружие! — раздался из-за камня громкий голос.

Путник послушно положил нож на землю, потом размотал длинный матерчатый пояс, обвивавший его талию, вынул замотанный в тряпки револьвер и положил рядом с ножом.

— Иди вниз, — сказал ему кто-то, прятавшийся за камнем. — И если ты попытаешься бежать, то получишь пулю в спину.

— Иду, иду! — с готовностью ответил путник и, задыхаясь от волнения, пошел вниз, к юртам.

Споткнувшись, он нечаянно оглянулся и увидел, что за ним идет женщина с винтовкой в руках.

Путник остановился: ему казалось, что голос, который отдавал приказания, принадлежал юноше. Резкий окрик и щелканье затвора заставили его быстро спуститься вниз.

Там его ждали вооруженные женщины.

Еще больше удивился он, когда увидел, что к нему подошла молодая женщина с винтовкой за спиной и револьвером за поясом. В руке она держала камчу.

Пойманный кивнул головой и хлопнул женщину по плечу. В тот же миг его оглушил удар нагайкой.

— Басмач? — резко спросила его женщина.

— Басмач. — Путник утвердительно кивнул головой и, покачнувшись, упал без сознания: неожиданный сильный удар камчой лишил его последних сил.

Через два часа он опять стоял перед Зейнеб. На этот раз он понял, что шуточками ему не удастся облегчить свою судьбу, и уже не пробовал заигрывать.

— Ты разведчик басмачей, и, если ты сам не расскажешь нам о том, кто послал тебя и зачем, мы все равно вырвем у тебя правду. Говори, все говори! — приказала Зейнеб пленнику.

— Я не разведчик, я не басмач, — испуганно сказал путник.

— Говори правду! Ты только что назвался басмачом. Откуда это? — И Зейнеб кивнула на оружие, лежавшее возле нее.

— Я был басмач, теперь я не басмач, потому что бежал от Тагая. И пусть будет проклят тот час, когда пир послал меня воевать!

— Говори, все говори!

— Я Мамай, сын Дурумбая из рода Кипчак. Я бедняк. Меня осчастливил мой пир — Давлет-бай: дал сто пятьдесят овец, чтобы я стерег их, кормил, поил, стриг, выхаживал их, а за это он разрешил мне брать половину удоя.

— Ты разбогател? — спросила Зейнеб.

— Нет, нет, слушай. Прошлый год был плохой год. Многих овец задрали волки. Весной были такие морозы, что много ягнят и овец подохло. Я жил в юрте со своей больной женой. Я набрал полную юрту ягнят, чтобы

спасти их от холода, а ягнята всё дохли. Места в юрте не хватило, я выгнал мою больную жену. Мы спали под открытым небом. Кошмами я прикрывал больных овец. Целые ночи сидели мы с женой у костра, грелись. Морозы стояли лютые, мы не спали ночами. Но это не все. Однажды буран разогнал овец. Я собирал их по горам, подошел к юрте, вижу — жена замерзла. Осенью приехал пир и говорит: «Ты мне должен сорок три овцы, отработай или заплати деньгами». Откуда я возьму деньги? Пошел в кишлак просить. К одному, к другому — все бедняки. А пошел к баям — говорят: «Деньги дадим, через год принесешь в два раза больше». Я бедный пастух. Откуда возьму? В этом году стало лучше. Овцы были здоровы. У многих было по два ягненка, а иногда и три. Я говорю пиру: «Теперь овец как раз сколько надо. Я тебе больше не должен!» Он отвечает: «Двойни от пророка! А я сделаю тебе доброе дело: иди в отряд к Тагаю. Исмаилиты получили фирман Ага-хана — подняться на большевиков. Много получишь, мне долг отдашь». Пошел я к другу, он говорит: «Баи воюют, для себя стараются. А ты при чем? Ты бедняк, идем лучше вместе против баев, за Советскую власть. Вместе будем отстаивать свое счастье, баев прогоним». Вдруг приезжает знакомый человек, говорит: «Басмачи взяли красную крепость, делят добро. Горный кишлак взяли, скоро Памир возьмут. Исмаилиты должны быть там... Так приказал Ага-хан».

— И ты поехал? — насмешливо спросила Зейнеб.

— В ту же ночь Давлет-бай послал меня служить Тагаю. Коня дал, карамультук дал. Приехал, смотрю — народу много собралось, а в крепости джигиты сидят и в нас стреляют. Своих однокишлачников не вижу. Думал — народу много, поэтому сразу не найду своих. А потом, когда курбаши Казиски начал списки писать, басмачей на сотни делить, а в каждой сотне человек двадцать — двадцать пять, я смотрю: из нашего кишлака только пять человек — два сына Давлет-бая, их друг, мулла и я. Они меня в свою компанию не берут. Как раз перед нашим приездом басмачи ходили крепость брать. Линеза раньше крепостью командовал, потом продал Тагаю. Всех джигитов продал, по сто золотых рублей за голову, а крепость за десять тысяч продал.

— Как же это он продал?

— Очень хитро. Только немного просчитался Линеза: Козубай помешал. Ай, какой он хитрый! А Тагая из крепости выпустили. Один друг у него там оказался, и Тагай тоже приехал к Казиски.

— А как имя человека, который освободил Тагая?

— Не знаю, нам не говорили. Только сказали, что в крепости есть наш человек. Ночью, под утро, басмачи пошли крепость брать. Вдруг из крепости — тра-та-та!.. Пулемет называется. Вдруг другой — тра-та-та!.. Потом бомбы: бум, бум!.. Линеза говорил: пулеметы без замков, бомбы без пистонов. Вот... Тогда много басмачей пропало. Не ждали. Испугались, назад убежали. Перессорились курбаши.

Хоть в крепости было несколько человек, а взять никак не могли. Тагай придумал в хаузе воду отравить и арык испортить. Испортили. Джигиты догадались. Там есть очень хитрый китаец. Тогда мы арык совсем в другую сторону отвели, воду отрезали. «Пусть без воды подыхают», — говорил Тагай.

Ждем день, ждем два, ждем три, а они живут.

Только, как ветер подует, слышим — падалью пахнет.

Лошади начали дохнуть в крепости: поить их было нечем. Курбаши решили подождать, пока подохнут все лошади и умрут добротрядцы, а Казиски начал басмачей военной науке учить. Я в третьей сотне был. Как солнце взойдет, чаю попьем, так Казиски командует: направо ходим, налево ходим, вперед бежим, потом ложимся, потом стреляем. Все хотели сбить красный флаг, что высоко над крепостью развевается. Один раз перебили древко — джигиты новый флаг поставили. Значит, еще живы. День проходит — они живы, три проходит — живы, пять проходит — живы. Что такое? — удивляемся.

Два раза после того басмачи наскакивали на крепость, и каждый раз джигиты отбивали. Очень боевые! Когда второй раз мы шли, Тагай собрал всех и говорит: «Голыми руками возьмем. В крепости у меня дружок есть, я ему дал яду, и он хауз отравил. Теперь передохнут, как мухи зимой».

А когда и в этот раз добротрядцы отбились и мы обратно в кишлак прибежали, перессорились все курбаши.

А утром Тагай собрал нас и говорит: «Добротрядцы узнали, что вода отравлена, и не пили». А мы спрашиваем: «А как же они без воды живут?» Казиски говорит: «Есть у них там один китаец, так этот китаец из камней источник сделал. Камни дают воду, мало, но дают. Так мало воды, что добротрядцы все равно скоро перемрут. А вы смотрите не давайте им собирать камни возле крепости. Кто убьет китайца, тому сто золотых». Многие тогда испугались. Говорят: «Китаец — колдун, как бы не наколдовал нам беды! Шутка ли — воду из сухих камней делает!» А Казиски разговоры эти узнал и говорит: «Не беспокойтесь, пустое дело — из камней воду добывать. Еще в древности в Кашгарии так делали. От ночного холода камни потеют, и вода капает вниз. Там ее и собирают. Я, говорит, сам из камней воду добуду» Приказал выкопать яму, глиной обмазать, камней наложить и сверху крышу устроить. Настала ночь. Мы вокруг камней собрались, воду ждем. Утром посмотрели — а камни сухие. А джигиты Козубая живут — значит, у них камни воду дают. Вижу — не сдаются они. Смотрю вокруг — нечего мне с богачами делать. А тут еще этот киргиз длиннорукий. Все о Манасе пел и разные истории рассказывал, знамения объяснял. Плохие для нас знамения были. Солнце в кровь садилось, во́роны над нами летали, звезды падали. Расспросит, кто бедняк, с тем поговорит; целые дни по становищу ходит, с недавно принятыми басмачами шепчется, говорит — все люди равны.

Меня Тагай позвал и говорит: «Мне известно, что Длиннорукий — твой друг. Мне донесли, что ты почью с ним встречаешься и опасные разговоры ведешь среди наших».

Я отрицал и обещал, когда встречу, поймать его, а сам решил бежать. А правда, было: раз встретились. Длиннорукий никуда не убегал: днем прятался, а ночью все среди басмачей вертелся. Разговорились. Длиннорукий говорит: «Эх, надоело воевать! Кончу всех басмачей и поеду в свой кишлак Мин-Архар. И ты убегай, пока не поздно».

— Мин-Архар? — спросила Зейнеб.

— Мин-Архар.

— Не врешь?

— Клянусь!.. Не знаю, чем и поклясться. Жизнью своей клянусь!

...Ну вот, я решил бежать. Пошел с другими крепость брать, упал на поле, притворился мертвым, пролежал до вечера и скорей-скорей, когда стало совсем темно, уполз в горы. Забрался в самые дикие горы, смотрю — юрты. Очень сильно испугался. Пропал, думаю... Дома у меня нет, семьи нет. Куда я пойду? Возьмите меня к себе. У вас мужчин не видно. Помогать буду.

— Оставайся, — сказала Зейнеб. — А вы как? — спросила она женщин.

— Пусть остается, — ответила Айше за всех.

Биби состроила недовольную гримаску и, вскинув винтовку на плечо, пошла в горы.

Зейнеб протянула Мамаю свою винтовку:

— Мамай, ты говоришь — учился стрелять. Скажи, зачем у винтовки этот выступ?

— Этот? — спросил Мамай. — Сюда в середину еще четыре патрона влезет.

— А зачем на стволе эта железка?

— Это когда на двести шагов стреляешь — так лежит, а на шестьсот — вот так ставишь, а на девятьсот — так. Только так далеко не надо стрелять — трудно попасть.

— Вот как! — удивилась Зейнеб. — О-о-о, ты все знаешь! А ну, покажи, как из револьвера стреляют... Не расходитесь, Мамай нас сейчас учить будет, — сказала Зейнеб и строго добавила: — А если один твой глаз смотрит на нас, а другой на горы и ты попробуешь убежать, тебя найдут наши собаки.

III

На следующий день женщины, которые охраняли кишлак, поймали еще одного беглеца, а ночью привели сразу двоих. Все при допросе сказали, что они бегут от Тагая.

Зейнеб долго совещалась с Айше, как поступить с басмачами. Старуха посоветовала проверить их и, если они хотят, как Мамай, спокойной жизни, оставить в кишлаке.

— А если будет десять мужчин что тогда делать? — задумчиво спросила Зейнеб.

— Знаешь, — сказала Айше, — Мамай хочет жениться. Что ты скажешь?

Зейнеб промолчала.

Утром она позвала Мамая в юрту для разговора. а к вечеру отпраздновали его свадьбу с одной из молодых вдов. Пленники были приглашены на свадьбу, но с них не спускали глаз.

Мамай стал веселым и разговорчивым. Он то и дело говорил: «я думаю», «я считаю», «я хочу», «я вам говорю».

— Что это ты все: я, я, я! Приказываю здесь я, а не ты, — сказала ему Зейнеб.

— Я мужчина и, значит, старший в роде. Так было испокон веку.

— Слушай, Мамай, и запомни. Да и вы слушайте, — обратилась Зейнеб к остальным. — Старшей была и остаюсь я. Кто не хочет помогать, я не держу. Может идти к Тагаю.

Один из басмачей пошел на юго-запад. Вскоре издалека послышался лай собак и крик человека о помощи. Биби вскочила, но Зейнеб жестом заставила ее сесть. Потом она сказала:

— Мы помогаем только друзьям.

Прошло три дня. Биби, сторожившая кишлак, издалека заметила группу людей. Они шли гуськом по тропинке, направляясь на север. Биби внимательно вгляделась: она насчитала одиннадцать человек. Биби заметила, что все они вооружены. Прячась за камнями, она смогла рассмотреть их довольно близко.

Через два дня она увидела людей, поспешно пробирающихся на юг. Биби спустилась с горы и забежала далеко вперед. Ей показалось, что это те же люди, которых она видела раньше, но теперь их было только пятеро.

— Это, наверно, басмачи Тагая, которые пришли с ним из-за границы, — сказал Мамай. — Лучше их не трогать. Пусть о нас ничего не знают. Все равно им не уйти от красных аскеров.

В течение нескольких дней по горам проходили беглецы. Тех, которые случайно попадали на летнее стано-

вище, приводили к Зейнеб. Женщинам теперь помогал не только Мамай, но и два человека, задержанных позже него. Басмачей отводили в кибитку, которая тщательно охранялась.

Зейнеб как умела допрашивала пленных. Они клялись, что убегали от «тайекаки» — «краснопалочников». Так, объяснил Мамай, называли себя джигиты добротрядов из Таджикистана. Мамай сам плохо знал, кто это такие, и Зейнеб его не поняла.

— Почему вы все бежите к нам? Разве нет других дорог? — спрашивала Зейнеб у пленников.

— Больше некуда бежать, — отвечали пленные. — С севера идут красные отряды, с востока, от границы, идут красные, на юге тоже красные. Путь был только один сюда — через горы. Оказалось, тут тоже красные.

— Где же? — удивленно спросила Зейнеб.

— А вы! — отвечали ей пленные.

Однажды Биби и Слу привели с гор связанного человека. Они рассказали Зейнеб, что пойманный сопротивлялся и все время, размахивая руками, что-то говорил на непонятном языке. Оказалось, что пленник хорошо говорил и по-киргизски. Он очень обрадовался, что перед ним не басмачи.

— Я безоружный разведчик, — сказал он, — «краснопалочник» из отряда Абдулло-Джона. Он знает о вашем кишлаке, ищет его в этих диких горах. Никто не знает сюда дороги.

— Откуда же он знает о нас? — спросила Зейнеб подозрительно.

— Он получил приказ идти сюда от большого начальника.

— Ну, а где Абдулло-Джон? Он, наверно, сам нам все расскажет.

— Отпустите меня, и завтра же весь отряд будет здесь.

Зейнеб устроила совет. Разведчика долго расспрашивали, подозревая, что его появление — уловка басмачей. Решили разведчика отправить обратно под охраной. Его сопровождали Мамай и две женщины. Через два дня они вернулись с отрядом «краснопалочников».

Командир отряда Абдулло-Джон был высокий, стройный таджик с лицом цвета слоновой кости, с большими

карими глазами, смыкающимися на переносице бровями, тонким хрящеватым носом и красными, как у девушки, губами.

Увидев Зейнеб, он подмигнул ей, и Зейнеб покраснела, как девчонка, потом рассердилась на себя за свою растерянность и грубо сказала:

— Жене своей моргай, а у меня и без этого дела много! Или ты только за этим и пришел?

— Нет, девушка, просто я веселый. А где ваш аксакал?

— Я аксакал, — сердито ответила Зейнеб.

— А где твоя борода? — рассмеялся Абдулло-Джон и игриво подмигнул, но, увидев, что мужчины и женщины, сопровождающие девушку, остаются серьезными, удивленно спросил: — Расскажите мне, в чем дело? Я ничего не понимаю!

— У нас давно нет аксакала. Его убили в позапрошлом году. У нас не было мужчин в кишлаке, да мы и сами отлично справляемся.

— А эти? — Абдулло-Джон показал на мужчин, стоявших вокруг с винтовками.

Зейнеб объяснила. Она многое рассказала Абдулло-Джону, и он слушал с нескрываемым интересом.

Абдулло-Джон ей понравился. Это был первый мужчина после Джуры, на которого она обратила внимание. Ей не пришлось долго говорить. Уже первые пленники, приведенные в то утро, рассказали о великом поражении басмачей возле крепости.

— Мы уже кое-что знали о вашем кишлаке, — сказал Абдулло-Джон, — но не все. Мне поручено помочь вам. Ты многое сделала правильно. Но и ваша охотничья артель и отряд по борьбе с басмачами — это еще далеко не все, что нужно. Сейчас самое главное — выловить басмачей, которые разбежались по этим горам. Мы вместе обсудим, как это лучше сделать. Ваша помощь нам будет нужна. Временно ты будешь уполномоченным. Потом мы обсудим, как поступить, чтобы жители Мин-Архара зажили зажиточно, научились грамоте, увидели другие кишлаки. Вы уже получили скот, вам нужен для него корм. В других высокогорных кишлаках уже несколько лет сеют ячмень. Он дает хорошие урожаи. Вам нужно будет сделать пробные посевы. Вам помогут семенами,

у вас теперь будут новые кибитки, вы будете получать газеты, в которых пишут все, что происходит на свете. Мы проведем сюда дорогу: здесь много ценных руд. Вы помните Ивашко? Он шлет вам привет, приедет скоро к вам в гости. Теперь же надо заняться басмачами.

— У нас в кибитке сидят пленные. Мы не знаем, что с ними делать, — сказала Зейнеб.

— Это уж ты, аксакал, — смеясь, сказал Абдулло-Джон, — предоставь нам.

— А что ты все-таки будешь с ними делать?

— Мы их будем судить...

— Как — судить? — спросила старуха Айше.

— Это я вам все расскажу после. Пока я их допрошу.

За этот день в горах «краснопалочники» поймали много басмачей.

— Знаешь что? Давай часть выпустим, — сказала Зейнеб, входя вечером в юрту к Абдулло-Джону. — Среди них есть совсем не басмачи. Одно только название что басмач.

— Я не гадальщик и не знаю, кто у них белый, кто розовый. Это мы всё узнаем...

— Ты что, пытать их будешь, как они сами пытают наших красных джигитов?

— Ишь ты какая свирепая! Ты девушка, сердце у тебя должно быть нежное. И зачем только тебе винтовку дали? — улыбаясь, спросил Абдулло-Джон.

— Мне никто не давал, я сама взяла. Сколько нужно было винтовок, столько и взяла, — гордо ответила Зейнеб.

— Говорю тебе: теперь занимайся другими делами. Ты помогла — спасибо. Теперь наша очередь порядок наводить.

Они сидели в юрте у костра.

Зейнеб задумчиво перекладывала щипцами угли. Абдулло-Джон смотрел на нее влюбленными глазами и не хотел думать о пленных. Мамай в углу юрты чистил револьвер.

— Значит, не нужна больше? Может, плов готовить? — сказала Зейнеб.

Вдруг она вспомнила о Джуре... Спросить или нет? Наверно, он давно погиб. Если бы был жив, пришел бы к Зейнеб. Зачем спрашивать!..

IV

Джура скакал напрямик по Алайской долине. Впереди бежал Тэке. Они спустились с альпийских лугов, перешли множество речек.

Теперь вокруг них была степь. Расположенная высоко в горах, она была покрыта высокой и густой травой. Молодой охотник думал только об одном: поскорее перевалить Алайский хребет, видневшийся вдали как огромная каменная стена, и сообщить о случившемся командиру какого-нибудь пограничного отряда. Крепость в опасности. Надо спешить.

Вдруг вдали он увидел людей. Они были на лошадях. Рассмотрев, что все они одинаково одеты в военную форму, Джура выстрелил вверх, чтобы привлечь их внимание. Тэке немедленно улегся у ног хозяина. Всадники направились к Джуре. Он показал всадникам документ, подписанный Козубаем. Джуру повели к командиру.

— Крепость окружена? — удивленно воскликнул командир. — Не может быть! Только вчера вечером у меня был оттуда джигит с донесением от Линезы.

— Линеза — враг, он хочет выиграть время, — сказал Джура и подал письмо Козубая.

Командир внимательно прочел его. Он вызвал бойца и приказал отвезти Джуру в город.

— Мы здесь примем меры, — сказал он Джуре, — а ты самому главному начальнику все расскажешь!

Джура вместе с бойцами долго скакал по нескончаемому ущелью. По дороге они несколько раз меняли лошадей. Наконец они выехали из ущелья, и Джура вскрикнул от удивления: впереди не было высоких гор. Вокруг было много деревьев. Медленно текла река, широко разливаясь по бесконечным полям.

Вдруг Джура увидел группу людей. Несколько человек стояли, окружив ящик на колесах. Джура уже видел такой в крепости: там он был привязан к лошадям (Джура помнил, что его назвали «повозка»), и на нем привезли раненых после стычки Ивашко с басмачами. Бойцы показали Джуре, как влезть. Следом за ним немедленно прыгнул Тэке, но, зацепившись передними но-

гами за край ящика, беспомощно завизжал. Джуре пришлось схватить его за загривок и втащить за собой. Лошадей не приводили. Вдруг снизу что-то зарычало. Тэке, сидевший у ног Джуры, взъерошил шерсть и зарычал тоже. Повозка рванулась, Джура чуть не опрокинулся. Они мчались быстрее любого скакуна. Замелькали деревья. Джура засмеялся от радости.

— Большевистская?— подмигивая, спросил он бойца.

— Большевистская! — недоуменно подняв брови, ответил тот.

— А это, — Джура показал на сады, мимо которых они ехали, — тоже принадлежит большевикам?

— Тоже! — ответил боец и переглянулся с другим бойцом. — А ты кто?

— Я? Я тоже из рода большевиков, — с достоинством ответил Джура.

Больше Джуре не хотелось говорить. Он был счастлив.

Повозка остановилась у большой кибитки. Джуре приказали выйти. В комнате сидело много людей, все они были в военной одежде.

Теперь Джура твердо знал, что старший может быть и без бороды, и он громко спросил:

— Кто здесь самый главный?

Отозвался пожилой военный. Этот русский сурово, без улыбки оглядел Джуру. Джура долго рассказывал им все, что знал. Его несколько раз переспрашивали, недоуменно пожимали плечами. Иногда они отмечали что-то на карте, разговаривая между собой по-русски. Наконец Джуре сказали, что теперь он может быть свободен и идти отдыхать.

Джура пошел за бойцом, но быстро вернулся.

— А крепость? — спросил он.

— Не спеши. Все успеем, — ответил старший и первый раз улыбнулся.

— Нет, ты не старший, потому что ты не самый мудрый, — сказал Джура. — Крепость надо сейчас же освободить, иначе будет поздно.

Присутствующие весело переглянулись.

— Дайте мне тысячу человек,— продолжал Джура,— я сам освобожу ее.

Заметив улыбки на лицах военных, Джура рассердился и закричал:

— Дайте пятьсот, ну дайте сто человек и десять «максимов»!

— Твое сообщение я передал по воздуху старшему, — сказал командир. — Меры, которые нужны, приняты. Ты оказал нам помощь. С заалайским районом еще нет связи по воздуху, понимаешь? Ты оказал большую услугу. А теперь иди спать...

Но Джура спать не хотел. Он кричал на них и угрожал им гневом самого главного начальника. Сознание того, что Козубай и друзья в опасности, придало ему силы. Ему что-то говорили, но он не хотел понимать. Он должен освободить Козубая.

— А кто ты такой, — спросил один из присутствующих, — чтобы кричать на нас?

— Я Джура из рода большевиков! — ответил Джура. — Я комсомолец.

— Комсомолец на старших кричать тоже не должен!

— Ну, покажи билет! — приказал старший.

— Я комсомолец без билета, — ответил Джура. — У меня горит душа, когда я слушаю ваши холодные слова.

— Спокойствие — не холодность, — мягко сказал ему старший. — Иди отдохни. Мы тебя вызовем, когда будет нужно.

Джура решил подчиниться неизбежности. Бойцы его покормили. Ел он с аппетитом, но спать не мог.

Он был слишком горд, чтобы расспрашивать, но многое глубоко его поразило.

Он увидел черный круг, висящий на стене. Оттуда кто-то говорил и пел человеческим голосом... В стене из блестящей трубки текла вода...

Бойцы, заметив, что он не спит, пригласили его с собой на улицу. Там внимание Джуры привлекло удивительное зрелище. Несколько бойцов чем-то резали толстые стволы деревьев на ровные и гладкие куски. При этом что-то с дьявольской быстротой крутилось и визжало. Джура с интересом наблюдал за всем, что творилось вокруг.

Вечером его позвали пить чай. Молодой военный надавил какую-то пуговку — под потолком зажегся огонь.

Чудеса, о которых говорил Ивашко, сбывались. Правда, Джура уже видел такой холодный огонь и раньше — тогда показывали на стене командира Чапая. Но было совсем не так...

Чудеса продолжались. Джура из окна рассмотрел еще днем какие-то странные штуки. Они стояли на гладкой площадке и были похожи на чудовищных птиц, дремлющих на солнце. Быстро, без огня вскипел чайник. Из черного круга в углу раздались какие-то звуки, от которых на сердце стало сладко и немножко печально. Но, сбросив очарование, охватившее его, Джура сурово спросил:

— Где у вас живет самый-самый главный начальник?

Военный неопределенно ответил, что здесь, но где его дом — показать отказался.

Джура вышел на улицу. Он обрадовался, встретив сопровождавших его в повозке бойцов. Они поговорили, и он, ловко переведя разговор, узнал, где дом самого главного. Часовые не подпустили Джуру к двери, а провели его к своему начальнику. Тот расспросил Джуру, весело улыбнулся и отправил его домой.

Поздно ночью Джура вышел из своей кибитки и направился к дому начальника. Он верил, что Козубая хотят спасти. Но ему казалось, что дело идет очень медленно. Джура прополз по земле мимо часового. Часовой его заметил только тогда, когда он уже влезал в окно. Часовой схватил Джуру за ноги и засвистел, но Джура толкнул его в грудь и быстро побежал по длинной комнате. Следом за Джурой мчался Тэке.

Джура рванул какую-то дверь и увидел мужчину, сидящего за столом. Тот направил на него пистолет. Тэке кинулся на незнакомца, и Джура еле успел остановить собаку. Вбежали бойцы.

— Я не уйду! — закричал Джура, хватаясь за окно. — У меня секретный разговор!

Тэке бросался на бойцов.

Узнав, кто такой Джура, главный отослал всех и сказал, что сам он только что приехал и собирался утром послать за Джурой.

Джура пожаловался на начальников. Он очень горячился. Обычно скупой на слова, теперь, при мысли, что ему могут отказать, он стал многословен.

— У вас все есть, — быстро говорил он, — ящик, откуда поет человек, котелок, который кипит сам по себе, топор... бегающая повозка... Неужели у вас нет еще чего-нибудь?.. — Джура хитрил: он много раз слышал, что существует железная птица, которая сама летает по воздуху.

Военный долго смотрел на Джуру.

— Я тебе открою одну тайну, — сказал он, — но никому ни слова. Ты не волнуйся. Много наших войск сейчас спешит туда... Мы окружим басмачей. Надо подождать четыре дня: кольцо вокруг врагов сомкнется теснее. Тогда и ты поедешь.

— Поздно будет, — с уверенностью сказал Джура. — Люди Козубая погибнут без воды.

Военный задумался и, прищурив глаза, смотрел на карту.

Раздался тихий звонок. Военный снял трубку. Он кого-то слушал и что-то говорил сам, а потом обратился к Джуре:

— К крепости приближается небольшой отряд. Им командует Максимов. Взвод кавалеристов-пограничников. Ты сможешь отправиться раньше. Например, послезавтра.

— Долго придется ехать! — сокрушенно сказал Джура.

— Я об этом думаю. Ты мог бы полететь, но я не уверен, что там есть место, куда может опуститься самолет. Есть ли там ровная площадка?

— За крепостью есть большой пустырь. Тысяча шагов в длину... Начальник, неужели я полечу?

— Да, на аэроплане, на железной птице. Рядом с нами находится аэродром. Оттуда ты и полетишь. Вот только что важно: стрелять из пулемета ты умеешь?

— Нет!

— С тобой полетит пулеметчик. Вы полетите на разведку, а когда вернетесь, пошлем туда самолеты с бойцами. А завтра целый день учись стрелять сам из пулемета...

— Я сейчас начну! — возбужденно закричал Джура. — Где пулемет?

V

Всю ночь перед полетом Джура не спал. Стиснув зубы и сжавшись в комок, он сидел на матраце, который стащил с кровати на пол, думал и волновался. Больше всего он боялся, что о нем забудут и железная птица полетит без него. Время от времени он вставал и подходил к окну. Была лунная ночь, и он видел на поле неподвижных огромных птиц. Ему еще днем сказали, что это и есть самолеты. Джура бурно вздыхал и отходил от окна. Он снова садился на матрац, клал ладонь на голову Тэке и тихо приговаривал: «Скоро, скоро!»

На рассвете громкий рокот заставил Джуру вскочить. Огромная птица скользила по полю, поднимая облако пыли. Джура выскочил в окно и помчался за ней. Тэке с громким лаем мчался сзади.

Задыхаясь, Джура догнал птицу и, не заметив, что она остановилась, вскочил на крыло. За ним прыгнул Тэке. Человек в очках, сидевший впереди, повернул голову и с удивлением смотрел на Джуру.

Джура влез на сиденье сзади и помог влезть Тэке. Тут только он успокоился.

Мужчина сердился и что-то громко кричал. Но Джуре было не до него: машина перестала шуметь, и все стихло.

— Я не вылезу! — решительно сказал Джура.

Мужчина засмеялся, объясняя, что это только проверка и что полетят они еще не скоро. Джура не знал, верить или не верить, но на всякий случай решил сидеть на месте. Человек пожал плечами и ушел. Проходившие мимо бойцы сказали Джуре, что перед полетом надо поесть. Он ничего не хотел слушать.

Прибежала незнакомая девушка и, смеясь, подала ему пакет с едой, меховой халат и гладкую шапку на голову.

Джура пищу отдал Тэке, меховой халат положил в ноги, а шапка ему очень понравилась, и он ее немедленно натянул.

Он осторожно притрагивался к проводам, кнопкам, заглянул через козырек вперед. Он думал о том, как много надо знать, чтобы заставить эту машину двигаться по своему желанию.

Через некоторое время пришел главный начальник вместе с другими начальниками, поменьше. Они, смеясь, трепали Джуру по плечу, и все были чем-то очень довольны.

Джуре дали винтовку, бомбы и сказали, что бросать их надо в басмачей и только по команде. Рядом с Джурой сел незнакомый ему боец-киргиз.

— Если со мной что случится, будешь стрелять из винтовки, — сказал он Джуре.

Осмотрели пулемет. Сошлось немало народу. Кто-то сел впереди...

Все загрохотало, затарахтело, в лицо ударил ветер. Самолет пополз по земле. Замелькали кусты, деревья, дома. Вдруг все замедлило бег, и деревья оказались маленькими, как травинки. Самолет накренился. Внизу крошечные люди махали руками. Земля сначала выгнулась, потом стала на место и плавно поплыла под ними.

Джура захохотал. Ему не было страшно, наоборот — охватило странное спокойствие, и он с любопытством глядел вниз.

Тэке чувствовал себя хуже. Он тревожно глядел на своего хозяина и не прочь был выпрыгнуть за борт самолета.

Джуре захотелось петь, кричать. Радость переполняла его. Еще бы! Его мечта сбылась! Что сказал бы Кучак? Чтó теперь ветер, сбрасывающий войлок с юрт! Он мчится быстрее ветра. Что ему дождь! Страшная буря ему нипочем. Он сам несется, как буря, над землей.

Летчик повернул голову и что-то закричал. Джура с трудом разобрал: «Будет холодно» — и понял, что надо надеть меховой халат. С морозом все же приходилось считаться.

Джура внимательно следил за действиями летчика. Среднего роста, худощавый, совсем с виду не сильный, он спокойно делал какие-то движения, и самолет послушно поворачивал в сторону, спускался ниже, поднимался вверх.

Джура чувствовал огромное уважение к летчику. Надо учиться. Если бы беленькая докторша выучила его читать, может быть, он уже знал бы многое. Как только разобьют басмачей, он всему научится: он сам будет

управлять железными птицами, он сам узнает, как делают огонь, музыку, — он все узнает.

Самолет летел рядом с горными вершинами, и они величественно проплывали мимо. Джура видел, что глубоко внизу, в ущелье, как точки, двигались люди. Людей было много. Они шли в правильном порядке. Очевидно, это были отряды.

Джура смотрел вниз и удивлялся: людей было очень много...

Самолет перевалил через горы, и Джура увидел разбросанные то там, то здесь, спрятанные между холмами группы войск. И как он их раньше не встречал, когда ехал сюда! Джура был уверен, что все они движутся к крепости спасать Козубая.

Они подлетали к снежным горам. Было очень холодно. Самолет вдруг накренился. Земля всколыхнулась. Джура схватился за крепления. Внизу сияли горы, снежные пики клонились на сторону. От резкого ветра из глаз потекли слезы.

Вдруг самолет ринулся вверх. Они летели близко-близко от камней, и тут только Джура почувствовал ту страшную скорость, с которой мчался самолет.

Внизу, глубоко под ними, открылась пропасть. Сначала Джура почувствовал необычайную легкость, потом его подбросило вверх, и они влетели в седловину между горами.

Джура не сразу узнал крепость. Летчик высунул руку за борт и указал вниз. Самолет начал скользить вниз, к земле. Крепость вырастала, приобретая знакомые очертания. Недалеко от крепости Джура заметил разбегающихся людей.

Джура прекрасно понимал ужас, обуявший горцев при виде железной птицы.

Самолет снова накренился и опять ринулся вниз. Джура вновь увидел внизу множество мечущихся фигурок.

Басмачи бежали во все стороны от крепости...

«Пулемет!» — услышал Джура. Сосед Джуры поднялся, схватил пулеметные ручки и, направив дуло в бегущих, нажал спуск.

Джуру подбросило вверх, и самолет пошел прямо. Джура старался угадать, где же среди бегущих Тагай.

Он всматривался, сердясь на слезы, вызванные ветром. Он увидел группу верховых, скакавших прочь, и закричал:

— Стреляй по ним!

Самолет, спотыкаясь о камни, прокатился по земле. Грохот сменился тишиной. Это было как после спуска на лавине.

— Вылезай скорее, стреляют! — крикнул пилот.

Джура выпрыгнул из самолета, захватив свою винтовку. За ним выпрыгнул Тэке.

Крепость была рядом. Из раскрытых ворот, стреляя на ходу, бежали джигиты добротряда. Кругом трещали выстрелы, свистели пули. Все пространство было усеяно трупами, но, как только стихла стрельба, басмачи стали подниматься и сдаваться в плен. Они с ужасом смотрели на самолет.

Джура увидел Козубая и подбежал к нему. Они крепко обнялись. Потом он радостно поздоровался с двумя бойцами из крепости.

Вдруг на Джуру набросился какой-то киргиз, увешанный оружием, обнял его, что-то бормоча и смеясь.

— Кучак! Ты ли это?! — закричал Джура.

— Я, конечно, я! Кто же еще мог тебя освободить!

Потом Джура увидел Саида, который ловил басмаческих лошадей. Чжао возвратился позже, ведя большую группу пленных.

Неподалеку стоял Максимов; он сразу узнал Джуру и подозвал его. Тут же стояли Муса и другие. Подойдя, Джура услышал слова Максимова:

— Поэтому, Козубай, тебя здесь сменят пограничные войска. Теперь мы всю границу запрем на крепкий замок, чтобы птица не пролетела. Всю систему охраны границы совершенно изменим. Ты же после смены отойдешь с добротрядом еще дальше в тыл, в Дараут-Курганскую крепость. Она пустует, и, я думаю, через годик-два в добротрядах вообще не будет нужды. Сейчас граница везде прочно заперта войсками, остатки басмаческих банд уйдут в горы и попытаются прорваться на север или за границу. А ты, Джура, молодец! Ты очень помог нам! И то, что сделал здесь первый самолет, поразительно! Мы следили за самолетом и напали на басмачей

сзади. Ты понимаешь, что теперь мы — хозяева самых неприступных ущелий? А самолеты с войсками — это новое оружие.

— Понимаю! — сказал Джура.

— Ты еще не все понимаешь, — вмешался Козубай. — Ты не понимаешь того, что значит явиться вовремя! А ты явился как раз вовремя.

— Врагов будем преследовать, — сказал Максимов. — Мне сообщили, что пограничники отрезали им пути отступления с востока и юга. Отступление с севера отрезано также. Басмачи рассеяны. Много перебито и еще больше взято в плен, но это полдела. Тагай, Кзицкий, имам Балбак и многие другие успели скрыться в горах. Сейчас же организуем пять групп преследования. Командиры — Федоров, Наганчик, Муса, Джура и Уразалиев со своими комсомольцами. Отличившиеся будут награждены. Кроме этих групп, будут преследовать басмачей и пограничники. Вы хорошо знаете здешние горы — вам и карты в руки.

— Наконец-то я смогу свободно гнаться за Тагаем! — сказал Джура. — Живым или мертвым, а я его доставлю.

— Помни, Джура, — сказал Максимов, — в первую очередь надо поймать имама Балбака, человека со стеклянным глазом в правой глазнице. Если у тебя будет выбор — Тагай или Балбак, лови Балбака.

— Козубай, — шепнул Джура, — отпусти со мной Саида. Он лучше всех знает тайные тропинки. (Козубай досадливо поморщился.) Я очень прошу, он мой друг, и он мне нужен. Я уверен, мне он поможет.

— Бери, если настаиваешь, — после небольшого раздумья сказал Козубай. — Возьми Чжао, Тага и еще нескольких бойцов и комсомольцев. Лучше, если будет небольшая боевая группа. Лошадей возьми басмаческих и сейчас же выезжай. Только тебе даем свободный маршрут... Ну, я верю тебе.

Саид выбрал лучших лошадей. Он очень радовался предстоящей поездке, и эту радость разделяли все: и Таг, и Чжао, и Джура. На следующее утро отряды выехали по указанным им маршрутам.

VI

Был тихий вечер. Зейнеб сидела у костра и переговаривалась с Абдулло-Джоном.

Со двора послышался шум. Кто-то громко кричал:

— Да знаете, кто я? Эй, не хватайся за карабин! Назад! Не подходите! Чуть что, бомбу швырну. Знаете, что такое бомба? Как рванет — и всех вас к аллаху... Ведите меня к командиру. Пошевеливайтесь! Я самый большой начальник, а сзади меня огромный отряд. Я над вашими начальниками начальник.

Зейнеб, Абдулло-Джон и Мамай быстро встали.

Послышалось пыхтение, и в кибитку вошел полный киргиз небольшого роста, в черном шелковом халате. Через его плечо висел маузер, в левой руке он держал карабин, в правой — гранату.

— Длиннорукий! — радостно сказал Мамай.

— Да это Кучак! Здравствуй, Кучак! — закричала Зейнеб и, завизжав от радости, подбежала к нему и крепко его поцеловала. — Это Кучак! Это Кучак!

— Ого, Зейнеб, здравствуй! Какая ты красивая стала! А трудно меня узнать? Халат какой, ты пощупай: шелковый! А сапоги видала? Нет, ты посмотри!.. Зови всех наших, пусть смотрят на меня, — сказал Кучак. — И дайте мне поесть, я отощал, как сурок зимой. Там, внизу, мой отряд — сто человек. Пусть сюда их приведут, накормят, напоят. Сам Максимов послал меня сюда. «Спаси, говорит, кишлак». Я пошел, со мной сотня бойцов-удальцов. И с джигитами добротряда мой помощник Муса.

— Отряд из бывших басмачей? — быстро спросил Абдулло-Джон.

— Нет, из джигитов добротряда, из сарыкольских комсомольцев. Басмачей не берем. Помогаем пограничникам! А, — сказал Кучак, несколько сбавив тон, — да ты сам добротрядец! — Не ожидая приглашения, он запустил руку в котел и вынул баранью ножку. — Я всех басмачей знаю. Это я их разогнал. Почему я не вижу айрана? Где айран?

Абдулло-Джон вышел.

Женщины вбегали в юрту и обнимали Кучака.

— Задавите! — сказала Зейнеб и вдруг заскучала.

На первых порах она очень обрадовалась Кучаку. Но сейчас она потеряла последнюю надежду. Если Кучак пришел один — значит, Джуру убили... еще там... в Кашгарии... в яме, после неудачной попытки бежать. Когда она услышала об этом от старухи Курляуш, то чуть не сошла с ума. Со слов Мамая — первого сдавшегося женщинам басмача — о длиннорукой смутьяне из кишлака Мин-Архар Зейнеб сразу поняла, о ком идет речь. И все же надеялась на чудо. А вдруг не Кучак, а Джура! И вот длиннорукий Кучак здесь, живой и здоровый. Судьба!

— Пусть давят, — ответил Кучак, не переставая есть. — Что это за бабье войско? Мой друг Максимов смеяться будет.

— Многие басмачи до сих пор скалят зубы. Пойди посмотри на черепа под скалой, — обиженно ответила Зейнеб.

— Так это вы их?

— А кто же?

Абдулло-Джон ввел в юрту десять пленных.

— Ты, Кучак, был в крепости — может быть, ты их знаешь? — спросил Абдулло-Джон.

Кучак молча ел, внимательно осматривая вошедших. Пленные стояли опустив голову. Некоторые были в шелковых цветных халатах, в богато расшитых тюбетейках, а на одном, прятавшемся позади остальных, красовалась белая шелковая чалма, закрывавшая часть лица. Кучак старался и не мог вспомнить, где он его видел.

— Ну? — торопил его Абдулло-Джон.

— Этих знаю, — сказал Кучак, показывая костью на пленных. — Вот этот из-под Мургаба, вечно голодный и потому злой. В кабале у своего бая, семья у него большая. Я ему предсказал, что если будет меня слушать, то попадет домой. Этот, — показал Кучак ножом на низенького брюнета, — этот таджик из Кала-и-Хумба. Он, когда стреляет, закрывает глаза и голову прячет вниз. Этот, — кивнул Кучак на толстого, с отвисшими губами басмача, — этого я знаю: это подлая лисица, он все подслушивал, что говорили другие, и сразу бежал к Тагаю рассказывать. Из-за него человек пять пропало.

Кучак всматривался, стараясь разглядеть человека в белой чалме.

— Эй, эй, белая чалма, ты куда? — поспешно крикнул он.

Человека в белой чалме вытолкнули из толпы к Кучаку.

— Я бедный человек, я темный... — говорил тот тихо.

Кучак вдруг быстро вскочил. Бросив нож, он протянул руку к кобуре. Пленные попятились. Басмач в белой чалме бросился в толпу пленных, растолкал всех и выбежал из кибитки. За ним помчались несколько человек из отряда Абдулло-Джона.

— Держи, лови! — с мольбою в голосе закричал Кучак, выскакивая вслед за ним из кибитки и стреляя вдогонку.

Он видел, как человек помчался по склону, и сам побежал за ним.

Вскоре Кучака догнала Зейнеб со сворой собак:

— Найдем по следу!

Они добежали вслед за собаками до горной реки. Собаки растерянно метались по берегу и лаяли. Кучак бил себя кулаком по голове и говорил, чуть не плача:

— И что за проклятая судьба! Он был у меня в руках и убежал! Найти его, найти во что бы то ни стало! Максимов ничего не пожалеет. Найди его, Зейнеб, прошу тебя!

И Кучак в отчаянии стрелял в темноту.

— Да кто он?

— Главный шпион. Это опасный враг.

— Почему стреляешь? Куда ты пропал? Ты, как проводник, должен быть все время при мне! — С этими словами из темноты вышел Муса.

— Вот, — сказал Кучак, — мой друг Муса. Мы пришли вместе с отрядом переловить всех басмачей. А это Зейнеб, жена Джуры.

Разгневанная Зейнеб замахнулась на Кучака, но не ударила. Если человек, от горя, что бежал его враг, потерял голову и стреляет наугад в темноту, то такой и вместо слова «вдова» скажет «жена» и сам не заметит этого. «У-у-у, синий осел!»

Увидев подошедшего Абдулло-Джона, Муса бросился к нему навстречу.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Значит, мы выполнили приказ, раз встречаемся в указанном месте. Надо послать об этом донесение.

— И очень прошу, сейчас же пошли бойцов искать только что убежавшего басмача. Очень опасный басмач. Он побежал через реку, туда! — И Кучак показал рукой направление.

Абдулло-Джон тотчас же приказал пяти бойцам из своего отряда «краснопалочников» отправиться в погоню. Ночь была безлунная, пасмурная, и разглядеть в темноте среди валунов человека было почти невозможно. Зейнеб распорядилась, чтобы одна из женщин взяла собак и сопровождала «краснопалочников», но собаки не понимали, чего от них хотят, и не хотели лезть в бурную реку.

Все собрались в юрте слушать Кучака. Зейнеб села у стенки.

— Я расскажу вам, — начал неторопливо Кучак, — почему не была взята крепость и что случилось. Налейте мне айрана, у меня першит в горле.

— Только говори правду, начальник, — насмешливо сказал Муса.

Кучак помолчал.

— Джура всегда говорил, — начал он свой рассказ, — что я самый темный человек, а я видел таких темных, что и слов не подберешь. Ага-хан написал пирам, пиры сказали своим мюридам — исмаилитам, и те, как овцы, пришли к Тагаю и записались басмачами. Но еще больше было простого, подневольного баям народа. Только и видели эти каратегинцы за всю свою жизнь что родной кишлак в горах. Только и ели они что тутовые ягоды, перемолотые в муку. Поэтому, когда им дали по ячменной лепешке, напоминающей подошву, они обрадовались, как будто попали в рай. В жизни не видел я более храбрых, чем эти горцы! Идут на крепость — кричат, как и все: «Чар-яр!»

— Да ты о деле говори, — сказал Абдулло-Джон, — а то и до утра не закончишь.

— Все по порядку слушай! — сказал ему Кучак сердито. — Максимов попросил меня, я сказал: «Хорошо» — и пошел в басмачи к Тагаю, в десяток Рыжебородого. Да, а перед этим я разогнал басмачей Шарафа, и, не

будь меня, Горный кишлак был бы до сих пор у басмачей. Вы, наверно, об этом слышали, а о делах у крепости я вам сейчас расскажу.

Записался я в басмачи к Тагаю, получил винтовку и начал петь о Манасе. Пою, пою — и скажу несколько слов: «Кому служим? Что получаем? Далеко нашим курбаши до славы Манаса, а о Максимове и Козубае уже поют песни». Поговорю с одним, поговорю с другим.

Я узнал, сколько бойцов, какое оружие, кто командует, и рассказал Максимову. «Ты, — говорит он, — пугай басмачей. Исмаилитам говори, что пришел новый фирман от Ага-хана, только курбаши его перехватили и прячут, а в том фирмане написано, чтобы все исмаилиты шли домой и чтобы все надели новый талисман». Дал он мне много пятиконечных звездочек, зашитых в треугольник из материи. Я их роздал исмаилитам против пуль. Они берут, на шею вешают. А с одним я пошел к Линезе. «Вот, говорю, какой я верный! К тебе пришел, чтобы сказать, что все каратегинцы носят такое, а в середине пятиконечная звезда. Недаром они слывут большевиками. У них тайный заговор против вас».

Линеза мне спасибо сказал. Ночью горцев обыскали. Отобрали винтовки у многих горцев. Они обиделись и домой хотят идти, а тут вмешался имам Балбак... чтоб он подох, проклятый! Начал расспрашивать у исмаилитов, кто им это дал да что говорил. Потом я начал так делать: сижу ночью с вновь принятыми басмачами и им знамения объясняю.

Плохие для басмачей знамения были: солнце в кровь садилось, во́роны над нами летали, звезды падали. Расспрошу, кто бедняк, с тем поговорю. Целые дни по становищу хожу, с недавно принятыми басмачами шепчусь и все предсказываю. Меня даже бояться начали, уважать стали. Одного манасчи расспросил, кто он, откуда, как попал. Потом сказал ему: «Позови других саанчи, кто так, как ты, думает, — разговор будет». Сели мы в лощине и насвой сосем. Я и говорю: «Я вам, друзья, добра хочу. Плохие над нами знамения. Очень много звезд сыплется — много смертей будет. Давайте убежим и будем байский скот делить! Нехорошо, что

один богатый, а другой бедный. Я, говорю, хорошо знаю, что сюда идет большое красное войско. Сам Шайтан Максимов впереди. Все пропадем! Давайте свою жизнь пожалеем, зачем нам защищать богатство богатых!»

Многие испугались этих слов. Я думал, на другой вечер никто не придет и меня выдадут курбаши... В первый вечер было одиннадцать человек, а на второй целых сорок человек собрались. Несколько человек, что были в первый раз, не пришли, зато много новых пришло, а на третий уже пришли восемьдесят четыре, а на четвертый — сотни полторы.

Я говорю: «Мы бедные, простые люди, нас нетрудно и обмануть. Закон против нас. Давайте мы сами построим себе жизнь, сами выберем себе судей и сами напишем законы и все богатства себе возьмем. Каждый получит в собственность лошадей, баранов. Ячмень сеять будем. Что мы, бессловесные твари, рабы? Мы хотим быть уважаемыми людьми».

Много я говорил такого, а тут из толпы выходит мулла в зеленой чалме, а лицо у него платком обвязано — зубы болят. Потом уже все поняли, что кто-то нашептал Казиски, что мы потихоньку собираемся.

Очень ученый был мулла, он мне прямо по корану ответил.

«Мечты, говорит, о будущем, как лучше жить — слепые и ненужные грезы. О них пророк сказал: «Грезы идут от дьявола». Если кого-либо будут мучить эти грезы, пусть он плюнет налево, ищет у бога убежища против видения. Ты, говорит, говоришь об ужасе рабства, но сам пророк сказал: «Каждый из вас способен делать то, для чего он был сотворен». Даже пророки неравны перед богом в своем достоинстве, а вы хотите сравнять всех людей. Умершие в битве перейдут в рай, а грешники, забывшие аллаха, падут в бездны ада и будут среди знойного ветра и кипящей воды. В тени от черного дыма не будет им ни прохлады, ни отрады. А вас, говорит, праведников, ожидают в раю неземные услады. Захотевший увидеть мучения своих неверных врагов сможет подойти к окну, в котором он увидит муки отверженных, и радость войдет при этом в его сердце. Такова участь тех, кто пойдет

за знаменем пророка и наместников его. Покоритесь вере во имя бога милостивого и милосердного. Все это, говорит, написано в коране, и знающие подтвердят это».

Некоторые кричали: «Правильно!», а я рассердился очень — я не люблю, когда мне перечат, — вскочил и говорю: «Зачем мне райская жизнь на небе после моей смерти? Ты дай мне райскую жизнь, пока я живу на земле! Посмотри: баи толстые от многих чаш кумыса, не один десяток баранов переварился у каждого в желудке, они сидят дома, ласкают жен и слушают манасчи, а нас, бедняков, послали на смерть. Эту войну придумали богатые, чтобы за них воевали бедные. Почему курбаши идут сзади всех, когда мы на крепость идем? Ведь они тоже попадут в рай, если их убьют? Отвечай!»

Мулла вынул маузер и закричал:

«Это большевик, ловите! Мы узнали, кто его подослал! Держите его!»

Пять человек побежали ловить, а другие сидят и насвой сосут, пройти им мешают. Я спрятался в толпе и кричу:

«Горный кишлак заняли красные! Шайтан Максимов во главе десяти тысяч окружает нас! Не сегодня-завтра всех перебьет!»

Мулла видит — дело плохо, побежал жаловаться курбаши. Темно уже было. Прискакал Тагай со своими басмачами, стали они ловить меня, а кого ловить, и сами не знают. Я им помогал ловить... — Кучак довольно засмеялся. — С того дня и пошло: что ни день — десятка два новых басмачей и разбегутся. Казиски приказал караулить и ночью никого из становища не выпускать. Выйдет кто-нибудь по нужде, а за ним вооруженный басмач из тех, что пришли с Тагаем или Казиски. Потом Чжао в крепости стал воду из камней добывать...

— Это мы знаем! — крикнула Зейнеб. — Дальше, дело говори.

— Мешать будешь — совсем не расскажу, — рассерженно сказал Кучак. — А крепость басмачам не сдается. Держится. Тагай два раза предсказывал ее гибель, а я — наоборот. Ему перестали верить, мне все больше

верят. А тут еще воду кто-то отравил в крепости. Хотел узнать имя предателя, никто не знает. Говорят, дружок Тагая. Мне потом Саид сказал, что это Чжао сделал. Но зачем тогда Чжао было выдумывать воду из камней?

Осмелел я, опять собрал людей и говорю: «За кого воюете? В какую сторону смотрите? Убегайте — плохо будет!» Другой раз собрал. А на четвертый вечер басмачей видимо-невидимо собралось. Имам Балбак пришел. Зло меня взяло. Я стал горячий, как кипяток, думал — все равно умирать, наговорил ему много, и стали меня ловить. Днем у Максимова сижу, а ночью к басмачам хожу. А тут басмачи стали беспокоиться: разведчики у них исчезают. Оно и понятно. Какой заедет в ущелье, а отряд Максимова на что?

«Пора!» — сказал однажды Максимов. Ночью он разделил свой отряд надвое и послал на гору, ближе к басмаческому становищу. Хитро придумал! Это было в пятницу. А утром, только что басмачи сделали намаз, вдруг слышат: врр-ррр-ррр!.. — и все сильнее, как будто большая муха летит. Басмачи смотрят влево, смотрят вправо — ничего не видно. А Максимов мне говорит: «Это аэроплан. Садись на коня, бери бомбы, скачи к басмачам. Сам не бойся: это такая железная птица, она нам помогает».

Сел я на коня, скачу, а из-за горы птица летит, большая-большая, и «врр-ррр-ррр» кричит. Испугался я, конь несет — тоже испугался, а птица все ниже, ниже... Басмачи не заметили меня, на небо смотрят, а я ворвался в середину табора, кричу: «Ангел смерти прилетел! Спасайтесь, бегите, кто жить хочет!..» Бросились басмачи бежать. Я никогда не видел, чтобы люди так бегали, а Казиски кричит: «Не бойтесь, это аэроплан, стреляйте!» Куда там! Винтовки побросали, бегут в горы. А тут Максимов начал наступать со своим отрядом. Басмачи окружены — некуда деться. Начали все сдаваться в плен...

Потом Максимов говорил, что я очень умный. «Если бы не ты, — сказал он, — мы бы погибли. Ты великий человек, Кучак...»

— Положим, он этого не говорил, — сказал Муса.

— Ну, правда, не говорил, — быстро согласился Кучак. — А ты сам хорош — у нас в Мин-Архаре был, а еще просишь проводника...

— Потом спорить будешь,—сказал Абдулло-Джон.— Продолжай дальше, что было.

— Басмачи бегут, — продолжал рассказ Кучак. — А когда аэроплан по земле побежал и остановился, оттуда вылез Джура.

— Какой Джура? — громко крикнула Зейнеб. — Какой Джура, говори скорее!

— Что ты торопишься? «Какой Джура»! Наш Джура.

— Так почему ты мне сразу не сказал, что Джура жив? Все о себе... А Джура...

От волнения Зейнеб не могла вымолвить ни слова Ком невыплаканных слез стоял в горле, и в ушах звенело. Значит, старуха Курляуш наврала. Джура жив. И здесь! О судьба! А может быть, Джуру убили в схватке?

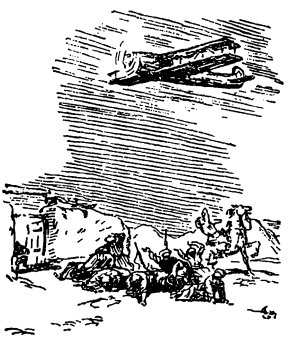
— Джура жив? — Зейнеб подбежала и обеими руками повернула голову Кучака к себе, чтобы видеть его глаза.

— Конечно, жив! Джура жив! Ты что? — Кучак с трудом освободил голову, но Зейнеб села напротив и все время смотрела в глаза Кучаку.

— Я говорю, — аэроплан на земле сел, из него вылезли Джура, Тэке... Из крепости Козубай бежит, наши друзья бегут. Тэке визжит, на Джуру прыгает. Джура обнимает Козубая. Я русского обнимаю. Все обнимаются, потом пулеметы на лошадей — и за басмачами. Джура сразу вскочил на коня. С ним вместе отправились Саид, Чжао и еще много людей. В тот же день приехало много-много кизил-аскеров. У всех красные звезды на шапках, все на лошадях, у всех одинаковые винтовки, одинаковые седла. Они, когда Максимов послал письмо, не могли прибыть сразу, потому что перевалы завалило снегом и несколько дней прочищали путь. Ночью пришел еще отряд. А потом все пошли добивать басмачей. Теперь везде будут кизил-аскеры Нам там делать больше нечего. Максимов говорит: «Ты, Кучак, великий человек, если бы не ты ..»

— Ну вот, опять за свое! — сказала Биби. — Ты правду говори. Это интереснее.

— А ты молчи, маленькая еще! Старших слушай, умных. Меня Максимов... Ну ладно уж! Теперь пограничники добивают басмачей возле границы, а я с Мусой взял прибывших сарыкольских комсомольцев, джигитов и прямо через Биллянд-Киик к вам. Вот как я басмачей кончил. «Ты людей знаешь, дороги знаешь, — сказал мне Максимов. — Действуй!» А Козубай мне руку пожал и говорит: «Ты, Кучак, — герой!» Вот: сам Козубай мне сказал, что я герой! И это уже правда! Потом убитых бойцов похоронили. Начальники слово говорили, и я говорил. Тагай скрылся в горах. Имам Балбак — тоже. Надо быть настороже. Как говорит пословица: вода спит, а враг — нет.





Часть пятая

ЛЕС НЕ БЫВАЕТ БЕЗ ЗВЕРЕЙ

I

Пастушья звезда стояла высоко над горой. Ничто не нарушало безмолвия памирской ночи, и даже, казалось, застыл сам воздух. Затаились птицы, задремали звери, а высоко-высоко в небе дрожали и искрились звезды, посылая на землю скупой, призрачный свет. И только беспокойные люди, не давая отдыха ни себе, ни лошадям, двигались цепочкой по гребню горы все вперед и вперед.

Тихо шел отряд. Скрипела галька под копытами, да изредка раздавался испуганный храп коня, почуявшего зверя. Измученные лошади шатались от усталости и спотыкались даже о небольшие камни. Уже несколько дней Джура и его спутники преследовали по пятам Тагая.

Курбаши с десятью басмачами уходил на юг. Бандиты кружили по горам, прятались в ущельях, стараясь всячески обмануть преследователей.

Впереди отряда на черном жеребце ехал Джура. Рядом с ним бежал Тэке. За Джурой, вытянувшись цепочкой, ехали Саид, Чжао, Таг и еще семь бойцов.

Мысль о предстоящем бое с Тагаем радовала и волновала Джуру. Он мечтал отомстить во что бы то ни стало. Что могло увлечь его сильнее, чем преследование опасных врагов среди родных гор! Он понимал теперь, что делает большое дело. Им руководило не только желание отомстить за Зейнеб, он знал: если Тагай будет уничтожен, то жить станет легче всем. Он все еще был в том праздничном настроении, которое не покидало его с тех пор, как он сел в самолет. Он снова и снова вспоминал и переживал это величайшее событие в своей жизни.

Могучие вершины, на которые никогда не ступала нога человека, оказались под ногами Джуры. Облака распростерлись внизу, закрывая землю. Перелетая Алайский хребет, Джура увидел парящего глубоко под ним кондора.

А как разбегались басмачи, завидев самолет! В страхе они сбивали друг друга с ног, метались, как овцы, спасающиеся от барса. Да, это была жизнь!

Чья-то рука схватила коня Джуры за поводья. Джура очнулся от своих дум.

— Не гони, — убеждал Чжао. — Наши кони устали, идут из последних сил, и мы не можем поспеть за тобой. Люди продержатся, но лошадям надо отдохнуть.

— Надо спешить, — подъезжая к Джуре, сказал Саид. — Во время разведки я видел басмачей. Они прошли здесь. Мы скоро настигнем их. Почему ты не хочешь гнаться за басмачами, Чжао? Почему ты нам мешаешь?

— Мы отдохнем после боя, — сказал Джура и тронул коня.

— Кони устали, не идут, — опять возразил Чжао.

— Надо облегчить лошадей, — предложил Саид.

— Бросай все лишнее! — приказал Джура. — Еды оставить на двое суток, патронов по пятьдесят на человека и по две гранаты. Сегодня мы должны настигнуть басмачей. У них много и всякой еды и патронов.

Спрятали в камнях лишние патроны, теплую одежду и сухари.

Скоро отряд опять двинулся в путь.

Полной грудью вдыхал Джура бодрящий, холодный ночной воздух, пристально смотрел вперед, оглядывая каждую скалу, каждый камень, попадающийся по дороге. Он мгновенно прикидывал, сколько за выступом скалы могло бы поместиться врагов и можно ли укрыться за камни, если вдруг покажутся басмачи.

Возле выступа скалы Тэке зарычал, конь захрапел и стал забирать вправо. Джура стегнул его нагайкой. В седловине Тэке спугнул уларов. Они засвистели и исчезли в ночной мгле. Джура решительно остановил коня.

— Саид, — позвал он, — ты своими глазами видел, что здесь недавно проходили басмачи?

— Да побьет меня огонь! Да провались я... — начал Саид.

— Врешь! — сказал Джура.

— Кто сказал, что я вру? Чжао? — шепотом сердито спросил Саид.

— Барс, которого мы встретили у выступа, и эти улары. Если бы басмачи прошли здесь, они спугнули бы зверя и птиц. Понял?

Саид молчал.

— Говори громко, их и близко здесь нет!

— Вечернее солнце обманчиво. Неужели я принял кииков за басмачей? — произнес Саид.

— Покормим лошадей, — предложил Чжао, — а сами поедем на разведку. Саид обождет здесь.

— Чжао! Ты не веришь мне, не веришь? А кому поручали сторожить водоем в крепости и вода оказалась отравленной? Тебе! — зло закричал Саид.

— Да, ты громче всех кричал, чтобы меня расстреляли, — спокойно ответил Чжао.

— Я громче всех кричал о помиловании!

— И это кричал, — согласился Чжао.

— Вы оба болтливы, как сороки! — рассердился Джура. — Идите в разведку! Здесь с лошадьми оставим двух бойцов.

Чжао и Саид пошли в разные стороны. Бойцы по указанию Джуры полезли на вершины скал, окружавших седловину, посмотреть, не видно ли костров. Джу-

ра лег в углубление у скалы и развернул перед собой карту. Таг снял свой халат и, став на колени, держал его так, чтобы со стороны нельзя было увидеть огонь фонарика.

— Это правда, что Саид требовал расстрела Чжао? — вдруг спросил Джура.

— Я был тогда в крепости, — ответил Таг. — Никто не знал, кто отравил воду, а сторожил Чжао. Я видел, к водоему подходил Саид, подходили и другие.

Джура ничего не ответил. Чжао возвратился и поднялся к Джуре.

— Я прислушался к крикам зверей и птиц, как ты говорил, — прошептал Чжао. — На этой южной горе из ущелья три раза свистели улары, в разных местах: сначала там, потом там. — И Чжао показал рукой, где кричали улары. — Одна стая пролетела оттуда мимо меня. Птицы очень напуганы. Это не от зверя.

— Они там! — уверенно сказал Джура и тоже показал рукой на юг.

— Ты совсем ничего не ешь, Джура, это плохо. На, возьми. — И Чжао протянул лепешку.

— Не до еды! — ответил Джура.

— Чжао, как баба, только и думает что о еде да отдыхе! — послышался голос Саида, и его голова показалась из-за выступа.

— Ты неправ, Саид... — начал Чжао.

— Не верь ему, Джура, он болтает просто так. Верь мне!

— Мы поднимемся на гору к югу от нас, — сказал Джура тоном, не терпящим возражения.

— Я это самое хотел посоветовать тебе, — смиренно заявил Саид.

— Нехорошо друзьям ссориться, — обратился Джура к товарищам. — Уничтожить басмачей — наше общее дело. Разве ты, Саид, не так же мучился в яме, как и Чжао? Подайте друг другу руку!

Оба улыбнулись — Чжао печально, Саид насмешливо — и подали друг другу руку.

За последнее время Джура подмечал странную неприязнь между Чжао и Саидом. Их пререкания и ссоры сердили Джуру. Разве так себя должны вести на-

стоящие друзья? Но Джура считал, что виной всему утомление, бессонные ночи и неудачи. Как только они перебьют басмачей, все уладится. Подружившись с Чжао и Саидом еще в яме-тюрьме, Джура раз и навсегда считал их верными друзьями. Друг есть друг. Дружба — самое святое на свете. Об этом пели манасчи. Песни о дружбе были известны каждому.

— Ты чего? — спросил Джура, заметив, что Таг прятался в тени во время его разговора с Чжао и Саидом и ни на минутку не заснул, хотя еле держался на ногах от усталости.

— Так, ничего, — уклончиво ответил Таг.

— Я прикажу привязать тебя к коню, и ты выспишься в седле.

— Не надо, — ответил Таг и, показав револьвер, привешенный на ремешке к кисти правой руки, добавил: — Его дал мне Козубай и приказал: «Никогда не оставляй Джуру наедине с Саидом и Чжао».

— Ложись и спи, мне не нужно нянек! — ответил Джура и нахмурился.

При подъеме на гору три лошади окончательно выбились из сил. Их оставили на склоне горы, надеясь, что они со временем оправятся: вокруг было много травы, внизу была река. К утру в ложбине по ту сторону горы нашли еще горячие угли.

— Не понимаю, — сказал Джура, — три раза мы перерезáли басмачам дорогу и ждали их в засаде, два раза мы почти настигали их и все же не догнали.

— Может быть, у них такие бинокли, что видят на сто верст сквозь камни и горы? — спросил Саид. — Слишком много басмачи знают.

— По твоему совету, Саид, мы выбросили лишний груз, а еды оставили только на два дня. Что мы будем есть? — спросил Чжао.

— Поступай как Джура, — сказал Саид так громко, чтобы Джура мог его слышать, — он, как великий воин, не обременяет живот пищей. Гнев питает его.

— Что будем есть? — спрашивали бойцы.

— Лошадей, — ответил Саид, хотя и так уже на одной лошади ехало по два человека.

— Саид, — обратился к нему Джура, — ты клялся,

что знаешь эти горы, как свой двор. Ты обещал провести нас так, что мы нагоним басмачей через три дня. Я даю тебе еще один день...

— А потом? — спросил Саид и шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

Джура ничего не ответил.

— Сколько ты заплатишь мне за голову Тагая?

— Я возьму ее сам, Саид, — ответил Джура.

— Я ухожу на разведку, ждите меня здесь, — предупредил Саид.

Он переобулся, проверил винтовку и ушел в южном направлении, предупредив, чтобы никто не шел за ним и по неосторожности не выдал его.

Весь день отряд ждал его. Сдержанный и незаметный, Чжао, как всегда, делал все за всех. Пока измученные бойцы спали, он собрал топливо, разжег костер, зажарил конину и вскипятил чай. Всегда скромный и молчаливый, он старался теперь все время быть около Джуры, чтобы в нужный момент предостеречь его от опасности.

Джура не любил и не хотел заниматься мелочами походной жизни и выслушивать сетования и опасения Чжао. Он считал, что друзья из любви к нему ревнуют друг друга и мешают ему своими мелкими дрязгами в большом, великом деле.

II

Саид и на самом деле знал эти горы, как свой двор. Уже через несколько часов пути он догнал басмачей, а еще через час он, Тагай и Балбак сидели вокруг достурхана с остатками вкусной снеди, и Саид, слушая их, ковырял в зубах перышком улара.

— Я не верю, — говорил Тагай, — что ты не можешь задержать отряд. Сбей его с пути, заведи в сторону, подальше в горы. Задержи, наконец! Иначе он нас загонит к пограничникам.

— Я уводил их в противоположную сторону от вашего пути, заставлял их влезать на такие скалы, что у меня самого чуть сердце не лопнуло. Я завел их в ледник, где не пройти лошадям, — они положили попоны и чапаны на скользкий лед и провели по ним лоша-

дей. Я заставил их выбросить пищу и часть патронов. Я посадил их по двое на одну лошадь. Я завел их на Белую гору, а Джура и оттуда пронюхал, где вы. Как он это сделал, я не знаю. Черт, не человек!

— Тебе мало того, что я тебе уже дал и что обещал? Говори, сколько? Или ты продался Джуре?

— У Джуры нет золота, чтобы купить меня. И никогда у него не будет золота. Он одержимый. За то, что я взял у караванщиков не более чем на сто тенег, он чуть не убил меня. Проклятый мальчишка! Он... — Саид сдержался. — Не думайте, что от этого он вам обойдется дешевле. Он вам будет стоить столько, за сколько бы вы выкупили свою жизнь, чтобы не умереть сейчас.

— Есть человек, который готов заплатить за его голову тридцать тысяч золотом, — сказал Тагай и посмотрел на имама.

Балбак молча кивнул головой.

— Голову? Его голову стережет проклятый китаец, а мальчишка тоже ни на шаг не отходит от него. Собака никогда не даст отрезать у него голову, даже у трупа. Надо сначала убить ее, а это можно сделать, только перебив весь отряд, включая мальчишку. Джура дал мне сутки сроку, чтобы я нашел вас. Если я вас не найду, мне придется бежать, а через двое суток он вас все равно настигнет. От него не убежите.

— Мы спешим на юг. У нас слишком важное дело, чтобы рисковать и принимать бой, — сказал Тагай.

— Надо другое. Надо хитрее. Он стреляет без промаха, и бой не годится. Устройте засаду, пожертвуйте десятью джигитами, — предложил Саид.

— Засаду в скалах? Это пустая забава для Джуры. Он видит, как черт, и у него собака, — возразил Тагай.

— У меня есть план, — вмешался молчавший до сих пор имам Балбак. Он развернул карту. — Отсюда течет река, возле реки — заросли тугаев, а над тугаями — крутая гора. Сойти с этой горы можно или по крутому открытому склону, по которому спускаться может только сумасшедший, или с другой стороны — по узкому проходу, еще более суженному внизу, меж камней.. Мой план таков... — И Балбак, обняв за шею Тагая и

Саида, притянул их головы к себе и говорил так тихо, что даже пугливая красноносая альпийская галка, севшая рядом, не улетела.

...Саид возвратился поздно вечером.

— Нашел след, нашел басмачей! — сообщал он каждому. — Басмачи начали жечь костры. Наверно, решили, что уже запутали свои следы.

— Где ты видел их?

— Там. — Саид махнул рукой в сторону юга. — Я поведу отряд, я знаю эти места. Поспешим!

Отряд тронулся по склону горы вслед за Саидом.

Саид отозвал Чжао в сторону и сказал:

— Я виноват перед тобой, и Джура сердит на тебя. Я друг тебе и хочу, чтобы ты забыл мои слова.

Чжао молчал.

— Я знаю, что в камышах, в том месте, где этот поток впадает в большую реку, расположились басмачи. Ты видишь, там огонек — я его заметил первый! Пойди же и сам скажи об этом Джуре. Он поедет, посмотрит и тебе скажет спасибо. Мы обойдем басмачей справа, а утром уничтожим их.

Чжао молчал, пристально вглядываясь в лицо Саида. Но косые глаза Саида, казалось, глядели на кончик собственного носа. Давно уже Чжао искал случая вывести Саида на чистую воду. Теперь, по-видимому, Саид не врет и басмачи остановились в тугаях. Но почему Саид так любезен с Чжао? Это неспроста. Тут какая-то хитрость. Ну что ж! Надо ждать, все выяснится позже. Может быть, надо хитрить и самому. Чжао дружески хлопнул Саида по плечу:

— Ты хороший друг!

— Для такого друга, как ты, я на все готов, — ответил Саид и подозрительно посмотрел на Чжао.

Саид не мог определить — обманул он Чжао или теперь сам Чжао решил вести с ним игру.

Саид волновался. Засада будет их ждать справа и слева. Лишь бы только Джура спустился к тугаям!

Чжао сказал Джуре о далеком огне. Подъехавший Джура увидел: в далеких тугаях мерцает огонь костра. По приказу Джуры отряд двинулся в путь. Возбуждение бойцов передалось лошадям, и они шли бодро.

Чжао ехал сосредоточенный и задумчивый: сколько

он ни думал, не мог разгадать игры Саида. Он сердился на себя и даже, забывшись, тихонько запел песню. Джура приказал замолчать.

Каждый думал о своем. Глаза Саида, блестевшие даже при свете звезд, выдавали его волнение.

III

Небо на востоке побелело, а отряд все шел.

Внезапно Тэке, бежавший впереди, остановился. Подойдя к нему, остановился конь Джуры, а вслед за ним и остальные лошади. Джура увидел под ногами обрыв, а ниже — речную долину, зажатую между гор.

Джура пытливо всматривался. Он видел под обрывом камни и песок, а немного дальше — густые заросли тугаев. За ними — извилистая лента реки. Вокруг было тихо.

— Слезайте, приехали, — хрипло сказал Джура и прокашлялся, как будто освобождался от комка, засевшего в горле. — Приехали, — повторил он и соскочил с седла.

Жеребец пошатнулся и жадно потянулся к траве. Жесткая, как проволока, она пробивалась чахлыми кустиками кое-где меж камней. Закинув повод на луку седла, Джура решил дать коню отдых. То же сделали остальные, и лошади, тяжело вздыхая, понурили головы и послушно замерли.

— Двое пойдут сюда, — Саид показал на щель, прорезавшую склон зигзагами, — а остальные сюда. — Он показал на небольшое ущелье справа. — Тогда мы зайдем с двух сторон.

— Пусть Чжао идет со мной, — сказал Джура. — Ты, Саид, и ты, Таг, идите с отрядом справа. Вышлите вперед разведку и сами пойдите с ней.

Чжао схватил Джуру за рукав.

— Нельзя сюда, — сказал он, показывая на выемку слева. — Если спустимся — прямо в лапы басмачей. Внизу голая стена, негде спрятаться. На этих голых скалах нас только и прячет ночь.

— Ага, говорил, а теперь на попятный! — сказал

сердито Саид. — Что ты понимаешь! Джура — батыр, он один со всеми справится, да и я помогу.

— Нельзя, совсем нельзя! — тихо сказал Чжао. — Это может оказаться ловушкой.

Джура понимал справедливость слов Чжао, но ему не терпелось. Скоро рассвет, и тогда будет поздно. Джура рвался в бой.

— Пошли! — сказал он. — Мы сюда, а вы туда. Внизу сойдемся.

— Смотри, — и Чжао показал рукой вправо, — внизу узкий, как колодец, проход. Как пойдем? Может, там басмачи? Надо подождать и послать вперед разведку.

— Испугался? — спросил Джура.

Чжао затосковал. Он понимал, что теперь никакими доводами Джуру не удастся уговорить переждать.

— Я не испугался, я иду. Я с тобой, Джура, буду умирать, — сказал Чжао.

— Нет, нет, я с Джурой! — запротестовал Саид и прошептал Джуре: — Хитрит он, о смерти заговорил!

— Я решил: иди ты, Саид, с отрядом, а Чжао со мной, внизу сойдемся. — И Джура пошел вниз.

Чжао схватил Джуру за рукав.

— Это ловушка! — повторил он.

Джура стряхнул его руку:

— Она окажется ловушкой для басмачей. Пошли!

Бойцы сняли винтовки и, взяв лошадей за поводья, двинулись вслед за Саидом направо.

— Разведку бы послать, — сказал Таг.

— Чепуха, — сказал Саид, — никакой опасности! — и пошел вперед, неожиданно закурив цигарку.

Это был знак для басмачей, сидевших в засаде, чтобы по Саиду не стреляли.

Джура спускался по выемке, Тэке бежал впереди. Внезапно из ближних тугаев, темневших на лугу, послышались выстрелы. Джура притворился убитым и покатился вниз. Выстрелы прекратились. У первого же камня Джура задержался, поднял голову и огляделся. Чжао нигде не было видно.

Сделать басмаческую ловушку ловушкой для басмачей — вот о чем думал Джура и беспокоился о Чжао. Неужели убили? Чжао правильно говорил, а Саид...

Впрочем, он, Джура, и без советов Саида спускался бы здесь. Он не трус, чтобы посылать под пули других.

К Джуре примчался Тэке. Он рычал, обнюхивал хозяина и все порывался лизать руку, с которой капала кровь.

— Ничего, жив, пуля оцарапала, — прошептал Джура, тяжело дыша.

Оторвав кусок матерчатого пояса, он перевязал руку, задетую пулей у кисти. Боли он не чувствовал.

Из-за камней возле тугаев снова раздались выстрелы. Джура опрокинул собаку на бок за камень, шепнул: «Лежи!» — и в тот же момент пуля сорвала с него шапку.

«Хорошо стреляют!» — невольно отметил Джура. Он понимал, что его дело плохо: камень, за которым лежали Тэке и Джура, был небольшой и не закрывал полностью тела Джуры. Пули так и били вокруг. Но Джура даже ни на минуту не подумал, что можно прогнать Тэке, а самому хорошо спрятаться за камень.

Джура увидел, что слева из-за камня высунулась папаха. Джура быстро выстрелил. Папаха скрылась. Он нацелился в голову басмача за другим камнем, но снова промахнулся. Охотничий азарт овладел Джурой. «Не надо спешить», — сказал он себе и тщательно прицелился в басмача за самым отдаленным камнем. Винтовка басмача, лежавшая на камне, поднялась дулом вверх и так замерла.

Как только Джура видел, что в него направлена винтовка, он стрелял, чтобы предупредить выстрел и заставить врага укрыться. Это пока было единственное средство предохранить себя от меткого прицельного выстрела, так как камень не закрывал всего его тела. Но на это требовалось много патронов.

«Пять патронов осталось, только пять патронов!» — стараясь быть спокойным, мысленно отметил Джура. Сняв с груди пустую ленту из-под патронов, он обмотал шею Тэке и, показывая наверх, сказал: «К Чжао! Беги к Чжао!» Тэке послушно исчез, а Джура поднялся из-за камня, зашатался и снова упал за камень.

Басмачи перестали стрелять. Сверху, со скалы, раздались выстрелы. Два басмача выбежали из-за камней и побежали к тугаям. Третий упал, как только поднял-

ся. Примчался Тэке, и Джура снял с его шеи ленту с патронами.

Он снова положил винтовку на камень и выстрелил по бегущим. Один басмач упал. Выстрелами Джура заставил басмачей затаиться и перебежал дальше, за большой камень. Теперь пули были ему не страшны. Из-за выступа показался Чжао.

— Я думал, тебя убили! — крикнул он на ходу, подбегая к Джуре.

— Почему не стрелял? — сердито спросил Джура.

— А у меня кто-то винтовку немного попортил, наверно, Саид, — ответил Чжао.

— Ты слышишь выстрелы? — перебил Джура. — Наши попали в засаду. Бежим!

Джура хромал — разбил себе колено. Кругом раздавались выстрелы, взрывы гранат и вопли.

— Помогите, помогите! — донесся голос справа.

— Поспешим на выручку! — сказал Джура, порываясь вперед.

— Нельзя, сам видишь — впереди засада. Неизвестно, кто кричит о помощи.

Из-за выступа горы показался Саид.

— На помощь, на помощь! — закричал он.

Джура вскочил, а Чжао уцепился за него, стараясь удержать его за камнем.

— Они убьют тебя, они убьют тебя!

— Скорее сюда! — кричал Саид и махал рукой.

Басмачи стреляли по Саиду почти в упор, но пули в него не попадали.

Джура старался стряхнуть с себя Чжао, но Чжао повис на нем всей тяжестью своего тела. Тэке, весь дрожа от волнения, прыгал и смотрел на эту борьбу, не пытаясь вмешиваться. Джура упал. Они катались за камнями, а Чжао быстро-быстро говорил:

— Не надо, слушай, не надо. Убьют тебя, а Саида не убьют. Вот увидишь, не убьют. Я оставил наших джигитов за камнями. — Он слабо вскрикнул, потому что Джура, пытаясь освободиться, ударил его в грудь. Чжао, стараясь изо всех сил удержать Джуру, возбужденно шептал: — Видишь, Саид жив. Это ловушка.

— Вместе умрем, — сказал Джура.

— А если наши победили, то нас скоро освободят. Что толку, если ты умрешь? Ведь Тагай останется жить.

— Я убью тебя! Отпусти! — громко прошептал Джура и пришел в ярость от мысли, что маленький Чжао может удержать его, силача. Неужели он, Джура, бросит бойцов? Что случилось с Саидом, почему он стоит у скалы точно привязанный?

— Я бегу к тебе на помощь! — закричал Саид.

Этого позора Джура перенести не мог. Он сжал Чжао обеими руками, и тот, чувствуя, что сейчас у него будут сломаны ребра, слабеющими пальцами нащупал шею Джуры и надавил сонную артерию. Джура обмяк, и Чжао с трудом поднялся.

Тэке, прыгавший вокруг них, теперь лизал руку Джуры, с которой слезла повязка. Джура лежал неподвижно и что-то мычал. Саид подбежал и помог ему сесть.

Чжао, размахнувшись, изо всех сил ударил Саида по затылку.

Некоторое время Саид стонал и не в силах был вымолвить ни слова. Потом перевернулся на спину, и заговорил, грозя кулаком:

— Ты предатель, Чжао! Ты послал меня с бойцами на смерть! Вы попали в засаду, и отряд перебит. Почему вы не бежали на помощь? Я звал вас, я плакал от злости, вот, вот!.. — И Саид в отчаянии рвал на себе халат и рубаху. — Весь отряд погиб!

Гнев снова затопил мозг Джуры. Он чувствовал, что с гибелью отряда гибнет и его дело.

— На, Джура, смотри! — И Саид сорвал с головы Чжао шапку. — На, смотри! — шептал он и рвал подкладку, пока не вытащил из клочков шерсти какой-то крошечный узелок. — Это яд. Это он отравил воду, чтобы крепость сдалась... На, я доказал! — И он бросил узелок Джуре. — Я только вчера заметил у него яд. Он хотел отравить тебя, но ты ел из общего казана, и он боялся отравиться.

Чжао не испытывал страха. Что мог он в свое оправдание сказать Джуре, ослепленному гневом и яростью!

— Ловушка, — просто сказал Чжао, — ложь! Во всем виноват Саид, я докажу. Слушай же, Джура...

— Он погубил отряд. Стреляй же, стреляй в предателя! — визгливо закричал Саид и быстро выхватил револьвер у Джуры.

Грянул выстрел. Джура испуганно схватил Саида за руку. Со стороны тугаев засвистали пули. Чжао так и остался сидеть, прислонившись спиной к камню. Голова тихо склонилась на грудь, и он упал на бок.

Ветер слабо шевелил ветви колючих кустарников, и в зарослях кричали птицы.

— Ты хорошо сделал, Джура, что позволил мне пристрелить Чжао.

Джура посмотрел на Саида с такой яростью, что тот без слов отполз в сторону.

С горы, цепляясь руками, локтями и коленями, спускался Таг. Добравшись до подножия горы, Таг издали увидел Джуру и побежал к нему. Джура, потрясенный смертью Чжао, искал сочувствия и крепко заключил Тага в свои объятия.

— Где мои джигиты? Где разведчики? — спросил Джура.

Таг махнул рукой.

— Когда разведка спустилась вниз, тут на нас посыпались гранаты, — задыхаясь, говорил Таг. — Саид куда-то делся. Сразу двоих убило. Я поскользнулся и упал меж камней, а на меня — убитый конь. Он-то и спас меня, но придавил мне руку с винтовкой. В живых остались двое. Они сбили одного басмача и, отстреливаясь, отползли наверх, к нашим джигитам. Четверо басмачей убежали в тугаи. Тогда я тоже влез на гору, и Осман послал меня узнать, жив ли ты.

— Я был рядом, когда тебя придавило, — вставил Саид.

— Не видел, — возразил Таг.

— Я отстреливался, — настаивал Саид.

— Не слышал, — тихо сказал Таг и, заметив лежащего Чжао с запекшейся кровью на голове, спросил: — Что с Чжао?

— Молчи, молчи! — прошептал Джура и рассказал ему все, что случилось.

— Слушай, Джура, слушай, Таг, хорошо слушайте! — вмешался Саид. — Я тебе хотел раньше сказать, но ты не слушал, а теперь сам видишь. Это Чжао отра-

вил воду в крепости. Я сам все видел ночью. Вот яд, у него в шапке. Чего тебе еще?

— И ты не рассказал Козубаю? — быстро спросил Таг.

— Козубай был против меня. Когда я намекнул ему об этом, он запер меня в кибитку, а когда выпустил, я все время искал в одежде Чжао, думал найти яд. Не нашел. А вчера вижу — он что-то спрятал себе под шапку. Теперь ты сам увидел, что такое Чжао.

Таг оттащил Чжао под скалу. Чжао застонал. Таг незаметно для других перевязал ему рану и решил пока не говорить, что Чжао еще не умер.

IV

Поздно ночью, когда Саид, Таг и джигиты спали, а Джура сторожил их сон, неподвижно притаившись за камнями, его внимание привлекла чья-то тень.

Вначале Джура подумал, что это подбирается басмач, и решил пристрелить его. Но стрелять издалека да еще ночью — значит промахнуться, а подпускать очень близко было опасно. Джура решил подпустить врага на сто шагов.

Когда же Тэке шевельнулся и беззвучно оскалился, Джура понял, что это была бродячая собака. Отложив винтовку, Джура развязал пояс и достал оттуда кусок лепешки. Как ни было темно, он боялся приподняться над камнем, чтобы не подставить себя под пули. Лежа на спине, он швырнул собаке кусок лепешки и, приподнявшись на локте, стал наблюдать за собакой. Собака притаилась, но, почуяв запах хлеба, подбежала и мигом проглотила подачку. Следующий кусок Джура бросил ближе, а третий еще ближе.

— Что ты делаешь? — спросил Таг, проснувшись. — Ведь у нас нет еды, а ты кормишь чужую собаку. Лучше отдай Тэке!

— Молчи, — сказал Джура, — скоро все поймешь.

Когда пес был совсем рядом, Джура толкнул Тэке и прошептал ему на ухо:

— Киш, киш!..

Тэке в несколько прыжков очутился возле чужого пса. Тот метнулся было назад, но Тэке быстро опроки-

нул его на спину и грозно зарычал. Джура осторожно подполз к собаке и связал ей поясом лапы.

— Что же это будет? — спросил Таг удивленно.

— Открой банку консервов, — сказал Джура.

— Как? — возмутился Таг. — Неужели последнюю банку консервов мы тоже отдадим этому псу?

— Скорее!

Разбуженный шумом, подполз Саид.

— Скорее, скорее! — торопил Джура, показывая на консервную банку.

Саид безмолвно исполнил приказание. Голодный пес немедленно проглотил содержимое коробки.

Взяв освободившуюся банку, Джура привязал ее к короткому хвосту чужой собаки. Потом, не говоря ни слова, отрезал ножом конец пояса у Саида.

— Ты с ума сошел! — рассердился Саид. — Это шелковый пояс!

— Вот и хорошо, — ответил Джура. — Открывайте патроны, высыпайте порох.

— У нас мало патронов, зачем же портить! — запротестовал было Таг, но тем не менее повиновался.

— Довольно! — сказал Джура.

Он разделил порох на несколько частей и, завязав в отдельные узелочки, привязал их к хвосту собаки.

— Перед утром начнется ветер «таджик», — сказал Джура. — Утром все будут крепко спать. Мы подожжем порох и пустим собаку. Она сразу побежит в тугаи. Знаете, что такое искра для сухого камыша?

— Ты хочешь поджечь камыши, Джура? Ты хочешь выкурить их из тугаев, как диких свиней? Вот здорово придумано! А что мы будем делать? — Таг засмеялся.

— Ты, Таг, и ты, Саид, приготовьте винтовки. Как только камыши загорятся, басмачи побегут к реке. Вот тут-то меткий стрелок найдет себе дело.

— А если огонь на нас? Может быть, не надо? — спросил Саид.

— Помните: стрелять сначала по Тагаю и Кзицкому, а потом по остальным. Балбака надо взять живым.

— Ты такой же хитрый, как и я, — сказал Саид.

Рассвело. Подул западный ветер. Таг проверил, крепко ли привязаны мешочки с порохом к хвосту собаки, а Джура поджег их.

— А-а-а! — закричал Джура, ударяя пса камчой.

Тот, завыв от ужаса, помчался в туги; сзади, гремя о камни, ударяя по ногам, стучала привязанная жестянка.

Пес ворвался в сухие камыши. Они были густы, и много сухой трухи покрывало землю. Пес закружился на одном месте. Один из мешочков оторвался и догорал в куче сухого камыша. Испуганный огнем, пес помчался дальше.

Огонь, наполняя воздух треском, мчался на басмачей. Вдоль тугаев протянулась полоса дыма, скрывая врагов. Четыре человека, сидевшие близко за камышами, оказались отрезанными от своих Их фигуры чернели на фоне огненного моря.

— Стреляй!— закричал Джура и выстрелил в одного из них. В азарте он забыл о своем строгом приказе.

Таг выстрелил во второго.

— Сдаемся, сдаемся! — кричали остальные.

— Бросай оружие!

Оба басмача бросили винтовки и подняли руки вверх. И вдруг из огненной стены, пылая как факел, с пронзительным криком выскочил человек.

— Скорее срывайте с него халат! — крикнул Джура.

Басмачи отпрянули назад. Горящий человек кружился на одном месте, отмахиваясь от огня. Джура подбежал к нему и дернул за пояс — горящий пояс оборвался. Тогда он схватил халат и разорвал его. Перед ним, перепуганный, стонавший от ожогов, стоял тучный старик с опаленной черной бородой.

Он упал на колени и порывался целовать ноги Джуры.

— Не надо, — брезгливо сказал Джура, — не надо! Ты басмач?

— Ой, нет, ой, нет, я просто мулла!

Издали еще доносились выстрелы Тагая. Треск бушующего огненного урагана заглушал все, и приходилось кричать, чтобы что-нибудь расслышать. Видно было, как из дальних камышей на гору бегут звери, летят птицы.

Подбежал запыхавшийся Саид, и первые его слова были:

— Это дядя Тагая. Застрели его, и ты освободишься от своей клятвы. Ты мне много в тюрьме говорил о своей мести. Убей же его: его кровь — кровь Тагая, твоего кровного врага. Басмачи все равно кончились. Мы разогнали их. Убей, и этим ты выполнишь свой долг.

— Нет, Саид, ты ошибаешься. Зачем мне кровь старика? Пусть старик живет.

— Живет?.. Дядя Тагая пусть живет?.. Кровь Тагая, твоего кровного врага, пусть живет?

— Я не со стариком воюю, — угрюмо сказал Джура. — Поспешим в погоню, а то мы опоздаем! — торопил он, заряжая винтовку.

— Ты ли это, Джура? Гордый, славный Джура, ужас басмачей! Я не узнаю тебя: твое слово — не твое слово?

— Молчи! Пусть все дехкане знают, что я хозяин своего слова: Тагай умрет! Три года назад я застрелил бы дядю Тагая, а теперь... Уходи скорее, старик, пока жив!

Охая от боли и страха, старик побежал мелкой рысцой в горы.

— Стой! — закричал Джура.

Старик упал на колени.

— Скажи, карасакал [1], куда хотели бежать Тагай и Казиски? — спросил Джура.

— Все они, — прохрипел старик, — и Тагай, и Казиски, и имам Балбак, идут на реку Бартанг, к Сарезскому озеру.

— Имам Балбак? — переспросил Джура.

— Да, имам Балбак!

— Человек со стеклянным глазом в правой глазнице?

— Да.

— Одевайся, старик, сними халат с басмача. Поймай одного коня — вот они, возле горы, ваши кони, — и скачи домой.

Подошедший Таг недоуменно передернул плечами:

— Ты отпускаешь его, товарищ начальник?

— Пусть идет.

— Пусть идет, — безразличным тоном повторил Таг.

---

[1] Карасакал — чернобородый

— Безголовые! — пробормотал Саид, но так, чтобы его слышали, и, плюнув, пошел к утесу.

— Куда ты? — спросил Джура.

— Мне показалось, что кто-то стонет. Может быть, я только ранил изменника Чжао? Я пристрелю его.

— Не надо! — поспешно сказал Джура и поднял руку, как бы отгоняя видение. — Скорее в погоню!

— Таг, беги к джигитам, скажи: пусть садятся на лошадей, едут по хребту горы наперерез басмачам. Осман будет старшим.

Джура и Саид быстро пошли к реке, протекавшей около утеса.

Огненная стена была далеко впереди, и там, где прошел огонь, лежали кучи углей и пепла.

— Видишь, — сказал Джура, — слева, впереди них, река и отвесная скала. Значит, они побегут только по реке вправо. Мы перережем им дорогу. Через реку им не пройти без лошадей, а лошади убежали... Скорее, скорее!..

Джура сидел в засаде за камнями уже продолжительное время и ждал басмачей, думая, что они пройдут по берегу реки на запад. Время шло, а их все не было. Джура решил осмотреться.

Оставив Саида внизу, он влез на склон скалы. Ветер гнал огонь на восток. Треск и шум пожара доносились даже сюда. Дым застилал скалы на востоке. Возле реки никого не было. На противоположном берегу какой-то человек карабкался в гору, опираясь на винтовку. «Кто это мог перебраться на ту сторону? — подумал Джура. — Эх, далеко, стрелять нельзя — не попадешь». Ему хотелось действовать, а вместо этого приходилось сидеть и ждать.

Огонь бурным потоком стремился на восток, но ветер уже менялся — дым относило в сторону, и скоро стало видно, как догорает камыш в узкой части долины.

Речная долина шириной до тысячи шагов тянулась возле реки. Слева к ней подходили горы. Джура рассмотрел, что по далекому открытому склону карабкаются несколько человек. Конечно, басмачи. До них не менее двух тысяч шагов. Джура застонал от огорчения, топнул ногой и вытер лицо ладонью. Но где же остальные?

Рычание Тэке, стоявшего рядом, заставило Джуру

посмотреть туда, куда смотрел Тэке Внизу, неподалеку от Саида, в волнах реки, то появлялось, то исчезало тело.

— Не Тагай ли? Неужели он? Киш, киш! — не своим голосом закричал Джура и, рискуя сорваться, побежал вниз.

Тэке заметался по берегу. Сильные руки Джуры подняли его и швырнули в реку. Пес погрузился с головой, но в следующее мгновение уже несся вниз по реке. Джура побежал по берегу следом, Саид мчался за ним. Вскоре оба отстали. Пробежав около полукилометра и повернув за выступ, они увидели на берегу отряхивающегося Тэке, а рядом труп.

— Нет, — сказал Джура, — не он. Кто же это?..

— Не Тагай, — заметил Саид, касаясь пальцем головы трупа.

— Проклятый день! — сказал Джура. — Всё неудачи и неудачи.

— Отдохнуть бы... Давай сядем здесь, — сказал Саид. — Здесь песок, мягко.

На скале, с которой недавно смотрел Джура, показался Таг. Он размахивал шапкой, надетой на винтовку. Рядом с ним был еще кто-то.

— Поспешим, — сказал Джура.

Саид неохотно пошел вслед за ним. Вскоре они были возле скалы. Таг показывал винтовкой на человека в черном халате, сидевшего на камне.

— Поймал! Чуть меня в пропасть не сбросил. Злой!

Басмач смотрел исподлобья и сердито что-то шептал

— Ты знаешь, кто я? — спросил Джура.

Басмач отрицательно качнул головой.

— Я Джура. Может быть, слыхал?

Басмач быстро встал с камня и испуганно посмотрел на него, запахивая халат.

— Будешь говорить? — спросил Джура, хлопая ладонью по винтовке.

— Все скажу, — мрачно ответил басмач.

— Где остальные?

— Некоторые убиты, часть утонула в реке. Имам Балбак звал нас с собой на реку Бартанг, к Сарезскому озеру.

— Имам Балбак? — переспросил Джура.

— Имам Балбак! — ответил басмач и продолжал: — Лошади разбежались, испугавшись огня. Почти никто не умел плавать, а надувной мех для переправы был только один.

— Имам — это человек со стеклянным глазом в правой глазнице?

— Этот, — буркнул басмач. — Имам переплыл, а остальные разве могли переплыть?

— А Тагай? — спросил Саид.

— А Кзицкий? — спросил Таг.

— Вот! — И басмач показал вдаль, где между горой и рекой догорал камыш.

По крутой скале карабкались несколько человек. Отсюда они казались совсем крошечными.

Джура направил бинокль на скалу. Впереди, хватаясь за выступы скалы, лез Тагай. По-видимому опасаясь погони, он часто с опаской оглядывался. За ним полз Кзицкий с револьвером в руке, а позади следовали несколько басмачей.

Вот он, Тагай, — тот, за которым Джура охотился так долго, тот, который доставил ему столько горя, позора и страданий! Джура перевел бинокль вправо, за реку, и вскоре увидел одинокого путника.

Джура узнал его. Это был именно тот человек, которого он встретил неподалеку от убитого Садыка. Балбак уходил на юг. Тот самый имам Балбак, о котором Козубай сказал: «Когда бы и где бы ты ни встретил, захвати его. Ты сделаешь доброе дело для меня, для себя и для всего киргизского народа».

Таг быстро схватил винтовку и, поставив прицел на «1200», начал стрелять по Тагаю.

— Не надо, — сказал Джура резко, — я сам!

Пули поднимали облачка пыли вокруг Тагая, но он оставался неуязвим.

Джура положил винтовку и долго смотрел в бинокль. Тагай взмахнул правой рукой раз, другой...

«Это он делает знаки басмачам», — догадался Джура.

Тотчас же Тагай исчез за выступом. Басмачи последовали за ним.

Джура был вне себя: вот здесь, перед ним, был его заклятый враг, и он, Джура, ничего не мог сделать!

Стоявший рядом с Джурой басмач украдкой взглянул на реку и, решив, что ему терять нечего, прыгнул в воду. Джура обернулся на плеск воды и увидел в реке басмача — его несло вниз по течению. Таг вскинул винтовку и выстрелил. Басмач скрылся под водой. Через несколько секунд на поверхность всплыл его труп. Тэке помчался к берегу, не слушая зова Джуры.

— Что делать? Имам Балбак далеко. Если я не попал в Тагая, то в этого и вовсе не попасть. Если же теперь его упустить, то только мы имама и видели, — сказал Джура.

— А зачем имам нам нужен? — сказал Саид. — Ну и пусть идет в неизвестные и недоступные снежные горы, ему же хуже будет. Пошли за Тагаем! Что такое Балбак? Пустой человек. Не будем терять время. Идем за Тагаем! Смотри: там, на горе, Тагай, там Кзицкий, там басмаческая казна. Что тебе еще надо? Драные ичиги Балбака? Или твои слова о мести — это дым из навозной кучи.

Джура молчал.

— Подожди, Джура, — продолжал Саид. — Мы вместе сидели в тюрьме, вместе страдали...

— Молчи! — закричал Джура. — Чжао тоже сидел вместе с нами, а вот!..

— А твоя клятва?.. Я ничего не понимаю! Зачем тебе имам? Кровь Тагая была в твоих руках, а ты его выпустил и, вместо того чтобы догонять вместе с джигитами, стреляешь в него за версту, портишь патроны.

— Тагай, Тагай! С Тагаем у меня вражда на всю жизнь! И пусть он страшится меня. Я иду за Балбаком — это необходимо для спокойствия всего народа, а вы отправляйтесь за Тагаем и следите, куда он пойдет. А встретите пограничников, красных аскеров, направьте по его следу... Эй, Таг, друг, приведи мне коня получше!

— Джура, возьми меня с собой, — сказал Саид.

— Зачем? — презрительно спросил Джура.

— Слушай, Джура, я знаю одну тайну. Это очень важная и очень страшная тайна.

— Говори!

— Идем вон туда, под кусты, на песок. Там тень, а я устал.

Джура молча спустился за ним к реке и сел на горячий песок. Саид сел рядом.

— Да, Джура, ты мой друг. Моя радость — твоя радость. Думал ли ты, что Чжао предатель?

— Не говори мне о нем, — глухо вымолвил Джура.

— Когда летит орел, за ним следуют коршуны. Так и я, Джура, возле тебя. Орел возьмет много, а коршунам кое-что останется. Что мне досталось от тебя, Джура? Насмешки, недоверие Козубая? Ты помнишь, как ты ударил меня нагайкой по лицу? За что?

— Мне странно тебя слушать. Чего ты хочешь? Разве друзья не ссорятся?

— Чем ты одарил меня за мою верную дружбу? Ничем.

— Разве дружба стоит денег? Что с тобой, Саид? Лучше говори: какая у тебя тайна? — спросил Джура. — Или это просто так, бабья болтовня, как всегда?

— Как всегда?

— Ты мой друг, Саид, мой лучший друг, — тихо сказал Джура, стараясь укрепить свою веру в друга и рассеять накапливающееся против него недоверие.

— Конечно, это так, Джура. Посмотри на небо. Видишь, там парят два орла? Так и мы с тобой.

Джура поднял лицо и посмотрел на небо: высоко над лугом, широко раскинув крылья, парили орлы.

Нечеловеческий крик раздался рядом. Джура вскочил. Саид прыгал на одном месте, нелепо размахивая руками.

«Рехнулся», — подумал Джура и хотел схватить Саида за плечи, но в ужасе отшатнулся. Под ногами Саида в предсмертных судорогах извивалась змея, страшная кобра, укус которой смертелен. Джура выхватил нож и перерубил кобру пополам.

Саид в неистовстве хватал камни и бросал их на кобру, пока груда камней не похоронила под собой останки ядовитой твари. Но и этого Саиду показалось мало. Взбешенный до потери рассудка, он вскочил на камни и топтал их ногами, выкрикивая ругательства. Жгучая боль в правой руке отрезвила его. На большом пальце виднелись две капли крови.

— Разрежь, разрежь скорее! — охрипшим от волнения голосом закричал Саид и протянул руку Джуре.

Джура без колебания поднял нож, прижал палец Саида к камню и рассек его ножом. Хлынула кровь. Саид посерел: боль была нестерпимая.

Джура верил, что сочившаяся кровь очистит рану от яда. Кровь падала на горячий песок, пенилась и свертывалась.

Через минуту Джура крепко перетянул Саиду руку выше локтя и только после этого перевязал ему палец. Повязка сразу окрасилась кровью. Саид со стоном упал на песок и скорчился.

— Я умер, я умер! — кричал он. — Но и тебе, Джура, не жить!

Саид порывался схватить винтовку, но Джура наступил на нее ногой. Саид здоровой рукой выхватил револьвер, но Джура ударил по руке Саида, и револьвер отлетел в сторону. Джура думал, что Саид сошел с ума, и не сердился на него. Но вдруг услышал шепот Саида.

— Я ненавижу тебя, ненавижу! — быстро говорил Саид, как будто боясь, что не успеет сказать всего. — Я скажу тебе слово... и оно будет всю жизнь сосать твое сердце. Чжао не виноват. Это ты позволил мне убить Чжао из твоего револьвера. Ты сам этого хотел!

— Ты мне назло это говоришь! — закричал Джура.

— Нет, клянусь, я не вру!.. Я все, все скажу тебе... Я продал тебя, Джура. Я хотел сейчас засыпать тебе глаза песком, отрезать твою голову и продать ее Тагаю... Не смотри на меня так, закрой глаза... Я и Тэке боялся. Ох, я умер, умер!

— Говори! — бросился к нему Джура и сжал горло Саиду, но потом опомнился. — Нет, ты так не умрешь! — гневно сказал он, подбежал к реке, зачерпнул в шапку воды и дал напиться Саиду. — Ты должен жить, так просто я не дам тебе умереть! — Он схватил укушенный змеей палец Саида и стал высасывать кровь. — Ты врал о Чжао? Врал?.. Скажи мне, что врал! — просил Джура. — Ведь у него в шапке был яд?

— Нет, нет, — прошептал Саид. — Это я выпустил Тагая... отравил воду, завел отряд в засаду. Я вложил яд в шапку Чжао, а ты, щенок, ты поверил. Я все время предупреждал басмачей об опасности и уводил вас в сторону от них... Я тебя ненавижу!.. Ты молод, и тебя

все уважают. Я много прожил, и никто не говорит обо мне хорошо. Для меня вся жизнь в золоте... У тебя его нет, а ты счастлив. Я тебя ненавижу, мальчишка! Я умру, а ты будешь жить.

— Мы, мы... будем судить тебя, ядовитая собака! — отрывисто говорил Джура. — Ты не умрешь так просто!

Губы Джуры были в крови, он все еще высасывал кровь из пальца Саида и выплевывал ее, не замечая, что тот умолк.

Только когда подбежавший Тэке ткнул его носом в бок, он оглянулся и увидел, что Саид уже мертв.

Что скажет Козубай, когда узнает обо всем, и что Джура может сказать в свое оправдание? Гордый Джура страдал. И в эти тяжелые минуты он вспомнил мудрые слова Козубая о жизни, о долге, о борьбе.

Джура теперь окончательно убедился, что нельзя думать только о себе и верить только своим ощущениям. Есть люди, которые понимают гораздо больше, чем он, потому что они учились. Они смотрят на жизнь гораздо шире, потому что думают сразу о пользе многих. В эти несколько мгновений Джура вспомнил все свои ошибки и свои заблуждения. Он дал себе клятву теперь заботиться и о других людях, подавляя собственные желания, или стремиться делать так, чтобы желания его совпадали с желаниями других людей.

Таг подвел к Джуре коня, но конь храпел и пятился.

— Что с ним? — спросил Таг, кивая на труп Саида. — Я слышал выстрелы и думал — беда.

— Подох, — хрипло ответил Джура. — Подох, как собака!.. Слушай меня, Таг, хорошо слушай! Ты много видел и слышал, так знай же: Саид предатель, сам перед смертью все сказал. Это он выпустил Тагая, отравил воду в крепости. Это он нас завел в засаду, хотел продать мою голову. Это он, чтобы было легче справиться со мной, застрелил Чжао. А теперь смотри: змея укусила змею. Это меня спасло. Все расскажи Козубаю.

— Я знал, я чувствовал, что Саид не наш. Он — как лисица, он... — скороговоркой начал Таг, но повелительный жест Джуры заставил его замолчать.

Джура быстро зашагал туда, где лежал Чжао. Если и были сомнения у Джуры, жив ли Чжао, то теперь, посмотрев на неподвижного Чжао, он уже не сомневался.

И застонал Джура. Он не знал, какую муку себе придумать, чтобы искупить ошибку. Но мог ли он стоять в нерешительности, когда враги с каждым мгновением отдалялись?

— Исполни мою просьбу, Таг: возьми Чжао на коня и отвези в крепость. Пусть Козубай речь говорит, пусть мимо несут флаги, пусть все джигиты добротряда и пограничники стреляют вверх... Пусть его похоронят как героя... — Джура помолчал. — Козубаю скажи: поехал Джура за Балбаком и привезет его живым или мертвым. А если я не вернусь, пусть меня Козубай не ругает. Он был мне как отец, и ему последнее мое слово. Догонишь джигитов, скажи Осману, пусть гонится за басмачами... Прощай!

Джура снял с Саида сумку с патронами и повесил через плечо. Взял кусок вяленого мяса из сумки и завернул в пояс. Затем он вскочил на коня и свистнул.

У берега реки конь испуганно попятился. Джура снова направил его в реку. Таг видел, как Джура исчез в волнах, а спустя некоторое время вылез на другой берег без коня, но с винтовкой. Таг заплакал, несколько раз горестно вздохнул и тихо побрел на гору.

V

Напрямик через высочайшие горы и вечные снега, где никогда не ступала еще нога человека, по Крыше Мира шел Джура, чтобы перерезать путь имаму Балбаку.

Ветры продували изорванный коричневый халат из грубой верблюжьей шерсти, подшитый ватой, и такие же штаны, леденя тело сквозь прорехи. Порванные ичиги, обмотанные сыромятной шкурой, смерзлись, как камень, и жали ноги. Баранья мохнатая шапка, надвинутая на глаза, с пучком волос, срезанных у Тэке, защищала глаза от солнца. Мороз обжигал сквозь вырез в халате обнаженную грудь.

Ровно год назад Джура преследовал в горах Чиря и Безносого. Теперь опять он гонится за басмачами. Но тогда его направляла ненависть к своим мучителям и любовь к Зейнеб, а сейчас он гонится за человеком, которого видел мельком, гонится потому, что так нужно

для блага народа. Уже не личное чувство, а долг направляет его по следам врага, и он, Джура, будет преследовать его во что бы то ни стало. Он сделал много ошибок, но он загладит их и станет настоящим членом рода большевиков...

Джура голодал. Будь у него патроны, он мог бы пристрелить архара или киика, но Джура давно обнаружил, что у него остался только один патрон в винтовке. Сумку с патронами сорвало водой при переправе.

Только один патрон! Но разве надо на имама Балбака больше одного патрона при хорошем выстреле? А хороший выстрел можно сделать только из засады. И Джура шел по следам Балбака не по ущельям, а лез через горы, напрямик, надеясь опередить Балбака.

Джура знал, в какой стороне течет река Бартанг, он много слышал о ней от Козубая. Юрий говорил и о ней, и о Сарезском озере. Но Джура хорошо знал коварство гор и поэтому беспокоился, чтобы горы не запутали его и ему не пришлось из-за Тэке выбирать путь полегче, а значит, подлиннее.

Все чаще Джура доставал единственный патрон и так подолгу смотрел на него, что мог на память сказать, где какие царапины. Медная гильза была тусклого цвета, и вокруг пистона виднелся тусклый ободок ржавчины. На привалах, пока Тэке отдыхал, Джура полой халата чистил патрон. Кончиком ножа он снимал ржавчину, потом бережно обернул его в тряпочку и сначала завернул в пояс, а затем спрятал патрон за пазуху.

Поднимаясь с винтовкой за плечами с горы на гору, он часто засовывал руку за вырез халата и ощупывал патрон.

Наконец, после нескольких дней пути, Джура достиг подножия той большой горы, к которой стремился, и, не теряя времени на отдых, стал карабкаться вверх.

Дыхание ледников обморозило скулы Джуры, и они почернели. Глаза лихорадочно блестели. Только страшным усилием воли он передвигал истощенное, измученное тело. Болели кости, ныли мускулы, ему казалось, что скрипят суставы.

Мысль о патроне не давала Джуре покоя, и он решил нести его в руке. Шел он совсем медленно.

В онемевшей от холода руке было трудно ощущать

патрон. Джура часто останавливался, задыхаясь от волнения, быстро разматывал тряпку и с радостью смотрел на патрон, тускло блестевший на солнце. Он тер патрон рукавом, дышал на него и не мог насмотреться. Снова заматывал его в тряпку, сжимал в руке и лез на гору.

Пусть он, нарушивший обычай, думал Джура, будет опозорен в глазах всего кишлака, всех джигитов, всех людей, но он выполнит обещание, данное Козубаю, и тогда ляжет и заснет. Тогда ему будет все равно.

Вершина была совсем близко, и Джура шел, но все еще не был наверху. Каждый шаг давался с трудом.

Он опять проверил и протер патрон.

Все выше поднимался Джура. Он был почти у вершины. Все тот же безжизненный покров льда и снега слепил глаза, а синие выступы скал давали им отдых. Тишина. Тишина до звона в ушах...

Вдруг Джура остановился и испуганно попятился. Он смотрел и не верил своим глазам: выступы гор внезапно покрылись дрожащими огнями. Огонь полыхал на камнях. Это было невероятно, но Джура явственно видел, как пламя вытягивалось ввысь, словно огромные цветы, и вдруг уменьшалось. Кругом появились пучки пламени. Вот слева — синий, справа — зеленый, прямо — красный, а сзади — фиолетовый. Их десятки, сотни. Они разгораются. На скалах уже полыхают целые костры. И вдруг шум в ушах исчез. Джура быстро поднял голову, прислушался и явственно услышал тонкий, пронзительный звон. Нежный, чарующий переливчатый свист зарождался в каскадах сине-зеленого пламени и рос, потрясая сознание Джуры. Ни одного дуновения ветра, но огни метались из стороны в сторону, вытягиваясь в бесконечное множество трепетавших нитей.

Завороженный, Джура стоял неподвижно и вдруг увидел свою ногу далеко-далеко внизу, и ему показалось, что он растет в беспредельность. Огромная тень человека заняла полнеба. Опершись о винтовку, она неподвижно смотрела на Джуру.

«Кто ты?» — хотел крикнуть Джура и поднял руку. Тень тоже подняла руку.

А музыка дрожала и переливалась, не замолкая ни на секунду. Звуки, подобно лавине, несли Джуру куда-то вверх, вниз...

Потрясенный, Джура тихо опустился на снег. Ему хотелось вечно слышать эту дивную музыку. Сделалось легко и приятно. Казалось, он кружится в огненном хороводе. Джура лег в снег, устало вытянув ноги.

И вдруг ему показалось, что кто-то дергает его за рукав. Страшным усилием воли он заставил открыть глаза. Огни растаяли в снегу, а звуки рассыпались эхом, как будто их и не было. До Джуры донеслось рычание Тэке.

Он открыл глаза. Кругом — безжизненные снега, молчаливые скалы. Он почти у вершины и почему-то лежит в снегу. Джура медленно поднялся и вдруг увидел свою пустую руку.

Патрон! Он потерял единственный патрон!..

И Джура бросился на четвереньках искать в рыхлом снегу патрон.

— Ищи, ищи! — говорил он Тэке, будучи сам уже не в силах обмороженными руками разгребать сыпучий снег.

И Тэке рыл снег до тех пор, пока не поднял морду с зажатой в зубах тряпкой. Джура поцеловал Тэке в морду и крепко прижал его к груди.

Как ни старался Джура опередить имама Балбака, чтобы встретить его в засаде, все же он увидел его белую чалму впереди. Это было утром, совсем недалеко от Сарезского озера.

Балбак не оглядывался. Он спешил и поэтому не заметил на склоне горы преследовавшего его человека. Джура быстро развернул тряпку, зарядил винтовку и стоя прицелился. Руки и ноги его дрожали.

«Один патрон! А что, если я промахнусь?» Джура опустил винтовку и задумался. Имам, не оборачиваясь, быстро уходил по ущелью. Джура не знал, где именно озеро, но прямо перед ним был узел гор, и там не могло быть озера. Значит, имаму надо обогнуть гору вокруг по извилистому ущелью, а путь через горы должен быть короче.

И Джура опять быстро пошел на гору. Удары сердца отдавались в горле, и глаза застилал туман. Губы запеклись, и он тяжело дышал.

«Неужели уйдет? — думал Джура. — Неужели со-

единится с другими басмачами у озера?..» Эта мысль подстегивала его и гнала вперед.

Перевалив гору, Джура побежал вниз по склону и снова увидел имама. Он опять был впереди, но уже значительно ближе. Джура поднял винтовку, прицелился. От быстрого бега по горам грудь его тяжело вздымалась, и он никак не мог точно прицелиться. Мысль, что Балбак с каждым мгновением уходит все дальше, волновала его и приводила в неистовство. Джура сел на камень, чтобы успокоиться.

Измученный пес лежал возле него, положив голову на вытянутые лапы.

— Тэке, Тэке!..

Пес вскочил. Джура показал ему на Балбака и начал его науськивать. Тэке побежал так, как бегают на Памире охотничьи собаки, — не вслед за зверем, а в сторону, с тем чтобы обогнать зверя и погнать обратно на охотника. Тэке свернул в камни налево и помчался на гору, в сторону от имама.

Джура провожал его взглядом. Когда пес исчез в камнях, он положил винтовку на камень.

И, все еще не доверяя себе, он вынул из ствола патрон, осмотрел его, протер рукавом и снова вложил в ствол.

Дальше по ущелью, за поворотом, виднелся каменный завал. Джура решил, что за завалом, по-видимому, были люди имама. Джура тщательно прицелился и вдруг весь вспотел, вспомнив, что не перевел хомутик прицельной рамки. Он отер рукавом пот, прикинул глазом расстояние и поставил прицел на «400». Мушка коснулась ног имама. Он казался совсем крошечным. Джура тихо потянул спуск, потянул медленно, чтобы не сделать рывка. Выстрел прозвучал для него неожиданно. Джура так и застыл с винтовкой у плеча, не спуская глаз с имама.

Фигурка остановилась, как будто удивившись выстрелу, потом быстро пошла за камни, с каждым шагом все сильнее прихрамывая.

— Уйдет, уйдет! — прошептал Джура и, сжимая в руке винтовку, побежал за имамом.

Балбак заметил его и, остановившись, выстрелил.

И вдруг из-за камней наперерез имаму выскочил Тэке, бросился на него и сбил с ног.

Когда Джура подбежал, Балбак лежал на спине, отбиваясь от Тэке. Пес пытался зубами дотянуться до горла Балбака. В стороне валялся маузер.

— Стой, Тэке! Стой! Назад! — закричал Джура, задыхаясь от быстрого бега.

Но Тэке не слушался и кусал мелькавшие перед его глазами руки...

VI

Наступил вечер, и на небе высыпали звезды.

Джура с полураскрытыми глазами, оцепенев от усталости, спал в снегу. Тэке беспокойно толкал хозяина мордой в бок, и все же тот не просыпался. Тэке, слегка повизгивая от нетерпения, схватил зубами конец халата и потащил, но Джура и тут не проснулся.

И только после того как Тэке, предварительно несколько раз лизнув руку, сжал ее зубами, Джура застонал и почувствовал резь в глазах.

Он хотел перевернуться на бок, но Тэке ткнул его носом в щеку, и тут только Джура понял, что верный пес предупреждает его о приближении людей.

Джура попробовал поднять онемевшее тело и упал. В нескольких шагах от него были люди.

Джура не удивился. Еще недавно он видел во сне красных коней, и умерший аксакал молча сидел возле его костра. Джура сказал тихо и просто, сказал так, как будто они только вчера расстались и ничего не случилось:

— Это ты, Максимов?

Боец, шедший впереди, остановился и быстро вскинул винтовку к плечу.

— Кто ты? — спросил Максимов, подходя.

— Я Джура. Или ты не узнаешь меня?

— Джура! Вот чертов сын, откуда ты? Да как ты попал сюда?

— Я хочу спать, — сказал Джура, ложась на бок.

— Шалишь! — закричал Максимов. — Да как ты-то здесь? Я мчался с отрядом напрямик, коней позагоняли, а ты уже здесь! — Максимов потряс Джуру за плечо. — Подожди, не спи. Как ты здесь очутился?

— Через горы, — ответил Джура. — Там горят камни и играет музыка.

— Бредит, — сказал кто-то из бойцов.

— Почему он черный, товарищ начальник? — спросил другой, не понимавший по-киргизски.

— Станешь негром! Он был на большой высоте и очень устал, вот и почернел, — ответил третий.

Джура открыл глаза и медленно заговорил:

— Тагай ушел на восток, и я думаю, что он прячется в горах Биллянд-Киика. Он — моя судьба и мой стыд. Месяцами я думал о нем, страдал из-за него — и вот он ушел туда, а я здесь! — И Джура горестно махнул рукой. Он был слишком утомлен, чтобы скрывать свои чувства и сдерживаться.

— Да зачем ты здесь? — опять спросил Максимов, не переставая трясти заснувшего Джуру.

Тэке рычал. Джура опять проснулся.

— Так я же обещал им поймать одного басмача, забыл, как его зовут, — сонным голосом ответил он.

— Поймал?

— Там, возле камня... — Джуре показалась, что он кивнул головой, но голова его упала на грудь, и он опять заснул.

Максимов поднялся, обошел камни и почти сразу наткнулся на пленника. Руки и ноги у него были связаны, а одна нога забинтована. Максимов вынул электрический фонарик и осветил лицо лежащего.

— Балбак, имам Балбак! — радостно и громко закричал он.

Примчался Тэке, стараясь отогнать бойцов от человека, вверенного ему для охраны. Сбежавшиеся бойцы толпились вокруг Балбака.

— Проснись же, проснись! — говорил Максимов. — Ты поймал самого имама Балбака! Ведь и мы за ним скакали. Ты спас тысячи людей. Понимаешь, поймал самого Балбака! Черного Имама! А мы захватили его друзей. Да проснись же, Джура!

— Дай мне заснуть! — крикнул Джура, сердито отталкивая Максимова.

Максимов вместе с бойцами перенес Джуру и Балбака к завалу у Сарезского озера, где уже стояли палатки отряда.

Пока боец разрезал ичиги на распухших ногах Джуры, чтобы растереть ему ноги спиртом, другой мазал вазелином его руки, а третий подкладывал Джуре под голову свою шинель.

Верный Тэке метался от палатки, где лежал Джура, к палатке, куда поместили имама, свирепо лая на бойцов. Но пес не кусался, понимая, что это друзья его хозяина.

Восходящее солнце озолотило края белых облаков, притаившихся над Сарезским озером, и сквозь туман выступили синие воды огромного озера. А Джура спал.

«КАК БЫ ДОЛГО НИ БЕГАЛА ЛИСИЦА, ВСЕ РАВНО ОНА ПОПАДЕТ К ОХОТНИКУ»

I

Нельзя сказать, что Муса вбежал — он ворвался ночью в юрту к Зейнеб. Она сидела у костра и обшивала золотыми и серебряными пластинками ножны для большого ножа. Как ни внезапно было появление Мусы, еще быстрее Зейнеб спрятала шитье за спину, не желая, чтобы он догадался, для кого предназначается ее рукоделие.

Муса ничего не заметил. Он сел возле Зейнеб на кошму и положил ей руку на плечо.

— Скажи, Зейнеб... — начал он заискивающе. Мгновение — и его рука была сброшена. Муса увидел злые глаза Зейнеб. — Дура! — обиженно сказал он; и следа не осталось от его сладкого голоса. — Если так, говори прямо: можно верить Кучаку в больших делах или нет? Я его еще мало знаю, а тут такое дело...

— Кучаку? Конечно! Как себе, — быстро ответила Зейнеб. — Он только привирает иногда, ты сам знаешь. А ты что же, хотел у меня выпытывать хитростью? Что такое?

— Прискакал мой джигит, тот, который поехал вместе с Кучаком в охотничью пещеру на Биллянд-Киике, и рассказал, что Кучак возвратился с Сауксая не один. И что же ты думаешь?..

— Да говори же! — не выдержала Зейнеб.

— Не Джура, нет, — сердито сказал Муса, — а в полудневном переходе отсюда Кучак пьянствует вместе с Кзицким. Они целуются и клянутся в вечной дружбе.

— В вечной дружбе? — переспросила Зейнеб.

— Нам надо поспешить. Абдулло-Джон еще не вернулся из операции.

— Ага... Так. Хорошо. Едем же скорее! И Кучак пожалеет о том, что он родился.

Уже перед утром Кучак, пьяный от выпитого за ночь спирта, с трудом держась на ногах, уговаривал Кзицкого, садившегося на коня, выпить за лошадей.

Он тянул Кзицкого за полу халата и наконец стащил на землю.

— Ну что же, выпьем в третий раз за лошадей! — сказал Кзицкий, пьяный не меньше Кучака.

— Выпьем! — сказал с восторгом Кучак. — Выпьем! — и вылил остатки спирта в пиалу.

Удар камчой ожег ему плечо. Кучак изумленно оглянулся. Второй удар заставил его закричать от боли и выпустить бутылку. Сзади стояла Зейнеб. Кучак рассвирепел, вырвал камчу из рук Зейнеб и начал хлестать вокруг... Лошади прыгали и, сдерживаемые всадниками, становились на дыбы.

— Бандит, изменник! — кричал Муса Кзицкому, потрясая револьвером.

Тот стоял у костра и, скрестив руки на груди, стараясь быть спокойным, смотрел на Мусу.

— Не сметь, не сметь! — бормотал Кучак, отталкивая кулаком морду коня, на котором сидел Муса.

— И ты бандит! Я вас обоих застрелю, одной пулей! — крикнула Зейнеб и сорвала с плеча карабин.

Муса удержал ее.

— Вы умрете, оба умрете, — кричала Зейнеб, — потому что ты, Кучак, хотел отпустить врага и предателя и ел и пил с ним! Ты тоже враг!

— Я? — удивленно спросил Кучак. — Я враг? — И вдруг, спохватившись, закричал: — Подождите, не вяжите Кзицкого, он друг, друг! Вы ничего не понимаете, вы сейчас поймете!

Шатаясь, он подошел к коню Кзицкого и так резко сдернул с седла курджум, что конь пошатнулся.

— Вот, — сказал Кучак, подтаскивая курджум к костру. — Смотрите все, смотрите! Все поймете, все поймете, — бормотал он.

Схватив курджум, Кучак начал его трясти. Из курджума выпал окровавленный узел. Сопя, Кучак дрожащими руками начал разматывать тряпки. Из узла выпала голова. Она глухо стукнулась о землю, покатилась к костру и остановилась. Зейнеб вскрикнула: из-под полузакрытых век на нее смотрел Тагай.

Кони храпели и пятились от костра.

— Вот враг, это был враг! — сказал Кучак, показывая пальцем на голову. — Он, — и Кучак кивнул на Кзицкого, — убил его и везет голову, чтобы показать большому начальнику. Ну, что, враг он? — И Кучак, утомленный всем происшедшим, сел у костра.

Все молчали.

— Дайте воды, — попросил Кучак.

Кто-то из бойцов подал ему бурдюк с водой. Кучак пил, вздыхал и снова пил.

— Куда ты теперь? — спросила Зейнеб у Кзицкого.

Кзицкий передернул плечами:

— Я был врагом басмачей, всегда был, но они силой держали меня у себя. А теперь я разделался. Мой главный враг, Тагай, мертв. Я собственноручно застрелил его, а этим ножом, — он показал нож, — отрезал ему голову и теперь везу в город, чтобы доказать, как я предан Советской власти. А там пусть решают.

— Ага! — торжествующе сказал Кучак.

— Пусть везет! — раздались голоса вокруг.

— Поезжай, — сказала Зейнеб.

— Нехорошо головы резать, наши этого не любят! — сказал кто-то из бойцов.

— А вы поверили бы мне без этого? А? Поверили бы? — вызывающе спросил Кзицкий. Он старательно завернул голову в тряпки и спрятал в курджум.

— Ну что? — спросил Кучак. — «Враг! Враг!»

— А где басмаческие винтовки? — спросил Муса, молчавший все это время.

— Там остались, можно потом взять. — Кзицкий махнул рукой в сторону Сауксая.

Кзицкий уже вдевал ногу в стремена, когда Муса сказал:

— Я ошибался. Ты большой человек, ты герой, тебя наградят, и все дороги откроются перед тобой. Я сам и со мной еще два бойца — мы проводим тебя с почетом в город. Много кишлаков по дороге, там все дехкане злы на басмачей, там многие знают тебя: поедешь один — не спасет тебя и голова Тагая. Я провожу тебя и буду охранять.

— Не беспокойся, я поеду один, — поняв хитрость Мусы, сухо сказал Кзицкий.

— Он поедет в Каратегин, — прошептал Кучак, упершись лбом в круп коня, чтобы не упасть.

— Вот и хорошо, я покажу тебе прямой путь.

— Не утруждай себя, я не могу принять этой жертвы, — сказал Кзицкий.

— Я рад быть тебе полезным, — возразил Муса. — Поедем вместе.

На улицу южного города въехали четыре человека. Прохожие останавливались и с удивлением смотрели на приезжих, одетых в меха. Солнце пекло, мухи жужжали, пыль висела в воздухе. А тепло одетые путники на хороших, но измученных лошадях ехали по самому солнцепеку. Милиционер с недоверием и тревогой посмотрел на их винтовки и потрогал кобуру. Приезжие остановились у дома, окруженного оградой. Муса прошел за ограду и вскоре возвратился с военным.

— Воды просил напиться, а сам хотел уехать, — говорил один боец, показывая на Кзицкого.

Муса молча показал на входные двери. Кзицкий с курджумом в руке вошел в дом.

— Начальника товарища Максимова нет, но его заместитель в кабинете. Я доложил. Пройдите, — сообщил Кзицкому военный и задержал Мусу у дверей кабинета.

Кзицкий вошел не сразу. Остановившись на пороге, он нерешительно посмотрел в полутьму: тяжелые гардины закрывали окна.

— Движимый раскаянием и полный сознания своей вредной деятельности, стремясь искупить... — начал Кзицкий заученную по дороге речь, но, узнав сидящего за столом, внезапно осекся.

— Пой, ласточка, пой! — сказал Козубай по-русски

и потом добавил по-киргизски: — Как бы долго ни бегала лисица, все равно она попадет к охотнику.

Кзицкий выронил курджум, и голова Тагая глухо стукнулась об пол.

II

Спустя несколько дней в город примчался Кучак. Он погонял пегую кобылу камчой и каблуками, а когда она бежала рысью, смешно подскакивал в седле, махая растопыренными локтями и испуганно оглядываясь во все стороны. Встречный автомобиль перепугал пегую кобылу, и она умчала Кучака за город.

Несколько раз Кучак пытался въехать в город, но перепуганное животное то поворачивало назад, то, пугая прохожих, проносилось бешеным галопом по улицам через весь город. Но наконец он оказался в кабинете с опущенными шторами. Там он сел на ковер, поджав под себя ноги. Кучак быстро-быстро говорил, волнуясь и глотая слова. Он даже не притронулся к предложенной ему пиале с ароматным кок-чаем. Против него сидел за столом Козубай. Время от времени он кивал головой и что-то записывал.

— И когда я утром проспался, — рассказывал Кучак, — я подумал: «Эй, Кучак, поезжай за басмаческими винтовками к пещере на Биллянд-Киике, за теми винтовками, о которых говорил Кзицкий. Нехорошо бросать оружие. Джура узнает — рассердится». И я поехал. Взял я себе хорошего белого коня, такого большого, такого высокого, что, стоя на земле, до луки седла еле дотянешься...

— Говори только самое главное, — прервал его рассказ Козубай.

Кучак подумал, вздохнул и сказал:

— Хорошо. Так знай: Кзицкий — очень опасный враг и все врал. Мне врал, джигитам добротряда врал, и, если он будет говорить что-нибудь тебе, не верь: все ложь. Он ржаволицый, а ржаволицего пристыдить нельзя. Понимаешь, он пил со мной водку, целовался, клялся. И вот... все мне Рыжебородый рассказал. Когда я подъехал к пещере и собаки залаяли, я немного испугался, потом слез с коня и пошел с винтовкой к пещере.

Слышу, кто-то в глубине ее ворочается. «Кто там? — кричу. — Выходи!» А он стонет...

— Кто стонет?

— Вот я тоже так подумал: «Кто это, думаю, стонет?» Прямо с порога пещеры я один раз выстрелил вверх, в потолок. Напугать решил. «Кто тут? — кричу.— Все выходи! Нас много, и вы окружены. А то бомбы бросать будем». Собаки лают, я их камчой, камчой, а он мне: «Воды... пить... умираю». Сначала решил, что это хитрость, а потом по голосу понял, что человек кончается. Пришел в пещеру, а там лежит басмач Рыжебородый и умирает. Я ему принес воды. Он мне говорит: «Ты, Кучак, великий человек!»

— Пой, ласточка, пой, — смеясь, перебил его Козубай. — Скажи толком, что ты хотел рассказать?

— Ну, слушай...

И Кучак рассказал о том, что узнал от Рыжебородого.

Он рассказал, что Тагай после стычки с Джурой повернул на восток и там встретил пограничников. Он бежал от них опять в горы, но бойцы шли за ним по пятам. Уже около Биллянд-Киика басмачи напоролись на вооруженный отряд «краснопалочников» и людей из отряда Зейнеб. Тагай повернул на юг и опять попал на засаду пограничников. Он потерял всех людей и сам, раненный, с помощью Кзицкого и Рыжебородого ночью скрылся в камнях. Кзицкий перевязал ему рану, ухаживал за ним, но Тагай умер. Кзицкий отрезал ему голову и спрятал в курджум. «С этой головой, — сказал он Рыжебородому, — мы пройдем через все заставы, все нас пропустят». Они пошли дальше. Но возле Сауксая, недалеко от пещеры, Рыжебородого ранили.

— Кзицкий втащил Рыжебородого в пещеру, — торопясь, заканчивал Кучак свой рассказ, — видит — рана серьезная, идти он не может. И, боясь, что Рыжебородый все расскажет, Кзицкий сам в него выстрелил два раза и думал, что тот умер. Оказалось, что нет. Все это мне рассказал Рыжебородый, умирая. А я встретил Кзицкого на берегу Сауксая и поверил ему...

— Знаю, знаю, — перебил его Козубай. — Все знаю. Спасибо, Кучак, ты верный человек. Ничего не соврал. Я все это сам уже знаю.

— Кзицкий сказал? — удивленно спросил Кучак.

— И Кзицкий. Эх, Кучак, многого ты и сам не знаешь!

— Не сердись на меня, товарищ командир-начальник, — поспешно сказал Кучак, — за то, что я делил хлеб-соль с врагом, не сердись на меня за халат, что я тогда у караванщика... Вот... — И он, присев на корточки, поспешно начал разматывать сверток, лежавший на полу. Развязав два платка, он вынул серебряную шкатулку, украшенную камнями, и подал ее Козубаю.

— Что это? — спросил Козубай, взяв ее в руки и поставив на стол.

— В позапрошлом году мы с Джурой нашли ее в щели ледника, что на Биллянд-Киике. Это долго рассказывать, товарищ начальник, и я тебе расскажу, когда захочешь. Возьми ее и не сердись на меня.

Козубай раскрыл шкатулку и увидел, что она обита бархатом и в ней лежат рукописи, свернутые рулоном.

Козубай осторожно развернул пергамент и увидел затейливые заглавные буквы и большие восковые печати красного и зеленого цвета.

— Латинский шрифт, — прошептал он тихо и, обращаясь к Кучаку, добавил: — Я принимаю твой подарок, но не для себя, а для того, чтобы послать ученым людям. Пусть разберутся. Там, в Москве, прочтут, там все знают.

— Ну, если ты не сердишься на меня, — сказал Кучак, — я вечером спою тебе и расскажу много интересных историй. А что мне сказать в кишлаке о Кзицком? А то мне Зейнеб не дает жить.

— О Кзицком ты не беспокойся, он у нас, и ему еще придется о многом рассказать. Басмачи не сами по себе, у них есть хозяин. Как ты думаешь, имам Балбак кто? Узбек, киргиз?

— Киргиз, — уверенно сказал Кучак.

— Нет, — ответил Козубай, — он не узбек и не киргиз, он из далекой страны за большой водой. Он англичанин, преемник Черного Имама, наместник Ага-хана в Синьцзяне, и у нас он главный курбаши сарыкольских басмачей, налетавших на наши кишлаки. Я получил радостную весть от Максимова: Джура поймал этого «имама» возле Сарезского озера. Это был очень опас-

ный враг. Он хотел взорвать каменный завал на озере и затопить кишлаки и посевы, потопить мужчин, женщин, детей. Там же войсками захвачено много басмачей.

Услышав такую новость, Кучак прижал палец к губам.

— Ты вообще мастер рассказывать. Вот расскажи в кишлаке, как работают басмачи на своих хозяев. В тысяча девятьсот шестнадцатом году Черный Имам, предшественник Балбака в Кашгарии, приказал затопить всю Чуйскую долину, спустив озеро Иссык-Куль... Уже копали. Не успели. Враг на все способен...

— Я очень хорошо знаю, что такое басмач, что такое враг, — перебил его Кучак.

— Как бы долго ни бегала лисица, — сказал Козубай, — она все равно попадет к охотнику. Ну, погости у меня, Кучак, тебе спешить некуда. Ты мастер рассказывать и петь. Вот сегодня вечером и покажешь, на что ты способен. Теперь тебе пора сменить винтовку на дутар. Песня и рассказ иногда метче пули. Ты думаешь, я забыл, как ты агитировал в банде Шарафа, а потом среди басмачей Кзицкого? Ты очень помог тогда, мы этого не забудем.

Кучак очень пожалел, что этих слов, сказанных Козубаем, не слышали его друзья.

III

Утро разгоралось радостное и молодое.

Воздух был тягуч и прозрачен. Белоснежные шапки гор ярко вырисовывались на фоне темно-голубого неба. То здесь, то там виднелись группы киików и архаров. Они спокойно паслись на альпийских лугах.

Улары, ходившие возле животных, вытянули шею и засвистели. Ветер донес запах человека.

Животные неторопливо пошли цепочкой по карнизу горы.

Одинокий всадник показался из-за угла, а впереди него бежал черный пес. Всадник и пес спустились в ущелье, с трудом взобрались на перевал. И чем ближе подъезжал путник к цели путешествия, кишлаку Мин-Архар, тем все больше торопил коня.

Иногда Джура — это был он — по привычке притрагивался к кобуре или прикладу винтовки, висевшей за спиной. Но ничто не нарушало горного безмолвия. Раньше ему попадались красноармейцы, которые строго требовали предъявления документов. Здесь же не было видно людей. Кругом высились горы.

Джура смотрел на горы так, как будто видел их впервые. А ведь они не изменились. Все те же горы, все те же ручьи и небо. Только он, Джура, совсем-совсем другой! Давно ли он был глупым и самодовольным мальчишкой, поражавшимся мудрости аксакала и верившим в арвахов и прочих духов, населявших эти горы!.. Чего только не делает жизнь!

То, что он пережил за эти три года, пробудило в нем много нового. То, что казалось важным, потеряло в его глазах свою ценность. Как он хотел иметь винтовку — чуть Ивашко и Мусу из-за этого не прикончил. Иметь винтовку хорошо, но разве это предел желаний? Иметь быстрого коня хорошо, но разве в этом цель жизни?

Из-за любви к Зейнеб бросился он в погоню за басмачами, но разве только эта любовь удесятеряла его силы последние месяцы? Нет, не только она.

Раньше он слушался аксакала. Тот запрещал ему уходить далеко в горы, пугая гневом арвахов. Но он ушел, и множество путей открылось перед ним. И эти пути открыли перед ним коммунисты — Максимов и Козубай. Они сделали из него настоящего советского человека. И куда он теперь ни пойдет, рука партии направит его, молодого члена комсомола, по правильному пути.

Ветер шелестел по траве, и ковыли склоняли перед путешественником седые головы.

Невеселые думы заставляли Джуру сдерживать бег коня.

Что он скажет членам своего рода о Тагае? Пусть убили врага, но ведь не он, Джура. Они не поймут его и будут смеяться.

Значит, придется поссориться. Стоило ли ехать, чтобы ссориться!

Зейнеб?.. Но почти три года прошло. Может быть, она уже замужем. Говорят, что она была джигитом. Но мало ли что говорят!

Кучак? Разве будет певец Манаса защищать Джуру? Нет, не поймут его в кишлаке. Но главное, что смерть Чжао ложится на него черным пятном. Проклятый Саид! Предатель оказался прав: мысль о Чжао, как змея, сосала его сердце.

Вдали показались знакомые горы. Вскоре Джура через каменный завал у обвалившейся горы пробрался в широкий сай, над которым стоял кишлак.

Но не радость, а беспокойство было сейчас на душе у Джуры. Сердце его усиленно билось. Тэке умчался вперед, и Джура вслед за собакой пустил уставшего Вороного в галоп.

Вот уже виднеются вдали горячие источники. Вот и карниз, по которому можно взобраться наверх.

Джура соскочил с жеребца, решив оставить его внизу, потому что карниз возле отвесной скалы был узок и крут. Джура вслед за Тэке стал осторожно карабкаться по карнизу; за ними пошел жеребец.

Взобравшись наверх, Джура увидел кибитки. Жалкие, низкие, сбившиеся вместе, они не встретили странника приветливым дымом очагов.

— Ого-го-го! — крикнул Джура, и эхо повторило его крик в горах.

Но никто не вышел навстречу. Ветер донес трупный запах.

«Неужели все погибли?» — подумал Джура и пошел вперед.

В разрытых волками и лисицами, плохо засыпанных могилах белели черепа. Джура поспешил к кибиткам — никого. Быстро обошел одну за другой. Везде было пусто. Электрический фонарик в руке Джуры осветил кучи золы, паутину в углах, зияющие дыры в стенах. В кибитке аксакала Джура увидел большую сову, сидевшую в углу. Сова, ослепленная светом, моргала глазами и не улетала. Это было единственное живое существо во всем кишлаке.

Джура, растерянный, вышел из кибитки. Что случилось здесь? Где люди? Тэке прыгал, визжал, куда-то убегал и снова прибегал. Джура свистнул. Вороной послушно пошел за ним по тропинке к Сауксаю. Джура



Навстречу Джуре выбежала Зейнеб.

знал неподалеку хорошее пастбище, на котором решил заночевать.

Погрузившись в воспоминания, он незаметно подошел к пастбищу.

Внезапно Тэке, бежавший впереди, остановился и тихо зарычал.

Этого было достаточно, чтобы винтовка мгновенно очутилась в руках Джуры и курок был переведен на боевой взвод.

Из-за камня вверху выскочил кто-то с винтовкой и с криком: «Джура, Джура!» — помчался к нему. Тэке бросился навстречу, и Джура не знал, друг это или враг. Вряд ли враг бежал бы так открыто. Но, может быть, это хитрость?

Джура всматривался в лицо бежавшего.

— Таг! Это ты, Таг? — И Джура радостно бросился навстречу, отзывая Тэке.

— Джура, Джура! — радостно кричал Таг, бросаясь в его объятия.

Внезапно Джура оттолкнул от себя Тага.

— Зачем ты обманул меня? Я был в крепости и узнал, что ты не выполнил моего приказания! Почему ты не привез тогда тело Чжао в крепость к Козубаю, чтобы его хоронили так, как хоронят джигитов? Я ведь просил тебя! Я верил тебе! Последнюю почесть я хотел оказать другу, а ты... ты...

— Стой! — закричал Таг. — Да, я не привез тело Чжао к Козубаю. — И уже с лукавой усмешкой, подражая Джуре, добавил: — Драться нельзя, надо разобраться в деле, а потом судить.

— И буду судить, и узнаешь! — гневно сказал Джура. Этого он простить не мог.

— Слушай, Джура, я сейчас очень рассердился на тебя за то, что ты чуть ли не хотел ударить меня, и решил было пошутить, но знаю, этим не шутят. Чжао жив!

— Чжао жив?

— Да, жив!

— Где же он?

— В кишлаке.

— В каком?

— В Мин-Архаре.

— Кишлак пуст, и там гнездятся совы.

— О, ты ничего не знаешь! Уже построили новый кишлак Мин-Архар, в другом месте. Очень хорошее место. Близко. Едем скорее, а то, видишь, по тропинке в кишлак поскакал мой друг. Он слышал, как я закричал «Джура», вот и поехал известить всех.

Таг отбежал в сторону за своим конем, и вскоре оба всадника галопом поскакали по узкой дорожке над обрывом. Но не успели они подняться на гору, куда вела тропинка, как наверху показались люди, и навстречу Джуре выбежала Зейнеб. Ее побледневшее лицо, устремленное вверх, говорило о перенесенных мучениях и томительном ожидании.

— Джура! — только и сказала она, но в этом слове были и надежда, и восторг встречи, и любовь.

— Джура! — донесся с вершины горы крик Кучака.

— Джура!! — закричала толпа.

— А-а-а! — понеслось по горам.

— Стойте, не надо! — крикнул Джура и поднял руку. — Не надо! — прошептал он, нежно отстраняя Зейнеб, и соскочил с коня.

Зейнеб, стыдясь открыто проявлять свои чувства, стояла, прижав руки к груди.

— Я сделал очень большую ошибку, — громко и твердо сказал Джура, — я виноват перед Чжао. Я поверил предателю и чуть не лишился друга. Я иду просить Чжао, пусть он простит меня... Я не просто пойду. Эй, Таг, гони меня к Чжао, бей меня камчой, бей!

Толпа стихла. Таг растерялся: бить при всех Джуру, гордость всего кишлака?.. Хотя бы даже он был виноват, на него не подымалась рука.

— Бей же меня, бей! — настойчиво повторял Джура, заметив в толпе Чжао с перевязанной головой.

Это было выше понимания Тага, и все же Таг сердцем понял все величие момента, когда Джура, искупая вину, заставлял себя бить.

Таг поднял камчу и несколько раз хлестнул Джуру по плечам. Джура шел вверх, сняв шапку. Толпа затихла: ее молчание было красноречивее слов. И снова хлестнул Таг.

— Разве так бьют? Разве камча у тебя? — свирепо спросил Джура. — Разве шутки шучу?.. — И, вырвав камчу из рук Тага, он отбросил ее в сторону. Размах-

нувшись своей камчой, хлестнул Тага и сказал: — Так бьют. Бери камчу!

Таг невольно ахнул и крепко сжал в руке камчу.

— Бей! — приказал Джура и снова пошел вперед.

А Таг ехал сбоку и хлестал Джуру, подымая плеть и изо всей силы опуская ее на Джуру. Вслед за ними, тихо шла бледная Зейнеб и вела в поводу Вороного.

Никогда еще Чжао так не волновался. Ему, мужественному, закаленному человеку, хотелось и смеяться и плакать. Только Джура с его прямотой и честностью мог так поступить. Он публично искупал свою вину, и Чжао понимал, как страдает гордый Джура.

— Ну, вот и я... Ну, вот... Ошибался... Простишь? — спросил Джура.

Толпа затаила дыхание, восхищенно глядя на происходящее.

— Друг! — только и произнес Чжао. Протянув руки к Джуре, он прижал его к груди.

Кучак больше не мог сдерживать свое ликование.

— Вот какие друзья! — закричал он толпе.

В его жестах и голосе было столько радости, что хватило бы на весь мир. Друзья откинулись назад и посмотрели друг другу в глаза.

— Я не споткнусь дважды об один и тот же камень, — тихо сказал Джура.

— Ты, Джура, много передумал, это отражается в твоих глазах, — сказал Кучак.

— Я много страдал, — ответил Джура.

— Это правда: одиночество, да еще в чужой стране, и голод хуже всего, — подтвердил Кучак.

— Не голод, а заблуждения сильнее всего мучат человека, — возразил Джура. — Один верный спутник дороже тысячи неверных. В самые тяжелые дни дружба Чжао меня поддерживала, — тихо сказал Джура. — А где мать моя? — спросил Джура, оглядывая толпу.

— Айше убита в бою, — тихо ответила Зейнеб.

Толпа молча расступилась, открывая Джуре путь к могиле, приютившейся на склоне горы.

— О храбрая, умершая, как мужчина, с винтовкой в руках!.. — начал Кучак и запнулся, сожалея о том, что у него нет в руках дутара. — Она храбро сражалась за счастье встретиться с тобой, Джура, но басмаческая

пуля сразила ее. Зато ты жив, Джура. Ты знаменитый, ты великий, ты...

— Я не люблю бабьей болтовни! — строго оборвал его Джура.

— Не говори так! — горестно воскликнул Кучак. — Раньше я вплетал в скорбный ветер звуки моих песен, и эхо умирало в горах, а сейчас сам Козубай... — И Кучак замолчал, выискивая что-то в складках пояса. — Вот, — сказал он и протянул Джуре небольшую вещицу.

— Что это?

Кучак приосанился:

— Сам Козубай подарил мне эту ручку с золотым пером. Эта ручка на всю жизнь. За Казиски. А ты говоришь «бабья болтовня»! И кому же? Манасчи Кучаку! Пойдем, пойдем со мной, я докажу тебе, что значит «бабья болтовня»! — Кучак схватил Джуру за рукав и потащил наверх.

Джура шел, окруженный толпой.

Отовсюду неслись приветствия:

— Здравствуй, Джура!

— Долго живи, Джура!

— Как доехал, Джура?

— Здравствуй, Джура! — сказал Муса, на ходу пожимая ему руку. — Я здесь со своим отрядом горы прочесываю, последних басмачей ищу. И Юрий здесь, в горах, камни добывает. За ним я уже послал! Абдулло-Джон, «краснопалочник», ушел с отрядом домой.

В горной долине, возле ручья, виднелись кибитки. На склонах гор паслись овцы, козы, яки.

Лошади у коновязей, встревоженные необычным оживлением, ржали.

— Почему здесь теперь так много людей? — спросил Джура удивленно.

— Мы соединились с другим кишлаком, — задыхаясь от счастья, сказала Зейнеб. — Он оказался по ту сторону горы. У нас будет колхоз. Советская власть построила нам новые дома.

— Пробный посев ячменя, — сказал Кучак, заметив, что Джура старается отгадать, что желтеет вдали.

— Наши коровы! — подсказал другой, заметив взгляд Джуры, брошенный на животных.

— Потом, потом! — закричал Муса и повел Джуру в дом.

Большая комната наполнилась людьми. Кучак усадил Джуру на ковер, подложил подушки, сел рядом и взял в руки дутар.

— Что ты делаешь! Накорми, а потом пой! — рассердился Чжао.

— Правильно! — поддержал его Муса.

— Эй, Биби, Биби! — позвал Кучак. — Свари плов для гостя.

— Как, — удивился Джура, — ты позволяешь женщине варить плов? Ты?

— У меня теперь более важные дела, — гордо сказал Кучак и не спеша развернул перед Джурой газету. Со страницы газеты на Джуру смотрело строгое и самодовольное лицо Кучака. — Это я, — сказал Кучак, — я, манасчи Кучак. А здесь, ниже, написано о том, как я помог поймать Кзицкого...

Кучак приготовился рассказывать. Тогда Биби, не выдержав трескотни Кучака, сказала ему по-русски:

— Пой, ласточка, пой!

Все засмеялись. Кучак рассердился, потому что эти слова он сам сюда привез, а теперь все его дразнят.

— Пей! Ты батыр! — сказал Муса, подавая Джуре большую деревянную чашку с кумысом.

— Пей, батыр, кизил-аскер! — закричали все присутствующие.

Джура взял от Мусы пиалу и обвел всех глазами.

— За хорошую жизнь пью, за вас пью, киргизы, за то, чтобы вы все стали достойными членами великого рода большевиков, — сказал Джура и выпил пиалу до дна.

Кучак ударил по струнам.

Зейнеб сидела на ковре с отсутствующим взглядом и словно прислушивалась к чему-то, что звучало издалека.

Стоило Джуре повернуть к ней голову, она обращала к нему глаза, светившиеся таким счастьем, какого он до сих пор не встречал в глазах у других людей.

Люди безмолвствовали, и только клекот горных орлов да шум далекого водопада врывались в песню.

А Кучак пел:

Песня звонкая летала,
Песня чудная носилась
Высоко над облаками.

Путешествуя по миру,
Песнь устала и спустилась
Ночевать в кишлак памирский.

Много, множество киргизов
Собирались к дивной гостье
Слушать сказки, песни, джиры...

Много тысяч каим, улен
И историй сохранили
И запомнили киргизы.

А из дальних летних стойбищ
Поздно ночью приезжали
И узбеки и казахи,

Но всего не услыхали.
Лишь концы прекрасных звуков
Увезли они с собою.

Песнь киргизов полюбила,
Песнь киргизов навещает
На Тянь-Шане, на Памире.

На джейлау изумрудных,
Где кумыс течет рекою,
Где играют на дутарах,
Где дымится жирный плов.

Слушайте меня, Кучака!
Я спою вам о минувшем —
То, о чем шумит ковыль,

То, о чем звенит нам ветер
В черепах врагов убитых,
То, о чем гремят нам реки

В неприступных дебрях гор,
То, о чем козлу седому
По утрам свистит улар.

Я спою вам о прошедшем:
Как в горах Биллянд-Кника
Басмачи нас окружили,

Били, мучили огнем,
Как Джура зажегся гневом,
Поклялся им мстить до смерти.

Был Балбак, богатый, хитрый,
Был Тагай — басмач опасный,
Был Казиски, был Шараф.

Кишлаки тогда пылали,
Трупы землю устилали,
Кровь текла вместо воды.

Где они? На бранном поле.
Их уж нет, мы на джейлау
Плов едим и пьем кумыс.

Снова солнышко нам светит,
И гроза умчалась вдаль.
Жить я начинаю снова,

Сердце радость обрело.
Буду славить я Джуру,
Буду петь о нем я песни.

И о мудром Козубае
Я сложу огромный джир.

Пусть все знают о Максиме:
Провести он может черта!
Слушайте ж меня, Кучака!
Слово, стань мечом моим!



ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Томан. Несколько слов об авторе «Джуры» . 5
Вместо предисловия 8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Затерянный кишлак 9
Тайна Хамида 23
На Крыше Мира — у подножия смерти 90
Нежданные гости 109
Плохи дела на Биллянд-Кинке 130
Чертов Гроб 156

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Джез-тырмак 172
Человек то тверже камня, то нежнее розы . . . 193
Многое может случиться, пока настанет день . . 206
Джаду — чародейство 217
Оторопевшая утка и хвостом ныряет 222

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Джура встречает друзей 282
Маркан-Су — пустыня смерчей 313
Северная дорога Небесных гор 359
Битва у могилы 370
В сердце каждого человека сидит настороже лев 380
Старуха Курляуш действует 409

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Казюки 429
Где бы ни бродил ты, небо всюду будет для тебя темного цвета, и только на родной земле откроются для тебя вновь голубые дали . . . 449
Если родине угрожает опасность, забудь обо всем и защищай ее 501
Женщины с гор 530

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Лес не бывает без зверей 565
«Как бы долго ни бегала лисица, все равно она попадет к охотнику» 597

Тушкан Георгий Павлович

ДЖУРА

Ответственный редактор *Н. М. Беркова*
Художественный редактор *К. С Пушкова*
Технический редактор *В. К Егорова*
Корректоры *Э. Л Лофенфельд* и *В К Мирингоф*

Сдано в набор 18/II 1966 г Подписано к печати 8/VII 1966 г Формат 84×108¹/₃₂ — 19,25 печ. л 32,34 усл. печ л (32,37 уч.-изд л) Тираж 300 000 (1—150 000) экз Цена 1 р. 22 коп., бум. № 1

Издательство «Детская литература»
Москва, М. Черкасский пер., 1

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Гатчинская, 26.
Зак. 279

Пр.2918

